

ПСИХОЛОГИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

*К 25-летию Дальневосточного института
психологии и психоанализа*

**ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

PSYCHOLOGY OF THE UNCONSCIOUS

*To the 25th anniversary of the Far Eastern Institute
of Psychology and Psychoanalysis*

***DIGITAL TECHNOLOGIES
IN EDUCATION***

Vol. XIX, Issue 4, 2022

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

**Том XIX
Выпуск 4, 2022**

Хабаровск, 2022

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Federal State Budgetary
Educational Institution

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

of Higher Education
«Far Eastern State
Transport University»

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

**Vol. XIX
Issue 4, 2022**

Khabarovsk, 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиргумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **Е.Л. Лысенкова**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловцевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
Ю.А. Тюрина, д-р социол. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;
Ж.В. Петрунина, д-р ист. наук, проф.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф.; **Ю.А. Тюрина**, д-р социол. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

В.В. Халиман (web-мастер); **Е.В. Листопадова**, канд. социол. наук (технический секретарь);
М.А. Никитина, канд. филол. наук, доц. (переводчик)

*В соответствии с распоряжением ВАК РФ от 28 декабря 2018 г. № 90-р
научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке»
включен в «Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки»
по следующим отраслям научного знания и научным специальностям:*

- 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки);
10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки);
5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки);
5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2. История философии (философские науки);
5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер
и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-77529 от 25 декабря 2019 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

EDITORIAL BOARD

Philosophy

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Executive Editor (Philosophy), Editor-in-chief

Andrei P. Zabiako, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Tomás Mariano Calvo-Martinez, PhD (Spain)

Rudolf L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Boris V. Markov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Ivan B. Mikirtumov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor

Sergei V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Philology

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor, Executive Editor (Philology)

Uldanai M. Bakhtikireyeva, Doctor of Science (Philology), Professor

Elena L. Lysenkova, Doctor of Science (Philology), Professor

Nobuyuki Honna, PhD (Japan)

Elena A. Pervushina, Doctor of Science (Philology), Professor

Raymond Hickey, PhD (Germany)

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Science (Philology), Professor

Psychology

Klarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Executive Editor (Psychology)

Larisa G. Dikaya, Doctor of Science (Psychology), Professor

Anatoliy N. Zankovsky, Doctor of Science (Psychology), Professor

Nataliya A. Kravtsova, Doctor of Science (Psychology), Professor

Laura Rogers, PhD (USA)

Martin Koschorke, PhD (Germany)

Tamara Kh. Nevstrueva, Doctor of Science (Psychology), Professor

Problems of the Far East

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor,

Executive Editor (Problems of the Far East), Deputy Editor

Mikhail A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor

Nikolai E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor

Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor (Executive Secretary)

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

Sergei V. Filonov, Doctor of Science (History), Professor

Zh.V. Petrunina, Doctor of Science (History), Professor

MANAGING EDITORS

Klarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor;

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

EDITORIAL STAFF

V.V. Haliman (Web Designer); **E.V. Listopadova**, Candidate of Science (Sociology) (Technical Secretary);

M.A. Nikitina, Candidate of Science (Philology), Associate Professor (Translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Far Eastern State Transportation University»

Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number and date of the registration decision:

Series PI № FS77-77529 of December 25, 2019

Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

Phone/fax: (4212) 40-71-93; E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.	10
-------------------	----

ПСИХОЛОГИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

<i>Решетников М.М.</i> Современные тенденции развития психоанализа (Петербургская школа)	13
<i>Воробьева К.И., Бадерко А.В.</i> Религия как коллективное бессознательное.....	23
<i>Романчук С.В.</i> Макросоциальная динамика текущего кризиса с позиции бессознательного	28
<i>Любичкая О.А.</i> Мифологические архетипы как основа национального самосознания русского народа	38
<i>Анчукова Н.И., Ницпан К.О.</i> Сознательные и бессознательные процессы внутриличностного конфликта как психологические механизмы формирования жизненной позиции личности	49
<i>Кирсанова Л.И., Коротина О.А.</i> Чего хотят картинки сновидения?	55

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

<i>Терехова Т.А., Трофимова Е.Л.</i> Психоаналитическая репрезентация социально-психологического портрета предпринимателя малого бизнеса	61
<i>Ясман В.П.</i> Геометро-динамическая образность в структуре многоязычия психической деятельности	66
<i>Григорьева Н.Г., Дрюцкая С.М.</i> Неявные знания и их влияние на формирование профессиональных династий.....	75
<i>Гаевская Л.Г.</i> Чувство когерентности как показатель жизненной удовлетворенности личности	80
<i>Кедрярова Е.А., Светлакова Н.И., Монжиевская В.В., Уварова М.Ю., Чернецкая Н.И.</i> Психологические особенности ранних детских воспоминаний у взрослых с разным уровнем агрессивности	86
<i>Ярославцева И.В., Шахова И.С., Горюнова А.А.</i> Переоценка смысло-жизненных ориентаций как детерминанта посттравматического роста женщин – жертв семейного насилия	93
<i>Синицына Л.В., Синицын А.А.</i> Бессознательное как ресурс повышения эффективности в спортивной деятельности.....	100

КЛИНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

<i>Воробьева К.И., Лукьянова Е.Л.</i> Психологическая защита как ресурс адаптивного поведения у русских студентов в Лондоне во время пандемии 2020 года	104
<i>Леженина А.А.</i> Возрастной аспект представлений о психотерапии в современном российском обществе.....	111
<i>Бекер Д.Л.</i> Смерть, красота и тело: размышления о расстройствах пищевого поведения	117

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

<i>Зубцов Д.С.</i> Феномен катарсиса в психологии киноискусства: диагностика переживания	125
<i>Нестеренко Т.И., Трутнева И.В.</i> Психология пограничной личности (на примере героев короткометражного фильма «Бумеранг»).....	135
<i>Дерябина А.С., Пономаренко Ю.С.</i> Психология нарциссической личности (на примере художественного фильма «Москва слезам не верит»)	143
<i>Нестеренко Т.И., Белая О.А.</i> Психоанализ деструктивности (на примере повести В. Вересаева «Без дороги»).....	150
<i>Воробьева И.А.</i> Экзистенциальный смысл концепта «тоска» в русской языковой картине мира	158

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Тюрина Ю.А.</i> Воспитание и работа с молодежью в дистанционном формате: особенности реализации в высшей школе	167
<i>Тулупьева Т.В., Лихтин А.А.</i> Возможности применения цифровых образовательных технологий в процессе обучения государственных гражданских служащих.....	173
<i>Пинчуков П.С., Макашёва С.И.</i> Опыт реализации российско-китайской совместной программы подготовки студентов из Китайской Народной Республики по направлению «Электроэнергетика и электротехника».....	180
<i>Ахмыловская Л.А.</i> Перевод и анализ драматургического текста в образовательном процессе творческого вуза	185
<i>Разумовская М.И.</i> Цифровизация экономического образования: ресурсы и инструменты	192
<i>Григорьева Н.Г., Екименко М.В.</i> Проявление субъектности руководителями структурных подразделений Дальневосточной железной дороги	197
<i>Гулевский К.Е., Костров Д.М., Данилова Е.В., Фалеева Е.В.</i> Использование виртуальных интерактивных сред для реализации образовательного процесса	203
<i>Филянина И.М.</i> Опыт применения новых моделей обучения на основе использования современных цифровых технологий (на примере преподавания юридических дисциплин)	208
<i>Соколов А.В., Соколова И.А.</i> Личный бренд преподавателя вуза	214
<i>Злобина О.Г., Никитина М.А.</i> Цифровое повествование как эффективная образовательная технология обучения проектной деятельности студентов технических вузов	220

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Анисимов А.Л.</i> Роберт Хьюсон Прайн – американский министр-резидент в Японии (1862–1865)	228
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ	237
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ (2022).....	238

CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	10
------------------	----

PSYCHOLOGY OF THE UNCONSCIOUS

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE UNCONSCIOUS

<i>Reshetnikov M.M.</i> Modern Trends in Psychoanalysis (Saint Petersburg School)	13
<i>Vorobyova K.I., Baderko A.V.</i> Religion as Collective Unconscious.....	23
<i>Romanchuk S.V.</i> Macrosocial Dynamics of the Current Crisis From the Perspective of the Unconscious	28
<i>Lubitskaya O.A.</i> Mythological Archetypes as the Basis of the National Identity of the Russian People	38
<i>Anchukova N.I., Nitspan K.O.</i> Conscious and Unconscious Processes of Intrapersonal Conflict as Psychological Mechanisms For the Formation of Person's Life Position	49
<i>Kirsanova L.I., Korotina O.A.</i> What Do Dream Pictures Want?.....	55

APPLIED RESEARCH INTO THE UNCONSCIOUS

<i>Terekhova T.A., Trofimova E.L.</i> Psychoanalytic Representation of the Sociopsychological Portrait of a Small Business Entrepreneur	61
<i>Yassman V.P.</i> Geometric-Dynamic Imagery in the Structure of Multilingualism of Mental Activity	66
<i>Grigoryeva N.G., Dryutskaya S.M.</i> Implicit Knowledge and Its Impact on the Formation of Professional Dynasties	75
<i>Gaevskaja L.G.</i> Sense of Coherence as an Indicator of Personal Life Satisfaction.....	80
<i>Kedyarova EA., Svetlakova NI., Monzhievskaya VV., Uvarova MYu., Chernetskaya N.I.</i> Psychological Features of Early Childhood Memories of Adults With Different Level of Aggression.....	86
<i>Yaroslavtseva I.V., Shakhova I.S., Goryunova A.A.</i> Reassessment of Meaningful Life Orientations as a Determinant OF Post-Traumatic Growth of Female Victims of Family Violence.....	93
<i>Sinitsyna L.V., Sinitsyn A.A.</i> The Unconscious as an Efficiency Resource in Sports Activities.....	100

CLINICAL ASPECTS OF THE UNCONSCIOUS

<i>Vorobieva K.I., Lukyanova E.L.</i> Psychological Defence as a Resource of Adaptive Behavior of Russian Students in London during the 2020 Pandemic	104
<i>Lezhenina A.A.</i> The Age Aspect of Perceptions of Psychotherapy in Modern Russian Society	111
<i>Becker D.L.</i> Death, Beauty and Body: Reflections of the Eating Disorders.....	117

LITERATURE AND ART IN THE CONTEXT OF THE PSYCHOLOGY OF THE UNCONSCIOUS

<i>Zubtsov D.S.</i> Catharsis Phenomenon in the Psychology of Cinematography: Diagnostics of Experience.....	125
<i>Nesterenko T.I., Trutneva I.V.</i> Psychology of Borderline Personality (on the Example of the Characters of the Short Film "Boomerang")	135
<i>Deryabina A.S., Ponomarenko Y.S.</i> Psychology of Narcissistic Personality (on the Example of the Feature Film "Moscow Does Not Believe In Tears").....	143
<i>Nesterenko T.I., Belaya O.A.</i> Psychoanalysis of Destructiveness (on the Basis of V. Veresaev's Work "Without a Road")	150
<i>Vorobeva I.A.</i> Existential Meaning of the Concept "Anguish" in Russian Linguistic Picture of the World.....	158

DIGITAL TECHNOLOGIES IN EDUCATION

<i>Tyurina Y.A.</i> Youth Mentoring and Coordinating in a Distance Format: the Implementation in Higher Education.....	167
<i>Tulupyeva T.V., Likhtin A.A.</i> Opportunities of Digital Educational Technologies in the Process of Public Administrators Training	173
<i>Pinchukov P.S., Makasheva S.I.</i> Experience of Implementing the Russian-Chinese Educational Program "Electric Power and Electrical Engineering" for Students From the PRC.....	180
<i>Akhmylovskaya L.A.</i> The Play Translation and Analysis Within The Educational Project at the Higher School of Arts	185
<i>Razumovskaya M.I.</i> Digitalization of Economic Education: Resources and Tools	192
<i>Grigoryeva N.G., Ekimenko M.V.</i> Manifestation of Subjectivity by the Structural Divisions Managers of the Far Eastern Railway	197
<i>Gulevsky K.E., Kostrov D.M., Danilova E.V., Faleeva E.V.</i> Use of Virtual Interactive Environments for the Educational Process	203
<i>Filyanina I.M.</i> Experience in Applying New Digital Training Models (on the Example of Teaching Legal Disciplines)	208
<i>Sokolov A.V., Sokolova I.A.</i> Personal Brand of a University Teacher	214
<i>Zlobina O.G., Nikitina M.A.</i> Digital Storytelling as an Effective Educational Technology for Teaching Students' Project Activities	220

PROBLEMS OF THE FAR EAST

<i>Anisimov A.L.</i> Robert Hewson Pruyn – U.S. Minister Resident to Japan (1862–1865).....	228
AUTHORS GUIDELINES.....	237
ARTICLE INDEX (2022)	244

25-ЛЕТИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОАНАЛИЗА

В феврале 2022 г. Дальневосточному институту психологии и психоанализа исполнилось 25 лет. В канун этого знаменательного юбилея состоялась встреча в редакции журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» с ректором Дальневосточного института психологии и психоанализа доктором психологических наук, профессором Воробьевой Кларисой Ивановной.

Воробьева Клариса Ивановна

Главный редактор: Клариса Ивановна! Редакционная коллегия журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» поздравляет Вас и коллектив Вашего института с 25-летним юбилеем.

Воробьева К.И.: Спасибо, Юрий Михайлович, за поздравление.

Главный редактор: В канун юбилея интересно узнать об основных вехах развития института из уст его основателя. Расскажите, пожалуйста, историю создания Вашего института.

Воробьева К.И.: Начиналось все так. 23 декабря 1996 г. мы с моей знакомой идем по Большому проспекту Петроградской стороны Санкт-Петербурга. И вдруг одновременно замечаем вывеску «Восточно-Европейский институт психоанализа» (ВЕИП). Фантастика! Еще 10 лет назад слово «психоанализ» страшно было произносить. Конечно же, зашли. Пока поднимались в кабинет ректора, роди-

лась идея открытия филиала в Хабаровске. Сразу попали на совещание. Разговор шел о развитии ВЕИП и возрождении психоанализа в России. Наше предложение оказалось в тему! От грандиозных планов М.М. Решетникова, ректора ВЕИП, и его коллег захватывало дух! 1 февраля 1997 г., т.е. практически через месяц после этой знаковой встречи, Дальневосточное отделение Восточно-Европейского института психоанализа было официально зарегистрировано на территории г. Хабаровска. А в сентябре 1997 г. в наш институт пришли первые студенты – будущие психоаналитики. Через 3 года наш институт стал самостоятельным вузом, в котором успешно развиваются два факультета: психологии и психоанализа.

Учитывая, что на Дальнем Востоке первые кафедры психологии были открыты только в конце 80-х гг., то о подготовке психологов-психоаналитиков можно было только мечтать. Если бы не поддержка Восточно-Европейского института психоанализа, энтузиазм и личная помощь ректора ВЕИП профессора М.М. Решетникова и его коллег, скорее всего развитие образования в области психоанализа на Дальнем Востоке не состоялось.

На сегодняшний день в России функционируют 10 психоаналитических институтов, в том числе 6 – в Москве, 2 – в Санкт-Петербурге, 2 – в регионах – Сибирский институт психоанализа, г. Новосибирск, и Дальневосточный институт психологии и психоанализа, г. Хабаровск. В 1997 г. мы были первыми, кто решился начать подготовку в области психоанализа на территории Дальнего Востока.

Главный редактор: Как я понимаю, после долгого перерыва в развитии психологии с 1936 по 1966 г. в связи с известным запретом психологии, а особенно психоанализа в России, в 90-е гг. была проблема кадрового обеспечения учебного процесса?

Воробьева К.И.: Да, кадровый вопрос был одним из сложных. С первых дней работы института была введена практика приглашения ведущих отечественных и зарубежных психологов и психоаналитиков для чтения лекций, проведения практических занятий, супервизий и персонального анализа. Одновременно были направлены на обучение в Санкт-Петербург свои преподаватели.

На первом этапе развития института (1997–2007) студенты-психоаналитики учились у таких корифеев, как профессор, ректор Восточно-Европейского института психоанализа М.М. Решетников и другие видные ученые ВЕИП – доценты И.С. Лукина, В.А. Медведев, Д.С. Рождественский, А.А. Щеголев, В.А. Мазин, которые неоднократно приезжали в Хабаровск.

В числе выдающихся педагогов вуза – профессор, главный психотерапевт Минздрава РФ Б.Д. Карвасарский, который приезжал к нам на протяжении 3 лет. Читал лекции студентам и непосредственно курировал подготовку первых клинических психологов на Дальнем Востоке. Большую роль в профессиональной подготовке студентов в области клинической психологии сыграла профессор Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова С.Л. Соловьева. В психологической подготовке студентов ДВИПиП принимали участие профессора г. Хабаровска Вязникова Л.Ф., Невструева Т.Х., Каширина Л.В., профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.К. Стрелков, Е.М. Иванова, профессор РГПУ им. А.И. Герцена Л.А. Регуш, профессора Института психологии РАН Л.Г. Дикая, А.Н. Занковский, М.И. Воловикова, профессор ВШЭ В.П. Серкин, профессор ДВФУ Л.И. Кирсанова. Приезжая в Хабаровск с 2001 по 2012 г. на заседания диссертационного совета, который работал в Дальневосточном университете путей сообщения, ученые-психологи оказывали серьезную помощь в становлении и развитии нашего института. Несмотря на большую загруженность работой и ограниченность времени пребывания в Хабаровске, члены диссовета с энтузиазмом поддержали становление молодого учебного заведения и с удовольствием работали со студентами ДВИПиП. Студентам были прочитаны уникальные авторские курсы: «Психология времени» (Стрелков Ю.К., профессор, д-р психол. наук, зав. кафедрой инженерной психологии МГУ им. Ломоносова); «Психология саморегуляции» (Дикая Л.Г., профессор, д-р психол. наук, зав. лабораторией труда ИП РАН); «Психология нравственного сознания» (Воловикова М.И., профессор, д-р психол. наук, зав. лабораторией личности ИП РАН); «Актуальные проблемы организационной психологии» (Занковский А.Н., профессор, д-р психол. наук, ИП РАН); «Образ мира и образ жизни», «Неврозы отложенной жизни» (Серкин В.П., д-р психол. наук, профессор ВШЭ); «Психология прогнозирования» (Регуш Л.А. профессор, д-р психол. наук, зав. кафедрой РГПУ им. Герцена) и др.

В настоящее время основной состав преподавателей – это выпускники ДВИПиП, совмещающие педагогическую деятельность с психоаналитической практикой. При этом продолжается традиция приглашения в институт ведущих российских и зарубежных специалистов для работы со студентами.

Главный редактор: Принимают ли Ваши студенты участие в научно-исследовательской деятельности?

Воробьева К.И.: Научно-исследовательская работа – одно из важных направлений деятельности наших студентов. Не случайно среди наших выпускников – 12 кандидатов психологических наук. Многие выпускники продолжают научную работу в рамках магистратуры. Основная площадка научно-

го взаимодействия института с выпускниками – это Региональное отделение Хабаровский край Европейской ассоциации развития психоанализа (ЕАРПП), организованное выпускниками Института психоанализа. Первым организатором и председателем Хабаровского отделения ЕКПП в 2012 г. стал наш выпускник Кайков А.Н. С 2018 г. по настоящее время организацию возглавляет тоже наша выпускница Васильева Е.И. Наши выпускники – члены Хабаровской организации – регулярно принимают участие в региональных, всероссийских и международных научных конференциях. В 2020 г. участвовали в Конгрессе ЕКПП в Вене.

Е.И.Васильева, председатель Регионального отделения Хабаровский край ЕАРПП и Андриан Роудс, Президент ЕАРПП, (Психоаналитический конгресс, Вена, 2020)

Главный редактор: Ваш институт осуществил выпуск более 500 дипломированных психологов и психоаналитиков. Ваши выпускники поддерживают связи с институтом?

Воробьева К.И.: Безусловно. Мы поддерживаем дружеские и профессиональные отношения с нашими выпускниками. Наши выпускники делятся своим практическим опытом, проводят краткосрочные авторские курсы, тренинги и супервизии для студентов нашего института.

Главный редактор: Какие профессиональные достижения Ваших выпускников Вы могли бы отметить. Все выпускники, работающие в г. Хабаровске, зарекомендовали себя как грамотные психологи-консультанты: одни ведут частную практику,

другие работают в медицинских учреждениях в качестве психотерапевтов, клинических психологов, психологов-консультантов. Среди наших выпускников есть руководители психологических центров. Например, Фетисова Мария Петровна – выпускница факультета психоанализа – является начальником ДВ филиала Федерального казенного учреждения «Центр экстренной психологической помощи Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» с момента его открытия в Хабаровске 17 марта 2010 г. и по сегодняшний день. Следует подчеркнуть, что Дальневосточный филиал, возглавляемый Марией Петровной, имеет множество ведомственных наград за высокий профессионализм в оказании экстренной психологической помощи пострадавшим при чрезвычайных ситуациях. Психологи Центра выезжают непосредственно на место происшествия, где оказывают экстренную психологическую помощь пострадавшим в результате ЧС, их родственникам, очевидцам трагедии, специалистам, привлекаемым к проведению аварийно-спасательных работ. Мы гордимся профессиональными достижениями нашей выпускницы Лёушкиной Татьяны Владимировны, начальника психологической службы УФСИН по Хабаровскому краю в звании подполковника внутренней службы и многими другими нашими выпускниками.

Главный редактор: Клариса Ивановна, поделитесь, пожалуйста, основными перспективными направлениями работы Вашего института на ближайшие 5 лет.

Воробьева К.И.: Направления работы института на ближайшие 5 лет нам диктует время: необходимость подготовки специалистов по работе с боевой психической травмой (БПТ). Боевая психическая травма – это психотравма, связанная с воздействием факторов боевой обстановки. Основным фактором ее развития – опасность, угрожающая жизни и здоровью, когда человек постоянно видит гибель и ранения других людей. По сути, только этого достаточно, чтобы сформировать БПТ. Хроническая боевая психотравма развивается под влиянием не-

выраженных, но длительно действующих факторов и ведет к изменению поведения, вспышкам немотивированной агрессии, страхам, повышенной осторожности. Велик шанс и того, что после БПТ у человека разовьется посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). Посттравматическое стрессовое расстройство характеризуется как стойкое изменение личности человека после переживания катастрофического события. Участникам боевых действий трудно адаптироваться к мирной жизни, и подавление тяжелых воспоминаний нередко выливается в попытки временной нормализации психологического состояния при помощи алкоголя или психотропных веществ. Военные действия рано или поздно заканчиваются, а люди остаются. К сожалению, самому себя от травмы вылечить невозможно. Особенно если речь идет о такой серьезной травме, как военная. Необходима помощь специалиста-психолога, психотерапевта. На сегодняшний день таких специалистов крайне недостаточно. В этой связи необходимо расширять подготовку психологов и психоаналитиков, владеющих современными методами и техниками работы с пострадавшими. Следовательно, необходимо пересматривать учебные планы и программы, вводить углубленные спецкурсы по работе с психической травмой, горем утраты, по повышению стрессоустойчивости, развитию навыков безопасного поведения и т.д.

Второе направление будущей деятельности нашего института – развитие системы супервизорской практики. Несмотря на то, что сейчас активно практикуется дистанционная форма супервизии, психологи-консультанты испытывают острую потребность в квалифицированных специалистах-супервизорах.

Главный редактор: Клариса Ивановна, спасибо Вам за интервью. Редакция нашего журнала поздравляет Дальневосточный институт психологии и психоанализа с 25-летним юбилеем и желает Вам дальнейшего развития, творческих успехов и талантливых студентов!

ПСИХОЛОГИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

PSYCHOLOGY OF THE UNCONSCIOUS

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE UNCONSCIOUS

Научная статья

УДК 159.964

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-13-22

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПСИХОАНАЛИЗА (ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА)

Михаил Михайлович Решетников

Восточно-Европейский институт психоанализа, Санкт-Петербург, Россия, veip@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные тенденции развития психоанализа в Петербургской школе: сохранение классического наследия; развитие интерперсонального подхода, при котором наиболее значимым фактором успешности терапии признается качество отношений между пациентом и аналитиком; реализация принципа психоаналитической нейтральности; принцип дорастивания и социализации пациента. Раскрываются современные подходы к работе с симптомом, к проведению сеттинга, к принципу филиации и психоаналитическому образованию.

Ключевые слова: интерперсональный подход, психоаналитическая нейтральность, дорастивание и социализация пациента, сеттинг, филиации

Original article

MODERN TRENDS IN PSYCHOANALYSIS (SAINT PETERSBURG SCHOOL)

Mikhail M. Reshetnikov

East European Psychoanalytical Institute, Saint Petersburg, Russia, veip@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the main trends in the development of psychoanalysis in the St. Petersburg school: the preservation of the classical heritage; the development of an interpersonal approach, in which the most significant factor in the success of therapy is the quality of the relationship between the patient and the analyst; the implementation of the principle of psychoanalytic neutrality; the principle of nurturing and socialization of the patient. Modern approaches to working with the symptom, to the setting, to the principle of filiation and psychoanalytic education are revealed.

Keywords: interpersonal approach, psychoanalytic neutrality; nurturing and socialization of the patient, setting, filiation

Классическое наследие

В классическом психоанализе основные терапевтические подходы базировались на идеях особой роли вытесненных воспоминаний (детских и актуальных психосексуальных травмах), а также на восстановлении бессознательных содержаний, их интерпретации и инсайтах пациента. В центре внимания аналитиков находились преимущественно интрапсихические процессы и конфликты, выявление которых осуществлялось методом свободных ассоциаций, путем исследования сновидений и фантазий.

Однако постепенно фокус сместился на интерперсональный подход, а именно – качество отношений между пациентом и аналитиком как наиболее

значимый фактор успешности терапии. Сразу отметим, что это вовсе не отрицает значимости классических подходов З. Фрейда, которые остаются фундаментальными основаниями всего психоанализа. Напомним их еще раз:

– все мышление и поведение человека (как в норме, так и при патологии) подчиняется причинно-следственным законам, при этом причины носят отчасти наследственный характер, а отчасти обусловлены превратностями судьбы;

– мышление и поведение относительно строго мотивированы (детерминированы) всем предшествующим развитием и индивидуальной историей личности, ее прошлыми и актуальными психическими травмами, при этом сами мотивы чаще всего

принадлежат бессознательному (скрыты от осознания пациентов);

– в бессознательном ничего не забывается и не стирается, все хаотически перемешано (включая фантазийные и реальные образы и события), не связано с причинно-следственными отношениями и существует в неопределенном времени, что детерминирует высокую мобильность «вложений» (материала пациентов);

– симптом в психоанализе не несет практически никакой прагматической информации о реальной причине психического расстройства – он лишь указывает на ту или иную степень психического дискомфорта или дезадаптации личности, вплоть до полной утраты связи с реальностью;

– феномены переноса, вытеснения, сопротивления, рационализации, отрицания, идентификации, интроекции, проекции и др., так же как и анализ сновидений и ошибочных действий, остаются ключевыми понятиями и механизмами, которые неизбежно проявляются при любой терапии и должны адекватно учитываться и интерпретироваться;

– одной из наиболее существенных задач психотерапии является инсайт пациента, когда он (не без помощи аналитика, но и без его прямого участия) обретает способность устанавливать эмоциональные или смысловые связи между образами, событиями или переживаниями, о которых ранее даже не задумывался и не подозревал;

– несмотря на свою значимость, инсайт (когнитивный или эмоционально-аффективный) не является главной задачей терапии, которая не ограничивается тезисом «сделать бессознательное сознательным» – это лишь еще одна отправная точка для движения в сторону изменений;

– наиболее сложной и протяженной частью терапии является проработка.

Принцип психоаналитической нейтральности

Можно было бы упомянуть еще несколько ключевых положений, но – вернемся к интерперсональному подходу, одно из главных положений которого (применительно к любой модальности) можно было бы сформулировать так: психотерапия – это не то, что терапевт делает с пациентом, а то, что происходит между ними. Фактически этот тезис уводит нас от длительно существовавшего принципа психоаналитической нейтральности и одновременно предъявляет особые требования к личности терапевта как одного из главных участников специфического межличностного взаимодействия. Прежде всего, следует подчеркнуть, что далеко не каждый может стать успешным терапевтом, даже получив солидную общеобразовательную, теоретическую и практическую подготовку. Для этого, не менее последних, требуется внутренняя (присущая личности как таковая) культура общения, особые

черты характера (прежде всего – доброжелательность и дружелюбность), искренний интерес к людям, душевная теплота, способность к эмпатии, эмоциональная зрелость и устойчивая система ценностей. Отдельно следует упомянуть высокую психоэмоциональную выносливость, так как материал, который приносят наши пациенты, иногда требует запредельного психического напряжения, и не на несколько часов или дней, а на годы.

Доращивание, социализация и инсайт

В целом интерперсональный подход развивает идею Фрейда о доращивании и социализации пациента, который последние годы нередко характеризуется как обучение или дообучение, реализуется уже после достижения инсайта пациента. То есть после того, когда вначале терапевт, а затем с его помощью – и пациент установили причинные и смысловые связи между событиями и чувствами, о существовании которых пациент ранее даже не подозревал. Сделаем существенное примечание: терапевт не формулирует инсайт и не подносит его как «подарок» пациенту – он подводит его к собственному инсайту, но может принимать участие в интерпретации инсайта пациента, когда тот уже состоялся. Такая интерпретация практически всегда способствует снижению тревоги и эмоционального напряжения, особенно если пациент доверяет терапевту и у них сформировался достаточно прочный терапевтический альянс.

После интерпретации, а чаще – после нескольких интерпретаций, которые носят отчасти дидактический, а отчасти суггестивный характер, у пациентов нередко возникает эффект «сверх-понимания» и благополучия, который катализируется явным или скрытым одобрением (или выражением удовлетворенности достигнутым) у терапевта. Терапевт может оценить это как существенный шаг к более зрелому восприятию собственной личности и поведения, и некоторые коллеги вполне удовлетворяются таким преодолением невротического конфликта. Но чаще всего это оказывается весьма неустойчивым и кажущимся успехом. В процессе проработки к инсайту и к различным (или даже одним и тем же) вариантам его интерпретации целесообразно обращаться многократно. Здесь психотерапия вновь смыкается с дидактикой и следует тем же принципам, как и при социализации ребенка в детстве, когда его последовательным и многократным (доброжелательным) убеждением приучают к горшку, мытью рук или формируют представления о добре и зле в процессе многократного рассказа (или пересказа с элементами интерпретации) одних и тех же сказок.

Повторим еще раз. Роль ранних (травматических) воспоминаний и индивидуальной истории ничуть не умаляется, но и не рассматривается в качестве ос-

новой цели психокоррекционного воздействия или отправной точки будущих изменений. Постепенно качественно изменилось отношение к психоаналитической нейтральности. Этот принцип был объективно необходимым на исследовательском этапе развития психоанализа. Поясним эту идею на простом примере. Если мы исследуем процессы горения того или иного вещества, естественно, что в этом случае исследователю отводится роль предельно пассивного нейтрального наблюдателя, который фиксирует все происходящие при этом процессы – температуру горения, длительность, продукты горения и т.д. Он исследует именно процессы горения, а не то, как этих процессов избежать или прекратить их. Точно также появление микроскопа стимулировало массу открытий, включая, например, открытие формулы крови, подсчет количества лейкоцитов, тромбоцитов и т.д. Но эти новые методы исследования не предоставляли никаких прагматических данных для успеха терапии. Врач-исследователь и врач-терапевт – это вообще разные специальности. Продолжая эту аналогию, следовало бы признать, что некоторые аналитики в своей работе продолжают руководствоваться исследовательской парадигмой Фрейда. В этом нет большого греха, если они ставят именно исследовательские задачи или если речь идет о первом этапе терапии (диагностических сессиях). Но на последующих этапах нейтральность аналитика может приобретать характер негативного фактора терапии и оцениваться пациентом как отстраненность, душевная холодность, отсутствие интереса к его личности или даже молчаливое презрение и отвержение. Добавим, что нейтральный аналитик рядом с рыдающим от душевной боли пациентом – это что-то наподобие стоматолога-садиста, пренебрегающего обезболиванием. Вообще нейтральность – это предельно искусственное отношение, к которому могут быть определены показания и которое может применяться, когда это необходимо. Но оно уже давно не входит в перечень основных правил психоанализа. Одновременно с этим более взвешанный подход к принципу нейтральности вовсе не означает, что терапевту позволяется высказывать некие оценочные суждения, поощрения или порицания либо навязывать пациенту свою систему эталонов поведения и ценностей. Пациент всегда отчасти идентифицируется с терапевтом и одновременно приписывает ему даже те позитивные качества, которых у последнего может не быть. Более того, в рамках этой (отчасти фантазийной) идентификации с терапевтом он склонен формировать свои прекоцепции о здоровой личности, адаптивном реагировании, системе смыслов и ценностей, отражая и интроецируя личность терапевта, но терапевт, повторим еще раз – не может и не должен ничего навязывать.

Исследуя проблемы пациентов, чрезвычайно важно установить источники и историю развития той проблемы, которую он предъявляет в качестве основной. Чаще всего отклонения в нормальном развитии происходят незаметно, как бы исподволь, и лишь затем (по истечении какого-то периода времени) приобретают реальное звучание. С точки зрения внутренних ресурсов личности целесообразно уточнить – были ли провоцирующие факторы мощными и одномоментными или психическое расстройство развивалось постепенно, путем накопления нескольких, на первый взгляд не таких уж существенных (для кого-то другого) аффектов, т.е. с каким адаптивным и дезадаптивным багажом пациент приходит в терапию? Дополнительным вопросом является установление интрапсихического или межличностного психогенеза предъявляемого материала.

Симптом

Существенные изменения происходят и в отношении симптомов. Как известно, в начальный период развития психоанализа считалось, что, в отличие от соматической медицины, симптомы никак не указывают на причины страдания пациентов или «поврежденные» области психики; они лишь демонстрируют ту или иную степень психического расстройства, причем одни и те же симптомы могут иметь самые различные причины. Поэтому нашими предшественниками подчеркивалось, что работа аналитика вовсе не должна быть ориентированной на устранение симптома, так как без выявления и проработки психодинамических факторов, лежащих в его основе (которые у всех пациентов разные), рецидивы неизбежны. Чаще всего в этом случае один симптом заменяется другим, как это было в случае Анны О., когда нервный кашель, неспособность говорить на родном языке и т.д. сменились синдромом мнимой беременности. Более того, хорошо известно, что механизмы образования симптомов во всех случаях глубоко индивидуальны, а объективные проявления психического страдания могут быть одними и теми же. В этом есть определенная доля истины. Тем не менее, как показывает клиническая практика и систематические исследования, симптом-ориентированная терапия может быть достаточно успешной, а устранение симптомов приводит к существенному улучшению состояния пациентов, часто вполне удовлетворяет их спрос, а состояние и самочувствие могут оставаться после такой терапии вполне удовлетворяющими пациентов на протяжении неопределенно длительного времени. Ощущение внутреннего комфорта также позитивно сказывается на межличностных отношениях пациентов.

В любом случае терапевт исходит из запроса пациента, его духовных, ситуационных, временных

и финансовых возможностей. Если пациент ориентирован исключительно на избавление от симптома и параллельно сообщает, что для систематической терапии у него есть всего 2–3 месяца и на такой же период рассчитаны его материальные ресурсы, этот запрос должен быть удовлетворен (и в этом случае целесообразно сочетать психоанализ с некоторыми техниками из когнитивно-бихевиоральной терапии). Совершенно иные терапевтические походы и техники, а также иной сеттинг предлагаются, когда пациент не органичен во времени и средствах и хотел бы «разобраться в себе», имеет явные психологические особенности или страдает пограничной патологией.

Сеттинг

На протяжении длительного периода основное различие между психоанализом и психоаналитической терапией (при множестве мелких нюансов) было связано с интенсивностью сеттинга. Считалось, что если сессии проводятся реже, чем четыре раза в неделю, это не может именоваться психоанализом, так как вряд ли будет способствовать адекватной психодинамике, формированию переноса и достижению инсайта, и должно рассматриваться как психоаналитическая терапия. Точно с таких же позиций оценивался персональный профессиональный тренинг психоаналитиков. При этом протяженность последнего составляла, как минимум, четыре-пять лет, а иногда растягивалась на десять лет, в связи с чем у коллег возникал естественный вопрос: неужели все потенциальные аналитики более нарушены, чем их будущие пациенты?

Однако постепенно все больше даже ортодоксальных психоаналитиков (правда – мотивируя это финансовыми проблемами и затратами времени пациентов) начали переходить на три, две и даже одну сессию в неделю как с пациентами, так и в анализантами, проходящими профессиональный тренинг. При этом оказалось, что психотерапевтический процесс и его успешность, во всяком случае – у пациентов с невротическим уровнем организации личности, никак не страдают. Имеются отдельные наблюдения, что даже у пациентов психотического уровня (в случае их относительной адаптации к требованиям культуры и социума) наблюдается реальный прогресс при самом низком уровне сеттинга. Тем не менее встречаются пациенты, которые проявляют заинтересованность именно в высочайшей интенсивности сеттинга. В некоторых случаях высказываются просьбы о двух сессиях в день – утренней и вечерней, без которых, по словам пациентов, им «просто не выжить». Фактически формируется новый невроз или новая зависимость – все мысли таких пациентов и вся их жизнь оказываются поглощенными процессом психотерапии. Они бы с удовольствием вообще не расставались с те-

рапевтом и активно демонстрируют желание его «поглощения». Естественно, что такой вариант развития никак не приближает пациента к каким-либо позитивным изменениям. Для таких пациентов характерно типичное (высказываемое или тайное) заблуждение, что именно психотерапевт и сам процесс общения с ним приведет к желанным результатам, а их собственные усилия и энергия направляются не на внутренние проблемы, а на принуждение терапевта тратить на них как можно больше времени, в общем-то – без особого эффекта. Нужно признать, что при высокой платежеспособности пациента в некоторых случаях им удается реализовать их «понимание» психотерапевтического процесса и навязать терапевту именно такой стиль межличностного общения, не имеющий никакого отношения к психотерапии. Психотерапевт любого направления всегда отчасти принимает на себя роль воспитателя (преимущественно путем «корректирующего эмоционального опыта» – по Ф. Александру или «дозированной интродекции кусочков своего Супер-эго пациенту» – по Дж. Стрейчи), но ни в коем случае – круглосуточной няньки для не способного к рефлексии «младенца».

Джеймс Стрейчи

Безусловно, если у пациента, например, с паническими атаками зашкаливает уровень тревожности, вначале сессии могут быть более частыми, как минимум, 2–3 раза в неделю. Но по мере купирования таких приступов или снижения их интенсивности целесообразно сокращать количество сессий до двух или даже одной в неделю. Если рабочий альянс сформирован, а психодинамический процесс запущен, он продолжается независимо от того, находится ли психоаналитик рядом или в другом городе. Терапевт не должен становиться костылем для пациента «с травмой», наоборот – ему нужно всеми силами препятствовать формированию у пациента представлений, что он способен уверенно перемещаться по жизни только при наличии этой

опоры. Главная задача психотерапевта принципиально иная – помочь пациенту обрести веру в себя и свои силы.

Гибкость сеттинга

Как ранее, так и сейчас многие терапевты тяготеют к жесткости сеттинга. После обсуждения того, насколько это удобно для пациента и для терапевта, обычно устанавливаются конкретные дни визитов и их временные рамки. Например, только по вторникам и четвергам с 17.00 до 17.45. Однако нужно не забывать, что мы живем в чрезвычайно динамичное время, а наши пациенты в ряде случаев демонстрируют (вернее – вынуждены демонстрировать) высочайшую мобильность: во вторник пациент был еще здесь, а в четверг – обязан быть в Париже или Вене. Кроме высоких профессиональных качеств, психоаналитик должен обладать самой обычной человеческой доброжелательностью и с пониманием относиться к запросам пациента, ибо терапия – это лишь часть жизни наших клиентов. Встречи могут (по взаимному согласию) переноситься, отменяться, пролонгироваться или даже сокращаться. По мере улучшения психоэмоционального состояния пациента или снижения остроты проявлений его симптомов частота сессий обычно снижается, а может уменьшаться и их протяженность (например, до 30 минут). Согласие пациента на такие предложения терапевта – это еще одно свидетельство прогресса терапии. При завершении терапевтических отношений вполне эффективными и одновременно подготовительными к расставанию могут быть промежутки между сессиями в 1–2 недели и даже в 1 месяц. В других случаях, опять же – по обоюдному согласию терапевта и пациента, сессии могут быть нерегулярными, но этот вариант не относится к начальному периоду терапии, так как в это время стабильность сеттинга играет роль самостоятельного терапевтического фактора. Пациента не лечат, более того, сообщение человеку с расстройством психики, что он «больной», носит уничижительный и оскорбительный характер. Пациентам помогают развиваться, восстанавливать и укреплять их Эго, обучают их способности общения со своим внутренним миром, замечать, понимать и принимать те позитивные изменения, которые происходят в процессе терапии.

Кушетка и ее значение

О значимости кушетки как некоего маркера психоанализа, способа достижения состояния относительной релаксации и более комфортных условий для обсуждения интимных и сокровенных тем (когда взгляд глаза в глаза исключается) написаны десятки статей и книг. Но не наличие кушетки делает сеансы психоаналитическими. Они становятся таковыми только в случае применения адекватных психоаналитических техник, квалифицированной

работы с сопротивлением, переносом и защитами. В последние десятилетия получает все большее распространение подход, который базируется на *обсуждении* (вместо директивного предложения «прилечь на кушетку») той позы, которую предпочитает конкретный пациент. При этом приоритетным является мнение пациента. Безусловно, положение лицом к лицу создает больше напряжения как у пациента, так и у терапевта, но одновременно при этом снижается вероятность существенного регресса пациента в терапии, а взаимодействие с терапевтом обретает дополнительный невербальный фон (в том числе – считываемый с лица терапевта), делает общение более активным и естественным, также как и формирование переноса (как позитивного, так и негативного). В целом перенос формируется как своеобразное отраженное чувство, как реакция на искренний интерес в общем-то постороннего для пациента человека к его проблемам и переживаниям. Дополнительно отметим, что глубокая регрессия, которая ранее считалась почти естественным и некоторое время – даже важным компонентом терапевтического процесса, в настоящее время большинством терапевтов не поощряется, более того – ее стараются не допускать. Если пациент лежит на кушетке, при появлении заметного регресса ему обычно предлагают провести оставшуюся часть сессии лицом к лицу.

Положение лицом к лицу предъявляет повышенные требования к невербальным посылам терапевта, способствует определенной фиксации пациента на обсуждаемой теме, а осознание зрительного контроля терапевта нередко в существенной степени снижает возможности пациента для сопротивления – в его сознании или даже бессознательном невольно формируется представление, что терапевт итак все видит по его лицу. Некоторые начинающие специалисты пытаются говорить с пациентами неким «особым голосом» или с особыми интонациями, или с неким особым выражением лица. Все это можно было бы охарактеризовать одним термином – «псевдородительская позиция». Ничего этого не требуется. Наиболее точную рекомендацию дал в свое время Карл Роджерс: «Человек пришел к человеку». А все наши отличия от других людей состоят только в обремененности высоким знанием о механизмах функционирования психики как в норме, так и при тех или иных психических расстройствах, а также – в желании и способности реально помогать, поощряя пациента к достижению автономии. Проблема сепарации не должна появляться только на заключительном этапе терапии, она должна присутствовать с самого начала, вплоть до установления (по согласованию с пациентом) конкретной протяженности терапии и срока ее окончания. Эти конкретные даты и сроки, вне

сомнения, могут обсуждаться и переноситься, но для некоторых пациентов такие временные и финансовые «рамки» чрезвычайно важны и становятся мощным стимулятором работы над собой, поощряя естественное для любого человека стремление к независимости. Такой подход может быть достаточно адекватным для пациентов с невротическим уровнем психических расстройств, но для пограничных пациентов и в других более серьезных случаях, как правило, требуется достаточно длительная терапия.

Карл Роджерс

Понятие «лечение»

Практически до конца XX в. психоаналитики, следуя медицинским канонам, в своих публикациях и в повседневной жизни традиционно именовали своих пациентов больными, их психические расстройства болезнями, а свое взаимодействие с ними лечением. Однако постепенно, скорее интуитивно, чем на основе какой-то новой концепции, все больше коллег стали употреблять определения «клиент» или «пациент», говорить о личностных нарушениях или тех или иных психических расстройствах, о терапии или психологической коррекции. И хотя терапия – это синоним лечения, но в этом варианте данный термин приобрел качественно иное, можно сказать – психологическое содержательное наполнение. Это, по сути, стало первым шагом в сторону ухода от медицины и ее биологических концепций и, вместе с тем – переходом к метапсихологической и психодинамической парадигмам всей психотерапии. Выше уже упоминалось, что симптом имеет применительно к психопатологии принципиально иное значение, а понятие «болезнь» по всем медицинским критериям вообще не применимо к психическим расстройствам, так как когда что-то обозначают термином «болезнь», подразумевается, что строго выполнены целый ряд фундаментальных положений. В частности, что установлено и точно описано:

1) чем она вызывается (ее этиологический фактор – вирус, бактерия, химические или физические факторы и т.д.);

2) по каким физиологическим механизмам она развивается (ее патогенез);

3) какие органы и ткани организма при этом поражаются болезненным процессом и как эти изменения в органах и тканях проявляются на макроскопическом уровне и при микроскопическом исследовании;

4) какие телесные симптомы проявляются на тех или иных стадиях развития болезни;

5) по совокупности каких симптомов выносится заключение, что человек страдает именно таким заболеванием, а не каким-то другим;

6) какие клинические, аппаратурные (рентген, ЭКГ и т.д.) и биохимические анализы позволяют подтвердить, что речь идет именно об этом конкретном заболевании;

7) какова схема лечения;

8) каковы критерии выздоровления.

Естественно, все это не имеет никакого отношения к психике. В принципе практически любой хороший врач общей практики, если ему предоставить весь перечень клинических анализов и данные аппаратурных исследований, даже не видя пациента, с высокой долей вероятности поставит верный клинический диагноз. Но не существует ни одного сколько-нибудь надежного биологического маркера, который позволил бы сказать, что у этой личности нет никаких психических расстройств, а у этой невроз или пограничное расстройство. Единственными диагностическими критериями для психотерапевтов (впрочем, и для врачей-психиатров) являются речь и поведение пациентов. Но и это не главное отличие. Этиологические факторы в большинстве случаев (за исключением органической патологии) имеют психогенную природу, вместо биологического понятия «патогенез» уже давно утвердился термин «психогенез», диагностика проводится по вербальным и невербальным феноменам, а терапия осуществляется путем межличностного взаимодействия, а также – отчасти суггестивного и дидактического воздействия на психику, природа которого остается глубоко гипотетической. Поиски этой природы продолжают несколько тысячелетий. С эпохи Гиппократов, который объявил психику функцией мозга, ее искали в извилинах и желудочках мозговой ткани, затем в нервных проводниках и синапсах, в обмене нейромедиаторов, но так и не нашли. В психоанализе психика исходно рассматривалась как эпифеномен, поэтому психоаналитики практически не употребляют фразы типа «мне пришло в голову» или «это у вас связано с нервами». Нервы – это просто проводники нервных импульсов, а мысли приходят на

ум, воспоминания всплывают в памяти, а переживания переполняют душу. Эти психические структуры также являются гипотетическими, но не несут в себе грубоматериалистического предельно примитивного содержания.

Соответственно решается вопрос и о том, в каких терминах описывается выздоровление. Весьма популярные высказывания о том, что те или иные психические расстройства излечиваются с помощью психотерапии, – это что-то из области прямого переноса в нашу область практики типичных подходов биологической медицины. Там, безусловно, бывает излечение от инфекционных, соматических или даже онкологических заболеваний. И врач при выписке пациента с чувством высокого (и заслуженного) профессионального удовлетворения может вписать в медицинскую карту «практически здоров». Никто из нас таких заключений никогда не выдавал и не будет выдавать. Ни один человек никогда не защищен от новых психологических проблем и не свободен от своего ближайшего окружения, специфики социально-экономических и политических процессов, потому что жизнь исходно травматична. То, что мы делаем, наряду с уже неоднократно упоминавшимися процессами доращивания и повышения адаптивного потенциала личности, прежде всего, состоит в развитии способности к адекватной психоэмоциональной регуляции и личностному росту, которые, получив соответствующий «импульс» в терапии, могут продолжаться на протяжении всей жизни человека.

Изменение в структуре проблем пациентов

В начале своего пути психоанализ уделял особое внимание психосексуальным проблемам. Как известно, описывая эти проблемы, З. Фрейд указывал, что в рассказах пациентов достаточно трудно отличить правду от вымысла и фантазий на тему эдипова комплекса и инцестуозных отношений. Тем не менее многие психоаналитики вели свои поиски именно в этом направлении, нередко «преуспевая», вплоть до навязывания пациентам фантазий и вымыслов о событиях, которых никогда не было. Современный психоанализ уже не страдает чрезмерным вниманием к исследованию психосексуального фактора, за которым нередко скрывается некоторая информированность по поводу психоаналитических феноменов и индивидуально трансформированная интерпретация родительской заботы и ласки. По сути, уже давно общепризнанно, что мать (а иногда и отец) как объект, который заботится о соблюдении правил гигиены, в том числе – в отношении аногенитальной сферы, купает и ласкает ребенка, является исходно «соблазняющей» фигурой. И эти вполне адекватные действия затем могут дополняться различными инцестуозными фантазиями, которые целесообразнее «равнечи-

вать» в процессе терапии, чем создавать у обратившего к аналитику взрослого предположений о некоей непоправимой психической травме или исходной порочности. Безусловно, здесь не идет речь о сексуальном надругательстве над ребенком, не достигшим половой зрелости.

В наш стремительный век, когда взрослые бесконечно поглощены проблемой заработка и карьеры, а свободное время посвящают ТВ и ПК, гораздо чаще приходится сталкиваться с проблемой недостатка любви, внимания и заботы со стороны родителей, отсутствием опыта систематического общения с родителями того и другого пола, их холодностью и погруженностью в собственные заботы. В совокупности это можно было бы обозначить как нарастающую родительскую депривацию, которая становится относительно независимой от реального наличия или отсутствия отца и матери. При этом видимость заботы создается за счет переключения внимания еще довербального ребенка на мультфильмы, а затем – на компьютерные (якобы развивающие) игры и все более современные гаджеты. Но психика ребенка так устроена, что он любит не игры, а тех, кто с ним играет, кто, следуя принципу удовольствия, реализует его потребность в общении. Именно поэтому такое распространение получили феномены компьютерной и прочих зависимостей, которые постепенно уведут ребенка от реальности, виртуализируют его чувства, не позволяют адекватно формировать полоролевые идентификации, Я и Сверх-Я, а с учетом преобладающих в современных компьютерных играх единоборств стимулируют развитие агрессивности и одновременно формируют ряд иллюзорных представлений, например о «запасных жизнях».

Дистанционный психоанализ

Если бы кто-то 20 лет назад спросил, возможно ли проводить психоанализ по телефону, в 99 % случаев он получил бы в ответ категорическое «нет». Как поясняли некоторые именитые коллеги в то время, исповедь проводится в исповедальне, а психоанализ – в кабинете аналитика, добавляя вполне рациональное – нельзя работать с пациентом, не фиксируя его невербальные реакции. И в последнем случае они были совершенно правы. Но мы живем в чрезвычайно динамичное время. Многие люди меняют даже место жительства, чтобы не тратить по 1,5–2 часа на проезд к месту работы и столько же обратно. Рационально ли требовать, чтобы пациент систематически тратил такое же время, для того чтобы 2 раза в неделю получить 45–50-минутную сессию психоанализа, в которой он нуждается? А с учетом числа профессионально подготовленных психоаналитиков в нашей стране (преимущественно – в мегаполисах) и ее просторов проблема усугубляется еще больше, например,

когда ближайший аналитик находится в 300, а то и в тысяче километров от заинтересованного в психотерапевтической помощи. Кроме того, несколько сот тысяч наших соотечественников давно живут за рубежом, но и они хотят проходить анализ на родном языке, и абсолютно правы: анализ на иностранном – это некий эрзац анализа.

Уже более чем 20-летний практический опыт показывает, что психоанализ вполне эффективно может проводиться дистанционно – по телефону, скайпу или даже в форме писем. Тем не менее во всех таких случаях целесообразно, чтобы первые 10–15 сессий были проведены очно. Мы все живем в эпоху интенсивного развития дистанционных технологий: уже давно существуют доктрины дистанционной войны, дистанционного управления, голосования, не так давно начали развиваться дистанционные образовательные технологии. Психоанализ не является неким исключением. Противостоять прогрессу нельзя, к нему нужно адаптироваться.

Принцип филиации

В раннем периоде развития психоанализа в нем было много от своеобразного «сектанства» и особых правил, постулатов и догм, которые строго соблюдались «группой посвященных». Особое значение придавалось филиации, т.е. «родословной» аналитика. На протяжении определенного времени аналитиками могли считаться лишь те, кто прошел анализ у кого-то, кто хотя бы пару раз анализировался Фрейдом, или у того, кто прошел анализ у кого-то, чей аналитик был анализирован кем-то «по прямой линии» от Фрейда. Это в целом воспроизводило ситуацию крещения и «рукоположения в сан», что применительно к XXI в. звучит как анахронизм. С таким же успехом математиками можно было бы считать только тех, кто ведет свою родословную от Пифагора, физиками – от Ньютона, а философами – прямых потомков Аристотеля. Но в конце XX в. в традиционных психоаналитических сообществах проявилась новая тенденция. Констатируя значительное увеличение среднего возраста своих членов (более 70 лет) и отсутствие притока новых кандидатов, которых не вполне удовлетворяла перспектива начать многолетний тренинг, не имея представлений о его границах и сроках окончания, было принято решение о возможности признания тренинга, полученного в некоторых других сообществах, с пренебрежением принципом филиации. При этом вначале речь шла об индивидуальных подходах в каждом конкретном случае, но затем начали кооптироваться целые сообщества сразу. В целом это соответствует духу времени, и нет сомнений, что эта тенденция к объединению будет усиливаться.

Психоаналитическое образование и тренинг

Психоаналитический тренинг был впервые введен в Берлинском институте психоанализа (1924), которым руководил Макс Эйтингон [1]. Но его задачи еще до этого были четко определены З. Фрейдом. Они достаточно ясны и не нуждаются в особом обосновании. Во-первых, будущий специалист должен на собственном примере убедиться, что у него есть бессознательное, а вскрытые психоанализом механизмы работают, теория психоанализа реально отражает законы психического функционирования и проявления тех или иных психических феноменов. Во-вторых, он должен почувствовать себя в роли пациента, чтобы лучше понимать, какие переживания тот испытывает в процессе терапии. И в-третьих – будущий специалист должен максимально проработать собственные проблемы, чтобы затем не привносить их в терапию и не отыгрывать на пациенте. Эти правила не утратили своей актуальности и продолжают реализовываться всеми существующими школами психоанализа.

Макс Эйтингон

Но психоанализ, как уже было показано выше, не является догмой; его методы и техники систематически модифицируются, а границы постоянно расширяются. Как писал в свое время венгерский психоаналитик Шандор Ференци [2], в принципе можно все, «если знаешь, зачем», естественно – за исключением сексуального, эмоционального, материального или любого другого варианта злоупотребления пациентом. Досужие рассуждения некоторых коллег из смежных направлений психотерапии о том, что психоанализ умирает, также не выдерживают критики. Здесь ситуация примерно такая же, как с космосом: лет тридцать назад даже малограмотные люди знали номера и названия всех спутников, а всех космонавтов – поименно; но попытайтесь в наше время спросить: «Кто именно сейчас на орбите и как это связано с улучшением работы наших мобильных телефонов, навигаторов, планшетов и других гаджетов?». Психоанализ уже

давно имплицирован не только во всю профессиональную психотерапевтическую культуру и современное искусство, он вошел в обыденную жизнь и стал ее естественным духовным компонентом.

Шандор Ференци

Когда в середине 1960-х выдающийся английский психоаналитик Ф. Александер [3] впервые в истории начал преподавание психоанализа в британских университетах, далеко не все коллеги отнеслись к этому революционному начинанию однозначно. Многие тяготели к традиционной закрытости психоаналитического знания от широкой аудитории и сохранению своеобразного кастового положения группы посвященных с приверженностью (по определению Отто Кернберга) «монастырской модели» профессионального тренинга [4]. В соответствии с этой моделью будущий аналитик должен был на протяжении достаточно длительного времени демонстрировать свою особую лояльность именно к конкретному психоаналитическому направлению и конкретной психоаналитической школе. К нему присматривались (иногда – несколько лет) и затем (на основе специального отбора) поощряли званием кандидата на членство в том или ином обществе и назначали ему персонального аналитика, которого он, возможно, до этого никогда не видел. И даже если он ему не нравился, например, как личность, кандидат не мог отказаться, точнее – мог, но всего один раз. Сессии, как уже отмечалось выше, должны были проводиться не менее четырех раз в неделю, а срок профессионального тренинга не имел никаких рамок – он мог длиться годами и даже десятилетиями, а решение о завершении анализа принимал аналитик. Он же решал, когда кандидату можно начать собственную практику, а в ряде случаев этого не разрешалось вплоть до завершения личного анализа. Отказ от назначенного аналитика (до того, как он решит, что анализ завершен) в 100 % случаев предполагал, что весь предшествующий тренинг (3–5 лет) аннулируется и все начинается сначала. Психоаналитическое

образование было несистематическим и осуществлялось в форме посещения тех или иных семинаров и чтения статей и книг, которые рекомендовал все тот же личный аналитик. После того как началась практика, будущему специалисту назначались, как правило, два или более супервизоров, которые уже совместно решали – готов ли кандидат к тому, чтобы получить звание члена общества. По завершении такой обычно 10–12-летней подготовки кандидат получал сертификат специалиста, который не имел законной силы нигде за пределами той общественной организации, где он проходил подготовку, включая, например, другое психоаналитическое общество.

Франц Александер

Отто Кернберг

Во многих традиционных психоаналитических обществах эта система действует до настоящего времени. Но затем аналитики начали критически пересматривать эту систему. Постепенно начали формироваться представления, что психоаналитическое образование и психоаналитический тренинг – это принципиально разные варианты подготовки. Начали открываться первые институты психоанализа и формироваться систематические университетские курсы преподавания этой дисциплины.

ны (как раздела психологии и психотерапии) с ориентацией на официальное (государственное) признание полученных дипломов. При этом тот, кто получил психоаналитическое образование, если он не намерен стать практикующим психоаналитиком, вовсе не обязательно должен проходить профессиональный тренинг (с которого ранее все начиналось, причем – до психоаналитического образования). Он может заниматься психоанализом культуры, социума, рекламы, бизнеса и т.д. или применять свои знания в повседневной жизни. Для тех, кто ориентирован на практику, был введен ряд новых вполне демократических правил. Анализант сам выбирает своего аналитика из числа лиц, допущенных к тренинговой работе. Был установлен четкий стандарт тренинга (как минимум, 250 часов), после прохождения которых анализант самостоятельно принимает решение о завершении анализа в связи с выполнением тренинга. Начиная

практику, анализант сам выбирает двух или более супервизоров из числа специалистов, допущенных к супервизорской работе, а объем учебных супервизий ограничивается, как минимум, 150 часами. Добавим, что на протяжении многих десятилетий аналитики различных направлений (классического, юнгианского, лакановского и др.) фактически не контактировали, а их отношения строились примерно так же, как между религиозными сообществами, принадлежащими к разным конфессиям. Такой изоляционизм, естественно, существенно сказывался на развитии психоанализа и обмене опытом. Но в 2003 г. мы предложили качественно новое основание для объединения представителей разных направлений: «Все, кто выполнил установленные стандарты профессионального образования и тренинга в любом из уважаемых сообществ, работают с переносом и сопротивлением – являются нашими коллегами».

Список источников

1. Эйтингон М. Исцеление для неизлечимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона. Москва : Водолей, 2014.
2. Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. Москва : Университетская книга, 2000.
3. Александер Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и применение. Москва : Институт Общегуманитарных исследований, 2006.
4. Кернберг О. Отношения любви. Норма и патология. Москва : Независимая фирма «Класс», 2000.

References

1. Eytngon M. Healing for the incurable: An Epistolary dialogue between Lev Shestov and Max Eytngon. M.: Aquarius, 2014.
2. Ferenczi S. Theory and practice of psychoanalysis. M.: University Book, 2000.
3. Alexander F. Psychosomatic medicine. Principles and application. M.: Institute of General Humanitarian Research, 2006.
4. Kernberg O. Relations of love. Norm and pathology. M.: Independent firm "Class", 2000.

Информация об авторе

М.М. Решетников – профессор, доктор психологических наук, ректор.

Information about the author

M.M. Reshetnikov – Professor, Doctor of Psychological Sciences, Rector.

Статья поступила в редакцию 17.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 17.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-23-27

РЕЛИГИЯ КАК КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Клариса Ивановна Воробьева¹, Алексей Викторович Бадерко²

^{1,2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹klarisav2011@mail.ru

²baderko81@mail.ru

Аннотация. В статье дается теоретическое обоснование личного и коллективного бессознательного. Описывается воздействие архаических архетипов бессознательного на религиозное сознание индивида. Приводится сравнение ортодоксального психоанализа З. Фрейда с аналитической психологией К.Г. Юнга. Рассматриваются такие труды Фрейда, как «Будущее одной иллюзии», «Тотем и табу» и книги Юнга «Очерки по психологии бессознательного», «Попытка психологического истолкования догмата о Троице», «Психология и религия». Анализируется значение религии, способствующей индивидуации личности.

Ключевые слова: психология религии, религиозное сознание, коллективное бессознательное, архетип, православное христианство

Original article

RELIGION AS COLLECTIVE UNCONSCIOUS

Klarisa I. Vorobyova¹, Alexey V. Baderko²

^{1,2}Pacific State University, Khabarovsk, Russia

¹klarisav2011@mail.ru

²baderko81@mail.ru

Abstract. The article provides a theoretical justification of the personal and collective unconscious. The influence of archaic archetypes of the unconscious on the religious consciousness of an individual is described. Z. Freud's orthodox psychoanalysis is compared with the analytical psychology of K.G. Jung. Freud's works such as "The Future of an Illusion", "Totem and Taboo" and Jung's books "Essays on the Psychology of the Unconscious", "An Attempt at a Psychological Interpretation of the Dogma of the Trinity", "Psychology and Religion" are considered. The significance of religion contributing to the individuation of personality is analyzed.

Keywords: psychology of religion, religious consciousness, collective unconscious, archetype, orthodox Christianity

Общеизвестно, что религия является не только социологическим или историческим феноменом, но имеет личностную значимость для огромного числа индивидов. Принято считать, что религия – это форма общественного сознания. В нашей статье мы предпринимает попытку посмотреть на религию с другой стороны, а именно как на коллективное бессознательное, естественно, в связи и во взаимодействии с сознательной формой. Вопросы религии достаточно глубоко рассматриваются в различных психоаналитических концепциях. Рассмотрим некоторые из них.

Что же считает по поводу религии основатель психоанализа З. Фрейд? По Фрейду, религия возникает из беспомощности человека перед противостоящими силами природы и внутренними инстинктивными силами. Религия появляется на ранних этапах развития человечества, когда человек не может применить разум в борьбе с противостоящими силами и вынужден подавлять их.

З. Фрейд исходит из того, что монотеизму предшествует длительный период отличных по функциям и мировоззрению религий – анимизм и политеизм (язычество).

Анимизм от латинского *anima* – душа. В анимистической картине мира ею наделяются не только живые, но и неживые объекты. Все объекты природы рассматриваются как живые, обладающие чувствами и намерениями. В своей книге «Тотем и табу» Фрейд описывает систему анимизма как мир, населенный огромным количеством добрых и злых духов. Фрейд рассматривает анимизм как философскую систему: «Анимизм дает самое последовательное и исчерпывающее объяснение, полностью, без остатка объясняющее сущность мира» [1: с. 444].

О.А. Артемьева, анализируя работы З. Фрейда, пишет: «На этапе анимизма образа Бога не существует. Однако очевидно существование потребности человека в защите, которую он ищет у потусторонних сил, обращаясь за помощью к духам приро-

ды и пытаюсь на них повлиять. Кроме того, существование человеческой души делает феномен смерти менее пугающим и дает ему исчерпывающее объяснение» [2: с. 581].

Далее в политеизме боги мыслятся как создатели природы и людей, их власть распространяется на все объекты и явления, включая человека. З. Фрейд в своей книге «Будущее одной иллюзии» пишет о тройственной задаче богов: они нейтрализуют ужас перед природой, примиряют с грозным роком смерти, «вознаграждают» за страдания и лишения, выпадающие на долю человека [3].

Главным отличием монотеизма от политеизма является вера в одного, всемогущего Бога. Но при монотеизме человек также создает то, что Фрейд называет «иллюзией». Человек как бы припоминает свой детский опыт, когда он находился под защитой отца и выполнял его требования, стараясь не нарушать запреты.

Итак, религия, согласно Фрейду, – это повторение детского опыта, связанного с неврозом навязчивости. По Фрейду религия – это коллективный невроз. Анализируя психологические корни религии, Фрейд доказывает, что теистическая концепция есть иллюзия, основанная на желаниях человека.

Но Фрейд идет еще дальше, заявляя, что приучая людей верить в иллюзии и запрещая критическое мышление, религия ответственна за обнищание умственных способностей человека. Фрейд считает, что человек должен отбросить идею отеческого Бога и призван научиться по-новому строить отношения с реальностью. При этом Фрейд верит в братскую любовь, свободу и истину.

Получается, что Фрейд противоречит сам себе, потому что истинная любовь возможна только как пересечение вертикальной и горизонтальной линии – любви к Богу и любви к ближнему. Также Фрейд, подобно Пилату, ищет истины, забывая, что Господь Сам «Путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6).

Переходя к К.Г. Юнгу, отметим, что, по его мнению, фрейдовское понятие о бессознательном сводится к вытесненным инфантильным тенденциям из-за их противоречивости. Юнг утверждает, что бессознательное не сводится только к вытесненным содержаниям, но включает весь психический материал, лежащий ниже порога сознания. К этому материалу бессознательного может быть отнесено понятие «нуминозного». «Numinosum» – понятие, предложенное Рудольфом Отто, означающее динамическое существование или действие, вызванное произвольным актом воли. Также нуминозность (лат. *numen* божество, воля богов) – понятие, характеризующее важнейшую сторону религиозного опыта, связанного с интенсивным переживанием таинственного и устрашающего божественного присутствия.

К.Г. Юнг считает человека скорее жертвой, чем творцом нуминозного: «Какой бы ни была его причи-

на, нуминозное выступает как независимое от воли субъекта условие. И религиозные учения всегда и повсюду объясняли это условие внешней индивидуальной причиной. Нуминозное – это либо качество видимого объекта, либо невидимое присутствие чего-то, вызывающее особого рода изменение сознания» [4]. Юнг полагает, что без встречи с нуминозностью невозможен никакой религиозный опыт. Нуминозность является одним из аспектов вышестоящего (индивидуального и коллективного) образа Бога.

Великое множество ритуальных действий совершается с единственной целью – по собственной воле вызвать нуминозное посредством неких магических процедур (мольба, заклинание, жертвоприношение, медитация и прочие йогические упражнения, всякого рода самобичевания и т.д.). Но религиозное верование в наличие внешней и объективной божественной причины всегда предшествует таким действиям, пишет Юнг.

Однако, замечает Юнг, Божественную благодать в акте причастия никто не способен вызвать принудительно – причастие представляет собой божественное установление, которого не было бы, не будь оно поддержано божьим промыслом.

Всякое вероучение основывается, с одной стороны, на опыте нуминозного, а с другой – на преданности, верности, доверии к определенным образом испытанному воздействию нуминозного и к последующим изменениям сознания. Примером тому может служить обращение апостола Павла. Можно сказать, что «религия» – это понятие, обозначающее особую установку сознания, измененного опытом нуминозного [4]. И действительно, об истинности религиозного опыта говорит резкое изменение жизни человека.

Но христианство – это религия сверхъестественная, выходящая из ряда других религий именно тем, что в ней существует идея обожения. Божественное выступает здесь не внешней по отношению к человеку причиной (нуминозное), а внутренней: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21). «Вы во Мне и Я в вас» (Ин. 14:20). Причина будет внешней до тех пор, пока воля божественная и воля человеческая находятся в состоянии рассогласования (например, обращение апостола Павла). Как только воля становится единой, причина тоже становится единой, внутренней, божественной: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20), – говорит тот же апостол Павел после обращения.

Рудольф Отто подтверждает мысль, что нуминозное не является полностью доминирующим в религии: «Нуминозное» или «иррациональное» есть лишь одна составляющая веры. Все истинные религии едины в опыте нуминозного, но различаются они друг от друга по тому, насколько в них разработаны рациональные моменты (каковы моральные понятия, насколько мыслимым является Творец) [5]. Таким образом, категорию «священ-

ное» Р. Отто разделяет на две основные части – рациональную и иррациональную. Пример рационального – это абсолютность, необходимость, возможность, бытие и т.д. Иррациональное же выражается в нуминозном. По мнению Р. Отто, и то и другое представляют собой априорное, т.е. доопытное образование, изначально зарождающееся в духе.

Далее Юнг пишет, что вероучения представляют собой кодифицированные и догматизированные формы первоначального религиозного опыта. Но все же он говорит, что исходит не из конкретных вероучений, но отталкивается от психологии *homo religiosus* – человека, который принимает во внимание и тщательно наблюдает некие воздействующие на него факторы.

Так, Юнг, приводя пример переноса чувств пациентки с личности отца на его личность как доктора, выдвигает гипотезу о том, что может ли напор бессознательного только внешне быть направлен на личность (доктора), а в более глубоком смысле – на Бога? Может ли жажда Бога быть страстью, изливающейся из природы инстинкта, страстью, более глубокой и сильной, чем любовь к человеческой личности? Или же это тот образец нецелесообразной любви, которую называют переносом, есть крошечная частица реальной «любви Божией», которая была утрачена сознанием? [6: с. 154].

Переходя к описанию коллективного бессознательного, Юнг приводит в пример реактивированный архетип в сновидении его пациентки, а именно архаический образ Бога. Пациентка во сне ощущала дуновение ветра. Ветер (греч. пневма) – то же, что и дух. «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3:8). «Бог есть дух» (Ин. 4:24). Юнг замечает, что такие архаические образы вызваны первобытной, основанной на аналогии формой мышления, свойственной сновидениям. Здесь речь идет не об унаследованных идеях, а об унаследованной предрасположенности к ним. На основе этих фактов Юнг делает вывод, что бессознательное содержит не только личное, но и безличные, коллективные компоненты в форме унаследованных категорий или архетипов.

Теперь посмотрим на христианский догмат о Троице как на архаический архетип. Понятие «Троица» возникает во втором веке по Рождестве Христовом.

К.Г. Юнг отмечает, что «интеллектуальная идея равностороннего треугольника – мыслительная предпосылка логического образа Троицы» [7: с. 6].

Далее Юнг рассуждает следующим образом: по контрасту с троическим мышлением Платона древняя греческая философия предпочитала мышление четверичное. У Пифагора главная роль отводится не триаде, но тетраде: например, в так называемой Пифагорейской клятве говорится о четверице, тетрактисе, который «содержит корни вечной природы». Далее, в пифагорейской школе господствовало представление, что душа – это не треугольник, но квадрат. Исток этих воззрений сокрыт во тьме

предыстории эллинского духа. Четверица (Quaternitat) есть архетип, встречающийся практически повсюду. Она есть логическая предпосылка всякого целостного суждения [7: с. 31].

Пифагорейская четверица была, однако, природным, естественным фактом, архетипической формой созерцания, но отнюдь не моральной проблемой, а тем более – божественной драмой. Поэтому ее постиг «закат». Она была чисто природным и потому не-рефлектированным созерцанием духа, еще не вырвавшегося из плена природы. Христианство провело борозду между природой и духом, позволив человеку забегать мыслью не только по ту сторону природы, но и против природы, выказывая тем самым божественную свободу духа. Вершиной этого взлета из природных глубин является троическое мышление [7: с. 36].

Юнг приводит воззрения египтян, вавилонян и греков, чтобы дать представление о триадах, известных за много веков до возникновения христианства. Он пишет, что «поднявшись однажды из бессознательного духа человечества, они могли затем заново возникать в любое время и в любом месте» [7: с. 11]. Юнг приводит в пример формулу омоусии (греч. ομοούσιος) – единосущия Отца, Сына и Святого Духа, в которой отцы Церкви, по предположению Юнга, воспроизвели древнеегипетский архетип Ка-мутефа как имеющего одну душу Сына с Отцом.

Однако если говорить об истоках, то «От века...» пребывала с Господом Премудрость Божия (греч. София) – помазанница Божия: «От века я помазана, от начала, прежде бытия земли» (Притч. 8:23), а не Сын. Хотя помазанник в переводе и означает – Христос, речь идет об андрогинной природе (на что указывал Н.А. Бердяев) второй ипостаси Троицы – Бога Слова, Христа. Премудрость Божия провозглашает: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони» (Притч. 8:22). Это говорит об абсолютном, безусловном женском Начале.

Согласно Ведам Троичный догмат выглядит следующим образом: Отец – сила, Мать – мудрость, Сын – любовь. То есть присутствие Матери Мира прослеживается как в Ведах – мудрость, так и в Ветхом Завете – Премудрость Божия. Отец также являет собой силу в обоих источниках. А Сын несет любовь и в Ведах, и в Новом Завете в виде двух заповедей: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» – сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же, подобная ей, – «возлюби ближнего твоего как самого себя» (Мф. 22:37–39).

Далее Юнг отмечает, что архетипические идеи относятся к нерушимым основаниям человеческого духа. Сколь бы долго они ни оставались в забвении или под спудом, они всегда возвращаются, часто в диковинно переименованном обличье и с какими-нибудь личностными вывертами или интеллекту-

альными искажениями, как в случае с арианской христологией (омиусия, греч. *ὁμοούσιος* подобосущный) [7: с. 11]. Известно, что в своей ереси Арий считал Христа не рожденным от Отца, а Его творением. Отсюда – не единосущие, а подобосущие. Ересь Ария была осуждена на первом Вселенском соборе в 325 г.

Юнг говорит о том, что догмат Троицы нельзя напрямую вывести из идей Платона, потому что эти идеи сознательны, более же древние бессознательные архетипы могут проявлять себя в Троицеском догмате. Так, автор разделяет логическую идею Троицы и ее психологическую реальность.

В психологической реальности изначально человек, мир и божество составляют единое целое, не замутненное никакой критикой единства. Это мир Отца, с одной стороны, и мир человека в детстве – с другой. По нашему мнению, это ситуация Адама в первозданном раю.

Благодать и могущество Отца, очевидно, не могут быть единственным космогоническим принципом. Следовательно, Единое должно быть дополнено Иным. В результате мир Отца принципиально меняется, ему на смену приходит мир Сына [7: с. 13–14]. Нереплегирующее, только воспринимающее состояние, носящее имя «Отец», превращается в рефлегирующее и рациональное состояние сознания, носящее имя «Сын» [7: с. 40].

Далее Святым Духом подлинно увенчивается развертывание Единого – после того как последнее в качестве Отца противопоставило себя Сыну. Нисхождение Единого в человеческое тело само по себе означает, что оно становится Иным, ставит себя в оппозицию к себе самому.

Можно сказать, что Святой Дух представляет собой завершение божества и божественной драмы. Ведь Троица, несомненно, – более высокая форма представления о Боге, чем простое единство, ибо она соответствует рефлегированному, т.е. более сознательному, состоянию человечества [7: с. 15]. Подобно тому как переход от первой ко второй фазе требует от человека принести в жертву свою детскую зависимость, так и при переходе к третьей фазе он должен отказаться от своей исключительной самостоятельности [7: с. 40–41]. Таким образом, психологическая реальность Троицы предполагает наличие этого архетипа в психике человека и, к сожалению, ничего не говорит об объективной божественной реальности, к которой можно приобщиться только в индивидуальном религиозном опыте.

По Юнгу, цель психологического, как и биологического, развития – самоосуществление или индивидуация. Поскольку человек знает себя лишь как некое Я, а самость – как тотальность – неопишима и неотличима от образа Божия, то на религиозно-метафизическом языке самоосуществление будет означать инкарнацию Бога. Это выражается в сыновнем статусе Христа [7: с. 25–26].

Человек же призван стать богом по благодати, принять божественное естество. «Дабы вы через них сделались причастниками Божеского естества» (2Пет. 1:4). Эти слова апостола Петра нужно понимать, различая в Существое Божиим сущность и энергии: «...мы призваны к соединению с Богом в Его энергиях, или к соединению по благодати, "причащающей" нас Божественному естеству без того, чтобы наше естество стало от этого естеством Божественным. По учению святого Максима Исповедника в состоянии обожения мы по благодати, т.е. посредством Божественных энергий, обладаем всем тем, чем обладает Бог по Своей природе, кроме тождества с Его природой. Становясь богами по благодати, мы остаемся тварными, так же как Христос, став Человеком по воплощению, оставался Богом» [8].

В заключение К.Г. Юнг пишет, что нам следует принять гипотезу о том, что развитие идеи триединого Бога является передачей какого-то секулярного коллективного процесса, а именно процесса дифференциации сознания, растянувшегося на несколько тысячелетий [7: с. 39]. Из этого следует, что Господь открывает Себя лишь подготовленному сознанию. Хотя евреи в Ветхом Завете и догадывались о триедином Боге (например, явление трех путников Аврааму), но само понятие «Троица» еще не осознавалось. Только с боговоплощением, в котором Христос засвидетельствовал Отца и Святого Духа, святые отцы, анализируя Евангелие, начинают приходить к Троицному догмату.

Однако в христианстве различают не трех Богов, а одного единого Бога, троичного в Лицах или Ипостасях (что совершенно непонятно для других религий, в особенности ислама). Об этом образе монотеистического Бога в трудах Юнга пишет О.А. Артемьева: «В своих работах К.Г. Юнг рассматривает образ монотеистического Бога в связи с архетипом Самости. Этот архетип предполагает прохождение личности по пути индивидуации, цель которой – расширение сферы сознания и интеграция всех структур личности в единое целое. Благодаря индивидуализации личность получает возможность выйти за границы "Я" и "Оно", сознания и индивидуального бессознательного, соединиться с трансперсональным, надличностным "Я", соразмерным всему человечеству и космосу» [2: с. 584].

О космическом сознании и разуме В.Ф. Петренко замечает следующее: «Не исключено, что человеческое сознание задействовано в пластах более высоких уровней сознания и мы способны улавливать отблески космического разума» [9: с. 244]. В.Ф. Петренко высказывает гипотезу о вневременном и внепространственном характере коллективного бессознательного. Коллективное бессознательное имеет многоуровневый и многослойный характер, отмечает В.Ф. Петренко. «Присутствие космического сознания (вернее, коллективного космического бессознательного) во все века биоло-

гической и социальной эволюции задавало направление вектора эволюционного развития (или наличие телеономической, целевой функции), что на языке религиозного менталитета являло собой божественное присутствие» [9: с. 252]. И все же, для В.Ф. Петренко божественное присутствие проявляет себя в более высоком уровне космического сознания или бессознательного, а не божественной Личности, как принято в православном христианстве.

Заключение

Таким образом, в работах З. Фрейда религия предстает в виде модели инфантильных чувств человечества. Фрейд смотрит на религию как на компромисс человечества, не только спасающий его от глубинного бессознательного чувства страха и вины, но и ограничивающий его зрелое развитие.

По К.Г. Юнгу, сущность религиозного опыта заключается в повиновении высшим силам. Юнг интерпретирует понятие бессознательного как ре-

лигиозное понятие. Согласно ему бессознательное не может быть только частью индивидуального сознания, но является неконтролируемой, врывающейся в наше сознание силой, раскрываемой в понятии нуминозного.

Таким образом, Юнг сводит религию к психологическому феномену, поднимая бессознательное до уровня религиозного феномена. Он считает, что целью развития человека является расширение его сознания, выражающееся в индивидуации личности, в том числе во взаимодействии с коллективным бессознательным. Религиозные архетипы и символы, порожденные коллективным бессознательным, способны наделять смыслом события и нормы жизни человека. Так, смыслом наличия архетипа Троицы в сознании и коллективном бессознательном человека выступает неразрывная связь Творца со своим творением.

Список источников

1. Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. Я и Оно. Харьков, 2002. С. 363–528.
2. Артемьева О.А., Курбатова М.В. Монотеизм с позиций психоанализа // Психология и психотехника. 2015. № 6(81). С. 579–587. DOI 10.7256/2070-8955.2015.6.14905.
3. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. Москва : АСТ, 2011. 256 с.
4. Юнг К.Г. Психология и религия / Юнг К.Г. Архетип и символ. Москва : Канон +, 2021. 290 с.
5. Отто Р. Священное. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2008. 272 с.
6. Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного. Москва : Когито-Центр, 2013. 352 с.
7. Юнг К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице / Юнг К.Г. Ответ Иову. Москва : Канон +, 2020. 352 с.
8. Настольная книга священнослужителя. В 8 т. Т. 8. Москва : Изд-во Московской патриархии, 1988. 800 с.
9. Петренко В.Ф. Научная и религиозная картина мира // Мир психологии. 2017. № 3(91). С. 238–256.
10. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва : Российское Библейское общество, 2013. 1337 с.

References

1. Frejd, Z. Totem i tabu // Frejd Z. Ja i ono. Har'kov, 2002. P. 363 – 528. (in Russian).
2. Artem'eva, O.A. Monoteizm s pozicij psihoanaliza / O.A. Artem'eva, M.V. Kurbatova // [Monotheism from the standpoint of psychoanalysis] Psihologija i psihotehnika. 2015. no 6(81). P. 579–587. DOI 10.7256/2070-8955.2015.6.14905.
3. Frejd, Z. Budushhee odnoj illjuzii. M.: AST, 2011. 256 p. (in Russian).
4. Jung, K.G. Psihologija i religija. / K.G. Jung. Arhetip i simvol. M.: Izdatel'stvo Kanon +, 2021. 290 p. (in Russian).
5. Otto, R. Svjashhennoe. – SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2008. 272 p. (in Russian).
6. Jung, K.G. Oчерki po psihologii bessoznatel'nogo. M.: Izdatel'stvo Kogito-Centr, 2013. 352 p. (in Russian).
7. Jung, K.G. Popytka psihologicheskogo istolkovanija dogmata o Troice / K.G. Jung. Otvet Iovu. M.: Izdatel'stvo Kanon +, 2020. 352 p. (in Russian).
8. Nastol'naja kniga svjashhennosluzhitelja. V 8-j tt. T. 8. M.: Izd-vo Moskovskoj Patriarhii, 1988. – 800 p. (in Russian).
9. Petrenko, V.F. Nauchnaja i religioznaja kartina mira / V. F. Petrenko // [Scientific and religious picture of the world] Mir psihologii. 2017. no 3(91). P. 238–256.
10. Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. M.: Rossijskoe Biblejskoe obshhestvo, 2013. 1337 p. (in Russian).

Информация об авторах

К.И. Воробьева – доктор психологических наук, профессор;
А.В. Бадерко – аспирант.

Information about the authors

K.I. Vorobyova – Doctor of Psychological Sciences, Professor;
A.V. Baderko – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 17.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 17.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья
УДК 159.964.21
doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-28-37

МАКРОСОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ТЕКУЩЕГО КРИЗИСА С ПОЗИЦИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Станислав Владимирович Романчук
Хабаровск, Россия, lost1the@gmail.com

Аннотация. В статье представлена попытка применения к отечественному материалу психогенной теории исторической мотивации Ллойда деМоза, транспонированной в понятийную систему интерсубъективного психоанализа. Сделаны предположения относительно динамики групповых адаптационных фантазий и взаимодействия генерирующих их психоклассов в России за последнее столетие. Текущий военно-политический кризис рассмотрен как результирующий вектор этих процессов.

Ключевые слова: психоистория, деМоз, эволюция детства, психоклассы, сэлф-объектная динамика, групповая фантазия, травма, фетальный опыт, война

Original article

MACROSOCIAL DYNAMICS OF THE CURRENT CRISIS FROM THE PERSPECTIVE OF THE UNCONSCIOUS

Stanislav V. Romanchuk
Khabarovsk, Russia, lost1the@gmail.com

Abstract. The article presents an attempt to apply Lloyd deMause's psychogenic theory of the historical motivation to the domestic material, transposed into the conceptual system of intersubjective psychoanalysis. Some assumptions are made regarding the dynamics of group adaptive fantasies and the interaction of the psychoclasses that generate them in Russia over the past century. The current military-political crisis is considered as the resulting vector of these processes.

Keywords: psychohistory, deMause, evolution of childhood, psychoclasses, self-object dynamics, group fantasy, trauma, fetal experience, war

Несколько лет назад, в процессе выработки собственного отношения к проблеме пограничной патологии, мне показалось интересным расширить интерсубъективную модель этого явления [1] в сторону ещё большей интерсубъективности, добавив макросоциальное измерение. В качестве перспективного расширения виделась модель групповых процессов, изложенная Л. деМозом в психогенной теории исторической мотивации [2]. В результате социальные отношения увиделись как часть сэлф-объектной динамики (в интерсубъективном анализе детерминирующей как пограничную патологию, так и, что ещё важнее, отсутствие таковой), её фактор и её продукт. Это дало искомым дополнительную перспективу для клинического анализа [3; 4], однако, кроме того, привело к неожиданному результату в анализе прикладном. Применение получившейся схемы к отечественному материалу дало картину группы, находящейся в процессе перманентного саморазрушения, детерминированного:

а) отставанием в эволюции родительско-детских отношений;

б) происходящей из этого отставания специфичностью требований к групповой фантазии, компенсирующей детскую травму;

в) невозможностью сформировать удовлетворяющую этим требованиям фантазию в условиях глобальной фантазийной среды, формируемой более продвинутыми группами.

Увиделось также, что этот процесс далее будет лишь усугубляться – с оговоркой, что если не произойдёт качественного скачка, и группа не уничтожит себя в акте коллективного психотического отыгрыша.

Военно-политический кризис 2022 г. с этого ракурса видится таким скачком.

Пройдём по цепочке этих рассуждений.

Групповая фантазия, детская травма, компенсация и декомпенсация

Согласно Л. деМозу [2], ведущим мотивом группообразования является адаптация к раннему травматическому опыту, справиться с которым индивидуальные защитные механизмы не способны. Объединившиеся в группу субъекты, обмениваясь фантазийным материалом и отражая его друг дру-

гу, сонастраивают темп и направление регрессии и постепенно входят с этим опытом в контакт. Далее в отношении него, также совместно, генерируются фантазии: фантазии самой травмы, фантазии её отрицания (защиты), фантазии свертотрицания (компенсации). Далее группа реифицирует эти фантазии в общественных институтах и отыгрывает в социальных практиках.

С позиции интерсубъективного анализа [1] эта схема групповой адаптационной работы может быть описана как особый случай выполнения сэлф-объектных функций.

1. Признание наличия травматического аффекта, его принятие, его распознавание – три функции, объединённые в группу «дифференциация».

2. Интеграция аффекта, т.е. предоставление определённого места в личном аффективном космосе и включение в регулярную динамику.

3. Контейнирование, т.е. компенсация или хотя бы снижение интенсивности до переносимой величины путём помещения в более широкий контекст переживания себя-и-мира, имеющий в целом более позитивное качество.

4. Когнитивизация – осмысление в контексте «жизни, вселенной, всего».

Фантазия травмы, привязывающая её материал к неким объектам и явлениям, выполняет функцию дифференциации аффекта. Состояние, в которое группа впадает при её крушении, можно соотносить с состоянием психотической дезинтегрированности, из которого участники пытаются выйти путём параноидальных конкретизаций (злые духи, ведьмы, суровость бога, враждебная раса/нация/класс, экономические и экологические угрозы, т.д.).

Фантазия защиты выполняет функции интеграции, контейнирования и когнитивизации на мини-

мально необходимом уровне. Состояние группы, которой не удаётся её генерировать, можно описать как пограничное: наличие травматического материала в принципе признано, но непереносимо, оно не позволяет ощущать «Я» цельным и приемлемым (так же как не удаётся создать приемлемый и цельный образ мира – знаменитое «так жить нельзя»).

Фантазия компенсации интегрирует, контейнирует и когнитивизирует в полном объёме: объясняет, что всё не то что «не так уж плохо», но хорошо и даже замечательно. При её отсутствии состояние группы можно соотносить с тяжело невротическим: «Я» приемлемо, но не более, способ жить найден, но радости в нём нет.

Необходимым условием адаптационной эффективности этих процессов является достаточная степень единообразия основной проблематики участников. Группа собственно и формируется по принципу притяжения субъектов с общей проблематикой – тех, кто может бессознательно дискутировать об общей травме. Когда же степень этой общности становится недостаточной, переживаемая участниками фрустрация инициирует борьбу, итогом которой становится уход или маргинализация части участников, разделение группы или её полный распад.

Исследуя историческую эволюцию родительско-детских отношений («Эволюция детства», 1974) [2: с. 14], деМоз вывел шесть «психогенных педагогических стилей» (далее – ППС), пять порождаемых ими типов проблематики и пять комплектов групповых фантазий – превалировавших в разные исторические эпохи и определявших «лицо» этих эпох. Краткие сведения об этих стилях и предположения об их связи с другими явлениями приведены в табл. 1 [2; 5; 6].

Таблица 1

Психогенные педагогические стили

Возникновение	Проблематика	«Психический тип» по деМозу	Тип характерологической адаптации по Джонсону	Структура личности по Мак-Вильямс	Базисные групповые фантазии			Область отыгрывания фетальной драмы	Социальная организация группы
					Травмы	Защиты	Компенсации		
Инфантицидный стиль									
Изначальный доисторический	Угроза уничтожения первичным окружением	«Шизоидный»	Шизоидный (наиболее тяжёлая степень)	Шизоидная + параноидальная	Мать убивающая	Отец убивающий	Отец спасающий	Религия, кровавые ритуалы	Родоплеменная/деспотия
Бросающий стиль									
IV в.	Депривация	«Аутический»	Сочетание лёгкой степени шизоидного и тяжёлой орального	Шизоидная	Субъект брошен родителями	Субъект сам отказался от родителей	Отрицание реальности бросания/обретение родителей символических	Религия, мазохстический «отказ от рождения»	Феодализм

Окончание табл. 1

Возникновение	Проблематика	«Психический тип» по деМозу	Тип психологической адаптации по Джонсону	Структура личности по Мак-Вильямс	Базисные групповые фантазии			Область отыгрывания фетальной драмы	Социальная организация группы
					Травмы	Защиты	Компенсации		
Амбивалентный стиль									
XIV в.	Ненадёжность удовлетворения потребностей	«Депрессивный»	Оральный (слабая степень)	Маниакально-депрессивная	Мать не любит	Мать будет любить при условии «хорошесть»	Субъект любит родителей	Переход от ↑ к ↓	Просвещённый абсолютизм
Навязывающий стиль									
XVIII в.	Контроль и зависимость	«Компульсивный»	Навязчиво-компульсивный	Обсессивная и компульсивная	Мать контролирует матери	Принятие контроля матери	Субъект контролирующий	Общественно-политическая жизнь	Классический капитализм
Социализирующий стиль									
XIX в.	Недостаточная аутентичность «Я»	«Тревожный»	Истерический	Истрионическая (легкая степень)	Субъект-представитель матери	Группа-представитель субъекта	Субъект свободен	Экономика	Общество потребления
Помогающий стиль									
Вторая половина XX в.	Ещё не установлены								

Для обозначения части группы, воспитанной в одном ППС (имеющей соответственно общую проблематику, которая может быть выражена и отыграна в общих фантазиях), деМоз ввёл понятие «психокласс». Так как для максимизации эффекта своих фантазий психокласс нуждается в их утверждении в качестве общих для всей группы, овеществлении и отыгрывании, каждый новый психокласс вступает в борьбу со старыми, а в дальнейшем, при появлении еще более нового, проти-

водействует уже ему. Эта борьба психоклассов за утверждение своих групповых фантазий, по деМозу, составляет основу социальной эволюции.

Смена господствующей групповой фантазии лишает психокласс коллективных защит от его травмы и влечёт массовую регрессию – сначала к этой травме, а от неё к травме пери- и пренатальной. Некоторые предположения относительно исторических примеров таких коллективных декомпенсаций приведены в табл. 2.

Таблица 2

Исторические примеры коллективных декомпенсаций, обусловленных сменой господствующей групповой фантазии (в Западной Европе)

Утверждаемая групповая фантазия	Утрачиваемые адаптационные средства	Явления	Пострадавшие психоклассы
Поздняя Римская империя – XV в.			
Христианство	Множественность культов, соответствующая множественности внутренних объектов и фрагментов «Я» (массивное проецирование) Мистерии смерти и возрождения, ритуалы умилоствления, кровавые жертвоприношения, легальность детоубийства (отыгрывание и садистическая инверсия)	Массовые психотические состояния – с галлюцинациями, кататонией и гебефренией, манией самоповреждения и суицидального аскетизма	Инфантицидный
XV–XVII вв.			
Абсолютизм	Феодалные и религиозные иерархии, ордена, цеха и братства, почитание святых и Девы Марии (компенсирующие травму брошенности) Элементы магии и грубого, «вещественного» символизма в религиозном культе, позволяющие связать и отыграть архаические страхи и деструктивные импульсы	Реформация, войны религиозные и крестьянские, охота на ведьм	Бросающий, инфантицидный

Окончание табл. 2

Утверждаемая групповая фантазия	Утрачиваемые адаптационные средства	Явления	Пострадавшие психоклассы
XVII – начало XX в.			
Национализм	Групповая фантазия Идеального Отца – защищающая амбивалентный психокласс от ненадёжной матери, бросающий – от переживания брошенности, а инфантицидный – от матери убивающей	Революции, террор, гражданские и общеевропейские войны включая Первую мировую	Амбивалентный, бросающий, инфантицидный
XX в.			
Демократия, общество потребления («эротический материализм» по Л. деМозу)	Фантазии расовых, национальных и классовых границ – имитирующие безопасное внутриутробное пространство Фантазия репрессивного контроля, защищающая от кары Супер-Эго за удовлетворение потребностей и утверждение себя, а также дающая: навязывающему психоклассу – переживание себя контролирующим амбивалентному – надежду заслужить любовь подчинением бросающему – поддерживавшая мазохистический отказ от жизненной экспрессии во имя слияния с идеальным небесным родителем инфантицидному – служившая точкой определённости в хаотическом мире	Тоталитаризм, Вторая мировая война, глобальное противостояние, разочарование в цивилизации, эсхатологизм (расовый, культурный, психологический, экологический, экономический), неоархаическое мессианство	Навязывающий, амбивалентный, бросающий, инфантицидный

Фетальная составляющая групповой фантазии

Начав с исследования травмы, причиняемой родительским обращением, деМоз далее пришёл к идее о фетальном (т.е. пре- и перинатальном) опыте как главной травме – структурирующем прототипе всех последующих травм, и пределе регрессии, к которой группа стремится и от которой защищается посредством своих фантазий («Основания психистории», 1984) [1: с. 321]. В результате этого дополнения, помимо того, что были выделены групповые фантазии, относящиеся непосредственно к фетальному уровню, травму педагогического стиля стало возможно интерпретировать как группоспецифичный медиатор этой универсальной травмы [4].

Фетальная травма, согласно деМозу, остаётся неотменимым центром притяжения при любом педагогическом стиле. Поэтому в фантазийной жизни группы неизбежны циклические регрессии к переживанию фетального коллапса, где заключён экстремально негативный материал. От него необходимо защититься (с точки зрения интересубъективного анализа – безопасно включить в «Я»: дифференцировать, интегрировать, контейнировать, когнитивизировать), и группа решает эту задачу посредством бредовой концептуализации – элементы фетальной драмы (плод, пуповина, плацента, загрязнение, роды) проецируются на актуальные объекты, между этими объектами постулируются соответствующие связи, а противоречащие этим связям закономерности материального мира отрицаются. Группа «находит» причину своего негативного состояния, а также иллюзорный способ выйти из него – в той или иной форме воплощающий фантазию рождения, на этом фаза коллапса завершается и наступает фаза борьбы. С этого мо-

мента начинается восстановление групповой фантазии, вследствие чего функционирование участников группы улучшается, а если групповое действие, воспринимаемое как выход, ещё и удаётся (каким бы бессмысленным или деструктивным оно ни было), фетальный уровень групповой фантазии вновь переходит в фазу безопасности.

Находимые в фазе коллапса иллюзорные выходы деМоз разделял на три вида: «цареубийственное решение», «суицидальное» и «военное», однако представляется более продуктивным рассматривать эти выходы с точки зрения смысловых тем [4], которые могут проявляться в разных сочетаниях и с разным соотношением садизма и мазохизма.

1. Жертвоприношение лидера. От физического убийства (в форме легального ритуала, криминального покушения или переворота) до непереизбрания. Представляется, что любая смена лидера на определённом уровне психики переживается как такое жертвоприношение. Поскольку изначальная фантазийная роль лидера группы – мишень для проецирования образа Плаценты, группа нуждается в его периодическом уничтожении – для отыгрывания фантазий:

а) обрушения на группу потока животворной крови (восстановление плацентарного обмена после его ухудшения);

б) рождения (окончательное освобождение).

Второй стандартно проецируемый на лидера образ, Плод, также может быть принесен в жертву – как в порядке садистической инверсии, так и в порядке мазохистической идентификации.

Электоральный цикл можно рассматривать как символическое отыгрывание этих фантазий.

2. Жертвоприношение части группы. Варианты динамики те же, за тем отличием, что образ Пла-

центры и/или Плода смещается с лидера группы на некоторую её часть, трактуемую либо как «плохая» (различные подгруппы, «еретики», «изменники», «враги народа»), либо, напротив, лучшая (дети, военные, молодёжь). Представляется, что социальные институты и практики, сопряжённые с насилием над участниками группы, суровым обращением с ними или помещением их в опасные условия, в числе своих детерминант имеют и этот групповой мотив, полноценно реализовывавшийся в историческом прошлом, и так или иначе реализующийся сейчас – в форме явной, завуалированной, смягчённой или символической, в результате действий, воспринимаемых как нормальные или как случайные и ошибочные.

3. Жертвоприношение группы. Разнообразные действия, направленные на значительное ухудшение её положения: политическую изоляцию, экономическую блокаду, военный разгром, эксплуатацию, деградацию внутригрупповых условий – хозяйственных, социальных, правовых, политических и т.д.¹

Психика участников при таком выходе, в первых, стабилизируется за счёт объективации фетального материала – реализуется элф-объектная функция дифференциации аффекта (внешние обстоятельства становятся настолько же плохи, как субъективное состояние, так что оно теперь может быть объяснено ими). Во-вторых, отыгрываются некоторые фантазии защиты, т.е. реализуется функция интеграции. Например:

а) мазохистическое принятие смерти. Варианты: в надежде на последующее возрождение, для слияния с родителем-плацентой через подчинение его инфантицидной воле, для моральной победы над ним;

б) героическая аскеза. Стремление получить нечто ценное в обмен на стойкое претерпевание мучений;

в) искушение. Группа, ощущающая себя недостойной, жаждет очиститься и заслужить лучшую/новую жизнь.

4. Жертвоприношение внешнего врага. Наиболее радикальный способ разгрузки проблемного материала всех уровней и наиболее прямое отыгрывание фантазии рождения. Образ Ядовитой Плаценты проецируется на другую группу, сама группа идентифицирует себя с плодом, а переживаемое ею страдание получает смысл (вредоносное воздействие извне) и перспективу (обрести освобождение в битве, т.е. родиться).

Это решение подразумевает необходимость последующих переживаний битвы и победы, в противном случае «плод» ждёт «гибель в родовом канале», так что группа должна либо получить эти переживания – любой ценой, либо вернуться в фазу коллапса, а затем найти новый иллюзорный выход,

который можно пережить в отреагировании (назначить и победить другого врага, принести в жертву лидера – как ненавистного тирана или как оплакиваемого героя, принести в жертву себя или свою аффективно значимую часть). Поэтому группа, выбравшая такой вариант, испытывает мощнейшее тяготение вступить в войну, вопреки любым объективным обстоятельствам и рациональным оценкам. То, что препятствует этому решению, просто перестаёт восприниматься: негативные последствия (как возможные или вероятные, так и совершенно неизбежные), неблагоприятное соотношение сил, практическая бесполезность поставленных целей или невозможность их достижения наличными средствами, величина риска негативных исходов, методологическая и техническая некорректность расчётов² – внешняя реальность отступает на второй план под давлением императивной потребности родиться.

Помимо темы жертвоприношения внешнего врага в войне присутствуют также другие фантазийные темы. Группа заодно приносит в жертву саму себя: например, для того, чтобы ощутить рождение заново, ей могут требоваться помимо переживаний борьбы и триумфа также переживания предваряющего страдания и напряжения, а в более мазохистическом варианте тема саможертвоприношения может и вовсе быть главной. В жертву также приносится «лучшая часть» группы – аристократия, военные, молодёжь: они должны или омыть группу своей животворной кровью, или умереть в пасти Молоха, замещая группу, или позволить группе отождествиться с Молохом и уничтожить их.

По ходу исторической эволюции психогенных педагогических стилей в войнах можно наблюдать изменения соотношений этих тем, рост и последующее угасание мазохизма и садомазохизма, отказ от насилия внутри «священных границ нации» и проецирование его вовне, а также появление способности получать некоторое количество целевых переживаний средствами непрямыми и символическими.

Применение теории к отечественному материалу. Пертурбации групповых фантазий в России XX в. и текущий кризис

Наиболее распространённым педагогическим стилем Российской империи начала XX в. видится инфантицидный. На это указывают описанные практики обращения с детьми, стандарты микро- и макросоциальной коммуникации, религиозный культ, магичность бытовых и социальных представлений, превалирование мотиваций внеэкономических и иррациональных [7; 8].

Групповая фантазия «православного самодержавия» в наибольшей степени была ориентирована на нужды этого психокласса: Великий Отец своей

¹ В 2022 г. может показаться комментарием по поводу текущей ситуации, однако этот фрагмент был написан в 2016 г.

² Также написано в 2016 г.

магической силой удерживает само Космическое Бытие от угрожающего ему распада.

Для бросающего психокласса это другой Отец – сияющий на вершине иерархии, место в которой даёт «детям» иллюзию аффилиации с ним и осмысленности собственной жизни. Чем лучше эта иерархия структурирована, чётче определены позиции и статусы, тем эффективней она выполняет эту роль. В «самодержавии» такой структуры нет: с точки зрения представителя этого психокласса, здесь между ним и Отцом – вакуум, заполненный хаотически меняющимися лицами, статусные характеристики которых определяются и переопределяются так же хаотично, да и его собственная позиция всегда слишком сомнительна и отменяема. Институты военной и гражданской службы дают ему лишь эрзац: они заимствованы из общества следующей ступени – организованного вокруг фантазии абсолютизма – и стремление бросающего психокласса превратить их в построенную на личных вассальных связях феодальную пирамиду (так же как инфантицидного – в собственность клана кровных родственников) им антагонистично. Лишь крепостное право было институтом в полной мере комплементарным этому психоклассу, но оно уже закончилось, и это «закончилось» фрустрировало представителей психокласса по обе стороны сословного барьера.

Для психокласса амбивалентного самодержец – это Отец, дающий Правила. Правила ценны тем, что устанавливают дозволенные способы удовлетворения потребностей, а представители этого психокласса как раз и обнаружили, что потребности у них есть. Они берутся оценивать Правила – а заодно и в целом деятельность монарха – с точки зрения соответствия этим потребностям, и велик шанс, что однажды найдут их несоответствующими (а самого монарха достаточно слабым, чтобы возмутиться «тиранией»), каковы бы те ни были объективно – маниакально-депрессивная динамика не способствует устойчивости переживания удовольствия. Кроме того, Отец должен быть одновременно и велик, и близок, и он должен говорить с «детьми» и слышать их, и, конечно, должен сам исполнять Правила – но при этом не искушать «детей» на восстание своей «слабостью». К запросам этого психокласса самодержавие в последнее царствование значительно приблизилось, но сочетание личных качеств самодержца и динамики психокласса превратило его в глазах последнего в «тиранию» – так же как режимы Карла I и Луи XVI.

Для психокласса навязывающего самодержец – лишняя фигура, не позволяющая ему реализовать свою фантазию компенсации: контролировать свою жизнь и жизнь вокруг себя (а заодно служащая мишенью для проецирования образа контролирующей матери, у которой нужно отнять контроль).

Таким образом, групповая фантазия самодержавия соответствовала потребностям инфантицидного психокласса, и в меньшей степени – бросающего. К 1917 г. положение усугубилось военным кризисом, породившим разочарование в монархе: инфантицидный психокласс безуспешно ждал от него магического решения, бросающий – «наведения [иерархического] порядка», амбивалентный – «привлечения во власть достойных людей».

Инициатором антимонархического переворота 1917 г., так же как в революциях 1640 и 1789 гг., представляется амбивалентный психокласс. Традиционно начав с попыток «подвинуть» монарха к желательным для себя решениям и продолжив попыткой его замены, амбивалентные революционеры традиционно не удержали ситуацию и пришли к крушению групповой фантазии монархии, после чего столь же традиционно проиграли представителям более старых психоклассов войну за иллюзорное решение, которое группа сочла бы выходом из фазы коллапса. На третьем году тяжелой, неудачной, а главное – не покрывавшейся защитными фантазиями старых психоклассов войны (здесь требовалась групповая фантазия национализма) группа не могла «увидеть» этот выход в жертвоприношении внешнего врага. Оставались жертвоприношение лидера, части группы и группы целиком. Применены были все три. Итогом стала всесторонняя деградация группы – социальная, культурная, технологическая, экономическая и политическая. Революционные и постреволюционные групповые фантазии – кровавое очищение, искупительные жертвы, «экономика дарения», партия псевдонового типа («орден»), универсализм, красный крестовый поход – фантазии психоклассов инфантицидного и бросающего [9; 10].

Представляется, что борьба между этими психоклассами играла как минимум значительную роль в дальнейших исторических катаклизмах.

ВКП (б) с примкнувшей к ней частью дореволюционного военного слоя, выигравшие Гражданскую войну – в массе представители бросающего психокласса. «Феодальные» типы: религиозные подвижники, нарциссы, истребительные эксплуататоры, психопаты. Крестьянство – в массе инфантицидно, тяжёлые шизопараноики. Их первое столкновение закончилось компромиссом: первые подавили вторых, однако вынуждены были оставить им прежний образ жизни и примитивный хозяйственный уклад. Однако далее «красному дворянству» удалось крестьян закрепостить и приступить к насильственной модернизации – снова, как и двести лет назад, пытаясь копировать передовые технологические формы архаичными социальными средствами. Долгожданная победа бросающего психокласса, победа феодализма.

Истребление красного дворянства, превращение ВКП (б) из высшей касты в холопов государевых, человеческие жертвоприношения с участием всей группы – собрания, митинги, «расстрелять как собаку», атмосфера ужаса как новая норма, поклонение Отцу Народов – воплощение фантазий психокласса инфантицидного. «Сбылись мечты народные» – глубинное мироощущение наиболее травмированной части группы наконец-то перестроило материальную реальность по образу себя.

Коллапс групповой фантазии со смертью Отца, новый виток борьбы. Победа бросающего психокласса – фантазия феодальной теократии (и примечательный момент: реабилитация ранее репрессированных «собратьев по психоклассу»). КПСС – церковь и религиозно-рыцарский орден, марксизм-ленинизм – государственная религия, религиозная деятельность является стержнем общественной жизни, правящий слой – братья-рыцари, вершащие власть именем Церкви. Воцерковление и религиозное образование обязательны для всех, в каждом учреждении есть «часовня», есть свой «священник», регулярно читаются «проповеди» и проводятся «богослужения», еретиков изымает «инквизиция». Искупление кровью уже свершилось и повторения не требует (культ мучеников Революции и Войны). Бросающий психокласс доминирует и благоденствует: никто не брошен, никто не сам по себе, всех объединяет великая любовь Матери-Церкви, на этот раз именуемой «Партия и Правительство».

Кризис феодальной теократии. Наложение факторов.

1. Фетальный цикл. За фазой безопасности следует фаза трещины, и чем дольше спокойный период, тем сильнее ожидания его катастрофического конца. Нарастающее ощущение «становится хуже» (крылатая фраза эпохи: «так жить нельзя»), даже если объективно наоборот. Хотя бросающий психокласс к фетальному циклу относительно иммунен (стремится задержаться в фазе безопасности любой ценой – внутреннее решение не рождается), но и ему требуется периодически отыгрывать накопленный материал. Иначе говоря, группа слишком долго жила спокойно.

2. Бросающий психокласс болезненно реагирует на «соблазны» [4]. Условия жизни постепенно перестают быть достаточно некомфортными для удержания его потребностей диссоциированными, а Супер-Эго спящим. Нарастает тревога.

3. Внешняя цензура снижает интенсивность перемещения личного материала в общее фантазматическое поле. От этого групповая фантазия держится дольше, но защищает хуже, свободная тревога у членов группы накапливается.

4. Эволюция ППС. Круг замыкается: отдельные родители снова переходят к амбивалентному, навя-

зывающему (а возможно, и социализирующему) ППС, и в группе опять появляются эти некогда уничтоженные психоклассы. Первый хочет «очищения церкви», второй – капитализма/ национального государства, третий – свободного общества. Затронутая эволюцией верхушка группы задумывается о «секуляризации» – так же, как в своё время это происходило в североевропейских рыцарских орденах и епископствах: Великий Магистр хочет стать курфюрстом, Командоры – баронами.

Движение групповой фантазии к коллапсу и поиск иллюзорного выхода. Фантазии, загружавшиеся психоклассами в общее поле.

Инфантицидный: вернуться к корням, к основе, природе, почве. «Деревенская литература», экологическая озабоченность, тяготение к православию (позже – язычеству), племенная самоидентификация, ревизия Гражданской войны и коллективизации с прокрестьянских позиций, «дачное движение», фермерство как панацея.

Бросающий: затянуть гайки, навести порядок. Борьба с коррупцией, дисциплина, аскетизм, критика «отклонений от ленинских норм», магическая надежда, что проблемы решит «правильное» начальство, вера в светлое будущее, за которое нужно пострадать.

Амбивалентный: пусть станет лучше. Депрессивная составляющая: ревизия соответствия официальной идеологии священному писанию, т.е. Марксу и Ленину, борьба с привилегиями партийных работников, обличение преступлений режима, покаяние. Маниакальная составляющая: «больше демократии – больше социализма», многопартийность, национальное самосознание, требование суверенитета, «хозрасчёт», «кооперативное движение», ожидание взрывного роста личного благосостояния от уменьшения государственного регулирования экономики, а в дальнейшем – от его полного прекращения и «радикальных рыночных реформ» (заимствование идей навязывающего и социализирующего психоклассов с наполнением их собственным содержанием).

Навязывающий: общее – значит ничьё. Нерациональность социализма, государственного участия в экономике, общественной собственности и общественного контроля. Частная собственность, национальные границы, социальные классы, невидимая рука рынка.

Социализирующий: свобода личности, общество потребления. Самовыражение, самоопределение, самопроявление.

Представляется, что влияние последних двух психоклассов в связи с их малочисленностью ограничилось предоставлением внешней формы своим фантазий всем остальным для наполнения их собственным – парарелигиозным – содержанием [3].

Суррогатные парарелигиозные фантазии защиты, позже выработанные старыми психоклассами на социально-экономическом материале.

1. Инфантицидный. «Рынок», «капитализм» как проекция бога – убивающего родителя:

а) которому надлежит принести кровавую жертву – часть группы, чтобы отвести угрозу от себя. В более мазохистическом варианте – группу целиком, включая себя, для мистического возрождения;

б) с которым нужно отождествиться и принести группу в жертву «ему-себе» – преодоление травмы садистическим инвертированным отыгрыванием. Социальный садизм.

2. Бросающий:

а) «рынок», «капитализм», «либерализм», «свобода» как проекция бога – небесного родителя, переживание аффилированности с которым можно получить через мазохистическое принятие страданий. Град Господень, Горний Иерусалим на Западном Западе, которого благочестивый паломник рассчитывает достичь. Реформы как паломничество, отыгрывание фантазии самостоятельного ухода от родителя земного, отрицающей опыт брошенности им. Обратная сторона: мегаломания, мессианство, «железной рукой загнать к счастью»;

б) «Бога нет». Нарциссизм, требование служения себе, ожидание безусловного и немедленного удовлетворения прежде диссоциированных потребностей. Безрассудная алчность, отрицание объективных ограничений, непереносимость задержки, ненависть и стремление убивать в ответ – «свобода, дозволено всё». Для компенсации травмы необходимо растожествление со «страдающим "Я"» и проецирование его на других – поэтому не сладко, пока другим не голодно («любо видеть мне народ голодающим, раздетым, страждущим, не обогретым...»³). Ещё один вариант динамики социального садизма.

3. Амбивалентный. «Рынок», «капитализм», «либерализм», «свобода», «общество потребления», «демократия», «права человека» – как проекция бога – доброго родителя, обещающего удовлетворять потребности ребёнка за то, что тот его любит. Депрессивный полюс: вина за своё недовольство, необходимость заслужить расположение бога своей предваряющей любовью. Маниакальный полюс: отрицание вины, я хорош, я заслуживаю. «Мир – изобильный стол, я допущен к нему [а плохие – те, кто не допущен – третий вариант динамики социального садизма]».

Общегрупповой иллюзорный выход, найденный в фазе коллапса советской религиозно-феодальной фантазии и реализуемый по настоящее время – жертвоприношение группы и части группы. Последовательно сменившиеся доминирующие групповые фантазии: миллениаризм («тысячелетнее царство божье»)

и ожидание чуда (до 1993), просвещённая монархия (до 1999), возвращение самодержавия (затрудняюсь указать рубеж), и последнее – неофеодализм.

Эффективность данных фантазий была недостаточна, полноценной стабилизации, общегруппового переживания фетальной безопасности не произошло. Двум новым психоклассам (навязывающему и социализирующему) они просто чужды, а трём старым дополнительно требуется мощная религиозная составляющая, прежде присутствовавшая в «марксизме-ленинизме»:

1) для отыгрывания фантазии фетальной травмы (восстановление плацентарного обмена и рождение заново): инфантицидному и бросающему – нужна абсолютно, амбивалентному – частично (он ограниченно способен использовать для этого актуальные события политической жизни);

2) для формирования фантазий компенсации травмы воспитания: инфантицидному – фантазии возрождения, спасения, победы Отца над Убивающей Матерью, бросающему – безопасной зависимости, всеобщей семьи, связи с Родителями Небесными, амбивалентному – стабильной, надёжной любящей коммуникации между ним и родителем.

Стартовавший синхронно с угасанием советской «государственной религии» рост интереса к оккультизму, религиям, колдовству, мистическим знаниям с этого ракурса видится попытками старых психоклассов найти ей замену и создать полноценные фантазии компенсации на её основе. Однако последнее невозможно в условиях глобальной информационно-среды, выводящей борьбу психоклассов за пределы групповых границ и заставляющей старые психоклассы контактировать с разрушающими их фантазиями других, более продвинутых групп.

Таким образом, видится картина группы, лишившейся фантазии патерналистского Государства – Церкви, прежде позволявшей справляться с превалирующими в ней травмами – травмой угрожающего первичного окружения и травмой брошенности – и неспособной выработать другую столь же действенную фантазию взамен неё, из-за чего участники были вынуждены дифференцировать свой травматический материал посредством паранойяльных конкретизаций и пытаться его интегрировать посредством деструктивных отыгрывающих действий – в адрес самих себя, друг друга, группы в целом, подгрупп в её составе, других групп. 24.02.2022 с данной ретроспективы выглядит как качественный скачок в процессе этого саморазрушения – попытка группы уничтожить себя в акте коллективного психотического отыгрывания.

В качестве второй детерминанты этого события видится та часть группового фантазирования, которая связывает материал перинатального уровня – отыгрывание травмы рождения, т.е. циклическое проживание группой четырёх фаз: безопасности,

³ Бертран де Борн, «Сирвента».

трещины, коллапса и борьбы. Наиболее продвинутые способы этого отыгрывания в данной группе заблокированы. Так, электоральная активность – в норме выполняющая функцию символического жертвоприношения лидера либо его героического нового рождения – эмоционально полностью выключена и для этой цели не пригодна. В такой ситуации члены группы вынуждены использовать более архаические и деструктивные варианты – такие как принесение в жертву внешнего врага, самой группы или её эмоционально значимой части. В качестве примера можно привести пожар с гибелью 60 человек, включая 37 детей, в торговом центре «Зимняя Вишня», происшедший 25 марта 2018 г. – ровно через неделю после президентских выборов. Представляется, что в данном случае имело место групповое желание отыграть фантазию рождения, которое, не найдя разрешения в электоральном символизме жертвоприношения или нового рождения лидера, реализовалось через физическое жертвоприношение детей – посредством внешне независимых друг от друга, но бессознательно синхронизированных индивидуальных ошибочных действий. Таким же образом можно трактовать моду на одевание детей младшего возраста в военную форму эпохи Второй мировой войны, а также недавнюю панику вокруг «групп смерти» (отрицание и проецирование активизировавшихся инфантицидных желаний).

Итог: два кризиса, один длящийся, другой циклический, наложились и усилили друг друга, одновременно перекрывая доступ к ресурсам, которые могли бы быть использованы для удержания уровня функционирования и выхода с меньшими потерями. Военная акция, удивляющая своей иррациональностью даже в чисто техническом отношении, с этой позиции выглядит интегральным иллюзорным решением: новое рождение через одновременное жертвоприношение внешнего врага, собственной молодёжи и группы целиком – «прыжок с веранды храма Кийомицу»⁴.

Группа прыгнула.

Перспективы дальнейшей динамики. Поскольку переживания победы над внешним врагом теперь уже точно не будет (хотя бы из-за того, что врагом внезапно оказался едва не весь мир), то группа будет вынуждена ещё больше сместить центр тяжести отреагирования на принесение в жертву самой себя – и даже если произойдёт закрытый до сих пор исход «жертвоприношение лидера», он уже едва ли сможет на что-то повлиять.

Последствия прыжка. Наиболее маловероятным исходом видится тот, который изначально был заявлен как цель, и вторым – что всё как-то вернётся

на круги своя. У окружающих групп тоже есть своя динамика, и она тоже включает паранойяльный компонент. Они точно так же нуждаются и в отыгрывании своей деструктивности, и в её реатрибуции другой группе, чтобы последняя стала как её официальным носителем, так и разрешённой мишенью – и возможности для этого ситуация предоставляет беспрецедентные. Кроме того, у них тоже есть фетальный цикл, и если произойдёт его синхронизация, не исключён вариант взаимной резонансной раскачки до такого уровня транса, что каждый новый шаг к глобальной войне будет восприниматься разумным и целесообразным, а в финале таковым увидится и само «нажатие кнопки».

Если попытаться распространить на взаимодействие больших групп демозовскую модель внутригруппового проективного распределения ролей между психоклассами, картина видится следующей.

Мировая метагруппа, долгое время ограничиваясь смягчёнными средствами разгрузки фетального материала [4], накопила значительный неотрагированный остаток. Попытка разрядить его через катастрофическую пандемию не удалась (степень катастрофизма оказалась недостаточной), и поиск продолжился – путём дальнейшего обмена фантазийным материалом (в том числе проективными идентификациями) внутри групп и между группами. Одной из линий этого фантазирования был классический перинатальный сюжет победы Света над Тьмой – шло расщепление, проецирование «тьмы», и создавалось давление, провоцирующее проекцию принять. Метагруппа вывесила в фантазийное поле вакансию Мирового Зла и, нагнетая напряжение, ждала того, кто первым не выдержит и примет эту проекцию (одновременно адресно «прозванивая» потенциальных «соискателей» – группы, уже имеющие в своих параметрах подходящие для этой роли элементы). В итоге слабое звено нашлось. Далее между группами последовал обмен провокациями (финальная сонастройка), и свеженазначенный Враг Человечества приступил к отыгрыванию принятой роли. Остальные участники метагруппы приняли роль Света, и, получив наконец легальную мишень для своих запретных импульсов, принялись их реализовывать – нарушая нормы и идеалы, составляющие их идентичность, однако без вреда для неё, поскольку «плохой» уже назначен, и это не они.

Однако возможно, что в основе этих явлений лежит также динамика гораздо более глубокая и масштабная – очередная смена глобальной групповой фантазии. Возможно, на сцену вышел последний из описанных деМозом психоклассов – помогающий, и это он задаёт курс на разрушение фантазии предыдущего психокласса – общества потребления, «эротического материализма». Если так, то мы присутствуем при переломе эпох, и мир ожидают гораздо более сильные и непредсказуемые

⁴ Идиома из приведённого Л. деМозом [1: с. 124] ответа японского правительства на аналитический доклад о бесперспективности планируемой войны против США в 1941 г.

катаклизмы, чем если бы это было только отыгрыванием фетального материала.

Какой будет новая глобальная фантазия? Неизвестно, как неизвестна ещё проблематика нового психокласса. Можно предположить лишь по аналогии с предыдущими подобными событиями [3], что союзником помогающего психокласса и главной действующей массой будут психоклассы старые, враждебные обществу потребления и капитализму в порядке реакции, а не революции. Индоктринированные новым дискурсом и декомпенсированные

потерей групповых защит, они будут считать себя революционным авангардом и выступать под лозунгами прогресса, но результатом их революционной активности может стать катастрофическая реархаизация, как в России в 1917. Вероятность такого исхода видится более высокой, чем при предыдущих сменах доминирующих фантазий, так как на этот раз и число, и численность психоклассов, находящихся ниже уровня текущего гегемона и могущих стать «реакционными революционерами», велики как никогда.

Список источников

1. Столору Р., Брандшафт Б., Атвуд Дж. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. Москва : Когито-Центр, 1999.
2. деМоз Л. Психоистория : пер. с англ. Шкуратова А. Ростов-на-Дону : Феникс, 2000.
3. Романчук С.В. Теория эволюции детства Ллойда деМоза: проблемы применения. URL: https://www.b17.ru/article/demauxe_problems/ (дата обращения: 08.09.2022).
4. Романчук С.В. 24.02.2022 с точки зрения групповой сэлф-объектной динамики. URL: https://www.b17.ru/article/24february_group_self-object_dynamics_1/ (дата обращения: 08.09.2022).
5. Джонсон Стивен М. Психотерапия характера. Методическое пособие для слушателей курса «Психотерапия». Москва : Центр психологической культуры, 2001.
6. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе : пер. с англ. / под ред. М.Н. Глуценко, М.В. Ромашкевича. Москва : Класс, 2001.
7. Гарин-Михайловский Н.Г. Несколько лет в деревне. Москва : Проспект, 2014.
8. Энгельгардт А. Письма из деревни. Москва : Алгоритм, 2010.
9. 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2016.
10. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.

References

1. Robert D. Stolorow Bernard Brandchaft George E. Atwood Psychoanalytic Treatment. An Intersubjective Approach. The Analytic Press, 1987 (Russ.ed. Stolorow R., Brandchaft B., Atwood G. *Klinicheskiy psikhoanaliz. Intersub'yektivnyy podkhod*. – Moscow: Kogito-Tsentr, 1999).
2. DeMause, Lloyd Foundations of Psychohistory. New York: Creative Roots, 1982.(Russ.ed. DeMause,L. *Psikhoistoriya*. Rostov-na-Donu: Feniks, 2000).
3. Romanchuk S.V. Teoriya evolyutsii detstva Lloyda de Moza: problemy primeneniya. [Theory of Childhood Evolution by Lloyd deMause: Problems of Application.]. URL: https://www.b17.ru/article/demauxe_problems/ (accessed on September 08 2022) (in Russian).
4. Romanchuk S.V. 24.02.2022 s tochki zreniya gruppovoy self-ob'yektnoy dinamiki. [February 24, 2022 from the point of view of group self-object dynamics.]. URL: https://www.b17.ru/article/24february_group_self-object_dynamics_1/ (accessed on September 08 2022) (in Russian) .
5. Stephen M. Johnson Character Styles. W. W. Norton & Company, 1994 (Russ. ed. *Psikhoterapiya kharaktera. Metodicheskoye posobiye dlya slushateley kursa «Psikhoterapiya»*. – Moscow: Tsentr psikhologicheskoy kul'tury, 2001).
6. Nancy McWilliams Psychoanalytic Diagnosis Understanding Personality Structure in the Clinical Process The Guilford Press, 1994 (Russ. ed. McWilliams N. *Psikhoanaliticheskaya diagnostika. Ponimaniye struktur lichnosti v psikhoanaliticheskom protsesse*. Moscow: Klass, 2001).
7. Garin-Mikhailovskiy N.G.Neskol'ko let v derevne. [Several years in the countryside] M:Prospekt, 2014 (in Russian).
8. Engel'gardt A. Pis'ma iz derevni (Letters from the Village) – M.:Algoritm, 2010 (in Russian).
9. 1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktika (1917 in Russia: socialist idea, revolutionary mythology and practice): sb. nauch. tr. – Yekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2016 (in Russian).
10. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya (The red turmoil. The nature and consequences of revolutionary violence) – M.: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 1997 (in Russian).

Информация об авторе

С.В. Романчук – психолог-психоаналитик частной практики.

Information about the author

S.V. Romanchuk – Psychologist-Psychoanalyst of Private Practice.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022. The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.964

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-38-48

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО НАРОДА

Ольга Андреевна Любичская

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, lyubitskaya07@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы базовые положения понимания мифов и мифологических архетипов, характерные для психоанализа, аналитической и постюнгианской психологии. Представлен обобщающий анализ основных трудов авторитетных специалистов по мифологии (Дж. Кемпбелл и М. Элиаде). Раскрыты функции универсальных мифологических архетипов человечества. Рассмотрены национальные архетипы, являющиеся идейными доминантами национального самосознания русского народа в доиндустриальный период. Зафиксированы основные характеристики современного мифотворчества.

Ключевые слова: миф, архетип, мифологический архетип, национальный архетип, национальное самосознание, русский народ

Original article

MYTHOLOGICAL ARCHETYPES AS THE BASIS OF THE NATIONAL IDENTITY OF THE RUSSIAN PEOPLE

Olga A. Lubitskaya

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, lyubitskaya07@mail.ru

Abstract. The article analyzes the basic provisions of understanding myths and mythological archetypes that are typical for psychoanalysis, analytical and post-Jungian psychology. The generalizing analysis of the main works of authoritative specialists in mythology (J. Campbell and M. Eliade) is presented. The functions of the universal mythological archetypes of mankind are revealed. National archetypes, which are the ideological dominants of the national identity of the Russian people in the pre-industrial period, are considered. The main characteristics of modern myth-making are identified.

Keywords: myth, archetype, mythological archetype, national archetype, national identity, Russian people

Современное состояние осмысления мифа в рамках социально-гуманитарного знания демонстрирует наличие многочисленных методологических и теоретических подходов. При этом исследователи едины во мнении по поводу необходимости отхода от трактовки мифа как пережитка старины. Современное мифотворчество тесно связано с актуальными реалиями, оно перекраивает древние архетипические сюжеты и образы на новый лад. Поэтому происходящие в мире исторические события должны интерпретироваться с позиции культурно-психологического контекста, опирающегося на анализ национальных архетипов как системообразующих, ценностных факторов национального самосознания.

Фундаментальными основаниями для интерпретации психологического содержания мифов и мифологических архетипов являются идеи психоанализа, аналитической и постюнгианской психологии. Рассматривая мифы как одно из проявлений бессознательного, в качестве первостепенного фактора, благодаря которому они возникли, основатель психоанализа З. Фрейд выделял воображение. С указанным познавательным процессом связаны

такие психические явления, как: сновидения, фантазии, а также художественное творчество и психические расстройства. В труде «Толкование сновидений» учёный рассматривал сон как продукт фантазии отдельного индивидуума, а миф – как пример фантазии народа. Исследователь, интерпретируя природу мифа, указывает на его тождественность механизмам функционирования сновидения. Так, по мнению родоначальника глубинной психологии, миф об Эдипе представляет собой реакцию фантазии на определённые типы сновидений, связанные с образами смерти отца и incesta с матерью. Следовательно, предтечей мифов, по мнению учёного, являлись сны, которые существовали у многих «примитивных» сообществ.

Согласно позиции З. Фрейда миф представляет собой явление, формирующееся в результате фундаментального конфликта между сознанием и бессознательным. Мотивом для появления мифов выступает осуществление желания, которое не может быть удовлетворено в реальности, а фантазия при этом помогает пережить внутриличностный конфликт и снять напряжение [1]. Таким образом, миф

является компенсаторным механизмом, регулирующим баланс психики как системы взаимоотношений сознания и бессознательного, инстинктивного и культурного, стремления к удовольствию и запрета на осуществление этого влечения. Кроме того, З. Фрейд указывал на функцию социализации: посредством мифа человек учился объяснять окружающее и воспроизводить в повседневной жизни воспринятые модели и стереотипы поведения, формируя при этом целостную картину мира [1].

При интерпретации смысла мифологического сюжета родоначальник психоанализа руководствовался следующими позициями:

1) сновидения и мифы являются своеобразными симптомами, что делает возможным использовать алгоритм интерпретации первого;

2) анализ мифа должен проводиться при разделении его на составные элементы, поскольку любая его часть скрывает сложные внутренние противоречия между неосознанными и сознательными частями психики;

3) основной движущей силой мифа выступает превращение нежелательного и запретного в желаемое и достижимое;

4) особое внимание необходимо уделять повторяющимся мифологическим сюжетам, поскольку эффект частоты указывал на то, что внутренний конфликт носит универсальный и всеобъемлющий характер у разных народов [2].

Ученик З. Фрейда К. Абрахам также акцентировал внимание на важности толкования мифов, поскольку за внешним его содержанием стоит то, что не высказано прямо. В данном случае речь идёт о вытесненных в сферу бессознательного общих для людей разных эпох и народов непристойных или асоциальных человеческих желаний и конфликтов, прошедших символическую переработку, и в «исправленном» виде попадающих в сознание человека [3]. Таким образом, миф воспринимался учёным как пример коллективной фантазии, в основе которой лежали типичные для людей желания, вытесненные в сферу бессознательного, имеющие преимущественно сексуальный характер. Он развивал идею своего учителя, смысл которой заключался в том, что власть – это конкретное проявление отношений сексуального противостояния. Например, интерпретируя древнегреческий миф об Уране и Титанах как вариант мифа борьбы за власть, учёный в качестве ведущего мотива противостояния рассматривал сексуальное соперничество [3].

Согласно позиции К. Абрахама бессознательное как область вытесненных желаний напрямую связано с неудовлетворенностью, а мифология власти позволяет снизить градус негативных эмоций, так как в рамках сюжетной линии последовательно происходит разрешение конфликта. Психолог выдвигает тезис о том, что мифология власти культу-

рирует фантазии отдельного этноса о собственной значимости, а в качестве механизма национального самоутверждения выступает идентификации представителей народа с мифическим героем [3].

Последователь З. Фрейда О. Ранк развил идею своего учителя, в соответствии с которой содержательную идентичность мифов разных времён и народов можно доказать на основе их психологического анализа. По результатам интерпретации мифов о Геркулесе, Лоэнгрине, Моисее, Парисе, Персее, Саргоне, Телефе, Эдипе и других персонажах психоаналитик выделил ряд идентичных сюжетных линий, которые объяснял следующими общими принципами устройства человеческой психики у разных народов:

1) нездоровым конфликтным характером отношений с биологическими родителями (во многих мифах повествуется об изгнании ребёнка из семьи высокогородного отца);

2) темой приёмных родителей (воспитание потомка знатных предков в бедной семье, божественный родитель замещается образом земного отца или матери);

3) наличием у главных героев мании величия или преследования [4].

Во второй главе научной работы «Значение психоанализа в науках о духе», написанной О. Ранком совместно с Г. Саксом, представлены обобщающие положения единой концепции понимания мифа в эпоху раннего развития указанной научной школы:

– потребность в создании и пересказывании мифов связана с отсутствием реальных источников наслаждения и необходимостью компенсировать их фантазией;

– содержательная интерпретация мифологических сюжетов должна раскрывать бессознательные значения лежащих в его основе фантазий, потаённого смысла;

– миф является катализатором проявления психических сил;

– символизация, характерная для мифообразования, позволяет рассматривать мифы как изменённые остатки желаний / фантазий целых наций [5].

Историю изучения мифа в раннем психоанализе принято связывать с именами З. Фрейда, К. Абрахама, О. Ранка, которые проводили исследования в русле единой психоаналитической концепции. Новый вектор, определяющий традиции изучения мифа в глубинной психологии, задала книга К.Г. Юнга «Метаморфозы и символы либидо», спровоцировавшая научные разногласия между её автором и З. Фрейдом, а также возникновение аналитической психологии. В работе, название которой указано выше, К.Г. Юнг утверждал, что, наряду с вытесненным бессознательным, относящимся к истории развития конкретного индивидуума, существуют мифологические мотивы, которые затрагивают глубинные слои психики человека, связанные не

столько с онтогенезом, сколько с филогенезом (т.е. с историей развития человечества) [6]*.

Структурными компонентами личности по К.Г. Юнгу являются Эго, личное бессознательное и коллективное бессознательное. Эго – это сознание человека, состоящее из ощущений, восприятий, воспоминаний, мыслей и отвечающее за самоотождествление и непрерывность жизненного опыта. Личное бессознательное – область бессознательного, включающая вытесненные из сознания или забытые воспоминания, страхи, импульсы, желания и другой личный опыт, которые являются катализатором для эмоционально заряженных комплексов. Последние проявляются в сознании в виде доминирующей идеи силы или неполноценности, тем самым оказывая влияние на поведение человека.

Коллективное бессознательное представлено, согласно К.Г. Юнгу, совокупностью наследуемых представителями определённого биологического вида (этноса) универсальных неосознаваемых психических структур: архетипов, инстинктов, импульсов, символов, передаваемых на генном уровне от поколения к поколению, как субстрат психического бытия, включающий в себя опыт предшествующих поколений. Таким образом, коллективное, в отличие от личного бессознательного, является своеобразным слепком памяти тысячелетней истории становления этноса, а не конкретной личности [7].

Важными составляющими коллективного бессознательного в юнгианской психологии являются архетипы – унаследованные, недоступные непосредственному наблюдению, скрытые потенциалы, которые актуализируются, когда попадают в сознание в виде символов и образов, а затем проявляются во внешнем поведении. Любой архетип, по мнению К.Г. Юнга, включает две взаимосвязанные составляющие: 1) образ (концепт, наполненный содержанием и представленный определённым символом); 2) эмоции, которые побуждают человека к динамической рефлексии воспринятого, совершению внутреннего или внешнего действия. Различение истинных архетипов от ложных и надуманных идей-образов реализуется следующим образом: если образ или символ не обладает сильным влиянием на эмоции индивидуума, то он не является для него сакральным и ему нельзя присваивать статус архетипа [8].

Рассмотрим пять базовых архетипов, описанных родоначальником аналитической психологии. Архетип Персона – это маска, которую надевает человек с учётом выбранных социальных ролей, определяющих стиль его индивидуального самовыражения. Таким образом, Персона – социальный ар-

хетип, раскрывающий декларируемые нормы и правила поведения, принятые в различных сферах жизнедеятельности человека (социальной, духовной, профессиональной).

Архетип Тень характеризует содержание личного бессознательного, которое, с одной стороны, несёт негативную смысловую нагрузку, представляя совокупность аморальных, эффективных и неприемлемых желаний и поступков, которые несовместимы с Персоной индивидуума и противоречат социальным стандартам и идеалам. С другой стороны, Тень имеет позитивную сторону, поскольку может выступать в качестве источника творческого инсайта, внезапных озарений и глубоких эмоций (без чего нормальная, полноценная человеческая жизнь невозможна).

Архетипы Анима и Анимус раскрывают предположение Юнга о психической двуполости личности (андрогинности). Так, Анима отражает феминные (женские) черты в мужском характере, Анимус – маскулинные (мужские) характеристики в женской психике.

Архетип Самость – это центральный архетип целостности личности, который объединяет сознательное и бессознательное в психике, выполняет функцию гармонизации оппозиционных архетипов (например, мужского и женского проявлений, «светлого» и «тёмного» начал). При этом гармонизация составляющих личности рассматривается как длительный процесс, доступный не для каждого человека, поскольку интеграция архетипов требует большого жизненного опыта. Достижение Самости в юнгианской психологии является конечной целью индивидуации – процесса развития и становления субъекта, при котором реализуются природные задатки и неповторимые личностные качества, раскрывая таким образом уникальность природы отдельного человека [8].

В контексте нашего исследования интерес представляет формулировка К.Г. Юнгом архетипов как мифообразующих структурных элементов бессознательного. Родоначальник аналитической психологии акцентирует внимание на том, что мифы не являются простыми аллегориями физических событий и что за ними в известной мере стоит «душевная жизнь» конкретного этноса [9].

Архетипы, по мнению К.Г. Юнга, являются реальными движущими силами: когда они актуализируются сразу у большого количества индивидов, возникают значимые исторические события для конкретного этноса. У каждого архетипа есть исторические корни, и без знания истории невозможно правильно интерпретировать происходящие события. Связь архетипа с историческим прошлым позволяет трактовать его как культурный образец, объединяющий коллективный опыт прошлого с индивидуальной судьбой отдельного индивида [10].

Отмечая, что чрезмерная идеализация приводит к искажённому проявлению архетипа, в качестве

* В последующих работах З. Фрейд акцентировал внимание на том, что в онтогенетическом развитии индивидуум повторяет в сокращённом виде филогенетическое развитие человеческого рода.

примера манипуляции структурами коллективного бессознательного немецкого народа в 30–40 гг. XX в. основатель аналитической психологии приводит возрождение первообраза войны и победы – бога германо-скандинавской мифологии Вотана, обладающего следующими характеристиками: одержимостью, боевым безумием, яростью, агрессивностью, силой воли. В целях психологического воздействия на последователей фашистами использовались такие архетипические символы, как: ведические изображения свастики и солнечного орла, образы тысячелетнего рейха и верховенства нордической расы. Реактуализация архаической истории и перенос героических примеров незапамятных времён в указанные выше годы привели к тому, что агрессия и насилие при идеологии нацизма приобрели массовый характер [11].

Ряд исследователей продолжили развивать идеи родоначальника аналитической психологии, рассматривая архетипы как внутренние психические структуры, играющие значимую роль в психической жизни человека. Индивидуальный опыт становится ключевой категорией в контексте рассмотрения архетипов у представителей классического постъюнгианского подхода – Э. Нойманна и Э. Самюэlsa.

Процесс восприятия индивидуумом вселенной, согласно позиции Э. Нойманна, представляет замкнутый круг: человек постигает мир через архетипы на уровне сознания, но при этом сами архетипы возникают как результат бессознательного освоения окружающей среды. Их действием исследователь объясняет групповое единство в разных социумах и проявление конформизма. В процессе личностного становления значимость архетипов снижается, учёный описывает пути подавления бессознательного в психике человека, которые приводят к смене механизма функционирования сознания и индивидуальному росту [12].

Связь между архетипом и опытом как двустороннюю рассматривает Э. Самюэлс: 1) в функционировании психики опыт является доминирующим по отношению к бессознательному; 2) архетипические структуры представляют результат кристаллизации опыта и предназначены для санкционирования последующих его элементов и ориентированы на освоение мира [13].

Постъюнгианский психоаналитик Дж. Хендриксон категорию «архетипическое» интерпретирует как спонтанно возникающее априорное явление, определяющее принципы отношения человека к миру. Архетипы классифицируются им с учётом уровней на личностные и культурно-исторические (внеличностные), в последних выделяется два слоя: 1) первообразов; 2) архаической целостности, которая выступает как генератор первого слоя. Архетипический образ Дж. Хендриксон рассматривает как объединяющий культурный центр, акцентируя внимание на том, что на архетипическом уровне

существуют механизмы для понимания другого человека или нации в целом, несмотря на множественность позиций [14].

Архетипическая психология является одной из школ постъюнгианской психологии. Причиной её появления стало несогласие Дж. Хиллмана: 1) с унификацией толкования архетипических образов классической аналитической психологией; 2) с представлением о Самости как о центральном архетипе, объединяющем остальные.

В силу невозможности верифицировать архетипы, Дж. Хиллман предложил отказаться от данной категории и сосредоточил свой научный интерес на архетипических образах. По мнению учёного, любой, даже самый банальный образ, который возникает на психическом уровне, можно рассматривать как архетипический. Указанная дефиниция несёт априорную закодированную информацию, пророческое значение и трактуется как некий интеллектуальный, моральный и эстетический вызов, который требует ответной реакции [15].

В научных воззрениях Дж. Хиллмана важное значение отводится душе, которая, с одной стороны, является источником создания образов, а с другой – сама из них состоит. При этом существует связь, действующая по принципу резонанса, между образом, возникшим в душе отдельного человека, и образом, зародившимся в коллективном бессознательном, т.е. событие, значимое для человека на личном уровне, обладает не меньшей степенью актуальности и для нации в целом [16].

Опираясь на следующую аргументацию, Дж. Хиллман не противопоставляет категории «фантазия» и «реальность»: 1) фантазия не бывает исключительно субъективной, она воплощается в жизнь; 2) всё «реальное» также является образом фантазии. Опираясь на фантазию, архетипическая психология занимается изучением мифов, которые рассматриваются как метафоры. Роль мифа в рамках данного научного направления состоит в том, чтобы открыть проблемы жизни для трансперсонального исследования на основе погружения в жизнь положительных мифических героев и облагораживания, воодушевления ею [16]. Рассматривая войну как грозную архетипическую силу, имеющую непреодолимую власть над людьми и народами, Дж. Хиллман акцентирует внимание на том, что для правильной её интерпретации с психологической точки зрения необходимо правильно трактовать мифы, связанные с боевой тематикой [17].

Обозначим критические замечания в адрес базовых положений, выдвинутых родоначальником аналитической психологии и представителями постъюнгианского подхода:

– приписывание чрезмерно большого значения бессознательному, приводящее к мифологизации психологии (Е.М. Мелетинский [18]);

– множественность и отсутствие структурированности архетипов, символическая природа мифов диктуют подход к ним как к комплексным феноменам (С. Сендерович [19]);

– на этапе зарождения миф в значительной мере зависит от восприятия, обусловленного биологическими особенностями человека, а не социальным началом [20].

Свидетельством плодотворности юнгианского подхода служит тот факт, что таких авторитетных специалистов по мифологии, как Дж. Кэмпбелл, М. Элиаде, можно считать его последователями. Опираясь на идеи аналитической психологии, Дж. Кэмпбелл полагает, что истории о героических подвигах и спасении мира созданы под влиянием образов общечеловеческой символики – архетипов. В своей ранней монографии «Тысячеликий герой», руководствуясь результатами сравнительного анализа нескольких мифов, сказок и религиозных текстов разных эпох и культур, исследователь реконструирует «универсальный путь» героя в виде трёх последовательных этапов и соответствующих им стадий:

1) начало пути (зов странствий; преодоление первого порога, разделяющего обыденный мир и неизведанное пространство; готовность к испытаниям);

2) инициация (успешное преодоление препятствий и приобретение навыков, необходимых для решающей схватки; испытание на прочность женщинами, властью, богатством; апофеоз (момент завершения миссии героя); награда (герой становится целостной личностью);

3) возвращение (встреча с посланником обыденного мира и сопровождение героя домой; преодоление второго порога (разгадка мифа); реализация основной цели (осознание истинной взаимосвязи происходящих явлений) [21].

Таким образом, в процессе путешествия по указанным выше этапам и стадиям происходит духовное преобразование многоликого героя.

В своей более поздней работе Дж. Кэмпбелл акцентирует внимание на том, что мифологический герой представляет собой трансформирующий аспект мифа и отличается от индивида с реальной биографией, даже если его прообраз реально существовал [22].

В монографии «Мифический образ» Дж. Кэмпбелл даёт обзор мифологии различных народов мира с опорой на антропологию и историю. При этом в указанной работе прослеживается идея мономифа, согласно которой в мифах разных стран наблюдается единство духовной истории человечества в виде повторяющихся сюжетных линий: борьба с чудовищем или «тёмной» силой, добыча огня, непорочное зачатие, воскресавший герой. Несмотря на культурные и религиозные вариации этносов, в основе цивилизаций лежат общие архетипические образы: Великой матери, Горы Мира, Владыки смерти и бессмертия, Святого Семейства и т.д. [23].

Таким образом, мифология, согласно Дж. Кэмпбеллу, выступает функционально в двух взаимосвязанных аспектах: 1) этническом, раскрывающем культурно-исторический контекст; 2) психологическом, иллюстрирующем развитие и формирование личности в результате жизненного опыта, страданий, очищения и мудрости.

Согласно трактовке М. Элиаде миф – это сакральная история, повествующая о событии, произошедшем в достопамятные времена. Сравнивая человека XX в. и первобытного индивида, исследователь подчёркивает, что первый «считает себя результатом истории» и воспринимает время как линейное и необратимое, а для второго знаковые события прошлого носят циклический повторяемый характер, и он считает себя способным реактуализировать миф, как бы принимая участие в подвигах предков. Таким образом, герой сюжета являлся эталоном для подражания, моделирующим образцовые паттерны поведения для первобытного архаического человека. Основу героического мифа составляют важные для коллективной и индивидуальной человеческой истории события: сотворение мира (подвиги, свершения, созидание гармонии) и становление личности (рождение героя и его странствия, соответствующие идее инициации) [24].

Опираясь на позицию О. Чедвика, М. Элиаде акцентирует внимание на том, что миф – это последняя, а не первая стадия в развитии героя, поскольку в основу любого мифа положены воспоминания о каком-либо историческом событии или персонаже, которые начинают интегрироваться в модель мифического героя или события, приобретая метафорические черты [24].

В круг научных интересов представителя трансперсональной психологии С. Грофа также входит категория «архетипы». По результатам проведённых исследований учёный установил, что при нахождении в холотропном состоянии возможны: 1) психологические инсайты, проливающие свет на бессознательные процессы, управляющие человеком, а также происхождение эмоциональных барьеров и межличностных проблем; 2) переживания элементов коллективного бессознательного и мифологических тем, относящихся к какой-либо национальной культуре. В своих трудах С. Гроф общемировые архетипические образы ассоциирует с социально-политическими событиями, идеологиями и персоналиями. Так, архетип Ада отождествляется С. Грофом: 1) с тоталитарными обществами, которые душат личную свободу граждан (Третий рейх, южно-американские диктатуры и т.д.); 2) с образами людей, заключённых в тюрьмы, узников нацистских и сталинских лагерей, душевнобольных пациентов, запертых в палатах. Архетипические символы Богини-Матери и появляющихся в свете божеств, а также видение радуги идентифицируются с победами в войнах и революциях, с успехом патри-

Таблица

Функции универсальных мифологических архетипов человечества

Мифологический архетип	Функция
Море-мать и морские боги	Рождение жизни, наделение мощным потенциалом, мятеж против консерватизма
Бог Неба	Творение Вселенной, защита мира
Боги Земли, времени и судьбы	Осознание индивидом себя через параметры своего рода и родины
Громовержец – царь богов	Религиозная и идеологическая функции, активная социальная позиция, связанная с организацией и сплочением общества
Боги подземного мира, скота и богатства	Накопление внутреннего потенциала, мобилизация скрытых резервов
Культурные законодатели и божественный кузнец	Регламентация человеческих взаимоотношений
Мать-земля и её дети (боги растительности)	Упорядочивание хозяйственного уклада жизни с учётом природного круговорота
Соляные божества и мифические герои	Развитие индивидуальности, способностей и талантов индивидуума
Лунарные божества и мифы о бессмертии	Продолжение, обновление и преемственность жизни
Бог речи, счёта и письма	Превосходство человека по сравнению с богами, нарушение установленных традиций
Богиня любви и красоты	Развитие силы чувств как созидющего начала
Военный предводитель богов (воин и пастырь)	Объединение людей (народов) и борьба за веру и нравственные ценности

отических и националистических движений, триумфальными парадами победы. Ссылаясь на данные, проанализированные психоисториком Л. де Мозом, С. Гроф делает акцент на том, что политики и военачальники разных времён и национальностей, говоря о кризисах или объявляя войны, манипулируя сознанием граждан, активно используют метафоры, заимствованные из мифов: тёмные пещеры, туннели и запутанные лабиринты, опасные пропасти, зыбучие пески. Собираясь спасти свою нацию, лидеры обещают вывести её из зловещего лабиринта, привести к свету в конце туннеля, победить агрессоров и угнетателей и дать народу дышать свободно [25].

На сегодняшний день в психологической науке принято выделять три уровня функционирования архетипов: 1) глубинный уровень коллективного бессознательного – сложно исследуемый и осознаваемый с точки зрения целостности описания; 2) уровень психологического понимания архетипа – образы и символы, повторяющиеся в разных культурах и отражающие общие психологические структуры всего человечества; 3) уровень восприятия архетипа – архаические культурные образы и представления определённого этноса, несущие исторически и культурно обусловленный код (в данном случае речь идёт о национальных архетипах) [26].

Второй уровень функционирования архетипов, раскрывающий сходство мифологических систем разных эпох и народов, но по-разному отражаемый в религиозных традициях и исторических тенденциях, позволит, согласно позиции Е.М. Щепановской, достаточно полно описать значимые составляющие национального самосознания, поскольку: 1) выявляет широкое поле семантических значений; 2) позволяет раскрыть многоликость черт одного качества (например, позитивных и негативных проявлений архетипа); 3) подчёркивает универсализм архаических первообразов для народов мира. В целях адекватной смысловой трактовки универсальных мифологических архетипов человечества Е.М. Щепановская описала функции, которые они выполняют (таблица [27]).

Ядро ментальности страны и её культурные приоритеты раскрывает семантика мифологических архетипов, характеризующая национальное самосознание народа, которое проявляется через его носителей. Как отмечает Д.В. Ольшанский, зарождение национального самосознания на обыденном этнопсихологическом было связано с осознанием себя как представителя некоторой целостности («мы») в противовес членам другой группы («они») на основании таких дифференцирующих признаков, как: физический облик (антропометрические данные, черты лица), социокультурные характеристики (язык, традиции, обычаи), ценностно-смысловые особенности (национальные ценности, идеалы, нормы, потребности и интересы), религиозные верования (тотемы боги, религия) [28].

Отечественный этнопсихолог В.Г. Крысько рассматривает национальное самосознание как ядро национального сознания и понимает под указанной категорией осмысление человеком своей принадлежности к определённой социально-этнической общности и её положения в системе общественных отношений. В структуре национального самосознания принято выделять рациональный компонент (положительное национальное самоопределение, осознание своей принадлежности к общности, единства интересов и целей) и эмоциональный (чувство сопричастности к судьбе своей нации, любовь к исторической родине, преданность своему народу, уважение национальных особенностей и национальной культуры) [29].

Три базовых национальных архетипа России, являющиеся идейными доминантами национального самосознания русского народа в доиндустриальный период, выделяет Е.М. Щепановская: 1) мифообраз светлого Неба; 2) воина и пастыря; 3) пассивного водного истока.

1. Образ светлого Неба (мифологема творения). Характеристики этого архетипа отражаются в следующих национальных особенностях русских:

- образ пространства и простора, ассоциирующийся с огромной территорией страны, порождает чувство безграничности цивилизации и широты русской души;

- специфические особенности климата (суровая зима, быстропротекающая весна и короткое лето) формируют терпимое отношение к резким переменам, которые в мифологии иллюстрируют образы урагана и вихря, непредсказуемости небесных стихий;

- внутренняя свобода, предполагающая освобождение от социальных ограничений (в европейских странах свобода ассоциируется в первую очередь с правовыми аспектами);

- универсализм мышления, характеризующийся заимствованием и последующим преобразованием чужеземных идей с привнесением в них ноток национального колорита;

- коллективизм и дружба, проявляющиеся в бескорыстной взаимопомощи, духовной близости, групповом характере работы.

2. Архетип воина и пастыря (мифологема военного предводителя богов), соотносимый со стихией огня и задающий архетипическую идею храбрости, духовной энергии, объединения народа против врагов, воли к победе, позволяет русскому народу в разные века успешно противостоять хорошо подготовленным и вооружённым армиям противников и побеждать их.

С этим архетипом неразрывно связаны актуальные для русского менталитета понятия «нравственность» и «правда». Противостояние праведного и неправедного героев – типичный сюжет мифологема идеального воителя, при этом, согласно классике жанра, победа всегда остаётся за первым.

3. Архетип пассивного водного истока (мифологема Хаоса) ассоциируется с жизнью океана, глубиной внутреннего мира и объединяет важное для русского менталитета понятие «душа» и веру в предопределённость судьбы. Пассивность, обусловленная более чем полугодовой спячкой природы и деятельностью простоя в этот период, провоцирует глубинную рефлексию, приводящую к смирению и мистическому ожиданию чуда. Ведущие ценности данного архетипа: милосердие, сочувствие, сострадание, сопричастность, вера, жертвенность, глубина души [30].

В качестве базовых мифов, оказывающих как конструктивное, так и деструктивное влияние на общественно-политическое развитие России, М.В. Быховец выделяет миф об империи и о царе [31].

Возникновение мифа об империи было обусловлено претензией некоторых европейских государств на статус Римской империи. Падение Византии обострило проблему преемственности вели-

кой державы и стало катализатором появления концепции инок Филофея «Москва – Третий Рим». Многие крупные российские деятели прошлых веков и современности использовали архетипически образ «Третьего Рима» для удовлетворения своих политических амбиций, неверно трактуя его смысловое содержание [31]. Рассмотрим концептуальные основы этой теории, раскрывающие архетипы русского самосознания.

1. Третий Рим – это прежде всего концепция приоритета духовных ценностей, ставящая во главе понимание России как «святой Руси», опирающейся на нравственно-этические ориентиры и моральные устои православной веры [31].

2. Архаические первообразы «странствующего Царства» и правдоискательства (например, кодекс Ярослава Мудрого «Русская Правда») провоцируют веру в светлое будущее, поиски «земного рая» и «новой жизни». Российские лидеры, сами того не подозревая, активно эксплуатируют древний архетип католического, соборного сознания – способность «жить идеями», обещая «светлое завтра» в надежде на то, что граждане потерпят «трагическое сегодня» [32].

3. Мессианское восприятие русского народа основано на его предназначении сыграть особую роль в судьбе всего мира. В России в 1917 г. идея православного мессианства была заменена на коммунистическую как его политизированную версию. В данном случае уместно обратиться к рассуждениям М. Элиаде о том, что К. Маркс при построении идеологии коммунистической версии социализма воспользовался: 1) мифом о справедливом герое-искупителе (пролетариате), призванном изменить статус мира; 2) мифом о Золотом веке, повествующем о всеобщем равенстве, отсутствии частной собственности, борьбе между добром и злом, заканчивающейся победой первого [24].

Миф о царе является логическим продолжением концепции «Москва – Третий Рим» и акцентирует внимание на том, что истинная империя не может существовать без сильной власти, накладывая на неё ореол мифической сакральности и подчёркивая её богоустановленность и необходимость подчинения. При этом архетип царя неоднозначен: с одной стороны, он – «царь-батюшка», радеющий за судьбу отечества, а с другой, этот образ ассоциируется с социальным злом, проявляющимся в притеснении обычных людей [32]. Указанное обстоятельство наложило отпечаток на восприятие российской политической власти.

1. Для общественного сознания россиян характерно ожидание «царя-спасителя», защитника народа, воплощающего лучшие образцы моральных добродетелей, честного, справедливого, способного радикально изменить социально-политическое устройство общества.

2. Следствием этого стала абсолютизация политических авторитетов (речь идёт о культе личностей и идеализации политических идеологий).

3. Политический институт власти воспринимается в двух ипостасях: правящей и оппозиционной. Российский лидер должен быть оппозиционером, чтобы приниматься народом [32].

Согласно позиции В.С. Зуйкова на национальное самосознание русского народа в доиндустриальный период значимое влияние оказывали три мифологических архетипа: 1) земля; 2) родство; 3) религиозно-идеологический [33].

1. Мифологический архетип *земля* по своему смысловому содержанию значительно шире, чем территория или почва. Он рассматривается как одушевлённое существо, имеющее постоянную глубокую связь с народом. Защите родной земли придаётся первостепенное значение [33]. В русской традиции сакральными принято считать символы, связанные с землёй: 1) вегетативного плодородия (святое дерево, роща, колос, жито); 2) животного плодородия (святая пчела, скот, корова); 3) сакрально отмеченные точки пространства (святая гора, поле, река) [32].

2. Архетип родства (архетипы первопредков и национальных героев). В национально-историческом мифе акцент делается на родстве между представителями государства (при этом наукой доказано, что не существует антропологически и этнически чистых народов). Общность происхождения в мифах основывалась на выделении первопредков – людей, наделённых благородным происхождением, солидным набором положительных качеств и взаимодействующих с высшими силами. Поскольку величие предков накладывало свой отпечаток на потомков, указанное обстоятельство способствовало национальному самоутверждению. При этом мифы, рассматривая народ как единую кровнородственную семью, выполняли не только интегрирующую, но и дифференцирующую функцию, отделяя «своих» от «чужих» [33].

Мифы о национальных героях, с одной стороны, повествовали о нечеловеческой силе, храбрости и мудрости, а с другой, выступали проекцией стремлений к мужеству, силе, могуществу, мудрости конкретного этноса [33].

По итогам народного голосования, проводимого в рамках телепроекта «Имя Россия» в 2008 г., национальными символами нашей страны стали Александр Невский, П. Столыпин и И.В. Сталин [34]. Проинтерпретируем полученные данные. Александр Невский был примером идеального князя, защитника Русской земли и христианства. Его победы имели большое мифическое значение, так как они интерпретировались как эпохальные битвы света (христианской Руси) против сил тьмы (врагов). С именем реформатора и государственного деятеля Петра Столыпина связан ряд конструктив-

ных преобразований: аграрная реформа, укрепление армии и флота, освоение Сибири. Советский политический деятель Иосиф Виссарионович Сталин ассоциируется у соотечественников с культом личности и репрессиями, но при этом период его правления знаменуют следующие неоспоримые достижения: индустриализация экономики, победа в Великой Отечественной войне, бесплатные медицина и образование. Следовательно, значимыми персоналиями страны для россиян являются государственные деятели, жившие в разное время и привнёсшие весомый вклад в величие русской державы.

Религиозно-идеологический архетип, раскрывая специфические этнические черты, способствует национальному самоутверждению и является руководством к действию для реализации высшей божественной воли. Указанный архетип лежит в основе национально-государственной идеологии, которая задаёт нужное направление и динамику, используя различные механизмы, на первый взгляд не связанные с вероисповеданием (например, как в бывшем СССР). В дореволюционной России православная церковь оказывала огромное влияние на все стороны жизни, реализуя при этом функции патриотической и религиозной пропаганды [33].

Рассмотренные проявления национальных мифологических архетипов свидетельствуют о том, что для русского народа в доиндустриальный период они являлись жизненной опорой, помогая нации выживать в сложные времена и идти по пути дальнейшего развития. Обозначенные выше архетипы, характерные для отечественного сознания, продолжают функционировать, порой помимо воли современников, но представители социальных и гуманитарных наук бьют тревогу, с прискорбием сообщая об утрате «русского духа» и деструкции национальных ценностей. Например, философ В.С. Зуйков говорит о том, что в начале своего существования русский национальный миф воспевал качества высшего порядка, значимые в наиболее драматичные периоды истории (мужество, героизм, самоотверженность). По мере изменения культурной, социально-политической и экономической ситуации в нашей стране обозначенные характеристики сменились более практичными, обывательскими взглядами [33]. Для современного этапа развития российского общества характерна задающая стандарты престижности мифология потребления, культурными артефактами которой являются реклама, мода, массовые зрелища и т.п. [35].

Доктор политических наук И.А. Василенко поднимает вопрос о необходимости инноваций в сфере имиджевой политики России с учётом современной реинтерпретации и реактуализации национальных архетипов и культурных кодов, укоренённых в антропологии, географии, истории и психологии нашего народа. В качестве «рабочего» варианта формирования имиджевой идеи России исследова-

тель предлагает 5 ключевых образов, представленных архетипами:

1) исторический: архетип героя, защитника Отечества, способного объединить страну в сложный для неё период;

2) географический: Москва–Владивосток, Россия–Евразия;

3) геополитический: Россия–Евразия, Хартленд;

4) индустриальный: уникальные кладовые сырья (нефть, газ, уголь и золото);

5) модернистский образ: уникальные научные кадры, развитая фундаментальная наука, академгородки, Инноград в Сколково [32].

Доктор философских наук Л.Н. Воеводина акцентирует внимание на том, что мифотворчество на современном этапе тесно связано с историческим контекстом, актуальными событиями, умонастроениями и ориентировано на использование мифологических структур и архетипов для реализации прагматических целей. Искусственно сконструированные или спонтанно возникшие мифы выполняют роль объяснительной модели мира, и их трансляция на каналах масс-медиа оказывает влияние на сознание масс [35]. Две тенденции проявления мифологического восприятия действительности в современном российском обществе выделяет Ю.А. Калиев: 1) идущее от рядовых граждан и во многом спровоцированное трудностями постперестроечного периода и поиском решения этих проблем в рамках этнокультурной традиции; 2) официальное, санкционированное политической линией [36].

Современный российский национальный миф К.П. Мочалова рассматривает как набор несвязанных между собой мифологем, представленных следующими архетипическими символами: 1) советской символикой как данью «ушедшей эпохе» СССР; 2) православной иконой как символом веры; 3) образом байкера – современного богатыря, являющегося атрибутом свободы, силы и независимости [37].

Резюмируя содержание вышеизложенного, сформулируем следующие выводы.

1. Архетипы – досознательные интуиции, установки предвосхищения и творческого порождения собственно опыта на пути от бессознательного к сознательному, регулирующие психическую деятельность и социальное поведение человека.

2. Архетипы, зафиксированные в коллективной памяти, передаются в мифах, бытовых практиках и обрядах на коллективном уровне. Миф представляет собой описание некоей модели происхождения и упорядочения элементов мироздания.

3. Выявление мифологических архетипов этнической общности делает понятнее бессознательные основы её образа жизни и раскрывает специфику национального самосознания.

4. Мифологические архетипы не только в доиндустриальном обществе, но и в условиях современной цивилизации управляют процессами индивидуальной и коллективной психики, с их помощью можно: 1) облагородить человека, воспитывая его на мифообразах Добра и Красоты; 2) манипулировать сознанием отдельного народа.

Список источников

1. Фрейд З. Толкование сновидений : пер. с нем. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2003. 507 с.
2. Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии : пер. с нем. Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. 221 с.
3. Абрахам К. Сновидение и миф. Очерки коллективной психологии : пер. с нем. // Между Эдипом и Озирисом: Становление психоаналитической концепции мифа. Львов : Инициатива ; Москва : Совершенство, 1998. С. 65–122.
4. Ранк О. Миф о рождении героя : пер. с англ. Москва : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1997. 249 с.
5. Ранк О., Закс Г. Значение психоанализа в науках о духе : пер. с нем. Санкт-Петербург : Типография «Двигатель», 1913. 178 с.
6. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы : пер. с нем. В 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994. 416 с.
7. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации : пер. с нем. Москва : Наука, 1996. 269 с.
8. Юнг К.Г. Архетип и символ : пер. с нем. Москва : Ренессанс, 1991. 297 с.
9. Юнг К.Г. Душа и миф : Шесть архетипов : пер. с англ. Москва : ЗАО «Совершенство» ; Киев : Порт-Рояль, 1997. 382 с.
10. Юнг К.Г. Аналитическая психология: её теория и практика: Тавистокские лекции : пер. с англ. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. 236 с.
11. Юнг К.Г. Психология нацизма. Вотан // О современных мифах : сб. тр. : пер. с нем. / предисл. и примеч. Л.О. Акопяна ; под ред. М.О. Оганесяна, Д.Г. Лахути. Москва : Практика, 1994. С. 213–251.
12. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания : пер. с англ. Москва : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1998. 462 с.
13. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы : пер. с англ. Москва : Добросвет, 2011. 407 с.
14. Хендерсон Дж. Психологический анализ культурных установок : пер. с англ. Москва : Добросвет, 1997. 209 с.
15. Хиллман Дж. Архетипическая психология : пер. с англ. Москва : Когито-Центр, 2006. 350 с.
16. Зеленский В.В. Здравствуй, душа! : работы разных лет. Москва : Когито-Центр, 2009. 368 с.
17. Хиллман Дж. Ужасающая любовь к войне : пер. с англ. Москва : Касталия. 2019. 332 с.
18. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Бессознательное. Многообразие видения : сб. ст. Новочеркасск : Агентство Сагуна, 1994. Т. 1. С. 159–167.
19. Сендерович С. Ревизия юнговской теории архетипа // Логос. 1995. № 6. С. 144–164.
20. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное : пер. с фр. Москва : ОГИ, 2003. 296 с.
21. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой : пер. с англ. Москва : РЕФЛ-бук ; Киев : АСТ, 1997. 378 с.

22. Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить : пер. с англ. Киев : София ; Москва : Гелиос, 2002. 252 с.
23. Кэмпбелл Дж. Мифы и личностные изменения. Путь к блаженству : пер. с англ. Санкт-Петербург : Питер, 2017. 256 с.
24. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское : пер. с англ. Москва : Ладомир, 2000. 414 с.
25. Гроф С. Архетипы, мифическое воображение и современное общество: новое очарование для мира : Исправленная и дополненная лекция, представленная на 16-й конференции Международной трансперсональной ассоциации, состоявшейся в Палм-Спрингс (Калифорния, 12–18 июня 2004 г.). URL: [http://www.stanislavgrof.ru/assets/files/Archetypes %2C %20Mythic %20Imagination %2C %20and %20Modern %20Society %20- %20The %20Re-Enchantment %20of %20the %20World %20\(rus\).pdf](http://www.stanislavgrof.ru/assets/files/Archetypes%20Mythic%20Imagination%20and%20Modern%20Society%20-%20The%20Re-Enchantment%20of%20the%20World%20(rus).pdf) (дата обращения: 31.07.2022).
26. Налчаджян А.А. Этнопсихология : учебное пособие. 2-е изд. Санкт-Петербург : Питер, 2004. 381 с.
27. Щепановская Е.М. Систематизация архетипов мировой мифологии: гентический метод // Обсерватория культуры. 2011. № 4. С. 124–132.
28. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии : учебное пособие. Екатеринбург : Деловая книга, 2001. 496 с.
29. Крысько В.Г. Психология межнациональных отношений : курс лекций. 2-е изд., доп. и дораб. Москва : Вузовский учебник : ИНФРА-М, 2017. 228 с.
30. Щепановская Е.М. Мифологические архетипы как ценностное ядро национального менталитета // Ценности и смыслы. 2012. № 1 (17). С. 39–49.
31. Быховец М.В. Проблема мифологизации общественно-политического сознания России в контексте процесса модернизации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета : электронный журнал. 2012. № 6 (10). С. 63–73. URL: www.vestnik.nspu.ru (дата обращения: 31.07.2022).
32. Василенко И.А. Архетипические основы русской культуры и современная имиджевая политика России // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 2015. № 4. С. 5–20. URL: www.perspektivy.info (дата обращения: 31.07.2022).
33. Зуйков В.С. Формирование культурно-мифических архетипов русского национального самосознания (методологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения наук : 17.00.08 – Теория и история культуры. Москва, 1995. 16 с.
34. Самигуллина А. Запрос на величие. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2008/12/29_a_2919791.shtml (дата обращения: 31.07.2022).
35. Воеводина Л.Н. Мифотворчество как феномен современной культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 – Теория и история культуры. Москва, 2002. 41 с.
36. Калиев Ю.А. Этнокультурный статус мифологического сознания: генезис, функционирование и эволюция традиционного мировосприятия (на примере марийской мифологии) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 – Социальная философия. Чебоксары, 2004. 315 с.
37. Мочалова К.П. Мифологическая составляющая современной идеологии // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (3). С. 18–21.

References

1. Freud S. *Die Traumdeutung* (Russ. ed.: Freyd Z. *Tolkovaniye snovideniy* / per. s nem. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2003. 507 p.).
2. Freud S. *Totem und Tabu* (Russ. ed.: Freyd Z. *Totem i tabu* : Psikhologiya pervobytnoy kul'tury i religii / per. s nem. Sankt-Peterburg : Aleteyya, 1997. 221 p.).
3. Abraham K. *Traum und Mythos. Aufsätze zur Kollektivpsychologie // Zwischen Ödipus und Osiris: Die Entstehung des psychoanalytischen Mythosbegriffs* (Russ. ed.: Abrahama K. *Snovideniye i mif. Ocherki kollektivnoy psikhologii* / per. s nem. // *Mezhdue Edipom i Ozirisom: Stanovleniye psikhoanaliticheskoy kontseptsii mifa*. L'vov : Initsiativa ; Moskva : Sovershenstvo, 1998. P. 65–122.).
4. Rank O *Der Mythos von der Geburt des Helden*. (Russ. ed.: Rank O. *Mif o rozhdenii geroya* / per. s nem. Moskva : Refl-buk ; Kiyev : Vakler, 1997. 249 p.).
5. Rank O, Sachs H. *Die Bedeutung der Psychoanalyse für die Geisteswissenschaften* (Russ. ed.: Rank O., Zaks G. *Znacheniye psikhoanaliza v naukah o dukhe* / per. s nem. Sankt-Peterburg : Tipografiya «Dvigatel'», 1913. 178 p.).
6. Jung C.G. *Wandlungen und Symbole der Libido* (Russ. ed.: Yung K.G. *Libido, yego metamorfozy i simvoly* / per. s nem.: v 2 t. Sankt-Peterburg : Vostochno-Yevropeyskiy Institut Psikhoanaliza 1994. T. 2. 416 p.).
7. Jung C.G. *Die Struktur der Psyche und der Prozess der Individuation* (Russ. ed.: Yung K.G. *Struktura psikhiki i protsess individualizatsii* / per. s nem. Moskva : Nauka, 1996. 269 p.).
8. Jung C.G. *Archetyp und Symbol* (Russ. ed.: Yung K.G. *Arkhetip i simvol* / per. s nem. Moskva : Renessans, 1991. 297 p.).
9. Jung C.G. *The soul and the myth of six archetypes* (Russ. ed.: Yung K. G. *Dusha i mif : Shest' arkhetipov* / per. s angl. Moskva : ZAO «Sover-shenstvo» ; Kiyev : Port-Royal', 1997. 382 p.).
10. Jung C.G. *Analytical psychology : its theory and practice ; the Tavistock lectures* (Russ. ed.: Yung K.G. *Analiticheskaya psikhologiya: yeyo teoriya i praktika: Tavistokskie lektzii* / per. s angl. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2007. 236 p.).
11. Jung C.G. *Die Psychologie des Nationalsozialismus. Wotan* (Russ. ed.: Yung K.G. *Psikhologiya natsizma. Wotan* // *O sovremennykh mifakh: sb. trudov* / per. s nem.; predisl. i primech. L. O. Akopyana; Pod red. M.O. Oganesyana, D. G. Lakhuti. Moskva : Praktika, 1994. S. 213–251.).
12. Neumann E. *The Origin and development of consciousness* (Russ. ed.: Nojmann E. *Proiskhozhdenie i razvitie soznaniya* / per. s angl. Moskva : Refl-buk ; Kiev : Vakler, 1998. 462 p.).
13. Samuels A. *Jung and the Post-Jungians* (Russ. ed.: Samuels, E. *Yung i post"yungianty* / per. s angl. Moskva : Dobrosvet, 2011. 407 p.).
14. Henderson J. *Psychological analysis of cultural attitudes* (Russ. ed.: Khenderson Dzh. *Psikhologicheskii analiz kul'turnykh ustanovok* / per. s angl. Moskva : Dobrosvet, 1997. 209 p.).
15. Hillman J. *Archetypal psychology* (Russ. ed.: Khillman Dzh. *Arkhetipicheskaya psikhologiya* / per. s angl. Moskva : Kogito-Tsentr, 2006. 350 p.).

16. Zelenskiy V.V. *Zdravstvuy, dusha! : raboty raznykh let* [Hello soul! : works of different years]. Moskva : Kogito-Tsentr, 2009. 368 p.
17. Hillman J. *The Terrifying Love of War* (Russ. ed.: Khillman Dzh. *Uzhasayushchaya lyubov' k voyne* / per. s angl. Moskva : Kastaliya, 2019. 332 p.).
18. Meletinskiy Ye.M. *Analiticheskaya psikhologiya i problema proiskhozhdeniya arkhетipicheskikh syuzhetov* [Analytical psychology and the problem of the origin of archetypal plots]. In: Bessoznatel'noye. Mnogoobraziye videniya: Sbornik statey [Unconscious. The diversity of vision: Collection of articles.]. Novocheboksaysk: Izd-vo «Agentstvo Saguna» 1994, Tom 1. S. 159–167 (in Russ.).
19. Senderovich S. Reviziya jungovskoy teorii arkhетipa [Revision of the Jungian theory of the archetype]. *Logos*. no 6. 1995. P. 144–164 (in Russ.).
20. Caillois R. *Le mythe et l'homme. L'homme et le sacre* (Russ. ed.: Kayua R. *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noye* / per. s fr. Moskva: OGI, 2003. 296 p.).
21. Campbell J. *The Hero with a Thousand Faces* (Russ. ed.: Kempbell Dzh. *Tysyachelikij geroy* / per. s angl. Moskva : REFL-buk ; Kiev : AST, 1997. 378 p.).
22. Campbell J. *Myths to Live By* (Russ. ed.: Kempbell Dzh. *Mify, v kotorykh nam zhit'* / per. s angl. Kiev : Sofiya ; Moskva : Geliost, 2002. 252 p.).
23. Campbell J. *Pathways to Bliss: Mythology and Personal Transformation* (Russ. ed.: Kempbell Dzh. *Mify i lichnostnyye izmeneniya. Put' k blazhenstvu* // per. s angl. SPb: Piter, 2017. 256 p.).
24. Eliade M. *Selected works: The myth of the eternal return; Images and symbols; sacred and profane* (Russ. ed.: Eliade M. *Izbrannyye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashchenii; Obrazy i simvol; Svyashchennoye i mirskoye* / per. s angl. Moskva: Ladomir, 2000. 414 p.).
25. Grof S. Arkhetipy, mificheskoye voobrazheniye i sovremennoye obshchestvo: novoye ocharovaniye dlya mira: Ispravlenneya i dopolnennaya leksiya, predstavlenneya na 16-y konferentsii Mezhdunarodnoy transpersonal'noy assotsiatsii, sostoyavsheysya v Palm-Springs, Kaliforniya, 12–18 iyunya 2004 g. [Archetypes, Mythic Imagination, and Modern Society: A New Enchantment for the World: A Revised and Expanded Lecture]. Available at: [http://www.stanislavgrof.ru/assets/files/Archetypes %2C %20 Mythic %20Imagination %2C %20and %20Modern %20Society %20- %20The %20Re-Enchantment %20of %20the %20World %20\(rus\).pdf](http://www.stanislavgrof.ru/assets/files/Archetypes%20%20Mythic%20Imagination%20%20and%20Modern%20Society%20-%20The%20Re-Enchantment%20of%20the%20World%20(rus).pdf).
26. Nalchadzhyan A.A. *Etnopsikhologiya : uchebnoye posobiye* [Ethnopsychology: textbook]. 2-ye izd. Sankt-Peterburg : Piter, 2004. 381 p.
27. Shchepanovskaya Ye.M. Sistematizatsiya arkhетipov mirovoy mifologii: genticheskij metod [Systematization of archetypes of world mythology: genetic method]. *Observatoriya kul'tury*. 2011. no 4. P. 124–132 (in Russ.).
28. Ol'shanskiy D.V. *Osnovy politicheskoy psikhologii : uchebnoye posobiye* [Fundamentals of political psychology: textbook]. Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. 496 p. (in Russ.).
29. Krysko V.G. *Psikhologiya mezhnatsional'nykh otnosheniy : kurs lektsiy* [Psychology of interethnic relations: a course of lectures]. 2-ye izd., dop. i dorab. Moskva : Vuzovskiy uchebnyk : INFRA-M, 2017. 228 p. (in Russ.).
30. Shchepanovskaya Ye.M. Mifologicheskoye arkhетipy kak tsennostnoye yadro natsional'nogo mentaliteta [Mythological archetypes as the value core of the national mentality]. *Tsennosti i smysly*. 2012. no 1 (17). P. 39–49 (in Russ.).
31. Bykhovets M.V. Problema mifologizatsii obshchestvenno-politicheskogo soznaniya Rossii v kontekste protsessy modernizatsii [The problem of mythologization of the socio-political consciousness of Russia in the context of the modernization process]. *Elektronnyy zhurnal «Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta»*. 2012. № 6 (10). S. 63–73. Available at: www.vestnik.nspu.ru (in Russ.).
32. Vasilenko I.A. Arkhetipicheskoye osnovy russkoy kul'tury i sovremennaya imidzhevaya politika Rossii [Archetypal foundations of Russian culture and modern image policy of Russia]. *Perspektivy. Setevoye izdaniye Tsentra issledovaniy i analitiki Fonda istoricheskoy perspektivy*. 2015. no 4. P.5–20. Available at: www.perspektivy.info (in Russ.).
33. Zuykov V.S. *Formirovaniye kul'turno-mificheskikh arkhетipov russkogo natsional'nogo samosoznaniya (metodologicheskoye aspekty). Avtoref. dis. kand. iskustvoved. nauk* [Formation of cultural and mythical archetypes of Russian national identity (methodological aspects). Psy.D. Thesis in Art history]. Moskva, 1995. 16 p.
34. Samigullina A. Zapros na velichiyе [Request for greatness]. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2008/12/29_a_2919791.shtml (in Russ.).
35. Voyevodina L.N. *Mifotvorchestvo kak fenomen sovremennoy kul'tury. Avtoref. dis. d-ra filos. nauk* [Myth-making as a phenomenon of modern culture. Psy.D. Thesis in Philosophy]. Moskva, 2002. 41 p.
36. Kaliyev YU.A. *Etnokul'turnyy status mifologicheskogo soznaniya: genezis, funktsionirovaniye i evolyutsiya traditsionnogo mirovospriyatiya (na primere mariyskoy mifologii). Dis. d-ra filos. nauk* [Ethnocultural Status of Mythological Consciousness: Genesis, Functioning and Evolution of the Traditional World Perception (on the Example of Mari Mythology). Psy.D. Thesis in Philosophy]. Cheboksary, 2004. 315 c.
37. Mochalova K.P. Mifologicheskaya sostavlyayushchaya sovremennoy ideologii [Mythological component of modern ideology] *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*. 2014. no 2 (3). P. 18–21 (in Russ.).

Информация об авторе

О.А. Любичкая – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

O.A. Lubitskaya – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.923.2

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-49-54

СОЗНАТЕЛЬНЫЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ

Нелли Ивановна Анчукова¹, Карина Олеговна Ницпан²

^{1,2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹nian@mail.kht.ru

²kuzikovakarina@gmail.com

Аннотация. В статье поднимается проблема взаимосвязи проявлений внутриличностного конфликта и жизненной позиции личности. Цели данной статьи предполагают обзор различных подходов к проблеме изучения внутренних конфликтов с точки зрения проявленности данного феномена в характеристиках жизненной позиции личности. Характеристиками жизненной позиции являются степени активности и осознанности. Авторы выдвигают предположение о возможности взаимосвязи специфики внутреннего конфликта с проявлениями активной или пассивной жизненной позиции личности.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт, сознательные и бессознательные процессы, жизненная позиция личности, активность, пассивность, осознание

Original article

CONSCIOUS AND UNCONSCIOUS PROCESSES OF INTRAPERSONAL CONFLICT AS PSYCHOLOGICAL MECHANISMS FOR THE FORMATION OF PERSON'S LIFE POSITION

Nelli I. Anchukova¹, Karina O. Nitspan²

^{1,2}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹nian@mail.kht.ru

²kuzikovakarina@gmail.com

Abstract. The article raises the problem of interrelation between manifestations of intrapersonal conflict and a personality's life position. This article has objectives to conduct a review of various approaches to studying inner conflicts with regard to the manifestation of the given phenomenon in the characteristics of a personality's life position. The characteristics of the life position are degrees of activity and awareness. The authors suggest the possibility of interrelation between specifics of the inner conflict and manifestations of the active or passive life position of the individual.

Keywords: intrapersonal conflict, conscious and unconscious processes, personality's life position, activity, passivity, awareness

Введение

Современный этап развития общества, характеризующийся глубинными социальными и культурными изменениями, связанными, прежде всего, с обновлением системы ценностей, создает специфическую ситуацию, требующую от каждого человека самостоятельного решения относительно цели, понимания и смысла жизни. Вместе с тем формирование личности и ее жизненной позиции во многом обусловлено теми установками, которые закладываются с детства социально-культурной средой и ближайшим окружением. Впоследствии эти программы поведения и мировосприятия воспроизводятся личностью по большей части неосознанно, без учета требований реальности, собственных индивидуальных особенностей и потребностей. Тем самым возникает риск негативных психологиче-

ских последствий, обусловленных неспособностью субъекта к адекватному реагированию на внешние изменения. Пассивная, недостаточно осознанная, нарушающая баланс внутренней и внешней реальности жизненная позиция может быть детерминирована психическим напряжением индивида, переживающего внутриличностный конфликт, что препятствует активному и осознанному проявлению себя в мире. С другой стороны, специфика самой жизненной позиции может порождать внутриличностные конфликты, которые невозможно разрешить без существенных сдвигов в осознании и восприятии своего места в жизненном процессе. При рассмотрении вопроса о взаимосвязи жизненной позиции и проявлений внутриличностного конфликта невозможно игнорировать проблему соотношения сознательных и бессознательных процес-

сов, поскольку именно они формируют и обуславливают оба феномена. Цель нашей статьи в контексте заявленной темы – аналитический обзор подходов к пониманию внутриличностного конфликта представителями психодинамического направления и эгопсихологии и теоретическое обоснование возможности изучения данного феномена во взаимосвязи с особенностями жизненной позиции личности.

Базовые понятия

Проблема изучения жизненной позиции личности в контексте ее проявленности во внутренних конфликтах носит комплексный характер и представляет собой важную сферу исследований, имеющую весомое прикладное значение. Предметом научного исследования жизненная позиция личности становится в трудах А. Архангельского, В. Ефимова, В. Маркина, И. Хобты. Подробный анализ данного понятия проводили такие авторы, как К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, В.Г. Иванов, И.С. Кон, М.Л. Лезгина, В.Н. Маркин, А.В. Мудрик, В.Н. Мясищев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, В.И. Слободчиков и др.

С.Л. Рубинштейн отмечал, что определение личностью своей жизненной позиции является чрезвычайно ответственным, пролонгированным во времени процессом, который влияет на всю жизнь человека, определяет его судьбу [1]. Жизненная позиция личности, по мысли К.А. Абульхановой-Славской, – это совокупность ее жизненных отношений, а также способ их реализации, которые соответствуют (или не соответствуют) потребностям, ценностям личности [2]. Согласно Э. Берну, это основополагающая позиция личности, которая заключается в ее отношении к себе и другим людям, формируется в детстве и составляет базис жизненного сценария [3].

Обобщая и систематизируя теоретические знания о феномене жизненной позиции, можно прийти к заключению, что жизненная позиция включает в себя систему поведения личности, определяющуюся особенностями действенного и эмоционального отношения к собственной жизни и к окружающему миру, ее установками, ценностями и убеждениями.

Многообразие жизненных позиций обычно сводят к двум видам: активной – отрицание сложившейся ситуации и участие в деятельности по ее изменению к лучшему; пассивной – смирение и согласие с существующим.

Активная жизненная позиция представляет собой устойчивую позицию личности, направленную на проявление идейно-нравственных установок и отношений, знаний и умений, убеждений и привычек, оказывающую регулирующее воздействие на её поведение. Она выражается в стремлении к целенаправленности, мотивации, осознанности, владении способами и приемами действий, эмоцио-

нальности, а также в наличии инициативности и ситуативности.

Пассивная жизненная позиция в большой степени состоит из реакций на внешние обстоятельства. Она характеризуется отсутствием ясно выраженного представления о целях и средствах их достижения, вялым отношением к жизни, пессимистическим настроением и неверием в успех.

В отечественной психологии внутриличностный конфликт рассматривается в рамках нескольких направлений. В теории деятельности конфликт интерпретируется с помощью структурных компонентов деятельности (мотив, отношение, цель), являющихся основаниями для конфликта, и с позиции деятельности как условия возникновения конфликта (А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, В.С. Мерлин). В рамках теории развития личности конфликт описывают как психологическое явление, сопровождающее процесс развития личности и проявляющееся в ситуациях, когда человек переживает возрастные кризисы (Л.С. Выготский, Л.И. Божович) [4]. Существуют также работы, рассматривающие конфликт либо в контексте критических жизненных ситуаций в жизни человека, одной из которых и является конфликт (Ф.Е. Василюк, А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов) [5], либо как условие развития самосознания (В.В. Столин) [6].

Таким образом, отечественная психология исходит из того, что внутриличностный конфликт – это противоречие между различными сторонами (мотивы, ценности, неудовлетворенные потребности), свойствами, отношениями и действиями индивида. Если противоречия, занимающие значимое место в структуре личности и касающиеся ценностей, на которых основывается весь смысл жизни человека, продуктивно разрешаются, то внутренний конфликт становится условием личностного роста.

Обобщенное понимание данного феномена можно представить как проявление состояния личности, когда в ней одновременно существуют противоречивые и взаимоисключающие мотивы, ценностные ориентации и цели, с которыми она в данный момент не в состоянии справиться, т.е. выработать приоритеты поведения, основанные на них.

Внутриличностный конфликт и жизненная позиция как проявления сознательных и бессознательных процессов

Психоаналитические традиции внесли значительный вклад в изучение внутриличностного конфликта, особенно его неосознаваемых форм. З. Фрейд указывал, что человек конфликтен по своей природе – в нем от рождения борются два определяющих поведения противоположных влечения: Эрос (комплекс влечений, включающий инстинкты: сексуальный и самосохранения) и Танатос (влечение к смерти (агрессии)) [8]. Внутриличност-

ный конфликт рассматривается как следствие столкновений между Эросом и влечением к смерти (Танатос, Мортидо), что выражается в амбивалентности человеческих чувств, которая усиливается противоречивостью социальной жизни и доходит до состояния конфликта.

3. Фрейд также указывал, что внутриличностный конфликт может быть обусловлен противоречиями между инстинктивными импульсами бессознательного (в первую очередь – «Оно») и усвоенными (интериоризированными) в процессе социального взаимодействия требованиями внешней среды, а также ограничением биологических побуждений социально детерминированными запретами [9].

При этом Фрейд в своей теории личности не только раскрывает причины внутриличностного конфликта, но и дает описание механизмов психологической защиты структуры «Я» от чувства тревоги, вины, стыда. Защитные механизмы, применяемые сознательно или бессознательно, играют большую роль в жизни человека, помогая преодолеть рассогласования между желаниями, ожиданиями и пониманием невозможности их реализации. Однако в конфликтных ситуациях и в кризисные периоды жизни бессознательные защитные механизмы приводят к нарушению адекватного восприятия реальности и, как следствие, к дезадаптивным стратегиям поведения. Внутриличностный конфликт может быть не только осознанным, но и неосознанным, что не делает его менее значимым. Осознанные внутренние конфликты – это проблема выбора из сочетания различных стремлений: потребностей, социальных норм, ценностей.

В основе неосознанных внутренних конфликтов лежат любые не полностью разрешенные в прошлом конфликтные ситуации или следование программным паттернам, заложенным в поведение, и не имеющим отношения к реальным жизненным ситуациям. На бессознательном уровне личность продолжает нести груз неразрешенных в прошлом проблем и слепо усвоенных интроектов, при этом непроизвольно воспроизводя старые конфликтные ситуации, как бы пытаясь их решить вновь.

Представители теории объектных отношений (М. Кляйн, Д.В. Винникотт, М. Малер) подчеркивают врожденный и неосознаваемый характер внутриличностного конфликта, который находит свое проявление в побуждениях любви и ненависти по отношению к окружающим [10]. Психическая реальность и образ Я как таковые формируются именно благодаря наличию интрапсихического конфликта, поскольку отделение себя от внешнего мира происходит благодаря первым переживаниям фрустрации, невозможности удовлетворить свои потребности из-за «плохих» объектов. Первый опыт взаимодействия ребенка с родителями и ближайшим окружением

содержит в себе полярные переживания, которые интроецируются, а затем проецируются на окружающий мир, тем самым закладывая основу будущей жизненной позиции личности.

В теории К. Юнга внутриличностный конфликт рассматривается в первую очередь как вытесненные в бессознательную сферу эмоционально окрашенные травмы – комплексы [10]. Данные комплексы включают в себя особым образом организованные архетипические образы, чувства, переживания, воспоминания. Так называемое «ядро» комплекса имеет тенденцию притягивать к себе определенные психические состояния и переживания. Таким образом, внутриличностный конфликт, связанный с травмирующими переживаниями, формирует в личной бессознательной сфере определенную структуру мировосприятия, реагирования и личностно-типичного аффекта, который, будучи неосознан, приводит к воспроизведению одних и тех же паттернов поведения, создающих серьезные психологические проблемы личности.

Согласно взглядам А. Адлера формирование характера личности происходит в первые пять лет жизни человека. В этот период он испытывает на себе влияние неблагоприятных факторов, которые и порождают у него комплекс неполноценности. Впоследствии этот комплекс оказывает существенное влияние на поведение личности, мировоззрение, активность и образ мыслей индивида. Этим и определяется внутриличностный конфликт [11].

А. Адлер не только объясняет механизмы формирования внутриличностных конфликтов как производное от взаимоотношений с социальным окружением, но и раскрывает пути разрешения этих конфликтов (компенсации комплекса неполноценности). Таких путей он выделяет два. В первых – это развитие «социального чувства», социального интереса. Развитое «социальное чувство» в конечном итоге проявляется в интересной работе, нормальных межличностных отношениях и т.п. Но у человека может сформироваться и так называемое неразвитое социальное чувство, которое имеет различные негативные формы проявления, такие как: преступность, алкоголизм, наркомания и т.д. Второй путь преодоления комплекса неполноценности подразумевает стимуляцию собственных способностей, достижение превосходства над другими.

Вполне вероятно, что форма компенсации находит свое отражение в характере жизненной позиции личности. В связи с этим закономерно возникает вопрос: насколько осознанно личность выбирает тот или иной путь компенсации? Возможно ли утверждать, что адекватная компенсация предполагает более осознанный выбор, опять-таки отражающий проявление активности жизненной позиции?

К. Хорни считает, что невротическая личность разрешает внутриличностный конфликт, разрушая баланс трех основных форм движения – против людей, к людям и от людей, так как человек сознательно признает лишь одну из них и отвергает или подавляет две другие. Нормальному человеку свойственна интеграция всех трех ориентаций, поскольку они не являются взаимоисключающими. В связи с этим критерием адекватности разрешения внутриличностного конфликта, по К. Хорни, выступает обеспечение некоторой интеграции основных ориентаций личности, необходимой для дальнейшей ее самореализации. Целью устранения внутриличностного конфликта К. Хорни определяет изменение внутренних условий личности, приведших к конфликту [7]. Эта задача должна решаться за счет осознания реальных чувств и желаний, создания своей системы ценностей, анализа структуры характера в целом. В данном случае мы опять сталкиваемся с проблематикой выбора активной и осознанной жизненной позиции через выход за рамки внутреннего конфликта и его преодоления.

Через теорию «Я» и «мы» внутриличностный конфликт рассматривает С.Н. Шпильрейн, указывающая на необходимость отделения ребенка от симбиоза с родителями в период взросления с целью автономности и возможности создать и реализовать самостоятельную жизнь во взрослом возрасте [12]. Это определенным образом пересекается с идеями М. Боуэна о дифференциации личности. Дифференциация от взаимоотношений в родительской семье предполагает способность человека осознанно разграничивать рациональные и эмоциональные аспекты жизни, самостоятельно выбирать тот или иной способ реагирования и решения проблем на основе собственного опыта, ценить и уважать личную и чужую автономность. Другими словами, это также может быть проявлением активной жизненной позиции, в которой личность принимает себя и другого, способна более объективно и адекватно оценивать реальность. В то же время недифференцированная личность изначально вынуждена существовать в перманентном внутреннем конфликте, сформированном эмоциональной спутанностью отношений в родительской семье. Такой конфликт носит неосознаваемый характер и находит свое отражение в эмоциональной зависимости, преобладании импульсивности в поведении, нестабильных отношениях с другими, подверженности стереотипам в поведении и других психологических проблемах.

Э. Эриксон отмечает, что внутриличностный конфликт возникает под воздействием неопределенности ситуации в кризисные возрастные периоды [7]. Автор рассматривает кризис как особые моменты выбора между прогрессом и регрессом,

таким как преодоление замкнутости ради психологической близости, генеративности ради обретения способности заботиться о других, отчаяния ради обретения целостности. Но на каждом возрастном этапе происходит либо благоприятное преодоление кризисной ситуации, либо неблагоприятное. В первом случае происходит позитивное развитие личности, ее уверенный переход на следующий жизненный этап с хорошими предпосылками для его успешного преодоления. Во втором случае личность переходит в новый этап своей жизни с проблемами (комплексами) прошлого этапа, что вызывает у нее внутренние переживания. Таким образом, выход из такой последовательности событий возможен только через осознание и переработку своих внутренних конфликтов как результатов пережитых кризисов.

По мнению Э. Фромма, внутриличностный конфликт возникает в процессе противостояния субъекта подавляющему воздействию родительского авторитета, что нивелирует чувство принадлежности самому себе, проявляясь в переживании вины, бессилия, ненависти, отсутствия внутренней свободы. В данном случае конфликт обусловлен стремлением субъекта к независимости и близости с другими, социализации и сохранению своей индивидуальности [13]. Противоречивые тенденции, заложенные в психике человека как существа социального, приводят нередко к неосознаемому выбору наиболее простых и безопасных стратегий жизни, позволяющих избежать рисков свободного и сознательного выбора. Такие стратегии описаны Э. Фроммом в типологии социальных характеров, отражающих так называемый непродуктивный стиль жизни. Особенность непродуктивных ориентаций состоит в том, что преодоление внутреннего конфликта между стремлением к безопасности и укорененности, с одной стороны, и стремлением к свободе, с другой, происходит за счет подавления собственной индивидуальности, т.е. в пользу первой тенденции. При этом внутренний конфликт в подавленном состоянии актуализируется в зависимости, эгоизме и потребительском отношении к реальности. Здесь также можно говорить об определенной жизненной позиции, которая носит пассивный характер и содержит в себе внутреннюю конфликтность.

Э. Берн и его последователи полагают, что люди в повседневном общении склонны воспроизводить определенные стереотипы взаимодействия («игры», «сценарии»), обусловленные порождением дисбаланса трех внутренних структур («родитель», «взрослый», «ребенок»). Восстановление равновесия данных структур или достижение внутренней непротиворечивости возможно лишь через осознание своих излюбленных «игр» и тех «выгод», кото-

рые они приносят, и построения на этой основе новых способов взаимодействия. Жизненная позиция в понимании транзактного анализа находит свое воплощение в жизненном сценарии, который изначально содержит в себе внутренний конфликт, сформированный в детстве, между желаниями и ограничениями в их удовлетворении [3]. Опасность жизненного сценария состоит в том, что он в силу своей неосознанности приводит к воспроизведению одних и тех же «детских» неэффективных стратегий поведения, приводящих к «расплате». Э. Берн подчеркивает, что основной целью преодоления проблемы сценарного поведения является формирование автономии личности, предполагающей осознанность, спонтанность и интегрированную позицию Взрослого и интимность в отношениях. Многие исследователи впоследствии именно эти характеристики берут за основу показателей активной жизненной позиции.

Заключение

Подводя итог обзора некоторых представленных подходов психодинамического направления и эгопсихологии к пониманию внутриличностного конфликта, можно сделать вывод о том, что данный феномен может иметь различную степень осознанности, при этом оказывая существенное влияние на формирование мировосприятия и образ Я, на качество взаимоотношений с социумом и жизненную позицию личности в целом. Вместе с тем конструктивное разрешение внутриличностного конфликта возможно только через развитие осознанности и способности выйти за рамки сформированных комплексов, пронаблюдать, проанализировать и пересмотреть свою жизненную позицию, сделав ее более объективной, реалистичной и осмысленной.

Если выход из деструктивного конфликта не найден или использование психологических защит не ведет к устранению, сведению к минимуму чув-

ства тревоги или страха, то такой конфликт замедляет процесс развития личности и жизненной позиции, формирует комплекс неполноценности. В результате деструктивного конфликта нередко наблюдается неуверенность личности, неустойчивость ее поведения, неспособность добиваться сознательно поставленных целей, снижение самооценки и уровня притязаний, возникновение барьера общения, фрустрация и тревожность.

Активность жизненной позиции способствует успешному преодолению человеком внутренних конфликтов. Она составляет основу всей системы саморегуляции человека. В трудных ситуациях, как правило, приводит в соответствие внешние требования и внутренние желания. Внутриличностный конфликт решается только тогда, когда у человека формируется способность пронаблюдать за собой, выйти за рамки своих переживаний и мыслей, которые порождают проблемы, дискомфорт и неадекватные взаимоотношения с другими; когда осознаются бессознательные мотивы деятельности и программы поведения, сформированные ранее. Динамика преодоления внутриличностного конфликта включает рассуждения, анализ переживаний, коррекции самооценки, отношений, притязаний. Именно при анализе конфликта, когда его составляющие прорабатываются, личность готова к позитивным изменениям, способна проводить искренний, объективный и конструктивный разбор ситуации конфликта с определением перспектив дальнейшего развития себя, корректировкой отношений и поведения.

Таким образом, если рассматривать понятие «жизненная позиция» в контексте вопроса соотношения сознательных и бессознательных процессов, то, на наш взгляд, ее активность определяется преобладанием осознанности, автономности и свободы личности от запрограммированности, порождающей внутренние конфликты.

Список источников

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург : Питер, 2012. 705 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. Москва : Наука, 1980. 335 с.
3. Берн Э. Транзактный анализ в психотерапии: системная индивидуальная и социальная психиатрия. Москва : Академический проект, 2001. 320 с.
4. Бабосов Е.М. Конфликтология. Минск : ТетраСистем, 2000. 463 с.
5. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. Санкт-Петербург : Питер, 2015. 528 с.
6. Столин В.В. Исследование природы конфликтных смыслов. Москва, 1983. 284 с.
7. Гришина Н.В. Психология конфликта. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 544 с.
8. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. Москва : Фирма СТД, 2003. 624 с.
9. Фрейд З. Психология бессознательного и анализ человеческого Я. Москва : АСТ, 2005. 188 с.
10. Паттерсон С., Уоткинс Э. Теории психотерапии. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 544 с.
11. Адлер А. Наука о характерах: понять природу человека. Москва : Академический проект, 2011. 253 с.
12. Шпильрейн С. Психоаналитические труды. Ижевск : ERGO, 2008. 466 с.
13. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. Москва : АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. 221 с.

References

1. Rubinstein S.L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg, Peter, 2012, 705 p.
2. Abul'khanova-Slavskaya K. A. *Deyatel'nost' i psihologiya lichnosti* [Activity and personality psychology]. Moscow, Nauka, 1980, 335 p.

3. Bern E. *Transaktnyj analiz v psihoterapii: sistemnaya individual'naya i social'naya psixiatriya* [Transactional analysis in psychotherapy: systemic individual and social psychiatry]. Moscow, Academic Project, 2001, 320 p.
4. Babosov E. M. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Minsk, Tetrasystems, 2000, 463 p.
5. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. *Konfliktologiya* [Conflictology]. St. Petersburg, Peter, 2015, 528 p.
6. Stolin V. V. *Issledovanie prirody konfliktuyushchih smyslov* [Investigation of the nature of conflicting meanings]. Moscow, 1983, 284 p.
7. Grishina N. V. *Psihologiya konflikta* [Psychology of conflict]. St. Petersburg, Peter, 2008, 544 p.
8. Freud S. *Vvedeniye v psikhoanaliz: Lektsii* [Introduction to Psychoanalysis: Lectures]. Moscow, Firma STD, 2003, 624 p. (in Russian).
9. Freud S. *Psihologiya bessoznatel'nogo I analiz chelovecheskogo YA* [Psychology of the unconscious and analysis of the human self]. Moscow, Nauka, 2005, 188 p. (in Russian).
10. Patterson S. *Teorii psihoterapii* [Theories of psychotherapy]. St. Petersburg, Peter, 2003, 544 p.
11. Adler A. *Nauka o harakterah: ponyat' prirodu cheloveka* [The science of characters: to understand the nature of man]. Moscow, Academic Project, 2011, 253 p.
12. Shpilrein S. *Psihoanaliticheskie trudy* [Psychoanalytic works]. Izhevsk, ERGO, 2008, 466 p.
13. Fromm E. *Velichie i ogranichenost' teorii Frejda* [The greatness and limitations of Freud's theory]. Moscow, AST, Astrel, Polygraphizdat, 2012, 221 p. (in Russian).

Информация об авторах

Н.И. Анчукова – кандидат психологических наук, доцент;
К.О. Ницпан – аспирант.

Information about the authors

N.I. Anchukova – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;
K.O. Nitspan – Postgraduate Student.

Вклад авторов:

Анчукова Н.И. – научное руководство; концепция исследования; введение, дополнения к теоретическому обзору подходов, итоговые выводы.

Ницпан К.О. – введение, теоретический обзор подходов к изучению проблемы исследования.

Contribution of the authors:

Anchukova N.I. – scientific guidance; research concept; introduction, additions to the theoretical review of approaches, final conclusions.

Nitspan K.O. – introduction, theoretical review of approaches to the study of the research problem.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.964

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-55-60

ЧЕГО ХОТЯТ КАРТИНКИ СНОВИДЕНИЯ?

Лидия Игнатъевна Кирсанова¹, Ольга Александровна Коротина²

¹Российская таможенная академия, Владивостокский филиал, Владивосток, Россия, kirsanovalidiya@rambler.ru

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, korotina.oa@dvfu.ru

Аннотация. Сновидение является частью психической жизни каждого человека. Одни предпочитают отрицать значимость сновидений, не относя их к существенной части событий жизни, другие придают им большое значение, интерпретируют, дешифруют, к их числу относятся психологи, психоаналитики и их клиенты. Сновидение – это мышление картинками. Сновидение тоже мыслит, но не так, как речь и мышление. Сновидение каким-то образом видит реальное. Вопрос о том, как мы смотрим с помощью видео, рекламы, фильмов и снов, до конца не ясен. Мы предполагаем, что стратегия взгляда движется от обзора целого к фрагментации вещей, событий, лиц и прочее. На месте целого возникают фрагменты, которые накладываются друг на друга, мультиплицируются в форме метонимии, метафоры, символов. Сновидение также состоит из частей, фрагментов, элементов, часто невообразимой кучи мусора, которые стыкуются друг с другом вовсе не по законам логики и разума, а по законам символаобразования. Фрагменты воображаемого в сновидении образуют такие причудливые картинки, что сознание не узнает себя в своих собственных продуктах, предъявленных ему в другой упаковке – в форме визуальных образов. Экономия мышления, с которой мы имеем дело в сновидении, как, впрочем, в оговорках, описках и др., ставит сознание в тупик. Интерпретация сновидения представляет сложный процесс расшивки швов, сродни разгадыванию головоломки. Главным остается вопрос, как найти узловой пункт сновидения, ведь именно в нем скрыт смысл сообщения. Наша гипотеза заключается в том, что разгадка сновидения содержится в том месте, где картинки сновидения приобретают наиболее причудливый характер, где происходит сгущение смысла в форме метонимии и метафоры.

Ключевые слова: сновидения, истолкование сновидений, картинки сновидения, мышление картинками

Original article

WHAT DO DREAM PICTURES WANT?

Lidiya I. Kirsanova¹, Olga A. Korotina²

¹Russian Customs Academy Vladivostok Branch, Vladivostok, Russia, kirsanovalidiya@rambler.ru

²Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, korotina.oa@dvfu.ru

Abstract. Dreaming is a part of every person's mental life. Some prefer to deny the significance of dreams, not regarding them as an essential part of life events, while others give them great importance, interpret them, decipher them, among them are psychologists, psychoanalysts and their clients. Dreaming is thinking with pictures. Dreaming is also thinking, but not in the same way as speech and thinking. The dream somehow sees the real thing. The question of how we watch with the help of videos, advertisements, movies and dreams is not completely clear. We assume that the strategy of the view moves from the overview of the whole to the fragmentation of things, events, persons, and so on. Fragments arise in the place of the whole, overlapping each other and multiplied in the form of metonymy, metaphor, symbols. A dream also consists of parts, fragments, elements, often an unimaginable pile of garbage that fit together not at all according to the laws of logic and reason, but according to the laws of symbolism. Fragments of the imaginary in a dream form such bizarre pictures that the consciousness does not recognize itself in its own products presented to it in another package – in the form of visual images. The economy of thinking with which we deal in dreams, as well as in reservations, typos, etc. puts the consciousness in a dead end. Dream interpretation is a complex process of stitching, akin to solving a puzzle. The main question is how to find the nodal point of the dream, because that is where the meaning of the message is hidden. Our hypothesis is that the key of the dream is contained in the place where dream pictures acquire the most bizarre character, where there is a condensation of meaning in the form of metonymy and metaphor.

Keywords: dreams, dream interpretation, pictures of dreams, thinking with pictures

Заявленная тема, с одной стороны, провоцирует на то, что речь пойдет исключительно о сновидениях, но, с другой стороны, на самом деле мы не хотим оставаться только в языке психологии и психоанализа. Замысел статьи гораздо шире: помыслить сновидение в контексте визуальной культуры в целом.

С одной стороны, мы с вами существуем в обществе визуальной культуры. Дело в том, что все большее количество нашего времени занимает мышление картинками. Идея о том, что мы живем в обществе спектакля (Дебор), надзора (Фуко) и симулякров (Бодрийяр), давно уже не является открытием интеллектуалов. Подтверждение мы нахо-

дим у психоаналитика: Лакан прямо говорит, что основой сегодняшнего мышления является мышление визуальными картинками. Мы не станем вдаваться в подробности, чем отличаются образы от картинок. Отметим только, что визуальные картинки ведут на нас атаку, это нападение очень агрессивное, к «картинкам» мы относим кино, телевидение, рекламу, видеоарт, в меньшей степени – живопись в варианте абстрактной, беспредметной живописи, и частью – современный театр. Мы в России, может быть, не так хорошо осведомлены, но Антонен Арто практиковал, например, театр жестокости. Трудно сказать, что это были за спектакли, все-таки театр нужно видеть, но речь идет о том, что появилась новая форма жизни – в философии это называют визуальным поворотом в культуре. Суть этого поворота заключается в том, что мы все еще мыслим, но мыслим уже не словами, а картинками. В человеческом существе антропологически заложена возможность репрезентации жизни в трех регистрах – это речь, та индивидуальная речь, когда вы берете право, чтобы задать вопрос, вы становитесь автором своей собственной речи, присваиваете ее и говорите. С другой стороны, у нас есть письмо. Я хочу быть автором своей статьи, использует словари, справочники и т.д., письмо, текст имеют в нашем мире большое значение. Речь и письмо индивидуализируют, высказывание и текст существуют в регистре: я говорит, я пишет. Третий регистр означивания – это взгляд, мы смотрим и формируем то, что называется образом. Причем образ может существовать в нескольких формах, например, это может быть сцена, театр, картинка, книга, фото, также это может быть динамичная картинка (реклама, кинофильм, видеоарт). Отношения между голосом, письмом и картинкой весьма сложные. Письмо никогда не достигает случая полного наличия, поскольку оно замещает и вытесняет отсутствующий голос. Картинка замещает нередко голос и письмо, смотрим на фото начала XX в.: кто говорит, был ли этот человек грамотным, неизвестно. Картинка является замещением замещенного, фото – это двойное замещение голоса и письма. Поэтому всякая картинка полна разрывов, по линиям швов могут быть восстановлены голос, текст. Обратимся к предмету исследования: в сновидении есть тот, кто рассказывает (голос сновидения), кто пишет (некая химическая формула, например) и показывает (большая зала, много гостей), мы опираемся на сновидение об Ирме [1: с. 80]. Сновидение невозможно сочинить или подделать в силу присутствующего ему самодвижения, а также необратимо случайной конфигурации антропологических регистров – голоса, письма, взгляда.

Что мы мыслим, когда мы смотрим, пребывая в реальности, если мы вообще мыслим, что это за

особый режим мышления, сознания и т.д. – это первый вопрос. С другой стороны, мы имеем такую антропологическую поддержку нашей способности видеть, как сновидение. Они случаются с нами чуть ли не ежедневно. Поэтому реальность присутствует в нас двояким образом. Приведем мысль Митчелла, который говорит: сновидение – это то, что касается меня сбоку [2]. Дело в том, что речь обращена так, что я ставлю вас под вопрос, я задаю вопрос, именно я желаю вас смутить, например. Говорение от Я обозначает активную позицию говорящего. Как правило, это человека фрустрирует, речь прямо обращена, она требует ответ и др., а сновидение касается нас непрямым образом, поэтому – сбоку. Дело в том, что в отношении сновидения возможна такая ситуация: я просыпаюсь и говорю нет сновидению, нет, это не имеет ко мне отношения, это всего лишь сон. И я как бы это сновидение отменяю, я над ним не думаю, не интерпретирую и объявляю это пустяком. Не Я говорит, Оно говорит, поэтому касается меня опосредованно.

Это такая игра сознания, которая субъекту часто не интересна, не значима. Но это только один подход к сновидениям. А есть второй подход, который заключается в том, что сновидение – это тоже сообщение, но не в виде речи или письма, а в форме картинки. Так чего хочет от нас эта картинка? Получается, что есть некое сообщение, которое не достигло регистра речи, но, тем не менее, пробивается к тому, чтобы нам что-то сказать. Сновидение всегда говорит, но не в регистре первого лица: я говорю, а в форме третьего лица: оно говорит. Поэтому голос его не слышен.

У Лакана позиция такая: сновидение – это сообщение, но сообщение которое не готово к тому, чтобы быть выраженным в форме логоса. Логос обязывает нас формулировать высказывание в форме подлежащего, сказуемого, дополнения и проч. Например, сегодня вечером ожидается снег, т.е. это высказывание построено на логосе, оно сравнительно легко может быть верифицировано. Картинки так не мыслят, т.е. они, скорее всего, преобразуют сообщение в форме метонимии или метафоры, допустим, разрыв отношений в сновидении может быть визуализирован как перелом ноги. Во что преобразуется реальность в сновидении, трудно сказать, это сообщение, но имеет форму кода или шифра. Поэтому картинки сновидения расположены на одной сцене: «мышление» картинками – это как бы одна сцена, а вторая сцена – это речь и письмо, это то, что как бы вклинивается в картинки поперек, разрывая визуальные ряды и делая это сообщение понятным для тех, кто мыслит логически. Человек – такое существо, для которого непереносимо отсутствие логики, как говорил Гуссерль, человек – это такое существо, которое борется за смысл везде и всегда. И если нам что-то в

сновидении не понятно, мы будем продолжать бороться за смысл с помощью интерпретаций. Само рассказывание сновидения является проблемой. В пересказе сновидения нет незаконченных предложений, рассказчик переписывает сновидения в форме связного рассказа. Возникают вопросы: что, именно так вы все и видели? Не видит ли тот, что рассказывает увиденное через язык? Не язык ли видит то, что мы эмоционально переживаем, и то, что мы вообще не можем увидеть без языка [3]? Почему именно так мы видим? Потому что таким образом бессмысленные картинки превращаются в рассказ, благодаря упорядоченности сновидение приобретет смысл, сновидящий обретает уверенность в своем разуме и успокаивается. Сознание не всегда бывает хозяином в своем доме, это непереносимое переживание, его необходимо преобразовать. Фрейд говорит о сновидении как исполнении желания – мы позволяем себе в сновидении желать того, чего в реальности боимся. В интерпретации мы достигли смысла и говорим: я больше об этом не думаю, это сообщение можно пропустить. Лакан утверждает, что человек борется за смысл даже тогда, когда он мыслит картинками. И нет никакого другого способа соединиться со своим собственным желанием, кроме сновидения, которое сообщает о себе, но в другой упаковке. Неприкрытое желание может травмировать сознание, а сновидение преобразует его, упаковывает в картинку и перестает пугать. Не станем останавливаться на щадящей роли картинок: самые страшные фильмы ужасов вовсе никого не пугают, потому что они упакованы так, что на это можно смотреть.

Сошлемся для примера на фильм Ларса фон Триера «Дом, который построил Джек». Его интерпретация существует в диапазоне от ужасного до комического: во многих местах он вызывает смех. Пусть этот смех лишен изящества, он скорее напоминает физиологический смех, но он защищает от ужаса.

Существует знаменитое сновидение об Ирме, которое Фрейд приводит в своей работе «Толкование сновидений». Речь идет о первом сновидении Фрейда, которое представлено в полном виде, без сокращений, вместе с интерпретацией самого сновидящего. Мы не будем приводить полностью текст сновидения, каждый гуманитарий его знает. Нам важно обратить внимание на то, как мы смотрим: «Большая зала, много приглашенных, мы принимаем гостей. Среди них Ирма». Это общий взгляд как бы сверху. Дальше происходит детализация: плечо Ирмы под платьем, горло пациентки и наконец, основная точка сновидения – вид гниющей плоти, серые струпы, рыхлые ткани гортани и проч.

Это сновидение подвергалось многократному истолкованию. Обратимся к Лакану, он утверждает, что в этом сновидении нет ничего бессознательного, содержание этого сновидения вполне про-

зрачно и находится на поверхности сознания, не надо углубляться ни в какие очень серьезные психоаналитические проблемы, связанные с вытеснением, возвращением вытесненного и защитными механизмами и т.п. Это все то, над чем работает психоанализ, мы знаем, психоаналитики неплохо делают свою работу. Проблема в другом: если выделить только визуальные элементы сновидения: большая зала, много гостей, такой обзорный взгляд. Взгляд на ситуацию с точки зрения целого, большая зала – видимо собрались гости, «я вижу ее бледное опухшее лицо» – взгляд сужается и фиксируется на лице, это уже не полный обзор, а фрагмент. «Она открывает рот, я вижу ее горло» – взгляд углубляется и проникает к обозрению внутренних органов, перед сновидящим предстает опухшее больное горло, еще и с сероватым налетом и струпами. Лакан говорит: здесь сновидящий должен был проснуться, потому что в этом месте сновидение превращается в сновидение страха, эта картинка непереносима. Сновидящий должен был проснуться весь в поту, и проч. Но он не просыпается, потому что есть такая хитрость разума, суть которой заключается в том, что надо спать, сон защищает нас от перегрузки дневных впечатлений, мы должны их переработать ночью, привести свою психику в порядок. Дневное сознание захвачено реальностью в высокой степени интенсивности, на агрессию надо отвечать. Центр сновидения оберегает нашу нервную систему способом охлаждения. Не забываем о введенном Маклюэном различии между горячими и холодными средствами сообщения [4: с. 39]. Что делает сновидение: оно через обходной путь выдает нам трех клоунов, как пишет Лакан. Первый клоун – это доктор М., второй клоун – это доктор Отто и третий – доктор Леопольд. И все они на себя не похожи: один без бороды и хромает. Другой – с грязным шприцем, и третий – вообще пустяковый человек, ничего не значащий. Это Леопольд, старый холостяк, который время от времени дарит Фрейду дорогие подарки. Эти три клоуна – участники клоунады – предстают на сцене, на которой они сами на себя не похожи, производят какие-то несурзные действия, все это напоминает медицинский анекдот, о том что доктор и не делал операцию, а если и сделал, то сделал так плохо, что забыл тампон, и вообще он не доктор. Все это есть игра сновидения, которая позволяет сновидящему не просыпаться. «С появлением этого клоунского трио вокруг Ирмы завязывается бессвязная беседа, напоминающая скорее игру в абракадабру, не то и вовсе разговор глухих» [5]. Потому что смысловой узел сновидения – это взгляд смерти. Нельзя увидеть собственную смерть, надо отвести взгляд. Именно в этом месте сновидения появляются клоуны, как это мыслит Лакан.

Известно, что Фрейд умер от рака горла после более двух десятков операций, длительная болезнь превратила его в немощного старика, вконец измученного, в результате его дочь сделала ему инъекцию – это был случай эвтаназии, она призналась в этом, когда эмигрировала из Германии в США. Общество стало настолько либеральным, что обсуждает вопрос о добровольном уходе из жизни при смертельном заболевании, когда пациент находится в сознании и владеет собой. Фрейд находился в уме и памяти, он сам принял решение, что ему следует уйти. А что же сновидение? Сновидение показывает с помощью картинка горло серого цвета, покрытое струпами. Эта картинка ему говорит: вот смерть твоя. А затем сознание пугается и всплывает из глубины на поверхность, переходит к скольжению по другим фигурам, которые в данный момент окружают Фрейда, все эти доктора: доктор М., Отто и Леопольд, это его коллеги, и здесь, можно сказать, что сновидение превращается в событие офиса, где они каждый день встречаются, перебрасываются всякими словечками, шуточками и т.д. Таким образом, эта юмористическая сцена позволяет сновидящему не проснуться, завершить работу сна и отдыха и выжить. А что было бы, если бы Фрейд проснулся в месте страха и ужаса? Жизнь проходила бы под знаком неизлечимой болезни и проч.

Как работает эта картинка: сначала полный обзор, потом вычленение фрагмента, потом выделение ещё более мелкого фрагмента (горло) и потом погружение в то, чего видеть нельзя, мы не можем видеть свою смерть. А сновидение её показывает, т.е. это как бы сновидение смерти. Можно заупрямиться, испугаться: я не хочу это знать, я не буду брать это во внимание, я не хочу об этом думать. Фрейд так и сделал. То, что это сновидение смерти, хотя сам сновидящий этого не увидел, эту интерпретацию предложил не сам Фрейд, а Эриксон, другой психолог и психоаналитик. Сообщение, которое является важным для сновидящего, это сообщение о смерти, и как точно все сошлось. Все будет именно так с горлом, и будет шприц со смертельной инъекцией. Только видите ли, сновидение лишено темпоральности, оно не имеет времени, оно имеет только место, т.е. сцену, на которой нам показывают некое событие. Почему картинки, где эти картинки размещены: вот на этой сцене сновидения. Мишель де Серто (изобретение повседневности) отметил: в чем разница между организацией мышления с помощью темпоральности, т.е. времени, и структурированием мышления с помощью места [6]. Сообщение как бы одно и то же: упаковка разная. Одно сообщение речевое, а другое – в картинках. Мы не доверяем картинкам и говорим: «всё врут». Мы доверяем логосу и смыслу, поэтому часто сновидения мы откладываем, отбрасываем, как раз потому, что они якобы лишены смысла.

Вспоминается одна студентка, которая принесла сновидение и сказала: вот вам сновидение, как вы просили, но я не имею к этому никакого отношения. Это сродни детскому подарку, типа «мама, вы просили принести сновидения, вот, нате вам, а я не имею к этому отношения». Это сообщение одного и того же, об одном и том же, даже если оно упаковано в разные коробочки, только одно – речевое, другое – визуальное. Картинка экономит на мышлении, и то, что требовало бы целой фразы или рассказа, упаковывается в одну картинку. Путает разница упаковок. Сновидящий-то кто? Фрейд – автор этого сновидения, это сообщение ему самому о смерти, никому не другому, а ему самому. Здесь возникает вопрос – сообщение адресовано? Да. У него есть адресат, только это интерпассивное сообщение, т.е. не прямое сообщение для самого сновидящего, это сообщение для субъекта, который пребывает в ситуации дрейфа. Довериться сновидению – страшно, картинка пугает. Безопаснее довериться речи, поэтому Фрейд дает интерпретацию этого сновидения очень поверхностную, похоже на то, как мы обычно относимся к сновидению. В остатке у Фрейда получилось: я изобрел метод лечения, который в некоторых случаях может оказаться опасным, и к тому же: меня окружают коллеги-тупицы, которые моему методу не верят, не понимают меня. Что делает речь? Она идет поперек картинок, логос скользит по поверхности сообщения и одновременно снимает напряжение. Фрейд оказывается не очень умным в этой интерпретации, она поверхностная. Почему, а потому, что увидеть свою смерть нельзя. Точнее, мыслить наверное можно, видеть нельзя. Это непереносимое переживание, которое очень быстро в сновидении замещается, меняется на юмористическую сцену. Сновидение само себя защищает. Теперь возвратимся к тезису, что сновидение – это то, что смотрит на меня сбоку. Хорошо то, что картинки мы всегда можем принимать как игру. Мы можем получать удовольствие от этой сцены. Если во сне к нам возвращается какой-то старый друг, у нас возникает приятное чувство, мы повидались. Сновидение может доставлять удовольствие. Кроме того, игра этих картинок часто бывает забавной и удивительной, и это тоже нас развлекает, тогда как наша реальная жизнь – это то, что трудно.

Речь – это то, что подчиняется принципу реальности и логосу, а картинки играют с нами, позволяют нам отдохнуть, выспаться и проснуться бодрыми. Речь всегда в той или иной степени связана с реальностью, даже речь безумия.

Обычно нормальная речь – это все-таки логос, нам тяжело в нем жить, а мыслить вообще трудно, как сказал один умный человек. Поэтому сновидение нам дано как возможность игры, как способность удивляться, как радость, как удовольствие и т.д. Мы намеренно не переходим на понятия пси-

хоанализа, о том, что сновидение – это удовлетворение желания и т.д. Сегодня такое понимание сновидения отдает архаикой, психоанализу сто лет, и надо понимать, что ни одна теория не может выдержать испытания столетней практикой, она все равно трансформируется. Появляются ученики, предатели, все что сегодня известно о первом поколении психоаналитиков, и о том, кто кого предал, свидетельствует, что так все и бывает в жизни. В контексте визуального поворота мы предпочитаем рассматривать сновидения как некую антропологическую поддержку визуализации мира, к которой мы сегодня с такой легкостью прибегаем. Сновидения сочинить нельзя. Сновидение правдиво ввиду своей случайной спонтанности. Сновидение не имеет таких элементов логоса, как критика, риторика и герменевтика. Часто, в обычной жизни, картинку не интерпретируют. Например, смотрим сериальчик, шуршим по поверхности, скользим взглядом по этим картинкам. У нас отсутствует критика. Критический взгляд даже по отношению к Агате Кристи был бы смешным, а к современным сериалам это вовсе не применимо, но развлечение с помощью картинок получаем. Когда мы пользуемся визуализацией, в этом нет никакой герменевтики, она может быть только специально встроенной. Например, почему Ирма обследуется через одежду? Допустимый отсыл к тому, что это викторианская эпоха, в то время обследование могло быть только бесконтактным, что уже предполагает интерпретацию. Здесь мы подключаем герменевтику, задаем вопрос, подвешиваем смыслы. Подключили герменевтику и никакого удовольствия от картинок не получаем. Не надо интерпретировать картинку, не надо глубины, взгляд скользит по поверхности цветов, фигур, линий, лиц – и этого достаточно. Мы позволяем себе желать чего-то, самый очевидный пример – рекламные ролики, но желать как-то вяло, бездейтельно. Психологическое воздействие рекламы оказалось сильно преувеличенным: удовольствие – да, атака желания – нет. Это скольжение по поверхности. Поскольку к картинкам присоединили звук, музыку, костюмирование, одежду, моду, удовольствие стало более насыщенным. За удовольствие скользить взглядом мы расплачиваемся деградацией мышления. Привычка задавать вопросы: а на что мы собственно смотрим, что мы видим, а главное, что это значит – постепенно отмирает у большей части людей визуальной цивилизации. Как прекратить бессмысленную визуализацию – бритвой по глазам, предлагал Л. Бонюэль в «Андалузском псе». А если быть более точным: занять позицию критики, вопрошания. Герменевтика подозрения в отношении картинок – единственный способ остаться мыслящими существами. Поэтому сегодня можно обобщить: из чего мы состоим, с одной стороны, мы все еще остаемся мыслящими существами, это нас отличает от наших

домашних животных, а с другой – предаемся сновидческой реальности, здесь отличий нет: коты тоже видят сны. Примерно из этих состояний: сознания и сновидений в картинках мы сегодня создаем наш собственный мир. С одной стороны, у нас все еще есть членораздельная речь, книги, которые мы способны читать, с другой – нас атакует огромное количество визуальных соблазнов. Соблазн заключается в том, что визуализация позволяет нам не мыслить. Отказ мыслить приносит огромное удовольствие. Логос и причинно-следственные связи, выстраивание отношений, всякая логика нам затруднительны. Всеобщий гедонизм стал разрешенным и даже желательным. И поэтому, когда у нас есть возможность отказаться от того, чтобы мыслить, мы это делаем с большим удовольствием.

Несколько слов о селфи. Сегодня в эпоху технической воспроизводимости и путешествий можно визуализировать себя на фоне всего, чего пожелаешь – египетских пирамид, Эрмитажа, спортивных и артистических знаменитостей и проч. В Интернете наткнулись на серию селфи: я на фоне Рембрандта и др.

Что девушка хотела бы о себе узнать таким способом? НИЧЕГО, это просто удовольствие, это то, что доставляет радость. Я допускаю, что, наверное, это визуальное удовольствие сродни сновидению, ведь оно ничего от нас не хочет. Точно то же с визуальными картинками. При этом возникает вопрос – хотят ли картинку, чтобы мы на них смотрели, у них есть запрос к нам [2]? Большая часть исследователей говорят – ничего они не хотят. Картинки ничего не хотят, как и сновидения. Это мы их делаем для того, чтобы получать удовольствие. Лакан вместе с Бартом спрашивают и отвечают, чем отличается желание от удовольствия. Желание предполагает страсть. Удовольствие – это холодное, слабое желание и ничем нам не грозит. Желание нам угрожает, например, эротическое желание, страсть могут привести к тяжелым последствиям. Туда не надо, там может быть больно. А вот удовольствие – оно холодное, это для слабых, есть книжка «Эрос слабых людей» об этом. Барт поясняет: текст-удовольствие – это текст, приносящий удовлетворение. Ему свойственны эйфория, восторженность, радость. Текст-желание – это текст, вызывающий чувство потерянности, тоскливости [7]. Если удовольствие от картинок холодное, то тогда это действительно для слабых. Логос – это для умных, которых никогда не было много. Примерно так сегодня меняется наше сознание и выборы. Тех, кто выбирает сегодня речь и письмо, этот самый логос, их становится все меньше. Гораздо больше тех, кто пристрастился к холодному удовольствию картинок. Даже реклама производит холодное удовольствие. Например, рекламу Дольче Габбана с Софи Лорен мы смотрим из эстетического удовольствия, не собираясь ничего покупать из этих

ароматов. Эта реклама позволяет получить удовольствие, а не покупать вещь. Картинка относится к удовольствию, а желание вещи – к желанию.

Во всяком случае, похоже на то, что холодное удовольствие, которое пришло на смену горячему желанию, позволяет нам получать удовольствие и ничего не «платить» за это. Это то, что касается нас не напрямую, а как бы сбоку. Горячее желание нас захватывает и говорит: хочу сейчас, немедленно, ничего не буду откладывать (например, желание взять кредит на покупку автомобиля). А удовольствие говорит: нет, не сегодня и не завтра, может быть, никогда. Желание параноидально, человек его опасается. Фланирование, прогулка взглядом по визуальному продукту не опасна. Отсюда простирается визуальная всеядность, смотреть все подряд, без остановки. Однако остановимся в критике, потому что удовольствие от жизни в картинках антропологически в нас укоренено, в отличие от членораздельной речи и письма, которым необходимо трудно и долго учиться. Сновидения свойственны и дикарскому сознанию, если судить по мифам. Поэтому ходить на балет, слушать классическую музыку, решать математические или логические задачи, читать толстые романы и спокойно смотреть одним глазком сериальчик вполне совместимые занятия. Никто не станет отрицать, что Фрейд – человек науки, а самой главной своей книгой счи-

тал «Толкование сновидений». Не видим в этом особой проблемы: пока мы сохраняем в рабочем состоянии все эти регистры – любовь к картинкам, способность к речи и одновременно к письму, человек останется способным воспроизводить бытие в единстве и целостности. К «Пещере Платона» сняли очень интересный мультфильм, также ни один современный писатель не чуждается иллюстраций.

В завершение – о собственно сновидении, следует заметить, что мы получаем эти своеобразные сообщения почти ежедневно, точнее каждую ночь, изредка – днем. Мы причастны удовольствию сновидения, но также можем размышлять над его содержанием и задаваться вопросом: чего хотят картинки, т.е. какое сообщение в них зашифровано? Хорошая мысль у Лакана – сновидение говорит всегда, только голос его часто не слышен. Почему? Потому что визуализация подчиняет себе речь, и только уже при истолковании сновидения появляется возможность задать вопрос, интерпретировать. Сначала картинки – потом речь. Речь в сновидении – это речь воображаемого, это не речь реальности, она – туда, в сторону принципа удовольствия. А реальность будет по эту сторону. Когда проснулись и спрашиваем: это вообще я, а если это я, то, где и что это за среда, ситуация, в которой возникло такое сновидение и т.д.

Список источников

1. Фрейд З. Толкование сновидений. Москва : Эксмо-Пресс, 2022.
2. Митчелл У.Дж. Чего хотят картинки? Жизнь и любовь изображений. Чикаго, Иллинойс : Университет Чикаго, 2005.
3. Подорога В. Время чтения. Москва : Канон-плюс, 2021. 376 с.
4. Маклюэн М. Понимание Медиа. Внешнее расширение человека. Москва : Гиперборея, 2007.
5. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа. Москва : Гнозис, Логос, 1999.
6. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2013. 275 с.
7. Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, 1994. С. 471–472.

References

1. Frejd Z. Tolkovanie snovidenij. Moscow: Eksmo-Press, 2022.
2. Mitchell U. Dzh. СНego hotyat kartinki? ZHizn' i lyubov' izobrazhenij. CHikago, Illinojs: Universitet CHikago, 2005.
3. Podoroga V. Vremya chteniya. Izd-vo Kanon-plyus. Moscow, 2021. 376 s.
4. Maklyuen M. Ponimanie Media. Vneshnee rasshirenie cheloveka. Moscow : Giperboreya, 2007.
5. Lakan ZH. «YA» v teorii Frejda i tekhnike psihoanaliza. Moscow : Gnozis, Logos, 1999.
6. Serto M. Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'. Sankt-Peterburge : Izd-vo Evropejskogo universiteta, 2013. 275 s.
7. Bart R. Udovol'stvie ot teksta.//Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. Moscow, 1994. S. 471–472.

Информация об авторах

Л.И. Кирсанова – доктор философских наук, профессор;
О.А. Коротина – кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors

L.I. Kirsanova – Doctor of Philosophical Sciences, Professor;
O.A. Korotina – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 24.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

APPLIED RESEARCH INTO THE UNCONSCIOUS

Научная статья

УДК 159.9.072

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-61-65

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА

Татьяна Александровна Терехова^{1✉}, Елена Леонидовна Трофимова²

^{1, 2}Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

¹terehovata@mail.ru✉

Аннотация. В статье представлены зарисовки социально-психологического портрета с использованием нарративного интервью. Обработка материалов интервью проводилась с помощью семиотических триад Пирса. В результате были выделены три тематических блока: связанный с отношением к степени независимости своего бизнеса от сложившихся социально-экономических условий; психологические отношения предпринимателей, влияющие на предпринимательскую деятельность, и мотивация к занятию бизнесом. Также проанализированы социально-психологические портреты предпринимателей в зависимости от возраста. Установлены особенности жизненных целей и мотивов деятельности, предпочитаемые ценности и критерии успешности предпринимателей.

Ключевые слова: нарративное интервью, социально-психологический портрет предпринимателя

Original article

PSYCHOANALYTIC REPRESENTATION OF THE SOCIOPSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF A SMALL BUSINESS ENTREPRENEUR

Tatiana A. Terekhova^{1✉}, Elena L. Trofimova²

^{1, 2}Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

¹terehovata@mail.ru✉

Abstract. The article presents sketches of a sociopsychological portrait using a narrative interview. The interview materials were processed using Peirce's semiotic triads. As a result, three thematic blocks were identified related to the degree of business independence from the current socio-economic conditions; psychological attitudes of entrepreneurs, affecting entrepreneurial activity and motivation for doing business. Sociopsychological portraits of entrepreneurs were also analyzed according to the age. The features of life goals and motives of activity, preferred values and criteria for success of entrepreneurs were established.

Keywords: narrative interview, sociopsychological portrait of an entrepreneur

В рамках исследования экономического самоопределения был проведен анализ личностных и субъектных характеристик на выборке 78 предпринимателей малого бизнеса в возрасте от 25 до 55 лет, который позволил оценить их качество жизни по ряду параметров: психическому и физическому здоровью, компетентности и интернальности в экономическом пространстве жизнедеятельности, ориентации на высокий уровень самообеспечения, преобразующей активности по отношению к экономическому контексту, конкурентоспособности, саморегуляции (или самоконтролю). В итоге получилась следующая зарисовка обобщенного социально-психологического портрета личности предпринимателя в сфере малого бизнеса.

«Конкурентоспособный. Ориентированный на личную ответственность за результаты экономической деятельности. Осознающий необходимость деловой активности, постоянных перемен в бизнесе. Не приемлет экономической индифферентности. Среди управленческих умений наиболее значимыми считает компетенции, связанные с организацией работы, спецификой деятельности. Имеет высокий индекс качества жизни, причем стремится гармонично сбалансировать все сферы, получать удовлетворение не только от работы, но и от общения с близкими, заботиться о здоровье, о своем эмоциональном благополучии. Доминирующей ценностью является высокое материальное положение. Живет настоящим, чувствует ритм времени,

его необратимость, переменчивость, старается "идти в ногу со временем", ощущает связь с прошлым, однако отсутствуют связи с восприятием "будущего". Осознает свою гражданскую позицию, но не всегда готов продемонстрировать ее на поведенческом уровне. Не усматривает связи между уровнем своего материального благополучия и социально-экономическими условиями в стране и регионе. Экономический оптимизм проявляется не в видении перспектив, а в относительной удовлетворенности нынешней ситуацией и отражает уровень субъективного экономического благополучия предпринимателей. Показатели индексов экономического оптимизма и уверенности, субъективной адекватности дохода запросам и потребностям личности, финансовой депривированности находятся в диапазоне средних значений. Удовлетворенность своим текущим материальным состоянием, тем не менее, вызывает беспокойство в стремлении обеспечить будущее своих детей и внуков» [1: с. 219–220].

Анализ теоретических и эмпирических исследований позволяют предположить, что наиболее значимыми личностными ресурсами успешности в предпринимательской деятельности являются характеристики мотивационно-волевого блока. На деловую активность предпринимателя указывает в своих исследованиях В.П. Позняков и рассматривает предпринимательскую деятельность «как особый вид экономической деятельности, деловой активности субъекта, связанный с распоряжением ресурсами, которые находятся в собственности субъекта, и направленный на извлечение прибыли в условиях риска и неопределенности» [2: с. 11]. В условиях сложившейся в нашей стране ситуации (с одной стороны – пандемия, с другой – спецоперация), т.е. в ситуации объективной неопределенности, требуются дополнительные качественные исследования.

С целью получения эмпирического материала для качественного анализа мы обратились к нарративному интервью как методу психоаналитического направления [3–6]. «Нарративный анализ как метод герменевтики и качественного анализа материала используется для выявления субъективных явных и не явных представлений о заданной проблеме. В явном содержании нарратива анализируется представленная рассказчиком фактическая информация о событиях. Контент-ориентированный анализ может быть направлен на прояснение имплицитного содержания: смысла и значения всей истории или её отдельных частей, проявления тех или иных мотивов, волевой саморегуляции, особенностей личности рассказчика и пр. Формальный анализ состоит в прояснении структуры сюжета, последовательности событий, их соотношения с временной осью, сложности и связанности между собой; чувств, вызванных историей, стиля наррати-

ва, использованных рассказчиком метафор, пассивных и активных залогов и т.п.» [7: с. 143–152].

Нами предпринята попытка операционализировать мотивационно-волевой блок предпринимателя. Были составлены 5 вопросов нарративного интервью, проблематизирующие мотивационные принципы и принципы волевой саморегуляции предпринимателей.

Вопросы нарративного интервью

1. Являются ли условия для ведения предпринимательской деятельности в Вашем регионе благоприятными?

2. От каких факторов и в какой степени зависит развитие Вашего бизнеса (от политической обстановки в мире и стране, от социально-экономических условий, от местных органов власти, от отношения населения, от взаимоотношений с партнерами, от собственной активности)?

3. Ощущаете ли Вы в настоящее время реальный риск для ведения бизнеса?

4. Можно ли назвать успешной для Вас предпринимательскую деятельность в настоящее время?

5. Охарактеризуйте Вашу мотивацию к занятию бизнесом.

Анализ нарративного интервью с помощью семиотических триад Ч. Пирса позволит, во-первых, описать действия, практики как репрезентанту; во-вторых, выделить суть действия и эмоции, которыми насыщено это действие, как объект; в-третьих, дать интерпретацию как способ выявить эту зависимость между репрезентантой и объектом. Такая триадная структура события позволяет раскрыть смысловое поле события и выявить значимые коды, присущие данному предпринимателю-респонденту.

После окончания первичной обработки транскриптов по смысловым триадам Пирса взятые интервью были «разбиты», во-первых, на тематические блоки высказываний, чтобы раскрыть отношение предпринимателей к представленным в интервью событиям, и, во-вторых, на блоки для установления личностных особенностей в зависимости от возраста. Всего было выделено три тематических и три возрастных блока.

Первым тематическим блоком станет *отношение к степени независимости своего бизнеса от сложившихся социально-экономических условий, к собственным возможностям ведения дела для достижения успеха*.

В текстах интервью отмечены объективные изменения экономических условий предпринимательской деятельности, связанные с кризисными изменениями в российской экономике. Условия развития бизнеса оцениваются предпринимателями как неблагоприятные и связываются с противодействием со стороны государственных и местных органов власти, местного населения. Большинство

респондентов-предпринимателей отмечают, что привыкли искать решение самостоятельно, не прибегая к помощи со стороны, в том числе не высказывают особой надежды на решение проблем бизнеса за счет программ государственной поддержки. Ресурсами преодоления возникающих сложностей являются собственная гибкость, готовность к финансовым тратам, хорошее здоровье, поддержка близких. Причем уровень доверия партнеров внутри предпринимательской среды оценивается опрошенными значительно выше, чем в их отношениях с представителями государственных органов власти. Женщины-предприниматели в большей степени склонны доверять своим партнерам, а предприниматели-мужчины чаще отмечают, что готовы к несоблюдению договоренностей и даже обману.

Следующим тематическим блоком являются *психологические отношения предпринимателей, влияющие на предпринимательскую деятельность* (отношения с местным населением, взаимоотношения с партнерами, отношение к риску, склонность к конкуренции, собственные усилия). По мнению Познякова В.П., «психологические отношения предпринимателей к различным аспектам своей экономической деятельности регулируют уровень деловой активности. При этом существенным фактором выступает временная, динамическая составляющая психологических отношений. Чем благоприятнее оценивается прошлое и чем перспективнее кажется будущее, тем больше готовность и желание максимально реализоваться в предпринимательской деятельности, тем выше интенсивность самой деятельности» [2: с. 347].

На первое место по обсуждаемости предпринимателями в интервью вышел риск, который имеет двухсторонний характер в связи с взаимовлиянием внешних и внутренних условий предпринимательской активности. Объективные экономические факторы во многом определяют субъективные оценки предпринимателями уровня риска и результатов их деятельности. В свою очередь, удовлетворенность своим трудом, уровнем успешности и возможностями в будущем оценивается предпринимателями как риск, связанный со степенью доверия к бизнес-структурам, надежностью своих партнеров, а также в последнее время необязательностью с их стороны. Большинство респондентов-предпринимателей отмечают растущий уровень риска и связывают его не только с социально-экономической ситуацией в стране/регионе, но и с высокой значимостью для них таких показателей, как материальное благосостояние семьи, надежность партнеров, собственные возможности. Прогноз реального риска и своего поведения в случае неудачи предприниматели планируют решать посредством усиления собственной деловой активнос-

сти, независимо от благоприятности/неблагоприятности внешних условий. Сильнее становится зависимость успешности в бизнесе от собственных усилий и от взаимоотношений с партнерами. Слабее становится зависимость развития бизнеса от отношения местного населения. Выделенные в результате интервьюирования закономерности (высокая степень ориентации на собственные возможности, склонность к конкуренции и умеренному риску) свидетельствуют о тенденции повышения самостоятельности российского бизнеса.

В целом для опрошенных предпринимателей характерен оптимальный уровень риска в сочетании с высоким уровнем ответственности. Активные предприниматели предпочитают умеренный уровень риска, а малоактивные стараются избегать рискованных ситуаций. Чаще более высокую готовность к риску демонстрируют опытные предприниматели, имеющие большие финансовые возможности, они же и объективнее оценивают степень предполагаемого риска. Предприниматели-мужчины более рискованные, чем предприниматели-женщины. Доля тех предпринимателей, которые предпочитают не рисковать, значительно выше готовых к среднему уровню риска. Получается, что активные предприниматели не склонны избегать рискованных ситуаций, т.е. готовы работать в условиях конкуренции. Таким образом, рассмотренные социально-экономические факторы влияют на психологическое отношение предпринимателей к своей деятельности.

Универсальным блоком, присутствовавшим так или иначе во всех интервью, является *мотивация к занятию бизнесом*. Если до пандемии и спецоперации предприниматели ощущали зависимость (хоть и незначительную) своего бизнеса от социально-экономических условий в стране, то в настоящий момент предприниматели в большей степени говорят о зависимости от взаимоотношений с партнерами, своих усилий и активности.

Важными социально-психологическими характеристиками предпринимателей, по мнению респондентов, являются особенности жизненных целей и мотивов их деятельности. В качестве мотивов, привлекающих респондентов-предпринимателей к занятию бизнесом, наиболее часто называемыми являются независимость, самостоятельность в работе, материальная обеспеченность, реализация своих способностей, возможность общения с грамотными и опытными коллегами, результаты полезности своего дела. Ведущими мотивами в настоящее время, по мнению респондентов, являются материальная обеспеченность и независимость. Предпочитаемыми ценностями респонденты называют материальную обеспеченность, благополучие семьи, здоровье, уверенность в себе, наличие

работы и свободу. В качестве критериев успешности ими определены: собственные возможности, желание работать в условиях конкуренции, надежность партнеров, материальная обеспеченность семьи, самореализация.

Таким образом, проанализировав нарративные интервью предпринимателей по тематическим блокам, мы приходим к выводу, что в предпринимательской культуре присутствует потенциал заботливого отношения к другим, проявляющийся в поддержании деловых взаимоотношений с партнерами, в заботе о своих близких, а также в желании реализовать свои способности и стать успешными, что соответствует по смыслу положениям, выдвинутым М. Уайтом [8].

Перейдем к возрастным блокам и рассмотрим личностные особенности предпринимателей в зависимости от возраста. Всего было выделено 3 группы: до 35 лет; от 36 до 45 лет; от 46 до 55 лет.

Респонденты группы «до 35 лет» склонны к импульсивным поступкам. Могут менять свои цели необоснованно и непредсказуемо. Все силы отдают работе, продвижению по карьерной лестнице. Большинство из них пока не задумываются о семье. В основном практически не работают с инновациями, не имеют желания менять планы. При этом у них высокая самооценка, однако потенциальные возможности они не стремятся совершенствовать и превращать в реальные качества. Их больше интересует статус, чем оплата труда. Не торопятся в полной мере использовать имеющиеся способности. Ярко проявляют стремление к достатку. Развито чувство духовности, порой доходящее до фанатизма. Проявляют смелость в принятии решений, независимый характер, лидерские качества, которые приобрели в волонтерском движении, открыты для эмоциональных контактов. Большинство продолжают нереализованное дело своих предков.

У респондентов группы «от 36 до 45 лет» высокий уровень целеустремленности, нередко неподкрепленный реальными возможностями, т.е. они способны достигать задуманного, даже если задача несоизмерима с возможностями. Они часто переоценивают свои реальные возможности, действуя по схеме «упорство и труд все перетрут». У них в равной степени реализуются стратегии семейных ценностей по дихотомии «создать семью—не создавать семейный очаг». Стремятся к стабильности, но порой тяжелы на подъем, практически не готовы к переменам. Они способные, талантливые от природы люди с сильным характером, в равной степени стремящиеся как к материальному обеспечению, так и к духовности (как высшему началу). Предприниматели этой группы проявляют в работе силу духа, смелость в экстремальных ситуациях, ответ-

ственность, независимость, обладают интуицией. Они предприимчивы, готовы к обучению, обладают быстрой реакцией. Иногда язвительны. Умеют держать под контролем свои чувства. Энергичны, обязательны и требовательны к себе и своим коллегам. Продолжают дело своих предков, реализуя лидерские качества при решении личных задач.

Респонденты группы «от 46 до 55 лет» – целеустремленные люди, готовые достигать задуманных целей. Они не представляют себя без семьи, но к членам семьи предъявляют высокие требования. Не стремятся к переменам, стараются сохранять достигнутые позиции, так как стабильность для них главное в работе и жизни. Самооценка у них зашкаливает. Особое внимание уделяют внешнему лоску, порой забывая о содержательной стороне дела, и упускают время для своевременного достижения целей. Часто испытывают потребность в деньгах, при их отсутствии чувствуют дискомфорт. Развитием способностей не занимаются. Отсутствие материального достатка их не расстраивает. Духовность находится на достаточном уровне. Как правило, предприниматели этой группы – психически уравновешенные люди со стабильным здоровьем, умеющие следовать нормам. Они являются надежными партнерами, деятельными людьми, проявляющими силу воли. Оптимистичны, добры и доверчивы. Стремятся к саморазвитию. Умеют прогнозировать результаты труда. Наделены богатой фантазией.

Для всех трех групп предпринимателей характерны следующие личностные особенности:

- стремление к стабильности и отсутствие склонности к переменам;
- гармоничность, т.е. в равной степени присутствуют и материальные, и духовные потребности;
- готовность к независимости в бизнесе, т.е. предпочитают рассчитывать на собственные возможности;
- целеустремленность носит изменчивый характер (с возрастом и приобретением опыта имеет тенденцию к повышению);
- семейные ценности эволюционно развиваются: предприниматели в молодом возрасте не задумываются о семье; в среднем – колеблются в дихотомии «создавать—не создавать семью»; в зрелом – «не представляют себя без семьи».

Проведенный нарративный анализ показал, как социально-экономические проблемы, сложившиеся в стране, изменили ряд позиций в психологическом портрете предпринимателя малого бизнеса. Осознание необходимости деловой активности, постоянных перемен в бизнесе сменилось отсутствием склонности к переменам во всех возрастных группах. Укоренились отсутствие связи с восприятием «будущего», связи между уровнем своего материального благополучия и социально-экономичес-

кими условиями в стране. Остается обеспокоенность, связанная с обеспечением будущего своих детей и внуков. Вырос уровень готовности к независимости в бизнесе исключительно за счет собственных возможностей.

Полученные социально-психологические характеристики, привлекательные мотивы к ведению

бизнеса, предпочитаемые ценности и критерии успешности способствуют успешному встраиванию предпринимателей в существующие глобальные культурные и социальные контексты [9; 10]. Это является основой формирования современного предпринимательского сознания и развития предпринимательства в России.

Список источников

1. Терехова Т.А., Озерникова Т.Г., Трофимова Е.Л., Терехова Н.В. Экономическое самоопределение предпринимателя. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. 419 с.
2. Позняков В.П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. Москва : Институт психологии РАН, 2018. 530 с.
3. Барский Ф.И. Нарративный подход в психологии и социальных науках. Москва : Ломоносовские чтения, 2005.
4. Комбс Д., Фридман Д. Конструирование иных реальностей. Истории и рассказы как терапия / под ред. М.Р. Гинзбурга ; пер. с англ. В.В. Самойлова. Москва : Класс, 2001. 360 с.
5. Кроссли М. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов, Харьков : Гуманитарный центр, 2013. 284 с.
6. Маслов Е.С. Что такое нарратив? Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020. 116 с.
7. Терехова Т.А., Малахаева С.К. Нарративный анализ как понимающий метод // Гуманитарный вектор. 2015. № 1(41). С. 143–152.
8. Уайт М. Карты нарративной практики. Введение в нарративную терапию. Москва : ЛитРес, 2021. 329 с.
9. Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 6–28.
10. Lock A., Epston D., Maisel R., de Faria N. (2005) Resisting anorexia/bulimia: Foucauldian perspectives in Narrative Therapy, *British Journal of Guidance and Counselling*. Vol. 33-3. August. P. 315–332.

References

1. Terehova T.A., Ozernikova T.G., Trofimova E.L., Terehova N.V. Ekonomicheskoe samoopredelenie predprinimatel'ya, Irkutsk: Izd-vo IGU, 2021. -419 s.
2. Poznyakov V.P. Psihologicheskie otnosheniya individualnih i gruppovih subektov sovместnoi ekonomicheskoi deyatel'nosti. M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 2018. 530 s.
3. Barskii F.I. Narrativnii podhod v psihologii i socialnih naukah, M.: Lomonosovskie chteniya, 2005.
4. Kombs D., Fridman D. Konstruirovaniye inih realnostei. Istoriy i rasskazi kak terapiya / Pod red. M. R. Ginzburga; Per. s angl. V.V. Samoilo'va. M.: Klass, 2001. 360 s.
5. Krossli M. Narrativnaya psihologiya. Samost_ psihologicheskaya travma i konstruirovaniye smislov, Harkov: Izd-vo Gumanitarnii centr, 2013. 284 s.
6. Maslov E. S. Chto takoe narrativ?, Kazan: Izd-vo Kazan. Un-ta, 2020. 116 s.
7. Terehova T.A., Malahaeva S.K. Narrativnii analiz kak ponimayuschii metod //Gumanitarnii vektor, 2015, № 1(41). S. 143–152.
8. Uait M. Karti narrativnoi praktiki. Vvedeniye v narrativnyuyu terapiyu, M.: Izd-vo LitRes, 2021. 329 s.
9. Sarbin T.R. Narrativ kak bazovaya metafora dlya psihologii //Postneklassicheskaya psihologiya, 2004, № 1. S. 6–28.
10. Lock A., Epston D., Maisel R., de Faria N. (2005) Resisting anorexia/bulimia: Foucauldian perspectives in Narrative Therapy, *British Journal of Guidance and Counselling*, Vol. 33-3, August, pp. 315–332.

Информация об авторах

Т.А. Терехова – доктор психологических наук, профессор;
Е.Л. Трофимова – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

T.A. Terekhova – Doctor of Philosophical Sciences, Professor;
E.L. Trofimova – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 21.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-66-74

ГЕОМЕТРО-ДИНАМИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В СТРУКТУРЕ МНОГОЯЗЫЧИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Виктор Павлович Яссман

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, yassman.vik@yandex.ru

Аннотация. В рамках проблемы взаимодействия лингвистической и образной систем в когнитивной деятельности человека обосновывается роль языковой компетентности и концептуализации в понимании информации. Описывается роль концептов, опосредующих речемыслительную деятельность, и возможность их экспериментального исследования методом графической визуализации. Обосновывается идея о том, что геометро-динамическая образность является чувственно-пространственной основой символического мышления.

Ключевые слова: ментальная репрезентация, концептуализация, концепт, предмет психической деятельности, языковые конструкции, графическая визуализация, переработка информации, языковая компетентность, геометро-динамическая образность

Original article

GEOMETRIC-DYNAMIC IMAGERY IN THE STRUCTURE OF MULTILINGUALISM OF MENTAL ACTIVITY

Viktor P. Yassman

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, yassman.vik@yandex.ru

Abstract. Within the framework of the problem of the interaction of linguistic and figurative systems in human cognitive activity, the role of language competence and conceptualization in the understanding of information is substantiated. The role of concepts that mediate speech-thinking activity and the possibility of their experimental study by the method of graphic visualization are described. The idea that geometro-dynamic imagery is the sensory-spatial basis of symbolic thinking is substantiated.

Keywords: mental representation, conceptualization, concept, subject of mental activity, language constructions, graphic visualization, information processing, linguistic competence, geometro-dynamic imagery

Введение

Данная статья посвящена проблеме соотношения невербального и вербального способов ментальной репрезентации информации, её когнитивной обработки и мысленного преобразования, а в более широком смысле проблеме понимания. Известно, что основными планами когнитивной деятельности выступают образно-символический и речемыслительный, каждый из которых оперирует разными средствами, образом и словом. Само понятие «речемыслительная деятельность» указывает на роль речи, а точнее языка в осуществлении интеллектуальной деятельности, где язык является основным посредником в коммуникативном дискурсе, понимаемом как процесс деятельности языкового сознания. Не случайно В. фон Гумбольдт [1] приписывал языку важнейшую роль в «мировидении», или, иначе говоря, в структурировании человеком поступающей извне информации, поскольку язык несёт в себе глобальную концептуализацию реальности. Ту же мысль высказывал и Б. Уорф [2], иллюстрируя её отличиями в грамматическом роде, приписываемом концептам, например *смерть*, что

в свою очередь сказывается на образной метафоризации этого явления, в немецком *смерть* – это уродливый старик, а в русском – ужасная старуха. Остаётся под вопросом причинность явления и его выраженность в языке. Сначала формируется концепт, а затем он оформляется грамматическими средствами языка, или наоборот, специфика языка определяет образную формулу концепта. Но бесспорным является утверждение, что язык выражает уникальный для национальной ментальности образный ряд, выступая тем самым условием этнофункциональной идентичности человека. Но и в индивидуальном сознании людей, общающихся на одном языке, концептуализация реальности также отличается.

Роль языка в эксплицировании смыслового содержания психической деятельности

Язык выступает в качестве знаково-символической системы, посредством которой в планах устной и письменной речи раскрывается понимание (видение) человеком тех аспектов реальности, которые на данный текущий момент времени являются предметом его психической деятельности (субъектной активности). Но особенности и глубина по-

нимания этого предмета определяются индивидуальной системой концептов. Вербализация замысла в планах устной и письменной речи представляет собой процесс успешного развёртывания той информации, которая по своему психическому статусу является невербальной, симультанной и восходит к чувственному опыту. Отсюда и язык мышления носит образную природу, ключевыми образующими которой являются её пространственно-временные свойства, основанные на работе сенсорных и двигательного анализаторов. В.Н. Жинкин [4], исследуя механизмы внутренней речи, также пришёл к выводу, что внутренняя речь использует особый образно-схемный изобразительный код, который он понимал как свернутые интегральные семантические структуры, которые, по сути, и образуют содержание Образа мира и, по мнению М.А. Холодной [3], определяют особенности состава и строения индивидуального ментального опыта. Поскольку в основе внутренней речи лежит процесс установления ассоциативных связей между элементами семантического пространства сознания, то и мысль являет собой актуализирующуюся систему этих связей. Содержание мысли в ходе осуществления психической деятельности проходит два уровня эксплицирования средствами синтагматического (динамическая схема высказывания в плане внутренней речи) и парадигматического (выбор языковых средств для выражения субъектно-объектных, пространственных, временных, логических, причинно-следственных отношений) развёртывания. Причём каждый из этих механизмов развёртывания обеспечивается определёнными мозговыми системами (3 и 2-й функциональные блоки мозга, выделенные А.Р. Лурия). В этом смысле красивым и точным описанием процесса порождения высказывания является метафора Л.С. Выготского [6] об «облаке мысли», проливающимся «дождём слов». Языковые конструкции, вербально моделирующие реальность, надстраиваются над её чувственными репрезентациями. Процесс эксплицирования смыслового содержания средствами языковых кодов является ключевым в программировании и регуляции психической деятельности. В особенности это относится к письменной речи как алгебре мышления, требующей предельной связности всех элементов текста. Поиск соответствующей исходному замыслу языковой формы нередко становится мучительным для творца процессом, но в ходе этого процесса может кардинально перестраиваться познавательная и личностная позиция субъекта. В этом смысле заключение К.Г. Юнга о том, что Гете создал Фауста, а Фауст, в свою очередь, создал Гете, становится яркой метафорой подобных внутриличностных преобразований, происходящих в когнитивной системе творца. Сложность этих преобразований состоит в том, что, как писал Л.С. Выготский, «мысль никогда не равна значе-

нию слов», но «совершается в слове». При этом тип письменности (звукобуквенный, пиктографический и идеографический) оказывает влияние на особенности протекания мыслительной деятельности. Графическая визуализация слов, в отличие от фиксации их звукового состава, создаёт возможность графическими средствами символически визуализировать содержание концептов, их предметную отнесенность. Тем самым в осмыслении предмета психической деятельности и подлежащей анализу информации открываются новые смысловые грани.

Межмодальная трансляция в структуре взаимодействия лингвистической и образной систем

В исследованиях Л.М. Веккера [7], М.А. Холодной [5] и др. интеллектуальная деятельность понимается как способность к осуществлению обратимых переводов с одного «языка» репрезентации на другие (словесный, образно-пространственный и тактильно-кинестетический). Это положение оказывается важным не только для диагностики интеллекта, но и для понимания путей его развития. Не только научные исследования, но и практика показывает, что для многих людей межмодальная трансляция в структуре взаимодействия лингвистической и образной систем в их когнитивной деятельности не является простой операцией. В образовательных учреждениях специально этому не обучают. В итоге многие люди испытывают сложности как понимания языковых конструкций, так и порождения текстов, например, когда студенты не в состоянии понять содержание изучаемых ими научных текстов. Одной из основных причин подобных когнитивных проблем (непонимание текста и трудности связного изложения своих мыслей) является недостаточность сформированности языковой компетентности, с одной стороны, и особенности концептуализации, с другой.

В свое время Н. Хомским [8] и Д. Миллером [8] была высказана гипотеза о том, что понимание основывается на переходе от поверхностной структуры к глубинной (ядерной репрезентации), что определило направления исследований в области онтогенеза речевых процессов. В качестве ядерной репрезентации подразумевается простая утвердительная и повествовательная форма предложения, в основе которой лежат пропозиции. Согласно падежной грамматике Ч. Филмора [11] центральным компонентом глубинной структуры является действие, вокруг которого расположен неорганизованный набор именных групп, каждая из которых выполняет свою семантическую роль (АГЕНС, ПАЦИЕНС, ОБЪЕКТ, ИНСТРУМЕНТ и т.д.). Многие падежные роли обусловлены вопросами, проясняющими обстоятельства событий: «Где?», «Куда?», «Откуда?» и т.д. Причём роли Ч. Филмором интерпретируются посредством метафоры внутреннего театра, что вполне сопоставимо с понятиями «экран сознания», «фокус сознания» и т.п. Если

идея раскрывается простым предложением, то по аналогии с актом, разыгрываемым на сцене, должны быть драматурги и актёры с фиксированным числом ролей. Согласно работам К. Бюллера [2] и Л.С. Выготского [6] язык и речь вырастают из сферы социальных отношений, а соответственно уже на первом году жизни ребёнок интериоризирует схемы совместных со взрослыми предметных действий, что и определяет формирование универсальной протограмматики речи, в состав которой входят S (субъект), V (действие) и O (объект). Согласно подходу Лангакера языковые процессы представляют собой концептуализацию, т.е. реконструкцию посредством концептуальных структур подразумеваемой говорящим или пишущим ситуации. Тем самым и языковая компетентность определяется концептуализацией, которая понимается как процесс определения набора когнитивных признаков явлений реального или ментального мира, позволяющих субъекту сохранять и обогащать индивидуальную репрезентацию реальности. Разные знаково-символические системы несут в себе разные условия для концептуализации, в особенности пикто- и идеографическое письмо.

Геометро-динамическая образность и её роль в репрезентации и мысленном преобразовании информации

Поиск графической формы для выражения семантического содержания понятий, и прежде всего абстрактных, обладает собственным эвристическим потенциалом, требует размышления и актуализации тех аспектов семантики слов, которые без графического моделирования оказываются неотрефлексированными. Создание графического образа, отражающего значения понятий (концептов) не на конкретном (изоморфно-предметном), а на геометро-динамическом уровне анализа, по нашему мнению, является одной из фундаментальных основ развития знаково-символической деятельности от уровня замещения к уровню моделирования, от пиктограммы к идеограмме, от конкретного мышления к концептуальному. На этом уровне происходит перевод содержания концепта с натурального языка на язык симультанной пространственной схемы, в результате чего даже абстрактные концепты могут быть воплощены в пространственные паттерны общемыслительного типа. В то время как графическое изображение таких понятий, как *дом, человек, самолёт, солнце* и т.п., не вызывает сложностей, абстрактные понятия (*развитие, структура, рождение, процесс, природа* и т.д.) требуют поиска адекватной формы их символического изображения, эквивалентной их предметной отнесённости. Целостное понимание предмета предполагает его вербально определить, увидеть внутренним взором и прочувствовать.

Если понимать когнитивную деятельность как поток сменяющихся репрезентаций, способных

транслироваться посредством разных знаково-символических систем, то специфика речемыслительной деятельности приобретает характер межъязыковых переводов информации с одного психологического кода на другой. С этих позиций эффективная когнитивная деятельность предполагает способность визуализировать и ощущать значения тех слов, посредством которых излагается замысел и вербально описываются соответствующие цели и задачи предметной деятельности, система субъектно-объектных, пространственных, временных, причинно-следственных и иных семантических отношений.

Наш интерес в рамках данной проблемы связан с изучением роли концептов, посредством которых осуществляется речемыслительная деятельность, а также с возможностью их экспериментального исследования методом графической визуализации. Именно поэтому в качестве основного инструмента, позволяющего исследовать содержание и особенности подобных межъязыковых переводов, нами применяется метод «Пиктограмма». Таким образом, психическая репрезентация и мысленное преобразование информации в планах образно-символического и вербально-логического мышления стали объектом нашего исследования. Предметом исследования выступили когнитивные способы и стратегии построения графических символов, а также геометро-динамическая образность и её роль в репрезентации и мысленном преобразовании информации. По сути, графическая визуализация концептов выступает методическим приёмом для изучения тех операций мышления, которые своими корнями опираются на чувственный и двигательный опыт, а своей верхней частью участвуют в рефлексивном сознании. В когнитивной парадигме рефлексивное сознание описывается как наивысшая форма сознательной переработки информации, как фокус селективного внимания, с которым связаны концептуализация, планирование и другие ментальные явления. Тем самым операциональный состав умственных действий требует отрефлексированности ментальных репрезентаций, выступающих содержанием мыслительной деятельности. Задача нарисовать понятие стимулирует мыслительную деятельность, поскольку требует анализа концепта и поиска адекватного способа его символического изображения. Причём наиболее интересное явление символического мышления – способность на чувственном уровне схватывать идею концепта и посредством геометро-динамической образности воплотить её в символе.

Про возможность преобразования семантического содержания в абстрактные геометро-динамические образы убедительно писал Р. Арнхейм [15]. Он понимал их как зрительно-пространственные метафоры, составляющие основу абстрактного мышления. В отечественной психологии эта линия исследований была продолжена Л.М. Веккером [7],

А.М. Грункиным [16], М.А. Холодной [5] и др. О том, что слова и объекты сливаются в «общем впечатлении», объединяющем чувственные, эмоциональные и смысловые ассоциации, также говорил и Д.Н. Узнадзе [17]. По мнению Д. Лакоффа [18] и Джонсона [19], концепты могут быть отрефлексированы в ходе кинестетического эксплицирования абстрактных пространственных метафор. Нейропсихологические исследования показывают, что способность к символическому познанию основывается на синтезе разномодальной информации, что обеспечивается структурой неокортекса, третичными (символическими) отделами (зона ТРО), настраивающимися над зрительной, осязательно-кинестетической и слуховой областями. На закономерную связь символического познания с языком жестов, где жесты составляют значимую часть первого этапа синтагматического развёртывания высказывания, указывал Д. Макнейл [20]. У лиц, глухих от рождения, центры, обеспечивающие использование языка жестов, локализованы в тех же отделах височной доли, что и устный язык у слышащих. А вот у глухих, пользующихся лишь языком жестов, преимущественно участвует теменная (пространственная) третичная зона. Д. Макнейл считал жестикуляцию ключевой стадией в построении высказывания, обращая внимание на её пространственную природу. Не случайно стадия жестов в ходе онтогенеза выступает одной из предпосылок развития письма.

В психологической диагностике метод «Пиктограмма» предназначен для исследования опосредованного запоминания и мышления человека. По сравнению с механической памятью опосредованная – это усложнение запоминания за счёт дополнительных когнитивных операций, что по сути превращает данный акт в самостоятельный творческий и активный процесс, в котором участвует как образное, так и вербально-логическое мышление.

В клинической психологии накоплено множество примеров отклонений мыслительной деятельности при использовании данного метода. Это чрезвычайно полезный опыт, однако нас интересует прежде всего феноменологический аспект возможности посредством графической визуализации концептов рефлексировать их семантическое содержание и раскрывать глубину их понимания субъектом. В связи с этим встают два вопроса: насколько этот психологический механизм развит у людей и каким образом с его помощью можно развивать ВПФ?

Понимание концептов в психологии и психолингвистике

Для когнитивного направления в психологии и психолингвистике концепт является ключевым понятием. Среди множества различных трактовок этого понятия наиболее интересными являются следующие. В отличие от понятий и значений, яв-

ляющихся продуктами научного описания, А.А. Залевская [21] рассматривает концепты как динамические, многомерные и симультанные структуры сознания, выделяя в них перцептивный, когнитивный и аффективный уровни. С.Э. Поляков [22] определяет концепты как дискретные ментальные образования, обладающие относительно упорядоченной внутренней структурой, имеющие этнокультурную специфику и несущие комплексную информацию об концептуализируемом предмете или явлении. По сути, концепт – это содержание понятия и значения слова. Тот факт, что каждый человек по-своему концептуализирует реальность и выстраивает в сознании собственную концептуальную систему, вносит некоторую ясность в решение проблемы субъективной реальности. Человек видит и понимает реальность в силу склада присущей ему индивидуальной системы концептов. В ходе как исторического, так и личного развития концептуализация реальности может меняться, концептуальная система может перестраиваться, что влечёт изменение в понимании концептуализируемых областей жизнедеятельности и научной мысли. Определённые концепты из объективной психической реальности и используемого языка могут исчезать, а другие появляться. Концепты имеют отличия в зависимости от возраста, уровня интеллектуального развития, профессиональной направленности, этнофункциональной идентичности и т.д.

С позиций нейропсихологического подхода есть основания рассматривать концепты как активизацию нейронного ансамбля распределённых по разным участкам мозга звеньев, образующих целостную функциональную систему, связанную с определённой предметной сферой. В своё время А.Р. Лурия [23] указывал, что за словами стоят сложные системы отвлечённых связей и отношений, слово вводит предмет в категориальную структуру сознания. По сути, ту же самую идею высказывает и А.А. Залевская [21], говоря о том, что слово «включает» концепт в сознание, активизируя и «запускает» его в процесс мышления. Разница лишь в выборе терминов для описания ментальных психических репрезентаций, но термин «концепт» оказывается более удачным термином для описания субъективного опыта и проблемы понимания.

Согласно гипотезе о языке мышления, предложенной Дж. Фодором [24; 25], мысли являются связью между концептами. Учёный исходит из ряда положений о том, что мышление оперирует ментальными репрезентациями, связанными с психическими состояниями, интенциями и действиями, ментальные репрезентации образуют символическую систему, операции с репрезентациями заданы комбинаторным синтаксисом, а за ментальными репрезентациями лежит нейрофизиология мозга.

С нашей точки зрения, существенным условием формирования концептов является субъектная познавательная активность посредством знаково-символических форм деятельности и коммуникации. Главная роль здесь отводится национальному языку, посредством которого транслируется культурно-исторический опыт. Вместе с тем уже на ранних этапах развития речи дети усваивают привычные речевые обороты без понимания не только правил и законов языка, но часто без глубокого понимания используемых слов, что указывает на ведущую роль языковой компетентности в психическом развитии. Л.С. Выготский [6] в качестве примера приводит факт, когда при верном употреблении детьми в своей речи союза «потому что» они не понимают его значения. Тот же эффект наблюдается в отношении степени понимания языковых средств и логико-грамматических конструкций не только детьми. В отношении речевого развития А.Р. Лурия [23] указывал, что значения слов на разных возрастных этапах обусловлены разными по качеству психическими процессами. В ходе же психического развития наблюдается глубокое психологическое изменение предметной отнесённости и системного строения слов. А это значит, что в процессе психического развития происходит перестройка индивидуальной системы концептов.

Возвращаясь к методике «Пиктограмма», отметим, что те слова и словосочетания, которые даются в ней в качестве стимулов для опосредованного запоминания, по сути являются языковыми отсылками к концептам, т.е. к ментальным репрезентациям сущностей как внеязыковой, так и языковой реальности. Слова же, в свою очередь, вербально репрезентируют индивидуальные концепты, являются их именем и, вместе с тем, образуют их фоносемантический слой. Если быть точным, то, к примеру, правильно говорить не «концепт стола» или «концепт времени», а «концепт, вербализуемый словом *стол*» и «концепт, вербализуемый, словом *время*». В общепотребительной же практике пользуются первым вариантом, что указывает на смешение в индивидуальном сознании слов и их семантического содержания. Безусловно, интерпретируя то, как концепты раскрываются в вербальном и образно-символическом плане мышления, появляется возможность судить об особенностях понимания человеком обсуждаемого предмета.

Предмет деятельности представлен индивидуальной концептуальной системой сознания, что определяет направленность личности и выступает информационной основой субъектной активности человека. Основным тезисом когнитивной лингвистики является утверждение, что средства языковой объективации концепта могут описывать его содержание. Но и слова, будучи кодовыми единицами языка, как справедливо отмечал А.Р. Лурия [23],

способны не только «замещать или представлять предметы, не только возбуждать близкие ассоциации, но и анализировать предметы», вводить их в систему парадигматических связей и отношений. Слова являются сложными фонологическими объектами, поэтому их звуковая сторона образует семантическую структуру концепта и оказывается связанной с индивидуальной системой концептов (концептосферой). Вместе с тем существуют концепты, не имеющие своего языкового наименования. И.А. Стернин [26] в типологию концептов включает представления, схемы, понятия, фреймы, скрипты и гештальты. Являясь единицей мышления и определяя контекст понимания человеком предмета познания, концепты могут раскрываться в вербальном и образном плане знаково-символической деятельности в устной и письменной речи. А вот глубина понимания предмета деятельности определяется системой концептов индивидуально-го сознания и субъектной активностью человека.

Развивающий потенциал графической визуализации концептов

Поиск рисунка к слову может вызывать достаточные трудности у многих респондентов, особенно если их этой процедуре специально не обучали. Вместе с тем целые культуры построены на основе рисуночной символики – шумерская, египетская, китайская и др. При этом использование графической символики в качестве письменной системы требует от пользователя соответствующего уровня образованности, а в ряде случаев посвящения в истинный и от многих скрытый смысл символов. Этим самым проводится грань между пиктографической и идеографической письменностью. Идеограмма в отличие от пиктограммы изображает не реальный предмет, а его идею, становится её символом. Исследователь китайской письменности Дж. Нидэм [27] утверждает, что концептуальное содержание китайских идеограмм повлияло на становление мышления, присущего китайцам. Например, идеограммы дерева, скалы, горы – это символы, имеющие не только перцептивное значение, но и скрытый смысл, прочтение которого требует развитого сознания.

На тот факт, что в создании рисунка заключен момент условности, требующий известной свободы мыслительных операций, обращали внимание все исследователи опосредованной памяти. Г.В. Биренбаум [28] основную сложность когнитивной операции, направленной на поиск графического образа по методике пиктограмм, видела в том, что «круг значений слова шире, чем-то одно, которым можно обозначить рисунок». В свою очередь, значение рисунка также оказывается шире смысла слова, причём их значения пересекаются только в определённой части. Согласно Г.В. Биренбаум [28], способность схватывать общее в рисунке и слове выступает символической основой образования условного значения. Слово и рисунок становятся

двумя разными способами знаково-символического выражения семантики концепта, поскольку обращены к вербальному и невербальному языкам мышления. Тот факт, что слово и рисунок обладают своими собственными семантическими полями значений, на который обратила внимание Г.В. Биренбаум [28], подтверждается и нашими наблюдениями. Графическая визуализация концепта требует от субъекта совершения тех умственных действий, которые вне данной задачи без специального обучения многие субъекты не совершают. Нами неоднократно воспроизводился факт различия в понимании респондентами предметного поля концептов, когда в одном случае обсуждение строилось только в вербальном плане, а во втором на основе графического изображения обсуждаемого понятия. По самоотчётам респондентов, их видение обсуждаемого предмета в случае его графического изображения менялось. Задача нарисовать понятие добавляет к вербальному и образному плану выражения концептов графико-символический. В этом случае действует принцип: чтобы понять – необходимо нарисовать, особенно в отношении абстрактных концептов. Известен факт, когда человек, испытывая трудности вербализации абстрактных понятий, помогает себе движениями рук, что И.А. Стернин [26] и И.Н. Горелов [30] объясняют попыткой опоры на образное ядро концепта. В то же время они считают, что абстрактная идея «руками» изображена быть не может, что противоречит нашим наблюдениям.

Исследования зрительной памяти показали, что её основой являются достаточно абстрактные и обобщённые пространственные схемы, имеющие интермодальный характер. А. Бине [31] также отмечал, что запоминание гроссмейстерами шахматных позиций опирается на пространственно-кинетические схемы. Исследования языковой компетентности незлышащих, проведенные в 2007 г. К. Матвеевой и А. Матвеевым [32] под нашим руководством, дают основание утверждать, что в действительности разговорная жестовая речь незлышащих – очень гармоничное и логичное образование. Феномены, выявленные в ходе исследования процессов речепорождения незлышащих методом составления рассказа по сюжетному изображению, подтверждают положение о том, что жест как пространственно-временной код соответствует тому, что подразумевают под глубинными структурами и универсально-предметным кодом (УПК Н.И. Жинкина). Информационная база человека в своих глубинных слоях хранит информацию в языке образов. Универсальный предметный код имеет принципиально невербальную природу, является нейрофизиологическим субстратом мышления, который существует и функционирует независимо от национального языка. На языке УПК происходит формирование замысла речи, первичная запись

личностного смысла. И движение от мысли к слову, а в случае с незлышащими к жесту, начинается с работы этого несловесного когнитивного образования. Это язык схем, зрительных образов, осязательных и обонятельных впечатлений реальности, кинетических (двигательных) импульсов и т.п. Жестовая речь представляет собой систему знаков, имеющих характер чувственного отражения действительности. Жест в речи глухих практически является образом образа, двигательным способом геометро-динамической визуализации осязаемого смысла. Жест обладает уникальной возможностью не разворачивать этот субъективный смысл в цепь последовательных, связанных и согласованных между собой единиц языка, а выражает его симультанно и монолитно. Можно допускать, что незлышащие собеседники в некотором смысле находятся против нас в более выгодном положении: общаясь образами, им не приходится подыскивать к ним соответствующие значения слова, образ они выражают образом. По сравнению с обсуждаемыми А.Н. Леонтьевым [33] высшими уровнями категоризации, которые вербализованы, наиндивидуальны и абстрактны, отражение реальности происходит и на довербальном уровне. А.Ш. Тхостов [34] отмечает, что можно означивать предмет, не только оставаясь в границах речи. Воспринимать или переживать предмет в определённом качестве – значит уже категоризировать. Б. Уорф [35] подобные классификации называл крипто типами, т.е. не выражаемыми в языке значениями или, иначе, невербализуемыми концептами, осознание которых носит интуитивный характер, но которые на уровне чувственных репрезентаций позволяют достаточно эффективно классифицировать реальность. Разные учёные использовали для обозначения обобщений, основанных на механизмах перцептивной классификации, различные термины: «сенсорные эталоны» (Л.А. Венгер [36]), «оперативные единицы восприятия» (В.П. Зинченко [37]), «семантико-перцептивные универсалии» (Е.Ю. Артемьева [38]) и др. Кроме визуально-перцептивного означивания, важнейшая роль в классификации реальности отводится кинестетическому и кинетическому факторам, ощущению тела и соматогнозису. Жест и телесные ощущения не только образуют единую структуру, поза и движения рук являются показателями правдивости при допросе свидетелей. Иллюстративные жесты – дирижирующие, указательные, ритмические, кинематографические, пиктографические – сопровождают ход коммуникации.

Применение нами метода графической визуализации концептов убедительно демонстрирует роль жестов в нахождении способа изображения абстрактных понятий. Когда испытуемые оказываются в затруднении, «как нарисовать понятие», то им предлагается выразить его значение руками. Например, показывая руками «свободу», респонденты со-

вершают движения руками от тела в стороны, как бы раздвигая ограничения. После такого приёма респонденты получают возможность опереться на геометро-динамические характеристики образа, что позволяет быстро обнаружить графическую формулу изображения концепта, например круг, символизирующий ограничения, и стрелочка, выходящая за границы круга, буквально символизирующая выход за рамки ограничений. Рудольф Арнхейм [39] считал зрительно-пространственную метафору основой абстрактного мышления. Он утверждал, что любое мышление должно основываться на сверхбыстрых геометро-динамических образах. В качестве доказательств им приводится множество примеров возможности респондентов создавать геометро-динамические рисунки, отражающие особенности понимания абстрактных понятий. Продолжая его исследования, Дж. Лакофф [18] и М. Джонсон [19] предприняли попытку вывести из абстрактной образности действительную организацию самого синтаксиса. Они пришли к выводу, что концептуальная структура может быть осмысленной посредством кинестетического воплощения абстрактных пространственных метафор. Г. Хант [40] также придавал абстрактной геометро-динамической образности ключевое значение, поскольку она отражает внутренние и микрогенетические процессы ощущаемого смысла. Таким образом, геометро-динамическая образность составляет глубинный слой смыслового пространства внутреннего мира, образует чувственно-пространственную основу мышления, отражает внутреннюю логику понимания концептов.

В разработанном нами методе пикто-идеографического письма центральное место в развитии знаково-символической деятельности отводится роли геометро-динамической образности. На этой основе нами разработана система пиктографических и идеографических символов, визуализирующих концепты и моделирующих функциональную роль слов в структуре высказывания: выражающих пространственные отношения (в, на, под, около, за, к, и т.д.), действия, предметы, определения, местоимения и др. Посредством данной системы знаков в плане письменной речи составляются и в дальнейшем анализируются различные по сложности языковые конструкции, что позволяет эффективно развивать когнитивные механизмы, лежащие в основе языковой компетентности. Наши исследования [41] начиная с 1994 г. доказывают, что эта деятельность при правильной организации доступна детям уже с

четырёх лет. Сложные категории синтаксического и грамматического анализа, изучаемые в общеобразовательной школе, в рамках разработанной нами методики пиктографического письма, посредством оперативных образов на эмпирическом уровне становятся понятными детям. В отличие от общераспространённых установок дети пятилетнего возраста в состоянии осуществлять грамматический анализ структуры высказывания, определять, из каких частей речи состоит предложение, какое слово главное, какое действие осуществляется, в каком времени, роде, числе, живые это предметы или нет, одушевлённые или неодушевлённые. Причём целью является не формальный лингвистический анализ речи, как это нередко происходит при обучении русскому языку, а организация условий, при которых речь для ребёнка путём графического моделирования семантических компонентов глубинной структуры высказывания становится объектом осознанного анализа, что и является основой развития языковой компетентности и письменной речи. Без специального обучения языковые операции ребёнком ещё не осознаются, хотя осуществляются спонтанно и автоматически в повседневной жизни.

Выводы

Когнитивная деятельность осуществляется в условиях многоязычия, у мышления существует не только «визуальный», но и «моторный» эмоционально-экспрессивный и другие языки. Поиск графической формы для выражения семантического содержания концептов, особенно абстрактных, обладает собственным эвристическим значением, требует размышления и актуализации тех аспектов семантического значения слов, которые благодаря графическому моделированию обретают в сознании свой новый символический статус. Одно из принципиальных положений нашего метода заключается в том, что создание графического образа, раскрывающего идею концепта не на конкретном, а на геометро-динамическом уровне анализа, является значимым индикатором в развитии знаково-символической деятельности от уровня замещения к уровню моделирования, от конкретного мышления к концептуальному, от пиктограммы к идеограмме. Таким образом, в рамках разработанного нами метода графической визуализации концептов нами решаются задачи развития языковой компетентности, письменной речи, вербально-логического, образного, символического и дискурсивного мышления.

Список источников

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / предисл. Г.В. Рамашвили, послесл. А.В. Гулыги. Москва, 1999.
2. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку : пер. с англ. Л. Натана, Е. Турковой // Языки и образ мира / сост. К. Королёва. Москва ; Санкт-Петербург, 2003. С. 157–201.
3. Уорф Б. Наука и языкознание (о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) : пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат // Зарубежная лингвистика. Вып. 1 / общ. ред. В.А. Звегинцева и Н.С. Чемоданова. Москва, 1999. С. 92–106.

4. Жинкин Н.И. Механизмы речи. Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1958.
5. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. Томск : Изд-во Томского ун-та ; Москва : Барс, 1997. 392 с.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь // Проблемы общей психологии : собр. соч. В 6 т. Т. 2. Москва : Педагогика, 1982. 504 с.
7. Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. Москва : Смысл; Per Se, 2000. 685 с.
8. Хомский Н. Миллер Дж. Введение в формальный анализ естественных языков // Кибернетический сборник. Вып. 1. Москва, 1965. (Новая серия).
9. Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики : пер. Т.А. Майсака // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Серл. Москва, 2004. С. 99–140.
10. Хомский Н. Язык и мышление : пер. с англ. Б.Ю. Городецкого / под ред. В.В. Раскина ; с предисл. В.А. Звегинцева. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 121 с. (Серия переводов. Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики / Моск. гос. ун-т М.В. Ломоносова, филол. ф-т. Вып. 2).
11. Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Москва : Прогресс, 1988. С. 59–90.
12. Бюллер К. Духовное развитие ребёнка : пер. с нем. Москва : Новая Москва, 1924. 556 с.
13. Лангакер Р. Когнитивная грамматика. Москва : ИНИОН АН СССР, 1992. (Сер. Актуальные проблемы прикладного языкознания).
14. Лангакер Р. Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник Московского университета. 1997. № 4, 6. (Сер. 9. Филология).
15. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. Москва : Прогресс, 1974. 391 с.
16. Грункин А.М. О пространственной структуре понятий // Вопросы теоретической и прикладной психологии. Ленинград, 1974.
17. Узнадзе Д.Н. Теория установки. Москва : Изд-во Ин-та практ. психол., 1997.
18. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении : пер. с англ. И.Б. Шатуновского. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
19. Джонсон-Лэйрд Ф. История ментальных моделей // Когнитивная психология: история и современность : хрестоматия : пер. с англ. / сост.: М. Фаликман, В. Спиридонов. Москва, 2011. С. 344–351.
20. Макнейл Д. Рука и разум: Какие жесты раскрывают мысль. Чикаго : Изд-во Чикагского ун-та. 1992.
21. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
22. Поляков С.Э. Феноменология психических репрезентаций. Санкт-Петербург : Питер, 2011. 688 с.
23. Лурья А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. 416 с.
24. Fodor J.A. The language of thought. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1979. X, 214 p. (The language & thought series).
25. Фодор Д., Чихара Ч. Операционализм и обыденный язык // Fodor J. Representations. © The MIT Press. Camb., Mass., 1981 : пер. А.В. Пономаревой. Впервые статья была опубликована в журнале: American Philosophical Quarterly. 1965. V. 2, № 4.
26. Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / науч. ред. З.Д. Попова. Воронеж : Истоки, 2008. 596 с.
27. Нидэм Дж. Фундаментальные основы традиционной китайской науки // Китайская геомантия. Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1998. 272 с.
28. Биренбаум Г.В. К вопросу об образовании переносных и условных значений слова при патологических изменениях мышления // Новое в учении об агнозии, апраксии и афазии. Москва, 1934.
29. Зейгарник Б.В. Психология личности: норма и патология. Москва : Изд-во Ин-та практ. психологии; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1998. 352 с.
30. Горелов И.Н., Седов К.Ф.. Основы психолингвистики : учебное пособие. Москва : Лабиринт, 2004. 320 с.
31. Матвеева К., Матвеев А. Особенности сформированности языковой компетенции взрослых неслышащих : ВКР. Хабаровск, 2007.
32. Бине А. Измерение умственных способностей : пер. с фр. / изд. подгот. В.А. Луков, Вл.А. Луков. Санкт-Петербург : Союз, 1999. 432 с. (Психология и социология: страницы классики).
33. Леонтьев А.Н. Проблемы деятельности в психологии // Вопросы философии. 1972. № 9. С. 101.
34. Тхостов А.Ш. Психология телесности. Москва : Смысл, 2002. 287 с.
35. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку : пер. Л. Натана, Е. Турковой // Языки как образ мира / сост. К. Королева. Москва ; Санкт-Петербург, 2003. С. 157–201.
36. Венгер Л.А. Диагностика умственного развития дошкольников. Москва : Педагогика, 1987.
37. Зинченко В.П., Величковский Б.М., Вучетич Г.Г. Функциональная структура зрительной памяти. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 272 с.
38. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980.
39. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. Москва : Прогресс, 1974. 391 с.
40. Хант Г.Т. О природе сознания: С когнитивной феноменологической и трансперсональной точек зрения : пер. с англ. А. Кисилёва. Москва : АСТ, 2004. 555 с.
41. Яссман В.П. Пиктографическое письмо. Методика, диагностика и развитие интеллекта у детей дошкольного возраста : монография. Germany : LAP LAMBERT, Academic Publishing, 2012. 251 с.

References

1. Humboldt, W. von Избранные труды по языкознанию [preface by G.V. Ramashvili, aftersl. A.V. Gulygi]. М., 1999.
2. Whorf, B. Relation of norms of behavior and thinking to language [Lane. Engl. L. Natana, E. Turkovoy // Languages and the image of the world. Sost. Q. Korolev]. М.: SPb., 2003. S. 157–201.
3. Whorf, B. Science and Linguistics (about two erroneous views on speech and thinking, characterizing the system of natural logic, and that, as words and custom affect thinking) [Lane. Engl. E.S.Kubryakov and V.P.Murat // foreign linguistics. Vol. 1 / Ed. by V.A.Zvegintsev and N.S.Chemodanova]. М., 1999. С. 92–106

4. Zhinkin, N.I. Mechanisms of speech. M.: publishing house APN RSFSR, 1958.
5. Kholodnaya, M.A. The Psychology of Intelligence: Paradoxes of Research. Tomsk. publishing house: Tomsk University: publishing house: M.: BARS, 1997. 392 c.
6. Vygotsky, L.S. Thinking and speech [Problems of general psychology: Sobr. op.: In 6 t. A. 2]. M.: Pedagogy, 1982. 504 c.
7. Vekker, L.M. Psyche and Reality: Unified Theory of Mental Processes. M.: Smysl, Per Se, 2000. 685 c.
8. Chomsky N., Miller J. Introduction to Formal Analysis of Natural Languages [Cybernetic collection. New series. Vyp. 1]. M., 1965.
9. Chomsky, N. Questions of the theory of generative grammar [Lane. A. A. Maysaka Philosophy of language / Ed. comp. J. R. Searle]. M., 2004. C. 99–140.
10. Chomsky, N. Language and thinking [Lane. Engl. B.Y. Gorodetsky / Ed. V.V. Raskina; with predisl. V.A. Zvegintseva. / a series of translations. Publications of the Department of Structural and Applied Linguistics] Mosk. Gos. M.V. Lomonosov University, филол. ф-т. Vyp. 2]. M.: Izd-vo Mosk. Un-ta, 1972. 121 p.
11. Fillmore C. Frames and semantics of understanding [New in foreign linguistics. Vol. XXIII]. M.: Progress, 1988. P. 59–90.
12. Büller, K. Spiritual development child [Lane. with him]. M.: New Moscow, 1924. 556 p.
13. Langaker R. Cognitive grammar [Сер. Актуальные проблемы прикладного языкознания]. M. INION AN SSSR, 1992.
14. Langaker, R. A model based on linguistic usage [Vestnik Moskovskogo Universiteta. № 4, 6. Ser. 9. Philology]. M. 1997.
15. Arnheim R. Art and visual perception [publishing house Progress]. Moscow, 1974г. 391 з.
16. Grunkin, A.M. On the spatial structure of concepts [Issues of theoretical and applied psychology]. Leningrad, 1974.
17. Uznadze, D.N. Installation theory. M. : Publishing house Institute of Practical Psychology. 1997.
18. Lakoff J. Women, Fire, and Dangerous Things: What The Categories of Language Tell Us About Thinking [Translated with English And. B. Shatunovsky]. M.: Languages of Slavic Culture, 2004. 792c.
19. Johnson-Laird F. History of Mental Models [Cognitive Psychology: History and Modernity: A Reader: Translated from English. / Comp. Avitel.: A. Falikman, V. Spiridonov]. M., 2011. P. 344-351.
20. McNeil, D. Hand and Mind: What gestures reveal thought [Publishing house Chicago University. 1992.
21. Zalevskaya, A.A. The word is in a person's lexicon. Psycholinguistic research. Voronezh, 1990.
22. Polyakov, S.E. Phenomenology of Psychic Representations. SPb.: Piter, 2011. 688s
23. Luria, A.R. Language and consciousness. [Ed. by E.D.Chomskaya]. Rostov n/A: Publishing House «Phoenix», 1998. 416c.
24. Fodor J.A. The language of thought. [Cambridge (Mass.): Harvard univ. press. The language & though series]. 1979. X, 214 p.
25. Fodor D., Chihara C. Operationalism and everyday language [Operationalism and Ordinary Language // Fodor J. Representations. © The MIT Press. Camb., Mass., 1981. Translated by A. V. Ponomareva. The article was first published in the journal: American Philosophical Quarterly. 1965, v. 2, № 4.
26. Sternin I.A. Selected works. Theoretical and applied problems of linguistics [Scientific ed. A. A. Popova. Voronezh: Origins]. 2008.
27. Needham, J. Fundamental Principles of Traditional Chinese Science [Chinese geomancy]. SPb.: Peterburskoe vostokovedenie, 1998. 272 p.
28. Birenbaum, G.V. On the question of the formation of figurative and conditional meanings of the word with pathological changes in thinking [New in the doctrine of agnosia, apraxia and aphasia]. M., 1934.
29. Zeigarnik, B.V. Personality psychology: norm and pathology. M.: Publishing House In-ta practical. Psychology; Voronezh: NGO «MODEC», 1998. 352 з.
30. Gorelov, I.N. Fundamentals of Psycholinguistics: Tutorial / And. A. Gorelov, Q. A. Sedov. M.: Maze, 2004. 320 c.: ил.
31. Matveev K., Matveev A. Features formation of language competence adults who are deaf. [WRC, Хабаровск]. 2007
32. Binet A. Measurement of mental abilities: [Lane. with fr. Edition preparedovil. Shaft. A. Lukov, VI. A. Lukov. SPb.: Union]. 1999. (psychology and sociology: classic pages).
33. Leontiev, A.N. Problems of activity in psychology [Questions of Philosophy. № 9. P.S. 101.]. 1972.
34. Tkhostov A.Sh. Psychology of corporeality [M.: Meaning, 2002. 287p.
35. Wharf B.L. Relation of norms of behavior and thinking to language [Perevod JI. Nathan, E. Turkovoy. Languages as an image of the world. Comp. avitel. Q. Queen. M.; SPb.]. 2003.
36. Venger L.A. Diagnosis of mental development of preschoolers [M.: Pedagogy]. 1987.
37. Zinchenko V.P. Functional structure of visual memory [Zinchenko, B.M., Velichkovsky, A. A. Vucetic. M.: Publishing House Moskovskogo. Universityof The Department]. 1980, 272 p.
38. Artem'eva E.Yu. Psychology of Subjective Semantics [M.: Publishing House of the Moscow Universityof The Ministry of Internal Affairs], 1980.
39. Arnheim R. Art and visual perception [Andthe building: Progress Moscow]. 1974г. 391 p.
40. Hunt, G.T. On the Nature of Consciousness: From a cognitive phenomenological and transpersonal perspective [perevod In English. A. Kisilyova. M.: Ast]. 2004. 555 p.
41. Yassman V.P. Pictographic writing. Methodology, diagnostics and development of intelligence in preschool children. [monograph.. Publishing House: LAP LAMBERT, Germany, Akademic Publishing]. 2012. 251 p.

Информация об авторе

В.П. Яссман – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

V.P. Yassman – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 27.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.964.3

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-75-79

НЕЯВНЫЕ ЗНАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ

Надежда Георгиевна Григорьева¹, Светлана Михайловна Дрюцкая²

¹Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, an08027@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8044-882x>

²Дальневосточный государственный медицинский университет, Хабаровск, Россия, sveta07027@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8951-5777>

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и виды неявных знаний, их роль в формировании духовно-нравственной, духовно-культурной составляющей жизнедеятельности человека, в том числе в профессиональном самоопределении и формировании профессиональных династий. Приведен анализ результатов исследования о влиянии фоновых неявных знаний в первичных социальных группах на профессиональный выбор молодых людей, на формирование профессиональных династий.

Ключевые слова: виды неявных знаний, объективные, субъективные, профессиональная династия

Original article

IMPLICIT KNOWLEDGE AND ITS IMPACT ON THE FORMATION OF PROFESSIONAL DYNASTIES

Nadezhda G. Grigoryeva¹, Svetlana M. Dryutskaya²

¹Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, an08027@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8044-882x>

²Far Eastern State Medical University, Khabarovsk, Russia, sveta07027@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8951-5777>

Abstract. The article deals with the essence and types of implicit knowledge, its role in the formation of the spiritual and moral, spiritual and cultural component of human life, including professional self-determination and the formation of professional dynasties. The results of the study on the influence of background implicit knowledge in primary social groups on the professional choice of young people and on the formation of professional dynasties are analyzed.

Keywords: types of implicit knowledge, objective, subjective, professional dynasty

В современном обществе наблюдается кризис культуры взаимоотношений. Причем кризис проявляется не только в межкультурной коммуникации, но и, прежде всего, в социальных, экономических, идеологических, политических и прочих взаимоотношениях, в их нестабильности или нелогичном их прекращении. На возникновение кризисных процессов влияет не ускоряющаяся мобильность, а всевозможные негативные, осознанно создаваемые барьеры, которые проявляются в форме вызовов, санкций, направленных на изоляцию отдельных социально-экономических систем и провоцирующих одновременно собственную ущербность и закрытость интересантов санкций. Вследствие этого в современном информационном обществе актуальным становится повышение степени гуманитарной составляющей, повышение уровня культуры, в том числе и профессиональной, с целью усиления самодостаточности систем и достижения ими уровня самоактуализации [1]. В этом контексте уместны и своевременны

мысли М. Шелера о значимости и важности культурной составляющей в человеческом развитии. М. Шелер считал, что, когда загнивает культура, на первый план выходит цивилизация [2].

В психологии, философии, социологии и других гуманитарных науках нет единого мнения о существенных отличиях культуры и цивилизации. Но практически все научные направления едины во мнении, что культура – это, прежде всего, духовная составляющая артефактов, созданных человеком, а цивилизация соотносится с комфортностью артефактов для человека.

Рассматривая духовность человека, дух вещей, невозможно этот феномен вербализировать. Духовность есть или нет, это имманентная, неотделимая сущность целого: человека, предмета, процесса и прочего. Очевидно, духовность осуществляется одним из видов неявных знаний – трансцендентными, которые можно иногда ощутить и прочувствовать, но словесно выразить невозможно. Проводя парал-

лель о роли неявных и осознанных знаний в становлении культурного человека и цивилизованного человека, можно сделать вывод о значимости неявных знаний в обеспечении культурной, творческой составляющей познавательной активности личности, что является основой и главным детерминантом в развитии культурного, творческого человека.

В современной науке нет однозначного понимания сущности неявных знаний. Впервые использовал в научном смысле понятие неявных знаний в середине XX в. английский ученый М. Полани. Он рассматривал два вида знаний: объективные и субъективные. Объективные знания – это знания, которые накопило человечество и которые имеют обезличенную форму, хранятся в виде знаков. Субъективные знания – это личностные знания, выраженные в виде явных и неявных знаний. Явные знания личностью осознаются, могут быть вербализованы, экстерниоризированы и оформлены в знаковые системы, а неявные знания неосознаны личностью и не могут быть вербализованы и представляют интериоризированные формы. М. Полани относил неявные знания к сфере бессознательного и переход этих знаний в форму сознания видел в спонтанном процессе, который мог быть инициирован всевозможными внешними и внутренними особыми раздражителями и ситуациями [3].

Однако не все ученые согласны с мнением М. Полани о сущности и происхождении неявных знаний, так, например, В.А. Героименко [4] связывает происхождение неявных знаний с процессами сознания, доказывая, что все виды знаний могут продуцироваться только при протекании процессов сознания. С другой стороны, бессознательное есть определенный уровень проявления психики человека, поэтому бессознательное, естественно, связано с познавательными процессами, но специфически протекающими.

Например, творчество в познавательном процессе обеспечивают неявные, хабиутализированные (часто встречающиеся, «одомашненные» субъектом) знания, которые выполняют функцию актуализации процесса познания. Известный психолог Дэвид Майерс сформулировал следующую важную закономерность проявления неявных знаний: мы свободно «слышим и постигаем только то, что уже наполовину знаем» [5]. Восприятие идет особым образом: присутствует самоосуществляющаяся данность объекта, которая никогда не исчезает. И в результате какого-либо вдохновения или озарения бессознательные, неявные знания прорываются в сознание, открываются «третий глаз», который видит объективно существующую реальность, недоступную обычному восприятию. Таким образом, рождается творчество в познавательном процессе, профессиональной деятельности в искусстве

и прочих видах деятельности и активности – как отложенное свободное отреагирование впечатлений.

Существуют различные представления о видах неявных знаний и их классификации [6–8]. Основой одной из классификаций является показатель принадлежности неявных знаний к тому или иному субъекту. В итоге были выделены следующие виды неявных знаний: личностные, принадлежащие конкретному человеку; парадигмальные, принадлежащие сообществу, члены которого придерживаются определенной научной парадигмы; объективированные, принадлежащие определенной символической системе артефактов; транссубъективные, принадлежащие той или иной методологии познания. Данная классификация позволяет соотнести роль личностного и всевозможных форм общественного, коллективного бессознательного в формировании неявных знаний.

В вышеуказанной классификации есть определенные противоречия, если неявные знания, по определению М. Полани, имманентно субъективны, то они могут принадлежать только определенному человеку, субъекту. А существующие знания вне индивидуума М. Полани назвал объективными знаниями [3]. Следовательно, неявные знания не могут принадлежать какому-нибудь другому субъекту, кроме человека.

Другая классификация базируется на степени проявления неявных знаний и позволяет прогнозировать силу их влияния на деятельность и активность человека. Так, неявные знания, которые никогда не смогут «прорваться» в область сознания человека, могут служить определенным фоном эмоционального восприятия процесса познания и производства новых знаний. Мы считаем, что такие неявные знания являются тем этическим барьером, который подсказывает человеку, можно или нельзя двигаться в определенном направлении познания какого-либо феномена, явления или процесса, будет ли это полезно человеческой цивилизации или принесет вред.

Неявные знания, которые могут быть осознаны в редких случаях, когда человек или человечество сталкиваются с сильнейшими вызовами, являются тем окном в трансцендентное восприятие мира, которое кардинально меняет жизненные ценности человека, его мысли, чувства, но при этом индивидуум не может вербализовать, словесно описать свое внутреннее состояние, он может только прочувствовать изменение своей духовности, глубинного понимания микро- и макромира и в соответствии с этим эмоциональным ощущением изменить ценностную направленность своей активности, поведения, деятельности.

Существует вид неявных знаний, которые могут быть доступны человеку при определенных условиях, например при глубинном самоанализе, рефлексии и других специальных психологических

методах. Мы согласны с мнением ученых [6], что такими неявными знаниями могут быть контекстные, парадигмальные, объективированные, трансубъективные и другие виды неявных знаний. Очевидно, что такие виды неявных знаний можно использовать для влияния на ценности человека и, в глобальном смысле, на ценности человечества. Причем неявные знания возможно использовать как во благо развития человека, общества и человечества в целом, так и во вред.

Непосредственный интерес представляет проблема влияния неявных знаний на формирование профессиональных династий. Очевидно, в данном процессе преобладают фоновые неявные знания. Сущность фоновых знаний заключается в эмоциональном ощущении получаемой, передаваемой субъективной информации. Если эмоциональные ощущения информационного диалога вызывают определенную степень духовности, то эти неявные фоновые знания мы определяем как положительные, которые повышают культурную составляющую человека. В другом случае эмоциональное ощущение может быть ориентировано на восприятие комфортности, но такие неявные фоновые знания ориентируют личность на принятие массовой культуры, и они нами определены как манипулятивные неявные фоновые знания. Безусловно, такие неявные фоновые знания помогают манипулировать субъектом, что и делает масскультура, корректируя уровень развития, формирования субъективного сознания под определенные стандарты, правила, созданные манипуляторами.

Профессиональная династия формируется на основании действия неявных фоновых знаний, которые возникают в семейной культуре в результате эмоционального сопровождения возникающих диалогов о профессиональной деятельности родителей, родных, друзей, знакомых, в результате создания профессиональных артефактов и непосредственного участия в роли свидетеля выполнения профессиональной деятельности родителями или родными.

Неявные фоновые знания, касаемые профессиональной деятельности старшего поколения в семье, пронизывают все жизненные ценности семьи и семейную культуру. И если неявные фоновые знания о профессии родителей являются положительными, то у молодого поколения семьи возникают духовно-культурные профессиональные смыслы. Если неявные знания являются манипулятивными, то они формируют у молодого поколения комфортное отношение к профессиональным смыслам родителей и не способствуют возникновению духовных династийных феноменов у представителей молодого поколения семьи.

Как показали результаты проведенного теоретического анализа современных исследований о сущности, роли, социальной значимости профессиональных

династий, в основном эти исследования носят социальный, философско-социальный, акмеологический и, в меньшей степени, психологический аспект.

Психологические исследования «династийности» [9] определили психологические особенности влияния династийной семьи на формирование профессионального самосознания и профессиональных установок у молодых членов семьи.

Современные социологические исследования выявляют как положительные аспекты профессиональной преемственности в семье, так и отрицательные.

Посухова О.Ю. характеризует профессиональную династию «как социальную монополию, способствующую социальной мобильности членов семьи; как затрудняющую социальную мобильность не-членов семьи; как спасательный круг в результате отсутствия иных ресурсов для социальной мобильности» [10: с. 103].

Современные исследования [10; 11] подтверждают, что сегодняшняя династия порой представляет не передачу профессиональных ценностей с приращением профессиональных знаний, установок, профессионального интереса, а является инерционным, безмотивационным, статичным переходом молодого поколения в профессию старшего поколения. Профессиональная династия без постоянного качественного духовно-культурного приращения обречена на постепенное исчезновение.

Целью данного исследования стал вопрос о влиянии неявных знаний на формирование профессиональных династий и на профессиональное самоопределение молодых людей. В исследовании применяли такие диагностические методы, как интервьюирование и анкетирование с использованием программы Google. В исследовании приняли участие студенты университета путей сообщения и медицинского вуза в количестве 118 человек, из них 38 человек – студенты университета путей сообщения 1-го и 2-го курса и 80 человек – студенты медицинского вуза: 20 человек – студенты 1-го курса факультета фармации и биомедицины и 60 человек – студенты 3-го курса факультета стоматологии.

33,3 % студентов университета путей сообщения ответили, что на выбор профессии повлияли родители, и 22,3 % респондентов считают, что на их выбор профессии повлияли родные и друзья. Вместе с тем уверены, что самостоятельно осуществили выбор профессии, около 89 % студентов. Интерес представляет следующее смысловое выражение профессионального самоопределения респондентов – «собственное предчувствие». Иными словами, несмотря на то, что 55,6 % студентов подтверждают влияние родителей, родных и друзей на выбор профессии, из них 33,4 % студентов уверены, что выбор профессии они осуществили самостоятельно, это именно те студенты, у которых были сформированы опреде-

ленные неявные знания о профессиональной деятельности в семейной среде или в кругу друзей и эти неявные знания о профессии «неявно» повлияли на формирование профессионального выбора.

Результаты ответов студентов медицинского вуза (табл. 1) показали, что на выбор профессии повлияли родители и родные у 41,25 % респондентов, однако среди них 10 % студентов выбрали одновременно ответ, что все-таки это было их собственное решение. Очевидно, что к собственному решению респонденты причисляют неконфликтное принятие профессионального выбора. А это подтверждает, что неявные знания о профессии родителей создают специфическую духовно-культурную атмосферу в семье, которая, как «мягкая» доминанта, распространяется на все составляющие семейного пространства, в том числе влияет и на воспитание, формирование профессиональных ценностей у молодого поколения семьи.

Таблица 1

Влияние на профессиональный выбор студентов медицинского вуза

Кто повлиял	Провизоры		Стоматологи		ИТОГО	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Родители	8	40	22	37	30	37,5
Родные	–	–	3	5	3	3,75
Собственное решение	13	65	42	70	55	68,75

Ответили, что никто из родителей, родных, друзей, знакомых не работают в профессиональной сфере, которую выбрали студенты, 16,7 % респондентов университета путей сообщения и 28,75 % студентов медицинского университета. Эти результаты подтверждают очевидность мягкого влияния близкого социального окружения на профессиональный выбор молодых людей посредством создания неявных знаний о профессиональном престиже, привлекательности профессиональной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Кто работает в профессиональной сфере, в которой выбрали свою специальность студенты медицинского вуза

Кто работает	Провизоры		Стоматологи		ИТОГО	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Родители	6	30	17	28	23	28,75
Родные	2	10	17	28	19	23,75
Друзья	1	5	3	5	4	5
Знакомые	8	40	13	22	21	26,25
Никто	6	30	17	28	23	28,75

Социологические исследования [10; 11] показывают, что наиболее многочисленные профессиональные династии наблюдаются в профессиональной сфере медицинских работников и преподавателей. Архивно-исторические исследования пытаются

доказать широкую распространенность профессиональных династий в транспортной сфере, в том числе в сфере железнодорожного транспорта.

Полученные результаты исследования указывают на вероятность того, что среди многочисленных явных и неявных факторов выбора будущей профессии присутствуют и неявные знания, которые могут скрываться в интересе к определенной науке, в любви к профессии, в благородстве профессиональной деятельности и других ценностных смыслах профессии, на которые указывают респонденты. Такие духовно-культурные представления о будущей профессии могут быть «впитаны» только в первичном социальном окружении, которым является семья.

Интересен и тот факт, что профессиональное самоопределение, как указывают респонденты, началось с 5 лет и к 14 годам уже был «осуществлен окончательный выбор профессии» более чем 50 % респондентов.

Практически все родители (83,3 % у студентов университета путей сообщения; 98,75 % у студентов медицинского вуза) поддерживают профессиональный выбор своих детей.

На прямой вопрос: «Вы продолжаете профессиональную династию своей семьи?» – 35 % респондентов медицинского вуза (25 % провизоров и 38 % стоматологов) и 5,6 % респондентов университета путей сообщения ответили положительно.

Количество работающих родителей (28,75 %) в профессиональной сфере, которую выбрали студенты медицинского вуза, положительно коррелирует с количеством студентов (35 %), которые признались, что продолжают профессиональную династию. Чего нельзя сказать о студентах университета путей сообщения. Количество родителей, работающих в профессиональной сфере, которую выбрали студенты университета путей сообщения, составляет 22,4 %, а признали свой династийный профессиональный выбор только 5,6 % студентов. Очевидная неосознанность династийного профессионального выбора студентами университета путей сообщения подтверждает существование у них неявных знаний о профессиональных ценностях той сферы, в которой работают родители, но себя осознавать в этой профессиональной сфере они пока не способны. На данный момент можно сделать вывод, что неявные знания повлияли на выбор профессии. В дальнейшем, при переходе фоновых неявных знаний в седиментированные («осевшие») неявные знания произойдет осознание своей принадлежности к профессиональной династии.

Очевидна роль фоновых и седиментированных неявных знаний в профессиональном выборе, в профессиональной идентификации, в профессиональном становлении индивидуума.

Профессиональная увлеченность родителей формирует у подрастающего поколения неявные знания с фоновым содержанием положительных профессиональных ценностей. Профессиональный прагматизм родителей способствует созданию у детей неявных знаний с фоновым содержанием профессионального иждивенчества, которое способствует продолжению формирования профессиональных династий с определенной корыстью: продолжать профессиональную династию с целью наживы, из-за интеллектуальной лености, избегания трудностей, благоприятной ситуации для карьерного роста и прочих личностно-эгоистических целей.

Таким образом, неявные знания – это не только предтеча рациональных знаний, а это носитель духовно-нравственных, духовно-культурных смыслов, которые можно использовать как во благо развития человека и человечества, так и во вред. Влияние неявных знаний на формирование профессиональных династий – это одно из направлений, которое реализуется в рамках формирования профессиональной структуры общества, развития профессиональной этики, создания инновационных видов деятельности. Поэтому существует актуальность дальнейшего исследования в широком использовании неявных знаний в жизнедеятельности человека.

Список источников

1. Маслоу А. Мотивация и личность, 2-е изд. Санкт-Петербург : Питер, 2012. 352 с.
2. Шелер М. Избранные произведения. Москва : Гнозис, 1994. 490 с.
3. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Москва : Прогресс, 1985. 344 с.
4. Героименко В.А. Личностное знание и научное творчество. Минск : Наука и техника, 1989. 208 с.
5. Майерс Д. Социальная психология: Интенсивный курс : пер. с англ. Санкт-Петербург : Москва : Олма-Пресс, 2004. 510 с.
6. Губанова Е.О. Неявное знание: сущность и виды // Государственный университет управления. Научный потенциал: работы молодых ученых. 2010. № 4. С. 253–256.
7. Борисенков А.А. Феномен неявного знания // Философия и культура. 2011. № 5(41). С. 59–66.
8. Микешина Л.А. Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 240 с.
9. Зиброва Е.А. Психология трудовых династий в контексте адаптации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2(38). С. 166–171.
10. Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100–103.
11. Костина М.П. Профессиональные предпочтения различных поколений архангельских семей // Молодой ученый. 2017. № 8 (142). С. 262–265.

References

1. Maslow A. Motivation and personality, 2nd ed. /BUT. Maslow. St. Petersburg: Peter, 2012. 352 p.
2. Scheler M. Selected works. M.: Publishing house "Gnosis", 1994. 490p.
3. Polanyi M. Personal knowledge. On the way to post-critical philosophy. M.: Progress, 1985. 344 p.
4. Geroimenko V.A. Personal knowledge and scientific creativity. Minsk: Science and technology, 1989. 208 p.
5. Myers D. Social psychology: Intensive course: Per. from English. St. Petersburg: M.: Olma-Press, 2004. 510 p.
6. Gubanova E.O. Implicit knowledge: essence and types // State University of Management. Scientific potential: works of young scientists. 2010. No. 4. P. 253–256.
7. Borisenkov A.A. The phenomenon of implicit knowledge // Philosophy and Culture. 2011. No. 5(41). P. 59–66.
8. Mikeshina L.A. Openkov M.Yu. New images of cognition and reality. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1997. 240 p.
9. Zibrova E.A. Psychology of labor dynasties in the context of adaptation // Social and humanitarian sciences in the Far East. 2013. № 2(38). P. 166–171.
10. Posukhova O.Yu. Professional dynasty as a result of family strategies: inertia or continuity? // Power. 2013. No. 12. P. 100–103.
11. Kostina M.P. Professional preferences of different generations of Arkhangelsk families // Young scientist. 2017. No. 8 (142). P. 262–265.

Информация об авторах

Н.Г. Григорьева – доктор педагогических наук, профессор;
С.М. Дрюцкая – кандидат биологических наук, доцент.

Information about the authors

N.G. Grigorieva – Doctor of Sciences (Pedagogical), Professor;
S.M. Dryutskaya – Candidate of Sciences (Biological), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья
УДК 336.018(045)
doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-80-85

ЧУВСТВО КОГЕРЕНТНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЖИЗНЕННОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Лариса Георгиевна Гаевская

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, lotos_lara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8387-6221>

Аннотация. В статье рассматривается феномен удовлетворенности жизнью описывается статистическая взаимосвязь показателей опросника «Индекс жизненной удовлетворенности» Б. Ньюгартена и опросника «Шкала чувства связности» А. Антоновского, как компонентов Индекса удовлетворенности жизнью. Выявлено, что чувство когерентности влияет на удовлетворенность жизнью за счет чувств постижимости и осмысленности. Установлены половозрастные различия удовлетворенности жизнью. Чем старше становится человек, тем актуальнее становится когнитивная постижимость и положительное оценивание себя и собственных поступков. Для женщин важнее соблюдать последовательность в достижении своих целей. Зато для мужчин важнее ощущать свою жизнь, как осмысленную, постижимую и управляемую.

Ключевые слова: индекс жизненной удовлетворенности, осмысленность, постижимость, салютогенетическая концепция, чувство когерентности, чувство связности

Original article

SENSE OF COHERENCE AS AN INDICATOR OF PERSONAL LIFE SATISFACTION

Larisa G. Gaevskaja

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, lotos_lara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8387-6221>

Abstract. The article deals with the phenomenon of life satisfaction and describes the statistical relationship between the indicators of the questionnaire "Life Satisfaction Index" by B. Neugarten and the questionnaire "Sense of Coherence Scale" by A. Antonovsky as components of the Life Satisfaction Index. It has been revealed that the sense of coherence influences life satisfaction through feelings of comprehensibility and meaningfulness. Gender and age differences in life satisfaction have been established. The older a person gets, the more relevant the cognitive comprehensibility and positive assessment of himself and his own actions become. It is more important for women to be consistent in achieving their goals. But it is more important for men to feel their lives as meaningful, comprehensible and manageable.

Keywords: life satisfaction index, meaningfulness, comprehensibility, salutogenic theory, sense of coherence

Введение

Интерес к феномену удовлетворенности жизнью становится все более актуальным, возможно потому, что сейчас все больше внимания направлено на необходимость понимания своих чувств и желаний, а возможно потому, что удовлетворенные жизнью люди эффективнее трудятся. В любом случае большинство исследований направлено на выяснение причин возникновения этого феномена и его влияния на жизнедеятельность не только личности, но и общества. В основном принято разделять причины, оказывающие влияние на уровень удовлетворенности жизнью, на объективные и субъективные.

К объективным относят социально-экономическое, семейное положение (М. Айзенк и Г. Айзенк), здоровье (Л.В. Куликов, Н.В. Панина), возраст, социальные связи (М. Аргайл, Т. Шибутани) и др. Группу субъективных факторов составляют совпадение достижений и притязаний (К.А. Абульханова-Славская), последовательность в достижении

жизненных целей и интерес к жизни (Н.В. Панина), внутренний локус контроля (А. Кэмбэлл), субъективная жизненная позиция (Л.И. Габдулина), стратегия дистанцирования и проблемно-решающая стратегия в сложных жизненных ситуациях (И.А. Джидарьян), социальные сравнения (Тернер), такие личностные особенности, как экстравертированность (Брадберн) и оптимизм (П. Коста и Р. Маккри) [1: с. 42].

При этом в теоретико-методологических исследованиях правомерно указывается, что субъективные индикаторы дополняют объективные. Это обусловлено следующими причинами. Во-первых, они могут отражать различия в том, как разные люди «взвешивают» внешние переменные. Во-вторых, глобальные ответы могут и не быть простой линейной суммой реакций первого порядка. В-третьих, индивиды могут по-разному реагировать на одни и те же внешние обстоятельства в зависимости от их ценностей, ожиданий и желаний и др. [2].

Понятие «удовлетворенность жизнью» часто соотносят, сопоставляют с такими понятиями, как качество жизни, субъективное благополучие, личностный успех, счастье, психологическое благополучие. Стоит сказать, что хотя некоторые компоненты этих понятий могут пересекаться, однако не стоит полностью их отождествлять и использовать как взаимозаменяемые. Тем более сложно сказать, что первичнее по отношению друг к другу.

Например, в работах Т.Н. Савченко, Г.М. Головиной предложена модель динамики качества жизни и психологического статуса, с помощью которой можно прогнозировать удовлетворенность жизнью и тенденции к появлению внутриличностных конфликтов в зависимости от изменения структуры качества жизни [3].

Э. Динер удовлетворенность жизнью считает когнитивным аспектом отношения человека к себе и окружающей действительности. Он добавляет этот аспект в исходный конструкт «психологического благополучия» Н. Бредберна. У которого, кстати говоря, чувство счастья, удовлетворенности и психологическое благополучие используются как синонимичные [4: с. 66].

Показателем удовлетворенности жизнью является эмоциональный баланс: сумма отрицательных и положительных эмоций человека [5: с. 8].

В рамках культурологического подхода проведен анализ ряда личностных особенностей, влияющих на удовлетворенность человеком своей жизнью. К ним относятся:

- желание человека обеспечить себя самостоятельно, быть независимым, опираться на свои силы;
- желание иметь выбор работы, жилья без асимметрии доступа к информации о вакансиях и пр.;
- признание себя частью референтной группы, самоуважение;
- наличие возможности для личностного саморазвития, самовыражения, самореализации [6: с. 19].

При исследовании темы жизненной удовлетворенности мы часто сталкивались с таким понятием, как индекс жизненной удовлетворенности. Интересно, что индекс удовлетворенности жизнью в странах мира (Satisfaction with Life Index) – комбинированный показатель, который измеряет уровень субъективного благополучия людей в странах мира. Индекс и методология исследования разработаны в 2006 г. Эдрианом Уайтом (Adrian G. White), социальным психологом из Университета Личестера, Великобритания.

В настоящее время считается, что понятие счастья или удовлетворенности жизнью – одно из наиболее важных направлений исследований в области социологии, психологии, экономики и государственного управления. Показатели удовлетворенности жизнью стали особенностью нынешнего

политического дискурса и часто рассматриваются в качестве определенной альтернативы показателям экономического роста, так как в целом имеют больше общего с жизнью реальных людей, чем абстрактные экономические теории [7].

В индексе жизненной удовлетворенности субъективное благополучие сильно коррелирует со здоровьем граждан, с их богатством и с доступом к базовому образованию.

Индекс предполагается альтернативой к уже имеющимся способам анализа государственной политики, например к ВВП и ВВП.

Стоит отметить, что этот показатель собирается не просто опросом людей, но ещё и анализом социально-экономического развития страны.

Данные для этого индекса собираются из разных источников, в том числе из статистики ЮНЕСКО, ЦРУ, ВОЗ, New Economics Foundation, а также отчёта о развитии человечества и некоторых других. Несколько источников берётся из соображений всестороннего независимого анализа [8].

Для понимания психологической составляющей индекса удовлетворенности жизнью мы решили использовать опросник «Индекс жизненной удовлетворенности» (Life Satisfaction Index A, LSIA) Берниса Ньюгартена (Bernice L. Neugarten). Опросник был предложен еще в 1961 г. и предназначен для определения общего психологического состояния человека, степени его психологического комфорта и социально-психологической адаптации. Помимо интегрального показателя опросник позволяет выделить пять различных аспектов удовлетворенности жизнью. В нашей стране опросник был адаптирован Н.В. Паниной в 1993 г.

Опросник «Индекс жизненной удовлетворенности» включает в себя такие тонкости, как: интерес к жизни как противоположность апатии; решительность, целеустремленность, последовательность в достижении жизненных целей; согласованность между поставленными и реально достигнутыми целями; положительная оценка собственных качеств и поступков; общий фон настроения.

Однако мы считаем, что интегративному показателю, включающему в качестве основного носителя эмоциональную составляющую, в опроснике «Индекс жизненной удовлетворенности» необходимо понимание, насколько человек, имеющий высокий индекс жизненной удовлетворенности, способен успешно справляться со стрессогенными факторами. Для этого мы добавили в исследование «Шкалу чувства связности», показывающую три условных элемента, так как, по мнению самого А. Антоновского, их сложно отделить друг от друга: чувство понятности, постижимости (comprehensibility); чувство управляемости, подконтрольности (manageability); чувство осмысленности (meaningfulness).

**Корреляция шкал опросника
«Индекс жизненной удовлетворенности»
и показателей «Шкалы чувства связности»**

Шкала опросника «Индекс жизненной удовлетворенности»	Показатели «Шкалы чувства связности» А. Антоновского			
	Пости- стижи- жи- мость	Осмыс- лен- ность	Управ- ляе- мость	Общий показатель чувства связности
Индекс ЖУ	,227**	-,284**	–	–
Интерес к жизни	–	-,206*	–	–
Последовательность в достижении целей	–	-,346**	–	–
Согласованность между поставлен- ными и достигну- тыми целями	,168*	–	–	–
Положительная оценка себя и соб- ственных поступков	,233**	-,210*	–	–
Общий фон настро- ения	,233**	–	–	–

Чувство связности является синонимом понятия «чувство когерентности», поэтому в исследовании мы будем использовать оба понятия.

В салютогенной концепции здоровья А. Антоновского копинг и социальная поддержка являются центральными конструктами, определяющими понятие резистентности к стрессу. Личность выступает в роли модератора в определении стресса и поддержании психического и физического благополучия, а здоровье выступает как результирующая переменная действия этих факторов [9: с. 174].

Таким образом, «Шкала чувства связности» дает некий показатель психологического здоровья личности, и, по нашему мнению, этот показатель является важным аспектом в общем индексе удовлетворенности жизнью.

Цель нашего исследования заключается в установлении взаимосвязи между компонентами чувства когерентности и индексом жизненной удовлетворенности.

Объект исследования: удовлетворенность жизнью.

Предмет исследования: чувство когерентности в индексе удовлетворенности жизнью.

Гипотеза: чувство когерентности личности влияет на индекс жизненной удовлетворенности.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось на базе Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет», а также социальных учреждений г. Иркутска на протяжении 2019–2020 гг. Респонденты были разделены на младшую группу (от 18 лет до 21 года) и старшую группу (от 28 до 45 лет), группу мужчин и группу женщин. Общая численность выборки составила 150 человек, из них 79 респондентов младшая группа и 71 респондент старшая группа, 95 респондентов группа женщин и 55 респондентов группа мужчин.

Исследование было проведено с использованием двух методик. Первая методика «Шкала чувства связности» А. Антоновского, состоящая из 29 пунктов (15 прямых и 14 обратных вопросов), выявляет особенности так называемого чувства связности (или чувства когерентности) [6]. Вторая методика «Тест индекс жизненной удовлетворенности» (ИЖУ) (адаптация Н.В. Паниной), состоящая из 20 утверждений, отражает общее психологическое состояние человека, степень его психологического комфорта и социально-психологической адаптированности [10].

Результаты исследования и их обсуждение

После сбора информации нами был проведен анализ полученных данных.

Корреляция шкал опросника «Индекс жизненной удовлетворенности» и показателей «Шкалы чувства связности» была подсчитана с использованием коэффициента корреляции Пирсона (табл. 1).

Из табл. 1 мы видим, что шкала «постижимость» имеет высокую положительную корреляцию со шкалами «индекс жизненной удовлетворенности», «согласованность между поставленными и достигнутыми целями», «положительная оценка себя и собственных поступков», «общий фон настроения». Это говорит о том, что чем постижимее кажется мир человеку, чем больше человек уверен в том, что в неопределенных ситуациях можно обнаружить смысл и порядок, тем выше уверенность человека в том, что он достигает и может достигать любых важных для себя целей, тем выше оценка человеком собственных внешних и внутренних качеств, тем больше удовольствия и оптимизма в жизни такого человека, а значит, выше его индекс жизненной удовлетворенности.

Шкала «осмысленность» имеет высокую отрицательную корреляцию со шкалами «индекс жизненной удовлетворенности», «интерес к жизни», «последовательность в достижении целей», «положительная оценка себя и собственных поступков». Эти данные свидетельствуют о том, что чем больше человек погружается в окружающие процессы, считая их упорядоченными и небезразличными, чем больше человек включается в преодоление вызовов окружающего мира, тем меньше становится энтузиазма, тем покорнее человек реагирует на то, что приносит жизнь, тем ниже становится оценка человеком своей личности и своих поступков, а значит, тем ниже индекс жизненной удовлетворенности. Хотя А. Антоновский говорит о том, что в случае высокой осмысленности, даже если, например, работа для человека является осмысленной, она не обязательно приносит ему радость и внут-

ренное удовлетворение, но может рассматриваться им как средство, необходимое для реализации каких-то субъективно важных целей. Исходя из этого, стоит подчеркнуть, что для более высокого индекса жизненной удовлетворенности человеку все же важнее испытывать конструктивные эмоции в большинстве сфер жизни, пусть даже испытания окружающего мира будут восприниматься как бремя, которое хочется избежать, а не преодолеть. Здесь, скорее всего, реализуется стремление к гомеостазу и всеобщая неготовность к стрессам.

Уровень постижимости и осмысленности во многом зависит от отношения к своему прошлому и своему настоящему. Это было описано в нашей предыдущей статье [11]. Чем выше чувство постижимости, тем меньше плохого опыта в прошлом, тем меньше ощущения фаталистичности в настоящем. И наоборот, чем выше чувство осмысленности, тем негативнее прошлый жизненный опыт и тем выше подчиненность личности судьбе.

Далее мы отметили особенности корреляции признаков в зависимости от гендера и возраста (табл. 2 и 3).

Из табл. 2 мы видим, что индекс жизненной удовлетворенности у женщин несколько выше, чем у мужчин. Это указывает на то, что женщины чаще

мужчин оценивают положительно себя и свои поступки, они не готовы к покорному принятию всего, что приносит им жизнь.

Старшая возрастная группа также показывает большую жизненную удовлетворенность по сравнению с младшей, что может быть следствием того, что выборка старшей возрастной группы уже выработала стратегию в достижении своих целей, эти люди имеют более стабильную поддержку среди своих друзей и семей.

Показатели мужчин по всем шкалам табл. 3 значительно выше показателей женщин. Возможно потому, что при встрече с источником стресса мужчины склонны рассматривать потенциальные угрозы как вызовы, таящие новые возможности и, следовательно, стоящие того, чтобы активно искать пути к их преодолению и задействовать все имеющиеся ресурсы.

Для старшего возраста характерен более высокий уровень управляемости и постижимости, а также более высокий общий уровень чувства связности. Скорее всего, это связано с тем, что молодым людям не хватает уверенности в своих силах, чтобы постигать мир и управлять им.

Полученные различия подкрепляются частично, как показано на рис. 1 и 2.

Таблица 2

Сравнение средних значений по тесту ИЖУ в группе мужчин и группе женщин, младшей и старшей возрастных группах

Шкала	Среднее значение в группе мужчин	Среднее значение в группе женщин	Уровень значимости	Среднее значение в старшей возрастной группе	Среднее значение в младшей возрастной группе	Уровень значимости
Индекс ЖУ	26,1455	27,6947	0,184	28,0845	26,2658	0,103
Интерес к жизни	5,3636	5,5895	0,556	5,6056	5,4177	0,612
Последовательность в достижении целей	5,5091	6,1684	0,018	5,9296	5,9241	0,984
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	4,8364	4,9053	0,839	5,1408	4,6456	0,129
Положительная оценка себя и собственных поступков	5,2364	5,6842	0,133	6,0141	5,0759	0,001
Общий фон настроения	5,2000	5,3789	0,596	5,3944	5,2405	0,637

Таблица 3

Сравнение средних значений по шкале чувства связности в группе мужчин и группе женщин, младшей и старшей возрастных группах

Шкала	Среднее значение в группе мужчин	Среднее значение в группе женщин	Уровень значимости	Среднее значение в старшей возрастной группе	Среднее значение в младшей возрастной группе	Уровень значимости
Общий уровень ЧС	114,4182	102,3895	0,000	109,2113	104,6329	0,071
Постижимость	46,5273	42,6421	0,002	45,6338	42,6582	0,012
Осмысленность	30,8000	27,0842	0,000	28,4507	28,4430	0,994
Управляемость	37,0909	32,6632	0,001	35,1268	33,5316	0,222

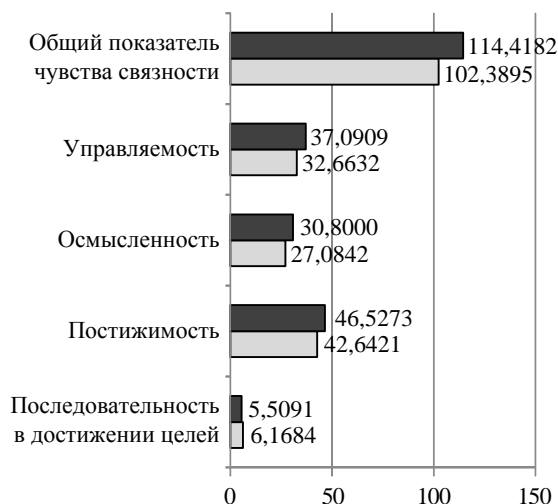

Рис. 1. Значимые различия показателей шкал «общий показатель ЧС», «управляемость», «осмысленность», «постижимость», «последовательность в достижении целей» в группах мужчин и женщин: ■ – группа мужчин; □ – группа женщин

Как мы видим на рис. 1, значимые различия между группами мужчин и женщин проявляются по шкалам «общий показатель чувства связности» ($M_m = 114,4182$, $M_{ж} = 102,3895$; $p = 0,000$), «постижимость» ($M_m = 46,5273$, $M_{ж} = 42,6421$; $p = 0,002$), «управляемость» ($M_{ж} = 32,6632$, $M_m = 37,09$; $p = 0,001$), «осмысленность» ($M_{ж} = 27,0842$, $M_m = 30,8000$; $p = 0,000$), «последовательность в достижении целей» ($M_m = 5,5091$, $M_{ж} = 6,1684$; $p = 0,018$). Это свидетельствует о том, что женщины более стойкие и решительные в отношении к достижению поставленных ими целей, реализации задуманных планов. Однако мужчины чаще рассматривают стимулы, с которыми они сталкиваются, как имеющие когнитивный смысл, им достаточно ресурсов, чтобы соответствовать требованиям, которые выдвигает перед ними жизнь, окружающий мир для мужчин в большей степени не только упорядочен, но и не безразличен им.

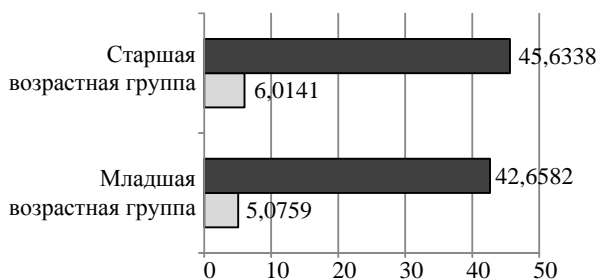

Рис. 2. Значимые различия показателей шкал «постижимость» и «положительная оценка себя и собственных поступков» в старшей и младшей возрастных группах: ■ – постижимость; □ – положительная оценка себя и своих поступков

В старшей и младшей же возрастных группах значимые различия выявляются только по шкалам «постижимость» ($M_c = 45,6338$, $M_m = 42,6582$; $p = 0,012$) и «положительная оценка себя и собственных поступков» ($M_c = 6,0141$, $M_m = 5,0759$; $p = 0,001$). Это значит, что с возрастом когнитивная постижимость жизни становится более осязаемой, а также более положительным становится оценивание своих внешних и внутренних качеств. Что, с одной стороны, приводит к сокращению риска в жизни и необдуманных поступков, а с другой стороны, наполняет большей уверенностью, что все происходящее для чего-то нужно.

Таким образом, если исходить из позиции, что индекс удовлетворенности жизнью с психологического ракурса можно исследовать методикой «Индекс жизненной удовлетворенности» Б. Ньюгартена, которая измеряет общее психологическое состояние человека, степень его психологического комфорта и социально-психологической адаптированности, то, по нашему мнению, методика «Шкала чувства связности» однозначно связана с индексом жизненной удовлетворенности через аспекты самотогенетической концепции А. Антоновского.

Заключение

В результате исследования нами было выявлено, что чувство когерентности личности действительно влияет на индекс удовлетворенности жизнью, в большей степени за счет чувства постижимости и чувства осмысленности.

Индекс удовлетворенности жизнью включает в себя две очень важные, практически обратно пропорциональные друг другу шкалы чувства когерентности: «постижимость» и «осмысленность», где в идеале когнитивная постижимость жизни должна стремиться к возрастанию, а эмоциональная осмысленность – к снижению.

Что касается половозрастных различий в индексе удовлетворенности жизнью, то:

1) женщинам важнее сохранять порядок и некоторую структуру в достижении целей, хаос лишает чувства удовлетворения от жизнедеятельности и истощает;

2) мужчинам важнее владеть чувством когерентности в полном объеме: постигать, осмысливать, управлять. Без этого мужчины перестают развиваться и ощущать себя частью важного целого;

3) чем старше становится человек, тем актуальнее становится когнитивная постижимость и положительное оценивание себя и собственных поступков. Если в возрасте от 18 до 21 люди чаще всего рискуют, пытаются найти и предьявить себя, видят вокруг информацию хаотичную и пытаются ее структурировать по своему разумению, то люди от 28 до 45 лет уже понимают, что и из чего состоит, что стоит того, чтобы в него вкладывать свои силы.

Список источников

1. Габдулина Л.И. Удовлетворённость жизнью и её объективные детерминанты в период взрослости // Северо-Кавказский психологический вестник. 2008. № 6/4. С. 42–48.
2. Шилова Л.С. Характер проведения семейного досуга и удовлетворенность браком // Стабильность семьи как социальная проблема. 1978. С. 129–135.
3. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования : монография. Москва : Институт психологии РАН, 2006. 170 с.
4. Рикель А.М., Тунияц А.А., Батырова Н. Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах // Вестник московского университета. Психология. 2017. № 2. С. 64–82.
5. Коростелева Т.В. Личностные ресурсы в управлении качеством жизни молодежи: стратегии, инструменты, измерения : монография. Санкт-Петербург : Научное издание технологий, 2020. 148 с.
6. Осин Е.Н. Чувство связности как показатель психологического здоровья и его диагностика // Психологическая диагностика : научно-методический и практический журнал. 2007. № 3. С. 22–40.
7. Рейтинг стран мира по индексу удовлетворенности жизнью // Гуманитарный портал ISSN 2310-1792. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/satisfaction-with-life-index> (дата обращения: 05.08.2022).
8. Карта слов и выражений русского языка. Kartaslov.ru. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 19.07.2022).
9. Психология кризисных и экстремальных ситуаций : учебник / под ред. Н.С. Хрустальной. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 748 с.
10. Панина Н.В. Индекс жизненной удовлетворенности // Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути. Москва : Прогресс-Культура, 1993. С. 107–114.
11. Гаевская Л.Г. Чувство когерентности во временной перспективе // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 2.

References

1. Gabdulina L.I. Udovletvorjonnost' zhizn'ju i ejo obektivnye determinanty v period vzroslosti [Satisfaction with life and its objective determinants in adulthood]. Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik. 2008, no. 6/4, pp. 42–48.
2. Shilova L.S. Harakter provedenija semejnogo dosuga i udovletvorennost' brakom [The nature of family leisure activities and satisfaction with marriage]. Stabil'nost' sem'i kak social'naja problema [Family stability as a social problem]. Moskva, 1978, pp. 129–135 (in Russian).
3. Savchenko T.N., Golovina G.M. Subektivnoe kachestvo zhizni: podhody, metody ocenki, prikladnye issledovaniya [Subjective quality of life: approaches, assessment methods, applied research]. Moskva: Institut psihologii RAN, 2006. 170 p. (in Russian).
4. Rikel' A.M., Tunijanc A.A., Batyrova N. Ponjatje subektivnogo blagopoluchija v gedonisticheskom i jevdemonisticheskom podhodah [The concept of subjective well-being in hedonistic and eudemonistic approaches]. Vestnik moskovskogo universiteta. Psihologija. 2017, no. 2, pp. 64–82.
5. Korosteleva T.V. Lichnostnye resursy v upravlenii kachestvom zhizni molodezhi: strategii, instrumenty, izmerenija [Personal resources in managing the quality of life of young people: strategies, tools, measurements]. Sankt-Peterburg: Naukoemkie tehnologii, 2020. 148 p. (in Russian).
6. Osin E.N. Chuvstvo svjaznosti kak pokazatel' psihologicheskogo zdorov'ja i ego diagnostika [Sense of coherence as an indicator of psychological health and its diagnostics]. Nauchno-metodicheskij i prakticheskij zhurnal. Psihologicheskaja diagnostika. 2007, no. 3, pp. 22–40.
7. Rejting stran mira po indeksu udovletvorennosti zhizn'ju [Ranking of countries in the world according to the life satisfaction index]. URL:<https://gtmarket.ru/ratings/satisfaction-with-life-index> (accessed on August 05, 2022) (in Russian).
8. Karta slov i vyrazhenij russkogo jazyka. Kartaslov.ru [Map of words and expressions of the Russian language. Kartaslov.ru]. URL:<https://kartaslov.ru> (accessed on July 19, 2022) (in Russian).
9. Psihologija krizisnyh i jekstremal'nyh situacij: uchebnik [Psychology of crisis and extreme situations: textbook] / N.S. Hrustal'noj. Sankt Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2018. 748 p. (in Russian).
10. Panina N.V. Indeks zhiznenoj udovletvorennosti [Life satisfaction index]. In: Lifeline i drugie novye metody psihologii zhiznennogo puti [Lifeline and other new methods of life path psychology]. Moskva, 1993. pp. 107–114 (in Russian).
11. Gaevskaja L.G. Chuvstvo kogerentnosti vo vremennoj perspektive [Sense of coherence in time perspective]. Baikal Research Journal. 2021, T. 12, no. 2.

Информация об авторе

Л.Г. Гаевская – аспирант кафедры «Общая психология, психология личности и история психологии».

Information about the author

L.G. Gaevskaya – PhD student, Department of General Psychology, Psychology of Personality and History of Psychology.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья
УДК 159.9.072
doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-86-92

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАННИХ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ У ВЗРОСЛЫХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ АГРЕССИВНОСТИ

Елена Александровна Кедярова¹, Наталия Игоревна Светлакова², Вера Владимировна Монжиевская³,
Маргарита Юрьевна Уварова⁴, Надежда Игоревна Чернецкая⁵✉
^{1, 2, 3, 4, 5}Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
⁵cherna@yandex.ru✉

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного эмпирического исследования содержательных различий в ранних детских воспоминаниях взрослых с разным уровнем агрессивности. Доказано, что у более агрессивных испытуемых в ранних детских воспоминаниях чаще встречаются невротические отношения с матерью, пассивная модель поведения, отрицательные типы событий. Менее агрессивные испытуемые достоверно чаще показывают в своих ранних воспоминаниях признаки успешной социализации, активный тип реагирования и более гармоничные отношения с окружением.

Ключевые слова: глубинная психология А. Адлера, ранние детские воспоминания, агрессивность взрослых

Original article

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF EARLY CHILDHOOD MEMORIES OF ADULTS WITH DIFFERENT LEVEL OF AGGRESSION

Elena A. Kedyarova¹, Natalia I. Svetlakova², Vera V. Monzhievskaya³, Margarita Yu. Uvarova⁴,
Nadezhda I. Chernetskaya⁵✉
^{1, 2, 3, 4, 5}Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
⁵cherna@yandex.ru✉

Abstract. The article presents the results of a comparative empirical study of meaningful differences in early childhood memories of adults with different levels of aggression. It has been proven that more aggressive subjects in their early childhood memories often have neurotic relationships with the mother, a passive model of behavior, and negative types of events. Less aggressive subjects significantly more often show in their early memories signs of successful socialization, an active type of response, and more harmonious relations with the environment.

Keywords: A. Adler's depth psychology, early childhood memories, adult aggression

Анализ ранних детских воспоминаний является одним из популярных диагностических методов, направленных на глубинное изучение личности, но в настоящий момент в психологии наблюдается дефицит исследований ранних детских воспоминаний у лиц с разным уровнем агрессивности. Обычно ранние детские воспоминания (далее – РДВ) рассматриваются с точки зрения эффективности в отношении психологического сопровождения какого-либо контингента (правонарушители, лица с определенными психотравмами в прошлом и т.п.) [1; 2]. Имеются и исследования связей РДВ с профессиональным выбором [3].

Между тем наибольшее значение в практике психологической помощи и психологическом сопровождении взрослых имеют исследования, где содержание РДВ связывается с чертами личности человека, его дезадаптивными особенностями [4–7]. В этой связи проблема агрессивности личности

интересна в контексте выявления ее отражения в РДВ, ведь агрессивность часто выступает своеобразным индикатором личностного благополучия и отражением жизненных стратегий, усвоенных в раннем детстве [8].

Определив предметом настоящего исследования особенности ранних детских воспоминаний у взрослых с разным уровнем агрессивности, мы обозначили основную его цель – исследование особенностей содержания ранних детских воспоминаний у взрослых с разным уровнем агрессивности. Мы склонны предполагать, что уровень агрессивности у взрослых с преобладающими негативными РДВ выше, чем у людей с позитивными РДВ. Также мы полагаем, что лица с разным уровнем агрессивности обнаруживают разные содержательные свойства ранних детских воспоминаний (присутствующие в воспоминаниях лица, тип событий, отраженных в воспоминаниях, и т.д.).

Каждое воспоминание представляет для человека нечто значимое. Большинство исследователей РДВ убеждены, что случайных воспоминаний не бывает, и само по себе событие не так важно, как тот факт, что из бесчисленного множества впечатлений и событий своей жизни человек выбирает для воспроизведения именно конкретные детские переживания [6; 9; 10].

3. Фрейд считал, что детские воспоминания – это позднейшая обработка давних впечатлений, подвергшихся воздействию различных психических сил более позднего времени, но при этом они остаются отражением реальных событий, происшедших в прошлом человека [11].

Исследование ранних детских воспоминаний – источник очень важной информации о личности, о том, что происходит с ней в настоящий момент, и это подтверждено многократно в эмпирических исследованиях. Так, исследователи протестировали 177 человек в возрасте от 18 до 87 лет и выявили связь между детскими воспоминаниями и личностными характеристиками взрослых и то, с какими эмоциями они вспоминают период детства. Самое раннее детское воспоминание было примерно к 4 годам. Отмечено, что те люди, которые очень хорошо помнят себя в раннем детстве, более спокойны, отличаются адекватной самооценкой, не склонны к конфликтам. Также люди, у которых приятные воспоминания о детстве, более общительны, эмоционально устойчивы. У тех, у кого преобладали негативные воспоминания, выявлено более негативное самоотношение [4; 5].

А. Адлер рассматривал ранние детские воспоминания в качестве главного метода изучения личности, так как они позволяют лучшим образом узнать образ жизни человека. Образ жизни человека понимается как уникальная связь черт, привычек, поведения, это показывает всю картину жизни человека. А. Адлер придавал большое значение именно ранним воспоминаниям, так как в них отражаются основные жизненные установки, основные проблемы и трудности жизни, оценка самого себя [12].

Неважно, правду ли говорит человек о своих воспоминаниях или все же приукрашивает и выдумывает, это история его жизни, он может это делать для того, чтобы успокоить или предостеречь себя от каких-либо событий [12].

М. Мэйман трактовал РДВ как отражение центрального ядра психодинамики человека, его главных мотиваций и эмоциональных проблем. В связи с этим РДВ имеют и диагностическую, и прогностическую функцию [7]. М. Мэйман исследовал и манифестируемое, и латентное содержание РДВ, изучая как содержащуюся в РДВ бессознательную информацию в отношении восприятия человеком окружающего мира и других людей, так и более

осознанную актуальную информацию о текущих значимых темах и затруднениях. Вклад ученого расширил возможности исследования проективного содержания РДВ для получения информации об индивидуальности и этиологии психологических проблем. Согласно М. Мейману, в РДВ отражаются структура характера, особенности объектных отношений, специфика прохождения различных стадий психосексуального развития [7].

Ранние детские воспоминания, которые содержат негативные эмоциональные переживания, отражают самые важные моменты из жизни человека, в которых не достигли своей цели. А.Р. Брюн трактует РДВ как метафоры фактических событий жизни, заключающих в себе информацию о том, почему человек стал именно таким, какой он есть, как он видит мир на данный момент. По А.Р. Брюну, все воспоминания располагаются в иерархическом порядке, самые важные проблемы, которые человек испытывает в настоящем, отражены в РДВ, они извлекаются из памяти в данный момент. Эти проблемы формируются еще в детстве и развиваются в процессе всей жизни [6].

РДВ – это мощнейший источник получения бессознательной информации, в них отражены важнейшие психологические аспекты личности, которые влияют на личность в течение всей жизни.

Самым особым значением для всей жизни человека является самое первое воспоминание. Воспоминания из событий детства – важный источник развития личности, которые обеспечивают стабильность всех психических свойств. Сюжет «первого воспоминания» нередко воспринимается и самим человеком как жизненный сценарий. Настоящему имеет значение не определенное реальное событие прошлого, а потребность личности начать строительство истории своей жизни, пронизанной причинно-следственными связями [12].

В общепринятой схеме анализа ранних воспоминаний на основе смысловых и вербальных особенностей воспоминания делаются выводы относительно социальной адаптации исследуемого. Результатом анализа ранних детских воспоминаний является положение А. Адлера о «жизненном стиле личности» [12]. В индивидуальной психологии под таким образом принято понимать свойственную человеку концепцию жизни (значение, которое человек придает миру и самому себе, направленности своих устремлений) и выработанные им паттерны поведения (привычки, подходы к решению жизненных проблем) [6].

Смысловыми элементами служит ребенок и то, что он чувствует, присутствие близких или же посторонних людей и взаимодействие с ними. Интересно ли ребенку с ними или же его интерес направлен на самого себя. О том, что ребенок социально

адаптирован, свидетельствует и то, что в его воспоминаниях фигурируют посторонние люди [9].

У А. Адлера нет четкого описания процедуры анализа РДВ, на основании интуитивно-качественного анализа мы можем сделать выводы, что одни и те же элементы могут быть как благополучны, так и неблагополучны с точки зрения адаптации.

Для описания техники переживания РДВ также используются пространственные измерения: «расширение, сужение психологического пространства» определяет поле личности, в котором закреплён отрицательный и положительный образ событий, «направление отождествляется с механизмами отреагирования и переключения, «расстояния» – параметр, который отвечает способом диагностики сближения или отдаления с окружающими людьми, «замыкание, размыкание психологического пространства», в котором активность личности находит отражение по преодолению или постройке барьеров в межличностных отношениях [6; 10; 12].

Агрессивность же выступает и как личностная черта, и как элемент стиля реагирования, и как особенность поведения. В любом случае она формируется преимущественно в детстве и потому может отражаться в РДВ, создавая особенности воспоминаний и позволяя прогнозировать на их основе определенное социальное поведение [8].

На формирование агрессивности влияет множество факторов, такие как обстановка в семье, как общаются родители между собой и с самим ребенком, запреты на свободное время, неуважение к ребенку, давление со стороны сверстников, уровень эмоционального напряжения, те образцы проявления агрессивного поведения, что видит ребенок, откладываются у него в памяти, это агрессивное поведение он берет за норму.

Исследователи считают, что наиболее значимый возраст для формирования агрессии от рождения до пяти лет, ведь именно в этом возрасте для ребенка устанавливаются нормы поведения, правила. Эмоциональные связи со значимыми взрослыми в этом возрасте также особенно значимы и напрямую формируют личность ребенка, включая его агрессивность [8; 9].

Таким образом, закономерно полагать, что агрессивность взрослой личности не просто отражается в ее РДВ, но и связана с их содержанием, и целесообразно изучать РДВ человека и его агрессивность в сопоставительном ключе.

Эмпирическое исследование было проведено в «НС Компания» г. Иркутска, находящейся по адресу: г. Иркутск, пос. Молодёжный, ул. Школьная, 30г/3-1.

В соответствии с поставленной целью и гипотезой в данном исследовании случайным образом была сформирована общая выборка, которую со-

ставили сотрудники фирмы «НС Компания» в количестве 30 человек – 15 мужчин и 15 женщин. Возрастная группа находится в диапазоне от 28 до 36 лет. Заняты в сфере умственного труда, технических интересов, сфере обслуживания. Образование 18 человек – высшее, 12 человек – среднеспециальное. 23 испытуемых состоят в официально зарегистрированном браке, 7 человек не состоят в браке.

Были применены следующие психодиагностические методики: 1) тест на определение агрессивности (опросник Басса–Дарки), 2) метод анализа ранних детских воспоминаний А. Адлера. В качестве метода математической и статистической обработки эмпирических данных использовано угловое преобразование Фишера.

Рассмотрим последовательно различия между группами испытуемых с высоким и низким уровнями агрессивности по отдельным параметрам ранних детских воспоминаний. На рис. 1 представлены различия между названными группами по критерию присутствующих в воспоминаниях лиц.

Рис. 1. Данные по категории «персонажи, люди, упомянутые в ранних воспоминаниях» у взрослых с разным уровнем агрессивности, %: ■ – высокий уровень агрессивности; □ – низкий уровень агрессивности

Из представленных данных видно, что взрослые с высоким уровнем агрессивности (группа 1) гораздо чаще называли в своих воспоминаниях мать, отца, а также бабушек и дедушек.

Можно предполагать, что у респондентов с высокой агрессивностью отношения с матерью либо невротически симбиотические, так что мать словно заполняла все эмоциональное пространство ребенка, либо фрустрированные, связанные с протестом и попытками установить автономию. Второе может косвенно подтверждаться гораздо более частым присутствием в РДВ агрессивных испытуемых их родственников (отцы, бабушки, дедушки), которые,

согласно схеме А. Адлера, при отсутствии материнского принятия выполняют замещающие функции.

Стоит отметить, что в группе агрессивных испытуемых родители в РДВ нередко играли либо негативную роль, либо с ними было связано какое-либо наказание (53 % из группы).

У группы с низким уровнем агрессивности (группа 2) в РДВ чаще присутствует комбинация персонажей «мать и лица, не являющиеся членами семьи», реже всего в РДВ у них встречаются животные и сверстники. Это дает основания полагать, что для этих взрослых в детстве не было характерно замещение материнских функций, а социализация была более успешной.

Выявлены достоверные различия между группами по таким критериям, как «мать» – $\varphi^*_{эмп} = 3,631$ при $p < 0,01$, «отец» – $\varphi^*_{эмп} = 2,995$ при $p < 0,01$, «братья, сестры» – $\varphi^*_{эмп} = 2,695$ при $p < 0,01$, «животные» – $\varphi^*_{эмп} = 2,578$ при $p < 0,01$, «бабушки, дедушки» – $\varphi^*_{эмп} = 3,058$ при $p < 0,01$.

Рассмотрим следующую категорию детских воспоминаний – «тип событий». Различия по этой категории между сравниваемыми группами испытуемых представлены на рис. 2.

Рис. 2. Данные по категории «тип событий» у взрослых с разным уровнем агрессивности, %: ■ – высокий уровень агрессивности; □ – низкий уровень агрессивности

Из сопоставительного анализа по данной категории мы видим, что у взрослых с высоким уровнем агрессивности в РДВ преобладают «новые ситуации, в которых оказался ребенок», и «радостные события».

Считается, что детство, сопряженное в большей степени с новыми ситуациями и радостными событиями, формирует в личности решительность, предприимчивость, активность. В этой связи закономерно говорить о том, что у более агрессивных взрослых в детстве сформировался навык «пробиваться», идти вперед, самостоятельно прокладывать себе дорогу.

Однако в группе с высоким уровнем агрессивности нередко ситуация закончилась в отрицатель-

ном ключе: либо респондент получил травму («...упав с дерева, сломал руку в двух местах»), либо отругали родители («родители посадили под домашний арест») и т.п. В группе с низким уровнем агрессивности данные ситуации чаще разрешались в позитивном ключе («...так я нашел своего лучшего друга», «...так у нас дома осталась жить собака, которую мы называли Берта») и т.п. В этом смысле испытуемые с низкими показателями агрессивности демонстрируют более адаптивное содержание РДВ.

Также мы констатировали, что взрослые с низким уровнем агрессивности ни разу не упоминали в РДВ ситуации из категорий «болезни и смерти людей» и «проступки, кражи, сексуальные шалости» в отличие от взрослых с высоким уровнем агрессивности. Это позволяет предполагать хотя бы отчасти компенсаторный характер агрессивности в группе 1: их агрессивность хотя бы частично стала выработанной схемой реагирования на фрустрирующие ситуации.

Выявлены статистически достоверные различия между группами по таким типам событий в РДВ, как «болезни и смерти людей» – $\varphi^*_{эмп} = 2,353$ при $p < 0,01$, и «радостные события» – $\varphi^*_{эмп} = 3,058$ при $p < 0,01$.

Далее рассмотрим различия по такой категории анализа РДВ, как активность-пассивность субъекта (рис. 3).

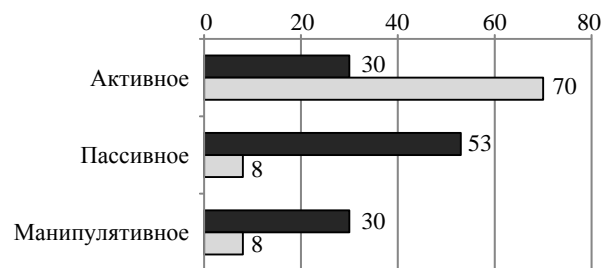

Рис. 3. Данные по категории «активность-пассивность субъекта» у взрослых с разным уровнем агрессивности, %: ■ – высокий уровень агрессивности; □ – низкий уровень агрессивности

Из представленных данных видно, что испытуемые с высоким уровнем агрессивности чаще строили свой рассказ с пассивной позиции. В данном случае мы можем предположить наличие избегающей стратегии и выраженный мотив избегания неудач. Группа с низким уровнем агрессивности чаще строила повествование, описывая активные и самостоятельные действия. В данном случае можно говорить о большей эмоциональной и поведенческой зрелости личности (при условии позитивных эмоций в ранних воспоминаниях).

Были выявлены значимые различия между группами по таким критериям, как «пассивный» – $\varphi^*_{эмп} = 2,898$ при $p < 0,01$, а также в зоне неопре-

делённости находится критерий «активный» с тенденцией к «зоне значимости» – $\varphi^*_{эмп} = 2,223$ при $p < 0,01$ и $p > 0,05$.

Далее рассмотрим такую категорию РДВ, как эмоции (рис. 4).

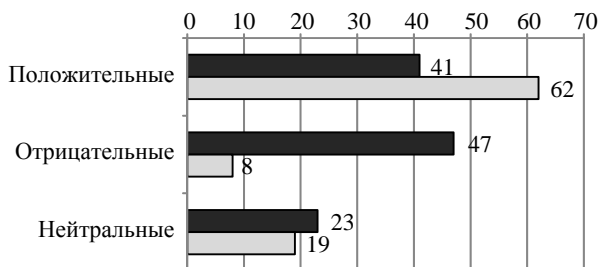

Рис. 4. Данные по категории «эмоции» у взрослых с разным уровнем агрессивности, %: ■ – высокий уровень агрессивности; □ – низкий уровень агрессивности

У взрослых с высоким уровнем агрессивности в повествовании чаще проявлялась отрицательная эмоциональная окраска РДВ либо в воспоминаниях менялся эмоциональный фон с положительного на отрицательный («...мы играли в войнушку, светило солнце и было тепло, но вскоре небо затянулось облаками и началась какая-то пыльная буря. Мне стало страшно...»). Данный признак может указывать на то, что агрессивность у испытуемых группы 1 часто маскирует тревогу или является ее компенсацией.

У группы взрослых с низким уровнем агрессивности преобладает положительный эмоциональный фон ранних воспоминаний. Были статистически подтверждены различия по критерию «отрицательный эмоциональный фон РДВ» ($\varphi^*_{эмп} = 2,898$ при $p < 0,01$).

Рассмотрим последнюю категорию – речевой анализ воспоминаний (рис. 5).

Рис. 5. Данные по категории «речевой анализ воспоминаний» у взрослых с разным уровнем агрессивности, %: ■ – высокий уровень агрессивности; □ – низкий уровень агрессивности

Испытуемые с высоким уровнем агрессивности чаще демонстрировали такие речевые признаки, как «исправления, зачеркивания», а также «количество и частота употребления местоимения Я». Это указывает на более выраженную в группе агрессивных испытуемых демонстративность, наличие истерических тенденций и тревожность. Меньше всего данная группа демонстрирует признак «употребление собственных имен».

Испытуемые с низким уровнем агрессивности чаще демонстрировали признаки «употребление собственных имен» и «частое употребление союза и», что является проявлением здорового эгоизма и желания принадлежности к социальной группе.

Были статистически подтверждены различия между группами по критерию «исправления, зачеркивания» – $\varphi^*_{эмп} = 3,112$ при $p < 0,01$, и «количество и частота употребление местоимения Я» – $\varphi^*_{эмп} = 3,219$ при $p < 0,01$. Также в зоне неопределённости находится признак «большое количество прилагательных» с тенденцией к «зоне значимости» – $\varphi^*_{эмп} = 2,253$ при $p < 0,01$ и $p > 0,05$.

Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы.

Обе группы респондентов используют в своих ранних воспоминаниях фигуры матери и отца, однако респонденты из группы с высоким уровнем агрессивности достоверно чаще говорили о матери с негативным подтекстом, нежели респонденты с низким уровнем агрессивности. В целом по результатам исследования правомерно говорить о более невротических или фрустрирующих отношениях с матерью у лиц с высокой агрессивностью. Также закономерно предполагать, что у многих агрессивных взрослых эта агрессивность носит компенсаторный характер в результате привычной реакции на фрустрацию материнской любви в детстве.

Тип событий у всей выборки мог меняться в процессе повествования, но, тем не менее, были статистически определены значимые различия групп по критериям «болезни и смерти людей» и «радостные события». В РПД более агрессивных испытуемых чаще встречаются негативные типы событий или же описания новых ситуаций, в которых от человека требовалось применение агрессивности.

Большинство взрослых с высоким уровнем агрессивности имеют склонность описывать свое детство с пассивной позиции, с большой вероятностью чаще практикуя эту позицию и в настоящем. Можно на этой основе предполагать наличие типового невротического конфликта агрессивных взрослых между желаемой и более безопасной пассивной позицией в жизни и агрессивностью как способом достижения желаемого. Вероятно, поэтому отрицательно окрашенные РДВ чаще встречаются у лиц с высокой агрессивностью – названный конфликт проживался ими еще в детстве.

У группы с высоким уровнем агрессивности прослеживается тенденция к личностной тревожности, обусловленная некоторыми критериями РДВ (в их текстах статистически больше исправлений, зачеркиваний, помарок, смысловых разрывов). Для агрессивных взрослых в большей степени характерны речевые реакции отделения от других, поиска автономии.

Таким образом, в результате проведенного исследования удалось подтвердить выдвинутую ги-

потезу и доказать, что РДВ агрессивных взрослых значительно отличаются от РДВ лиц с низкой агрессивностью по ряду содержательных признаков. Это указывает как на то, что по РДВ можно успешно прогнозировать уровень и характер агрессивности личности в психотерапевтическом / психоконсультационном процессе, так и на то, что агрессивность в случае с соответствующими ей признаками РДВ носит явный дезадаптивный характер и нуждается в специальной психологической работе.

Список источников

1. Левин Л.М., Бокова Н.В. Сравнительный анализ ранних воспоминаний несовершеннолетних правонарушителей, совершивших преступления различной степени тяжести // Психология и право. 2017. Т. 7, № 3. С. 1–16. doi:10.17759/psylaw.2017070301
2. Труве Э.И. Изучение особенностей ранних воспоминаний подростков, воспитывающихся в дисфункциональных семьях // Северо-Кавказский психологический вестник. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-osobennostey-rannih-vozpominaniy-podrostkov-vozpityvayuschih-sya-v-disfunktsionalnyh-semyah> (дата обращения: 29.09.2022).
3. Manaster G.J., Perryman T.B. Early recollections and occupational choice // Journal of Individual Psychology. 1974. Vol. 30. P. 232–237.
4. Галимзянова М.В., Касьяник П.М., Романова Е.В. Ранние детские воспоминания взрослых с различными дезадаптивными схемами // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2017. Т. 7, № 1. С. 66–80. (Психология).
5. Галимзянова М.В., Романова Е.В., Касьяник П.М. Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней зрелости // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2016. Вып. 3. С. 109–125. (Сер. 16).
6. Bruhn A.R. Using early memories as a projective technique: The cognitive perceptual method // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49. P. 587–597.
7. Mayman M. Early memories and character structure // Journal of Projective Techniques and Personality Assessment. 1968. Vol. 32. P. 303–316.
8. Смирнова Е.О., Хузеева Г.Р. Психологические особенности и варианты детской агрессивности // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 17–26.
9. Галимзянова М.В. Субъективные переживания детства, отношения в семье и формирование личности взрослого // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2008. Вып. 3. С. 98–107. (Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика).
10. Кокоева Р.Т. Интерпретация метода ранних воспоминаний А. Адлера // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-9. С. 2079–2081. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35900> (дата обращения: 29.09.2022).
11. Фрейд З. Психоанализ и детские неврозы. Санкт-Петербург : Речь, 1997. 295 с.
12. Адлер А. Наука жить. Санкт-Петербург : Питер, 2021. 240 с.

References

1. Levin L.M., Bokova N.V. Sravnitel'nyj analiz rannih vospominanij nesovershennoletnih pravonarushitelej, sovershivshih prestupleniya razlichnoj stepeni tyazhesti [Comparative analysis of early memories of juvenile offenders who have committed crimes of varying severity] [Elektronnyj resurs] // Psihologiya i pravo. 2017. T. 7, № 3. S. 1–16. doi:10.17759/psylaw.2017070301
2. Truve E.I. Izuchenie osobennostej rannih vospominanij podrostkov, vospityvayushchih-sya v disfunktsional'nyh sem'yah [Studying the features of early memories of adolescents brought up in dysfunctional families] // Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-osobennostey-rannih-vozpominaniy-podrostkov-vozpityvayuschih-sya-v-disfunktsionalnyh-semyah> (data obrashcheniya: 29.09.2022).
3. Manaster G.J., Perryman T.B. Early recollections and occupational choice // Journal of Individual Psychology. 1974. Vol. 30. P. 232–237.
4. Galimzyanova M.V., Kas'yanik P.M., Romanova E.V. Rannie detskie vospominaniya vzroslyh s razlichnymi dezadaptivnymi skhemami [Early childhood memories of adults with various maladaptive schemas] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya. 2017. T. 7, № 1. S. 66–80.
5. Galimzyanova M.V., Romanova E.V., Kas'yanik P.M. Vyrashennost' rannih dezadaptivnyh skhem i rezhimov funkcionirovaniya skhem u muzhchin i zhenshchin v period rannej, srednej i pozdnej vzroslosti [The severity of early maladaptive schemas and modes of functioning of schemas in men and women in the period of early, middle and late adulthood] // Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 16. 2016. Vyp. 3. S. 109–125.
6. Bruhn A.R. Using early memories as a projective technique: The cognitive perceptual method // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49. P. 587–597.
7. Mayman M. Early memories and character structure // Journal of Projective Techniques and Personality Assessment. 1968. Vol. 32. P. 303–316.
8. Smirnova E.O., Huzeeva G.R. Psihologicheskie osobennosti i varianty detskoj agressivnosti [Psychological Peculiarities and Varieties of Children's Aggressiveness] // Voprosy psihologii. 2002. № 1. S. 17–26.

9. Galimzyanova M.V. Sub"ektivnye perezhivaniya detstva, otnosheniya v sem'e i formirovanie lichnosti vzroslogo [Subjective experiences of childhood, family relationships and the formation of an adult's personality] // Vestn. S.-Peterb. un-ta. 2008. Vyp. 3, s. 98–107. (Ser. 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika).

10. Kokoeva R. T. Interpretaciya metoda rannih vospominanij A. Adlera [Interpretation of the method of early memories of A. Adler] // Fundamental'nye issledovaniya. 2014. № 11-9. S. 2079–2081. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35900> (data obrashcheniya: 29.09.2022).

11. Frejd Z. Psihoanaliz i detskie nevrozy [Psychoanalysis and childhood neuroses]. SPb.: Rech', 1997. 295 s.

12. Adler A. Nauka zhit' [Science of Living]. SPb: Piter, 2021. 240 s.

Информация об авторах

Е.А. Кедярова – кандидат психологических наук, доцент;

Н.И. Светлакова – слушатель программы профессиональной переподготовки;

В.В. Монжиевская – кандидат педагогических наук, доцент;

М.Ю. Уварова – кандидат психологических наук, доцент;

Н.И. Чернецкая – доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors

E.A. Kedyarova – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

N.I. Svetlakova – Student of the professional retraining program;

V.V. Monzhievskaya – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

M.Yu. Uvarova – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

N.I. Chernetskaya – Doctor of Sciences (Psychology), Professor.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.99

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-93-99

ПЕРЕОЦЕНКА СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО РОСТА ЖЕНЩИН – ЖЕРТВ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

Ирина Владиленовна Ярославцева¹, Ирина Савельевна Шахова², Анастасия Александровна Горюнова³

^{1,2}Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

¹ya-irk@yandex.ru

²shahova-irina@lenta.ru

³Иркутск, Россия, anapol87@mail.ru

Аннотация. В статье приведены данные экспериментального исследования, целью которого выступило выявление возможностей достижения переоценки смысложизненных ориентаций женщинами, пережившими домашнее насилие. Для исследования смысложизненных ориентаций использована методика «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева. Апробированная в ходе эксперимента программа психологической помощи разработана с опорой на общие психологические принципы, отражающие экзистенциальную направленность осуществляемого воздействия. Переоценка смысложизненных ориентаций осуществлялась через повышение возможностей осмысления процесса собственной жизни как интересного и насыщенного; развитие способности принимать собственный опыт и ответственность за свою жизнь и за свой выбор. В ходе эксперимента установлена результативность проведенной работы. Психологическое консультирование женщин – жертв семейного насилия в формате содействия переоценке ими смысложизненных ориентаций является детерминантой посттравматического роста личности. Это выражается в выстраивании у них новой, осознанной системы ценностей, смыслов и целей, развитии адекватной оценки и продуктивном анализе травмирующего опыта, переосмыслении травмирующей ситуации как значимого урока в своей жизни, несущей позитивные изменения, восстановлении интереса к жизни, т.е. повышении уровня осмысленности жизни.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, посттравматический рост, психологическая травма, психологическое консультирование пострадавших от семейного насилия

Original article

REASSESSMENT OF MEANINGFUL LIFE ORIENTATIONS AS A DETERMINANT OF POST-TRAUMATIC GROWTH OF FEMALE VICTIMS OF FAMILY VIOLENCE

Irina V. Yaroslavtseva¹, Irina S. Shakhova², Anastasia A. Goryunova³

^{1,2}Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

¹ya-irk@yandex.ru

²shahova-irina@lenta.ru

³Irkutsk, Russia, anapol87@mail.ru

Abstract. The article presents the data of an experimental study, aimed at identifying the possibilities to achieve a reassessment of meaningful life orientations by women who experienced family violence. To study life-meaning orientations, the technique "Test of life-meaning orientations" by D. A. Leontiev was used. The program of psychological assistance tested during the experiment was developed based on general psychological principles that reflect the existential orientation of the impact. The reassessment of meaningful life orientations was carried out through increasing the possibilities of understanding the process of one's own life as interesting and rich; developing the ability to accept one's own experience and responsibility for one's life and for one's choices. During the experiment, the effectiveness of the work was established. Psychological counseling for women victims of family violence, in the format of helping them re-evaluate their meaningful life orientations, is a determinant of post-traumatic personal growth. This is expressed in forming a new, conscious system of their values, meanings and goals, developing an adequate assessment and productive analysis of the traumatic experience, rethinking the traumatic situation as a significant lesson in their lives that brings positive changes, restoring zest for life, i.e. it increases level of meaning to their lives.

Keywords: meaningful life orientations, post-traumatic growth, psychological trauma, psychological counseling for victims of family violence

Изучение смысловых компонентов переживания травматичного опыта сегодня находится в фокусе внимания психологов, поскольку вопросы поиска смысла жизни, осознания ценностей, личностных

смыслов, жизненных целей являются значимыми для адаптации личности в посттравматичный период.

Смысложизненные ориентации и смысл жизни – части единой иерархической ценностно-смысловой

структуры, они взаимосвязаны и функционируют совместно. При этом смысложизненные ориентации «формируют смысл жизни человека, который направляет затем весь ход истории жизненного пути» [1: с. 15]. Смысложизненные ориентации придают смысл существованию человека в любой период его жизни, что позволяет рассматривать их в качестве основополагающей потребности. В исследованиях психологов смысложизненные ориентации определяются через опыт поиска и осознания личностью жизненных целей, ценности своей жизни. Они динамичны и релевантны целостному жизненному пути личности (прошлому, настоящему и будущему). Смысложизненные ориентации имеют иерархическую структуру, отражают, насколько в жизни человека присутствует значимая жизненная цель, в какой степени он чувствует полноту жизни в настоящем и удовлетворен итогами прожитой жизни.

От уровня развития смысложизненных ориентаций зависит способность личности адаптироваться в разнообразных жизненных ситуациях, актуализировать свои позитивные возможности, сохранить благополучие и здоровье, с оптимизмом смотреть в будущее. Через осмысленное проживание сложностей жизни человек получает возможность выйти на новый уровень личностного развития. Более того, в трудной ситуации он сталкивается с необходимостью переосмысления таких онтологических данностей, как бытие, свобода, ответственность и др., что проявляется в возможности личности открыто взаимодействовать с реальностью, отвечать на вопросы, которые ставит жизнь [2: с. 155]. Здесь уместно обратиться к взглядам отечественных ученых. Так, Л.С. Выготский писал: «Становление "человеческого в человеке" невозможно без стрессов, без "овладения собой"» (Цит. по: [3: с. 26]). В.П. Зинченко указывал на то, что «личность рождается при решении экзистенциальной задачи освоения и овладения сложностью собственного бытия» [3: с. 26].

В трудных, экстремальных или чрезвычайных ситуациях жизни и деятельности человека (кризисных ситуациях) в результате психологической травмы рушится картина мира, изменяются те основания, на которых строилось все мировоззрение, происходит трансформация смысложизненных ориентаций. И главная задача, стоящая перед человеком, пережившим травму, – восстановить картину мира, другими словами, обрести смысл жизни, который, конечно же, не будет уже прежним [4: с. 154].

Траектория психологических изменений в результате психологической травмы может быть двоякой. В одних случаях возможен посттравматический рост личности, повышение адаптационных возможностей, в других случаях вероятно посттравматическое развитие личности, возникновение неврозов, психосоматических симптомов и син-

дромов и др. Характер личностных трансформаций в этом случае связан с процессами и результатами понимания и осмысления новой реальности. «Задача позитивных посттравматических трансформаций – это и есть задача, прежде всего, понимания, нахождения смысла, задача реконструкции мировоззрения и нахождения конструктивной позиции самодистанцирования» (Франкл) (Цит. по: [4: с. 156]).

На волне интереса к позитивной психологии для описания субъективно воспринимаемых позитивных личностных изменений после кризисных событий американскими психологами Ричардом Тэдэши и Лоуренсом Кэлхоуном в 1990-х гг. было предложено понятие «посттравматический рост» [5]. Однако понимание существующей связи между жизненными кризисами и личностным ростом всегда присутствовало в человеческой культуре на уровне мифов, религии, философии и искусства.

На современном этапе развития психологической науки в ряде научных работ посттравматический рост рассматривается как обретение мудрости (Л.И. Анцыферова, Р. Тэдэши, Л. Кэлхоун). Мудрость, смысл, философия и понимание жизни оказываются сплетены в сложную систему, имеющую самое прямое отношение к выходу из травматического состояния и травматического расстройства [4].

Задавая себе вопрос, не почему это со мной, а для чего, человек способен извлечь уроки из произошедших травмирующих событий. Умение найти смысл в страданиях дает возможность привнести в свою жизнь более глубокий смысл, позволяет выйти на новый уровень развития, способствует посттравматическому росту личности.

Посттравматический рост – это не возвращение к прежнему уровню функционирования, это опыт глубокого самосовершенствования жизнестойкости. Именно в реакциях на кризисные события, прежде всего, проявляется личность, и что еще важнее – в этих реакциях она выковывается и растет. «Рост – это не изменение субъективного благополучия; это развитие личности... (понимание своего места и значимости в мире; ответ на экзистенциальные вызовы жизни, одним из которых является травма)» [6].

Посттравматический рост берет начало из трех экзистенциальных оснований. Первое – признание того, что жизнь непредсказуема и что многое может меняться. Такое миропонимание позволяет человеку терпеливо относиться к изменениям, позволяет принимать изменчивость как фундаментальный принцип развития. Второе – психологическая вовлеченность, т.е. осознание взаимосвязи мыслей, эмоций и поведения, подразумевает активизацию рефлексии и осмысленности личности. Е.В. Рягузова отмечает, что после проживания травматического события у личности происходит рассогласование

между «Я-актуальным», «Я-прошлым» и «Я-будущим». Устранение возникшего противоречия, интеграция разрозненных частей личности, встраивание травматического опыта во внутренний мир личности способствуют успешной проработке психологической травмы, когда «"Я как Другой" трансформируется в "Я с новым опытом", не вступающим в конфликт ни с "Я-прошлым", ни с "Я-будущим"» [7: с. 20].

Третье экзистенциальное основание – признание личной ответственности за собственную жизнь, принятие того, что любой выбор имеет определенные последствия. Принятие ответственности – необходимое условие позитивных личностных трансформаций. «Пока человек верит, что его ситуация и его дисфория порождены кем-то другим или некоторой внешней силой, – какой смысл стремиться к личностному изменению?» (И. Ялом) (Цит. по: [2: с. 156]).

При продуктивной переработке травмы человек получает возможность осознания всех трех экзистенциальных истин, обретает в бедах возможности для роста, что подразумевает прорыв в мире смысла, трансформацию смысложизненных ориентаций.

Проблема домашнего насилия, к сожалению, стала печальной реальностью современного общества. Всемирная организация здравоохранения рассматривает данный феномен в качестве глобальной проблемы здравоохранения и соблюдения прав человека во всем мире [8]. В подавляющем большинстве жертвами домашнего насилия становятся женщины, 40 % случаев убийства женщин происходит в результате агрессивных действий со стороны партнера [9]. Психологические травмы, полученные женщинами в результате домашнего насилия, могут явиться предпосылкой развития девиантного материнства, что неизбежно, прежде всего, отразится на психическом здоровье детей [10]. Можно сказать, что негативные последствия полученной травмы распространяются на последующие поколения и накладывают отпечаток на все общество.

К серьезным последствиям насилия внутри семьи относится психическая травматизация жертв домашнего насилия, типичными следствиями которой являются острое стрессовое расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство, посттравматическая стрессовая реакция, социально-психологические последствия травмы. Наиболее неблагоприятным исходом психической травмы в посттравматический период жизни человека является гетеро- и аутоагрессивное поведение, вплоть до совершения расширенного суицида, убийства не только себя, но и собственных детей [11]. Психологическим механизмом развития деструктивного характера поведения жертвы насилия является негативная трансформация смысложизненных ориентаций, снижение

уровня осмысленности жизни, утрата прежних смыслов, целей. У жертв наблюдается недовольство своей настоящей и прожитой частью жизни, сужение круга интересов, концентрация внимания на психотравмирующей ситуации, болезненные мысли о ней, формирование идеи собственной несостоятельности, ущербности. В результате жертвы насилия испытывают чувство беспомощности, незащищенности, безысходности, потерянности.

В этом случае поиск и осознание смысложизненных ориентаций, направленные на повышение уровня осмысленности жизни и интереса к жизни, поиск новых целей и смыслов, адекватное восприятие прожитой жизни, развитие ответственности за свою жизнь и свои переживания могут дать человеку силы противостоять и быть сильнее любых обстоятельств, будут детерминировать посттравматический рост личности жертв домашнего насилия.

Для достижения данной цели эффективным и целесообразным выступает оказание помощи в виде психологического консультирования, основанного на ключевых феноменологических принципах диалогизма (диалогическое взаимодействие с клиентом на протяжении всего консультативного процесса), беспредпосылочности (отказ от оценок, убеждений, стереотипов), присутствия («участие» в рассказе клиента), эмпатии [12]. Психолог создает безопасную, доверительную и конфиденциальную обстановку, демонстрирует безусловное и безоценочное принятие, и именно в таких условиях у пострадавших от семейного насилия появляется пространство и возможности для поиска и осознания смысложизненных ориентаций, восстановления интереса к жизни, выстраивания новой осознанной системы ценностей, жизненных смыслов и целей, развития свободы и ответственности, осознания возможностей выбора и др.

Психологическое консультирование в индивидуальном формате благоприятно для установления контакта и создания безопасного пространства, дает возможность понимания индивидуальной жизненной истории и личного травмирующего опыта, с которым столкнулся человек.

Групповой формат работы позволяет клиенту не остаться с проблемой «один на один», осознать ролевые стереотипы и поведенческие паттерны, способствует развитию новых форм контакта в группе, расширяет возможности использования опыта каждого участника для целей поиска и осознания смысложизненных ориентаций. В формате групповой работы участники имеют возможность проговаривания своих травматических переживаний, что является важнейшим механизмом переосмысления и повышает вероятность посттравматических изменений.

Исходя из отмеченного выше, предполагая, что переоценка смысложизненных ориентаций женщинами, пострадавшими от насилия в семье, возможна в условиях специально организованного психологического консультирования, нами проведено исследование, целью которого выступило выявление возможностей достижения переоценки смысложизненных ориентаций женщинами, пережившими домашнее насилие. Выборку исследования составили 15 женщин в возрасте от 30 до 40 лет, пережившие домашнее насилие (психологическое и/или физическое), проживающие в кризисном центре. Большинство женщин подвергались насилию продолжительное время – от 3 до 5 лет, имели опыт насилия в детстве/юности и считали такое поведение допустимым. Для исследования смысложизненных ориентаций использована методика «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева.

К началу исследования все женщины уже прошли этапы кризисной психологической помощи. Однако они нуждались в дальнейшей психологической реабилитации, развитии у них различных жизненных потенций.

В ходе исследования выявлено, что большинство женщин, участвующих в эксперименте, характеризуются негативными трансформациями смысложизненных ориентаций, а именно: низким уровнем осмысленности жизни, отсутствием целей, неудовлетворенностью прожитой частью жизни, недовольством настоящей жизнью, убежденностью в том, что жизнь неконтролируема, планирование будущего бессмысленно [13].

Подчеркнем, что трансформация смысложизненных ориентаций возможна при условии переоценки экзистенциальных ценностей, таких как свобода, ответственность, личное предназначение. Помощь через призму субъективных переживаний, т.е. в их экзистенции, будет действенна, даст возможность конструктивно переработать травматический опыт, найти смысл, восстановить картину мира [4]. Обретя этот смысл, женщина получит возможность двигаться дальше, стать сильнее, обрести жизнестойкость.

С опорой на общие психологические принципы, отражающие экзистенциальную направленность осуществляемого воздействия, и системную модель консультирования Р. Кочюнаса разработана и реализована программа психологической помощи, рассчитанная на три месяца и включающая в себя восемь групповых консультаций продолжительностью 90 минут и две индивидуальные консультации с каждой участницей продолжительностью 50 минут [13].

Цель программы состояла в достижении осознания смысложизненных ориентаций женщинами, пережившими домашнее насилие, и реализовалась посредством психологического просвещения; раз-

вития мотивации участия в психологическом консультировании; раскрытия и повышения ресурсных возможностей (рефлексия, самоанализ, осознанность, саморегуляция). Осознание смысла жизни и важности постановки целей осуществлялось через повышение возможностей осмысления процесса собственной жизни как интересного и насыщенного; развитие способности принимать собственный опыт и ответственность за свою жизнь и за свой выбор. «Роль понимания и осмысления в критических жизненных событиях оказывается исключительно велика. Понимание является единственным субъективным эквивалентом личностного развития» [4: с. 156].

Консультативный процесс основывался на принципах экзистенциального подхода, что нашло свое отражение в следующем:

- каждый этап цикла контакта / консультативной сессии феноменологически ориентирован, т.е. предполагает эмпатию, «присутствие», «открытость» со стороны консультанта и т.д.;
- ключевым в процессе консультативной беседы является принцип диалогизма, выступающий основой феноменологического метода [2].

Использованы различные методы психологического консультирования: моделирующие – позволяли воспроизводить проблемную ситуацию «здесь и сейчас» для последующего ее анализа и решения; обучающие и трансформирующие – расширяли ресурсы осознания женщинами смысложизненных ориентаций; аналитические состояли в интерпретации и обсуждении результатов консультирования женщин, переживших домашнее насилие.

Технологии гештальт-подхода способствовали проработке травмирующего опыта, переосмыслению его, развитию ответственности за свои действия и переживания, обретению цельности и самодостаточности. Проживая и переживая травмирующие события вновь, с помощью психолога, в специально созданном психологом безопасном психотерапевтическом пространстве, женщина получает возможность привнести новую интерпретацию тягостным воспоминаниям, тем самым по-другому осознает их и понимает, какую роль они привнесли в ее жизнь [12].

Когнитивно-поведенческие приемы позволили участницам увидеть в своем поведении неадаптивные проявления, препятствующие пониманию собственных смыслов, осознанию ценностей и целей, научиться отслеживать свои мысли, чувства, действия, осознать выгоды, получаемые от своих непродуктивных стратегий совладания со сложной ситуацией, найти способы удовлетворения своих потребностей конструктивным путем.

Изменения среднего уровня значений показателей по шкалам СЖО в баллах, выявленные с помощью методики Д.А. Леонтьева «Тест смысложизненных ориентаций», представлены на рис. 1.

Рис. 1. Изменение среднего значения показателей по шкалам СЖО в баллах: ■ – до психологического консультирования; □ – после психологического консультирования

Анализ итогов консультирования женщин, переживших домашнее насилие, в формате содействия переоценке ими смысложизненных ориентаций показал, что у женщин произошел примерно одинаковый рост средних показателей по всем шкалам методики СЖО и соответственно по общему показателю «Осмысленность жизни». Наибольший рост отмечен по шкалам «Цель» и «Результат». С использованием парного критерия Т Вилкоксона установлено, что наблюдаемые различия в осознании смысложизненных ориентаций женщинами, пережившими домашнее насилие, зарегистрированные до и после психологического консультирования, являются статистически значимыми ($p \leq 0,05$).

Динамика изменений процентного соотношения участников с разными показателями по шкалам СЖО до и после консультирования подтверждает результативность психологического консультирования, направленного на переосмысление смысложизненных ориентаций (рис. 2).

По шкале «Результативность жизни» число участников со средними показателями выросло с 26,7 до 46,7 %, у 13,3 % испытуемых выявлены высокие показатели, что свидетельствует о переоценке, переосмыслении прожитой части жизни данными испытуемыми, признании ее продуктивной, что является первым шагом к посттравматическому росту после пережитого домашнего насилия (рис. 2, а).

Результаты, полученные по шкале «Процесс жизни», показывают, что число участников, имеющих средние показатели, выросло с 26,7 до 46,7 %, это показывает, что у данных испытуемых произошли изменения в восприятии процесса жизни. Жизнь стала восприниматься ими как интересная, насыщенная и наполненная смыслом (рис. 2, б).

У испытуемых выросли показатели целей, обращенных в будущее. Так, по шкале «Цель в жизни» получены следующие результаты: с 20 до 60 % выросло число участников, имеющих средние показатели, что свидетельствует о позитивном посттравматическом росте женщин (рис. 2, в).

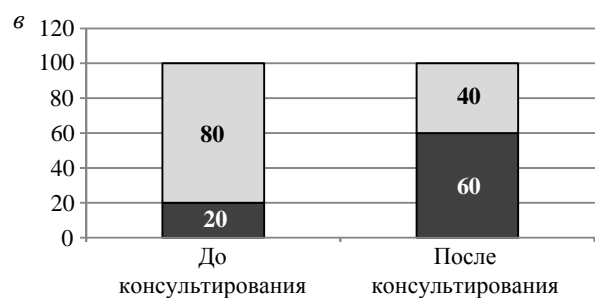
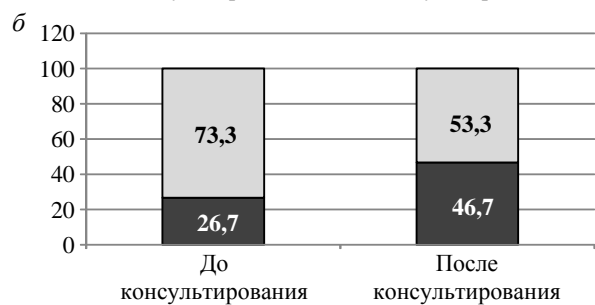
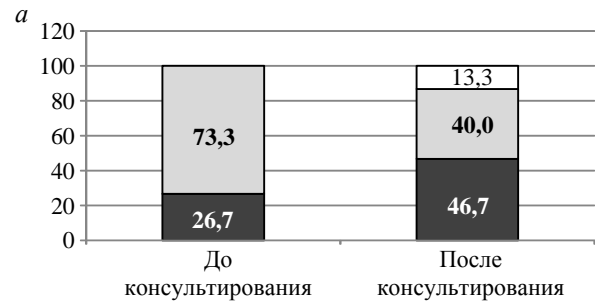

Рис. 2. Динамика изменения показателей по шкалам методики СЖО Д.А. Леонтьева: а – «Результативность жизни»; б – «Процесс жизни»; в – «Цель в жизни»; ■ – средний показатель; □ – низкий; □ – высокий

Наблюдение и индивидуальная беседа показали, что женщины стали проявлять большую осмысленность и уверенность в своих силах, определились с планами и целями на будущее, более ответственно стали относиться к своей жизни и адекватно реагировать на пережитый опыт насилия, сделали для себя выводы и научились воспринимать настоящую жизнь как интересную и насыщенную.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях специально организованного психологического консультирования, направленного на помощь в поиске и осознании смысложизненных ориентаций, происходит переоценка смысложизненных ориентаций женщинами, пострадавшими от насилия в семье.

Психологическое консультирование женщин – жертв семейного насилия в формате содействия переоценке ими смысложизненных ориентаций является детерминантой посттравматического роста личности. Это выражается в выстраивании у них новой, осознанной системы ценностей, смыслов и целей, развитии адекватной оценки и продуктивном анализе травмирующего опыта, переосмыслении травмирующей ситуации как значимого уро-

ка в своей жизни, несущей позитивные изменения, восстановлении интереса к жизни, т.е. повышении уровня осмысленности жизни. Задача позитивных посттравматических трансформаций может быть решена только через понимание, нахождение смысла своего существования, осознание своей уникальности и личной ответственности за себя и свои отношения с миром.

Список источников

1. Баксанский О.Е., Скоробогатова А.В. Философский и психологический аспекты изучения смысложизненных ориентаций личности в Отечественной и зарубежной литературе // Коллекция гуманитарных исследований. 2019. № 4(19). С. 10–21.
2. Куценко Н.Ю., Ярославцева И.В. Структурно-содержательный анализ экзистенциальной теории в ее значении для практики психологического консультирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 1(81). С. 152–162. DOI 10.21603/2078-8975-2020-22-1-152-162.
3. Утюганов А.А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации : монография. Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2021. 248 с.
4. Леонтьев Д.А. Удары судьбы как стимулы личностного развития: феномен посттравматического роста // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. Москва : Институт психологии РАН, 2016. С. 144–158.
5. Tedeschi R.G., Calhoun L.G. The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the positive legacy of trauma // Journal of Traumatic Stress. 1996. Vol. 9. P. 455–471.
6. Joseph S., Linley P.A.. Reflections of theory and practice in trauma, recovery, and growth: A paradigm shift for the field of traumatic stress // Trauma, recovery, and growth: Positive psychological perspectives on posttraumatic stress 2008. P. 339–356. Hoboken, NJ: John Wiley.
7. Рягузова Е.В. Роль другого в преодолении последствий травматического стресса // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 3, № 3. С. 18–26. (Новая серия. Акмеология образования. Психология развития).
8. Goodman L.A., Epstein D. Loneliness and the COVID-19 Pandemic: Implications for Intimate Partner Violence Survivors // Fam Violence. 2020. Vol. 24(5). P. 1–8. DOI:10.1007/s10896-020-00215-8.
9. WPA Position Paper on Intimate Partner Violence and Sexual Violence Against Women. 2017. URL: <http://www.wpanet.org/copy-of-medical-students?lang=it> (accessed: 19.09.2022).
10. Шахова И.С. Созиисимось, жертьвенность и альтруизм в аспекте помогающего поведения // Известия Иркутского государственного университета. 2022. Т. 39. С. 86–96. (Серия: Психология). DOI 10.26516/2304-1226.2022.39.86.
11. Качаева М.А., Шишкина О.А. Психолого-психиатрические проблемы у женщин жертв внутрисемейного насилия и их особенности в условиях самоизоляции в результате пандемии COVID-19 (научный обзор) // Психология и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 131–155. DOI 10.17759/psylaw.2021110310.
12. Куценко Н.Ю., Ярославцева И.В. Отражение экзистенциальной традиции в практике психологического консультирования (на примере психологического консультирования в формате гештальт-подхода) // Известия Иркутского государственного университета. 2021. Т. 35. С. 45–55. (Серия: Психология). DOI 10.26516/2304-1226.2021.35.45.
13. Ярославцева И.В., Горюнова А.А. Осознание смысложизненных ориентаций женщинами, пережившими домашнее насилие, в процессе психологического консультирования // Психология личностного и профессионального развития человека : материалы Седьмой конференции психологов образования Сибири (Иркутск, 20–21 июня 2022 г.) Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022. С. 59–63.

References

1. Baksanskiy O.E., Skorobogatova A.V. Filosofskiy i psikhologicheskij aspekty izucheniya smyslozhiznennykh oriyentatsiy lichnosti v Otechestvennoy i zarubezhnoy literature [Philosophical and psychological aspects of the study of the meaning of life orientations of the individual in domestic and foreign literature] // Kolleksiya gumanitarnykh issledovaniy. 2019. No 4(19). P. 10–21.
2. Kutsenko N.Yu., Yaroslavtseva I.V. Strukturno-soderzhatelnyy analiz ekzistentsialnoy teorii v eye znachenii dlya praktiki psikhologicheskogo konsultirovaniya [Structural and meaningful analysis of existential theory in its meaning for the practice of psychological counseling] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 22, No.(81). P. 152–162.
3. Utyuganov A.A. Sistema tsennostno-smyslovykh oriyentatsiy kursantov voyennykh institutov voysk natsionalnoy gvardii Rossiyskoy Federatsii: monografiya [The system of value-semantic orientations of cadets of military institutions of the troops of the national guard of the Russian Federation]. Novosibirsk: Novosibirskiy voyennyi institut imeni generala armii I.K. Yakovleva voysk natsionalnoy gvardii Rossiyskoy Federatsii. 2021. 248 p.
4. Leontyev D.A. Udary sudby kak stimuly lichnostnogo razvitiya: fenomen posttravmaticheskogo rosta [Blows of Fate as Stimuli for Personal Development: The Phenomenon of Post-Traumatic Growth] // Zhiznesposobnost cheloveka: individualnyye, professionalnyye i sotsialnyye aspekty. Moskva : Institut psikhologii RAN. 2016. P. 144–158.
5. Tedeschi R.G., Calhoun L.G. Oprosnik posttravmaticheskogo rosta: izmereniye polozhitelnogo naslediya travmy [The Post-traumatic Growth Inventory: Measuring the positive legacy of trauma] // Journal of Traumatic Stress. 1996. Vol. 9. P. 455–471.

6. Joseph S., Linley P.A. Razmyshleniya teorii i praktiki o travmakh, vosstanovlenii i roste: smena paradigmy v oblasti travmaticheskogo stressa [Reflections of theory and practice in trauma, recovery, and growth: A paradigm shift for the field of traumatic stress] // Trauma, recovery, and growth: Positive psychological perspectives on posttraumatic stress, 2008. P. 339–356.
7. Ryaguzova E.V. Rol drugogo v preodolenii posledstviy travmaticheskogo stressa [The role of the other in overcoming the effects of traumatic stress] // Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya Razvitiya. 2010. T. 3, no. 3. P. 18–26.
8. Goodman L.A., Epstein D. Odinochestvo i pandemiya COVID-19: posledstviya dlya perezhivshikh nasiliye so storony intimnogo partnera [Loneliness and the COVID-19 Pandemic: Implications for Intimate Partner Violence Survivors] // J Fam Violence. 2020. Vol. 24(5). P. 1–8. doi:10.1007/s10896-020-00215-8
9. Pozitsionnyy dokument VPA o nasilii so storony intimnogo partnera i seksual'nom nasilii v otnoshenii zhenshchin. 2017 [WPA Position Paper on Intimate Partner Violence and Sexual Violence Against Women. 2017]. URL: <http://www.wpanet.org/copy-of-medical-students?lang=it>
10. Shakhova, I. S. Sozavisimost', zhertvennost' i al'truizm v aspekte pomogayushchego povedeniya [Co-dependence, sacrifice and altruism in terms of helping behavior] // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. 2022. T. 39. S. 86–96.
11. Kachayeva M.A., Shishkina O.A. Psikhologo-psikhiatricheskiye problemy u zhenshchin zhertv vnutrisemeynogo nasiliya i ikh osobennosti v usloviyakh samoizolyatsii v rezultate pandemii COVID-19 (nauchnyy obzor) [Psychological and psychiatric problems in women victims of domestic violence and their characteristics in conditions of self-isolation as a result of the COVID-19 pandemic (scientific review)] // Psikhologiya i pravo. 2021. T. 11, no 3. P. 131–155.
12. Kutsenko N.Yu., Yaroslavtseva I.V. Otrazheniye ekzistentsialnoy traditsii v praktike psikhologicheskogo konsultirovaniya (na primere psikhologicheskogo konsultirovaniyav formate geshtalt-podkhoda) [Reflection of the Existential Tradition in the Practice of Psychological Counseling (on the Example of Psychological Counseling in the Gestalt Approach)] // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. 2021. No. 35. P. 45–55.
13. Yaroslavtseva I.V., Goryunova A.A. Osoznaniye smyslozhiznennykh oriyentatsiy zhenshchinami. perezhivshimi domashneye nasiliye. v protsesse psikhologicheskogo konsultirovaniya [Awareness of Life Meaning Orientations by Women Survivors of Domestic Violence in the Process of Psychological Counseling] // Psikhologiya lichnostnogo i professionalnogo razvitiya cheloveka : materialy Sedmoy konferentsii psikhologov obrazovaniya Sibiri (Irkutsk. 20–21 iyunya 2022 goda). Irkutsk : Irkutskiy gosudarstvennyy universitet, 2022. P. 59–63.

Информация об авторах

И.В. Ярославцева – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинской психологии;
И.С. Шахова – кандидат психологических наук, старший преподаватель;
А.А. Горюнова – магистр психологии, психолог-консультант.

Information about the authors

I.V. Yaroslavtseva – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Medical Psychology;
I.S. Shakhova – Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer;
A.A. Goryunova – Master of Psychology, Consultant psychologist

Статья поступила в редакцию 24.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 24.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 796:159.9

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-100-103

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лилия Валерьевна Синицына¹, Александр Алексеевич Синицын²

¹Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия,
Sinicina.liliya@yandex.ru

²Национальная академия дополнительного профессионального образования, Москва, Россия,
sinmmm2011@gmail.com

Аннотация. В статье представлены основные положения понимания бессознательного, характерные для психоанализа и аналитической психологии. Спортивная деятельность рассматривается как динамическое равновесие сознательного и бессознательного начал. Авторы в качестве ресурсов повышения спортивной эффективности выделяют нереплексивное сознание во время тренировок и соревнований, автоматизмы в спорте, ментальное состояние «мусин».

Ключевые слова: сознание, бессознательное, нереплексивное сознание, спортсмен, автоматизмы в спорте

Original article

THE UNCONSCIOUS AS AN EFFICIENCY RESOURCE IN SPORTS ACTIVITIES

Lilia V. Sinitsyna¹, Alexander A. Sinitsyn²

¹Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, Sinicina.liliya@yandex.ru

²National Academy of Additional Professional Education, Moscow, Russia, sinmmm2011@gmail.com

Abstract. The article presents the main provisions of understanding the unconscious, typical for psychoanalysis and analytical psychology. Sports activity is considered as a dynamic balance of conscious and unconscious principles. The authors distinguish non-reflexive consciousness during training and competitions, automatism in sports, and the mental state of "musin" as personal resources for improving sports efficiency.

Keywords: consciousness, unconscious, non-reflexive consciousness, sportsmen, automatism in sports

Основная цель социально-гуманитарной рефлексии спорта и явлений, с ним связанных, заключается раскрытии их социальной природы и смысла, фундаментальных принципов, ценностей, целевых установок [1: с. 505]. В ряде исследований акцентируется внимание на том, что значимое влияние на самореализацию профессиональных спортсменов оказывает степень мобилизации ресурсов их личности. В психологической теории и практике активно разрабатывается идея сознательного использования сильных и нивелирование слабых сторон психической индивидуальности спортсмена с целью достижения наилучшего результата (Г.Б. Горская, А.В. Родионов, П.А. Рудик, А.Ц. Пуни и другие). При этом в настоящее время остаётся открытым широкий спектр вопросов, связанных с возможностями бессознательных резервов психики спортсмена. В рамках данной статьи мы постараемся обосновать потенциал бессознательного для решения повышения эффективности субъекта спортивной деятельности.

Характерной тенденцией развития науки является междисциплинарный статус ряда дефиниций, которые носят дискуссионный характер. В изучении бессознательного принято выделять два направления:

1) философское, представленное такими исследователями, как: А. Бергсон, Э. Гартман, И.Ф. Гербарт, Диоген, Г.В. Лейбниц, А. Шопенгауэр и др.;

2) практическое (А. Адлер, Г. Гельмгольц, С. Гроф, У. Джеймс, К.А. Загулин, А.В. Карпов, А.А. Леонтьев, А. Менегетти, Л. Сонди, З. Фрейд, К. Хорни, К. Юнг и др.) [2: с. 5–10].

Проблема бессознательного впервые была концептуализирована Г.В. Лейбницем в 1720 г. в научном труде «Монадология». Согласно мнению философа, в психике человека всё время проявляют активность неосознаваемые восприятия («малые перцепции»), которые можно осознать с задействованием памяти и внимания, составляющие вместе апперцепцию. При помощи апперцепции и рациональной интуиции субъект может получить доступ

к бессознательному, раскрыть содержащиеся там идеи и перевести их в область отчётливого знания.

Бессознательное в структуре личности впервые выделил родоначальник психоанализа З. Фрейд. В рамках его теории структура личности представлена тремя составляющими:

1) бессознательное (Ид – «Оно») – включает совокупность биологических влечений и потребностей, имеет преимущественно подсознательную природу и руководствуется принципом удовольствия;

2) сознание (Эго – «Я») – руководствуется принципом реальности, воспринимает специфические особенности внешнего мира, межличностные отношения и контролирует, какие влечения в зависимости от обстоятельств могут найти удовлетворение, а какие – нет;

3) Супер-Эго («Сверх-Я») – образуется под влиянием социальной среды и её установок, норм, традиций и запретов и является носителем моральных норм.

Важное внимание в своих трудах родоначальник глубинной психологии отводил борьбе сознательного и бессознательного начал. По мнению З. Фрейда, ведущую роль в психике играет «Оно», содержание которого составляет две группы инстинктов: 1) инстинкты продолжения жизни (Эрос), связанные с энергией либидо; 2) инстинкты смерти (Танатос) – инстинкты разрушения, агрессии [2].

Таким образом, под бессознательным понимается форма психического отражения действительности и отношения к ней человека, которые им не осознаются. [3: с. 28]. Бессознательное у человека ассоциируется с чем-то непонятным, не познанным, мистическим, оказывающим огромное влияние. Бессознательное не связано с произвольным контролем и оценкой результатов действий [4: с. 6].

В работах О.В. Мальцева представлено авторское понимание структуры бессознательного с учётом интеграции научного опыта авторитетных исследователей. Учёный предлагает модель, которая раскрывает бессознательное, как единую систему, представленную тремя слоями [11: с. 3].

Верхний слой – личное бессознательное человека (З. Фрейд, [2]). В качестве симптомов могут появляться такие психосоматические проявления, как: головные боли, расстройство пищеварения и др. Бессознательное таким образом через болезненные симптомы пытается подать сигналы о последствиях неверного поведения, необдуманно сказанных слов, затаенных глубинных переживаний.

Второй слой – родовое бессознательное (Л. Сонди, [12]) связан с выбором, который человек не может рационально объяснить. Л. Сонди рассмат-

ривал пять основных направлений выбора: мужа /жены, друга, профессии, заболевания и смерти.

Глубинный слой – коллективное бессознательное (К. Юнг, [10]) относится к сфере мифического, значимыми составляющими которого являются архетипы, несущие смысловую информационную нагрузку. Архетипические образы представлена в сказках, мифах, легендах, отражая специфику национального самосознания определённого народа. В аналитической психологии «индивидуация» – ведущая дефиниция, раскрывающая путь становления героя в рамках перечисленных выше жанров.

Для лучшего понимания вопроса использования бессознательных резервов психики спортсмена необходимо рассмотреть специфические особенности данного вида активности. Важная тенденция совершенствования в спорте – включение особенностей спортсмена как субъекта деятельности в число детерминант её эффективности. Следует при этом указать на то, что роль психологических факторов в становлении и реализации спортивного мастерства пока ещё не изучена в полной мере. Характеризуя факторы, от которых зависит продолжительность и структура многолетней подготовки спортсменов, исследователи относят:

- структуру соревновательной деятельности и подготовленности спортсменов, обеспечивающую высокие спортивные результаты;

- закономерности становления различных степеней спортивного мастерства и формирования адаптационных процессов в ведущих для данного вида спорта функциональных системах;

- индивидуальные и половые особенности спортсменов, темпы их биологического созревания и связанные с ними темпы роста спортивного мастерства;

- возраст, в котором спортсмен начал занятия, а также возраст, когда он приступил к специальной тренировке;

- содержание тренировочного процесса – состав методов и средств, динамика нагрузок, дополнительные факторы (восстановительные мероприятия: средства стимуляции работоспособности, тренажеры и т.д.) [11].

Необходимо отметить, что деятельность спортсмена принято рассматривать, как психофизическое динамическое взаимодействие: 1) души и тела, 2) психики и организма, 3) сознательного и бессознательного. Спортсмены во время регулярных тренировок достигают особого психического состояния. Стремясь показать наивысший результат, спортсмены входят в состояние измененного сознания. Они переживают высокие, как эмоциональные, так и физические перегрузки, преодолевают усталость, боль, психологическое напряжение. Пе-

ред соревнованиями могут испытывать перевозбуждение, предстартовую лихорадку, стресс [13].

Однако, несмотря на все вышеперечисленное, спортсмены вновь и вновь, желают испытать вкус победы, ощущение восторга, почувствовать тягу к преодолению преград и препятствий. В профессиональном спорте, спортсмены ставят перед собой задачу: «выиграть любой ценой», «выиграть во что бы то не стало». Спорт становится для них привычкой, наваждением, эйфорией. Указанное выше принято называть «феномен физиологических факторов». Организм вырабатывает гормоны эндорфины и допамин. Спортсмен на тренировках и соревнованиях должен достичь такого состояния сознания, которое называют «здесь и сейчас»: не должен думать не о прошлом, не о будущем. На наш взгляд, восточные психологические методы в воспитании и подготовке спортсменов, приемы работы с сознанием помогут им добиваться победы [11: с. 589].

Именно поэтому для достижения высоких результатов используются принципы объединения сознания и тела. Указанное выше позволяет спортсменам быть непоколебимыми, сильными духом и ментально стабильными. Это происходит за счёт достижения состояния, которое принято называть «телесные автоматизмы» (действия спортсмена осуществляются без вмешательства абстрактно-логического мышления). Спортсмен в таком состоянии, как правило, либо «сознательно-бессознателен», либо «бессознательно-сознателен» [11: с. 588]. Автоматизм движений – это действия спортсмена, выполняемые мышечной памятью и подсознанием, благодаря постоянным рационально организованным тренировкам [14: с. 2].

В практиках восточных боевых искусств сделан особый акцент на использовании резервов бессознательного спортсмена для повышения его результативности. Спортсмен-профессионал (например, борец) должен не только хорошо владеть знаниями, умениями, навыками, приемами, но и стремиться достичь особое состояние, которое называется «мусин» [11: с. 589]. В переводе с японского указанная дефиниция трактуется, как элемент искусства сражения, для которого характерно «отсутствие разума». Прибывая в этом состоянии, спортсмен инстинктивно реагирует на ситуацию. Достижение состояния «мусин» в восточной практике реализуется с задействованием двух фаз медитации:

1) переход в изменённое состояние сознания происходит за счёт сосредоточения на одном объекте («одноточечное сознание») одновременно с полной мышечной релаксацией. При этом на уровне физиологии происходит сохранение очага возбуждения на фоне торможения всей остальной работы коры головного мозга, отвечающего за рефлективное сознание;

2) вхождение в состояние бессмыслия, в данном случае уместно вспомнить термин «остановка внутреннего монолога», когда исчезает последний очаг возбуждения в коре головного мозга.

Значимое влияние на достижение спортивного результата оказывают как объективные, так и субъективные факторы. К объективным факторам относятся: степень готовности спортсмена (его спортивная форма), техническая подготовленность, выбранная тактика, опыт участия в соревнованиях, уровень физической подготовки, настрой на победу, сила воли, умение анализировать свои действия, состояние спортсмена, или спортивной команды, сборной в целом [13: с. 170]. Спортсмен должен научиться обладать большим техническим арсеналом и уметь управлять своим телом в пространстве.

В качестве субъективных факторов принято рассматривать: индивидуально-психологические особенности, недостаток опыта, неудовлетворенность профессиональным ростом, неопределённость, экстернальный локус-контроля и др. Следует подчеркнуть, что существует линейная взаимосвязь между количеством побед и уверенностью спортсмена в собственных силах и возможностях.

Резюмируя содержание статьи, сформулируем следующие выводы.

1. Личностные ресурсы – это важнейший фактор жизнестойкости спортсмена, позволяющий ему достигать победы, противостоять соперникам, расширять свои возможности и делают его более успешным в спорте.

2. Для повышения эффективности деятельности необходимо опираться на принципы объединения сознания и тела.

3. Для достижения высоких спортивных результатов целесообразно использовать возможности бессознательной сферы.

4. Спортсмены во время тренировок и соревнований могут переживать состояние изменённого сознания, которое можно трактовать, как некий спортивный допинг, проявление чувства удовольствия от реализуемой активности.

5. Для повышения спортивной результативности необходимо:

- 1) научиться правильно ставить перед собой цели;
- 2) поддерживать мотивацию;
- 3) бороться со стрессом;
- 4) достигать изменённое состояние сознания спортсменов во время тренировок и соревнований;
- 5) отрабатывать автоматизмы в спорте;
- 6) использовать возможности ментального состояния «мусин» на практике.

Таким образом, когда спортсмен постигает тайну бессознательного, он может использовать его, как ресурс для повышения собственной эффективности и результативности.

Важное значение, на сегодняшний день, имеет интеграция научных знаний в область спорта, разработка интегративных наук о спорте, философско-методологический анализ проблем введения понятий и их оценка, а также методов и форм построения научной теории.

Завершить статью хочется словами родоначальника аналитической психологии Карла Густава

Юнга: «Индивидуальное самосознание, возвращение индивида к основам человеческой природы, к своему собственному глубинному бытию со своей индивидуальной судьбой и есть начало исцеления от слепоты, которая правит сегодняшним днём. Интерес к проблеме человеческой психики есть симптом этого инстинктивного возвращения к самому себе» [10: с. 8].

Список источников

1. Овчинников О.А. Философия спорта и ее место в теоретической системе физической культуры // Молодой ученый. 2021. № 18 (360). С. 505–509.
2. Фрейд З. Психология бессознательного : сборник произведений. Москва : Просвещение, 1989. 97 с.
3. Словарь. Психоаналитические термины и понятия / под ред. Б.Э. Мура, Б.Д. Фаина. Москва, 2006. 28 с.
4. Психология. Словарь. Москва, 1990. 45 с.
5. Гроф С. Области человеческого бессознательного. Москва, 2001. 26 с.
6. Загулин К.А. Проблема бессознательного в философии. Москва, 2006. 78 с.
7. Карпов А.В., Сеницына Л.В. Деятельностный статус проступка как психологического понятия // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Тематический выпуск: Психология труда в контексте междисциплинарной интеграции знаний. 2016. № 3 (51). С. 18.
8. Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности. Москва, 2007. 121 с.
9. Менегетти А. Образ и бессознательное. Санкт-Петербург : Онтопсихология, 2005. 39 с.
10. Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного : сборник : пер. с англ. / под общ. ред. В.В. Зеленского. Изд. 2-е. Москва : КогитоЦентр, 2010. 65 с.
11. Пономаренко Н.В., Богатова С.Ю. Особенности неререфлективного сознания в спорте // Молодой ученый. 2016. № 23 (127). С. 588–591.
12. Сонди Л. Судьбоанализ : пер. с нем. А.В. Тихомирова. Москва : Три квадрата, 2007. 480 с.
13. Пуни Л.Ц. Психологическая подготовка к соревнованию в спорте. Москва, 1969. 170 с.
14. Автоматизм движений в спорте. Как выполнять движения на автомате // IPROSPORT. Декабрь 24, 2016.
15. Сеницына Л.В. Социально-психологическая концепция проступка : монография. Германия, 2017. Т. 1. 668 с. Т. 2. 323 с.

References

1. Ovchinnikov O.A. Philosophy of sport and its place in the theoretical system of physical culture// A young scientist. 2021. No. 18 (360). pp. 505–509.
2. Freud Z. Psychology of the unconscious: a collection of works. M.: Enlightenment, 1989. 97 p.
3. Dictionary. Psychoanalytic terms and concepts / edited by B.E. Moore, B.D. Faina. M., 2006. 28 p.
4. Psychology. Dictionary. M., 1990. 45 p.
5. Grof S. Areas of the human unconscious. M., 2001. 26 p.
6. Zagulin K.A. The problem of the unconscious in philosophy. M., 2006. 78 p.
7. Karpov A.V., Sinitsyna L.V. The activity status of misconduct as a psychological concept // Social and humanitarian sciences in the Far East. Thematic issue: Psychology of work in the context of interdisciplinary integration of knowledge. 2016. No. 3 (51). p. 18.
8. Leontiev A.A. Unconscious and archetypes as the basis of intertextuality. M., 2007. 121 p.
9. Meneghetti A. Image and the unconscious. St. Petersburg : Ontopsychology, 2005. 39 p.
10. Jung K.G. Essays on the psychology of the unconscious: a collection / Trans. from English. under the general editorship of V. V. Zelensky. 2nd edition: Kogito Center. M., 2010. 65 p.
11. Ponomarenko N. V., Bogatova S.Yu. Features of non-reflexive consciousness in sports // Young scientist. 2016. No. 23 (127). pp. 588–591.
12. Sondy L. Sudboanalysis / trans. from German A.V.Tikhomirov. M. : Three squares, 2007. 480 p.
13. Puni L.Ts. Psychological preparation for competition in sports. M., 1969. 170 p.
14. Automatism of movements in sports. How to perform movements on the machine. IPROSPORT. December 24, 2016.
15. Sinitsyna L.V. Socio-psychological concept of misconduct. Monograph. Germany. 2017. Volume 1, 668 p. Volume 2. 323 p.

Информация об авторах

Л.В. Сеницына – кандидат психологических наук, доцент;
А.А. Сеницын – магистр.

Information about the authors

L.V. Sinitsyna – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;
A.A. Sinitsyn – Master.

Статья поступила в редакцию 25.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 25.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

КЛИНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

CLINICAL ASPECTS OF THE UNCONSCIOUS

Научная статья

УДК 159.98

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-104-110

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА КАК РЕСУРС АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У РУССКИХ СТУДЕНТОВ В ЛОНДОНЕ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ 2020 ГОДА

Клариса Ивановна Воробьева¹, Елена Леонидовна Лукьянова²

¹Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, klarisav2011@mail.ru

²Санкт-Петербург, Россия, el2766@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования поведенческих реакций русских студентов, обучающихся в Лондоне, через защитные механизмы на пандемию COVID-19 на протяжении десяти недель официального локдауна.

Ключевые слова: психологическая защита, механизмы психологической защиты, пандемия, локдаун, адаптивное поведение

Original article

PSYCHOLOGICAL DEFENCE AS A RESOURCE OF ADAPTIVE BEHAVIOR OF RUSSIAN STUDENTS IN LONDON DURING THE 2020 PANDEMIC

Klarisa I. Vorobieva¹, Elena L. Lukyanova²

¹Pacific State University, Khabarovsk, Russia, klarisav2011@mail.ru

²Saint Petersburg, Russia, el2766@mail.ru

Abstract. The article presents the results of studies on behavioural reactions through defence mechanisms during ten weeks lockdown of COVID-19 pandemic, examining Russian students who studied in London.

Keywords: psychological defence, psychological defence mechanisms, pandemic, lockdown, adaptive behaviour

Второе десятилетие XXI в. все чаще предлагает измерять жизнь, применяя выражение «до и после». Бедствия, катастрофы, террористические акты, войны, эпидемии и т.п. в буквальном смысле захлестывают современный мир. Психологическая наука не только находится в поиске исчерпывающих определений, характеризующих понятия «чрезвычайность», «экстремальность», «кризисность», их отличительные особенности друг от друга, но и также пытается объективно описать психологические составляющие тех состояний, которые переживает человек, находясь внутри или рядом с возникшими обстоятельствами.

Ситуация, которая сложилась в феврале–марте 2020 г. не только на территории Великобритании, но и во всем мире, укладывается под описание и экстремальной, и чрезвычайной, и кризисной ситуации, так как превышает человеческие ресурсы (Lazarus, 1984), имеет все характеристики травматического стресса (Van der Kolk, 1996), является травматическим событием (Krystal, 1968), похожа на бедствие (Caughey, 1985) [3]. Особенность ситуа-

ции заключается в том, что примерно в одинаковых условиях оказались не отдельные личности или отдельные группы, а практически вся человеческая популяция. Одним из естественных следствий для психики в такой ситуации является запуск психологической защиты, психике необходимо справиться с внутриспсихическим напряжением, сформировать новые паттерны поведения, способные обеспечить выживание в сложившихся обстоятельствах.

Как научный факт феномен психологической защиты был впервые зафиксирован в парадигме психоаналитических теорий. Психологическая защита описана З. Фрейдом (1894) в работе «Защитные нейропсихозы», хотя зарождение идеи защитных механизмов просматривается еще в работах французских исследователей Maillet (1845), Taine (1870). З. Фрейд подробно описывает функциональное назначение или цель «защиты», которая, по его мнению, заключается в ослаблении интрапсихического конфликта (напряжения, беспокойства), обусловленного противоречием между инстинктивными импульсами бессознательного и ин-

териоризированными требованиями внешней среды, возникающими в результате социального взаимодействия [1].

Позже термин «защита» З. Фрейд заменяет термином «вытеснение». Отношения между двумя понятиями какое-то время оставались неопределенными, и в 1926 г. в приложении к работе «Торможения, симптомы и тревожность» З. Фрейд возвращается к старой концепции защиты и вводит, наряду с вытеснением, специальные обозначения для других механизмов защиты (которые используются и в настоящее время), поясняя, что применение понятия «вытеснение» имеет свои преимущества, «поскольку мы вводим его для общего обозначения всех техник, которые "Я" использует в конфликте и которые могут привести к неврозу» [2].

В психологической литературе имеется многообразие подходов, представлений, теоретических и эмпирических построений, описывающих психологическую защиту, но нет единого концептуального основания. Специфика современного состояния проблемы психологической защиты отражает противоречивый характер ее развития.

Анализ исследований, посвященных данной теме, позволяет сделать вывод об отсутствии единого понимания сущности и структуры данного понятия. Большие разногласия между исследователями возникают относительно общего числа этих механизмов и содержания применяемых терминов. Описание психологической защиты чаще определяется деятельностью самого исследователя, его общетеоретической и методологической позицией. Методический арсенал для оценки выраженности основных защитных механизмов, которым располагает не только отечественная наука, но и общемировая, очень ограничен.

Вопрос выявления действия механизмов психологической защиты значим прежде всего потому, что затрагивает особенности функционирования нормальной психики. Сохранение самоуважения, поддержание сильного, непротиворечивого, позитивного чувства собственного «Я» – одна из главных функций защитных механизмов.

Разрабатывая общую концепцию защиты, Р. Плутчик изучил не только психоаналитические работы, но и психиатрические, и общепсихологические (Arieti, 1974; Chapman, 1967; Coleman, 1956; Lazarus, 1966; Noyes & Kolb, 1949; Reich, 1945 и др.). Это послужило основой для выделения пяти постулатов теоретической модели защиты.

1. Специфические защиты образуются для совладания со специфическими эмоциями.

2. Существует восемь основных механизмов защиты, которые развиваются для совладания с восемью основными эмоциями.

3. Восемь основных защитных механизмов обладают свойствами как сходства, так и полярности.

4. Определенные типы личностных диагнозов имеют в своей основе характерные защитные стили.

5. Индивид может использовать любую комбинацию механизмов защиты.

На протяжении многих лет в отечественной психологии термин «защита» заменялся терминами «барьер», «защитная реакция», «смысловый барьер», «компенсаторные механизмы». Причем Ю.А. Шеркевич рассматривал защиту как «барьеры» в виде имеющихся в сознании аудитории социальных установок, мнений, предрассудков, убеждений и идеалов личности; П.Я. Якобсон – как «эмоциональный барьер» на пути внешних воздействий, который является выражением симпатий личности, ее пристрастий; Е.Л. Доценко отмечал как влияние семантических и смысловых барьеров.

Многие авторы, дистанцируясь от психоаналитической парадигмы, рассматривали защиту либо в границах теории установки (как реорганизацию системы установок) – Ф.В. Бассин, М.К. Буралакова, В.Н. Волков и др., либо в пределах теории деятельности (как временный отказ от деятельности) – В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский, И.Д. Стойков и др.

Делая обзор определений психологической защиты, В.И. Журбин отмечает, что во всех определениях психологическая защита является частью каких-либо других психических феноменов: деятельности, установки, отношений личности, компенсации и др. Спецификация этой части идет не по объекту, а через задание целей и функции защиты, т.е. извне. Психологическая защита не выделяется в самостоятельный процесс и механизм. Общим для всех определений является ситуация конфликта, травмы, стресса, а также цель – снижение эмоциональной напряженности, связанной с конфликтом, и предотвращение дезорганизации поведения, сознания, психики.

Смысловая конструкция почти всех определений совпадает с психоаналитическим пониманием психологической защиты, так как З. Фрейд также определял защиту как механизм, действующий в ситуации конфликта и направленный на снижение чувства тревоги, связанного с конфликтом. Отличие состоит в определении того, что стоит за конфликтом. Объективно расхождения в определении данного научного понятия задано направлением его операционализации, характер которой определяется той научной парадигмой, в которой работают исследователи.

В отечественной науке постановка проблемы психологической защиты связана с именем Ф.В. Бассина [3], который отнесся к явлению защиты не как к научному артефакту психоанализа, а как к реально существующему психическому феномену, имею-

щему право на операциональные возможности научного исследования.

Понимание Ф.В. Бассиным значения психологической защиты не ограничивалось только специфическими, экзотичными ситуациями, которые он представлял как ситуации, где противоречие предельно обострено и требует своего снятия. Он представлял ее как нормальный, широко обнаруживаемый механизм, направленный на предотвращение расстройств поведения и физиологических процессов не только при конфликтах сознания и бессознательного, но и при столкновении вполне осознаваемых, но аффективно насыщенных установок.

Свое понимание понятия установки Ф.В. Бассин строил, опираясь на теорию установки, разработанную Д.И. Узнадзе, в которой установка определялась как основная и изначальная реакция субъекта на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи. Д.И. Узнадзе считал, что установка проявляется фактически у каждого живого существа в процессе его взаимоотношений с действительностью, существует, не принимая форму содержания сознания, протекает вне сознания и не оказывает решительного влияния на все содержание психической жизни.

Но Ф.В. Бассин, принимая все то ценное, что содержится в теории Д.И. Узнадзе в отношении значения установок как основы теории «бессознательного», не соглашался с представлением об установке как о факторе, способном быть только неосознаваемым. Именно колебания в степени ясности осознания установок, осцилляции этой характеристики и определили ту специфическую роль, которую Ф.В. Бассин выделил в установке, определив ее в качестве организатора поведения, который поведение адекватно формирует или разрушает.

Основной особенностью установки является то, что один раз активированная установка не пропадает, а сохраняет в себе готовность снова актуализироваться, лишь только вступят в силу подходящие для этого условия.

Ф.В. Бассин причислял к психозащитным механизмам создание более широкой в смысловом отношении установки, которая направлена на нейтрализацию нереализуемой по каким-либо причинам аффективно насыщенной установки. В поле действия новой установки снимается противоречие между первоначальными стремлениями и препятствием, при этом первоначальное стремление как мотив преобразуется и обезвреживается.

Но Ф.В. Бассин не поддерживал положение психоанализа о психологической защите как *ultimo ratio*, как последнее остающееся в распоряжении субъекта средство для устранения эмоциональных напряжений, которые вызываются столкновением осознаваемого с противостоящим и враждебным по

отношению к нему бессознательным. Он отмечал, что главное в защите сознания от дезорганизующих его влияний психической травмы – понижение субъективной значимости травмирующего фактора.

По мнению Ф.В. Бассина, психологическая защита является нормальным, повседневно работающим механизмом человеческого сознания. При этом он подчеркивает огромное значение защиты для снятия различного рода напряжений в душевной жизни. По его мнению, защита способна предотвратить дезорганизацию поведения человека, наступающую не только при столкновении сознательного и бессознательного, но и в случае противоборства между вполне осознаваемыми установками.

Основным в психологической защите Ф.В. Бассин считает перестройку системы установок, направленную на устранение чрезмерного эмоционального напряжения и предотвращающую дезорганизацию поведения.

Анализ работ Б.Д. Карвасарского, В.А. Ташлыкова, Ф.Е. Василюк, В.С. Ротенберга, Э.И. Киршбаума, А.И. Еремеевой показал, что возникновение механизмов психологической защиты способствует ситуации, которая представляет собой серьезное испытание для человека и в некоторой степени превышает его внутренние ресурсы, выходит за рамки его актуального развития. Экзотичная ситуация как ситуация невозможности представляет собой констелляцию объективных и субъективных факторов. Психологическая защита определяется при этом не объективным событием, а субъективной значимостью этого события для человека. Поэтому и главная задача психологической защиты данными авторами видится в устранении психологического дискомфорта, а не в реальном решении экзотичной ситуации, т.е. психологическая защита ведется соответствующей актуальной ситуацией.

Цель данного исследования состояла в том, чтобы выяснить, является ли психологическая защита ресурсом адаптивного поведения в кризисной ситуации у русских студентов, обучающихся и проживающих в Лондоне во время локдауна по поводу пандемии COVID-19 на протяжении десяти недель официально объявленного локдауна.

В исследовании участвовали 32 студента из шести университетов Лондона (University of Westminster, King's College London, Imperial College London, City University of London, University of Reading, CASS Business School) в возрасте от 20 до 24 лет, проживающих в Великобритании от 5 до 9 лет, из них 18 юношей и 14 девушек. Все обследуемые хорошо знакомы между собой, так как либо обучались вместе в школе или в университете, либо вместе занимались разными видами активностей.

Использовались англоязычные варианты методик «Life style index» (Plutchik R, Kellerman H.,

Conte H.R.), «Diagnosis of social and psychological adaptation» (K. Rogers, R. Diamonds), «State-trait Anxiety Inventory» (C. Spielberger, R.L. Gorsuch, R.E. Lushene), корреляционный анализ, t-критерий Стьюдента.

На **первой неделе** локдауна (24.03–31.03), официально объявленного в стране, у обследуемых в ядре профиля психологической защиты выявлены следующие механизмы: отрицание, вытеснение, проекция (табл. 1).

Таблица 1

Ядро психологической защиты на первой неделе локдауна

Механизм психологической защиты	Значение	t
Отрицание	6,98	2,96***
Вытеснение	5,79	2,04**
Проекция	7,86	5,3*

Выявлена прямая взаимосвязь между такими защитными механизмами, как отрицание, вытеснение, и высоким социально-психологической уровнем адаптации, т.е. данные механизмы способствуют эффективному поведению в кризисной ситуации (табл. 2). Обнаружена и обратная корреляционная зависимость между адаптацией и регрессией, реактивными образованиями и проекцией, а это свидетельствует, что поведение в этот период не способствует принятию конструктивных решений. Возможно, наличие этих взаимосвязей позволяло обследуемым вести себя по-разному в сложившейся ситуации.

Таблица 2

Взаимосвязь механизмов психологической защиты и уровня социально-психологической адаптации

Механизм психологической защиты	Уровни социально-психологической адаптации		
	Высокий	Низкий	Неопределенный
Отрицание	0,77	–	–
Вытеснение	0,58	–	–
Проекция	-0,65	–	–
Реактивные образования	-0,77	–	–
Регрессия	–	-0,60	–

Возможно, действием этих защитных механизмов объясняется отказ возвращаться домой в Россию, несмотря на уговоры родителей, и восприятие ситуации с COVID-19 как преувеличенной, не заслуживающей серьезного отношения, отсутствие страха заболеть. Тревожная информация игнорировалась, присутствовало непонимание тех, кто решил вернуться домой в Россию к родителям.

Привычка часто видаться с друзьями оставалась, но рестораны или парки не работали, поэтому встречались у кого-нибудь дома, передвигаясь на такси или личных автомобилях. Общий эмоциональный фон первые пять дней локдауна был благополучным, происходящее воспринималось как игра, весело обсуждались пустые полки магазинов (рис. 1) и отсутствие туалетной бумаги, строились оптимистичные планы (выучить еще один язык, прочитать книги, похудеть, посмотреть сериалы, подготовиться к сдаче экзаменов в университете и автошколе, поиграть в любимые компьютерные игры и т.д.).

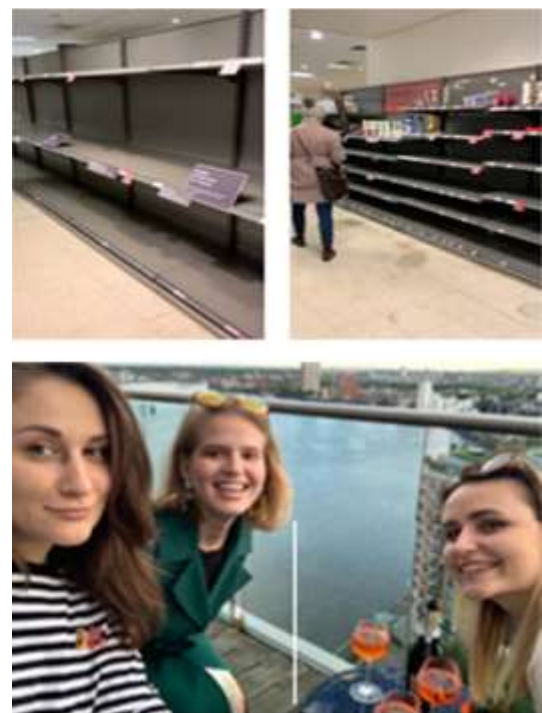

Рис. 1. Пустые полки в магазинах и встречи с друзьями во время первой недели локдауна

К концу первой недели стала нарастать тревожность, причем ситуативная ($S = 64; L = 38 p < 0,05$) преобладала над личностной. Появились первые панические реакции у девушек, увеличивалось проявление отрицательных эмоций, появились чувства безысходности и страх.

На **второй неделе** локдауна встречи стали более редкими и малочисленными. Обратная корреляционная зависимость между адаптацией и регрессией, реактивными образованиями, проекцией (табл. 2) свидетельствует, что эти защитные механизмы являются малоэффективными, и подтверждает, что действия обследуемых в этот период не позволяли им успешно справляться со сложившейся ситуацией. Реагирование на ситуацию через отрицание способствовало тому, чтобы не соблюдать профилактические меры в первые дни пандемии.

К концу второй недели пришло осознание серьезности ситуации, понимание, что это все быстро не закончится, необходимости обязательного использования средств индивидуальной защиты (маски, перчатки).

Запланированные на первой неделе мероприятия не реализовывались, так как построение планов исходило из привычных представлений о жизни «до» наступления пандемии. Стала проявляться агрессия, больше направленная на себя, появлялось желание что-то изменить. Две девушки выступили организаторами сбора средств для одного Лондонского ресторана, который готовил обеды врачам, остальные с удовольствием подключились к акции. Благодаря собранным средствам, ресторан на протяжении десяти недель готовил 300 обедов для врачей и медицинского персонала, работающих в четырех госпиталях (рис. 2). Позднее деятельность ресторана была поощрена на государственном уровне.

На второй неделе в четверг, выйдя на балконы, все активно включались в еще одну акцию – поддержка врачей аплодисментами. Наблюдали за тем, как молча и с достоинством англичане переносят сложности ситуации. Даже в трогательной речи королевы Елизаветы основной посыл звучал как «Keel calm and Carry on» (сохраняй спокойствие и продолжай).

На **третьей неделе** встречи стали проходить в режиме онлайн, любая тема сводилась к обсуждению пандемии, но депрессивный фон настроения стал меняться на более позитивный, появились шутки (рис. 3).

На **четвертой неделе** шло уточнение планов, которые так и не начали реализовываться. Особое обсуждение заслуживала тема спорта. Не удалось ввести занятия спортом в режим дня, хотя все необходимое оборудование для занятий в домашних условиях было приобретено. Еда, сон и онлайн-шопинг были основными регуляторами настроения в этот период (рис. 4).

Рис. 2. Обеды для врачей во время локдауна на собранные средства

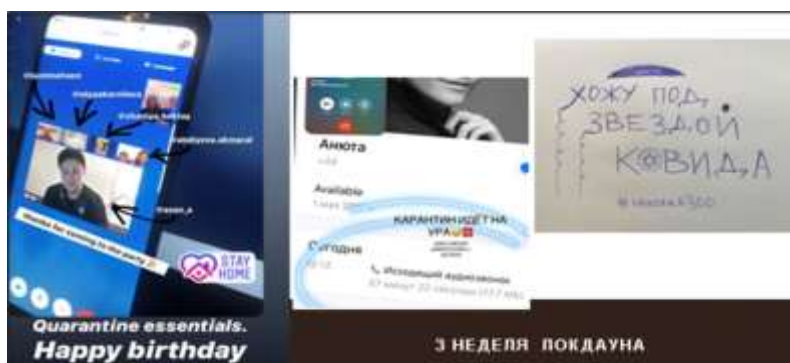

Рис. 3. Онлайн-встречи и шутки на третьей неделе локдауна

Рис. 4. Еда, сон и онлайн-шопинг – основные регуляторы настроения на четвертой неделе локдауна

Пятая и шестая недели характеризовались как «карантинная рутина». Отсутствие новых инфоповодов привело к усталости друг от друга, появились конфликты, обиды, обвинения. Количество контактов сократилось, происходило погружение в собственное «Я».

На **седьмой и восьмой неделях** появилась злость на ситуацию, потому что она мешала реализации жизненных планов, желание из нее вырваться (рис. 5). Онлайн общение сменилось поездками к морю, компьютерные игры – настольными, встречаясь, играли в «Монополию», «Лото», «Мафию». Стала проявляться когнитивная активность, чаще преобладать разговоры о подготовке к предстоящим экзаменам.

Рис. 5. Активность на седьмой и восьмой неделях локдауна

На **девятой и десятой неделях** дистанционно сдавали экзамены, активно поддерживали друг друга, неожиданно включились в прохождение образовательных курсов и курсов личностного роста (рис. 6). Большая часть построенных планов так и осталась нереализованной, но появились новые планы и новые ожидания.

Рис. 6. Активность на девятой и десятой неделях локдауна

На десятой неделе в ядре психологической защиты «отрицание» сменилось «реактивными образованиями» – 5,86 ($t = 3,53$ $p < 0,01$). Этот механизм как доминирующий не является характерным для русских, особенно для молодежи, которая не готова жить по правилам. Но все то, что «вчера» казалось странным, «сегодня» стало новой нормой.

Анализ поведенческих реакций на протяжении десяти недель показал, что в динамике можно наблюдать четыре последовательно сменяющиеся стадии:

- 1) отрицание, обесценивание опасности (1-я неделя);
- 2) осознание, поиск нового поведенческого репертуара (2–4-я недели);
- 3) усталость, отстраненность от проблем (5–8-я недели);
- 4) принятие и соответствие новой действительности (9–10-я недели).

Таким образом, психологическая защита, функционирующая на стыке сознательного и бессознательного психического, – не только регулятор эмоциональных реакций, но и ресурс адаптивного поведения в кризисной ситуации, позволяющий адаптироваться к ситуации и способствующий раскрытию личностного потенциала. Многие обследуемые отмечали, что стали более самостоятельными, ответственными, менее зависимыми от общения, но отношение к друзьям стало более трогательным.

Список источников

1. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы : пер. с англ. Москва : Педагогика, 1993. С. 144–148.
2. Фрейд С. О творчестве и бессознательном Статьи по психологии искусства, литературы, любви, религии. Нью-Йорк : Harper & Row, 1958. 310 с.
3. Бассин Ф.В. О силе «Я» и психологической защите // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 118–125.

References

1. Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defence. London: Hogarth Press, 1948. P. 144–148.
2. Freud S. On creativity and the unconscious Papers on the psychology of art, lit., love, religion. N.Y.: Harper & Row, 1958. 310 p.
3. Bassin, F. V. On the power of the "I" and psychological protection // Questions of Philosophy. 1969. No. 2. P. 118–125.

Информация об авторах

К.И. Воробьева – доктор психологических наук, профессор;
Е.Л. Лукьянова – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

K.I. Vorobeva – Doctor of Science (Psychology), Professor;
E.L. Lukyanova – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.923.5

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-111-116

ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПСИХОТЕРАПИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Анна Андреевна Леженина

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, lanna0808@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме влияния возрастных особенностей на представление о психотерапии в современном информационном обществе; обосновывается идея о том, что эмоции, окружающие информационный поток, в большей степени определяют формирование представлений. Основное содержание исследования составляет анализ результатов ассоциативного эксперимента (слова-стимулы: «психолог»; «психотерапевт»; «психотерапия»), анкетирования «Отношение к психотерапии», проективной методики «Посещение психотерапевта». Автор приходит к выводу, что в современном обществе люди старшей возрастной группы (36–50 лет) в сравнении с более молодым поколением являются менее осведомленными в сфере получения психолого-терапевтической помощи, обращения к квалифицированным специалистам, стереотипны в своих представлениях, отрицательно относятся к психотерапии, не видят возможности помощи со стороны этих специалистов.

Ключевые слова: представление, психолог, психотерапевт, психотерапия, возраст

Original article

THE AGE ASPECT OF PERCEPTIONS OF PSYCHOTHERAPY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Anna A. Lezhenina

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, lanna0808@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the current problem of the influence of age-specific features on the concept of psychotherapy in modern information society. The idea is substantiated that the emotions surrounding the information flow to a greater extent determine the formation of perceptions. The main content of the study is an analysis of the results of associative experiment (words of stimuli: «psychologist»; «psychotherapist»; «psychotherapy»), the questionnaire «Attitude towards psychotherapy», projective methods «Visit to psychotherapist». The author comes to the conclusion that in modern society, people of the older age group (36-50 years old) in comparison with the younger generation are less aware of obtaining psychological and therapeutic assistance, contacting qualified specialists, stereotyped in their ideas, have a negative attitude to psychotherapy, do not see the possibility of help from these specialists.

Keywords: perception, psychologist, psychotherapist, psychotherapy, age

В современном обществе нет единого представления о том, что изучает наука психология, что входит в профессиональную деятельность психолога, чем психолог отличается от психотерапевта и зачем вообще обращаться к подобным специалистам?

Например, образ психотерапии, сложившийся в советский период, исчерпывается гипнозом, аутогенной тренировкой и «антиалкогольным кодированием», а психолога до сих пор наделяют сверхъестественной способностью видеть человека «насквозь» [1; 8]. При этом в современном обществе прилавки книжных магазинов за последние годы оказались переполненными как отечественными, так и переводными руководствами по различным системам оздоровления, в том числе и душевного, другие средства массовой информации также предоставляют обществу разносторонние данные в этой области [2; 11].

Сегодня растет число людей, принявших непростое решение обратиться к специалисту – психотерапевту, психологу, а также и число самих специалистов. По данным лаборатории аналитической эпидемиологии ГНЦ им. В.П. Сербского о численности психиатров, работающих только в государственных лечебных, научных и учебных заведениях, их число превышает 16 тысяч и составляет в среднем 0,55 на 10 тыс. населения; по данным профессиональных сообществ психологов, численность психологов в настоящее время составляет более 30 тысяч. Множество специалистов – квалифицированных и шарлатанов – предлагают свои рецепты по решению практически всех проблем, связанных с обретением душевного мира и благополучия. При кажущемся изобилии неизменно возникает растерянность, настороженность, устойчивое неприятие слов с корнем «психо».

В связи с многообразием представлений о психологе, психотерапевте, психотерапии было принято решение о проведении исследования с целью изучения представлений о психотерапии людей разных возрастных групп, установления причин существующего негативного отношения.

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что представления о психологии людей разных возрастных групп имеют свою специфику.

В ходе анализа литературы было установлено, что современное понимание термина «представление» в целом сложилось к середине XX в. и под ним понимают субъективные образы объективно существующего, воссозданные памятью (представления памяти) или созданные воображением (творческие образы), возникающие, когда нечто материальное, породившее эти образы, непосредственно не воздействует на органы чувств субъекта [4; 5]. Вместе с тем конкретизация, уточнение, перенос, встраивание фундаментальных идей первой половины XX в. в новые теоретические контексты активно продолжается до сих пор. Наиболее интересными в этом смысле являются работы Э.В. Ильенкова, Б.М. Теплова, Л.Ю. Тихомирова, А.В. Басова, А.А. Гостева, Е.Л. Агаевой, А.В. Брушлинского, Л.М. Гуровой, Ю.Б. Гиппенрейтер, Р.С. Немова, Е.Л. Пороцкой, В.П. Зинченко, А.Г. Рузской, П.А. Рудика, Е.А. Климова, Л.А. Венгера, О.М. Дьяченко, Л.Ф. Обуховой, А.В. Петровского [6; 7].

Ведущим определением нашей работы является мнение С.Л. Рубинштейна, который писал, что представления – это субъективные образы объективно существующего, воссозданные памятью (представления памяти) или созданные воображением (творческие образы), возникающие, когда нечто материальное, породившее эти образы, непосредственно не воздействует на органы чувств субъекта [12; 13].

Основными факторами формирования представлений являются процессы социализации личности, эмоциональный фактор, спонтанные понятия, особенности воспитания и развития психических процессов, средства массовой информации.

Следует обратить внимание на эмоциональный фактор формирования представлений и на средства массовой информации. По нашему мнению, на формирование представлений о психотерапии указанные факторы имеют особое влияние, так как ввиду высоких технологий XXI в. Интернет и телевидение оказывают массовое воздействие на людей, что может отразиться на мнении о посещении психолога или психотерапевта [9; 10].

В работе изучаются представления о психотерапии, следовательно, необходимо уточнить, что в настоящее время психотерапия понимается как си-

стема комплексного лечебного вербального и невербального воздействия на эмоции, суждения, самосознание человека при различных заболеваниях (психических, нервных, психосоматических).

Основной целью психотерапия ставит купирование психопатологической симптоматики, посредством чего предполагается достижение внутренней и внешней гармонизации личности [3].

К основным задачам психотерапии можно отнести:

- 1) помощь пациенту в понимании проблемы;
- 2) устранение эмоционального дискомфорта;
- 3) свободное выражение чувств;
- 4) помощь пациенту в поиске новых способов решения проблемы;
- 5) помощь пациенту в проверке новых способов мышления и поведения за пределами терапевтической ситуации [14].

Изучая возрастной аспект представлений о психотерапии в современном российском обществе, необходимо раскрыть общие и отличительные признаки профессиональной деятельности психолога и психотерапевта.

Первоначально отметим общие составляющие профессиональной деятельности психолога и психотерапевта:

- профессиональная деятельность психолога и психотерапевта относится к типу профессий «человек–человек» и основана на прямом контакте специалиста и клиента (пациента);
- цель профессиональной деятельности психолога и психотерапевта (оказание помощи человеку, создание условий для качественного изменения жизни);
- специалисты могут работать в одних и тех же направлениях (консультирование, реабилитация, коррекция, просвещение);
- профессиональная деятельность психолога и психотерапевта осуществляется только специалистами с соответствующим образованием.

Перейдем к рассмотрению различий в содержании профессиональной деятельности психолога и психотерапевта:

- основное различие заключается в том, что психолог работает только с нормой, в то время как психотерапевт может работать с людьми, имеющими определенные, хоть и негрубые, расстройства (невротического и пограничного уровня);
- психолог работает с различными психологическими проблемами и трудностями; в компетенцию психотерапевта входят более сложные случаи: работа с различными зависимостями (химическими, игровыми, эмоциональными, пищевыми), неврозами, депрессиями, тревожными расстройствами, паническими атаками, бессонницей, сексуальной дисфункцией, психосоматическими расстройствами и т.д.;

– работа психолога с клиентом может носить образовательную, поддерживающую, ситуационную направленность, ориентирована на решение проблемы, сфокусирована на сознательном; работа психотерапевта с пациентом может носить поддерживающую, реконструктивную направленность, ориентирована на глубинную работу, сфокусирована на бессознательном;

– для решения конкретной проблемы психолог применяет один или комплекс приёмов: индивидуальные консультации, тренинги, групповые или индивидуальные занятия; психотерапевт как практикующий врач в своей работе руководствуется официальными рекомендациями Министерства здравоохранения, клиническими протоколами по лечению тех или иных психических отклонений;

– осуществляя одни и те же направления деятельности, специалисты используют разные подходы в работе: психолог обращается к внутренним ресурсам клиента при решении проблемы, тогда как психотерапевт ставит диагноз и может применять медикаментозные средства при работе с пациентом.

В целях изучения возрастного аспекта представлений о психотерапии в современном российском обществе было проведено эмпирическое исследование. Исследование осуществлялось посредством следующего аппарата методик:

- ассоциативного эксперимента, слов-стимулов: «психолог»; «психотерапевт»; «психотерапия»;
- анкетирования «Отношение к психотерапии»;
- проективной методики «Посещение психотерапевта» [10].

В качестве респондентов выступили жители различных регионов России, которые были разделены на группы по возрастному признаку:

группа 1 – люди в возрасте 20–35 лет;

группа 2 – люди в возрасте 36–58 лет.

Перейдем к рассмотрению результатов эмпирического исследования.

Ассоциативный эксперимент выявил, что у респондентов группы 1:

– в представлениях, возникающих на стимул «психолог», преобладают ассоциации «помощь» (65 %), «врач» (25 %), «псих» (10 %);

– в представлениях, возникающих на стимул «психотерапевт», имеется точная взаимосвязь с лечебным учреждением, с медикаментозным вмешательством, с больницей, так как у большинства опрошенных выявлены ассоциации «врач» (65 %), «лечение» (30 %), «лекарства» (5 %);

– в представлениях, возникающих на стимул «психотерапия», преобладают ассоциации «лечение» (70 %), «помощь» (18 %), «процедура и внушение» (12 %).

Ассоциативный эксперимент выявил, что у респондентов группы 2:

– в представлениях, возникающих на стимул «психолог», преобладают ассоциации «псих» (85 %), «врач» (15 %);

– в представлениях, возникающих на стимул «психотерапевт», преобладает ассоциация «врач» (77 %), были получены такие ассоциации, как: «лечит душу за деньги», «человек, способный применять другие техники помимо беседы»;

– в представлениях, возникающих на стимул «психотерапия», отмечены такие ассоциации, как «лечение» (69 %) и «отдых, здоровье» (23 %).

Подведем итоги ассоциативного эксперимента: общая ассоциация на стимул «психолог» у обеих групп – «врач». Это говорит о том, что у респондентов обеих групп сформировано ложное понимание профессиональной деятельности психолога, так как психолог – это не врач, который лечит и выписывает препараты, а специалист, который работает с психически здоровыми людьми, попавшими в сложную жизненную ситуацию [9]. Но стоит отметить, что у респондентов группы 1 были «положительные» ассоциации, такие как «помощь», тогда как у респондентов группы 2 на стимул «психолог» преобладала негативная ассоциация – «псих». Можно предположить, что респонденты группы 1 менее подвержены стереотипам и обладают большей информацией о том, кто такой психолог; респонденты группы 2 не понимают специфики профессиональной деятельности как психолога, так и психотерапевта.

При математической обработке полученных результатов посредством критерия Манна–Уитни были установлены значимые различия, которые показали, что специфика агрессивного восприятия профессии психолога явилась основным различием группы 1 и группы 2.

На основании изученного теоретического материала была разработана анкета «Отношение к психотерапии». Отвечая на вопросы анкеты, респонденты определяли, как они понимают, кто такие психолог, психотерапевт, и что представляет собой психотерапия в целом, высказывали свое отношение к психотерапии.

Обратимся к анализу результатов анкетирования респондентов группы 1.

Первый вопрос анкеты был направлен на выявление информации о посещении/непосещении респондентами психолога или психотерапевта. Результаты показали, что лишь 15 % респондентов дали положительный результат, остальные 85 % дали отрицательный ответ.

Нам были интересны причины подобного поведения. Респонденты, которые не посещали обозначенных специалистов, указывали на то, что в этом «не было необходимости», что они «справляются собственными силами», являются «сильными, здо-

ровыми личностями». Ответ: «Я здоров» – интересен, так как он указывает на то, что в представлениях респондентов посещают психотерапию психически нездоровые люди. Хочется выделить высказывание: «Боже упаси, на советах каши не сварить», респондент в данном случае ошибочно полагает, что психотерапевт раздает советы. Также следует добавить такое утверждение, как: «Не потяну финансово», что является веской причиной для того, чтобы отказаться от психотерапии, так как в наше время поправить свое психологическое здоровье стоит не дешево.

Респонденты, которые дали положительный результат, объясняют это тем, что нуждаются в помощи квалифицированного специалиста. Причинами такого выбора явились: физиологические нарушения состояния здоровья (затруднения дыхания); критическая жизненная ситуация (болезненно переживаемая смерть близкого человека). Анализ ответов респондентов позволяет сделать вывод о том, что к психологу или психотерапевту человек обращается только в крайней ситуации, когда самостоятельно разрешить сложившиеся проблемы не получается [8]. Подобная ситуация говорит об отсутствии четкого представления о психотерапии, люди обращаются к специалистам от безысходности, в их выборе нет осознанности.

Далее мы выясняли отношение респондентов к психотерапии и определили факторы, способствующие формированию этого представления.

Результаты анкетирования показали, что у 50 % респондентов нейтральное отношение к психотерапии, у 45 % – положительное и 5 % респондентов указали на отрицательное отношение.

Респонденты, которые дали положительную оценку психотерапии, объясняют это тем, что читают полезную литературу по психологии, имеют личный жизненный положительный опыт. Однако необходимо отметить, что ранее возможность обращения к психотерапии была отмечена лишь у 15 %. Можно предположить, что респонденты относятся положительно к психотерапии исходя из социальной значимости, но исключают для себя возможность в дальнейшем посещать специалистов.

У 5 % респондентов был выявлен отрицательный ответ. Отрицательное отношение к психотерапии респонденты объясняют «наличием у себя здравого смысла, логики, высшего образования и личной неприязни к такой нации, как американцы». Это говорит о стереотипности мышления у респондентов, считающих, что психотерапию посещают люди «ума не глубокого», что говорит о негативном восприятии представления психотерапии.

Далее в исследовании мы уточнили представления о профессиональной деятельности психотерапевта. Описывая деятельность психотерапевта, респонденты указали на то, что это: «медицинская

помощь», «психологическая помощь», «медикаментозное лечение», 10 % респондентов предложили свои варианты ответа, такие как: «слушать чужой бред и получать за это деньги»; «снижать уровень стресса».

Анализ результатов анкетирования группы 2 показал следующее.

Первый вопрос анкеты был направлен на выявление информации о посещении/непосещении респондентами психолога или психотерапевта. Результаты показали: 10 % респондентов посещали специалистов, остальные 90 % дали отрицательный ответ.

Большинство участников исследования группы 2 указали, что не ходили к специалистам, потому что не было необходимости. В единичных случаях были выявлены такие ответы, как: «Привык справляться самостоятельно», «Поможет разговор с Богом».

Как показало исследование, респонденты, которые посещали психотерапевта или психолога, делали это не по собственному желанию, а по требованию работодателя.

Затем мы выясняли отношение респондентов к психотерапии и определяли факторы, способствующие формированию этого представления.

По результатам высказываний об отношении к психотерапии у 65 % респондентов группы 2 отмечены положительные оценки, у 35 % равнодушные.

Респонденты, высказывающие положительное отношение к психотерапии, ссылались на отзывы близких людей. Испытуемые, которые дали равнодушный ответ, причины не указывали.

Анализ результатов ответов на вопрос о специфике профессиональной деятельности психотерапевта показал следующее.

Большинство респондентов считают, что специфика профессиональной деятельности психотерапевта заключается в психологической помощи, что говорит о неполном понимании деятельности психотерапевта. Психотерапевт, безусловно, оказывает психологическую помощь, но также является врачом, который имеет право выписывать рецепты на медикаментозные препараты для лечения психических расстройств. В данном случае испытуемые путают профессиональную деятельность психолога и психотерапевта.

Как показали данные, полученные в ходе анкетирования, респонденты обеих групп имеют размытое представление о специфике профессиональной деятельности психолога и психотерапевта. Они не исключают необходимости обращения к этим специалистам других людей, сами же не готовы к подобной помощи.

Обратимся к анализу данных, полученных посредством проективной методики, на стимул: «Нарисуйте, как вы представляете сеанс психотерапевта» (рисунок).

Рисунок. Рисунки, полученные в ходе проективной методики: а – рисунок респондента группы 1; б – рисунок респондента группы 2

Анализ результатов проективной методики подтверждает данные, описанные ранее, а именно:

– большинство респондентов группы 1 имеют сформированное целостное, конкретизированное представление о посещении психотерапевта, респонденты представляют посещение психотерапевта в виде беседы, это подтверждают четко проиллюстрированные образы таких атрибутов в комнате, как стул, стол, сидящие за ним клиент и психотерапевт;

– респонденты группы 2 представляют посещение психотерапевта в виде застолья двух людей, которые ведут диалог, распивают алкоголь, что еще раз подчеркивает преобладание стереотипных представлений у респондентов.

Все полученные данные были подвергнуты корреляционному анализу.

В ходе корреляционного анализа были получены прямые и обратные взаимосвязи, которые дают возможность предположить, что положительное отношение к профессиональной деятельности психолога или психотерапевта связано с наличием позитивного личного опыта взаимодействия со специалистами, равнодушие или отрицательное представление складывается исходя из мнения большинства, основанного на стереотипах, сложившихся в обществе.

Как было установлено ранее, четкое разделение в представлениях о профессиональной деятельности психолога и психотерапевта отсутствует у всех респондентов, участвующих в исследовании. Однако корреляционный анализ показал, что агрессивные реакции возникают в основном на деятельность психотерапевта, психолог вызывает только отрицание.

Результаты корреляционного анализа показали, что на формирование представлений о психотерапии влияет склонность к агрессивному поведению респондентов, сложившиеся стереотипы, отсутствие личного опыта общения со специалистами, отсутствие интереса к деятельности психолога или психотерапевта.

Подводя итоги, необходимо отметить, что представления о психотерапии людей разных возрастных групп имеют свою специфику. Люди более молодого возраста (20–35 лет) мобильны, они положительно воспринимают новые веяния, у них отсутствует страх перед посещением психотерапевта или психолога, они частично осознают возможность реальной помощи со стороны специалистов. Люди старшей возрастной группы (36–50 лет) стереотипны в своих представлениях, они отрицательно относятся к психотерапии, не видят возможности помощи со стороны психолога или психотерапевта.

Список источников

1. Бурлачук Л.Ф., Кочарян А.С., Жидко М.Е. Психотерапия. Санкт-Петербург : Питер, 2002. С. 5–12.
2. Вайнер И. Основы психотерапии. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 288 с.
3. Голованчикова И.А. Основные подходы и методы психотерапии // Московский психологический журнал, 2005. № 12. URL: <https://magazine.mospsy.ru/nomer12/s07.shtml> (дата обращения: 11.10.2022).
4. Гончаров М.А. Почему психотерапевт лучше дружеской жилетки. Санкт-Петербург : АСТ Прайм-Евроник, 2013. С. 2–7.
5. Есюк Р.П. Системные принципы в психотерапии. Москва : Новое слово, 2010. 302 с.
6. Маринчева Л.П., Злоказова М.В. Психотерапия : учебное пособие для студентов психологических факультетов вузов. Киров : ГГУ, 2008. 443 с.
7. Михайлов Б.В., Сердюк А.И., Федосеева В.А. Психотерапия в общесоматической медицине: Клиническое руководство. Харьков : Прапор, 2002. 128 с.
8. Огинская М.М., Розин М.В. Мифы психотерапии и их функции // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 12–21.
9. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т. III. Физиология и патология высшей нервной деятельности. Москва : Изд-во Академии наук, 1995. 435 с.
10. Попова Т.В. Ассоциативный эксперимент в психологии : учебное пособие. Москва : Флинта : НОУ ВПО «МПСи», 2011. 71 с.
11. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. Москва : Прогресс, 1994. 478 с.

12. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Санкт-Петербург : Питер, 2012. 400 с.
13. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. Санкт-Петербург : Питер, 2012. 224 с.
14. Сидоров П.И., Парняков А.В. Клиническая психология. Москва : ГЭОТАР Медиа, 2008. 880 с.

References

1. Burlachuk L.F., Kocharjan A.S., Zhidko M.E. Psihoterapija. SPb.: Piter, 2002. S. 5–12
2. Vajner I. Osnovy psihoterapii. SPb.: Piter, 2002. 288 s.
3. Golovanchikova I.A. Osnovnye podhody i metody psihoterapii // Moskovskij psihologicheskij zhurnal. 2005. № 12. URL: <https://magazine.mospsy.ru/nomer12/s07.shtml> (accessed: 11.10.2022).
4. Goncharov M.A. Pochemu psihoterapevt luchshe družeskoj zhiletki. SPb: Izd-vo AST Prajm-Evroznak, 2013. S. 2–7
5. Esljuk R.P. Sistemnye principy v psihoterapii. M. : Novoe slovo, 2010. 302 s.
6. Marincheva L.P., Zlokazova M.V. Psihoterapija: uchebnoe posobie dlja studentov psihologicheskikh fakul'tetov vuzov. Kirov: GGU, 2008. 443 s.
7. Mihajlov B.V., Serdjuk A.I., Fedoseeva V.A. Psihoterapija v obshhesomaticheskoj medicine: Klinicheskoe rukovodstvo. Har'kov: Prapor, 2002. 128 s.
8. Oginskaja M.M., Rozin M.V. Mify psihoterapii i ih funkcii // Vopr. psihologii. 1991. № 4. S. 12–21.
9. Pavlov I.P. Polnoe sobranie sochinenij, tom III, «Fiziologija i patologija vysšej nervnoj dejatel'nosti». M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk, 1995. 435 s.
10. Popova T.V. Assosiativnyj jeksperiment v psihologii : ucheb. posobie. M. : Flinta : NOU VPO «MPSI», 2011. 71 s.
11. Rodzhers K. Vzgljad na psihoterapiju. Stanovlenie cheloveka. M. : Progress, 1994 478 s.
12. Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie. SPb.: Piter, 2012. 400 s.
13. Rubinshtejn S.L. Chelovek i mir. SPb. : Piter, 2012. 224 s.
14. Sidorov P.I., Parnjakov A.V. Klinicheskaja psihologija. M. GJeOTAR Media, 2008. 880 s.

Информация об авторе

А.А. Леженина – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

A.A. Lezhenina – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 17.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-117-124

СМЕРТЬ, КРАСОТА И ТЕЛО: РАЗМЫШЛЕНИЯ О РАССТРОЙСТВАХ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Давид Львович Бекер

Дальневосточный институт психологии и психоанализа, Хабаровск, Россия, beckerdav@rambler.ru

Аннотация. В статье показано, как патологические проявления инстинкта смерти вызывают искажения нарциссических идеалов красоты и крайне деструктивно влияют на психогенез в подростковом возрасте. Расстройство пищевого поведения в этом случае рассматривается как средство защиты от невыносимого ужаса поглощения и аннигиляции материнским объектом. Преследование субъекта жестоким Супер-Эго возникает в связи с усилением инцестуозного влечения и нарушения триангуляции в ситуации семейного кризиса. Необходимость сепарации с матерью диктуется задачами развития, с одной стороны, а с другой стороны – женственность пугает взрослыми желаниями и возможностями. Также рассматривается мотив жертвоприношения, проявляемый через тотальный отказ от женственности, как средство борьбы с инцестуозными фантазиями, лежащими в основе развития анорексии.

Ключевые слова: расстройство пищевого поведения, анорексия, инстинкт смерти, жесткое Супер-Эго, инцестуозное влечение, триангуляция, сепарация, жертвоприношение

Original article

DEATH, BEAUTY AND BODY: REFLECTIONS OF THE EATING DISORDERS

David L. Becker

Far Eastern Institute of Psychology and Psychoanalysis, Khabarovsk, Russia, beckerdav@rambler.ru

Abstract. The article shows how pathological manifestations of the death instinct cause distortions of narcissistic ideals of beauty and have an extremely destructive effect on psychogenesis in adolescence. The eating disorder in this case is seen as a defense against the unbearable horror of absorption and annihilation by the mother's object. The persecution of the subject by the cruel Superego arises in connection with the intensification of the incestuous attraction and disturbance of triangulation in a situation of family crisis. The need for separation from the mother is dictated by the tasks of development, on the one hand, and on the other hand, femininity frightens with adult desires and opportunities. The motive of sacrifice, manifested through the total rejection of femininity, is also considered as a means of combating incestuous fantasies that underlie the development of anorexia.

Keywords: eating disorder, anorexia, death instinct, rigid superego, incestuous impulse, triangulation, separation, sacrifice

Взросление – чертовски трудная штука!

Гораздо легче перейти из одного детства в другое.

Ф.С. Фицджеральд

Клинические проявления нарушения пищевого поведения с начала Миллениума стали возрастать в завидной прогрессии, а борьба за так называемую красоту стала определять современный тренд популярности и успеха, становясь одной из базовых ценностей постиндустриального общества. Что такое красота? Красота – это эстетическая категория, обозначающая совершенство, гармоничное сочетание аспектов объекта, при котором последний вызывает у наблюдателя эстетическое наслаждение. Она является одной из важнейших категорий культуры. Стандарты женской красоты довольно сильно разнятся в зависимости от культуры (места) и эпохи. В мифах древних цивилизаций богини часто

наделены красотой и отождествляются с плодородием, рождением, жизнью. В основном богини красоты были также и богинями любви. Древнеиндийская богиня Лакшми, супруга Вишну, которую исследователи относят к индуистскому пантеону, почиталась как богиня любви и красоты, имела второе имя (или ипостась) Шри, что означает процветание. Считается, что её реинкарнацией была Драупати из «Махабхараты», первая в мире красавица, жена пандавов. Фрея, богиня скандинавского пантеона, также связывалась с красотой, любовью и плодородием. Каннон, богиня милосердия, в японской буддистской традиции всегда изображается в образе красивой и праведной женщины.

Существует несколько изображений этой богини, даже с головой лошади, но во всех из них подчёркивается её красота. Каннон также называют японской мадонной. Богиней любви и красоты в Греции была Афродита. Легенда об Афродите и Адонисе связывает эту богиню с периодом расцветания, тёплыми, плодородными временами года, несмотря на то, что в греческом пантеоне было место и для богини плодородия Деметры. Красота богини, таким образом, связывалась с красотой природы, её оживлением, началом нового цикла времён года.

Мужчины и женщины красивы, когда они нравятся противоположному полу. Воспринимая женщину или мужчину как своего возможного партнёра, мы никогда не ошибаемся, какому полу что нужно. Здесь действует «опыт предшествующих поколений». Эталон красоты – это вероятнее категория культуры. Каждая эпоха вырабатывала свои эталоны красоты. Эталон красоты женщины – то, что представляется идеалом и сегодня. Некоторые из стандартов красоты прошлого кажутся нам ужасающими, например, вытянутые металлическими кольцами шеи, губы, размером с блюдце. Иногда кажется, что стандарты женской красоты и здоровье плохо совместимы, даже сегодня женщины порой вынуждены ходить на высоких каблуках в течение дня и серьёзно ограничивать себя в питании, что не лучшим образом сказывается на опорно-двигательном аппарате и коже.

Противоположностью красоты является безобразие, чье антропоморфное воплощение в образе смерти представляется истощенной, безжизненной, костистой, асексуальной фигурой (достаточно вспомнить сказочные образы Бабы-Яги и Кошечки Бессмертного). В настоящее время высокая мода продолжает рекламировать стандарт женской красоты как чрезвычайно худую, очень высокую фигуру с очень узкой талией и длинными ногами. В мифологии, сказках, произведениях художественной литературы красота неизменно связывалась с такими категориями, как любовь, смерть и бессмертие, что блестяще отражено в древнегреческом мифе о богине зари Эос и прекрасном Тифоне.

Размышления о смерти пронизывают всю историю человечества как во всеобщем, так и в индивидуальном аспекте. В древних мифах и легендах наряду с бессмертными богами существовали смертные, чья жизнь имела определенную протяженность во времени. Смерть нередко фигурирует как олицетворенный образ – дух или божество смерти. Смерть часто представляет все злое, вредное, опасное, безобразное. Таковы образы египетского бога Сета, ассирийско-вавилонской Тиамат, у ацтеков – бог Смерти и преисподней Миктлантекутли. В греческой мифологии Смерть представлена богом еще доолимпийского поколения Танато-

сом, который пребывает в мрачном царстве Аида вместе со своим братом Гипносом и вылетает оттуда, чтобы исторгнуть душу у жертвы и напиться жертвенной крови. В современном постиндустриальном обществе тема смерти часто дистанцируется, избегается и трансформируется через реактивное образование в повальном увлечении красотой, здоровьем, телесным перфекционизмом, нередко спроецированными на всемогущий экран общественного восхищения посредством волшебной магии социальных сетей, исполняющих инфантильные желания.

Основатель психоанализа З. Фрейд неоднократно подчеркивал важность инстинкта смерти в своих фундаментальных работах. В 1920 г. происходит решающий поворот во взглядах З. Фрейда на функционирование психики. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» он предложил новую гипотезу: психическое функционирование индивида управляется конфликтом более глубоким, чем принцип удовольствия, – фундаментальным конфликтом между влечением к жизни и влечением к смерти [1]. Из этой работы в последующем у Фрейда выросло понятие инстинкта смерти, Танатоса, феномена открытого Сабиной Шпильрайн и концептуализированного Фрейдом. Под Танатосом, вслед за Э. Рейхардом [2], здесь будет пониматься упорное, постоянно активное инстинктуальное стремление к переживанию состояния покоя: попытки избавиться от того, что переживается как нарушающее покой, и/или того, что поддерживает нарушение покоя. Смерть является лишь одной конкретной формой состояния покоя, а разрушение – только одним конкретным средством стремления к состоянию покоя. Центральное и доминирующее намерение Танатоса, его конечная цель – это именно покой в той или иной форме, достигнутый тем или иным способом. В своей статье «Влечения и их судьба» [3: с. 739–839] З. Фрейд утверждает, что первичное, самое раннее по развитию отношение Эго с внешним миром характеризуется равнодушием. Первично Эго любит только себя и находит удовлетворение в своем собственном существовании. Однако неизбежно приходится находить объект, освобождающий от инстинктуального давления и приносящий удовлетворение. Объект есть источник удовольствия, поскольку он приносит удовлетворение и облегчение, но он также источник неудовольствия и нарушения покоя. Он стимулирует через свое существование инстинктуальные импульсы, жаждущие удовлетворения, и таким образом также подкрепляет переживания неудовольствия. С появлением объекта в состоянии первичной любви к себе вторгаются ненависть и желание уничтожить нарушающий покой объект. Первичный отклик Эго на нарушающие покой стимулы

внешнего мира характеризуется ненавистью и отвращением. Эго стремится защитить себя от нарушения покоя через равнодушие, уход, бегство или разрушение. Танатос, с точки зрения психоанализа, является упрямым, непрерывным и неумолимым стремлением, внутренне присущим человеку, к переживанию покоя и облегчения тем или иным способом и в той или иной форме. Агрессия есть одна из форм проявления этого стремления, а собственная смерть или уничтожение другого человека могут быть средством, которым индивидуум пытается достичь состояния покоя. Взгляд Фрейда на агрессивный, или деструктивный, инстинкт был недвусмысленно ясным: это стремление, ставящее целью уничтожить объект или сам субъект. Он называл его одной из форм Танатоса или одним из инстинктов смерти. Каковы основные типы его психических проявлений, через которые можно отслеживать его разновидности или которые находятся среди его разновидностей? Фрейд упоминает, по меньшей мере, следующие: охраняющий щит против стимулов (стимульный барьер); повторение; агрессию и деструкцию; помощь либидо в получении удовлетворения; мазохизм и садизм; связывание через контркатексис; деструктивность Супер-Эго; негативную терапевтическую реакцию; отрицание.

Уместным здесь кажется замечание Фрейда, сделанное в 1920 г.: «В начале психической жизни борьба за удовольствие является гораздо более интенсивной, нежели в более поздние периоды, но она не настолько неограниченна: она должна часто прерываться». Эти перерывы мы можем понимать, как неудачу в реализации принципа удовольствия, в осуществлении целей Эроса, и вследствие этого – как неявное обращение целей вспять, подчиняясь влечению к смерти». А. Грин говорит о «деструктивном импульсе» и «агрессивном импульсе» и дает такое определение: «"Деструктивность" – это инстинкт смерти, действующий внутри психического аппарата; "агрессивность" – это инстинкт смерти, обращенный вовне» [4; 5]. Резюмируя свои взгляды, А. Грин высказал предположение о существовании двойного нарциссизма: позитивного нарциссизма, целью которого является достижение единства, нарциссизма, стремящегося к одному – угасанию (по крайней мере, частичному) катексиса самости за счет объектного катексиса; и негативного нарциссизма, стремящегося к нулевому уровню, нацеленного в небытие и движущегося в сторону психической смерти. Это различие не может быть сведено к обычному различию между здоровым и патологическим нарциссизмом. Дисбаланс в сторону нарциссизма может быть позитивным, но, вместе с тем, не менее патологическим, поскольку обедняет отношения с объектами. Он, однако, менее разрушителен, чем негативный нарциссизм,

преследующий цель – обнищание самости субъекта почти до точки аннигиляции. Нарциссические личностные расстройства не охватывают всех клинических исходов нарциссизма. Так, некоторые депрессии, которые А. Грин назвал моральным нарциссизмом, основываются, как правило, на аскетизме и отрицании удовольствия (лишение удовольствия имеет большее значение, чем само удовольствие, в соответствии с общими стандартами удовольствия), и включают в себя переживание бесполезности, неэффективности, пустоты, отсутствия аппетита и крайнюю степень идеализации – примеров декатектированных побуждений [6; 7]. Де Мази отмечает, что в случае крушения отношений зависимости ребенка от первичных объектов или значительной фрустрации может развиваться психопатологическая структура, противостоящая жизни и человеческим отношениям. С такими пациентами (начисто лишенными аффектов и захваченными патологическими идентификациями с деструктивными фигурами), прежде всего, требуется работа над реконструкцией, позволяющей им обнаружить воспоминания об инфантильных травмах. Он полагает, что предрасположенность к деструктивности происходит от нехватки либидинального объектного катексиса, совмещенной с компенсаторной идеализацией нарциссизма, поврежденного унижающим и обесценивающим опытом. Это можно увидеть в яростных атаках на тело с целью добиться окончательной и бесповоротной победы над ним, утвердиться на заданной высоте невыразимой легкости ощущений, отражающих золотую фантазию об идеале красоты, чистоты и непорочности.

Герберт Розенфельд высказал идею о потенциальной деструктивности определенных нарциссических образований на фоне объектного дефицита. В этих патологических состояниях плохая внутренняя сущность – «плохое Я» – идеализируется в качестве защиты. Это патологическое нарциссическое ядро отстраняет субъекта от своих и чужих эмоций и от контакта с людьми [8; 9]. Эта сущность – так сказать, бредовая сущность – обладает, если можно так выразиться, преимуществом не только в том, что позволяет освободиться от страданий, но и в том, что предоставляет доступ к крайне трансгрессивным формам удовольствия или *jouissance*. Последние характеризуются не снижением напряжения, что свойственно обычному способу удовлетворения инстинктивного влечения, а своего рода *jouissance* в напряжении, стремящимся воспроизводиться непрерывно – в деструктивном модусе. Деструктивный нарциссизм этого типа ведет к организации личности индивида наподобие криминальной банды, где все находится под властью лидера, обладающего абсолютным контролем и над пользой, и над деструктивной деятельностью.

Сам Фрейд постулировал основания подобного механизма в работе «Психология масс и анализ человеческого Я» [10]. Если агрессия обычно заряжена эмоциями и часто составляет полезную для выживания защиту, то деструктивность в большей мере направлена против самих источников жизни.

Здесь я хочу перейти собственно к проблеме пищевых расстройств, которые начинаются в подростковом возрасте и приводят к необъяснимым на первый взгляд и катастрофическим последствиям: чаще это молодая девушка, которая начинает быть недовольной собой, своим телом, которое кажется ей непропорционально толстым, – она ограничивает себя в еде, худеет и далее уже не может остановиться, не замечая и упорно игнорируя явный дефицит массы тела. Мало того, любые попытки указать на проблему с весом окружающими приводят к яростному негодованию, конфликтам с близкими, социальному дистанцированию. Именно подростковый возраст с его поисками идентичности, наполнением энергией либидо взрослого тела переводит на новый уровень возможность реализации инфантильных фантазий, активизирует травматическую память [11]. Тема нарушения отношения с едой в психоанализе часто переводится в разряд нарушений объектного функционирования, где тело в результате диссоциации становится репрезентацией, например, плохой матери, которую таким образом можно контролировать, или связывается с отчаянной попыткой выйти из симбиотической близости, одновременно и желанной, и опасной из-за страха быть брошенной. Однако я все-таки хотел бы обратить внимание на эдипальную динамику в развитии расстройств пищевого поведения.

В своей работе «Тотем и табу» (1913) З. Фрейд описывает первичное отцеубийство первобытной ордой, за которым последовало раскаяние и чувство вины (сыновья в орде одновременно и ненавидели, и любили отца). Убийство отца приводит к осознанию того, что для выживания общества необходимы отречение и жертвоприношение. «Мёртвый отец стал теперь ещё сильнее, чем был при жизни... [12]. То есть он превратился в могущественный символ, обладающий фаллическим означаемым. С этого момента устанавливается закон – закон «мертвого отца», дающий начало образованию культуры, общества и экзогамной семьи. Первая и наиболее важная идентификация с доисторическим отцом в «личное доисторическое время» формирует Эго – идеал, который становится заместителем «стремления к отцу» и отличается от функции запрета, которой наделено Супер-Эго. Следует добавить, что первичная идентификация, по мнению Фрейда, репрезентирует родителей как единое целое, но сдвиг происходит к отцовской функции. Если первичная идентификация предше-

ствует объекту и связана с «нарциссическим отцом», то вторичная идентификация связана с отказом от объекта и несёт идею «мертвого отца».

Концепция «мертвого отца» представляет собой попытку регуляции страстей и принесение в жертву инцестуозных желаний. Ж. Лакан и вслед за ним Розолато, Розин Перельберг концептуализировали понятие «мертвого отца» как символического третьего [13; 14]. В этом смысле данная идея получает особую, я бы сказал проксемическую коннотацию, так как выход из зоны симбиотического единства с матерью возможен при появлении фигуры третьего – отца, причем совсем не обязательно его физическое присутствие. Отец присутствует в психике матери, и не только он является третьим. Эдипов треугольник является открытым, где третий может быть заменяемым. В культурной структуре существует множество передаваемых из поколения в поколение запретов, табу: на убийство, инцест, человеческие жертвоприношения. Наша психика с первобытных времен защищает себя от табуированных влечений. Бессознательная вина, открытая психоанализом, показывает, как мы ответственны за нашу психическую реальность, за наши бессознательные желания, которые всегда присутствуют. В ходе проработки эдипальных конфликтов ребенок неизбежно сталкивается и с собственной нарциссической борьбой, и с родительской тенденцией к детоубийству.

В этом ключе приведу греческий миф о жертвоприношении Ифигении ее отцом Агамемноном. В греческой мифологии Ифигения – дочь Агамемнона и Клитемнестры. Когда греческий флот, направлявшийся под Трою, задержался в беотийской гавани Авлиде из-за отсутствия попутного ветра, жрец Калхант объявил: богиня Артемида гневается на греков за оскорбление, нанесённое ей Агамемноном, и требует принести в жертву его дочь Ифигению. Уступая настойчивым требованиям ахейского войска и главным образом Одиссея и Менелая, Агамемнон вызвал Ифигению в Авлиду под предлогом её бракосочетания с Ахиллом. В момент жертвоприношения Ифигения была похищена с алтаря Артемидой, которая заменила девушку ланью; по другой версии – медведицей или телкой (возможно, с этого момента место Ифигении среди дочерей Агамемнона занимает Ифианасса). Сама же Ифигения была перенесена богиней в Тавриду и сделана жрицей в её храме. Здесь она должна была приносить в жертву всех попавших в эти края чужеземцев. От руки Ифигении чуть было не погиб её брат Орест, прибывший в Тавриду по велению Аполлона для того, чтобы вернуть в Элладу деревянный кумир Артемиды. Но брат и сестра узнали друг друга, и Ифигения спасла Ореста; они вместе возвратились в Грецию. Ифиге-

ния продолжала служить Артемиде в её храме в аттическом поселении Браврон.

Лань относится к «трём бесчувственным существам» китайского буддизма, олицетворяя любовную страсть. Кроме того, она может символизировать также женское начало в обрядах инициации. Основной жертвой в израильском богослужении является жертва за грех, или жертва заклания, которую приносили во искупление непреднамеренных проступков. Ифигения любит отца, и в результате соглашается добровольно пожертвовать собой. Ее жертвенность, интенциональность принесения себя в жертву принята богиней Артемидой. Она, Ифигения, уже не сможет превратиться в женщину, и всю жизнь будет служить Артемиде – охотнице, вечно юной деве-девушечнице.

Отталкиваясь от мифа как коллективной фантазии, повторяющейся в онтогенезе и реализуемой в виде психосоматического симптома, можно попытаться объяснить психодинамические процессы, развивающиеся при анорексии.

Убийство ребенка – это фантазм, глубоко скрытый в бессознательном индивида. Для того, чтобы жить, необходимо убить ребенка – плод воображения и желаний родителей, порвать с первичными нарциссическими чувствами, которые представляет этот ребенок. Отец, по приказу которого, равному закону (закон «мертвого отца»), совершается акт жертвоприношения дочери в мифе, навсегда лишает ее своей любви, избавляясь от кровосмесительных желаний.

В семьях больных анорексией с патогенной динамикой мне часто приходилось наблюдать психологически сложные отношения дочери с отцом. В таких семьях мать часто была доминирующей и контролирующей, а отец вносил непостоянные, иногда чрезмерные и подавляющие инвестиции в воспитание ребенка. При наступлении подросткового возраста инцестуозные желания с обеих сторон становятся все сильнее, дочь вступает в борьбу с матерью, пытаясь выйти из под ее контроля и власти. Она обращается к отцу за помощью, но он не в состоянии установить необходимый поддерживающий контакт и в результате декатексиса на нарциссический уровень отдаляется от дочери, что приводит к травматической сепарации. (В рисунках пациентов с анорексией мы нередко находим отражение такой травмы в виде дупла в дереве или пня от поваленного дерева.)

Для того чтобы пройти эдипальную стадию и отказаться от инцестуозных фантазий, необходимо убить отца и оплакать его. Объект необходимо утратить, чтобы он был репрезентирован. В данном мифе все происходит наоборот: отец повелевает совершить обряд жертвоприношения дочери и ее мать в последующем убивает его. Следование ми-

фологическому сценарию довольно часто, если не всегда, приводит к драматическому финалу.

Анорексия как жизненная драма анти-Эдипа возникает также после прекращения структурообразующей функции отца в семье, например после его смерти или ухода из семьи. Дочь, в свою очередь, бессознательно пытается сохранить связь с отцом через символическую идентификацию с фаллосом, на который становится похожей ее тело. Тело становится означившим травматического отыгрывания в виде анорексии, которая знаменует подростковый бунт против сложившейся семейной ситуации и зарождающейся новой идентичности.

Случай из практики: Л. 15 лет. Родилась от смешанного брака (отец русский, мать кореянка). Л. старшая в семье, ее родная сестра младше на 5 лет. Отец серьезный, педантичный, активный, спортивный. Занимается бизнесом в сфере образования. Мать – эмоциональная, чувствительная, цепкая и сильная. Л. всегда была круглой отличницей, получение оценки «4» она воспринимала как провал. Тем более что бабушка со стороны матери – бывший крупный руководитель в педагогической сфере – всячески подчеркивала желательность получения только высших баллов. Л. училась легко, ей прекрасно удавались точные науки наряду с литературой и иностранными языками. Однако в начальной школе она была полной и подвергалась насмешкам одноклассников, что, несомненно, травмировало девочку, нанеся ей нарциссическую рану. Об этом Л. никогда не забывала. И если она не считала себя красавицей по внешним данным, то в остальном она была «прекрасна»: в «старой» школе неизменно пользовалась уважением сверстников тем, что блестяще училась, давала списывать написанные прекрасным, четким почерком домашние задания, была справедливой, незлобивой, рассудительной. В подростковый период Л. начала проявлять характер, что приводило к напряженным отношениям с отцом или прямым столкновениям. С младшей сестрой таких проблем не было: девочка пользовалась безусловной любовью отца и матери, была спокойной, доброжелательной, отзывчивой. Л., по ее словам, конкурировала с сестрой за внимание родителей, и они ругались, что, по ее словам, было причиной обращения на себя внимания родителей. В 15 лет у девушки начались проблемы с внешностью: казалась себе толстой, уродливой, тяготил «лишний вес». Особенно ярко это стало заметно после конфликта с родителями отца, у которых они гостили. К этому времени мать изменила режим питания, стала придерживаться вегетарианской диеты. Дочь тоже перестала есть мясо, вес стал падать и дошел до 37 кг при росте 158 см. На этом фоне и без того непростые отношения матери с отцом еще больше осложнились,

так как он считал, что у девочки нет никакого заблуждения, а просто «блажь в голове, как у подростков». Девочка была обижена на отца, в чьей поддержке она нуждалась, но отец так и не понял всей серьезности состояния дочери, нанеся ей нарциссическую травму, – она очень была привязана к отцу. Для нее он был воплощением целеустремленности, широты ума, ответственности, смелости. Однако в отношении к дочери ему не хватало мягкости, добросердечности и открытости. Наметившийся супружеский кризис еще больше расстроил отношения Л. с отцом. В конце концов, мать принимает решение на время лечения дочери оставить мужа заниматься бизнесом на старом месте, а сама переезжает в город к своей матери вместе с двумя дочерьми.

В ходе анализа с сеттингом 1–2 раза в неделю Л. охотно рассказывала о своей семье, взаимоотношениях с родственниками, учителями, бывшими школьными друзьями. В классе ее ценили за легкий нрав, отсутствие заносчивости, превосходства и, что немаловажно, за прекрасный разборчивый почерк, который давал возможность списывать домашние задания, – Л. редко кому отказывала в этом. В течение нескольких месяцев очень быстро в результате позитивного переноса сложился терапевтический альянс, который сослужил хорошую службу в будущем, когда возникла необходимость в госпитализации. Кроме девочки, я находился в консультативном контакте с ее матерью, бабушкой и отцом, проводя нечастые индивидуальные сессии поддерживающего и информационного характера. Переживания за клиентку читались в печальном и беспокойном взгляде матери, взволнованном голосе отца, с которым я встречался по скайпу, деловитом и распорядительном поведении бабушки. На начальной стадии терапии Л. старалась уходить от разговоров о весе, отношении к телу, испытывая амбивалентные чувства. Это находится под влиянием противоборствующих сил: идеала Я, берущего начало в инфантильной сексуальности и жесткой критикующей части родительского интроекта. Такое «перетягивание канатов» приводило к высокому внутреннему напряжению, частому молчанию, необходимости, как я это ощущал, оказывать эмоциональную поддержку клиентке. Это смещало аналитическую позицию с нейтральной на поддерживающую, но способствовало формированию альянса с клиенткой. Техническая модификация заключалась также в том, что на начальной стадии и в средней части аналитической терапии были использованы методы арт-терапии (рисунок на заданную тему, работа с письмами и др.). Уже в первых рисунках клиентки – Л. блестяще рисовала (поваленное дерево среди других трёх ёлок и одиноко стоящая ель на противоположном берегу ручья, расположенные на одном рисунке; дупло в сере-

дине лиственного дерева с гладкой корой ярко-коричневого цвета и зеленой листвой) – прослеживался травматический след. Вероятно, это могла быть травма развития, актуализированная под влиянием внешних семейных обстоятельств. В переносе я был репрезентантом ее деда, который пользовался у девочки авторитетом, уважением и всегда поддерживал ее. Она беспокоилась за состояние его здоровья, его сердца, что находило также отклик и во мне. В своём контрпереносе я испытывал чувства беспокойства, тревоги, беспомощности, злости, что связывалось с непростым течением анорексии. Другой особенностью клиентки была внутренняя скованность и заметное отсутствие эмоциональной экспрессии, что затрудняло понимание интрапсихических процессов и, следовательно, предъявляло особые требования к распознаванию и работе с собственным переносом и контрпереносными реакциями. В контрпереносе отсутствовала сколь-нибудь выраженная агрессия, которая часто встречается при работе с анорексией. Напротив, периодически испытываемое мной щемящее чувство жалости, любви, печали могло говорить о внутренней драме отчаяния и нехватке нарциссических ресурсов. Самым трудным был этап, когда после улучшения состояния в первой фазе терапии возникло «застывание» на одном и том же месте: сессии носили однотипный характер, часто сопровождалась паузами, молчанием, словно свободное течение потока было нарушено этим «поваленным деревом». Несколько раз Л. пропускала сессии. Ввиду ухудшающегося физического состояния клиентки, депрессивного модуса психики мною было принято решение, которое мы обсудили с Л. и ее бабушкой (мать была в отъезде) о госпитализации в психиатрическое отделение, в котором Л. провела 3 недели. После выписки и видимого улучшения состояния мы продолжили терапию. На втором этапе, который совпал с переходом в другую школу, основное внимание было уделено работе с чувствами вины, страха и поиска новой идентичности: чувствовалось, что девушка пытается принять себя, новое окружение, которое поначалу казалось ей чужим и холодным. Постепенно она стала активнее в классе, завела себе небольшой круг друзей, блестяще училась, но старалась уйти от грозного контролирующего родительского интроекта, заставлявшего добиваться только исключительных результатов. На сессии неоднократно возникала тема здоровья близких, особенно бабушки, означающая защитное смещение фокуса со своего здоровья, которое ещё вызывало тревогу. Очевидно, что в переносе также имелось в виду и беспокоество за здоровье аналитика. Это не могло не вызвать контртрансферентной тревоги, контейнирование которой помогало поддерживать устойчи-

вую атмосферу на сессии. В результате нам удалось справиться с амбивалентной установкой, и хотя у Л. еще возникали колебания в отношении восприятия своей внешности, основной мотив на завершающем этапе терапии был связан с развитием социальной жизни, социальной идентичности девушки: отношения со сверстниками, друзьями, будущая профессия и т.д. Произошло принятие ситуации пространственного разделения семьи, хотя полного прощения отца не произошло, – она продолжала любить его, но не до конца справилась с обидой на отца. В последующем девушка переехала в другой город с семьей, затем поступила в один из престижных московских вузов, познакомилась и стала встречаться с молодым человеком.

Здесь я привожу два сновидения, которые рассказала Л. на первом году нашей работы.

Первый сон: «Мы в лифте на 6 человек, там я, бабушка, дедушка со стороны отца (с ним плохие отношения), сестра двоюродная – дочь папиной сестры, брат её родной (всего 5 чел.). Там тесно, так как брат и дедушка большие. Движения не чувствуется. Бабушка стоит напротив и говорит: "Ты такая же, как твой отец", со злостью в голосе. Я защищаюсь и говорю на повышенных тонах: "Мы хорошие, в любом случае мы такие же, как ты". Она продолжает: "Вы плохие". Я злюсь на неё. Напряжение нарастает, она продолжает кричать, и другие говорят, что ты стоишь, как он, и говоришь, как он. Потом они резко пропадают, но я продолжаю слышать голос бабушки. Она говорит: "Ты вообще тупая, ты даже задачу не можешь решить". Я соглашаюсь и слушаю. Она задает задачу, которую я как будто уже слышала и не знаю её решения. Задача такова: лифт останавливается и у тебя в руках карандаш, что ты будешь делать? А у меня страх, я же не учусь (на момент данного сновидения пациентка вынужденно оставила занятия в школе из-за самочувствия). Она говорит: "Я слышала решение, Маша её решила (двоюродная сестра). Просунь карандаш в створку лифта, посмотри, сколько написано (250), потом раздели на 21". Я считаю в уме. Кабина обрывается. Я помню темноту, обломки. Я слышу голос: "Ты упала с 21-го этажа". Я понимаю, что это и есть решение. Не знаю, то ли цифра решение, то ли фраза о падении».

Второй сон (через несколько месяцев). «Здание, огромное и очень высокое. Красивый ландшафт,

лес, здание очень высокое и в виде колодца, а там лифт как площадка без ограждения. Там я и мои одноклассники, и мы катаемся на этом лифте вверх и вниз. Там всем руководит Лена С., ученица 11-го класса, она очень успешная, побеждает в олимпиадах. Лифт с большой скоростью едет, там ветер наверху, и мы катаемся много раз. Лифт раскачивается, плохо едет, я выпадаю из здания, девочка меня хватает, и я остаюсь живой наверху здания и говорю: "Мне страшно, я не хочу", – и сон заканчивается».

Семейная ситуация на тот период такова, со слов девушки: «Мама хочет расстаться с отцом, и бабушка со стороны отца приходила к бабушке со стороны мамы и ругала своего сына, что они все никчемные. Но ведь папа очень похож на неё! Бабушке важно, чтобы ей поверили, что она на маминной стороне. Я защищаю отца. Папа очень похож на бабушку, а я похожа на папу. Я не хочу, чтобы она что-то знала о нашей семье (папа, мама, сестра и я)». В этих сновидениях явственно проступает наряду с темой соперничества и перфекционизма нарциссическая танатоидально-жертвенная динамика как самонаказание за неуспешность и идентификацию с отцом, чьим репрезентантом является Л. Бабушка здесь представляется лидером чрезвычайно жестокого интроекта, отражающего танатоидально-деструктивный паттерн отношений, также являющейся представительницей отцовской, мужской стороны. Кстати, цифры 2 и 1; 2, 5, 0 – в сумме дают 3 и 7 (семь Я) – числа, говорящие о символах «разбитого» семейного треугольника и семейных отношений. Страх смерти и счастливое избавление от гибели представляют другую сторону сил спасения системы самосохранения и внешней поддержки.

В данной статье я постарался показать, как стремление к красоте, отражающее перфектный нарциссический паттерн, связан с танатоидально-деструктивными отношениями с собственным телом, через которое осуществляется попытка решить множество задач взросления и выхода из семейного кризиса. Актуализация эдипальной проблематики приводит к драматическому отказу от инцестуозно-либидинозного катексиса со стороны отца, который не стал по настоящему «мертвым» в драматическом психическом пространстве семейного треугольника, а отыграл их через деструктивно-жертвенную динамику отношений с дочерью в реальном мире.

Список источников

1. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного. Санкт-Петербург, 2002.
2. Рейхард Э. Ключевые проблемы психоанализа: Избранные труды : пер. с англ. Москва : Когито-Центр, 2009. 331 с. (Библиотека психоанализа).
3. Фрейд З. Влечения и их судьба. Интерес к психоанализу. Минск, 2004.
4. Грин А. Ла делиансон. Париж : Художественная литература, 1992.
5. Грин А. Построение гетерохронии. В: Время в психоанализе: некоторые противоречивые аспекты, 9–27. Лондон : Книги свободных ассоциаций, 2007.

6. Грин А. Третья сторона и психоаналитические концепции // *Психоаналитический вопрос*. 2004. № 73. С. 99–135.
7. Грин А. Сооружение покойного отца // *Мертвый отец: психоаналитическое исследование* / под ред. Л. Калинич, С. Тейлор. Лондон : Ратледж, 2008.
8. Розенфельд Х. Заметки о психоанализе конфликта Супер-Эго у пациента с острой шизофренией // *Психоанализ*. 1952. № 33. С. 111–131.
9. Розенфельд Х. Супер-Эго и Эго-идеал // *Психоанализ*. 1962. № 43. С. 258–263.
10. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Я и ОНО : сб. Москва : Эксмо-Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. С. 739–839.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва, 1996.
12. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии [входит: Боязнь инцеста, Табу и амбивалентные чувства, Анимизм, магия и всемогущие мысли, Инфантильное возвращение тотема] // Фрейд З. Я и ОНО : сб. Москва : Эксмо-Пресс, 1998.
13. Розолато Г. Очерки символического. Париж : Галлимар, 1969.
14. Перельберг Р. «Убитый отец»; «мертвый отец»: переосмысление эдипова комплекса // *Международный психоаналитический ежегодник*. 2012. № 2. С. 177–200.

References

1. Freud Z. Beyond the pleasure principle // *Psychology of the unconscious*. St. Petersburg, 2002.
2. Reichard E., Key problems of psychoanalysis: Selected works / Translated from English-M.: Kogito-Center, 2009. 331 p. (Library of psychoanalysis).
3. Freud Z. Drives and their fate. Interest in psychoanalysis. Minsk, 2004.
4. Green A. (1992). La deliaison. Paris: Fiction.
5. Green A. (2002). Construction of heterochrony. Q: Time in Psychoanalysis: some contradictory aspects, 9–27. London: Books of Free Associations. (2007).
6. Green A. (2004). Third party and psychoanalytic concepts. *Psycho-analytical question* 73: 99–135.
7. Green A. (2008). The construction of the late father. In: Kalinich L., Taylor S., editors. *The Dead Father: A Psychoanalytic Study*, 23-46. Long-don: Rutledge.
8. H. Rosenfeld (1952). Notes on psychoanalysis of the Superego conflict in a patient with acute schizophrenia. *Int. J. Psychoanalysis*. 33:111–131
9. H. Rosenfeld (1962). Superego and Ego-ideal. *Int. J. Psychoanalysis*. 43:258–263.
10. Freud Z. Psychology of the Masses and analysis of the human Self // *Freud Z. I and IT: sat. M.: Eksmo-Press; Kharkiv: Folio*, 1998. pp. 739–839
11. Erikson E. Identity: youth and crisis. M., 1996.
12. Freud Z. Totem and taboo. Psychology of primitive culture and religion [includes: Fear of incest, Taboo and ambivalent feelings, Animism, magic and omnipotent thoughts, Infantile return of the totem] // *Freud Z. Me and IT: sat. M.: Eksmo-Press*.
13. Rosolato G. (1969). *Essays on the symbolic*. Paris: Gallimard.
14. Perelberg R. "The murdered father"; "The dead father": rethinking the Oedipus complex // *International Psychoanalytic Yearbook* 2012. No. 2. pp. 177–200.

Информация об авторе

Д.Л. Бекер – кандидат медицинских наук, тренинговый аналитик ЕКПП.

Information about the author

D.L. Becker – Candidate of Medical Sciences, ECPP Training Analyst.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО
LITERATURE AND ART IN THE CONTEXT OF THE PSYCHOLOGY OF THE UNCONSCIOUS

Научная статья

УДК 159.99

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-125-134

**ФЕНОМЕН КАТАРСИСА В ПСИХОЛОГИИ КИНОИСКУССТВА:
ДИАГНОСТИКА ПЕРЕЖИВАНИЯ**

Дмитрий Сергеевич Зубцов

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, Zubtsovds@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проведению эмпирического исследования, направленного на диагностику переживания состояния катарсиса зрителем художественного фильма. В первой части статьи рассмотрены исторические и теоретические аспекты феномена катарсиса, механизмы и факторы его возникновения. Во второй части работы представлены результаты исследования 16 мужчин и 9 женщин в возрасте от 18 до 45 лет, высоко оценивших художественный фильм «Джокер» (авторы положительных рецензий на кинокартину) на популярном сайте сети Интернет www.kinopoisk.ru. Исследование проводилось с целью проверки гипотезы, что просмотр художественного фильма конкретного драматического содержания способен вызвать состояние катарсиса у личностей с определенными психологическими характеристиками. Анализ результатов и вывод исследования представлены в интерпретации разных психологических парадигм: психофизиологической и психоаналитической.

Ключевые слова: киноискусство, катарсис, синемалогия, психодиагностика, бессознательное, отреагирование, идентификация

Original article

**CATHARSIS PHENOMENON IN THE PSYCHOLOGY OF CINEMATOGRAPHY:
DIAGNOSTICS OF EXPERIENCE**

Dmitry S. Zubtsov

Pacific State University, Khabarovsk, Russia, Zubtsovds@mail.ru

Abstract. The article is devoted to an empirical study aimed at diagnosing the experience of catharsis by the spectator of a feature film. The first part of the article deals with the historical and theoretical aspects of the phenomenon of catharsis, the mechanisms and factors of its occurrence. The second part of the work presents the results of a study of 16 men and 9 women, aged 18-45, who highly rated the feature film "Joker" (authors of positive film reviews) on the popular Internet site www.kinopoisk.ru. The study was conducted to test the hypothesis that watching a feature film of a specific dramatic content can cause a state of catharsis in individuals with certain psychological characteristics. The analysis of the results and the conclusion of the study are presented in the interpretation of different psychological paradigms: psychophysiological and psychoanalytic.

Keywords: cinematography, catharsis, cinemalogy, psychodiagnostics, unconscious, reaction, identification

Введение

В 1895 г. вышла в свет работа З. Фрейда и Й. Брейера «Исследование истерии», послужившая началом новой науки – психоанализа. В этом же 1895 г. произошло еще одно важное открытие – братья Люмьер изобрели синематограф, и в Париже был проведен первый публичный сеанс кино. Со временем кино находит все больше точек соприкосновения с психоанализом. При создании кинематографических произведений режиссеры часто сотрудничают с психологами, так как при изображении человеческих судеб, характеров и симптомов трудно не прибегать к идеям разных психологических направлений, включая психоанализ.

С раннего детства и в течение всей жизни человека кинематограф занимает значительное место в комплексе сложных средств воздействия внешней среды на формирование личности. Проблема восприятия зрителем кинопроизведения рассматривается в парадигме разных направлений научного знания, связывая между собой кинотеорию, эстетику, психологию и социологию искусства. Отличие психологического подхода заключается в том, что при исследовании явлений восприятия главным объектом изучения становится психический мир реципиента, т.е. зрителя, читателя, слушателя.

Наибольшую ценность в эмоциональном и морально-эстетическом аспекте для зрителя художе-

ственного драматического произведения представляет достижение специфического психологического состояния, сопровождающегося ощущениями легкости, очищения, возвышенности, умиротворенности и необъяснимой радости. Эта природа художественного удовлетворения издавна описывалась в эстетике через понятие катарсиса.

Многие зрители сегодня полагают катарсис в современном развлекательном кинематографе такой же неотъемлемой частью индустрии развлечений, как саспенс или комедийные элементы. В настоящее время предлагается огромное количество развлечений драматического содержания, часть из которых способна вызывать состояние катарсиса. Но на всех ли зрителей в одинаковой степени могут влиять драматургические постановки? Какие методы и приемы применительно к кинематографу используются создателями произведений киноискусства для достижения катарсических состояний? И какие индивидуальные особенности и характеристики личности способствуют наступлению катарсиса? Попробуем разобраться в этом на примере исследования (психодиагностики) переживания зрителями драматического сюжета американского киношедевра 2019 г. режиссера Тодда Филлипса «Джокер».

Актуальность данного исследования состоит в том, что катарсические техники психоанализа (в основе которых лежит феномен катарсиса) по сей день занимают значимое место в ряду эффективных методик психотерапевтического воздействия на пациента. В данной статье мы поддерживаем идею о взаимосвязи между способностью пациента к переживанию состояния катарсиса (как следствие, эффективностью воздействия на него катарсических техник) и определенными психологическими характеристиками индивида, каковыми являются темперамент, черты характера и качества личности. Результаты проведенного исследования позволят расширить арсенал инструментов диагностической работы в разных направлениях психотерапевтической практики, включая психоанализ и кинотерапию.

Исторические и теоретические аспекты феномена катарсиса

Катарсис (от греч. katharsis очищение) – процесс острого или продолжительного негативного переживания, в своей верхней точке превращающийся в позитивное переживание. Другими словами, это процесс трансформации сложных и болезненных для человека переживаний в переживания чистые, светлые, радостные и благородные.

Истолкование проблемы катарсиса восходит еще к эпохе Аристотеля: этот феномен представлял собой важнейший элемент в действии античной трагедии, предполагавшей эмоциональную разрядку. Во время просмотра и переживания трагедии

зритель испытывал душевное волнение (сострадание к герою или страх за его судьбу), которое приводило его к состоянию катарсиса.

В последующей истории понятие «катарсис» в своем развитии получило огромное количество интерпретаций и на сегодняшний день насчитывает более 1,5 тысяч различных толкований в философской и психологической литературе. Так, в эстетике Возрождения катарсис понимался как в этическом, так и гедонистическом плане, а в европейской литературе и искусстве классицизма XVII–XVIII вв. происходит смещение акцента с области глубоких страстей в сферу разума человека.

В начале XX в. Л.С. Выготскому в «Психологии искусства» (1957) удалось совместить эстетический и психологический подходы к пониманию явления катарсиса. Он его рассматривал как эмоциональную реакцию, которая возникает в результате столкновения аффектов формы и содержания и развивается в двух противоположных направлениях [1].

К этому времени большую популярность набрала уже другая модель осмысления катарсиса, в основе которой лежала теория фрейдизма о высвобождении энергии подавленных импульсов и инстинктов. В психоаналитической литературе термин «катарсис» впервые появляется в «Исследованиях истерии» (Studien über Hysterie, 1895) авторов Й. Брейера и З. Фрейда, хотя и использование термина, и сам катарсический метод были предложены именно Брейером. Такая форма психотерапии впервые открыта на материале работы с его пациенткой Анной О., страдавшей невротическими расстройствами. Он добивался облегчения страданий пациентов и устранения симптомов истерии, побуждая их в состоянии гипноза вспоминать или оживлять забытые травматические события детства и связанные с ними переживания.

Фрейд предполагал, что воспоминания об этих событиях в силу сильного негативного воздействия на психику пациента были вытеснены в бессознательное, а психическая или нервная энергия, которая привела бы к первичному аффекту, была отвлечена на формирование истерических симптомов. Когда в сознание возвращается вытесненное ранее воспоминание и связанный с ним аффект, последний тем самым разряжается и патологические симптомы исчезают. Этот процесс аффективной разрядки получил название «отреагирование».

Впоследствии Фрейд перешел от гипноза к простому внушению, а затем стал использовать только свободные ассоциации больного. При всех этих изменениях техники цель лечения оставалась неизменной – обеспечить нормальную разрядку аффектов, тем самым очистить психику пациентов от патогенной информации и освободить их от симптомов. Фрейд считал катарсический метод предшественником и сохраняющимся ядром психоанализа.

Помимо классических способов воздействия на пациентов Брейера и Фрейда существует множество методов, применяемых в катартической психотерапии, часть которых выходит за рамки психоаналитического подхода: декапсуляция (К. Чолаков), искусственная репродукция аффективных переживаний (Н. Крестников), автологокатарсис (А. Атанасов), методика репродуктивных переживаний (М.М. Асатиани), имплозивная терапия, психодрама и др.

Особое место в этом ряду занимает синемалогия (или кинотерапия) – современное направление психотерапии, которое опосредованно может быть связано с достижением пациентом состояния катарсиса. Этот вид психотерапии основан на использовании методов работы с реакциями человека, полученными во время и после просмотра фильма и направленными на психическое и духовное оздоровление.

Первая книга по кинотерапии принадлежит известному психологу и философу, основателю онтологической школы А. Менегетти (1978). Согласно его взглядам фильмы можно использовать для анализа психики людей, переживающих различные образы при просмотре: зритель эмоционально соучаствует именно в тех событиях и переживаниях героев фильма, которые его идентифицируют. С помощью этого метода можно диагностировать и наглядно представлять клиенту его бессознательное. Участнику дискуссии таким образом открывается скрытое содержание его личности, а полученные знания можно использовать как для лечения человека, так и для содействия его дальнейшему личностному росту [2].

Еще одним известным представителем данного направления является английский психотерапевт Б. Вудер. В начале 90-х гг. XX в. он стал использовать в психотерапевтической практике кино. Предлагая своим клиентам смотреть фильмы, он обратил внимание на высвобождение бессознательных, подавленных ранее эмоций и воспоминаний. Правильно подбирая фильмы с определенным содержанием, он работал с эмоциональными проблемами разного рода и происхождения: депрессивными состояниями, фобиями, зависимостями, суицидальными намерениями и т.д.

Анализируя психологические способы воздействия на зрителя кинотерапии, исследователи обращают внимание на процесс идентификации зрителя с героем художественного фильма. Зритель выбирает такого персонажа, который ему близок на данном этапе жизненного пути. Это может быть сходство по типу мышления и поведения, жизненной ситуации и способам реагирования на нее, стоящей перед ним психологической проблеме и инструментам ее решения. Результатом такой идентификации становится «заражение» эмоциональ-

ным состоянием героя с последующим переживанием всей гаммы чувств, испытываемых героем кинокартины. Художественный фильм позволяет зрителю преодолеть защитные механизмы, осознать и испытать собственные «страсти и желания», подавляемые в повседневной жизни, а также предлагает способы решения проблемной ситуации, как правило, в метафорической форме [3].

Если продолжать рассматривать психоаналитические аспекты восприятия зрителем фильма, то, кроме идентификации, можно обнаружить и другие механизмы и процессы взаимодействия с бессознательным. Так, например, стоит отметить тесное сходство между сеансом кино и сновидением. Не случайно уже в 30-е гг. XX в. американская киноиндустрия носила название «Фабрика грез». Образы и звуки в кино влияют на органы чувств значительно сильнее литературы, обращаясь к бессознательному напрямую. Как известно, работа сновидения заключается в исполнении желания в замаскированном виде как результат действия внутренней цензуры. С одной стороны, происходит снятие напряжения и излишнего подавления «Ид» (что позволяет избежать взрывного и неконтролируемого высвобождения энергии в истерических симптомах), с другой – сокрытие латентного значения сновидения в манифестном содержании сна исключает наказание со стороны «Супер-Эго» за выраженное желание. В итоге человек, вспоминая в лучшем случае манифестный сон и не осознавая его истинного значения, чувствует себя удовлетворенным, избегая при этом чувства вины.

Кино действует во многом по тем же принципам. Оно наполнено различными образами, которые обладают скрытым значением. Наибольшее влияние, как правило, оказывают звук и зрительный образ. Так как во время просмотра фильма невозможно сфокусироваться на всей визуальной информации или на отдельных музыкальных нотах, то большая часть материала воспринимается нами на бессознательном, инстинктивном уровне и имеет сильное эмоциональное влияние. Таким образом, передаваемое через кино значение оказывается настолько же скрыто, как значение, переданное сновидением. И в том и в другом случае используется зашифрованный язык бессознательного.

Кроме этого, в работе «киновидения» можно встретить по аналогии со сновидением элементы регрессии. Во время просмотра фильма зритель теряет ощущение своего реального присутствия в помещении, полностью погружаясь в происходящее на экране (это состояние чем-то напоминает состояние дневных грез). Так же, как и в сновидении, осуществляется попытка овладеть конфликтами и травматическими переживаниями. Экран в этом случае служит своего рода контейнером для

проекции своих страхов и влечений. Не зря самые успешные фильмы отражают подавленные желания и страхи массового зрителя, а также проблемы идентичности, достижения своего идеального «Я», борьбы с нарциссическими тревогами и даже удовлетворения эдипова конфликта [4].

Объективные и субъективные факторы наступления эффекта катарсиса в кино

При изучении катарсиса, наступающего у зрителя при просмотре фильма как произведения искусства, неизбежно возникает вопрос о механизме восприятия и условиях наступления такого состояния. Ведь эстетическая реакция от созерцания того или иного предмета искусства зависит не только от свойств уже готового художественного текста, но и от характера восприятия, обусловленного качествами самого воспринимающего субъекта. Множественность интерпретаций произведений искусства неизбежно ставила вопрос: какую роль играют объективные и субъективные факторы в процессе художественного восприятия? Другими словами, в какой мере сам художественный материал является источником смыслообразования, а в какой степени дополнительные смыслы привносит реципиент – читатель, зритель, слушатель.

Если рассматривать основные теории эстетического чувства, то можно выделить две противоположные концепции. Первая из них представлена взглядами Б. Христиансена, согласно которым сама художественная ткань внешнего мира имеет свое особое чувственно-нравственное действие. Объект искусства, который состоит из разных частей, уже включает в себя впечатления материала, предмета, формы, каждое из которых образует соответствующий эмоциональный тон. Эстетическая реакция в этом случае напоминает игру на рояле: каждый элемент объекта искусства как бы ударяет на соответствующую чувственную клавишу нашего организма, вызывая тем самым особый чувственный звук и образуя мелодию эмоционального впечатления.

Вторая концепция художественного чувства известна в психологической и философской литературе под названием теории «вчувствования», которую разработал немецкий психолог и эстетик Т. Липпс (1851–1914). Он утверждает, что не чувства пробуждаются произведением искусства, а наоборот, мы как субъекты созерцания изнутри себя вносим в произведение искусства те или иные чувства, которые подымаются из глубин самого нашего существа. При этом эти чувства связаны со сложной интеллектуальной, психической и духовной деятельностью нашего организма. «Вчувствование» и есть с объективной точки зрения эстетическая реакция как ответ на раздражение, которое мы вносим в объект искусства. По мнению Л.С. Выготского, механистическая теория Христи-

ансена не способна объяснить всю глубину художественной реакции и вызываемых ею переживаний, в связи с чем концепцию Липпса он считал более сильной и глубокой [1].

Таким образом, художественное восприятие фильма, как и любого другого произведения искусства, обязательно содержит в себе элементы творчества (или сотворчества). Каждый из нас при восприятии сюжета того или иного фильма выступает наподобие режиссера или художника, который выдает свою интерпретацию происходящего на экране. В этом творческом единстве воображения и фантазии и заключается всякое искусство. Его специфической особенностью, по словам Выготского, является то, что оно вызывает в нас противоположно направленные аффекты (аффекты формы и содержания), и «в этом превращении аффектов, в их самосгорании, во взрывной реакции, приводящей к разряду тех эмоций, которые тут же были вызваны, и заключается катарсис эстетической реакции» [1: с. 281].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что вероятность наступления эффекта катарсиса при просмотре фильма напрямую будет связана с личностью зрителя и с его умением преобразовывать импульсы, посылаемые произведением, в собственное интимное переживание. Но существует и объективная сторона рассматриваемого нами явления: не всякое художественное произведение искусства (включая кинематограф) способно вызывать переживание катарсиса. Есть еще и объективные условия наступления катарсического состояния, а именно методы, которыми кинематограф и сценическое искусство вызывают у зрителя подобные переживания. Так, Виталь Ф.Ю. в своей работе рассмотрел общие ключевые механизмы возникновения катарсиса в современной кинодраме [5]. Так как гипотезой нашего исследования является допущение, что просмотр художественного фильма «Джокер» способен вызвать состояние катарсиса у личностей определенного склада характера и темперамента, то предлагается первоначально проверить гипотезу, обладает ли данная кинокартина признаками, предложенными Ф.Ю. Виталь.

Указанный автор называет следующие условия наступления катарсиса в драматургических постановках, включая кинодрамы.

1. *Близость зрителю тематики происходящего, осознание им сюжета.* Чем ближе и актуальнее для зрителя тема и сюжетная линия драматического повествования с точки зрения соприкосновения с глубинными ценностями, идеалами, личным жизненным опытом, тем вероятнее достижение катарсиса. Автором фильма «Джокер» преподносится история становления одного из самых известных, безумных и опасных культовых злодеев комиксов, имеющего своих поклонников среди любителей

данного жанра по всему миру. Однако психологическая и социальная драма, в центре повествования которой несчастный человек, воспринимается и осознается зрителем как продолжение современной действительности. Фильм, полный жестокости, насилия, несправедливости и борьбы с ней, интересен не столько любителям комиксов, сколько широкому кругу поклонников остросюжетных психологических драм.

2. *Общая продолжительность действия.* В настоящее время выработан негласный стандарт, в соответствии с которым современные фильмы делятся от восьмидесяти минут до двух с половиной часов. Однако под общей продолжительностью мы будем понимать не только метраж фильма как таковой, но и сюжетное время, которое предстоит принять и осмыслить зрителю. Сюжет фильма «Джокер» укладывается в традиционный временной формат современного полнометражного фильма – 122 минуты. Создателям удалось выдержать идеально вымеренный хронометраж, обеспечив традиционную схему развития драматического сюжета и целостность произведения.

3. *Глубокое эмоциональное воздействие на зрителя (с использованием доступных на данный момент методов).* Этот принцип обозначает важность и значимость таких инструментов эмоционального воздействия на зрителя, как непосредственно драматургическая составляющая сюжета, шокирующие повороты событий, актерская игра, операторская работа, визуальная стилистика (атмосфера, костюмы и декорации), сопровождающий аудиоряд (саундтрек), прочие спецэффекты, обеспечивающие эмоциональный фон при просмотре. Основные приемы эмоционального воздействия на зрителя использованы создателями фильма «Джокер» в трех ключевых аспектах: актерской игре, музыкальном сопровождении и операторской работе. Талантливая актерская игра Х. Феникса в фильме получила всеобщее признание как со стороны критиков, так и со стороны зрителей. Необходимо отметить эстетическое и смысловое сочетание музыки с фильмом: музыкальное сопровождение поддерживает образ мрачной и зловещей картины, саундтрек к фильму держит в напряжении. Операторская работа: визуальный ряд продуман до мелочей, депрессивный антураж и цветовая гамма фильма погружают в атмосферу беспокойства и внутренней боли героя. Эмоциональное воздействие фильма подтверждается восторженными отзывами поклонников кинокартины из рецензий на сайте сети Интернет www.kinopoisk.ru.

4. *Ощущение зрителем личной безопасности.* Это условие предполагает дистанцированность зрителя от происходящих событий, сопереживание в условиях личной безопасности. В нашем случае

это условие достигается самим форматом произведения: просмотр картины в кинотеатре или дома не предполагает угрозы для зрителя. При этом можно предполагать, что сильная актерская игра вкупе с реалистичностью сцен насилия может негативно повлиять на особо впечатлительных зрителей с неустойчивой психикой вследствие частичной самоидентификации с персонажами фильма.

5. *Важность морально-этических проблем для зрителя (их трактовка и сюжетное раскрытие должны вызывать у него отклик).* Катарсис – это социально-психический феномен, обязательным компонентом которого являются нравственные чувства. Общественная мораль и личная этика могут быть использованы для усиления и достижения катарсического эффекта. После выхода в прокат в 2019 г. фильм «Джокер» удостоен многих наград на различных кинофестивалях, наиболее значимыми из которых являются премия «Золотой лев» Венецианского кинофестиваля и две премии «Оскар». Морально-этическая значимость и актуальность ленты не вызывает сомнений. Одиночество и страдания человека, отягощенного психическим заболеванием, мечтающего лишь о признании в своем деле и любящих рядом людей, а в ответ получающего жестокое обращение и издевательства со стороны социума, получают мгновенный отклик у зрителя в форме чувств сострадания, жалости, несправедливости и негодования. Личная драма в сочетании с драмой социальной, демонстрирующей, насколько общество может быть жестоким, несправедливым и хладнокровным, оказывает сильный морально-психологический эффект на зрителя.

Таким образом, все предложенные Ф.Ю. Виталь объективные факторы, указывающие на катарсичность художественного произведения, наличествуют у рассматриваемого фильма «Джокер». Данное кинопроизведение является подходящим вариантом для исследования психодиагностики катарсиса в киноискусстве.

Эмпирическое исследование по диагностике переживания катарсиса при просмотре художественного фильма

Ключевая идея настоящего исследования заключается в предположении, что просмотр художественного фильма конкретного драматического содержания (в данном примере художественный фильм «Джокер») способен вызвать состояние катарсиса у личностей с определенными психологическими характеристиками. Эта идея послужила общей теоретической гипотезой для эмпирического исследования, которое охватило выборку численностью 25 кинозрителей, высоко оценивших художественный фильм «Джокер» (авторы популярных рецензий на кинокартину) на популярном сайте сети Интернет www.kinopoisk.ru. Характер и

состав выборки обусловлен темой и содержанием эмпирического исследования. Исходя из анализа теоретической базы на тему сущности феномена катарсиса следует, что подобного состояния зритель способен достичь только при созерцании такого художественного произведения, которое вызывает сильный эмоциональный отклик, широкую гамму впечатлений и противоположных чувств с преобладанием позитивно окрашенных эмоций после «эстетического взрыва» (кульминации катарсического переживания). Соответственно у таких зрителей кинокартина должна получить высокую субъективную оценку.

Итоговая выборка гетерогенная по половозрастным признакам (16 мужчин, 9 женщин) в возрасте от 18 до 45 лет, которые являются гражданами Российской Федерации (опрос и тестирование производились посредством электронной связи при отсутствии ограничений по территориальному расположению респондентов). Перед началом тестирования получены минимально необходимые анкетные данные респондентов (имя, пол, возраст), а также представлена рецензия каждого из респондентов на художественный фильм «Джокер».

Сбор эмпирических данных производился с помощью следующих методик: опроса с использованием самостоятельно разработанного автором исследования опросника с критериями переживания состояния катарсиса при просмотре художественного фильма; тестирования с применением четвертого личностного опросника Айзенка (EPQ/PEN) и личностного опросника Кеттелла 16PF (форма С). Обоснование использования авторского опросника заключается в том, что на текущий момент отсутствуют методики по диагностике катарсиса у зрителей в результате просмотра художественного фильма, а также научно подтвержденные критерии, указывающие на факт переживания личностью этого состояния.

Авторский опросник-интервью включает 5 разделов вопросов и инструкцию к заполнению опросника. Главная задача данного опроса – выявление эмоций и чувств, испытанных респондентами при просмотре фильма, измерение их интенсивности с целью последующего анализа содержания, характера и причин переживаний для формирования вывода о достижении / или не достижении зрителем состояния катарсиса. Условно в целях данного исследования результаты опросника-интервью показывают вероятность того, что зритель пережил наступление катарсиса при просмотре кинокартины. Эта вероятность может составлять от 0 до 100 % (на каждый раздел вопросов, в зависимости от вариантов ответа, приходится возможная сумма единиц вероятности от 0 до 20 %).

Основным инструментом в опроснике-интервью является таблица семнадцати пар эмоций (аффек-

тов), расположенных на противоположных полюсах оценочной шкалы семантического дифференциала, цифровые значения которой отражают интенсивность их переживания (от 1 до 3), а знак (-/+) – негативную или позитивную окрашенность аффекта (табл. 1).

Таблица 1

**Инструмент для оценки
эмоционального состояния зрителя во время
и после просмотра художественного фильма**

Безжалостность	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Сострадание
Грусть/печаль	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Радость
Разочарование	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Восторг/ очарование
Отвращение	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Восхищение
Ненависть	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Любовь
Презрение	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Благоговение
Равнодушие	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Удивление
Отчаяние	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Надежда
Злость	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Добродушие
Потрясение	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Безмятежность
Возмущение	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Успокоение
Несправедливость	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Справедливость
Страх/испуг	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Спокойствие
Подавленность	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Воодушевление
Боль/Тягость	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Удовольствие
Опустошенность	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Наполненность
Горе/ Страдание	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Экстаз/ эйфория

Результаты измерения эмоционального состояния, согласно табл. 1, респондентами указываются дважды: в первом случае для переживаний в процессе просмотра фильма, во втором случае – для оценки переживания в течение 1–2 часов сразу после просмотра фильма.

Выбраны такие эмоции, которые, как правило, сопровождают зрителя в переживаниях драматического произведения при наступлении катарсиса. Согласно общепризнанному определению Л.С. Выготского катарсис является взрывной реакцией, возникающей в результате столкновения сильных аффектов, которые получили развитие в двух противоположных направлениях и в завершительной точке получили разрядку путем их самосгорания и уничтожения [1]. То есть для наступления катарсиса зритель обязательно должен испытывать проти-

воположные чувства и эмоции, что учитывается в результатах данного раздела вопросов.

После переживания состояния катарсиса, когда происходит разрядка (самоуничтожение) противоположных аффектов, а уровень общего впечатления от кинокартины высокий, зритель, вероятнее всего, будет испытывать такие позитивные чувства и эмоции, как удовольствие, радость, эйфория, успокоение, наполненность, чувство «очищения» и т.д. Чем более интенсивны чувства и эмоции (значение по оценочной шкале от +2), тем выше вероятность того, что катарсис наступил. Ярко выраженные негативно окрашенные эмоции при этом должны отсутствовать, но не исключается наличие остаточных негативных аффектов невысокой интенсивности (значение по оценочной шкале не ниже -1/-2). То есть наличие после просмотра фильма большого количества негативных эмоций или очень высокая интенсивность негативной эмоции (-3) с большой долей вероятности говорит о том, что катарсис не наступил, так как это противоречит самой сущности данного явления.

Перед началом тестирования была представлена рецензия каждого из респондентов на фильм, а также описание трех самых ярких эпизодов из фильма, которые произвели на них сильное впечатление, а также эмоции и переживания, испытанные при их просмотре. Далее, путем использования авторского опросника рассчитана вероятность того, что респондент пережил состояние катарсиса в результате просмотра художественного фильма. В связи с тем, что опросник представляет собой вероятностную модель, а также с учетом возможной погрешности предлагается считать в качестве удовлетворительного результата, подтверждающего наступление катарсиса у респондента, 100 % вероятности. Результаты с вероятностью менее 100 % могут быть рассмотрены гипотетически на предмет близости переживания респондента во время просмотра фильма к наступлению катарсиса, однако не могут рассматриваться в качестве результата, подтверждающего либо опровергающего гипотезу, сформулированную в данном исследовании (табл. 2).

Из табл. 2 видно, что со 100%-ной вероятностью состояние катарсиса при просмотре художественного фильма «Джокер» пережило всего 2 респондента из 25 (выделено жирным шрифтом), что составляет всего 8 % итоговой выборки. Наступление катарсиса еще у одного респондента можно констатировать с вероятностью 80 %, у всех остальных участников – не более 60 %. Любопытно отметить, что респонденты, на которых приходится вероятность переживания катарсиса 80–100 % (3 человека), относятся к более возрастной части итоговой выборки (35–45 лет). Данные еще 6 респондентов (выделено курсивом) отмечены по результатам

анализа рецензий, которые носили наиболее экспрессивный и эмоциональный характер, что косвенно может свидетельствовать о переживании участниками опроса состояния катарсиса от просмотра фильма.

Таблица 2

Результаты опроса на выявление у зрителей фильма состояния катарсиса (вероятность переживания)

№ п/п	Имя респондента	Пол	Возраст, лет	Итоговая вероятность, %
1	Александр	муж	34	60
2	Всеволод	муж	21	20
3	<i>Татьяна</i>	<i>жен</i>	<i>45</i>	<i>80</i>
4	Иван	муж	21	60
5	Надежда	жен	24	50
6	<i>Никита</i>	<i>муж</i>	<i>25</i>	<i>60</i>
7	Евгений	муж	32	0
8	Виктор	муж	24	20
9	Алена	жен	35	100
10	Александр	муж	43	60
11	Дмитрий	муж	25	40
12	Татьяна	жен	30	60
13	Антон	муж	33	40
14	Егор	муж	25	40
15	<i>Егор</i>	<i>муж</i>	<i>18</i>	<i>60</i>
16	Татьяна	жен	37	40
17	Владимир	муж	33	30
18	Мовсес	муж	30	30
19	Ирина	жен	28	60
20	<i>Михаил</i>	<i>муж</i>	<i>27</i>	<i>50</i>
21	Максим	муж	23	20
22	Анна	жен	26	50
23	<i>Инесе</i>	<i>жен</i>	<i>30</i>	<i>50</i>
24	<i>Инна</i>	<i>жен</i>	<i>26</i>	<i>60</i>
25	Дмитрий	муж	37	100

По результатам тестирования испытавших катарсис участников по Айзенку видно, что общей чертой для обоих респондентов является высокий уровень нейротизма, что говорит о выраженной лабильности нервной системы (табл. 3). Эта особенность проявляется, в том числе, в чрезмерной эмоциональности и впечатлительности личности, сильных реакциях по отношению к вызывающим их стимулам. А это, в свою очередь, является важным фактором для наступления катарсиса, который обязательно предполагает высокую эмоциональную интенсивность переживания драматического произведения, возникновение сильных противоположно направленных друг против друга аффектов. Таким образом, закономерна взаимосвязь между высоким уровнем нейротизма и наступлением катарсиса. А вот зависимости между экстраверсией/интроверсией и состоянием катарсиса не выявлено: и меланхолик, и холерик в равной степени достигли этого переживания при просмотре фильма.

Таблица 3

**Результаты тестирования
респондентов № 9 и № 25 по Г. Айзенку**

Респондент	Темперамент	Экстраверсия/интроверсия	Нейротизм	Психотизм
Алена (№ 9)	Холерик	Среднее между интровертом и экстравертом	Высокий уровень	Отсутствует
Дмитрий (№ 25)	Меланхолик	Глубокий интроверт	Очень высокий уровень	Отсутствует

Сравнивая выявленные индивидуально-психологические черты исследуемых респондентов с контрольной группой, к которой относятся прочие участники исследования с вероятностью наступления катарсиса менее 100 %, необходимо отметить следующие моменты. Общая выборка респондентов (25 человек) состоит из 10 меланхоликов (40 % выборки), 7 холериков (28 % выборки), 5 сангвиников (20 % выборки) и 3 флегматиков (12 % выборки). Высокий и очень высокий уровень нейротизма имеют 16 человек, или 64 % респондентов из общей выборки. В табл. 4 представлены данные о средней вероятности переживания катарсиса, приходящейся на одного респондента определенного темперамента.

Таблица 4

**Средняя вероятность переживания катарсиса
в зависимости от темперамента, %**

Темперамент	Количество респондентов в выборке	Доля респондентов определенного темперамента в общей выборке, %	Средняя вероятность переживания катарсиса, %
Меланхолик	10	40	52
Холерик	7	28	51
Сангвиник	5	20	48
Флегматик	3	12	40

Табл. 4 позволяет сделать сразу несколько предварительных выводов. Во-первых, состав выборки респондентов подтверждает общепризнанное мнение, что фильм глубокого драматического содержания оказывает наибольшее впечатление на чувствительных меланхоликов и импульсивных холериков (17 участников из 25), т.е. на личностей с высоким уровнем нейротизма. Во-вторых, ближе к переживанию состояния катарсиса в исследовании с фильмом «Джокер» оказались также участники с более высоким уровнем нейротизма (меланхолики – 52 %, холерики – 51 %).

Но при этом только в случае с двумя участниками мы можем утверждать, что они со 100%-ной вероятностью пережили катарсис. Таким образом, «горячий» темперамент и высокий уровень нейротизма у зрителя еще не являются достаточными основаниями для наступления катарсиса (табл. 5).

Таблица 5

**Результаты тестирования респондентов № 9
и № 25 по Р. Кеттеллу (форма С)**

Факторы Р. Кеттелла	Алена (№ 9)	Дмитрий (№ 25)
Замкнутость/общительность (А)	4	1
Низкий/высокий интеллект (В)	5	9
Эмоциональная нестабильность/стабильность (С)	9	3
Подчиненность/доминантность (Е)	8	5
Сдержанность/экспрессивность (F)	6	1
Низкая/высокая моральная нормативность (G)	7	8
Робость/смелость (H)	4	1
Практицизм/чувствительность (I)	5	4
Доверчивость/подозрительность (L)	1	2
Практичность/мечтательность (M)	5	9
Прямолинейность/дипломатичность (N)	5	6
Спокойствие/тревожность (O)	8	8
Консерватизм/радикализм (Q1)	8	7
Конформизм/нонконформизм (Q2)	6	9
Низкий/высокий самоконтроль (Q3)	7	7
Расслабленность/напряженность (Q4)	5	6
Низкая/высокая тревожность (F1)	4,4	6,8
Интроверсия/экстраверсия (F2)	5,3	1,0
Чувствительность/уравновешенность (F3)	7,7	6,1
Конформность/независимость (F4)	7,7	9,2

Сравнивая в первую очередь «пики» профиля личности, т.е. наиболее низкие (от 1 до 3 стенов) и наиболее высокие (от 8 до 10 стенов) значения факторов в профиле, необходимо отметить наличие у обоих респондентов таких черт, как доверчивость (фактор L-) и тревожность (фактор O+). Иные ярко выраженные значения факторов у респондентов не совпадают: у респондента № 9 таковыми являются эмоциональная стабильность, доминантность и радикализм, у респондента № 25 – замкнутость, высокий интеллект, эмоциональная нестабильность, сдержанность, высокая моральная нормативность, робость, мечтательность, тревожность, нонконформизм и независимость.

Имеется ли взаимосвязь выявленных у обоих респондентов одинаковых «пиковых» значений профиля с фактом переживания состояния катарсиса при просмотре фильма «Джокер»? Фактор L- (доверчивость) говорит об открытости, терпимости, покладистости, уступчивости, а также может говорить о чувстве собственной незначительности. Фактор O+ (тревожность) говорит о беспокойстве, ранимости, неуверенности в себе, склонности к депрессиям, чувствительности к одобрению окружающими, чувстве вины и недовольстве собой.

Вспоминаем главного героя кинокартины «Джокер»: Артур Флек в самом начале фильма предстает перед нами добродушным, открытым и мягкосердечным человеком. Не имея возможности реализовать себя в социуме, терпя унижения и

оскорбления, он задается вопросом: «всю жизнь я не знал, существую ли я?», и после совершения тройного убийства в метро, вызвавшего столь значительный общественный резонанс, отвечает: «существую, и люди начинают замечать меня...». Налицо чувство незначительности главного героя и вытекающей из него сильной потребности в признании, быть замеченным и принятым обществом. Таким образом, можно предположить наличие эмоционального отклика и идентификации у респондентов с главным героем фильма. Обе характеристики (доверчивость и тревожность) играют значительную роль в переживаниях при просмотре такой тяжелой психологической драмы, как «Джокер».

Таким образом, нам удалось выявить сочетание индивидуально-психологических характеристик респондентов, переживших во время просмотра фильма «Джокер» состояние катарсиса, отличное от контрольной группы. Это наличие выраженных факторов по опроснику Кеттелла О+ (тревожность) и L- (доверчивость) при одновременно высоком уровне нейротизма по тесту Айзенка (соответственно темпераментах «меланхолик» и «холерик»). Такого сочетания факторов не наблюдается у прочих участников исследования, имеющих такие характеристики по отдельности: тревожность – 19 респондентов (76 % выборки), доверчивость – 3 респондента (12 % выборки), высокий уровень нейротизма – 16 респондентов (64 % выборки).

Теперь попробуем ответить на вопрос, почему мы не можем утверждать с достаточной степенью вероятности, что те респонденты, описание переживаний которых вполне могут указывать на катарсис, также пережили это состояние? (респонденты № 3, 6, 15, 20, 23, 24 в табл. 2). Все из перечисленных респондентов имеют вероятность переживания катарсиса от 50 до 80 %. У указанных участников наблюдается следующая картина в зависимости от темперамента:

- у сангвиников (№ 15, 23) интенсивность противоположных переживаний в процессе и остаточных положительных аффектов после просмотра фильма оставалась относительно невысокой;

- у холериков (№ 3, 6), флегматика (№ 20) и меланхолика (№ 24) остаточные негативные аффекты после просмотра фильма сохраняются на очень высоком уровне интенсивности, что противоречит механизму наступления катарсиса: все негативные аффекты высокой интенсивности должны были «сгореть» или «самоуничтожиться», чего по факту не произошло.

Другими словами, в страдания и глубокие негативные переживания во время просмотра фильма указанные выше участники погрузились, но необходимого «эстетического взрыва», нейтрализующего накопленный багаж деструктивных аффектов, не

произошло (несмотря на испытанные противоречивые положительные и отрицательные эмоции).

Принимая во внимание представленные выше результаты исследования, в дополнение к обозначенной в начале этой работы гипотезе появляется новое предположение относительно причин переживания катарсиса участниками № 9 (Алена) и № 25 (Дмитрий) при просмотре фильма «Джокер». Для этих целей разберем описания респондентами одного из самых ярких эпизодов из фильма, который произвел на них сильное впечатление.

Респондент № 9 (Алена, 35 лет):

*«Сцена, где Артур говорит со своим психиатром. "Мне постоянно хреново", "Всё что у меня есть – это негативные мысли", – как ёмко, но как полно это описывает депрессию. Я смотрела эту сцену и думала: как же я тебя понимаю. **Ведь несклько лет назад я сама через это прошла. И как мне жаль, что ты попал в эту ситуацию. До недавнего времени меня никто не замечал. Даже я сам не знал, существую ли я на самом деле**», – мне кажется, это про большинство людей».*

Респондент № 25 (Дмитрий, 37 лет):

*«Сцена "коронации" Джокера на капоте автомобиля в конце фильма. Это кульминация всего происходящего, эстетический взрыв на пике столкновения сильных противоположных чувств и переживаний: боли и радости, страдания и счастья, несправедливости и возмездия. Очередной танец торжества главного героя, крупный кадр с изображением вымученного, выстрадавшего лица Артура-Джокера, но при этом счастливого от осознания его всеобщего признания толпой (к чему он стремился всю свою жизнь), который сквозь слезы рисует себе кровавую улыбку – это катарсис! **И сквозь слезы катарсис зрителя вместе с главным героем**».*

Снова обращаясь к психологическим механизмам воздействия на зрителя кинотерапии, можно утверждать, что описание сцен обоими респондентами указывает на процесс их идентификации с главным героем художественного произведения. Результатом «вчувствования» зрителя в происходящие на экране события и указанной идентификации становится «заражение» эмоциональным состоянием героя с последующим глубоким катарсисом. При этом необходимым условием возникновения катарсиса при просмотре фильма является наличие сходства сюжета с актуальной жизненной ситуацией, в которой находится (либо находился) зритель. Это полностью отвечает теоретическим взглядам и принципам рассмотренного нами синемалогического подхода к средствам и методам эффективного терапевтического воздействия на пациента [3].

В то же время мы приходим к психоаналитическому подходу в интерпретации феномена катарси-

са, восходящему к катартическим методикам лечения пациентов докторов Й. Брейера и З. Фрейда. Ведь переживание катарсиса респондентами № 9 и № 25 может говорить о процессе «отреагирования», т.е. об аффективной разрядке болезненного материала, воспоминания о событиях которого в прошлом были вытеснены у этих участников исследования в бессознательное. Художественный фильм «Джокер», таким образом, выступил для исследуемых участников триггером, приведшим к столь мощному терапевтическому эффекту, когда катарсис главного героя в финале картины резонировал с катарсисом зрителей.

Заключение

Результаты проведенного исследования можно рассматривать с точки зрения разных теоретических парадигм. Психофизиологический аспект проблемы указывает на следующие основания для возникновения у зрителя кинофильма состояния катарсиса: высокий (или очень высокий) уровень нейротизма (меланхолики и холерики по тесту Айзенка) при одновременном сочетании таких индивидуально-психологических характеристик личности, как тревожность и доверчивость (по опроснику Кеттелла). В психоаналитической парадигме обязательным условием для переживания катарсиса (который представляет собой не что иное, как «отреагирование») является наличие у зрителя болезнен-

ного, вытесненного в бессознательное психического материала. Близость происходящих в фильме драматических событий с индивидуальным жизненным опытом респондентов, идентификация с главным героем фильма с последующей разрядкой аффективных импульсов приводит к столь мощному психотерапевтическому эффекту.

Остается открытым вопрос: способны ли к переживанию катарсиса личности с сильным типом нервной системы, сангвиники и флегматики по темпераменту? Отсутствие подтвержденной валидности используемого в исследовании опросника и погрешность измерения самими участниками интенсивности переживаемых ими эмоций могли привести к недостоверным результатам и выводам относительно достижения или недостижения состояния катарсиса.

Тем не менее считаем, что результаты проведенного исследования имеют высокую практическую ценность и являются первым шагом на пути повышения роли и значения психодиагностики личности как важного инструмента при работе с пациентами в различных направлениях психотерапии, связанных с «катартическими» методиками. Оставшиеся по результатам исследования открытые вопросы рассматриваются в качестве перспективных для дальнейших исследований в этом направлении.

Список источников

1. Выготский Л.С. Психология искусства. Москва : Лабиринт, 2010. 352 с.
2. Менегетти А. Онтопсихологическая синемалогия. Санкт-Петербург : Онтопсихология, 2014. 563 с.
3. Захарова Е.И., Карabanова О.А. Кинотерапия: современный взгляд на возможности применения // Национальный психологический журнал. 2018. № 2 (30). С. 57–65.
4. Корбут К.П. Психоанализ о кино и кино о психоанализе // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 2. URL: <https://psyjournal.ru/articles/psihoanaliz-o-kino-i-kino-o-psihoanalize> (дата обращения: 27.09.2022).
5. Виталь Ф.Ю. Катарсис в кинодраме. Условия возникновения // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2017. № 2. 160 с.

References

1. Vygotsky L.S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow : Labyrinth, 2010. 352 p. (In Russ.).
2. Meneghetti A. *Ontopsichologicheskaya sinemalogiya* [Ontopsychological cinematology]. Saint Petersburg : Ontopsychology, 2014. 563 p. (In Russ.).
3. Zakharova E.I., Karabanova O.A. *Kinoterapiya: sovremennyy vzglyad na vozmozhnosti primeneniya* [Kinotherapy: a modern view on the possibilities of application] // National Psychological Journal. 2018. No. 2 (30). pp. 57–65. (In Russ.).
4. Korbut K.P. *Psihoanaliz o kino i kino o psihoanalize* [Psychoanalysis about cinema and cinema about psychoanalysis] // Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis. 2005. No. 2. URL: <https://psyjournal.ru/articles/psihoanaliz-o-kino-i-kino-o-psihoanalize> (accessed: 27.09.2022). (In Russ.).
5. Vital F.Yu. *Katarsis v kinodrame* [Catharsis in a film drama]. Conditions of occurrence // Theatre. Painting. Movie. Music. 2017. No. 2. 160 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.С. Зубцов – магистрант.

Information about the author

D.S. Zubtsov – Master Student.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022. The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья
УДК 159.964
doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-135-142

ПСИХОЛОГИЯ ПОГРАНИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРОЕВ КОРОТКОМЕТРАЖНОГО ФИЛЬМА «БУМЕРАНГ»)

Татьяна Ивановна Нестеренко¹, Ирина Валерьевна Трутнева²

¹, ²Дальневосточный институт психологии и психоанализа, Хабаровск, Россия

¹ta57-57@mail.ru

²iriska-4891@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ основных психологических характеристик пограничной личности, таких как: нестабильность межличностных отношений и настроения, неустойчивый образ Я, выраженная импульсивность. Авторами подчеркивается, что прежде всего семья является основной моделью социальных отношений и в период от нуля до трех лет становится решающим фактором в формировании базального Я. Самой важной внутрисемейной связью оказывается связь мать–ребенок, которая становится первым социальным зеркалом для Я.

Ключевые слова: примитивная изоляция, отрицание, всемогущественный контроль, примитивные идеализация и обесценивание, проективная и интроективная идентификация, расщепление Эго, идентификация с агрессором, слабые границы Эго, диффузная идентичность

Original article

PSYCHOLOGY OF BORDERLINE PERSONALITY (ON THE EXAMPLE OF THE CHARACTERS OF THE SHORT FILM "BOOMERANG")

Tatiana I. Nesterenko¹, Irina V. Trutneva²

¹, ²The Far Eastern Institute of Psychology and Psychoanalysis, Khabarovsk, Russia

¹ta57-57@mail.ru

²iriska-4891@mail.ru

Abstract. This article presents an analysis of the main psychological characteristics of a borderline personality: instability of interpersonal relationships and mood, unstable self-image, pronounced impulsivity. The authors emphasize that, first of all, the family is the main model of social relations and in the period from zero to three years it becomes decisive in the formation of the basal Self. The most important intra-family connection is the mother-child relationship, which becomes the first social mirror for the Self.

Keywords: primitive isolation, denial, omnipotent control, primitive idealization and devaluation, projective and introjective identification, Ego splitting, identification with the aggressor. Weak Ego boundaries, diffuse identity

Введение

Известно, что пограничный уровень организации психики нельзя отнести ни к невротическому, ни к психотическому, и вместе с тем он несет в себе характерные черты и того, и другого.

Психологические теории о причинах пограничности личности фокусируются на деликатности взаимодействия ребенка и тех, кто за ним ухаживает, особенно в первые несколько лет жизни. Наиболее важен в этом отношении период от 18 до 30 месяцев, когда ребенок начинает стремиться к самостоятельности. Некоторые родители активно противостоят отделению ребенка от них и настаивают на контролируемом, исключительном и часто удушающе тесном симбиозе. Другая крайность – когда родители лишь изредка вспоминают о своих обязанностях (а то и вовсе отсутствуют в жизни ребен-

ка), на протяжении большей части его взросления не могут обеспечить достаточного внимания и признания чувствам и переживаниям ребенка [1: с. 26].

Любая из этих крайностей – чрезмерный контроль поведения и/или эмоциональная отстраненность – может привести к тому, что ребенок не сумеет сформировать позитивное, устойчивое самощущение и будет испытывать постоянную сильную потребность в привязанности и хронический страх одиночества.

Тема пограничного расстройства в современном обществе актуальна, её обсуждают, анализируют художественные произведения. Нередко тема поведения людей с пограничной организацией личности находит отражение в кинематографе.

В 2015 г. вышел короткометражный фильм «Бумеранг» (режиссёр Мария Болтнева) о том, как

наследуются определённые жизненные установки и поведенческие паттерны. В центре сюжета – взаимоотношения матери и дочери.

Цель настоящего исследования – выявить специфические особенности пограничной личности и ее защитные механизмы, а также проанализировать факторы, влияющие на формирование пограничной структуры личности.

Теоретический анализ концепта «пограничная личность»

Термин «пограничный» (borderline) имеет разнообразные значения. Дело не только в том, что депрессивный человек с пограничными чертами сильно отличается от нарциссического, параноидного или истерического пограничного пациента, но и в том, что внутри категории пограничного существует широкий диапазон тяжести состояния, простирающийся от невроза, с одной стороны, до психоза, с другой (Grinker и др., 1968) [2: с. 58]

Пограничные состояния – это позиции или промежуточные станции в процессе декомпенсации от непсихотического состояния в психотическое или в процессе регрессии от невротического к психотическому уровню психической организации.

Пограничное расстройство личности является описательным понятием, относящимся к отдельному психиатрическому синдрому – переходящим, обратимым и Я-дистонным микропсихотическим эпизодам, характеризующимся диффузной импульсивностью, хронической раздражительностью, нестабильными межличностными отношениями, нарушениями идентичности, нередко чувствами скуки и опустошенности, тенденциями к нанесению себе увечий.

Пограничная личностная организация по Кернбергу является более широким понятием и включает в себя все проявления пограничных личностных расстройств. Вместе с тем существуют и другие личностные синдромы, которые также относятся к пограничной личностной организации. Они включают в себя нарциссические, шизоидные и антисоциальные расстройства характера.

Определения «пограничное расстройство» или «пограничный тип личности», согласно МКБ-10, DSM-III и DSM-IV, явно относятся к достаточно тяжелым личностным или характерологическим расстройствам, не укладывающимся в область «между здоровьем и выраженной патологией». Названные классификационные системы дают вполне узнаваемую картину «синдрома нестабильности», более тяжелого, чем «заурядный невроз», хотя и не столь «злокачественного», как, например, при шизофрении. С другой стороны, во всех этих случаях мы имеем дело с чисто описательным подходом, дающим информацию не столько о сути патологии, сколько об ее внешних проявлениях

(эти две вещи, безусловно, связаны, но все же второе не вытекает из первого с полной необходимостью). В то же время под приведенное описание не подходят многие пациенты (например, страдающие тяжелыми депрессиями или обсессивно-компульсивными расстройствами), чье состояние не может быть названо психотическим, но более негативно влияет на их жизнь, чем невроз.

Главное разногласие, до сих пор существующее среди теоретиков психоанализа по отношению к понятию «пограничность», сводится к вопросу: описывает ли оно тип личности или уровень ее нарушенности? Справедливо ли выделять «пограничную личность» наряду с «шизоидной», «нарциссической» или корректнее говорить о пограничном уровне функционирования личности того или иного типа? Часто этот термин используется по отношению к определенной структуре характера, predisposing к затрудненным коммуникациям с людьми и к фундаментальным сложностям, связанным с патологическим функционированием Эго. Отто Кернберг предлагает оперировать понятием пограничного личностного расстройства, чтобы обозначить сочетание ненормальных или патологических черт характера, способных вызывать значимые расстройства внутриспихических или межличностных функций. Он же, однако, признает и подробно описывает неисчерпаемые проблемы, связанные с классификацией личностных расстройств, в частности в DSM-III [3].

Возможно, оптимальным для наших целей вариантом будет обобщение, предложенное Мастерсоном: пограничность как диагностическая категория подразумевает уровень организации личности, занимающий промежуточное (пограничное) положение между невротической и психотической организацией и качественно отличающийся от них обеих (Masterson, 1980).

Ещё в 90-е гг. XIX в. З. Фрейд предпринимал попытки найти принципиальное различие между неврозами и психозами. Вначале им было дано определение, которое базировалось на теории либидо: если при неврозе оторванное от внешнего мира либидо переносится на объекты фантазий, то при психозе оно возвращается в Я субъекта.

Позднее в психоанализе были описаны клинические случаи пациентов с эмоционально обедненным отношением к миру, которые были названы «пациентами как-если-бы», исходя из фразы «как если бы я действительно жил в этом мире». Оторванность этих пациентов от реальности была настолько велика, что они уже не могли считаться невротиками, но при этом оставались достаточно хорошо адаптированными к требованиям социума, что не позволяло отнести их к психотикам. Тем не менее они не могли жить, как все, и получать удовольствие от жизни, а именно «как бы жили» [3: с. 15–20].

Впервые термин «пограничный» использовал Уильям Штерн в 1938 г., чтобы описать проходящих амбулаторное лечение больных, которым не приносил пользы классический психоанализ и которые явно не вписывались в категории стандартных на то время психиатрических категорий «невротических» или «психотических» пациентов.

Взгляды разных авторов на глубинную суть феномена пограничности столь же разнообразны, сколь и используемые ими терминологические определения: поневоле задумываешься, ведут ли они речь об одном и том же явлении. Хайнц Когут определяет пограничность как дискретную и ясно отделенную от нарциссических личностных расстройств диагностическую сущность: пограничный пациент – субъект, переживающий хроническую угрозу необратимой дезинтеграции (цит. по: Столору, Брандшафт, Атвуд, 1999). Гандерсон утверждает, что пограничность есть узкая и четко очерченная диагностическая единица, делая акцент на наличии кратковременных психотических эпизодов и во многом следуя в своем понимании этого определения за DSM-III. Джеймс Мастерсон (как и многие другие) отказывается от столь конкретных формулировок, придавая понятию «пограничность» весьма широкий смысл. Промежуточную позицию в данном вопросе занимают, в частности, Майкл Стоун и Отто Кернберг. С точки зрения этих авторов, понятие «пограничность» есть диагностическое определение личности, проблематика которой возникла в точке схождения трех предрасположенностей: генетической, психодинамической и темпераментной.

В 1942 г. Хелене Дойч описала группу пациентов, которые преодолевали внутреннее ощущение опустошенности, прибегая, как хамелеоны, к изменению своих внутренних и внешних эмоциональных переживаний, чтобы они соответствовали текущему окружению и ситуации. Она назвала эту склонность перенимать качества других для завоевания или сохранения их любви «как будто личность».

На протяжении 1940-х и 1950-х гг. другие психоаналитики начали распознавать целый пласт пациентов, которые не подходили под существующие описания патологий. Некоторые пациенты казались невротическими или проявляющими неглубокие симптомы, однако после начала традиционной психотерапии, особенно психоанализа, они «разоблачались». Аналогично госпитализация обостряла их симптомы и усиливала инфантильное поведение, а также зависимость от терапевта и больницы.

Другие пациенты, казалось, страдали от серьезного психоза, часто даже получали диагноз «шизофрения», а затем внезапно восстанавливались за очень короткий период. (Такое резкое улучшение нехарактерно для обычного течения шизофрении.) Некоторые пациенты проявляли симптомы депрессии, но их

радикальные смены настроения не укладывались в типичный профиль депрессивных расстройств.

В 1953 г. Роберт Найт воскресил термин «пограничный» в своей работе о пограничных состояниях. Он признавал, что, хотя среди пациентов наблюдались заметные различия в симптомах, которые попадали под категории разных диагнозов, они были проявлением одной и той же патологии.

После публикации работы Найта термин «пограничный» стал более популярным, а сама возможность использования общей пограничной концепции Штерна как диагноза стала более приемлемой. В 1968 г. Рой Гринкер и его коллеги определили четыре подтипа пациентов с пограничными состояниями.

1. Сильно пострадавшая от синдрома группа, близкая к психотикам.

2. Основная пограничная группа с беспокойными межличностными отношениями, ярко выраженными эмоциональными состояниями и чувством одиночества.

3. «Как будто» – группа, легко поддающаяся влиянию других и испытывающая недостаток устойчивой идентичности.

4. Группа, несильно затронутая пограничным синдромом, с неуверенностью в себе, граничащая с невротическим краем спектра.

По определению О. Кернберга, пациент с пограничной организацией личности более здоров, чем психотик, чьи представления о реальности сильно искажены, что не позволяет ему нормально функционировать. С другой стороны, пограничная личность более больна, чем пациент с невротической организацией личности, испытывающий непереносимую тревогу вследствие эмоциональных конфликтов. У невротиков восприятие идентичности и система защитных механизмов обычно более адаптивны, чем у пограничных пациентов.

Хотя система О. Кернберга не была официально принята Американской психиатрической ассоциацией, его работа продолжает выступать в роли важной теоретической модели как для клиницистов, так и для исследователей. В целом схема Кернберга делает упор на подразумеваемых внутренних механизмах, описанных далее.

1. Тревога. Пограничным пациентам свойственна хроническая, все пропитывающая, «свободно плавающая» тревога.

2. Полисимптоматический невроз. У многих пациентов встречается тот или иной набор невротических симптомов. Те случаи, когда у пациента мы находим сочетание не менее двух из перечисленных ниже признаков:

а) множественные фобии, особенно такие, которые значительно ограничивают активность пациента в повседневной жизни;

б) симптомы навязчивости, которые вторично стали Эго-синтонными и приобрели качество «сверхценных» мыслей и действий;

в) множественные сложные или причудливые конверсионные симптомы, особенно хронические;

г) реакции диссоциации, особенно истерические сумеречные состояния и фуги, а также амнезия, сопровождаемая нарушениями сознания;

д) ипохондрии;

е) параноидные и ипохондрические тенденции в сочетании с любыми другими симптоматическими невротами (типичное сочетание, заставляющее думать о диагнозе пограничной организации личности).

3. Полиморфные перверсные сексуальные тенденции. То есть пациенты с выраженными сексуальными отклонениями, при которых сосуществуют несколько разных перверсных наклонностей. Чем хаотичней и множественней перверсные фантазии и действия пациента и чем нестабильнее объектные отношения, развивающиеся вокруг такой сексуальности, тем больше оснований заподозрить пограничную организацию личности.

4. «Классическая» препсихотическая структура личности, включающая в себя следующие черты:

а) параноидную личность (параноидные черты проявляются в такой степени, что выступают на первое место в описательном диагнозе);

б) шизоидную личность;

в) гипоманиакальную личность и циклотимическую организацию личности с выраженными гипоманиакальными тенденциями.

5. Импульсивный невроз и зависимости. Под этим подразумеваются такие формы тяжелой патологии характера, которые в поведении проявляются «прорывом импульса» к удовлетворению инстинктивных нужд, причем такие импульсивные эпизоды Эго-дистонны при воспоминании о них, но Эго-синтонны и приносят большое удовольствие в самый момент их исполнения. Алкоголизм и наркомания, некоторые формы психогенного ожирения или клептомания являются тому типичными примерами.

6. Нарушения характера «низшего уровня». Сюда можно включить некоторые формы тяжелой патологии характера, типичными примерами которых являются хаотичный и импульсивный характеры – в отличие от классических типов структуры характера, основанных на формировании реакции, и от тихих «уклоняющихся» личностей. С клинической точки зрения типичная истерическая личность не имеет пограничной структуры; то же самое можно сказать и о большинстве типов обсессивно-компульсивной личности, а также о структурной организации «депрессивной личности» или о достаточно интегрированной мазохистической личности. И, напротив, многие инфантильные типы личности и типичная нарциссическая личность

имеют пограничную организацию психики; «ложная» ("as if") личность также относится к этой группе [4: с. 22–24].

Психоаналитический портрет пограничной личности

Человек с пограничной структурой личности будет обладать рядом особенностей.

1. Сложности с интеграцией идентичности.

Ощущение собственного Я, вероятнее всего, полно противоречий и разрывов. Они испытывают затруднения при описании собственной личности или других людей. Описания плоские, глобальные и минималистские. При описании себя, сталкиваясь со своими ограничениями, склонны к враждебной защите (в отличие от психотиков). И еще одно отличие от психотиков – имеют проблемы с идентичностью, но знают, что таковая существует (психотики могут быть не уверены в собственном существовании, что сопровождается экзистенциальным ужасом).

2. Используют примитивные защиты.

В регрессе используют отрицание, проективную идентификацию и расщепление, и в этих моментах их можно спутать с психотиками. Отличие: когда терапевт дает пограничному клиенту интерпретацию примитивной формы ощущений, тот может обнаружить временную способность реагировать, психотик в аналогичной ситуации становится еще более беспокойным.

3. Тестирование реальности.

Пограничный клиент может отрицать психопатологию, но демонстрировать уровень понимания всего, что является реальным или общепринятым. Способность наблюдать свою патологию сильно ограничена.

У таких людей нет наблюдающего Эго, потому может возникнуть ощущение, что некоторые аспекты его Я подвергаются критике. Затруднен процесс сепарации-индивидуации. Когда они чувствуют близость с другим человеком, они паникуют из страха поглощения и тотального контроля, когда чувствуют себя отделенными, ощущают травмирующую брошенность.

Яркой чертой характера людей с пограничной организацией личности является использование ими примитивных защит, таких как примитивная изоляция, отрицание, всемогущественный контроль, примитивные идеализация и обесценивание, проективная и интроективная идентификация, расщепление Эго, идентификация с агрессором. Перечисленные защитные механизмы находятся в тесной зависимости от типичных отношений с внутренними объектами, расщепленными на хорошие, идеализированные и плохие.

Одной из важных характеристик пограничной личности является непереносимость одиночества. Достижение чувства собственной непрерывности и

идентичности возможно для нее только через использование объекта – будь то объект агрессии или любви. Качество объектных отношений зависит от целостности идентичности, что подразумевает относительное постоянство образов себя и другого. Стабильность и глубина отношений со значимыми людьми проявляется в эмпатии, понимании, способности к сохранению коммуникаций в периоды фрустраций и конфликтов. Именно в этих аспектах пограничная личность испытывает в отношениях существенные трудности, поскольку постоянство объекта ею не достигнуто или не обрело устойчивого характера.

Анализ героев короткометражного фильма «Бумеранг»

В центре сюжета фильма – взаимоотношения матери и дочери. По сюжету фильма мы видим, что взрослая дочь и мать покупают продукты на рынке, и пока они совершают путь домой, дочь весьма агрессивна, она не переставая, отчитывает свою мать, и видно, какое неприятие и раздражение испытывает дочь по отношению к матери. В свою очередь, мать вызывает у зрителя чувство жалости и слабо пытается защищаться. Она жалуется дочери на своё самочувствие, что у неё артрит, добавился склероз. Видно, что пожилая женщина отчаянно нуждается во внимании дочери. Но дочь ведёт себя довольно жестоко по отношению к матери – она не замолкает, повышает голос и всё время осуждает её. Нам она кажется крайне невоспитанной и агрессивной (рис. 1). Поэтому в первой половине фильма нам кажется такое поведение дочери неприемлемым, хочется пожалеть пожилую мать и вразумить наглую дочь. Но ведь нередко это то, что мы видим, и мало кто из нас знает, что именно сделало дочь такой. Вторая часть фильма даёт возможность зрителю увидеть, что стоит за таким поведением, и мы начинаем понимать всю ситуацию.

Рис. 1. Кадр из фильма

Анализируя поведение героев фильма, можно выделить особенности поведения пограничной личности и свойственные ей защитные механизмы,

а также какое влияние оказывают ранние периоды жизни этой личности и её семейные отношения.

Во второй части мы видим, что дочь в детстве встречается с жесткой критикой со стороны матери. На дочь выливается не прекращающийся поток унижающих выражений. Всё высказанное матерью дочь не в силах выдержать, так как она, по сути, сталкивается с опасностью и вынуждена защищаться. Так вырабатывается механизм защиты – идентификация с агрессором. Девочка идентифицируется с агрессором (матерью) посредством приписывания себе самого акта агрессии, подражания физическому и моральному облику агрессора. Впоследствии взрослая дочь как бы заимствует выражения и поведение матери по отношению к ней в детстве. Здесь наблюдается смена ролей. Дочь становится «родителем над мамой» и ее паттерн поведения соответствует тому, как с ней обращалась мать в детстве. Мы можем предположить, что ребёнок интроецирует некоторые характеристики объекта тревоги и тем самым ассимилирует уже перенесенное им переживание тревоги. Здесь механизм идентификации или интроекции сочетается с другим важным механизмом. Воплощая агрессора, принимая его атрибуты или имитируя его агрессию, ребёнок преобразуется из того, кому угрожают, в того, кто угрожает.

В работе Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» детально обсуждается значение такого перехода от пассивной роли к активной как средства ассимиляции неприятного или травматического опыта в детстве.

Мать не позволяет пройти стадию сепарации через аффект агрессии. В эпизоде, когда у Вари развязался шнурок, мать критикует дочь, по её мнению, дочь не так завязывает, и в итоге сама выхватывает шнурок и делает всё за дочь. Постоянно дергает дочь за руку, поправляет ей куртку. Чувствуется тревожность в состоянии матери. Можно предположить, что мать не в состоянии выдержать как собственные эмоциональные «шторма», так и чувства своего ребёнка. Тем самым мать не способна осуществлять так называемое контейнирование, т.е. поместить в себя переживания дочери, переработать их и выдать что-то более понятное, утешающее. Она не может быть для своей дочери опорой, а напротив, как бы отрицает беспомощность и уязвимость дочери. Мать не может в силу, возможно, своей пограничности заметить своего ребёнка, уважительно и корректно к нему относиться, где нужно – поставить границу, когда страшно – поддержать, где сложно – помочь и, если не умеет, – научить. А если этого не происходит, ребёнок не чувствует себя любимым, он не научается иметь дело с собственными чувствами и отрывает их, загоняет внутрь себя (рис. 2).

Рис. 2. Сцена из фильма

Уже взрослая дочь живёт с мамой. Они делают совместную закупку продуктов. Мать комментирует отношения дочери с мужчиной и демонстрирует своё недовольство выбором дочери. Мать говорит, что она неплохо разбирается в мужчинах, однако из слов дочери понятно, что положительного примера таких отношений у мамы она не видела. Примера для неё нет. (Проблема сепарации-индивидуации с последующим негативным комплексом Электры.)

Во второй части мать постоянно упрекает дочь за то, что ей стыдно за Варю, что учителя жалуются на неё и мать вынуждена дарить подарки, ходить просить за дочь и т.д. Мать испытывает перед другими чувство стыда за свою дочь, не принимает ее и обесценивает. Ведь она «рожала нормальную девочку, а выросло непонятно что». Так же, как в первой части, и в этом эпизоде наблюдается механизм защиты – обесценивание дочери, идеализация других. Чувствуется эмоциональное и физическое пренебрежение матери по отношению к дочери, что является нарушением объектных отношений пограничных пациентов по О. Кернбергу. «Только плохой» репрезентант объекта – ненавидимый, обесцениваемый, презираемый, и вместе с этим мать вызывает в дочери чувство стыда.

В первой части фильма, когда диалог персонажей эмоционально держит зрителя на пределе, дочь высказывает матери, что не получала любви и понимания от мамы в детстве, а из ответа мамы можно сделать вывод, что она и не понимает, как это – любить?! В её понимании было не до любви... «надо было работать, чтобы обеспечить всем необходимым». С одной стороны, мать демонстрирует заботу и внимание по отношению к дочери, а с другой – неприятие. Взрослая дочь ведёт себя довольно агрессивно по отношению к матери – она не замолкает, повышает голос и всё время осуждает её, обесценивает. (Нарушение объектных отношений пограничных пациентов по О. Кернбергу «Только плохой» репрезентант самости – обесцениваемый, неполноценный, презираемый, злой). Части самости как бы теряются в объекте, так как

устойчиво идентифицируются с ним, вследствие чего происходит опустошение самости, а иногда и искажение восприятия объектов. Взрослая дочь осознает себя хорошей, а мать (объект) – обесцененным. Обесцененные части самости точно так же, как и хорошие, идеальные аспекты объекта, отрицаются из-за вертикального расщепления и тем самым становятся неосознаваемыми (рис. 3). Хороший объект горизонтальным расщеплением защищен от самости, осознающей себя хорошей. (Механизм защиты – расщепление.)

Рис. 3. Схема вертикального и горизонтального «расщепления»

В результате материнского отношения к дочери в детские годы, когда она не удовлетворяла потребности дочери в любви и отвергала её, формируются личностные проблемы, входящие в структуру пограничной личности: уже взрослая дочь негативно и враждебно настроена не только в отношении матери, но в целом ко всей жизни, в том числе работе, государству в котором она жила, и идеологическим принципам. Все вокруг однозначно плохие и виноваты в её проблемах. Дочь же заслуживает лучшего, но как сделать для себя лучше, не представляет. Она ищет через отношения с другим подтверждение своей значимости, и хоть как-то пытается избежать чувства одиночества и внутренней опустошённости. Поэтому кажется, что порадовать её может только звонок от мужчины и важным становится прийти на встречу с ним вовремя, что бы он не ждал. Такое поведение связано с наличием повышенного уровня тревожности, неуверенности, зависимости, жажды любви и навязчивым страхом потери объекта привязанности. Можно предположить, что дочь испытывает серьезные затруднения в установлении доверительных

отношений с другими людьми, причем не столько из-за отсутствия душевного тепла, сколько из-за неуверенности в себе. Поведение её, скорее всего, амбивалентно, она всей душой желает установить контакт с понравившимся им человеком, но в то же время эти отношения страшат её, и она пытается избежать установления более близких и взаимосвязанных отношений. Дочь хочет быть идеальной для того мужчины, который её ждёт. По её внутренним убеждениям, он не должен увидеть её уязвимость, поэтому объяснить ему, что опоздала из-за потери матерью пакета на рынке, не представляется возможным. Это в понимании Варвары, вероятно, нечто неприемлемое и не соответствует «нормальному». Скорее всего, она переживает, что подумает о ней её мужчина. Можно говорить о влиянии низкой самооценки матери на формирование заниженной самооценки у дочери.

Хочется обратить внимание на эпизод, в котором маленькая Варя поднимает со снега игрушку после непрерывного потока оскорблений со стороны матери. Девочка использует игрушку как переходный объект в стрессовой для себя ситуации и тем самым пытается снять напряжение от нападков матери.

Таким образом, погранично-организованная личность имеет следующие особенности:

- примитивные защитные механизмы: расщепление, отрицание, девальвацию, всемогущество, проекцию, проективную идентификацию;
- слабые границы Эго. Супер-Эго интегрировано минимально, идентичность диффузная, слабая рефлексия;
- главные внутренние конфликты: доэдиповы по своей природе, примитивны; нарушение детско-родительских отношений.

Этот фильм желателен к просмотру людям, воспитывающим детей. Мы часто крайне недовольны ими. Не выдерживаем их несоответствия нашим родительским ожиданиям, стремимся через критику и унижения воспитывать в детях личность вежливую, понятную и удобную нам и обществу. Возможно, кто-то после просмотра фильма пересмотрит свои взаимоотношения со своими детьми. Фильм даёт уникальную возможность заглянуть в «будущее», увидеть, как могут развиваться отношения, какой бумеранг может вернуться в будущем в отсутствие безусловной любви матери к дочери.

Заключение

Пациент с пограничной организацией личности нередко характеризуется неадекватным самовосприятием и может остро ощущать, в частности, собственное несовершенство и бесполезность.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

- пограничным клиентам не удалось полностью отделиться и индивидуироваться от первичного

родителя. Они все еще слишком вовлечены на эмоциональном уровне в попытки получить внимание и одобрение их матери или отца. Если они вступают в серьезные взаимоотношения с кем-то, кто не является родителем, выбранный человек, скорее всего, будет обладать многими чертами родителя, который подвел их;

- пограничные клиенты сталкиваются с проблемами идентичности. Достижение чувства собственной непрерывности и идентичности возможно для него только через использование объекта – будь то объект агрессии или любви. Качество объектных отношений зависит от целостности идентичности, что подразумевает относительное постоянство образов себя и другого;

- пограничный клиент использует расщепление и другие примитивные защиты (отрицание, проекция, проективная идентификация, диссоциация), чтобы сохранить хорошие чувства по отношению к себе и значимым другим. К сожалению, эти защиты искажают реальность и не дают пограничному клиенту воспринимать себя и других как единых целых, которые могут иметь одновременно и хорошие, и плохие стороны;

- прежде всего семья является основной моделью социальных отношений и в период от нуля до трех лет становится решающим фактором в формировании базального Я. Ребенок прежде всего начинает ощущать себя существом любимым или отвергнутым и лишь затем приобретает способность к когнитивному самопознанию. Ощущение «какой я» складывается раньше, чем «кто я». Таким образом, самой важной внутрисемейной связью оказывается связь мать–ребенок, которая и становится первым социальным зеркалом для Я;

- пограничные клиенты полны гнева. Они часто ощущают, будто бы внутри них скрыто ядро внутренней ярости, которая не имеет границ. Часто это сочетается с застенчивым поведением и страхом, что, позволив себе почувствовать ярость в полной мере, они навсегда выйдут из-под контроля. В действительности у них неоднократно бывали вспышки ярости по отношению к людям, с которыми они ощущают себя в безопасности, а со всеми остальными они чрезмерно любезны;

- пограничный клиент идет по жизни, тоскуя по совершенному Другому, кому-то, кто даст им безусловную любовь и принятие, разрешение на отделение, индивидуацию и последующий личностный рост; будет предан двадцать четыре часа в сутки и ничего не потребует взамен; и все это в контексте невероятно напряженных отношений в диаде.

Одним из факторов формирования пограничной организации личности считается воспитание в семье с нестабильными отношениями, жестокое обращение и отсутствие заботы в детстве. На примере

короткометражного фильма «Бумеранг» мы выделили, что в результате материнского отношения к дочери в детские годы, когда она не удовлетворяла потребности дочери в любви и отвергала её, формируются личностные проблемы, входящие в структуру пограничной личности.

Анализ литературы и анализ поведения героев фильма подтверждают гипотезу исследования о том, что особенности пограничной личности и свойственные ей защитные механизмы формируются в ранние периоды жизни под влиянием внутрисемейных отношений.

Список источников

1. Крейсман Д., Страус Х. Я ненавижу тебя, только не бросай меня. Пограничные личности и как их понять. Санкт-Петербург : Питер, 2018. 320 с.
2. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика Москва : Класс, 2015. 480 с.
3. Рождественский Д.С. Пограничная личность. Санкт-Петербург : Б&К, 2006. 160 с.
4. Кернберг Отто Ф. Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии. Москва : Класс, 2000. 446 с.

References

1. Kreisman D., Straus H. *Ay nenavijy tebya, tolko ne broasai menya. Pogranichnye lichnosti i kak ih ponyat [I hate you, just don't leave me. Borderline personalities and how to understand them]*. St. Petersburg: Peter, 2018. 320 p.
2. Nansy McWilliams. *Psihoanaliticheskaya diagnostika [Psyhoanalytic diagnosis]*. Moskva: Klass, 2015. 480 p.
3. Rozhdestvensky D.S. *Pogranichnaya lichnost [Borderline personality]*. St. Petersburg: B&K, 2006. 160 p.
4. Kernberg Otto F. *Tyajelye lichnostnye rastroistva [Severe personality disorders]. Strategies of psychotherapy*. Moskva: Klass, 2000. 446 p.

Информация об авторах

Т.И. Нестеренко – психолог-психоаналитик, старший преподаватель;
И.В. Тругнева – психолог-психоаналитик.

Information about the authors

Tatiana I. Nesterenko – Psychologist-psychoanalyst, Senior Lecturer;
Irina V. Trutneva – Psychologist-Psychoanalyst.

Статья поступила в редакцию 28.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.964

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-143-149

ПСИХОЛОГИЯ НАРЦИССИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА «МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ»)

Алена Сергеевна Дерябина¹, Юлия Степановна Пономаренко²

¹, ²Дальневосточный институт психологии и психоанализа, Хабаровск, Россия

¹alena.deryabina8@lst.ru

²Juli3001@mail.u

Аннотация. Авторами статьи выявлены и описаны специфические черты нарциссической личности на примере главного героя художественного фильма В. Меньшова «Москва слезам не верит». Анализ личности главного героя кинофильма подтверждает выводы о том, что особенности самооощущений и представлений о себе у людей с нарциссическим характером заключаются в ощущениях пустоты, фальши, стыда, зависти или в полярных переживаниях – самодостаточности, тщеславии, превосходстве.

Ключевые слова: защитные механизмы, примитивная идеализация и примитивное обесценивание, расщепление, интроекция, рационализация, перфекционизм, чувство стыда, зависть, агрессия

Original article

PSYCHOLOGY OF NARCISSISTIC PERSONALITY (ON THE EXAMPLE OF THE FEATURE FILM "MOSCOW DOES NOT BELIEVE IN TEARS")

Alyona S. Deryabina¹, Yulia S. Ponomarenko²

¹, ²Far Eastern Institute of Psychology and Psychoanalysis, Khabarovsk, Russia

¹alena.deryabina8@lst.ru

²Juli3001@mail.u

Abstract. The authors of the article identified and described the specific features of a narcissistic personality on the example of the main character of the feature film V. Menshov "Moscow does not believe in tears". The analysis of the personality of the main character of the film confirms the conclusions that the peculiarities of self-perceptions and self-perceptions of people with a narcissistic character consist in feelings of emptiness, falseness, shame, envy or in polar experiences – self-sufficiency, vanity, superiority.

Keywords: defense mechanisms, primitive idealization and primitive devaluation, splitting, introjection, rationalization, perfectionism, shame, envy, aggression

Теоретический анализ концепта «нарциссическая личность»

3. Фрейд трактовал нарциссизм как закономерную стадию развития либидо. Каждому ребенку свойственны некоторые элементы нарциссизма («первичный нарциссизм»), вскоре угасающие, но впоследствии могущие стать доминирующими и определить выбор сексуального объекта (вторичный нарциссизм, или нарциссические нарушения личности). Суть нарциссизма, по Фрейду, – помещение в самости всего внешнего мира, неспособность различения самости и мира, что определяет как внутренний мир, так и поведение: нарциссическая личность поглощена собой, отрезана от других, плохо социально адаптирована, тщеславна, манерна.

Э. Фромм акцентировал внимание на патологии нарциссизма, расширив сферу анализа до социального уровня. В нарциссизме Э. Фромм различал две

формы: доброкачественную (объектом нарциссизма является результат собственных усилий) и злокачественную (предметом нарциссизма служит собственное тело, внешний вид и т.д.). В доброкачественной форме присутствует элемент коррекции, в злокачественной он отсутствует. Проводя различие между индивидуальным и общественным (групповым) нарциссизмом, Э. Фромм рассмотрел социологические функции последнего, связанные с его доброкачественными и злокачественными формами. Потребность осуществлять созидательные действия заставляет выйти за пределы узкого круга интересов группы, что сопровождается развитием доброкачественного нарциссизма. Если объектом нарциссизма является сама группа (ее блеск, слава, прежние достижения), то постоянное разрастание нарциссического ориентирования ведет к развитию злокачественной формы.

Х. Кохут рассматривает нарциссизм как форму нормального развития либидо, а не как патологическое отклонение в процессе развития либидо. В теории Кохута патологический нарциссизм является результатом задержки развития, которая происходит, когда такие важные структуры личности, как «грандиозное Я» и «идеализированный родительский образ», не интегрированы должным образом. Это происходит в результате травмирующего разочарования, вызванного матерью, которая была недостаточно утвердительно в ее эмоциональных реакциях на ребенка или, наоборот, не позволила ребенку оценить ее реальные пределы. Таким образом, архаичное чувство грандиозности и идеализированный родительский образ разделены и становятся причиной повторяющихся подсознательно мотивированных попыток их реализации.

О. Кернберг рассматривает характерные для нарциссической личности чувство грандиозности и склонность к эксплуатации как свидетельство «орального гнева», который является патологическим процессом в либидозном (психосексуальном) развитии. Это предположительно обусловлено эмоциональной депривацией, вызванной хроническим безразличием или тайной злобой матери. В то же время некоторый уникальный талант или роль дают ребенку ощущение того, что он особенный, что, в свою очередь, становится эмоциональным клапаном, спасающим в мире безразличия или опасностей. Чувство грандиозности или обладания особыми правами необходимо, чтобы скрыть «расколотое» «подлинное Я» или осознание реальных обстоятельств. Подлинное Я содержит сильные, но в значительной степени неосознаваемые чувства зависти, страха, депривации и гнева. Поскольку, согласно теории Кернберга, чувство грандиозности развивается в результате патологического процесса, его подход к лечению требует выявления и интерпретации неосознанных конфликтов для восстановления поврежденных в результате задержки развития интрапсихических структур.

Генезис нарциссизма в концепции Д. Холмса выглядит как чередование 6 стадий, на каждой из которых решается специфическая задача развития, и от успешности такого решения зависит преобладание здорового или патологического нарциссизма в личности. Эти стадии предполагают последовательное прохождение ряда этапов: первый год жизни – безопасное ощущение творческого Я в отношении отзывчивого Другого; второй год жизни – нарциссический вклад в тело и его развитие; третий год жизни – начало оптимальной фрустрации; подростковый возраст – идеалы и амбиции; взрослый возраст – передача нарциссизма следующему поколению; поздний возраст – обретение мудрости.

Анализ психологических исследований позволяет выявить характерные черты нарциссической личности: непроницаемость для окружающих; отвержение интерпретаций; нетерпимость к критике; неспособность к интеграции и синтезу; слабая способность к эмпатии; демонстрация своей автономности.

Нарциссические личности используют следующие защитные механизмы: примитивную идеализацию и примитивное обесценивание, расщепление, интроекцию, рационализацию, примитивные формы проекции и др. Защитная позиция – перфекционизм. Основные эмоции у нарциссической личности – чувство стыда, зависть, агрессия.

Анализ нарциссической личности героя фильма «Москва слезам не верит»

В художественной литературе и кинофильмах достаточно широко освещена проблема нарциссизма. Несложно найти ряд персонажей с выраженными нарциссическими чертами. Один из художественных фильмов по данной тематике – картина Владимира Меньшова «Москва слезам не верит», которая вышла на широкий экран в конце 1979 г., а в 1981 г. стала лидером проката и была удостоена премии «Оскар» в номинации «Лучший фильм на иностранном языке». Фильм был очень популярен в свое время, но и сегодня его любят зрители. Место действия – Москва 50-х гг., люди живут надеждами и мечтами на новую прекрасную жизнь. На экране три героини, и каждая из них преследует свои жизненные цели.

Катерина, роль которой блестяще сыграла Вера Алентова, главная героиня фильма, в полной мере соприкоснулась с жестокой действительностью. Пройдя сквозь тяготы жизненных обстоятельств, она сформировала стальной характер и железную волю, которые позволили сделать прекрасную карьеру. Взрослая дочь Катерины – плод безответной любви молодости. Катерина – директор фабрики, мать-одиночка, проживает с дочерью в отдельной квартире. В ее судьбе встречи с двумя мужчинами: первый – Рудик/Родион – отец дочери и «маменькин сынок», второй – Володя – любовник, панически боящийся своей тещи. Совершенно случайно Катерина знакомится с другим героем фильма – Гошей (он же Гога, он же Жора, он же Георгий Иванович), который стал для Катерины идеалом мужчины, роль которого сыграл Алексей Баталов. Катерина, сравнивая нового знакомого с Рудиком и Владимиром, идеализируя его, заявляет: «А у него нет недостатков! Он самый лучший человек на свете!». Однако Гоша – типичная женская фантазия об идеальном мужчине. В каждой ситуации он поступает именно так, как в женских мечтах должен вести себя настоящий мужчина: и тогда, когда защищает дочь Катерины, и тогда, когда проявляет инициативу и решает, как лучше провести выходные – не это ли муж-

ские поступки! А что мы узнаем о герое в реальной действительности? Гоша работает слесарем в НИИ, проживает в общежитии, холост. О его бывшей женщине известно лишь то, что она счастливо устроила свою жизнь после разрыва с ним.

Первая встреча Гоги и Катерины происходит в электричке, когда она возвращается с дачи подружки. Гоша сразу вступает «в бой» и замечает «взгляд незамужней женщины», аргументируя отсутствием обручального кольца на руке. И своим вниманием, и своим «угадыванием» Гоша подпадает под обаяние Катерины. Его настойчивость и упорство расположить к себе Катерину нарушают ее личные границы. Его цель – быстро сократить дистанцию, создать иллюзию близости. И все-то он уже знает про Катерину, выдвигая свои умозаключения: и о том, что она по работе не выше мастера и что мужа у нее нет. Позволяет оценить и ее «оценивающий» взгляд «незамужней женщины» и быстро переходит на «ты». Определяя взгляд женщины как оценивающий, он проецирует на нее свою вечно оценивающую и сравнивающую нарциссическую натуру. Далее, как и положено нарциссу, Гога начинает бурное ухаживание, навязывая себя и свои услуги в качестве провожатого, и, между прочим, обращает внимание Катерины на то, что денег у него хватит только на такси до ее дома, а уж до своего ему придется идти пешком. Манипуляция нужна герою для того, чтобы «завладеть» расположением Катерины через его «жертвенность». Несмотря на происходящее, Гоша вызывает в героине интерес, что «он какой-то не такой, не такой, как все». И это ошибочно принимается Катериной за мужественность, уверенность и силу. Своим ухаживанием Гога продолжает демонстрировать мужские поступки, помогает нести тяжелые сумки, проявляет знаки внимания и еще больше «ломает» личные границы Катерины. Осматривая квартиру Катерины, Гога приходит к выводу, что тут явно живут прекрасно обеспеченные люди, и пытается вести себя бесцеремонно, по-хозяйски.

Гога осматрелся, заглянул в комнату Катерины.

– Ну как? – поинтересовалась Катерина.

– Годится. Судя по блеску стекол и ворсу ковра, убирала не большие суток назад. Готовилась к встрече со мной?

– Ты угадал, – подтвердила Катерина. – Угадывай дальше.

– Я думаю, что мы будем ужинать.

– Опять угадал. Только я минут десять отдохну.

– Отдыхай, – разрешил Гога. Он прошел на кухню, открыл холодильник, изучил его содержимое, заглянул в настенные шкафы.

Перед нами типичный портрет нарциссической личности. Личности этого психотипа нуждаются в восхищении и бессознательно, используя ресурсы

Другого, пытаются получить восхищение – это их мстительная защита от зависти. Потребность в восхищении Других компенсирует потребность патологического грандиозного Я. Восхищение Других служит заменой защитных и регулирующих самооценку функций, нарушенных вследствие слабых границ Эго и искаженного Супер-Эго, в особенности – Эго-идеала.

Когда Гога устраивает себе именины, собирая друзей на пикник, он подчеркивает свою потребность в восхищении, проявляя нарциссическую направленность через манипулятивное поведение, обман и, тем самым, получает нарциссический ресурс сразу из нескольких источников: у Катерины, Александры, друзей. По ходу дела он успевает кое-кого из них обесценить (обесценивание):

Александра завела разговор.

– А Николай Ильич талантливый ученый?

– Тот, что с бородой? – уточнил Гога.

– С бородкой.

– Не очень.

– А как вы определяете? Он же защитил кандидатскую диссертацию и готовит докторскую.

– Кандидатские все защищают...

Идеализация и обесценивание – характерные психологические защиты нарциссически организованных личностей: при идеализировании собственного Я значение и роль других людей обесценивается. Причем реальные преимущества и недостатки могут абсолютно не приниматься во внимание ввиду озабоченности престижностью. В репертуаре Гоши имеет место и восхищение, когда он сравнивает себя с кем-то (по-нарциссически).

– Насчет таланта, – напомнил Гога. – Смотри, как ведет машину Васек. Великолепно ведет. Он талант в вождении. Я так не могу. Но я понимаю в моторах, как очень немногие. Я тоже талант.

И он понимает лучше, где и как провести выходной Катерине и Александре, когда принимает за них решение о выезде на шашлыки, не советуясь с ними и даже позволяя дать указание о быстром сборе. И на пикнике Гога режиссирует мероприятие сам и не слушает, о чем пытается сказать Катерина, не забывая о себе любимом:

– Гога, – предупредила Катерина, – несмотря на всю твою проницательность, я не та, за кого ты меня принимаешь.

– Конечно не та, – согласился Гога. – Ты лучше.

– Я серьезно.

– Она серьезно, – подтвердила Александра. – Она не из фабрики-прачечной, она крупный...

– ...руководитель промышленности, – улыбнулся Гога.

– Да, – подтвердила Катерина.

– Ты еще и депутат, конечно. Все руководители у нас депутаты.

– Да, – еще раз подтвердила Катерина.

– И они туда-сюда ездят по границам. И ты только вчера вернулась из Парижа.

– Не вчера, – поправила Александра. – Две недели назад.

– Не будем мелочиться, – сказал Гога. – День, неделя, плюс-минус – не имеет никакого значения.

– Я с тобой серьезно разговариваю, – сказала Катерина.

– Я тоже, – подтвердил Гога. – Ты серьезная женщина, я серьезный мужчина. Обо мне здесь так хорошо говорили, что ты, конечно, почувствовала некоторый комплекс неполноценности. Ты хочешь рассказать мне о своих достоинствах и достижениях. Обязательно поговорим. Сядем дома друг против друга: я тебе вопрос, ты мне ответ. Или будет один твой монолог на весь вечер. Я тебе обещаю. Мне очень интересно. А сейчас пошли по грибы.

Кстати, на этом же пикнике Александра спрашивает Гогу, чем ему так понравилась ее мать. И тот выдает ответ в нарциссическом духе. Что, мол, Катерина красивая, а красота в его понимании...

– Красота в моем понимании – функциональное совершенство.

– Не понимаю, – сказала Александра.

– Я посмотрел на нее и понял: твоя мать – совершенство. В ней есть все, что необходимо женщине, и ничего лишнего. Она – как красивый самолет.

Наблюдая за Катериной, Гога понимает, что становится интересен Катерине, и вскоре мы видим Гогу и Катерину в постели. Когда герой получает расположение героини, снижается градус ухаживания и желаний: на дачу к Людмиле (подруге Катерины) не поехал, потому что не желал, и чем больше его упраскивает Катерина, тем больше он сопротивляется, и ему бессознательно доставляет удовольствие фрустрировать Катерину.

Катерина взяла трубку и сказала:

– Приезжай. Я сейчас тебе продиктую адрес. Познакомись с моей школьной подругой.

Людмила прошептала:

– Очень хочу послушать, – и бросилась на кухню, где стоял параллельный телефон.

– Поздно уже, – признался Гога. – Пока приеду, надо будет уезжать, а то на метро не успею.

– Я тебе дам денег на такси.

– Я как в том анекдоте: румынские офицеры денег с женщин не берут.

– Я тебе одолжу до полочки. Приезжай. У нас еще вытить осталось.

– Спасибо. Я не в форме. Устал. А я должен понравиться твоей подруге, чтобы она ничего против меня не имела. Я рад был услышать твой голос.

– Я тоже.

– Я позвоню завтра.

– Ты просто приезжай.

– Я приеду.

– Я тебя целую.

В трубке замолчали.

– Я это сделаю завтра, – наконец сказал Гога и повесил трубку.

До этого транслирующий Александре, что они с Катериной будут жить вместе, и на обдумывание этого он дает ей целых шесть дней, на этот раз Гога ведет себя «загадочно». Вместо того, чтобы подтвердить свои первоначальные намерения, уверить женщину во взаимности, он отшучивается, отмалчивается, а потом сообщает, что зверски хочет есть. Отметим и особую «чуткость» Гоги, который словно угадал потребность Катерины: на пикнике он накрывает ее пледом, в фойе кинотеатра они купили мороженое, потом лимонад и она снова удивилась, как он мог почувствовать, что после мороженого ей захочется пить. Это вновь манипулятивный ход нарцисса – обольщение героя! С одной стороны, нарцисс соблазняет, с другой – фрустрирует. Обольщение в этом случае является почти осознанным, манипулятивно-агрессивным, а оставление женщины несет приятное облегчение.

И далее, в одном из эпизодов фильма Гога позволяет себе абсолютно некорректное высказывание: «Запомни, все и всегда я буду решать сам на том простом основании, что я мужик». Эта фраза подчеркивает его презрение к женщинам. Ограничивая свободу и автономию Катерины, партнер стремится «привязать» ее к себе для своего же удобства посредством всемогущего контроля. Личности, ограничивающие свободу своих партнеров, чрезвычайно опасаются ограничений и сковывания со стороны других – работа проективной идентификации. Катерина все еще пытается отстаивать свои границы, напоминая, что вообще-то не надо так рьяно, без согласования с ней вмешиваться в жизнь ее дочери. Гога фокусирует внимание на ее «приказном» тоне, угрожая, что если она еще раз такое себе позволит, то ноги его в этом доме не будет. Иногда демократия в семье ведет к разрушению семьи, поэтому «поставить женщину на место» в таком случае – это правильно. Другое дело, что Гоге нужно не «поставить на место», ему нужно «сломать», ему нужно манипулировать Катериной, что он и делает весьма успешно.

Для нарциссической личности исполнение желания наступает после конкуренции или победы над объектом своей любви, уничтожения состояния автономии этого человека и замене ее фантазией о «близнецовой паре». Они ищут человека, который бы смог им зеркально отразить ощущение их значимости и который при этом мог бы взять на себя невыносимое бремя их стыда и зависти. Для нарциссической личности партнер является всего

лишь средством, позволяющим собрать воедино части его личности, восполнить его ресурсы и помочь ему скрыть дефекты своей личности. И когда партнер взял реванш, Катерина замолкает. И даже извиняется – пока сдержанно. У нее уже начинает входить в привычку извиняться на ровном месте. Извиняться только потому, что из нее делают виноватую – причем грубо и в присутствии других людей. Это называется «манипуляция на чувстве вины» – самый распространенный тип манипуляции. Манипулятор Гога в данном случае, ловко манипулируя Катериной, формирует в ней чувство вины.

Эпизод за ужином, когда появляется Родион, заставляет Гогу испытывать чувство скрытой агрессии и даже зависти. Да, он завидует внешнему лоску Родиона, его успешности, чувствуя свою несостоятельность. И когда Гоша узнает о социальном статусе Катерины, его накрывает мощный нарциссический стыд! Он не готов адекватно реагировать. Он ощущает ничтожность, и лучший способ реагировать – убежать. Еще ранее Гога высказывался, что должность Катерины не выше мастера, на самом деле для Гоги, видимо, это предел мечтаний, которого достигнуть не удалось. И он завидует Катерине как мастеру. А реально она оказалась директором. «Душит» зависть и агрессия. Лучший способ реагирования Гоги – убежать, и Катерина впервые проявляет унижение, прося его остаться. В трудные моменты жизни Катерина вела себя достойно, и сейчас происходит деформация психики, которая неизменно возникает даже при непродолжительном общении с перверзным объектом. С тяжелейшими переживаниями нарциссического стыда Гога пытается справиться привычным способом – уходит в запой (регресс). Он пьет вовсе не из-за переживаний по поводу краха любви, и не из-за того, что Катерина его якобы обманула. С помощью алкогольного беспамьятства он пытается заглушить в себе нестерпимые переживания нарциссического стыда. Гога ведет себя как обиженный ребенок. Катерина ощущает собственную чудовищную иррациональную виноватость.

Интересен эпизод поиска Гоши. Катерина не может назвать его фамилию, так как не знает, что характерно для жертвы нарциссического обольщения. Иррациональность вины, надуманное предательство вызывают в героине глубокие переживания. Она рыдает в четырех стенах и, видимо, все мысли только о нем! На помощь приходят друзья. Начинаются поиски Гоши.

Муж подруги Николай находит Гогу за распитием спиртного в общежитии и просит его вернуться к Катерине. Эта информация лелеет нарцисса, так как Гоша приобретает свою значимость, нужность и важность! Если даже директор пустилась в поиски, чтобы его вернуть, значит, он бесценен!

(Восстановление грандиозной самости.) И чтобы соответствовать статусу директрисы, герой облачается в костюм, белую рубашку, галстук! Гога смотрит на Катерину со скорбно-философским лицом, но отнюдь не извиняется. А вот Катерина перед ним извиняется, очень прочувствованно и многократно. И будет извиняться пока не осознает, что из себя представляет ее партнер. Эта вина из прошлого, она бессознательна! История с нарциссом Родионом не проработана, и сейчас присутствует повторение отношений, но с более перверзным Гошей.

А что получил Гоша? Идеальный объект, так необходимый для собственной грандиозной самости: красивая, успешная, признанная, материально обеспеченная... И такая совестливая, такая горы сворачивающая ради любви! Ведь смогла вернуть его! И теперь он будет вымещать на этой женщине всю зависть, всю ненависть, всю собственную ничтожность.

Можно предположить, что у мужчин, у которых ранние отношения с матерью продолжают окрашивать их отношения с женщинами на всем протяжении жизни, патологическая ненависть и зависть к женщинам может стать мощной бессознательной силой, интенсифицирующей их эдиповы конфликты.

Таким образом, чаще всего нарциссическая личность сама отыгрывает свое грандиозное Я, одновременно проецируя обесцененную часть Я на партнера, чье безграничное восхищение подтверждает это грандиозное Я. Реже нарциссическая личность проецирует патологическое грандиозное Я на партнера, отыгрывая отношения между этим грандиозным Я его спроецированным отражением. Партнер в таких случаях – всего лишь средство для воплощения отношений между аспектами Я.

Отсутствие любопытства по отношению к Другому и соответствующая ситуация, когда непосредственное поведение каждого должно прежде всего вызывать ответную реакцию, а вовсе не восприниматься как отражение интереса к внутренней реальности Другого, является центральной проблемой нарциссизма, обусловленной глубинной диффузией идентичности и недостатком способности к глубокой эмпатии по отношению к Другим, и это закрывает путь к пониманию жизни Другого.

Герой Гога относится к нарциссически организованной личности. Структура такой личности включает в себя следующие характеристики:

- общую характеристику: отчужденность и эмоциональную недоступность, отсутствие эмпатии, фантазии о своей исключительности, тенденцию осуждения других при зависимости от них;

- высокую чувствительность к невербальным эмоциональным сообщениям. Главные эмоции – стыд и зависть;

– защитные механизмы: идеализацию и обесценивание, перфекционизм, проективную идентификацию;

– объектные отношения: паттерн «использовать и быть использованным», призванный уравнивать самоуважение и возмещать причиненный ему ущерб;

– собственное Я: чувство фальши, стыда, зависти, внутренней пустоты или незавершенности, неполноценности или их противоположности – самоутверждение, чувство собственного достоинства, презрения, самодостаточности, тщеславия и превосходства.

Заключение

Анализ личности главного героя кинофильма «Москва слезам не верит» подтверждает выводы о том, что особенности самоощущений и представлений о себе у людей с нарциссическим характером заключаются в ощущениях пустоты, фальши, стыда, зависти или в полярных переживаниях – самодостаточности, тщеславии, превосходстве. О. Кернберг описывает эти полярности как противоположные состояния в восприятии собственного Я – грандиозное либо ничтожное.

Многие преуспевающие нарциссические личности могут вызывать восхищение и желание соперничать с ними. Однако общим в описании феноменологии нарциссически организованных личностей является патологичность их Я-концепции, проявляющаяся в самообесценивании, слабости и ничтожности. В клинической литературе подчеркиваются *стыд, зависть и разочарование* в качестве главных эмоций, ассоциированных с нарциссической организацией личности.

Субъективный опыт нарциссических личностей пропитан чувством стыда.

Стыд – это чувство, что со стороны тебя видят плохим или ничтожным (наблюдатель в этом случае находится вне собственного Я). Чувствительность к стыду и унижению, проявляющаяся в любой затруднительной ситуации, является свидетельством неприятия собственного *self*. Нарцисс предъявляет к себе очень высокие требования и не допускает никаких человеческих слабостей и ошибок. Большинство теоретиков считают наиболее характерным для нарциссов не столько сам стыд, сколько страх почувствовать стыд, ведущий к вытеснению последнего.

Неосознаваемая зависть нередко лежит в основании другого широко известного качества нарциссических личностей – склонности осуждать самого себя и других. Если человек ощущает дефицит чего-либо и ему кажется, что у другого все это есть, он может попытаться разрушить то, что имеет другой, выражая сожаление, презрение или путем критики. Однако, с другой стороны, зависть может

являться чувством, обладающим большим ресурсом. Кроме того, зависть лежит в основе осознаваемой или неосознаваемой конкуренции, характерной для нарциссов.

Разочарование – еще одна эмоция, характерная для нарциссической организации личности. Нарцисс старается избегать разочарования, т.е. не очаровываться и не привязываться. Эта особенность является следствием раннего эмоционального разрыва и приводит к формированию механизма опережающего отвержения. Такая защита возникает вследствие восприятия любых близких отношений как потенциально травматичных. Поэтому нарциссические личности склонны разрывать отношения с другими людьми до установления опасной близости.

Нарциссически организованные люди могут использовать достаточно широкий диапазон психологических защит. Всякая угроза фальшивому Я вызывает такую реакцию, будто это угроза настоящему Я. Состояние тревоги ведет к актуализации защитных механизмов личности, как примитивных (отрицание, интроекция, проекция), так и вторичных (расщепление, отыгрывание и др.). В этих отчаянных попытках спасти фальшивое Я нарцисс чувствует себя так, будто существует угроза всему его существованию. Ряд теоретиков подчеркивают особое значение идеализации и обесценивания в нарциссической организации личности (Х. Кохут, Н. Мак-Вильямс). Эти защиты комплементарны: при идеализировании собственного Я значение и роль других людей обесценивается, и наоборот.

Родственной защитной позицией, в которую становятся нарциссически организованные личности, считается перфекционизм (Н. Мак-Вильямс). Они ставят сами перед собой нереалистичные идеалы. В случае, если цель достигнута, нарцисс уважает себя за это (грандиозный исход); в случае провала чувствует себя просто непоправимо дефективными, а не человеком с присущими ему слабостями (депрессивный исход). Требование совершенства выражается в постоянной критике самого себя или других (в зависимости от того, проецируется ли обесцененное Я), а также в неспособности получать удовольствие при всей двойственности человеческого существования.

О. Кернберг описывает типичные для нарцисса состояния как полярности: грандиозное (все хорошо) или, наоборот, истощенное (все плохо) восприятие собственного Я. Данные полярности являются единственными возможностями организации внутреннего опыта для нарциссических личностей. Ощущение, что они являются «достаточно хорошими», не входит в число их внутренних конструктов. В результате перфекционизма нарциссические личности избегают чувств и действий, которые могут привести к осознанию личной несостоятельности либо реальной зависимости от других.

Список источников

1. Бриттон Р. Нарциссизм и нарциссические расстройства // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 4. URL: index.php (дата обращения: 07.08.2022).
2. Фрейд З. О нарциссизме // Фрейд З. «Я» и «Оно». Кн. 2. Тбилиси : Мерзни, 1991. 425 с.
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Москва : Республика, 1994. 265 с.
4. Когут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. Москва : Когито-Центр, 2003. 369 с.
5. Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. Москва : Класс, 2001. 368 с.
6. Эриксон Г. Эрик «Идентичность: юность и кризис» : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. Москва : Прогресс, 1996.
7. Томе Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. В 2 т. Т. 1. Москва : Прогресс-Литера, 1996.
8. Руднев В. Аппология нарциссизма. Исследования по психосемиотике. Москва : Аграф, 2007. 272 с.
9. Розенфельд Г. Деструктивный нарциссизм и инстинкт смерти // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 4. URL: index.php (дата обращения: 07.08.2022).
10. Сигал Х., Белл Д. Теория нарциссизма в работах Фрейда и Кляйн // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 4. URL: index.php (дата обращения: 07.08.2022).

References

1. Britton R. Narcissism and narcissistic disorders // Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis. 2008. № 4. URL: index.php
2. Freud Z. On narcissism// Freud Z. "I" and "It", Book 2, Tbilisi : Freeze, 1991. 425 p.
3. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. M.: Republic, 1994. 265 p.
4. Kogut H. Analysis of the self: A systematic approach to the treatment of narcissistic personality disorders. M.: Kogito-Center, 2003. 369 p.
5. Kernberg O. Aggression in personality disorders and perversions. Moscow: Klass, 2001. 368 p.
6. Erikson G. Eric Identity: youth and crisis / Trans. from English; general ed. and preface by A.V. Tolstykh. M.: Progress, B.G. (1996).
7. Tome H., Kehele H. Modern psychoanalysis: in 2 volumes. Vol. 1. M.: Progress-Litera, 1996.
8. Rudnev V. The appology of narcissism. Research on psychosemiotics. Moscow: Agraf, 2007. 272 p.
9. Rosenfeld G. Destructive narcissism and the death instinct // Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis. 2008. No. 4 URL: index.php
10. Segal H., Bell D. The theory of narcissism in the works of Freud and Klein // Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis. 2008. № 4 URL: index.php

Информация об авторах

А.С. Дерябина – кандидат психологических наук, доцент;
Ю.С. Пономаренко – психолог-психоаналитик.

Information about the authors

A.S. Deryabina – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;
Yu.S. Ponomarenko – Psychologist-Psychoanalyst.

Статья поступила в редакцию 24.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 24.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.964

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-150-157

ПСИХОАНАЛИЗ ДЕСТРУКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ В. ВЕРЕСАЕВА «БЕЗ ДОРОГИ»)

Татьяна Ивановна Нестеренко¹, Ольга Александровна Белая²

¹, ²Дальневосточный институт психологии и психоанализа, Хабаровск, Россия

¹ta57-57@mail.ru

²Olgaabelaya@mail.ru

Аннотация. В статье выявлены основные признаки деструктивности и их проявления в поведении личности (на примере главного героя повести В. Вересаева «Без дороги»). Описаны симптомы деструктивности: 1) страдания – тревога, страх, чувство вины, стыд, сомнения, муки совести, неадекватная самооценка; 2) основные механизмы защиты – подавление, замещение, проекция, рационализация; 3) наглядные паттерны поведения – навязчивые действия, суицид, аддикции, уничтожение внешних объектов; 4) одобряемое социумом поведение – чрезмерные самоотверженность, самоотдача; речевые стратегии – «Надо», «Должен».

Ключевые слова: деструктивность, тревога, страх, чувство вины, стыд, сомнения, муки совести, неадекватная самооценка, отрицание, проекция, рационализация, чрезмерные самоотверженность и самоотдача

Original article

PSYCHOANALYSIS OF DESTRUCTIVENESS (ON THE BASIS OF V. VERESAEV'S WORK "WITHOUT A ROAD")

Tatiana I. Nesterenko¹, Olga A. Belaya²

¹, ²The Far Eastern Institute of Psychology and Psychoanalysis, Khabarovsk, Russia

¹ta57-57@mail.ru

²Olgaabelaya@mail.ru

Abstract. The article reveals the main signs of destructiveness and their manifestations in the behaviour of a person (on the example of the main character of V. Veresaev's work "Without a road"). The following symptoms of destructiveness are described: 1. Suffering (anxiety, fear, guilt, shame, doubts, pangs of conscience, inadequate self-esteem); 2. Basic defence mechanisms (suppression, substitution, projection, rationalization); 3. Visual patterns of behaviour (compulsive actions, suicide, addiction, destruction of external objects); 4. Socially approved behaviour (excessive selflessness, dedication); Speech strategies "Should", "Must".

Keywords: destructiveness, anxiety, fear, guilt, shame, doubts, pangs of conscience, inadequate self-esteem, denial, projection, rationalization, excessive selflessness and dedication

Введение

Актуальность проблемы деструктивности связана с тем, что, характеризуя данный вид «самоагрессии», не обязательно в качестве примеров использовать феномен самоубийств – как крайней меры. Не менее тягостными поведенческими актами против себя являются наркомания, алкоголизм, трудовоголизм, душевное бездействие или терзания от непомерного чувства вины, которые также приводят к самоуничтожению личности, причём растянутость во времени такого уничтожения носит черты убийства с особой жестокостью. Если количество суицидов, а также лиц с различными видами химической зависимости подвергается хоть какому-то статистическому учёту и анализу, то тех, кто страдает от интрапсихических конфликтов – «хо-

чу-могу-должен», нет возможности учесть. Очень часто такого рода конфликты проявляются в социально одобряемом поведении по типу «умереть на работе». На фоне бессознательных чувств вины, страха, тревоги, имеющих различную этиологию, личностные ценности, социальные игры и стереотипы, нередко наполненные раздутой значимостью пустых нарциссических социальных фасадов («достижения», «служение человечеству», «успех», «известность»), заставляют личность бороться и побеждать индивидуальность – свою сущность.

Цель настоящего исследования – выявить признаки деструктивности и их проявления в поведении личности (на примере главного героя повести В. Вересаева «Без дороги»).

Теоретический анализ концепта «деструктивность»

Родоначальниками понятия деструктивности в психологии можно считать Сабину Шпильрейн, Вильгельма Штекеля, Зигмунда Фрейда, Эриха Фромма, Карла Густава Юнга.

Пионером, заявившим о деструктивном влечении, была Сабина Шпильрейн. Согласно её теории деструктивное влечение является компонентом сексуального.

Взгляд «по ту сторону принципа удовольствия» приводит Фрейд к предположению о наличии у человека влечения к смерти, которое он и его последователи отождествляют далее с агрессивностью и деструктивностью. В конечном варианте дуалистической теории влечений влечение к жизни, противопоставленное влечению к смерти, включило в себя половое влечение (либидо) и влечение к самосохранению, ранее противопоставляемое либидо [1: с. 460].

По мнению Э. Фромма, «история человечества дает картину невероятной жестокости и деструкции, которая явно во много раз превосходит агрессивность его предков. Можно утверждать, что в противоположность большинству животных, человек – настоящий "убийца"» [2: с. 390].

Эрих Фромм, более детально изучив деструктивность, указывает на два вида агрессии – оборонительную (доброкачественную), которая служит делу выживания человека, и злокачественную (деструктивность и жестокость). Основой самой злокачественной деструктивности и бесчеловечности – самого тяжелого патологического состояния является синдром распада. Деструктивность является следствием блокировки плодотворной энергии, препятствий на пути к развитию, когда человеку не удаётся реализовать свой потенциал. Деструктивно настроенная личность несчастна, даже если ей удаётся достичь целей её деструктивности. Одним из основополагающих факторов для формирования злокачественной агрессии автор считает хроническую невротическую депрессию (снижение жизненного фона, отсутствие интереса к её проявлениям) и, как следствие, – скуку (тоску). Указывает на значение в формировании садизма структуры характера, в котором и коренится страсть к разрушению. У человека с садистическими наклонностями эта страсть по объему и интенсивности становится доминирующей компонентой структуры личности. Автор утверждает, что человеком правят не инстинкты, а страсти и влечения, коренящиеся в характере, который является биосоциальной категорией, формирующиеся на основе биологических составляющих индивида и в тесном контакте с социальным окружением.

Современная отечественная монистическая психоаналитическая теория Ю. Вагина постулирует влечение к смерти (принцип удовольствия) как единую и единственную движущую жизненную силу. Жизнь – процесс хронического умирания, подчиняющийся принципу реальности (получение максимума удовольствия при минимуме неудовольствия), побуждаемый влечением к смерти и ограничиваемый системой хронификации жизни (так называемый инстинкт самосохранения), которая усиливает напряжение в живой системе (воспринимаемое на психологическом уровне как неудовольствие, боль и страх) и ограничивает стремление живой системы к смерти. Основными механизмами системы хронификации жизни (так называемыми механизмами выживания), обеспечивающими последовательное созревание живой системы до репродуктивного состояния и ее дальнейшую инволюцию, являются агрессия (включение в себя) и элиминация (исключение из себя). Система сексуальности и либидо – структурно-динамические разновидности влечения к смерти. Нарушение качества жизни (качества хронического умирания) неизбежно приводит к усилению влечения к смерти с последующим перенапряжением системы хронификации жизни (усилению боли и страха, агрессии и элиминации). Повреждение системы хронификации жизни приводит к возникновению авитальной активности, направленной на сокращение или прекращение жизни (суицидальная и парасуицидальная активность) [3: с. 357].

Швейцарский психоаналитик Корделия Шмидт-Хеллерау предлагает назвать свой эквивалент влечения к смерти летейским влечением или Летой. Оно носит пассивный характер и в отличие от положительного (по знаку) влечения к жизни, направленного «наружу», влечение к смерти направлено «вовнутрь». Его вторичное проявление – влечение к самосохранению, источник – биогенные зоны, тенденция – нирвана, объектом влечения выступает самость, целью – бездействие. Автор считает, что влечение к смерти снижает степень осознания.

Версия Вейко Тэхкэ исключает всякое разнообразие инстинктивных влечений и определяет влечение как единую энергию живого человеческого организма в целом, которое заряжает энергией все нормальные и патологические элементы содержания и все процессы психики. Психике принадлежат любые качества процесса уменьшения напряжения, так как эта цель представляется Тэхкэ центральной и первичной целью организма. Дифференцируются не влечения, а человеческий мир восприятия – с последующей способностью к дифференцированным восприятиям как удовлетворения, так и фрустрации, совместно формируя главные мотивационные силы в функционировании и дальнейшем развитии личности [4: с. 55].

Отто Кёрнберг, обосновав роль аффектов в психической организации личности, считает их строительными блоками, образующими влечения. Аффекты со временем приобретают сигнальную функцию для активации влечений. Либи́до и агрессия являются иерархически высшими мотивационными системами, выражающими себя множеством дифференцированных аффективных предрасположенностей в различных ситуациях. Преломление теории влечений Фрейда через призму аффектов, возникающих в результате онтогенеза на фоне объектных отношений, делает более наглядной этиологию деструктивности в поведении личности [5: с. 364].

Исследование деструктивности на примере героя повести

Для анализа проявления деструктивности авторы настоящей статьи решили использовать повесть В. Вересаева «Без дороги». Основная сюжетная линия героя – поиск пути к познанию себя – поиск идентичности. Основная цель исследования: на примере главного персонажа – врача Дмитрия Чеканова (или попросту Мити) – выявить основные деструктивные признаки и причины их возникновения.

Несколько слов об авторе повести. В. Вересаев представляет ту когорту русских писателей, отношение которых к литературе лучше всего характеризуется несколько старомодным словом «служение». Это вызывающий бесконечное уважение тип художника, превыше всего ставившего честное служение искусству.

Викентий Викентьевич Сми́дович (Вересаев – это псевдоним писателя) родился 4 (16) января 1867 г. в семье тульского врача, в семье трудовой и демократической. Редкое творческое долголетие выпало на долю В. Вересаева. Ему не было и девятнадцати лет, когда 23 ноября (5 декабря) 1885 г. журнал «Модный свет» напечатал его стихотворение «Раздумье», и с тех пор вплоть до последнего дня своей жизни – 3 июня 1945 г., – он никогда не оставлял пера. Современник М. Салтыкова-Щедрина и В. Гаршина, В. Короленко и Л. Толстого, А. Чехова и М. Горького, он был и нашим современником, современником М. Шолохова, А. Твардовского, Л. Леонова.

Бурная эпоха социальных сломов отражается в произведениях автора в виде поиска героями своей идентичности. Вересаев сам неоднократно переживал обретение смысла жизни, воспринимаемого как счастье, а когда «Не было перед глазами никаких путей, – признавался писатель в мемуарах, – неотступной становится мысль о самоубийстве». Универсальность борьбы Эроса с Танатосом (по Фрейду) или борьба за «качественное умирание на пути влечения к смерти» (согласно тифоаналитической теории Вагина) прослеживается и в жизни самого Вересаева, а также в судьбе его персонажей. Соци-

альное и биологическое в сущности человека писатель пытался узнать, обучаясь на историко-филологическом факультете в Петербургском университете, а затем, будучи кандидатом исторических наук, на медицинском факультете университета в Дерпте. Важной остаётся проблема степени деструктивности по отношению к себе, так как это является главной предпосылкой для физической гибели человека.

«Без дороги» (1894) – повесть итогов пережитого и передуманного. Тему судеб русской интеллигенции, её заблуждений и надежд автор определяет как «ужас и проклятие», поскольку без дороги, без путеводной звезды она гибнет невидно и бесповоротно....

Повесть написана в форме дневника молодого врача Дмитрия Чеканова. Это страстная исповедь человека, пережившего иллюзорные мечты о служении народу и не сумевшего претворить их в жизнь. Он отказался от научной карьеры, от обеспеченного и уютного дома и пошёл на земскую службу. Профессор, с которым Митя два года работал в университете, предупреждал, что земство – дело рискованное. «Ваше дело клиника, лаборатория. Поедете, – в первый же год чахотку наживёте», – говорил профессор, сердито сверкая глазами.

Молодой врач служил в земстве три года, и «именно сознание, что добровольно шел на это, не дало пасть духом», – писал он позже в своём дневнике [6: с. 478]. Земское начальство невзлюбило гордого и независимого доктора за его дерзкий отказ председателю управы, и он «должен был уйти, если не хотел», чтобы ему «плевали в лицо». Нелюбовь начальства можно бы и пережить. Трагедия Чеканова в том, что он осознал бесплодность пути, избранного им: его деятельность мало что меняла в положении народа, который, привыкнув ненавидеть барина, отвечал Чеканову недоверием и глухой враждебностью. «Я только обманывал себя "делом", в душе какой-то настойчивый голос твердил, что это не то, что есть что-то гораздо более важное и необходимое, но где оно? Я потерял надежду найти». Больной туберкулёзом, сломленный и растерявшийся, мечется Чеканов по жизни, не находя применения своим силам. После увольнения со службы Митя возвращается в любимый дом своего дяди. Здесь он испытывает «тихое, безотчётное счастье», которое временами нарушается невольными воспоминаниями о пережитом времени, сопряжёнными с бесконечным страхом и желанием «уничтожиться, уничтожиться телом, душой, всем, чтоб ничего от тебя не осталось...».

Данное описание характеризует нашего персонажа как личность, формирующую свою психосоциальную идентичность. Проблема идентичности связана с базисными эмоциями принятия и отвер-

жения. Он принимает себя как личность, готовую к врачебной службе, и, как ему кажется, перед первым «походом в народ» видит цель своего существования. У него сформировано доверие к миру, он принял провозглашенные в то время идеи народничества – беззаветной помощи «несчастному крестьянству». Но впоследствии оказалось, что это лишь подхваченные бредовые идеи других. Митя оказался под властью времени, одна идея сменялась другой, вчерашние идеалы отменялись, новые фантазии казались привлекательными. Бытие превращалось в бессмысленное существование. Отвержение со стороны начальства, непринятие народом приводят к самоотвержению. Мите грозит опасность превратиться в «обесмысленную щепку» когда-то победоносного корабля». Его беспокоит горькое презрение к себе. Защиты, которыми он пытается себя спасти, – это отрицание, проекция, рационализация. Теперь «недоверчиво встречая всякое новое веяние, я обрекаю себя на мёртвую неподвижность». Закрывать глаза и не видеть мира, притвориться мертвым – не это ли примитивная защита от действительности.

Проявление механизма проекции описано в ситуации, когда Митя слушает беседу знакомого врача Ликонского с глашатаем идей братского преобразования общества Гаврилова, убеждающего взять на поруки несколько нищих семей, поселить их в доме, кормить, поить и обучать. Ликонский отвергает предлагаемую теорию, за что получает у Мити убийственную характеристику мещанина, равнодушного к горестям народа. Митя бессознательно также не поддерживает этих идей, но сознается себе в том, что он гордился «жизнью ради других», а теперь не готов, разочарован и подавлен своими ранними убеждениями и поэтому приписал Ликонскому – позорное – «мещанин». Рационализация Мити описана в ситуации рассуждения об убеждениях, что они есть плод бессознательного, а «умом мы подыскиваем более-менее подходящие основания».

Актуальная потребность в безопасности (временности) у Чеканова проявляется в бесконечном страхе и тревогах, которые внезапно его охватывают. Страх перед силой времени, «бессильный страх перед окружающим», «беспричинное глухое раздражение», «ноющая боль», «болезненное ощущение гнездящейся болезни» – это лишь некоторые описания душевного беспокойства персонажа.

В течение двух недель Дмитрий находился в гостях в атмосфере любви и принятия значимых близких. «Чувствуешь себя здоровым и бодрым, на душе так хорошо, хочется улыбаться всему. Право, вовсе не трудно быть счастливым!» Ситуация репресса предоставляла ему покой и умиротворение. Он осознавал это и давал себе некоторую передышку перед новой борьбой за самоопределение,

самопринятие. «Чудно хороша жизнь, вся она дышит красотой и радостью; к чему же выдумывать себе какие-то муки?»

Для лучшего понимания душевного состояния нашего главного героя необходимо проследить его отношения с двоюродной сестрой Наташей. Она описывается как нетипичная для обывательского родного дома, ищущая истину – «блестящие, великие дела». Она пытается беседовать с Митей на тему «потребности настоящего дела», «долга народу». Он злится на себя за страх, испытывает стыд за высказанные им «высокие слова о служении долгу». Ему эта тема неприятна. Митя вначале пытается избежать разговоров, встреч с сестрой. Он презирает себя за эти защитные отрицания и подавления.

Наташа – это ранний образ Мити, который своим разочарованием безжалостно наносит глубокие раны его нарциссизму, что влечет потерю грандиозности и всемогущества, идеализации его самости. Он гневается на сестру, но обращает гнев на себя (замещение), терзает и мучается. Защитная реакция замещения проявляется и в его приверженности к деятельности, связанной с риском.

В высказываниях Наташи отражается амбивалентность мыслей Мити. Высокие слова о долге, когда они произносятся от имени Наташи, выступают как Митина защита по типу реактивного образования – они противоположны его нынешнему видению ситуации.

Ещё один защитный механизм в репертуаре Дмитрия – это двигательная реакция. Он всё время ищет себе дело, чтобы не оставаться один на один с собой. Сначала автор описывает это как «наркотизацию делом» от бессильного страха перед окружающим, когда Митя три года работал в земстве. Затем, будучи на отдыхе, много времени проводит в кладовой за книгами, пытаясь «подавить в себе беспричинное, глухое раздражение, не оставляющее ни на минуту», или изнуряет себя верховой ездой.

Чеканова бесконечно мучает вопрос: «...я – то, чем же я живу. Время идёт, – день за днем, год за годом... Что же так всегда и жить, – жить, боясь заглянуть в себя, боясь прямого ответа на вопрос? Ведь у меня ничего нет. К чему мне моё честное и гордое мирозерцание, что оно мне даёт? Оно давно уже мертво... обмануть себя я не в состоянии. Но почему же, почему нет в нём жизни?»

Упадническое настроение, страх перед действительностью, гнев и злость за несостоятельность своих идей, нравственные терзания по поводу долга и чести, презрение к себе можно выразить словами самого Чеканова: «такое настроение мало способствует уважению к себе». Он осознает свою низкую самооценку и впереди его ожидает поиск. Тягостные муки самоотвержения он защищает компенсацией – сдерживает печаль и горе потери

самооценки исправлением ситуации, он хочет заняться делом, и мы далее увидим его сублимацию в самоотверженном земском труде врача.

И когда газеты принесли вести о катастрофическом распространении холерной эпидемии, он отправился на борьбу с ней. Чеканов уже не верит в народнические басни о просветительной работе среди народа, с помощью которой якобы можно коренным образом улучшить его жизнь, не верит в спасительную силу «малых дел». Он просто истомился бессмысленным своим существованием, просто не смог сидеть, сложа руки. Он пошел в «самый огонь», навстречу смерти. Второй «поход в народ» отличался отчаянием, позади были иллюзии, крах всего, во что верил, чему поклонялся.

Несмотря на самоотверженную работу Чеканова, связанную с риском для жизни, народ в массе своей не проникается гуманистическими идеалами честных интеллигентов, хуже того – он видит в них своих врагов.

Дмитрий же, испытав радость неоднократных побед в борьбе за жизнь, испытывает ощущение триумфа. За пять недель, проведенных в земстве Чемеровка, он организовал работу, он и дальше готов бороться, у него появляются единомышленники, он обучает их лекарскому искусству. Кажется, Дмитрий обрёл свою идентичность. Но народ, находящийся под влиянием предрассудков, не приемлющий прогресса, проявляет внешнюю деструктивность, он хочет избавиться от врача, попросту уничтожить.

С позиции психоанализа беснующаяся пьяная слесарская мастеровщина – самое настоящее Оно, подверженное страстям, бесчинствующая масса, живущая инстинктами для получения сиюминутного удовольствия, решила в пьяном угаре убить Чеканова – этот образ интеллигента можно расценить как симбиоз Эго и Супер-Эго.

Символичен конец Чеканова: избитый толпой, герой умирает. За три дня до смерти, перечитывая свои дневниковые записи, он вновь рассуждает о глубокой классовой пропасти, о своей тяжёлой правде, «почему так жалко – ничтожною кажется мне моя прошлая жизнь, моя деятельность и любовь?» И вдруг осознаёт, что «этим жалобам не было бы места, если бы я тогда видел и чувствовал то, что так ярко и так больно бьёт теперь мне в глаза».

Последняя запись в дневнике 23 августа. «Я не знаю, почему теперь, когда всё кончено, у меня так светло и радостно на душе. Часто слёзы безграничного счастья подступают к горлу, и мне хочется сладко, вольно плакать». У смертного одра Дмитрия его ученик Степан и Наташа. Степан – дважды им спасённый и теперь тщательно ухаживающий. Степан – как орден Чеканову за заслуги перед Отечеством. Олицетворение успокоенного чувства ви-

ны для измученной совести в поисках смысла жизни. Образ Наташи в последних строках хочется расценить как обретенную целостную крепкую самость с адекватной самооценкой. В экс-визитной ситуации утраты она тихо, горько плачет, закрыв глаза рукой. Чеканов, обращаясь к ней, призывает к любви к миру, «не нужно отчаиваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу...»

К этим словам хотелось бы добавить изречение Фридриха Ницше: «Надо учиться любить себя – любовью здоровой и святой, чтобы оставаться верным себе и не терять себя. И поистине это вовсе не заповедь на сегодня и на завтра – учиться любить себя. Напротив, из всех искусств – это самое тонкое, самое мудрое, самое высшее и требующее наибольшего терпения».

Это высказывание подтверждает психоаналитические взгляды на динамические процессы в психике. Усовершенствование Эго и Супер-Эго за счёт интроекции и идентификации происходит постоянно. Именно это является критерием нормальности Я в противоположность патологической включенности психического аппарата в навязчивое повторение, которая делает невозможным приобретение нового опыта.

Итак, перед нами анализанд с невротической структурой организации психики. Это подтверждается его адекватной способностью тестирования реальности, сформированностью Эго, имеющим чёткую границу между Я-репрезентациями и объект-репрезентациями. Идентичность целостная: противоречивые образы Я и других интегрированы в цельную концепцию. Это подтверждается тем, что у Чеканова нет либо «хороших», либо «плохих объектов. Он оценивает людей в зависимости от ситуации, и его мнение не является однозначным. У него сформировано базовое доверие к миру, и оно не утрачивает своей актуальности, несмотря на экзистенциальные ситуации. Механизмы защиты в репертуаре в основном высшего уровня: реактивное образование, рационализация, компенсация, сублимация.

Фрустрирующей ситуацией для данного молодого человека выступают потребности в безопасности, идентичности и самоактуализации.

В ситуации напряжения молодой человек прибегает к регрессу на доэдипальные стадии и использует ранние защиты – отрицание, замещение, подавление.

Стадии психосексуального развития Дмитрием были пройдены с некоторыми фиксациями. К сожалению, в произведении нет описания родительской семьи Чеканова, не описывается его детство и юность, поэтому можно предположить возможные условия формирования молодого человека. Так, базовое доверие к миру сформировано, но страдает доверие к себе, что способствует неадекватной са-

мооценке. Возможна фиксация на стадии сепарации – индивидуации, подфазе индивидуации. Это подтверждается тем, что он способен переносить разделение – утрату, он приобрёл автономию, но испытывает сложности в использовании своих сил для освоения мира – необходимо некое определение – «кто он и зачем». Наблюдается некое упорство в самобичевании, возможны проблемы анального периода, но при этом он не испытывает удовольствия как мазохист, хотя страх и тревоги доводят его до гнева на себя.

Генитальная стадия пройдена с формированием жесткого Супер-Эго. Интроецированные объекты задают строгие рамки – он должен быть успешен, занимаясь делом и делом ради чего-то. Деструктивность проявляется в его стремлении к обретению идентичности. Терзания страхами, глубокое чувство вины, мучения совести имеют значительную интенсивность, что также способствует низкой самооценке. Страх потери любви. Супер-Эго проявляется в глубоком чувстве вины и потери самоуважения, которые Митя пытается уменьшить, испытывая некую потребность в наказании, – использует опасную деятельность, – заболевает чахоткой, а затем и вовсе погибает. Такое избавление от чувства вины аутодеструктивно.

Таким образом, деструктивность Чеканова направлена против себя. Борьба его Эроса и Танатоса имеет огромную силу. Смерть победила лишь потому, что самооценка Мити приобрела адекватную величину лишь в самом финале, когда не хватило физиологических сил. Но Дмитрий смерти не уступил, на первом месте его предсмертных фраз была жизнь – «...как много в жизни хорошего, и ...как хорошо умирать»...

Жизнь и смерть – начало и конец. Человек научился различать процессы рождения, продолжения, умирания. Но что такое смерть? Почему она так манит – пытаются обосновать писатели, философы, учёные. Вагин назвал теорию влечения к смерти «последним ребенком гениального отца» и сравнил это открытие Фрейда с открытием Христофором Колумбом Америки.

Фрейд считал влечение к смерти столь же фундаментальной движущей силой человеческого поведения, как и влечение к жизни, любви и продолжению рода. Сама идея о влечении к смерти была задолго до этого высказана русским психоаналитиком Сабинной Шпильрейн.

Под сильным и разнообразным русским влиянием была написана главная теоретическая работа позднего Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» (1920). Русские ближе к своей бессознательной сущности, чем народы Запада, считал учёный. Во время работы над текстом он перечитывает Достоевского и пишет новое послесловие к

«Из истории одного детского невроза» Сергея Панкеева. Идея двойственности человеческих влечений, трагическая безысходность доминировали в русской культуре начала века. На русском фронте сражались два сына Фрейда, и тревога за их жизнь не оставляла его годами. Многие его ученики и друзья воевали в медицинских частях австро-венгерской армии. Страшное зрелище Европы, стремящейся к самоуничтожению, требовало интерпретации в новых терминах. Возможно, что к идее влечения к смерти натолкнули Фрейда и его наблюдения за русской революцией, периодические контакты с бывшими в Вене русскими – как беженцами, так и большевиками. В конечном итоге американский историк Д. Раис справедливо характеризует идею влечения к смерти как «русский вклад в психоанализ».

Его теорию влечения к смерти многие исследователи не приняли. Важно то, что его взгляды стали предметом обсуждений на долгие годы и являются актуальными и в настоящее время.

Наши современники признают наличие в психике влечения, заряженного энергией, которое на определённом пределе стремится к разрядке, при этом мобилизуя паттерны поведения, присущие разнообразию реализаций индивидуальной человеческой жизни.

Как способ адаптации к фрустрации выступает агрессия, которая может быть либо конструктивной, когда направлена на активное преодоление препятствий социально приемлемым способом, либо негативной – деструктивной, когда адаптация связана с причинением вреда, страдания, ущерба окружающему миру или себе.

Человек, наделённый от природы колоссальным потенциалом созидания, осознающий свою огромную роль в прогрессе, в то же время может становиться бессмысленным разрушителем. Способность разрушать не только объекты вокруг себя, но и свою целостность подчёркивает некую «индивидуальность» человека в биологическом мире. Деструктивная индивидуальность не однозначна в трактовке социума. Наркоманы, алкоголики – «растения», «виноваты сами», «такие люди обществу не нужны» – определения понятные, не требующие пояснений. В противовес – «Жизнь ради других, ценою своей жизни» – разрушение себя как биологического вида встречает социальное одобрение.

Причины деструктивности в человеческой популяции многогранны, они напоминают огромный снежный ком, ядром которого являются индивидуальные особенности развития человека, его значимое окружение, формирующее мировоззрение, а многослойные оболочки – воздействие социума. Не случайно существует утверждение «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Именно значимое окружение, являясь для ребёнка стимульным раздражителем, определяет репертуар его аффективных переживаний, которые являются строительными блоками, образующими влечения. Аффективно заряженные объектные отношения обеспечивают физиологические «зоны» энергией. Ид, согласно концепции взаимоотношений, между влечениями и аффектами состоит из вытесненных интенсивных агрессивных или сексуализированных интернализированных объектных отношений. Сгущение и смещение как характеристики содержимого Ид отражают связь между аффективно окрашенными репрезентациями «Я» и объектов со сходной позитивной или негативной валентностью, образуя соответствующие агрессивные, либидинальные и, позднее, смешанные ряды. Интенсификация влечений (как либидинальных, так и агрессивных) на различных стадиях жизни обусловлена включением новых психофизиологически активированных аффективных состояний в иерархически организованные аффективные системы, существовавшие прежде.

Интернализация объектных отношений – источник формирования тройственной структуры личности: интернализированные объектные отношения и соответствующий им аффективный заряд образуют Эго, Ид, Супер-Эго.

В качестве ядра переживаний самого себя – части структуры Эго, ядерной структуры интересубъективности, которая является неотъемлемой частью развития нормальной идентичности, выступают ранние приятные аффективные переживания недифференцированных Я- и объект-репрезентаций в условиях абсолютно хороших объектных отношений.

Субъективное переживание себя – интрапсихическая структура, динамически обусловленная, внутренне согласованная, стабильная схема организации психических переживаний и контроля за поведением.

Аффекты со временем приобретают сигнальную функцию для активации влечений. Либидо и агрессия являются иерархически высшими мотивационными системами, выражающими себя множеством дифференцированных аффективных predispositions в различных ситуациях. Преломление теории влечений Фрейда через призму аффектов, возникающих в результате онтогенеза на фоне объектных отношений, делает более наглядной этиологию деструктивности в поведении личности.

Эмоциональный опыт, приобретаемый ребёнком, основанный на фрустрациях и депривации актуальных потребностей, приводит к различного рода тревогам. Ранний негативный опыт переживания тревог актуализируется в схожих ситуациях взрослых. Вытесненные, подавленные страх, гнев готовы к агрессивному наступлению с новой силой,

но в уже другой форме, более приемлемой и адекватной к требованиям социума. Формируемые защитные паттерны поведения обеспечивают адаптацию. Агрессивное влечение и степень деструктивности в схожих ситуациях проявляются по-разному, в зависимости от структуры личностной организации психики и особенностей характера.

Отличительной особенностью лиц, склонных к деструкции, является особенное переживание тревоги, характеризующееся низким порогом возникновения этой реакции. Такое переживание обычно заключается в недовольстве и внутреннем напряжении, неуверенности, беспокойстве, ощущении грозящей опасности. Высокая тревожность – это показатель субъективного неблагополучия личности. Окружающая среда часто ощущается лицами с высокой тревожностью как враждебная. В связи с этим у них затруднена правильная оценка ситуации, она легко меняется под влиянием аффекта. Причиной деструктивной деятельности у таких людей становится защита своего бытия от сознательно или бессознательно ощущаемой угрозы. Причем угроза может быть и мнимой, но ощущаться как реальная. Из-за наличия постоянного аффективного переживания, что менее достойные пользуются большими правами и возможностями, у «застревающих личностей» и лиц с высокой тревожностью может возникнуть потребность защищать свои права, и они начинают играть роль «борца за справедливость». Деструктивность таких личностей может быть направлена не только на отдельных лиц, но и на социум. Для них характерно стремление разрушить «несправедливое», с их точки зрения, общественное устройство, не созидая при этом ничего нового.

Таким образом, к деструктивной деятельности, как правило, склонны люди, которые не смогли удовлетворить свои фундаментальные потребности в привычной жизненной ситуации. Как отмечает Э. Фромм, деструктивность возникает тогда, когда человек «не может творить, ... постоянно ощущает свою изолированность и никчемность»; именно в этом случае личность стремится «самоутвердиться любой ценой, хотя бы ценой варварского разрушения». Деструкция – это попытка преодолеть свою ничтожность, осознание которой весьма травматично, желание утвердить себя, прежде всего в собственных глазах, преодолеть свою изолированность от общества и доказать свою значимость.

Заключение

Проведённая исследовательская работа в рамках психологии деструктивности предполагала изучение трудов основоположников теории деструктивности, выяснение вероятных причин и следствий самодеструктивности, определение признаков деструктивности и их этиологии в репертуаре главного героя повести В. Вересаева «Без дороги».

Анализ повести с позиции психологии деструктивности способствовал выявлению у главного героя симптомов деструктивности: чувства стыда, чувства вины, угрызения совести. Авторское переживание отразилось в главном персонаже и свидетельствует о сложной организации душевных процессов, проявляющихся нередко как саморазрушительные и уничтожающие, что характерно проявлением влечения к смерти и этиологически связано с низкой самооценкой и повышенным уровнем тревоги и чувством вины.

На основании анализа работ основоположников теории деструктивности и выявления симптомов саморазрушающего поведения главного героя повести В. Вересаева «Без дороги» можно определить основные симптомы деструктивности: *страдания* – тревога, страх, чувство вины, стыд, сомнения, муки

совести, неадекватная самооценка; *основные механизмы защиты* – подавление, замещение, проекция, рационализация (возможны и другие в зависимости от уровня организации психики, по Кёрнбергу); *наглядные паттерны поведения* – навязчивые действия, суицид, аддикции, уничтожение внешних объектов; *одобряемое социумом поведение* – чрезмерные самоотверженность, самоотдача (эпитеты типа «Сгорел на работе» и т.д.); *речевые стратегии* – «Надо», «Должен»; *клинические состояния* – депрессии, неврозы; *психосоматические заболевания*.

Отличительной возможностью человека является познание мира и познание себя как частицы вселенной, что позволяет задуматься о существующих внутри конфликтах. Осознание своих желаний и чувств помогает каждому из нас использовать свой личностный потенциал для созидания, а не для разрушения.

Список источников

1. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // По ту сторону принципа удовольствия. Харьков, Москва, 2001. С. 460.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Москва, 1994.
3. Вагин Ю.Р. Тифоанализ (теория влечения к смерти). Пермь : Изд-во ПОНИЦАА, 2003. 357 с.
4. Тэхкэ В. Психика и ее лечение: психоаналитический подход. Москва, 2001. 55 с.
5. Кёрнберг О.Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. Москва : Независимая фирма «Класс», 1998. 364 с.
6. Вересаев В.В. Без дороги // Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Москва : Правда, 1961. 478 с.

References

1. Freud Z. Me and It. In the book: Beyond the pleasure principle. Kharkiv, M., 2001. P. 460.
2. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. M., 1994. P. 390.
3. Vagin Yu.R. Typhoanalysis (theory of death drive). Perm: Publishing house of PONITSAA, 2003. 357 p.
4. Tehke V. The psyche and its treatment: a psychoanalytic approach. M., 2001. 55 p.
5. Kernberg O.F. Aggression in personality disorders and perversions. M.: Independent Firm "Class", 1998. 364 p.
6. Veresaev V.V. Without a Road / Collected works in five volumes. Vol. 1. M.: Pravda, 1961. 478 p.

Информация об авторах

Т.И. Нестеренко – психолог-психоаналитик, старший преподаватель;
О.А. Белая – психолог-психоаналитик.

Information about the authors

T.I. Nesterenko – Psychologist-psychoanalyst, Senior lecturer;
O.A. Belaya – Psychologist-Psychoanalyst.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-158-166

ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ СМЫСЛ КОНЦЕПТА «ТОСКА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ирина Александровна Воробьева

Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия, VIA_76@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0676-0997>

Аннотация. Данное исследование посвящено одному из важнейших концептов русской культуры, раскрывающему характерные особенности русской ментальности. Актуальность обращения к концепту «тоска» обусловлена его значимостью в русской культуре и интересом к изучению духовных доминант русской культуры в аспекте межкультурной коммуникации. Автором детально описана этимология слова «тоска». На основе анализа толковых словарей русского языка дано определение тоски, рассмотрена её внутренняя форма, выявлены парадигматические и синтагматические связи. Глубоким отражением психологического смысла концепта «тоска» в языковой картине мира является фольклор и художественная литература. Было проведено исследование субъективной семантики тоски в фольклоре и произведениях А.С. Пушкина, А.П. Платонова, И.Ф. Анненского, М.И. Цветаевой, В.С. Высоцкого и др. Система значений, которую человек получает от предшествующих поколений, в том числе и через художественную литературу, не только организует восприятие и память человека, не только обеспечивает процесс усвоения человеческого опыта, но и создает условия для восприятия мира и создания образа мира.

Ключевые слова: концепт, тоска, экзистенциальный смысл, языковая картина мира

Original article

EXISTENTIAL MEANING OF THE CONCEPT “ANGUISH” IN RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Irina A. Vorobeva

Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russia, VIA_76@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0676-0997>

Abstract. This study is devoted to one of the most important concepts of Russian culture, which reveals the characteristic features of the Russian mentality. The relevance of the appeal to the concept “anguish” is due to its significance in Russian culture and the interest aroused by the study of the spiritual dominants of Russian culture in the aspect of intercultural communication. The author describes in detail the etymology of the word “anguish”. Based on the analysis of explanatory dictionaries of the Russian language, the definition of anguish is given, its internal form is considered, paradigmatic and syntagmatic connections are revealed. Folklore and literature are a deep reflection of the psychological meaning of the concept “anguish” in the linguistic picture of the world. A study of the subjective semantics of anguish in the works of A.S. Pushkin, A.P. Platonov, I.F. Annensky, M.I. Tsvetaeva, V.S. Vysotsky, etc. was conducted. The system of meanings that a person receives from previous generations, including those which were got through literature, not only organizes the perception and memory of a person, not only ensures the process of assimilation of human experience, but also creates conditions for the perception of the world and the picture of the world.

Keywords: concept, anguish, existential meaning, linguistic picture of the world

Рассматривая представление человека о мире, мы выходим за рамки психологии как науки и вступаем в междисциплинарную область исследований. Культурологи, лингвисты пытаются описать особенности представлений человека о мире в зависимости от культурного контекста, изучают влияние языковых, исторических, религиозных и социальных условий на восприятие и оценку окружающего мира, особенности мыслительных процессов.

Основной единицей описания национальной культуры является концепт, который Ю.С. Степанов определяет как микромодель культуры, порождающий её и порождаемый ею. Понятие тоски име-

ет глубокие корни в русской лингвокультуре. Смыслы, которые отражены в его содержании, зафиксированы уже в древнерусском языке – в тексте «Слова о полку Игореве», где слово «тоска» употребляется два раза в значении «горе, печаль». Обратившись к «Словарю-справочнику “Слова о полку Игореве”», в который вошло само «Слово о полку Игореве» и другие древние летописи, былины и т.д. [1], мы выявили следующие значения понятия «тоска»: 1. Горе, печаль: «Тоска разлился по Руской земли» [2: с. 36]. «Се у Римь кричать подь саблями половецкыми, а Володимирь подь ранами. Туга и тоска сыну Гльбову!» [1: с. 40].

По мнению В.Л. Виноградовой, у слова «тоска» элемент тревоги, беспокойства, душевного волнения был настолько силен, что переходил в самостоятельное значение: «...Туга и тоска сыну Гльбову!». Она отмечает, что для древнерусского языка обычной была синонимическая двучленная синтагма туга и печаль. Автор «Слова о полку Игореве» заменил здесь компонент «печаль» на «тоска», чтобы подчеркнуть сильную степень смуты и тревоги раненого Владимира Глебовича [3: с. 96].

2. Тяжелое, трудное положение, невзгоды; притеснение: «Тогда князь велики Дмитрии Иванович и брат его Владимиру Андрьевич полки поганых въспять побьдих и гораздо на них поворотил и нача их бити гораздо, тоску им подаваше» (конец XV – начало XVI в.).

3. Тревога, беспокойство: «И рече Давидъ къ Гаду пророку: «Тъска ли отвсюду зъло о трехъ сихъ; о баче да впаду въ руку господню, яко многы щедроты его, въ руку же челоуька да не впаду» (XIII–XIV вв.).

Е.В. Димитрова в своём исследовании относительно внутренней формы «тоски» утверждает, что в ее основе лежит признак «стеснение, давление, натиск» [4: с. 9]. В историко-этимологическом словаре современного русского языка также отражено это значение: Тоска – «тяжелое душевное состояние, характеризующееся томлением, грустью, тревогой, унынием и упадком сил». Однако здесь встречается еще одно определение тоски, которое упоминается в Хронике Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе: Тъска – «морское волнение, шторм, теснота, тяжелое или трудное положение» [5: с. 253]. В этом же словаре представлена этимология «тоски»: «Общеславянским является слово *tъska*, индо-европейская основа *tūs-sk-*, база *teus-* – «опорожнять, делать пустым, осушать»; та же, что и тощий, тщета, тщательный. Старшее значение – «давление»; «теснота», «ощущение беспомощности», «волнение»» [5: с. 253].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля это же значение является основным. Автор предлагает следующее определение тоски: «Тоска – стъснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь. Тоска по родине обращается иногда въ тълесную бользнь, съ изнурительною лихорадкой» [6: с. 422].

В русском фольклоре кластер «тоска» подробно описан в работе А.Б. Лямина. Автор в первую очередь обращает внимание на структурный и количественный аспект рассматриваемой группы слов. Он отмечает, что грамматические классы представлены только именами существительными и глаголами. Их общее количество и употребительность различны по жанрам. Грамматический класс имен

прилагательных с корнем *тоск-* ни в одном сборнике отмечен не был [7].

Основываясь на том факте, что наличие семемы «*тоск-*» является более характерным для песенного фольклора, чем для былин, и учитывая точку зрения Е.Б. Артеменко, не противопоставляющей обрядовые и необрядовые песни как нелирические – лирическим, А.Б. Лямин делает вывод, что в языке песен нет коренных отличий в семантике и функционировании лексики, входящей в кластер «тоска». Грамматический класс имен существительных кластера «тоска» включает в себя не только простое, непроектируемое слово *тоска*, но и составные наименования: *печаль-тоска*, *тоска-горе*, *тоска-кручина*.

А.Б. Лямин отмечает, что имя существительное *тоска* очень часто в пределах одного или нескольких стихов песни стоит в одном ряду с такими семантически близкими наименованиями, как *горе*, *грусть*, *кручина* (предельная сочетаемость), образуя при этом некий градационный ряд [7: с. 29].

Исследователь также обращает внимание на то, что часто простого обобщения (типа *грусть-тоска*) песне явно недостаточно, и тогда в одном ряду оказываются простые и составные наименования: «Нападут же да на мое сердце/ *Зла печаль-тоска со кручинушкой*» (Кир. Нов. I, № 100).

А.Б. Лямин не выявил диминутивных форм от слова *тоска*, хотя словарь В. Даля и материал северных песен, изученный И.С. Климас [8], свидетельствуют о возможности подобного словотворчества в народно-поэтическом языке. В. Даль приводит следующий пример: «Нападала *тоскечушка* немала» [6: с. 422].

Необходимо отметить, что имена существительные исследуемого кластера практически не образуют эпитетосочетаний. А.Б. Лямин указывает, что только в двух случаях из восемнадцати слово *тоска* определено в необрядовых песнях именами прилагательными *великий* I, *несносный* I. В свадебных песнях отмечено лишь эпитетосочетание *зла печаль-тоска*. Исследователь объясняет данный факт семантической глубиной, емкостью семемы «*тоск-*», которой не нужна дополнительная характеристика, – она самодостаточна [7].

По мнению А.Б. Лямина, при изучении глаголов кластера «тоска» открываются новые компоненты семной структуры семы «*тоск-*». В песнях и былинах чувство тоски неразрывно связано с переживанием некоей утраты. Разлука в песне каузирует состояние тоски. Отметим, что при глаголах *растосковаться*, *стосковаться*, *тосковать* почти всегда употребляются косвенные дополнения с предлогом *по*: *по мне*, *по молодцу* и т.д. Испытывать чувство тоски может не только человек. Вместе с ним тоскует и *природа* (в необрядовых песнях); *конь*, потеряв хозяина, также тоскует (в былинах). В качестве

субъекта при глаголе *растосковаться* отмечен соматизм *сердце*. Таким образом, мы находим подтверждение тому, что тоска – это «нойка сердца» (Даль) [7: с. 15–21].

В дипломной работе «Концептуализация эмоций в северно-русских рекрутских причитаниях XIX века на материале плачей, записанных от Ирины Федосовой» Тууликки А.Э.П. исследует концепты горестных эмоций в северно-русских рекрутских причитаниях XIX в., записанных от Ирины Федосовой (1831–1899). Цель ее работы – моделирование концептов «несчастье», «бедный», «горе», «кручина» и «тоска». Исследовательский материал состоит из двух длинных причитаний – «Плач по холостом рекруте» и «Плач по рекруте женатом». Они были записаны Е.В. Барсовым в конце 1860-х гг. и опубликованы в сборнике «Причитанья Севернаго края» (1882) [9].

Причитания, плачи – архаичный жанр устного народного творчества. В них оплакивались трагические события в жизни. Они являлись элементом различных обрядов, в том числе и рекрутского обряда. Из многих эмотивных лексем автором были выбраны те, которые включаются в концепты «несчастье», «бедный», «горе», «кручина» и «тоска». В ходе исследования было выявлено, что лексема *тоска* встречается в причитаниях не так часто, как, например, *печаль*, но автор включил её в свой анализ по некоторым причинам: тоска представляет собой немного иную эмоцию, чем горе, кручина и печаль, которые по семантике ближе друг другу. Тоска – одна из сильнейших эмоций, так как, согласно Урысону (1999), от сильной тоски, как от мучительной боли, хочется избавиться любой ценой. В причитаниях тоска используется не в такой же позиции, как горе, кручина и печаль: с лексемой *тоска* не формируются эпитеты причитающей или других лиц, как, например, горяща, кручинна или печальная головушка. То есть тоска не именуется людей таким же образом.

В ходе анализа материала исследования автором были выяснены дополнительные признаки концепта «тоска»: имена существительные *тоска* и *тоскичушка* характеризуются эпитетами *великий*, *злодийный*, *несносный*, *неудольный* и *неугасимый*. На основе этого автор пришёл к выводу, что тоска характеризуется отрицательным знаком и является такой сильной и вредной, что испытывающий её человек ничего не может с ней поделать и никак не справиться с ней. По мнению исследователя, эти эпитеты могут указывать и на то, что человек старается противостоять тоске и победить её, но без видимых результатов: тоска всё ещё неугасимая и неудольная.

В ходе исследования было выявлено, что имя существительное «тоска» иногда является подлежащим в предложении, активным деятелем, кото-

рый делает с человеком, что хочет. Как подлежащее *тоска* сочетается, как и кручина, например, с глаголами движения и с глаголами, которые связаны со страданием, болью и огнём. Автор исследования считает многие из этих примеров картинными, которые, отчасти метафорически, иллюстрируют описываемую ситуацию и дают более яркое и выразительное её словесное изображение.

Таким образом, исследователь приходит к выводу, что человек находится во власти некоей сильной и независимой от человека тоски, которая властвует над ним. Так как тоска долит, ушибает, разгорается и совьется, она сильная и причиняет страдания и мучение, как болезнь. С точки зрения этих глаголов неудивительно, что тоска воспринимается как боль и болезнь. Исследователь отмечает, что глагол *тосковать* используется в интересных вариантах: *тосковать*, *потосковать*, *протосковать*, *тосковаться*, *ростосковаться* и *натосковаться*. Когда человек испытывает эмоцию тоски, т.е. он тоскует, он будто бы активно занимается чем-то. Лексема *тосковать* представляет собой некоторое активное действие или занятие, которое можно или прекратить, или препятствовать ему, а не только внутреннее состояние человека и причину его действий.

По результатам исследования Тууликки А.Э.П. приходит к выводу, что концепт «тоска» является многосторонним. Тоска, с одной стороны, состояние человека, в котором он находится. А с другой стороны, она как активный стимулирующий деятель, который побуждает в человеке неприятную эмоцию, захватывая его полностью, и побуждает его к различным поступкам, но который также сам делает кое-что для человека. В языке причитаний тоска персонифицируется. Она – мощная, интенсивная, по своим последствиям вредная и опасная эмоция, от которой нужно было бы спастись, но которую невозможно покорить и погасить в себе. Она вербализируется как судьба, от которой не убежать. Тоска причиняет страдание и боль, как какая-то болезнь, и мешает нормальной деятельности [9].

В ходе нашего исследования были проанализированы современные словари русского языка, литературные произведения различных авторов и т.д. На наш взгляд, в современном русском языке слово «тоска» имеет следующие значения: 1. Душевное томление, тревога в соединении с грустью, унынием // Выражение такого чувства, состояния (в глазах, на лице и т.п.). // Выражение душевной угнетённости, безысходности, печали (в музыке, песне и т.п.). // Разг. О ноющем, тянущем, сосущем ощущении в теле, желудке и т.п. // Разг. Гнетущая скука, уныние, царящее где-либо, вызываемые образом обстановки, отсутствием интересов и т.п.; 2. Безл. сказ. О скуке, унынии, царящих где-либо; о состоянии тоски у кого-либо [10: с. 705–708].

По материалам БАС Андриенко А.В. были выявлены следующие парадигматические связи слова *тоска*: грусть, печаль, кручина, скука, уныние, томление, тревога, угнетенность, безысходность, апатия; состояние (психическое: душа), чувство (сердце, грудь), ощущение (физическое: тело, ноги, желудок) [11].

По данным того же словаря она приводит синтагматические связи: Тоска – смертная, смертельная; сердечная, душевная, сладкая, странная; безнадежная, невыносимая, острая, мрачная, смешанная со злобой, глубокая, жуткая, какая-то, такая, что..., неизбывная. Тоска души, сердца; тоска любви, отчаяния, одиночества. Тоска сжимает, давит, теснит (грудь, сердце, душу); тоска берет, грызет, одолевает; тоска нападает, находит, накатывает. Тоски припадки, минуты; бояться. Наводить, нагонять тоску. Разогнать, развеять, рассеять, размыкать тоску. В тоску вгонять, вводить [11: с. 38].

Нам представляется возможным на основе того же словаря добавить следующие синтагматические связи: тоска тяжкая, неясная, затаенная, терзающая, задушевная, приятная, зеленая. Тоска смерти; тоска по дому. Тоска гонит, закрадывается, томит. Тоска обуяла; смягчилась. Тоску почувствовать. С тоски пропасть, удавиться, умереть.

Используя материал БАС, Андриенко А.В. в своей работе «Концепты русской культуры в поэтическом творчестве В.С. Высоцкого: между тоской и свободой» (2003) составила следующее представление о содержании понятия «тоска» в русской языковой картине мира: 1. Психическое состояние (в душе). 2. Чувство (в сердце). 3. Физическое ощущение (в теле, желудке, в ногах и т.д.) человека (а также, очевидно, и общее (душевное и физическое) состояние). 4. Существует и как нечто отдельное от человека, царящее вокруг, «пропитываемая» какое-то пространство. 5. Это состояние или чувство характеризуется как тяжелое, преходящее или постоянное, враждебное, агрессивное, сильное, опасное – смертельно; неприятное; неопределенное; если сладкое – то одновременно странное; ощущение может быть приятным, если речь идет о предвкушении обеда (в желудке). 6. Болезнь: смертельная, смертная, припадки; удушье, теснота, или порча – наводить. 7. Активная, самостоятельно существующая сила (анализ глаголов: возможно, олицетворенная – царит, берет; вроде зверя – грызет, нападает; вроде механизма или груза – сжимает, давит; или подобная стихии – накатывает как волны, шторм; разогнать, рассеять, развеять, нагнать тоску – как тучи, бурю). 8. Среда или субстанция, само пространство с определенными характеристиками: вгонять в тоску, вводить в тоску [11: с. 38–39].

Сегодня существует множество толковых словарей, которые дают определение тоски. Но эти дефиниции не устраивают исследователей русской

концептосферы, вероятно, потому, что они не дифференцируют тоску и подобные состояния и чувства, названия которых используют для определения самой тоски. А.Д. Шмелев отмечает, что «словарные определения ... описывают душевные состояния, родственные тоске, но не тождественные ей». И он отмечает: «Пожалуй, лучше всего подходит развернутое описание в духе А. Вежбицкой: тоска – это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утраченное и сохранившееся в смутных воспоминаниях: ср. тоска по родине, тоска по ушедшим годам молодости. В каком-то смысле всякая тоска могла бы быть метафорически представлена как тоска по небесному отечеству, по утраченному раю» [12: с. 92]. Но, по-видимому, чувству тоски способствуют бескрайние русские пространства.

По мнению М. Эпштейна, существует тоска, связанная с теснотой, узами, заключением, но это скорее общечеловеческая мука несвободы, рабства. А особая русская тоска, налетающая в дороге и знакомая всем, от ямщика до первого поэта, – есть дитя не тесноты, а именно приволья, ничем не прегражденного пространства. Это тоска не пленника, а странника [13: с. 5].

Глубоким отражением психологического смысла концепта «тоска» в языковой картине мира является художественная литература. Художественные произведения рефлексивно, в образной форме отражая субъективную семантику тоски, позволяют расширить и углубить психосемантическое пространство аффективной сферы личности, показать ее внутреннюю напряженность. На наш взгляд, наиболее полный анализ концепта «тоска» в художественных произведениях различных авторов представлен в монографии Т.Х. Невструевой, И.А. Воробьевой «Психосемантический анализ переживания тоски» (2018). Авторами представлено исследование субъективной семантики тоски в произведениях А.С. Пушкина, А. Платонова, И. Анненского, И.А. Бунина, М. Цветаевой, В.С. Высоцкого, Р.М. Рильке и др. [14].

М. Эпштейн отмечает, что в начале XIX в. полагали, что скука, тоска являются болезнью аристократов. Скучающий взгляд являлся неотъемлемой чертой изысканности и благородства. Человек пресыщенный, всем овладевший и всего достигший, не может не скучать. Таково происхождение болезни английских аристократов, сплина, которую Байрон ввел в поэтическую моду в образе Ч. Гарольда.

Похожую болезнь находим у русского народа в «Евгений Онегине» А.С. Пушкина: «Недуг, которому причину / Давно бы отыскать пора, / Подобно английскому сплину, / Короче: русская хандра...» [15: с. 45]. Но тоска Онегина, по мнению Эпштейна, другая,

не утонченно-высокомерная, он охвачен другим, более широким, чем его сословная принадлежность, недугом. Хандра, в отличие от сплина, не является болезнью пресыщения. Сплин – это болезнь только аристократов, в то время как хандра присуща всему русскому народу, не зависимо от сословной принадлежности. Хандра входит в душу всего народа и приобретает еще более сильное наименование: тоска, кручина.

Подтверждение того, что русская тоска присуща не только аристократам, но и простому народу, М. Эпштейн находит у того же А.С. Пушкина в стихотворении «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», которое было написано в 1830 г., в то же время, что и «Евгений Онегин»: «... Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой. / Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий, / За ними чернозем, равнины скат отлогий, / Над ними серых туч густая полоса. /... Что, брат? Уж не трунишь, тоска берет – ага!» [13].

В советское время литературе полагалось быть наполненной оптимизмом, чтобы показать то, что русскому народу не присуща тоска. Но даже у народного и неаристократичного писателя А. Платонова находим персонажи, главным всеобъемлющим чувством которых является тоска. Как отмечает М. Эпштейн, в Дванове, Копенкине, Вощеве, Чиклине, во всех этих народных персонажах ощутимо начало тоски более глубокой, чем в Онегине или Печорине, – культурно не опосредованной, не занятой никакими книгами, танцами, любовью, развлечениями. Они – и телесно, и умственно – тощие, они ближе к природе, не заслонились от ее пустоты слоем пресыщенного достатка. Тощие сильнее тоскуют – эти слова родственны «тщете» и образовались от одной с ней старославянской основы, обозначающей пустоту [13: с. 90–91].

В своей работе «Семантическое поле "тоска" и "скука" в произведениях А. Платонова» (2000) Дмитровская М.А. отмечает, что в творчестве А. Платонова слово *тоска* и его синонимы, вообще частотные в русском языке, употребляются чаще, чем обычно. Так, *тоска* (с производными) в повести «Котлован» употребляется 33 раза, *скука* – 35 раз, *печаль* – 22 раза, *горе* – 16 раз, *скорбь* – 8 раз, *уныние* – 7 раз [16: с. 41–42].

В произведениях А. Платонова, по мнению Дмитровской М.А., значимость концепта «тоска» увеличена, подчеркнут ее философский и экзистенциальный смысл. У Платонова тоска связана с будущим: «По вечерам Вощев лежал с открытыми глазами и *тосковал о будущем...*» («Котлован»). Тоска может характеризоваться как состояние обычное, частое, постоянное или длительное: *обычная тоска, часто тосковать, долгая тоска, давняя тоска* [16].

Одной из явно выделяемых причин тоски у Платонова, по мнению Дмитровской М.А., является отсутствие ответа на вопрос о смысле жизни, непроявленность смысла мира и человека. Это порождает зияющую пропасть между земным, разорванным, неполным существованием человека и его трансцендентным (полным, осмысленным) существованием. Поэтому вопросы и размышления героев о смысле мира и жизни (а также смерти, как ее оборотной стороны) сопровождаются чувством тоски. Неполнота человека преодолевается наличием близкого человека, любовью и дружбой. По мнению писателя, «вся любовь происходит из нужды и *тоски*; если бы человек ни в чем не нуждался и не *тосковал*, он никогда не полюбил бы другого человека» («Возвращение»). Тоску также порождает смерть человека, потому что в этом случае он остается объектом никогда не достижимого стремления, ср.: «Жены легли на глиняные комья ровной, бесследной *могилы* и хотели *тосковать...*» («Чевенгур»). У Платонова в тоску человека может ввергать однообразие, монотонность, причем как однообразие труда, так и однообразие жизни и повторяемости природных циклов [16].

Тема экзистенциальной тоски поднимается у советского писателя Ю.К. Олеси (1899–1960). В своей книге «Ни дня без строчки» (1989) он подходит к понятию страха-тоски: «Надо помнить, что смерть – это не наказание, не казнь. У меня развилось как раз такое отношение к смерти: она наказание. А может быть так оно и есть? Тогда за что? Тогда и рождение – наказание со своим, еще более трудно объяснимым "за что"?» [17: с. 364].

На основе произведений русской литературы (А.П. Чехов, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и др.) Ю.С. Степанов собрал «черты образа русской тоски»: мокрый снег, желтый мутный; темнота; может быть, огарок свечи, готовый погаснуть; теснота, давит что-то; тошнота, тошно; и – тоска; и – мысль о могиле. Внутренняя форма тоски – давление и удушье; отсюда образы тесноты: «комната узкая, тесная и низкая». Тоска связывается с желчью, смертью [18: с. 885].

Интересными, на наш взгляд, являются словарные статьи, посвященные тоске, в «Словаре автобиографической трилогии М. Горького», в «Словаре языка Пушкина» и концептуальное обобщение тоски в поэзии В. Высоцкого, проделанное Изотовым В.П.

На основе анализа контекста, приведенного в «Словаре автобиографической трилогии М. Горького» и использованного в качестве объемного иллюстрационного материала, дано следующее определение тоски: 1. Чувство мучительной, невыносимой неудовлетворенности, томящего душу протеста. // Душевное страдание, боль по утрате. // Бережущее душу томление по чему-нибудь // Томитель-

ное беспокойство. 2. Тягостное томление от унылого, безрадостного существования, скука. // Душевное оцепенение, глубокое равнодушие ко всему. 3. Гнетущая скука, унылость, нудность происходящего вокруг [19: с. 137–138].

В «Словаре языка А.С. Пушкина» тоска представлена как: Душевное томление, тревога в соединении с грустью и скукой / душевная, сердечная тоска, тоска души (тоска чего-то, вызванная чем-нибудь) // О состоянии того, кого томит скука, кому тоскливо [в значении сказ. безл. предлож. кому или без дополн. о том, что вызывает такое состояние] [20: с. 574].

В произведениях В. Высоцкого, по мнению В.П. Изотова, тоска имеет следующие значения: 1. Тоска как скука. 2. Тоска как бесшабашность. 3. Тоска как тревога. 4. Тоска как страдание, гнетущее чувство. 5. Тоска как сожаление. 6. Тоска как совокупность различных чувств. Исследователь также выделяет тоску опредмеченную и олицетворенную, персонифицированную, являющую собой «сочетание чувства и предмета», «механизм», «жидкость», «тягучее вещество», а также состояние, обычно предшествующее разгулу. Изотов В.П. отмечает, что ему нигде не удалось найти обоснование цвета тоски, хотя выражение «тоска зеленая» достаточно частотно в разговорной речи [21: с. 9–11].

А.В. Андриенко продолжила исследование Изотова В.П. и составила такое представление о тоске в поэзии В. Высоцкого: 1. Состояние – с тоски, от тоски, тоска по. 2. Среда – вещественная: в тоске, впасть в тоску; окружающая: у нас здесь тоска; пространство. 3. Болезнь – как рукой снимет, сохнуть. 4. Волны, флюиды – исходить тоской. 5. Личная принадлежность человека – моя, Мишкина, красть. 6. Живое существо: странное, фантастическое – змеиная, зеленая, ловкая (изловчась, прыгнула); подобно человеку – разумное (функция обращения, с императивом – просьбы в надежде, что поймет и выполнит), послать к черту; навязчивая женщина – приревновать, связался с ней, не желая; даже прыгнула (почти бросилась) на шею, как после разлуки – ждала; с другим переночуй. Тоска не только напоминает постылую женщину, от которой невозможно отвязаться, она подобна и самому герою. 7. Часть самого героя, его второе Я. И по отношению к субъекту, и к тоске употребляется один и тот же глагол – сам себя бичую и не пикнет [тоска], как бичами ни бичуй. Не имеет значения, на кого воздействовать, – на грусть-тоску или на самого себя. 8. Причина выпивки – с тоски по банке. 9. То, что может восприниматься слухом: звук – звенела, поется. 10. Характеристика мира от сотворения, неотъемлемая часть космоса, творения и творца (Сначала было Слово печали и тоски...) [11: с. 65–66].

На основе вышеизложенного А.В. Андриенко предлагает следующий состав «поля концептов», в

которое помещена тоска: 1) духовность природы, чувств; 2) теснота (физическая и внутренняя, духовная), преддверие, предощущение свободы, чувство («головокружение»), испытываемое на краю пропасти, бездны, перед падением; 3) направленность к высшему миру; 4) наполненность сознанием ничтожества, пустоты низшего мира; 5) одиночество перед лицом высшего мира; 6) богосознание; 7) оптимистичность; 8) богооставленность; 9) надежда; 10) спасение; 11) страдание [11: с. 37].

Следует обратить внимание на противоречивость составляющих концептосферы, которая создает напряженность внутри самого концепта: теснота – и свобода; падение в пропасть – и направленность к высшему миру; страдание – и спасение; духовность, богосознание – и богооставленность; страдание, бездна, одиночество – и оптимистичность.

Э.В. Бабарыкова в статье «Ключевое слово "тоска" в поэзии И. Анненского» указывает, что в поэтике поэта слово *тоска* занимает центральное место и не только обозначает эмоцию, но и является выражением философской идеи. Тоска для него становится эмоционально-философской рефлексией на потерявшее свою целостность бытие. В поэтическом языке И. Анненского это ключевое понятие, и слово превращается в своеобразную эмоционально-философскую доминанту, которая, с одной стороны, участвует в формировании основного эмоционального тона его лирических произведений, а с другой – обозначает философское понятие, которое является краеугольным камнем созданной в его поэзии «идеологии тоски» [22].

По мнению исследователя, выступая в различных грамматических формах (тоска – тоскливый – тоскливо – тоскуя и т.д.) и синтаксических функциях, доминанта сочетается со словами разных лексико-семантических и грамматических групп как конкретной, так и абстрактной семантики, тем самым расширяя свои ассоциативные и понятийные горизонты. Э.В. Бабарыкова отмечает, что в некоторых стихотворениях чувство тоски наделяется признаком интенсивного физического воздействия. Но все же главным остается философский характер понятия, выражаемого словом *тоска*. Автор выявила, что употребление ключевого слова *тоска* связано с использованием целого ряда приемов. Во-первых, в качестве «субъектов» ключевой эмоции выступают различные группы слов: слова, обозначающие предметы из мира неживой природы (тоска медленных капель, тоска вокзала, тоска белого камня, тоска маятника и т.д.), объекты живой природы (тоска сада) и природное явление (тоска отшумевшей грозы): слова со значением цветовой характеристики (тоска синевы), временной характеристики (тоска мимолетности, тоска кануна); лексемы, обозначающие ментальный процесс (тоска припоминания), визуальный образ (тоска мира-

жа), абстрактное понятие со значением цикличности (тоска возврата).

Во-вторых, философская доминанта, абстрагируясь, превращается в явление. Этому способствует прием антропоморфизации, а также графического выделения слова – написания с прописной буквы. Так, в стихотворении «Стальная цикада» тоска приобретает способность передвигаться, находиться рядом с лирическим героем, становясь его молчаливым собеседником: «Я знал, что она вернется И будет со мной – Тоска».

В-третьих, философская доминанта регулярно используется в сильной позиции текста – в заглавии, что подчеркивает ее значимость в поэтическом мире И. Анненского («Тоска», «Тоска белого камня», «Моя Тоска» и др.). Находясь в позиции заглавия, доминанта развивает широкие контекстуальные связи с различными элементами текста, и приобретенные ею в контексте разнообразные эмоциональные, цветовые, пространственно-временные, звуковые и другие характеристики придают этому художественному образу неповторимость.

Депривационная модель тоски отражена в творчестве М.И. Цветаевой. С.А. Старостина в исследовании «Мотивное поле концепта "тоска" в лирике М.И. Цветаевой периода эмиграции» проводит анализ лирических произведений М.И. Цветаевой в ракурсе эмоционального концепта «тоска». Автором определены способы художественной репрезентации концепта «тоска» сквозь призму стихотворений М.И. Цветаевой и выявлены художественные составляющие тоски как состояния души, тоски по любимому, тоски по родине, присутствующие в мотивном поле концепта «тоска» лирики М.И. Цветаевой [23].

Необходимо отметить, что концепт «тоска» присутствует во всем творчестве М.И. Цветаевой периода эмиграции, в том числе в ее прозе и поэмах, однако именно лирика является своеобразным катализатором развития концепта, его мотивных составляющих, отличается многосоставностью мотивных комплексов, разнообразием художественных средств выражения тоски. В качестве исходной градации концепта «тоска» в диссертации за основу принимается классификация А. Вежбицкой, которая выделяет в этом концепте следующие смыслы: томление, грусть, печаль, скуку, уныние, хандру, тревогу, тоску по родине, сожаление об утраченном, тоску по близким и любимым людям.

Исследователь считает, что в эмигрантской лирике М.И. Цветаевой доминирующими являются мотивы тоски как особого состояния души, тоски по любимому человеку и тоски по родине, которые, несмотря на варьирования в смысловом, качественном, художественно-выразительном плане, структурно образуют единое мотивное поле концепта «тоска». Каждый из трех мотивов имеет соб-

ственный комплекс средств художественной выразительности, отражающий самобытное видение поэтом не только собственной души, но и окружающей действительности. Мотивное поле концепта в стихах поэта образуют три доминирующих мотива: тоски как состояния души, тоски по любимому и тоски по родине [23].

А.А. Козакова исследовала изменения в семантической структуре слова *тоска* в поэтическом идиолекте М. Цветаевой. В процессе анализа было установлено, что сдвиги в значении данной леммы зависят от оценки поэтического дара как главной сущностной составляющей личности. Автором доказывается, что цветаевское восприятие тоски противоположно узуальному. В поэтическом идиолекте М. Цветаевой зафиксировано около 100 контекстов употребления леммы с корнем тоск-: имя существительное «тоска» в разных словоформах, в том числе и потенциальной форме мн. ч. род. п. тоск; глагол «тосковать» в разных формах; авторское образование «вытосковать»; окказионализм «тоскомер». Тексты М. Цветаевой демонстрируют изменение значений названных лемм по сравнению с общеязыковыми. Были выделены также значения «нудная скука, смешанная с отвращением»; «о том, что причиняет такое состояние».

Таким образом, А.А. Козакова приходит к выводу, что в идиолекте М. Цветаевой тоска осмысливается как очень важный элемент мировоззрения человека. Тексты поэта демонстрируют нам изменение значения этого существительного по сравнению с общеязыковым. Тоска у М. Цветаевой является интенсивным положительным чувством, созидующим, а не разрушающим, как в узусе, человеческую личность. Тоска свидетельствует об активной интеллектуальной деятельности человека, прежде всего о ремесле поэта, так как осмысливается как необходимое душевное свойство поэта, его сущность, условие творчества. Развивая это значение, некоторые тексты демонстрируют его смещение: тоска – «любовь», «душа», «беда, судьба русского человека без родины» [24].

А.Н. Федоринчик в статье «Концепт "тоска" в поэзии Б. Пастернака» отмечает, что в поэтических текстах Б. Пастернака концепт «тоска» воплощается следующими лексическими средствами: 1) именем существительным: *тоска* (53 употребления в 39 контекстах); 2) именем прилагательным *тоскливый* (2 употребления в 2 контекстах); 3) глаголами *тосковать*; *тоскуется* (2 употребления в 2 контекстах). Более того, имя существительное «тоска» выносится в сильную позицию текста (заглавие стихотворения), что свидетельствует о значимости данного концепта для индивидуально-авторской картины мира поэта. Синонимами слова «тоска» выступают леммы: *хандра* и *уныние*, *тревога* и *ненястье* [25].

Таким образом, на основе анализа толковых словарей и лингвокультурных исследований нами

выделено экзистенциональное поле концепта «тоска» и сгруппированы характеристики по основным значениям понятия «переживания». Концепт «тоска» в русской языковой картине мира имеет следующее содержание:

– витальное: соматическое выражение (тоска в глазах, во взгляде у кого-нибудь; тоска сжимает, давит, теснит сердце, душу, грудь); физическое ощущение (ноющее, тянущее, сосущее ощущение в теле, желудке, в ногах и т.д.); болезнь (смертная, припадки; удушье, теснота) или порча – наводить; «тоска – это смерть» (смертная, предсмертная, смертельная тоска; с тоски, от тоски пропасть, умереть);

– идеальное (психологическое): эмоции, состояние, чувство (наводить, нагонять тоску на кого-н.; разогнать, развеять, рассеять тоску); душевное томление, тревога в соединении с грустью; тяжелое, враждебное, агрессивное, сильное, острое, опасное, смертельное, неприятное, неопределенное, если сладкое – то одновременно странное; тоска любви, отчаяния, одиночества;

– действенно-результативное: активная, самостоятельно существующая сила (олицетворенная – царит, берет; вроде зверя – грызет, нападает; вроде механизма или груза – сжимает, давит; или подобная стихии – накатывает как волны, шторм; разогнать, рассеять, развеять, нагнать тоску – как тучи, бурю);

– пространственно-временное: тоска – некая субстанция, само пространство, царящее вокруг: «пропитывая» все вокруг, вгоняет в тоску; тоска – проходящее или постоянное чувство/состояние;

– цветовые, звуковые, вкусовые характеристики: тоска ассоциативно связана с цветовым спектром – «зеленая» и негативным черным цветом; выражение душевной угнетенности, безысходности, печали в музыке, песне; тоска может быть сладкой и горькой;

– каузаторы и объекты тоски: «тоска по родине», «тоска по правде», «тоска по жене и детям», «тоска по любимому человеку» – речь здесь идет не столько о мучительно болезненном чувстве, сколько о сильном желании, особом отношении к соответствующему объекту, а также утрате (близкого человека, надежды, смысла жизни, ценностей и т.д.);

– тоска активно корреспондирует с понятиями смерти, ужаса, душевной муки, отчаяния, неопределенностью, однако тоска может быть и сладкой. В биполярности переживания тоска «сдвинута» в сторону страдания, отчаяния, страха, тревоги.

Как отмечают современные исследователи, существование в русском языке короткого, высококачественного слова «тоска» для обозначения столь сложного эмоционального состояния представляется убедительным доказательством того, что тоска является русским национальным концептом.

Список источников

1. Словарь-справочник «Слово о полку Игореве». Вып. 6 / сост. В.Л. Виноградова. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1984. 278 с.
2. Слово о полку Игореве / вступ. ст. и подготовка древнерусского текста Д. Лихачева. Сост. и коммент. Л. Дмитриева. Москва : Худ. лит., 1987. 222 с.
3. Виноградова В.Л. О методе лексикологического изучения текста «Слово о полку Игореве» // Вопросы языков. 1978. № 6. С. 96.
4. Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2. Москва : Русский язык, 1993. 560 с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. Москва : Русский язык, 1998. 688 с.
7. Лямин А.Б. Кластер «тоска» в русском фольклоре // Лингвофольклористика I : сб. науч. ст. Курск : Из-во КГПУ, 1992. 75 с.
8. Климас И.С. Абстрактные существительные в северных песнях // Фольклорная лексикография. Курск, 1998. Вып. 10. С. 24–30.
9. Тууликки А.Э.П. Концептуализация эмоций в северно-русских рекрутских причитаниях XIX века на материале плачей, записанных от Ирины Федосовой : дипломная работа / Университет Восточной Финляндии, 2012. URL: http://epublications.uef.fi/pub/urn_nbn_fi_uef-20120640/urn_nbn_fi_uef-20120640.pdf (дата обращения: 10.08.2022).
10. БАС Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Москва : Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 15. 1963.
11. Андриенко А.В. Концепты русской культуры в поэтическом творчестве В.С. Высоцкого: между тоской и свободой : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2003. 296 с.
12. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
13. Эпштейн М. Бог деталей. Народная душа и частная жизнь в России на исходе империи. Эссестетика 1977–1988. 2-е доп. изд. Москва : ЛИА Р. Элинина, 1998. С. 17–24.
14. Невструева Т.Х., Воробьева И.А. Психосемантический анализ переживания тоски : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2018. 300 с.
15. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Роман в стихах / вступ. ст. П.Г. Антокольского; Ил.В. Свигальского. Москва : Худ. лит., 1984. 255 с. (Классики и современники. Поэтическая библиотека).
16. Дмитровская М.А. Семантическое поле «тоска» и «скука» в произведениях А. Платонова // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии : сб. науч. тр. / Калининградский университет. Калининград, 2000. 237 с.
17. Олеша Ю. Зависть. Ни дня без строчки. Рассказы. Москва : Известия, 1989. 496 с.
18. Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Академический проект, 2001. 990 с.

19. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. Вып. 6, Т. 2. С. 137–138.
20. Словарь языка Пушкина. В 4 т. Т. 4 / отв. ред. академ. АН СССР В.В. Виноградов / Рос. академ. наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 2-е изд., доп. Москва : Азбуковник, 2000. 1232 с.
21. Изотов В.П. Высоцкий и рубеж тысячелетий : сб. ст. Орел, 2000. 56 с.
22. Бабарыкова Э.В. Ключевое слово тоска в поэзии И. Анненского // Русский язык в школе: научно-методический журнал. 2007. № 8. С. 53–57.
23. Старостина С.А. Мотивное поле концепта «тоска» в лирике М.И. Цветаевой периода эмиграции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2010. 24 с.
24. Козакова А.А. Концепт «тоска» в поэтическом идиолекте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. Вып. 5 (90). С. 125–181.
25. Федоринчик А.Н. Концепт «тоска» в поэзии Б. Пастернака // Вестник БГПУ. 2010. № 4. С. 76–80. (Серия 1).

References

1. Slovar'-spravochnik «Slovo o polku Igoreve». Vypusk 6. Sost. V. L. Vinogradova L.: «Nauka». Leningradskoe otделение, 1984. 278 s.
2. Slovo o polku Igoreve. Vstup. st. i podgotovka drevnerusskogo teksta D. Lihacheva. Sost. i komment. L. Dmitrieva. M.: Hud. Literatura, 1987. 222s.
3. Vinogradova V. L. O metode leksikologicheskogo izucheniya teksta «Slovo o polku Igoreve» // Voprosy yazykov, 1978. № 6. S. 96.
4. Dimitrova E. V. Translyaciya emotivnyh smyslov russkogo koncepta «toska» vo francuzskuyu lingvokul'turu. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd, 2001. 16 s.
5. Сhernyh P. YA. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2t.: 13560 slov. T.2. M.: Russkij yazyk, 1993. 560s.
6. Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. T.4. M.: Russkij yazyk, 1998. 688s.
7. Lyamin A. B. Klaster «toska» v russkom fol'klоре // Lingvofol'kloristika I. Sbornik nauchnyh statej. Kursk: Iz-vo KGPU, 1992. 75 s.
8. Klimas I. S. Abstraktnye sushchestvitel'nye v severnyh pesnyah // Fol'klornaya leksikografiya. Kursk, 1998. Vyp. 10. S. 24–30.
9. Tuulikki A. E. P. Konzeptualizaciya emocij v severno-russkikh rekrutskih prichitanijah XIX veka na materiale plachej, zapisannyh ot Iriny Fedosovoj. Diplomnaya rabota. Universitet Vostochnoj Finlyandii, 2012. URL:http://epublications.uef.fi/pub/urn_nbn_fi_uef-20120640/urn_nbn_fi_uef-20120640.pdf (data obrashcheniya: 10.08.2022).
10. BAS Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. M. L.: Izd-vo AN SSSR, 1950–1965. T.15, 1963.
11. Andrienko A. V. Koncepty russkoj kul'tury v poeticheskom tvorchestve V. S. Vysockogo: mezhdru toskoj i svobodoj. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Vladivostok, 2003. 296 s.
12. SHmelev A. D. Russkaya yazykovaya model' mira: Materialy k slovarju. M.: YAzyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 224s.
13. Epshtejn M. Bog detalej. Narodnaya dusha i chastnaya zhizn' v Rossii na iskhode imperii. Esestetika 1977–1988. 2-e dopolnennoe izdanie. M.: LIA R. Elinina, 1998. S. 17–24.
14. Psihosemanticheskij analiz perezhivaniya toski: monografiya / T.H. Nevstrueva, I.A. Vorob'yova. 2-e izd., pererab. i dop. Habarovsk: Izd-vo Tihookeanskogo gos. un-ta, 2018. 300 s.
15. Pushkin A. S. E. Onegin. Roman v stihah. Vstup. Stat'ya P. G. Antol'skogo; Il. V. Svitl'skogo. M.: Hud. Literatura, 1984. 255s., il. (Klassiki i sovremenniki. Poeticheskaya biblioteka).
16. Dmitrovskaya M. A. Semanticheskoe pole «toska» i «skuka» v proizvedenijah A. Platonova // Semanticheskie edinicy russkogo yazyka v diahronii i sinhronii: Sbornik nauchnyh trudov. Kaliningradskij universitet. Kaliningrad, 2000. 237 s.
17. Olesha YU. Zavist'. Ni dnya bez strochki. Rasskazy. M.: «Izvestiya», 1989. 496 s.
18. Stepanov YU. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: Akademicheskij proekt, 2001. 990 s.
19. Slovar' avtobiograficheskij triologii M. Gor'kogo. L.: Izd-vo LGU, 1990. Vypusk 6. T. 2. S. 137–138.
20. Slovar' yazyka Pushkina: V 4 t. /Otv. red. akad. AN SSSR V. V. Vinogradov / Ros. Akadem. nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradov. 2-e izd., dop. T.4. M.: Azbukovnik, 2000. 1232 s.
21. Izotov V. P. Vysockij i rubezh tysyacheletij. Sb. statej. Orel, 2000. 56s.
22. Babarykova E.V. Klyuchevoe slovo toska v poezii I. Annenskogo // Russkij yazyk v shkole: nauchno-metodicheskij zhurnal. 2007. № 8. S. 53–57.
23. Starostina S.A. Motivnoe pole koncepta «toska» v lirike M.I. Cvetaevoj perioda emigracii: Avtor. dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Tambov. 2010. 24 s.
24. Kozakova A.A. Koncept «toska» v poeticheskom idiolekte // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. Vyp. 5 (90). S. 125–181.
25. Fedorinchik A.N. Koncept «toska» v poezii B. Pasternaka // Vestnik BGPU. Seriya 1. 2010. № 4. S.76–80.

Информация об авторе

И.А. Воробьева – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

I.A. Vorobeveva – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

DIGITAL TECHNOLOGIES IN EDUCATION

Научная статья

УДК 378.0912:37.018.43

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-167-172

ВОСПИТАНИЕ И РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Юлия Александровна Тюрина

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, jultur2005@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности организации в дистанционном формате воспитания и работы с молодежью как неотъемлемой части образовательного процесса. Дана характеристика реализации воспитательной деятельности онлайн в учебном процессе и во внеучебное время через три направления предусмотренных нормативно-методической документацией системы образования РФ требований:

- обязательные условия организации;
- основные направления воспитательной деятельности;
- методы и технологии организации воспитательного процесса и работы с молодежью.

Ключевые слова: воспитание, воспитательный процесс, работа с молодежью, дистанционное обучение и воспитание

Original article

YOUTH MENTORING AND COORDINATING IN A DISTANCE FORMAT: THE IMPLEMENTATION IN HIGHER EDUCATION

Yulia A. Tyurina

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, jultur2005@yandex.ru

Abstract. The article considers some peculiarities of organizing distance education and youth mentoring as an integral part of the educational process. Online mentoring during learning process as well as extracurricular activities is characterized through the three directions prescribed by the regulatory and methodological documentation of the Russian Federation education system:

- compulsory conditions of organization;
- main directions of educational activities;
- methods and technologies of organizing educational process as well as youth mentoring.

Keywords: education, educational process, youth mentoring, distance learning and education

В научно-образовательной сфере активно обсуждается проблематика реализации учебного процесса в ковидный и постковидный период, вынужденного применения дистанционных технологий в учебных заведениях, повлекшего за собой дискуссию о проблемах качества и эффективности образования в дистанционном формате, а также о преимуществах в обеспечении образовательного процесса с использованием технологий удаленного доступа. Полученный в ходе активного использования опыт применения дистанционных технологий стал основой многочисленных методических разработок, демонстрирующихся на конференциях и форумах, вошел в основу разработки образова-

тельных программ, повлек за собой нормативные изменения, в том числе на уровне федерального законодательства: актуализацию статьи 16 «Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» Федерального закона от 29.12.2012 г. № 3273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Однако организация внеучебной деятельности, процесса воспитания и работы с молодежью в образовательных учреждениях высшей школы в дистанционном формате меньше привлекала и привлекает внимание исследователей, работодателей и представителей власти, хотя является неотъемле-

мой и не менее важной частью в реализации и развитии образовательных программ в вузах, а также в процессе социализации будущих профессионалов. Отсутствие должного внимания к проблеме актуализирует изучение особенностей реализации воспитательной деятельности и работы с молодежью в высшей школе с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

В последние годы в реализации государственной молодежной политики России происходят значительные изменения, проявляющиеся в актуализации и активизации воспитательной деятельности и работы с молодежью на всех уровнях образовательной системы Российской Федерации, а именно: нормативно-законодательном, нормативно-методическом. Ранее воспитательная деятельность законодательно регулировалась Федеральным законом № 273-ФЗ 2012 г. [8] и рассматривалась как часть образования в единстве с процессом учебным. Основная цель воспитания в высшей школе в нормативной и методической документации определялась как деятельность по созданию условий для самоопределения и социализации обучающихся. Результатом этой деятельности является личность как носитель определенных ценностей.

В 2020 г. принимается Федеральный закон № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании от 31 июля 2020 года», законодательно закрепляется понятие «воспитание» как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [7].

Нормативно регламентируется и обязательным становится внедрение профильных нормативно-методических документов во все образовательные программы.

Процесс воспитания в высшей школе рассматривается неотъемлемой частью работы с молодежью. Нормативно и методически определяются ключевые подходы к содержанию воспитания, механизмы организации воспитательной работы и работы с молодежью в образовательной организации, показатели эффективности. В разработанных Министерством науки и высшего образования Рос-

сийской Федерации совместно с научно-образовательным сообществом «Методических рекомендациях по разработке Рабочей программы воспитания и Календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования» (2021 г.) [4] предлагается организационный и теоретико-методический инструментарий для формирования воспитательных систем в учебных учреждениях в соответствии как с общепризнанными принципами формирования личности, так и с целями государства в области молодежной политики и воспитания. Процесс реализации воспитания в высших учебных заведениях регламентируется Рабочей программой воспитания вуза и Календарным планом воспитательной работы вуза, а также Рабочими программами воспитания и Календарными планами воспитательной работы основных профессиональных образовательных программ.

Произошедшие нормативные и нормативно-методические изменения определили воспитательную деятельность в высшей школе как реализуемую в двух направлениях: 1) в учебном процессе; 2) во внеучебное время.

Перевод вузов в дистанционный формат из-за пандемии внес свои коррективы как в организацию воспитательной работы в учебном процессе, так и во внеучебное время.

По мнению экспертов, реализация учебной деятельности удаленно федеральными стандартами предусмотрена, что позволяло перевести образовательные программы в онлайн, тем не менее при данной организации фиксируется ряд проблем, которые влияют и на эффективность воспитательной деятельности в учебном процессе. Таковыми проблемами являются:

– недостаточный уровень цифровых компетенций ППС, что подтверждается многочисленными научными исследованиями [2; 3]. Различия в мышлении преподавателей и обучающихся, высокая адаптивность обучающейся молодежи к цифровым технологиям и слабая мотивация к их использованию старшим поколением преподавателей¹ (см.: [5]);

– специфика цифровых компетенций и проблемы мотивации студентов. Как оказалось, несмотря на активное использование гаджетов в повседневной жизни, не все студенты способны работать в цифровой среде с целью формирования знаний. Не все обучающиеся обладают способностями самодисциплины [1; 6];

– недостаточный уровень технологического оснащения вузов и неравномерный доступ к технологиям самих обучающихся (наличие/отсутствие

¹ В вузах страны почти 30 % преподавателей старше 60 лет.

Таблица 1

**Характеристика обязательных условий
организации воспитания в высшем учебном
заведении при дистанционном формате работы**

Условия организации воспитания в соответствии с методическими рекомендациями	Комментарий по реализации в дистанционном формате
Нормативно-правовая база	Отсутствует
Методическое обеспечение	Отсутствует
Кадровый состав (ППС и профильные специалисты)	Нет соответствующих компетенций, нет мотивации
Материально-техническое оснащение, инфраструктура (спортивные объекты, театральные залы и концертные площадки, студенческие клубы, психологические центры и социальные центры, музеи и центры патриотического воспитания, библиотеки и т.д.)	Нет возможности использовать должным образом
Информационное обеспечение	На должном уровне
Социокультурное пространство. Сетевое взаимодействие вуза с организациями, социальными институтами и субъектами воспитания	Нет возможности организовать должным образом

доступа к сети Интернет в населенных пунктах и уровень доходов семей студентов);

– сложности в методическом обеспечении всех видов учебных занятий.

Наличие проблем при обучении в дистанционном формате подтверждается мнением и самих студентов. Так, больше половины (65 %) участников опроса, проведенного НИУ ВШЭ совместно с Томским государственным университетом, отметили, что обучение в дистанционном формате менее эффективно [6]. Каждый пятый (19,9 %) респондент социологического опроса «Мнение студентов вузов России о вынужденном дистанционном обучении» назвал отрицательными свои ощущения от обучения в «дистанте» [1].

В целях объективности рассуждений отметим, что при реализации образовательных онлайн-программ трудности испытывали даже страны-лидеры в области цифровизации – США, Япония и Китай. Так, по данным опроса Юнисеф, в 2020 г. 71 % молодых людей считают, что пострадали из-за ситуации в образовании, 67 % полагают, что в 2020 г. получили меньше знаний, 50 % высказали мнение о возможности продления срока обучения². В международном сообществе даже появился термин «not in education» (вне сферы образования).

Тем не менее фиксируемые проблемы при реализации обучения в онлайн в высшей школе России меняют и условия организации воспитания в учебном процессе.

При организации процесса воспитания во внеучебное время и работы с молодежью в дистанционном формате в отечественной системе высшего образования фиксируются сложности:

– в обеспечении обязательных условий;
– реализации основных направлений воспитательной деятельности;

– применении методов и технологий организации воспитательного процесса и работы с молодежью, предусмотренных нормативно-методической документацией [4].

Обязательные условия организации воспитания (табл. 1). Требуемые в соответствии с методическими рекомендациями нормативно-правовая база и методическое обеспечение не были сформированы в ковидный и постковидный период для работы с помощью дистанционных технологий. Вузы, перейдя в дистанционный формат, работали методом проб и ошибок, активно взаимодействуя со студенческими организациями в выборе методик и технологий, кооперировались в своем поиске со специалистами вузов-партнеров, делились разработками.

Особо следует отметить, что на удаленной работе со студентами доступ к инфраструктуре воспитательной деятельности и работы с молодежью был невозможен, а именно: доступ к спортивным объектам, театральным залам и концертным площадкам, студенческим клубам, психологическим и социальным центрам, музеям и центрам патриотического воспитания, библиотекам и т.д., что требуется для обеспечения воспитательного процесса. VR-инфраструктурой, способной заменить инфраструктуру, необходимую для воспитательного процесса, вузы не обладали и не обладают до сих пор. В итоге отсутствие доступа к инфраструктуре и отсутствие нормативно-методического обеспечения осложняло работу преподавателей и специалистов, которые не имели опыта и компетенций организации воспитания и внеучебной деятельности в онлайн.

Социокультурное пространство и сетевое взаимодействие вуза, предполагающее партнерские отношения высших учебных заведений с организациями сферы культуры и искусства, с общественными и профессиональными организациями, предприятиями и органами власти, «сжалось», что объясняется не только проблемами, которые испытывали вузы, но и проблемами самих организаций и предприятий-партнеров, а также невозможностью полного их перехода в дистанционный формат работы.

Характеризуя информационное обеспечение, отметим, что в данной сфере наблюдался ощутимый прогресс. И преподаватели, и студенчество в реализации внеучебной работы находились в едином информационном поле, максимально пользо-

² URL: <https://www.unicef.org/>

вались информационными ресурсами вуза, как следствие, увеличилась скорость коммуникации.

Основные направления воспитательной деятельности со студенческой молодежью. Особенности организации дистанционного воспитания во внеучебное время и работы с молодежью возможно проиллюстрировать на примере основных направлений, традиционно реализуемых в вузе и, что важно, заданных и содержательно определенных нормативно-методической базой системы высшего образования страны. Как представлено в табл. 2, часть направлений (первый столбец таблицы), на наш взгляд, реализуются посредством дистанционных технологий, это: гражданское, правовое, духовно-нравственное воспитание, популяризация культуры безопасности, научно-исследовательская деятельность, формирование единой информационной среды институтского и университетского сообщества и т.д. Осуществление перечисленных направлений в дистанционном формате возможно благодаря использованию технологий и методов организации учебного процесса на удаленном доступе: онлайн-семинары и лекции, индивидуальная и групповая проектная работа в онлайн-формате, онлайн-конкурсы и т.д. Яркий пример системной работы вузы продемонстрировали при реализации со студенческим сообществом онлайн-проекта «75 лет Великой Победе» в рамках гражданско-патриотического воспитания. Тем не менее стоит отметить, что применение только дистанционного формата по рассмотренным направлениям воспитательной работы и работы с молодежью – скорее временная мера, так как онлайн формат значительно ограничивает доступ к инфраструктуре вуза, объектам культурного наследия, а также сужает возможности применения педагогических методов и технологий.

Направления, которые представлены в табл. 2 во втором столбце, в дистанционном формате реализуются сложно, и говорить о формировании ценностей и заданных компетенций в онлайн не представляется возможным.

Содействие межкультурному, межнациональному и межконфессиональному диалогу, развитие студенческого международного сотрудничества не реализуются в полном объеме из-за отсутствия офлайн-коммуникаций. Полностью меняется система коммуникаций, механизмы и содержание взаимодействия. Невозможно организовать работу бабди-волонтеров, межличностное общение и групповое общение искажается, уменьшается объем и снижается качество невербального общения, свое влияние оказывают шум и искажения во время онлайн-коммуникации и т.д.

Физическое воспитание и формирование ценностей здорового образа жизни осложнено из-за отсутствия доступа к спортивной инфраструктуре. В ву-

зах шли онлайн ЗОЖ-проекты, онлайн индивидуальные и групповые тренировки, но это не позволяет воспроизвести необходимую среду для полноценных занятий спортом и физической культурой, соревновательной деятельности. Студенческий спорт переживал значительные деструктивные изменения.

Таблица 2

Основные направления воспитательной работы в вузе

Направления, реализуемые в дистанционном формате	Направления, сложно реализуемые в дистанционном формате
<ul style="list-style-type: none"> • Гражданско-патриотическое воспитание обучающихся, формирование российской идентичности, единства российской нации, приобщение к основам отечественной культуры и истории • Правовое воспитание обучающихся, профилактика правонарушений • Духовно-нравственное воспитание обучающихся • Популяризация культуры безопасности в молодежной среде: социальная, экономическая, информационная, экологическая и другая безопасность • Научно-исследовательская деятельность студентов • Формирование единой информационной среды институтского и университетского сообщества, студенческое медиа 	<ul style="list-style-type: none"> • Содействие межкультурному, межнациональному и межконфессиональному диалогу, развитие студенческого международного сотрудничества • Физическое воспитание и формирование ценностей здорового образа жизни • Эстетическое воспитание обучающихся, развитие творческого потенциала • Проектная и предпринимательская деятельность: социальные лифты для талантливой молодежи • Развитие молодежного самоуправления, формирование студенческого актива • Создание условий для конструктивной студенческой самоорганизации • Вовлечение студентов в профориентационную деятельность, поддержание профессиональных традиций и культивирование приверженности студенчества к осваиваемой профессии • Обеспечение условий адаптации студентов-первокурсников к вузовской жизни

Эстетическое воспитание обучающихся, развитие творческого потенциала затруднялось отсутствием доступа к «творческой» инфраструктуре вуза: студенческим клубам и студенческим театрам, музеям, выставкам и т.д., а также к учреждениям культуры и искусства. Процесс эстетического воспитания – многофакторный процесс, который полностью невозможен в онлайн-формате. Вузы вели онлайн-тренировки вокальных и хореографических коллективов и объединений, записывали свои работы и участвовали в региональных и всероссийских конкурсах, но это скорее была работа по спасению ситуации.

Реализация проектной и предпринимательской деятельности (социальные лифты для талантливой

Таблица 3

**Методы и технологии реализации
воспитательной работы и работы с молодежью**

Методы и технологии, применимые в дистанционном формате	Традиционные методы и технологии, не применимые в дистанционном формате
<ul style="list-style-type: none"> • Модульные технологии • Проектные технологии • Организационно-деятельностные игры • Технологии модерации • Личностно-индивидуальные технологии развития 	<ul style="list-style-type: none"> • Массовые и групповые методы и технологии (шествия, акции, фестивали) • Соревновательные методы в творчестве и спорте • Тренинги • Выездные форумы, профильные смены • Концерты, спектакли, выставки • Экспедиции, туристические походы, экологические акции

молодежи), ориентированной на формирование у студентов компетенций самостоятельного ведения бизнеса и воплощения предпринимательских проектов, также осложнялась, так как не все партнеры вузов (организации и предприятия) были готовы работать в онлайн-формате со студентами.

Направление деятельности – развитие молодежного самоуправления, формирование студенческого актива, конструктивные формы самоорганизации – реализовывалось, но скорее как сохранение объединений в ковидный период через онлайн-проекты. Сделать это удалось, но полноценная работа в дистанционном формате в данном направлении невозможна из-за разнообразия видов и форм деятельности студенческих организаций и сообществ, предполагающих офлайн-взаимодействие, групповые и массовые технологии и методы.

Дистанционный формат ограничил и возможности адаптации студентов-первокурсников к вузовской жизни, что является одним из важных направлений работы со студенческой молодежью.

Методы и технологии организации воспитательного процесса и работы с молодежью. При организации воспитания во внеучебное время и работы с молодежью в вузе часть определенных методическими рекомендациями технологий возможны в применении. Они представлены в первом столбце табл. 3. Это и модульные, и проектные технологии, и технологии модерации, организационно-деятельностные игры. Реализация таких только в формате онлайн обедняет работу с молодежью, исключая эффект присутствия и эффект полного погружения в моделируемую и реальную социальную среду, прямым образом влияя на результат. А так полюбившиеся молодежи и эффективные в работе с ней выездные форумы и профильные смены, семинары глубокого погружения, хакатоны в онлайн-формате невозможны.

Во втором столбце табл. 3 представлены технологии, которые не реализуются в онлайн-формате, хотя являются не менее важными во внеучебной работе и работе с молодежью, позволяющими эффективно организовать процесс формирования заданных нормативно и методически компетенций и культивирования ценностей.

Переход вузов в дистанционный формат полностью изменил условия их функционирования, условия жизнедеятельности субъектов образовательного процесса и социализации обучающихся, специфику социокультурного пространства вуза, что повлияло на организацию воспитания и работы с молодежью.

Заданные государством и нормативно-методически закрепленные условия реализации воспитания в высшей школе, основные направления воспитания и работы с молодежью, методы и технологии не представляется возможным воспроизвести в полном объеме. Дистанционный формат в рассматриваемой сфере может быть применен как временная мера, что и было осуществлено в ковидный период. Для дальнейшего развития организации воспитания в онлайн-формате полезными могут быть следующие рекомендации:

– условия реализации воспитания и работы с молодежью в дистанционном формате должны быть пересмотрены, актуализированы с учетом как отрицательного, так и положительного опыта, нормативно и методически закреплены;

– целевые установки воспитательной работы в дистанционном формате должны быть скорректированы, так как заданные компетенции будущих выпускников сложно формируются в онлайн.

Список источников

1. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности / И.А. Алешковский [и др.] // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 10. С. 86–100.
2. Бурганова Л.А., Юрьева О.В. Готовность вузовских преподавателей к работе в цифровой образовательной среде: компетентностный подход // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 2. Социология. С. 67–71.
3. Зеер Э.Ф., Ломовцева Н.В., Третьякова В.С. Готовность преподавателей вуза к онлайн-образованию: цифровая компетентность, опыт исследования // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 26–39.
4. Методические рекомендации по разработке Рабочей программы воспитания и Календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования (2021 г.). URL: //https://minobrnauki.gov.ru (дата обращения: 13.09.2022).
5. Рудаков В.Н. Различия в положении профессорско-преподавательского состава вузов по возрастным группам // Мониторинг экономики. 2020. Вып. № 13.

6. Студенты назвали основные проблемы онлайн-обучения. URL: [//https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41](https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41) (дата обращения: 13.09.2022).

7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : федеральный закон № 304-ФЗ от 31.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.09.2022).

8. Об образовании в РФ : федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.09.2022).

References

1. Students of Russian universities about distance learning: assessment and opportunities / Aleshkovsky I.A. et al. // Higher education in Russia. 2020. V. 29. No. 10. S. 86–100. (In Russ.).

2. Burganova L.A., Yurieva O.V. The readiness of university teachers to work in a digital educational environment: a competency-based approach // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2021. No. 2, Sociology. S.67–71. (In Russ.).

3. Zeer E.F., Lomovtseva N.V., Tretyakova V.S. Readiness of university teachers for online education: digital competence, research experience // Pedagogical education in Russia. 2020. No. 3 P. 26–39. (In Russ.).

4. Guidelines for the development of the Work Program for Education and the Calendar Plan for the Educational Work of an Educational Organization of Higher Education (2021). URL: [//https://minobrnauki.gov.ru](https://minobrnauki.gov.ru) (accessed: 13.09.2022). (In Russ.).

5. Rudakov, V.N. Differences in the position of the teaching staff of universities by age groups // Monitoring of the economy. 2020. Issue No. 13. (In Russ.).

6. Students named the main problems of online learning. URL: [//https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41](https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41) (accessed: 13.09.2022). (In Russ.).

7. Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" on the Education of Students" dated July 31, 2020 N 304-FZ. (In Russ.).

8. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012 No. 273-FZ (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.А. Тюрина – доктор социологических наук, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление».

Information about the author

Y.A. Tyurina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of State and Municipal Management.

Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.
The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья
УДК 378.046.4
doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-173-179

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Татьяна Валентиновна Тулупьева¹, Анатолий Алексеевич Лихтин²

¹Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, tulupeva-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3630-7971>

²Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, likhtin-aa@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются новые тренды в системе профессионального образования, к которым относятся: переход к личностно-ориентированному обучению, растущее внимание к измерению уровня освоения компетенций, активная цифровизация учебного процесса, использование онлайн-платформ, дистанционного обучения, непрерывное обучение в течение всей жизни. Обосновывается, что для актуализации или передачи знаний необходимо использовать дистанционные технологии, а для формирования навыков – метод проектной деятельности и компьютерные симуляторы. Статья предназначена специалистам и преподавателям, работающим в сфере дополнительного профессионального образования, и руководителям в системе государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: цифровые технологии, дистанционное обучение, компьютерная симуляция, метод проектов

Благодарности: работа выполнена в рамках проекта по государственному заданию СПб ФИЦ РАН СПИИРАН № FFZF-2022-0003; при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-07-00839.

Original article

OPPORTUNITIES OF DIGITAL EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF PUBLIC ADMINISTRATORS TRAINING

Tatiana V. Tulupyeva¹, Anatoly A. Likhtin²

¹North-West Institute of Management – Branch of RANEPa, Saint Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, tulupeva-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3630-7971>

²North-West Institute of Management – Branch of RANEPa, Saint Petersburg, Russia, likhtin-aa@ranepa.ru

Abstract. The paper discusses new trends in the vocational education system, which include: the transition to student-oriented learning, growing attention to measuring the level of mastering competencies, active digitalization of the educational process, the use of online platforms, distance learning, continuous learning. The aim of this article is to analyze the opportunities of new educational technologies, in particular digital ones, in the system of public administrators' training. The paper substantiates that it is necessary to use remote technologies for updating or transferring knowledge, and to apply the method of project activity and computer simulators for the formation of skills. The paper will be of interest to specialists in the field of additional professional education and leaders in the system of state and municipal administration.

Keywords: digital technologies, distance learning, computer simulation, project method

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the project under the state assignment of SPC RAS SPIIRAS no. FFZF-2022-0003; with the financial support of the RFBR, project no. 20-07-00839.

Обеспечение благополучного функционирования любого государства невозможно без продуманной, сбалансированной, высокотехнологичной системы образования. Только граждане, обладающие современными знаниями, умениями и навыками, стремящиеся к непрерывному саморазвитию, осваивающие и применяющие современные методы и технологии в производственном процессе, способны эффективно обеспечивать работоспособность и развитие различных социально-экономических и производственных сфер.

В ответ на быстрые изменения в технологиях и общественных процессах рынок труда сегодня находится в динамике, новые профессии появляются, требования к существующим профессиям усложняются, ряд профессий становятся невостребованными, уровень конкурентоспособности современной организации и экономики в целом все в большей степени определяется подготовленностью и качеством профессиональных кадров [17]. Высшая школа, которая обеспечивает подготовку высококвалифицированных кадров, должна быстро реагировать на эти запросы.

В ответ на изменения и требования времени появляются современные тренды развития образования. Первым можно выделить переосмысление роли образования и переориентацию технологий работы высшей школы на переход к личностно-ориентированному обучению [5]. В системе дополнительного профессионального образования, при повышении квалификации специалистов, уже имеющих опыт практической деятельности, это становится особенно актуальным. Также происходит переориентация на заказчика образовательного результата, согласование с ним передаваемого объема знаний и уровня, формируемых компетенций. В системе повышения квалификации заказчик и образовательное учреждение находятся в тесном сотрудничестве для согласования конечного ожидаемого результата. Второй тренд, логично вытекающий из первого, – это растущее внимание к измерению уровня освоения компетенций. Сам по себе вопрос объема усвоенных знаний достаточно сложен для разработки оценочного инструментария, а уровень компетенции, предполагающий еще и практическую составляющую, требует особого подхода к процедурам измерения. Здесь на помощь приходят цифровые технологии, позволяющие создать условия для оценки знаний и различного рода проекты, кейсы, симуляторы, которые обеспечивают оценку практического компонента компетенции. Соответственно третий тренд подразумевает активную цифровизацию учебного процесса, использование онлайн-платформ, возможностей дистанционного обучения. Это также позволяет реализовывать возможности индивидуализации обучения, создание индивидуальной образовательной траектории, учитывающей особенности обучающегося, возможности высшего учебного заведения и потребности заказчика [5]. Четвертый тренд представляет собой непрерывное обучение в течение всей жизни. Быстрые изменения в обществе в мире приводят к тому, что специалисту, профессионалу нужно постоянно обновлять свои знания. Программы повышения квалификации различной продолжительности, профессиональной переподготовки, дополнительного профессионального образования призваны решать эту задачу, обеспечивая возможность специалисту с любым опытом работы повысить свой профессиональный уровень.

Перечисленные тренды формируют новую образовательную реальность, в которой:

- вуз рассматривается теперь как новое образовательное пространство, которое является средой притяжения и развития высококвалифицированных кадров, лидеров изменений через индивидуализацию образования [17];

- меняется и содержание обучения, разрабатываются новые стандарты по формированию у обучающихся общекультурных и «мягких» компетенций, а не только узкопрофессиональных навыков,

поскольку растет доля проектно-командной деятельности на производстве, в бизнесе, в государственном управлении;

- корректируется под влиянием видения работодателя компетентностная модель выпускника, актуальный спектр учебных дисциплин;

- все больше смещается акцент в сторону практико-ориентированного обучения и обучения, построенного на лучших практиках;

- развитие профессиональных онлайн-сообществ, применение дистанционных технологий коммуникации приводит к активному обмену опытом между преподавателями;

- развитие информационных технологий и облегчение доступа к информации разного объема и уровня приводят к тому, что преподаватель сейчас не является единственным источником знаний, поэтому основной задачей работы с обучающимися перестала быть передача знаний. Сейчас задача преподавателя состоит в том, чтобы сформировать навыки эффективного поиска нужной информации, критической оценки найденной информации, умения воспользоваться этой информацией для решений задач. Другими словами, роль преподавателя трансформируется из «дающего, проверяющего и контролирующего» в помогающего приобрести «hard» и «soft» умения и навыки для успешного будущего [14];

- внедряются системы индивидуального сопровождения, тьюторства обучающегося в учебном процессе, расширяется спектр образовательных траекторий.

Цель данной статьи – проанализировать возможности применения новых образовательных технологий, в частности цифровых, в системе обучения действующих государственных и муниципальных служащих.

Обучение государственных гражданских служащих

Тренд на непрерывное образование предъявляет особые требования к организации обучения взрослых. Теперь это является необходимостью, вызванной быстрым устареванием знаний, поскольку нормативно-правовая база постоянно обновляется, новые технологии появляются или усложняются, направления деятельности развиваются, требования к качеству оказания услуг повышаются [8]. Это затрагивает и сферу государственного и муниципального управления. В условиях непрерывных изменений в обществе без развития имеющихся компетенций и формирования новых, без знания о новой специфике социума государственный служащий может попасть в ситуацию, в которой не сможет правильно сориентироваться, принять взвешенное и осознанное решение, а это может привести к росту социальных проблем. А специфика деятельности государственного гражданского и муниципального служащего состоит в том, чтобы принимать решения в условиях постоянных изме-

нений, интенсивность работы современных государственных служащих за последние годы возросла в 2,5 раза [10]. А значит, государственному и муниципальному служащему необходимо понимание процессов, знание теории управления, теории и истории государства, понимание специфики и проблем научно-технического прогресса, знание нормативной базы, работа с большими данными [3]. В этом контексте организация эффективной системы развития профессионального мастерства государственных и муниципальных служащих становится исключительно важной задачей [12]. Вместе с тем внедрение современных принципов и технологий в сфере государственного и муниципального управления, как показывает практика, является сложным и длительным процессом. И именно правильный подход к повышению квалификации может ускорить этот процесс [19].

Обучение действующих государственных и муниципальных служащих имеет ряд особенностей. Учитывая специфику этой отрасли, программа повышения квалификации или профессиональной переподготовки должна включать в себя несколько частей.

1. Освоение знаний о законодательной базе, регулирующей государственную службу на современном этапе, знаний о структуре государственной службы и вызовах, которые государственные служащие призваны решать.

2. Комплексное обновление знаний по ряду актуальных вопросов в сфере профессиональной служебной деятельности государственного и муниципального служащего.

3. Развитие и формирование востребованных на настоящем этапе с учетом специфики профессиональной деятельности компетенций. Диапазон актуальных компетенций растет, к ним относятся, в частности, такие: способность анализировать процессы и явления, в том числе работать с большими данными; способность применять информационно-коммуникативные технологии в профессиональной деятельности: способность применять современные социальные технологии в организации процессов взаимодействия и управления, способность понимать риски применения тех или иных технологий.

При анализе составных частей программ обучения государственных служащих с учетом специфики их работы становится очевидным, что для организации процесса передачи знаний и формирования компетенций нужно активно применять современные педагогические методы с использованием информационно-коммуникативных технологий. Для актуализации или передачи знаний необходимо использовать дистанционные технологии, а для формирования навыков достижения проектного подхода – и цифровые симуляторы. То есть необходимо активизировать использование цифровых образовательных технологий в процессе обучения государственных и муниципальных служащих.

Цифровые технологии дистанционного обучения

Дистанционное обучение всё более активно входит в образовательный процесс. Но необходимо ясно определить, что мы понимаем под дистанционным обучением. Если посмотреть многочисленные публикации последнего времени, то можно увидеть ряд определений дистанционного обучения [16], которые приравнивают дистанционное обучение к использованию электронных каналов передачи и получения информации. Так, А.А. Лобастов и В.А. Ткаченко считают дистанционное образование «порождением новых электронных технологий» и под ним понимают «образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-коммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [12]. В.Л. Шатуновский, Е.А. Шатуновская определяют дистанционное обучение как процесс, при котором «взаимодействие учащегося и преподавателя осуществляется через электронные каналы передачи и получения информации (Интернет, электронная почта), т.е. без непосредственного контакта между ними» [22]. И ряд других исследователей придерживаются этого же мнения. Но сам термин «дистанционное обучение» возник задолго до развития электронных технологий обмена информацией, в 1892 г. он впервые использовался в каталоге заочных корреспондентских курсов [15]. А сами корреспондентские школы появились и еще раньше, в 1728 г., когда Калеб Филипс через объявление в бостонской газете набирал студентов для изучения стенографии в любой точке страны путем обмена письмами [15]. В современной терминологии это были асинхронные формы дистанционного обучения, которые не требуют для передачи информации совпадения преподавателя и обучающегося в одно и то же время. Следующей вехой в развитии дистанционного обучения явилось изобретение радио. В 20-е гг. XX в. такой формат дистанционного обучения активно развивался. Благодаря развитию радиовещания появляются и внедряются в процесс синхронные формы дистанционного обучения. В 50-е гг. XX в. дистанционное обучение получило новый импульс развития в связи с распространением телевизионного вещания. В 60-е гг. XX в. дистанционное образование получило широкое признание и при поддержке ЮНЕСКО стало активно развиваться [15]. С изобретением компьютеров и Интернета человечество сделало еще один большой шаг в сторону развития дистанционного образования.

Очень краткий экскурс в историю показывает, что дистанционное обучение не является достижением последних лет и возникло задолго до развития электронных средств передачи информации. И в этом контексте дистанционное обучение – это комплексное обучение, которое базируется на ис-

пользовании различных традиционных и новых информационных технологий и их технических средств обмена информацией. Эти технологии и средства позволяют доставить учебный материал, создают условия для самостоятельного изучения материала, помогают организовать диалог между преподавателем и обучающимся. В.Н. Шелудько, В.А. Тупик, Н.В. Лысенко в своей работе говорят о том, что основной характерной чертой является то, что процесс обучения не критичен к расположению преподавателя и обучающегося в пространстве и во времени, а также к конкретному образовательному учреждению [23]. Некритичность к пространственному расположению является основной особенностью дистанционного образования. Но не критичность к расположению во времени характерна для асинхронного дистанционного образования, а форма синхронного дистанционного обучения требует совпадения по времени преподавателя и обучающегося.

Отдавая дань истории, сейчас мы, говоря о дистанционном обучении, все же подразумеваем преимущественно информационно-компьютерные средства обмена информацией. К ним можно отнести:

- системы обмена сообщениями (мессенджеры, электронная почта);
- системы видеоконференцсвязи (MSTeams, Zoom, GoogleMeet);
- системы совместной работы над документами (GoogleDocs, MSTeams, Miro);
- LMS (Learning Management System) или систему управления обучением.

Дистанционное обучение имеет ряд преимуществ при обучении государственных и муниципальных служащих [6; 13].

• **Экономическая выгода** [12]. Для обучающихся это возможность экономии затрат на транспортные и иные сопутствующие расходы. Однако следует сразу оговориться, что дистанционное обучение требует хорошей компьютерной техники, что может быть затратно для обучающихся. Если мы говорим про вузы, то вынужденный переход на дистанционное обучение в условиях пандемии COVID-19 показал увеличение расходов вузов [11]. С существенно возросшими расходами в данный период столкнулись до 40 % университетов России [2].

• **Экономия времени.** При дистанционном обучении минимизируются временные затраты на транспорт, есть возможность быстрого доступа. Однако следует отметить, что подготовка образовательного контента для дистанционных занятий и онлайн-курсов требует от преподавателя больше времени на подготовку. Опыт вынужденного перехода на дистанционное обучение в период последней пандемии очень ярко это продемонстрировал [2; 11].

• **Доступность образовательной услуги.** Современные асинхронные дистанционные технологии предоставляют возможность изучать материал,

работать с образовательным контентом в любом месте и в любое время через глобальную сеть. Также появляется доступ ко множеству образовательных ресурсов, баз данных, методических пособий, учебных материалов. Более того, дистанционные технологии обеспечивают возможность обучаться одновременно по нескольким образовательным программам, а также осуществлять процесс обучения без отрыва от рабочего места.

• **Гибкость и индивидуализация процесса обучения.** Дистанционные образовательные технологии дают возможность каждому обучающемуся создать индивидуальную образовательную траекторию, подобрать преподавателей, обладающих глубокой экспертизой в рассматриваемой тематике без привязки к их месту пребывания. Также разбивка учебного материала на отдельные блоки или модули позволяет сочетать модули под запросы и потребности заказчика или отдельного обучающегося. Дистанционное обучение с использованием современных информационно-коммуникативных технологий, сети Интернет позволяет быстро актуализировать образовательный контент.

Необходимо осознавать и отрицательные моменты дистанционного образования, чтобы нейтрализовать их в учебном процессе [6; 9].

• **Отсутствие или недостаточность непосредственного контакта между преподавателем и обучающимся.** Это может приводить к несформированности целостного представления о материале, снижению возможности совместного размышления над проблемами и ограниченным возможностям общения. Также преподаватель не всегда может отследить участие и вовлеченность обучающегося в образовательный процесс. Например, при проведении занятия по видеоконференцсвязи без мотивации на получение знаний обучающиеся могут не включать камеры и заниматься посторонними делами.

• **Проблема идентификации обучающегося.** Преподаватель не всегда может проверить, сам ли обучающийся выполнял задания или прибегал к посторонней помощи.

• **Проблема качества контента.** Создание контента для дистанционного обучения требует достаточно много времени и усилий от преподавателя, особенно на стартовом этапе, и требует апробации и корректировки во взаимодействии с обучающимися. Также нужно указать, что не для всех сфер деятельности возможен переход в чисто дистанционный формат обучения. Для сфер деятельности, в которых существенным аспектом является общение с людьми и работа в команде, только дистанционное общение, текстовые материалы, задания, выполняемые на образовательных платформах, не способны полноценно компенсировать необходимые навыки, которые развиваются исключительно при непосредственном, живом общении.

• **Проблема охраны авторских прав.** Многие аспекты защиты авторских прав не регламентированы при дистанционном формате обучения. Необходимо совершенствование законодательства, регламентирующего отношения в сфере электронного обучения.

Цифровые средства в формировании умений

Проблема сложности формирования и развития навыков при дистанционном обучении может быть решена за счет применения компьютерных симуляторов. Под компьютерной симуляцией понимается моделирование при помощи компьютера задач или ситуаций и их решение в учебном процессе. В компьютерной симуляции обучающийся переносится в фиктивную ситуацию, которая полноценно имитирует реальную, с целью получения нового опыта деятельности [4; 7].

Компьютерная симуляция, которая является интерактивной формой обучения, обладает рядом возможностей: создаёт образ реальной деятельности; выступает как виртуальный аналог реального взаимодействия; создает условия для виртуального исполнения социальных ролей или профессиональных функций; служит не только обучающим инструментарием, но еще и оценочным, позволяющим определить эффективность обучения.

Учитывая это, компьютерная симуляция все активнее входит в процессы обучения и отбора персонала. К ней можно отнести компьютерные игры, компьютерные тренажеры. Например, ученые лаборатории теоретических и междисциплинарных проблем информатики Санкт-Петербургского Федерального исследовательского центра Российской академии наук разработали компьютерную игру, которая может повысить уровень личной и корпоративной грамотности сотрудников компаний при обращении с закрытой информацией, а также научить пользователей противостоять различным видам социоинженерных атак [18]. Использование такой игры не только актуализирует знания по правилам обращения с информацией и ее защиты, но и сформирует практические навыки [24]. Вторым примером использования компьютерной симуляции в процессе обучения государственных и муниципальных служащих является проект «Цифровой муниципалитет». «Цифровой муниципалитет» – совместный проект Факультета государственного и муниципального управления под руководством кандидата экономических наук А.А. Лихтина и Проектного офиса Северо-Западного института управления РАНХиГС, целью которого является повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления. В рамках этого проекта разработан Симулятор административно-управленческих процессов местной администрации (муниципалитета), который представляет собой игру, при помощи которой участники могут проверить и улучшить свои знания о деятельности муниципалитета, а также в режиме case-study изучить типичные ситуации, с которыми сталкиваются муниципальные служащие. Симулятор позволяет развить навыки

оценки ситуации, работы с данными, принятия обоснованного управленческого решения.

Серьезным методом формирования общекультурных и профессиональных компетенций, базирующимся на интеграции знаний, умений и навыков, является метод проектной деятельности [20]. В последние годы эффективность метода проектной деятельности инициирует приоритетность системной, методической работы в этом направлении.

Примером активной интеграции цифровых технологий в метод проектной деятельности является программа «Системный подход в управлении регионом», направленная на расширение сообщества управленцев, объединенных общим видением развития, пониманием целей и задач, понятийным аппаратом и методологией через включение муниципальных команд в работу по улучшению инвестиционного климата. Информационные технологии совместной работы предоставили возможность слушателям обмениваться мнениями, консолидировать лучшие региональные практики, укреплять межрегиональное взаимодействие [21]. Программа проводилась в смешанном формате, а именно включала: активные тренинговые форматы, выступления ведущих экспертов, симулятор по управлению регионом, работу над проектами и эффективные онлайн-инструменты [1].

Для организации совместной работы над проектом могут использоваться

- системы обмена сообщениями для оперативного обсуждения вопросов;
- системы видеоконференцсвязи для совместного обсуждения и работы над проектами;
- системы совместной работы над документами;
- система управления обучением для предоставления материалов, размещения заданий и проверки знаний;
- дистанционные формы сбора обратной связи для своевременной корректировки процессов обучения.

Такой комплекс образовательных технологий позволяет сохранить достоинства дистанционного обучения при нейтрализации его недостатков.

Внедрение в процесс обучения государственных и муниципальных служащих образовательных электронных технологий открывает новые возможности по реализации программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Дополнительное профессиональное образование призвано научить слушателей быстро и адекватно отвечать на вызовы, с которыми они встречаются в профессиональной деятельности. А значит, процесс обучения должен быть гибким, легко моделируемым под нужды и потребности заказчика и актуализированным в соответствии с быстрыми изменениями в обществе. Цифровые технологии позволяют отвечать этим запросам и выстраивать эффективный процесс дополнительного профессионального обучения.

Список источников

1. 44 региона начали обучение в РАНХиГС на программе «Системный подход в управлении регионом». URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/11196385> (дата обращения: 02.10.2022).
2. Баранников К.А., Лешуков О.В., Назайкинская О.Л., Суханова Е.А., Фрумин И.Д. Уроки «стресс-теста». Вузы в условиях пандемии и после нее (июнь 2020). Аналитический доклад. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (дата обращения: 18.09.2022).
3. Гусева Л.А., Волкова Н.В. К вопросу об обучении государственных гражданских и муниципальных служащих в Республике Татарстан (исторический аспект) // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 6. С. 60–63.
4. Здор Д.В., Савельева Е.В., Журавлёв Д.М., Лосев А.С. Компьютерная симуляция как метод интерактивного обучения в условиях цифровой трансформации образования // Образование и право. 2022. № 3. С. 198–202.
5. Индивидуальные образовательные траектории в российских вузах // Официальный сайт Минобрнауки России. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21499/> (дата обращения: 03.10.2022).
6. Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий. URL: <https://edmarket.digital> (дата обращения: 27.09.2022).
7. Кадеева О.Е., Донцова А.А. Цифровизация современного образования // Вопросы педагогики. 2022. № 1-1. С. 106–108.
8. Каришина И.Е., Сухоевеева О.И. Особенности обучения взрослых на примере повышения квалификации государственных гражданских служащих // Проблемы и перспективы развития образования в России : сборник материалов XLIX Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 26 мая 2017 г.). Новосибирск : Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2017. С. 116–121.
9. Кликунов Н.Д. Системные риски, порождаемые развитием дистанционного высшего образования в России // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 5-6 (28). С. 78–80.
10. Королева Е.Е., Атифи С.С. Онлайн-обучение государственных гражданских и муниципальных служащих, состоящих в кадровом резерве // Социально-гуманитарные знания как фактор изменений современного общества : материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции (Москва, 3 марта 2020 г.). Москва : Московский педагогический государственный университет, 2020. С. 14–19.
11. Ларионова В.А., Семенова Т.В., Мурзаханова Е.М., Дайнеко Л.В. Экономические аспекты вынужденного перехода на дистанционное обучение, или какую цену заплатили вузы за дистант // Вопросы образования. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-aspekty-vynuzhdenogo-perehoda-na-distantsionnoe-obuchenie-ili-kakuyu-tsenu-zaplatali-vuzy-za-distant> (дата обращения: 18.09.2022).
12. Лобастов А.А., Ткаченко В.А. Дистанционное обучение государственных гражданских служащих: опыт, проблемы и пути их решения // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 1(2). С. 268–270.
13. Малинин Ю.В. Информационные технологии и будущее образования в России // Связь и массовые коммуникации в России : Федеральный справочник. 2010. Т. 8. С. 86–94.
14. Марус Ю.В. Изменение роли преподавателя вуза в современных условиях // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2017. № 2 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-rol-i-prepodavatelya-vuza-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 27.09.2022).
15. Маслакова Е.С. История развития дистанционного обучения в России // Теория и практика образования в современном мире : материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). Санкт-Петербург : Свое издательство, 2015. С. 29–32.
16. Положенцева И.В. Содержание, базовые понятия и научное обоснование дистанционного образования // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 24–32. (Серия: Педагогика).
17. Поспелова Е.С. Новые векторы модернизации университетского образования // Перспективные разработки и прорывные технологии в АПК : сборник материалов национальной научно-практической конференции (Тюмень, 21–23 октября 2020 г.). Тюмень : Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2020. С. 240–244.
18. Российские ученые разработали игру для противостояния кибермошенникам. URL: https://ria.ru/20210803/kibermoshenniki-1744130169.html?utm_source=uxnews. (дата обращения: 02.10.2022).
19. Серажетдинова А.М. Информационно-аналитическая составляющая обучения государственных гражданских служащих в системе ДПО // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 5. С. 358–362.
20. Трищенко Д.А. Опыт проектного обучения: попытка объективного анализа достижений и проблем // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 4. С. 132–152.
21. Управленческие команды из 44 регионов пройдут обучение в РАНХиГС». URL: <https://www.ranepa.ru/news/upravlencheskie-komandy-iz-44-regionov-proyduut-obuchenie-v-rankhigs>. (дата обращения: 02.10.2022).
22. Шатуновский В.Л., Шатуновская Е.А. Ещё раз о дистанционном обучении (организация и обеспечение дистанционного обучения) // Вестник науки и образования. 2020. № 9-1(87). С. 53–56.
23. Шелудько В.Н., Тупик В.А., Лысенко Н.В. Дистанционное обучение: история и перспективы // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2020. Т. 1. С. 3–8.
24. Krylov B., Abramov M., Khlobystova A. Automated player activity analysis for a serious game about social engineering // International Conference on Information Technologies. Springer, Cham, 2020. Vol. 2. P. 587–599.

References

1. 44 regions have started training at the RANEPa on the program "Systemic Approach to Regional Management". URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/11196385> (date of access: 02.10.2022).
2. Barannikov K. A., Leshukov O. V., Nazaikinskaya O. L., Sukhanova E. A., Frumin I. D. (ed.) Lessons of the “stress test”. Universities during and after the pandemic (June 2020). Analytical report. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (date of access: 09/18/2022).

3. Guseva, L. A. On the issue of training state civil and municipal employees in the Republic of Tatarstan (historical aspect) / L.A. Guseva, N. V. Volkova // International Journal of Experimental Education.2012.No. 6.P. 60–63.
4. Zdor D.V., Savelyeva E.V., Zhuravlev D.M., Losev A.S. Computer simulation as a method of interactive learning in the context of digital transformation of education // Education and Law, no. 3, 2022, pp. 198–202.
5. Individual educational trajectories in Russian universities // Official site of the Ministry of Education and Science of Russia . URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21499/> (date of access: 03.10.2022).
6. Research of the Russian market of online education and educational technologies .Electron. Dan.URL: <https://edmarket.digital> (date of access: 09/27/2022).
7. Kadeeva O.E., Dontsova A.A. Digitalization of modern education // Questions of Pedagogy. 2022. No. 1-1.pp. 106–108.
8. Karishina, I. E. Features of adult education on the example of advanced training of civil servants / I. E. Karishina, O. I. Sukhoveeva // Problems and prospects for the development of education in Russia: a collection of materials of the XLIX All-Russian Scientific and Practical Conference, Novosibirsk , May 26, 2017.Novosibirsk: Limited Liability Company "Center for the Development of Scientific Cooperation", 2017.P. 116–121.
9. Klikunov, N. D. Systemic risks generated by the development of distance higher education in Russia / N. D. Klikunov // University management: practice and analysis.2003.No. 5-6 (28). – S. 78–80.
10. Koroleva, E. E. Online training of state civil and municipal employees in the personnel reserve / E. E. Koroleva, S. S. Atifi // Social and humanitarian knowledge as a factor in changes in modern society: materials of the interuniversity student scientific and practical conference, Moscow, March 03, 2020.Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2020.P. 14–19.
11. Larionova V. A., Semenova T. V., Murzakhanova E. M., Daineko L. V. Economic aspects of the forced transition to distance learning, or what price universities paid for distance learning // Educational Issues. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-aspekty-vynuzhdenogo-perehoda-na-distantsionnoe-obuchenie-ili-kakuyu-tsenu-zaplatali-vuzy-za-distant> (date of access: 09/18/2022).
12. Lobastov, A. A. Distance learning of civil servants: experience, problems and ways to solve them / A. A. Lobastov, V. A. Tkachenko // Scientific Yearbook of the Center for Analysis and Forecasting.2018.No. 1(2).S. 268–270.
13. Malinin, Yu. V. Information technologies and the future of education in Russia / Yu. V. Malinin // Federal reference book. Communications and Mass Communications in Russia. 2010.T. 8.C. 86–94.
14. Yulia Vladimirovna Marus Changing the role of a university teacher in modern conditions // Electronic scientific and methodological journal of the Omsk State Agrarian University. 2017. No. 2 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-rolipredpodavatelya-vuza-v-sovremennyh-usloviyah> (date of access: 09/27/2022).
15. Maslakova, E. S. The history of the development of distance learning in Russia / E. S. Maslakova // Theory and practice of education in the modern world: materials of the VIII Intern. scientific conf. (St. Petersburg, December 2015).St. Petersburg: Own publishing house, 2015.pp. 29–32.
16. Polozhentseva I.V. Content, basic concepts and scientific substantiation of distance education // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy. 2016; 3: pp. 24–32.
17. Pospelova, E. S. New vectors of modernization of university education / E. S. Pospelova // Promising developments and breakthrough technologies in the agro-industrial complex: Collection of materials of the national scientific and practical conference, Tyumen, October 21–23, 2020.Tyumen: State Agrarian University of the Northern Trans-Urals, 2020.pp. 240–244.
18. Russian scientists have developed a game to counter cyber scammers. URL: https://ria.ru/20210803/kibermoshenniki-1744130169.html?utm_source=yxnews. (date of access: 02.10.2022).
19. Serazhetdinova, A. M. Information and analytical component of training of civil servants in the system of further education / A. M. Serazhetdinova // Social and humanitarian knowledge.2014.No. 5.pp. 358–362.
20. Trishchenko, D. A. Experience of project-based learning: an attempt at an objective analysis of achievements and problems / D. A. Trishchenko // Education and Science.2018.T . 20.No. 4.pp. 132–152.
21. Management teams from 44 regions will be trained at RANEPА.” URL: <https://www.ranepa.ru/news/upravlencheskie-komandy-iz-44-regionov-proydu-obuchenie-v-rankhigs>. (date of access: 02.10.2022).
22. Shatunovsky, V. L. Once again about distance learning (organization and provision of distance learning) / V. L. Shatunovsky, E. A. Shatunovskaya // Bulletin of Science and Education.2020.No. 9-1(87).pp. 53–56.
23. Sheludko, V. N. Distance learning: history and prospects / V. N. Sheludko, V. A. Tupik, N. V. Lysenko // Modern education: content, technology, quality.2020.Vol. 1.pp. 3–8.

Информация об авторах

Т.В. Тулупьева – кандидат психологических наук, доцент;
А.А. Лихтин – кандидат экономических наук.

Information about the authors

T.V. Tulupyeva – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor;
A.A. Likhtin – Candidate of Science (Economics).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.
The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья

УДК 378.14.015.62

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-180-184

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ СОВМЕСТНОЙ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ИЗ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА И ЭЛЕКТРОТЕХНИКА»

Павел Сергеевич Пинчуков¹, Светлана Игоревна Макашёва²

^{1,2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹ pinchukov-pavel@mail.ru

² smakasheva@gmail.com

Аннотация. В статье выполнен обзор современного положения дел в области китайско-международного взаимодействия в области образования. На примере Дальневосточного государственного университета путей сообщения рассмотрен опыт реализации совместной русско-китайской образовательной программы для студентов-энергетиков, приведены примеры успешного научного творчества китайских студентов за время обучения в России.

Ключевые слова: международное сотрудничество, совместная образовательная программа, электроэнергетика и электротехника

Original article

EXPERIENCE OF IMPLEMENTING THE RUSSIAN-CHINESE EDUCATIONAL PROGRAM "ELECTRIC POWER AND ELECTRICAL ENGINEERING" FOR STUDENTS FROM THE PRC

Pavel S. Pinchukov¹, Svetlana I. Makasheva²

^{1,2}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹ pinchukov-pavel@mail.ru

² smakasheva@gmail.com

Abstract. The paper deals with the Chinese-international education cooperation. The brief overview of structure and current state of international education programs are given. On the example of the Far Eastern State Transport University, the experience of implementing a joint Russian-Chinese educational program for students involved in electric power and electrical engineering education programs is considered. Examples of successful scientific work of Chinese students during their studies in Russia are given.

Keywords: international cooperation, joint educational program, power energy and electrical engineering

Актуальность исследования

Реализация совместных международных образовательных программ высшими учебными заведениями Российской Федерации (РФ) и Китайской Народной Республики (КНР) ведет свою историю с 80-х гг. XX в. и продолжает интенсивно развиваться в XXI в. [1–3].

Правительство КНР с целью повышения уровня общественного благосостояния и уровня знаний населения планомерно проводит политику расширения открытости, стандартизации и содействия развитию китайско-иностранным совместного образования [2]. При этом применяется метод «Хэцзо-баньсюэ» (合作办学), в дословном переводе означающий «совместное управление образовательным процессом», что позволяет организовать на территории КНР образовательный процесс с участием учебных заведений КНР и различных

стран мира [1–4]. Государство поощряет китайско-иностранным образование, которое внедряет высококачественные зарубежные образовательные ресурсы. Успешное развитие этих программ помимо межкультурной и языковой коммуникации позволяет вузам стран-участниц международного взаимодействия использовать передовые идеи и методики в сфере образования, совершенствовать методы обучения, создавать новые учебные материалы и повышать квалификацию преподавателей [1; 2; 4]. Необходимо отметить, что внедрение высококачественных образовательных ресурсов в фактическую работу китайских университетов является наиболее важным фактором, определяющим качество и уровень китайско-иностранным совместного образования.

Целью настоящего исследования является анализ опыта взаимодействия между РФ и КНР на примере реализации одной из образовательных программ в Дальневосточном государственном

университете путей сообщения (ДВГУПС), г. Хабаровск, и поиск направлений по улучшению их качества в современных условиях.

Краткий обзор современного положения дел в области китайско-российского взаимодействия в области образования

В целях содействия внедрению высококачественных образовательных ресурсов и помощи населению Министерством образования по надзору за китайско-иностранным совместным образованием была создана единая информационная платформа, где размещены списки известных зарубежных университетов, специальностей и учебных программ, официально доступных населению КНР [5]. Современное положение дел в области международного сотрудничества КНР в области образования отмечается значительным ростом числа стран-участниц и расширением географии с начала XXI в. Так, в настоящее время среди стран, реализующих совместные образовательные программы с вузами КНР, лидерство принадлежит Соединенным Штатам Америки (США), далее следуют Великобритания, Австралия, Франция [5].

Анализ направлений подготовки совместных образовательных программ России и КНР позволяет заключить, что наиболее популярными направлениями в 2021 г. являлись технические науки, включая транспорт, архитектуру и строительство на которые суммарно приходится более половины всех программ [4; 5]. По уровням подготовки образовательные программы с вузами РФ, утвержденные на уровне Министерства образования КНР, распределились в следующем соотношении: 85,2 % – бакалавриат; 13,5 % – магистратура; 1,3 % – аспирантура [2; 4; 5].

Согласно Списку зарубежных высших учебных заведений [5], утверждённому и одобренному Министерством образования КНР по состоянию на 09.12.2021 г., совместные образовательные проекты реализует 191 российский вуз, из которых 93 вуза заявлены как вузы разнообразных направлений подготовки (综合类) и 98 – как вузы инженерно-технического направления (理工类), среди которых и Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Опыт ДВГУПС

В 2014 г. в Шаньдунском транспортном университете (ШТУ), г. Цзинань, КНР, была начата реализация программы по направлению подготовки бакалавров «Электротехника и автоматика». Реализация программы предполагала двуязычную модель ведения образовательного процесса (китайский и русский языки) при поддержке Электроэнергетического института ДВГУПС.

Совместная образовательная программа, реализуемая ДВГУПС и ШТУ, завершающаяся вручением

диплома китайского университета, является моделью «4+0» [2; 4; 6], что подразумевает обучение студентов КНР по совместной образовательной программе, разработанной вузом КНР в партнерстве с иностранным университетом (в данном случае – с ДВГУПС). Соответственно китайским студентам не нужно покидать страну для получения образования, а преподаватели из иностранного вуза приезжают в КНР для проведения занятий. После успешного освоения программы бакалавриата студенты из КНР по желанию могут продолжить образование по магистерской программе, успешно сдав вступительные экзамены в иностранном вузе-партнере.

По пожеланиям китайской стороны для реализации образовательной программы по направлению подготовки «Электротехника и автоматика» в качестве преподавателей ДВГУПС были приглашены кадры высшей квалификации: кандидаты и доктора наук. В соответствии с Меморандумом о сотрудничестве, подписанным обеими сторонами-участницами образовательного проекта (ШТУ и ДВГУПС), оплата преподавателям за проведение занятий у китайских студентов оплачивалась по более высоким тарифам, чем это было установлено в ДВГУПС, поэтому заинтересованность участия российских преподавателей в проекте была вполне объяснима.

Программа включает в себя следующие этапы подготовки студентов:

- 1) изучение студентами КНР русского языка как профессионального в ШТУ;
- 2) анкетирование студентов на предмет знания русского языка, математики и электротехники;
- 3) изучение студентами в ШТУ специальных дисциплин по профилю подготовки на русском и китайском языках;
- 4) проведение для студентов КНР «Летней школы» в ДВГУПС;
- 5) продолжение изучения специальных дисциплин по профилю подготовки на русском и китайском языках;
- 6) защиту выпускной квалификационной работы на китайском языке в ШТУ;
- 7) вступительные испытания для поступления в магистратуру ДВГУПС;
- 8) обучение в магистратуре ДВГУПС на русском языке.

На первом этапе подготовки по договоренности с ШТУ для повышения качества обучения русскому языку китайских студентов были привлечены русские преподаватели, которые помимо языковой подготовки проводили различные образовательно-культурные мероприятия: спортивные игры, конкурсы песни и танца, кружки и факультативы для более широкого ознакомления студентов с литературой, музыкой, традициями и историей РФ. Такое неформальное общение представителей двух стран

во внеучебное время позволило повысить интерес китайских студентов к русской культуре и мотивировать на изучение языка.

Важным этапом стало анкетирование студентов младших курсов на знание не только русского языка, но и двух базовых дисциплин – математики и электротехники, которые в дальнейшем необходимы для успешного освоения специальных дисциплин по профилю «Электроэнергетика и электротехника». Параллельно проводилось чтение специальных дисциплин на русском языке преподавателями ДВГУПС, выезжающими в ШТУ. Была разработана схема обучения, при которой 2–3 специальные дисциплины преподавались в короткий период времени, когда преподаватель ДВГУПС выезжал в ШТУ, по аналогии с блочно-модульной системой [7; 8].

Такой учебный формат несколько отличался от известного в учебной практике блочного или модульного типа, при котором определённая дисциплина изучается в течение отдельного временного периода – модуля, а итоговая аттестация по этой дисциплине проходит сразу по окончании модуля. Обычно при модульной системе за один временной период изучается только одна дисциплина. Но в нашем случае формат обучения был несколько иным.

Специфика состояла в том, что преподаватели ДВГУПС выезжали в ШТУ для проведения занятий, как правило, на 2–3 недели. В этот период для студентов проводились занятия по определенной дисциплине (лекции, практические и/или лабораторные занятия, выполнялись отчетные виды работ – курсовые или контрольные), и в заключение – экзамен или зачет в соответствии с установленным учебным планом. Таким образом, требуемый в соответствии с учебным планом объём часов по дисциплине распределялся не на целый семестр, как обычно, а на более сжатый срок. Чтобы уместить в расписание учебных занятий такой модуль, ШТУ нужно было скорректировать привычное расписание таким образом, чтобы отложить часть занятий, проводимых преподавателями с китайской стороны, а освободившееся время предоставить приехавшим российским преподавателям.

Среди преимуществ совместной международной программы участники указали повышение мотивации и степени самостоятельности студентов, вовлеченности в процесс обучения, концентрации внимания. Сосредоточенность преподавателей только на одной-двух дисциплинах в относительно короткий период тоже сыграла положительную роль в процессе преподавания.

Следующим этапом нашей международной программы в период каникул стала «Летняя школа» в ДВГУПС для студентов из КНР. Приезжающие на срок от 1 до 1,5 месяцев студенты КНР размеща-

лись в общежитиях ДВГУПС, свободных от российских студентов в это время года. В этот период ребята изучали две специальные дисциплины «Техника высоких напряжений», «Электрическая часть станций и подстанций», в учебный план которых входили лабораторные и практические занятия. В ШТУ такие специализированные и высокотехнологичные лаборатории отсутствуют, поэтому занятия решено было проводить на базе ДВГУПС. Помимо перечисленных учебных занятий для студентов были организованы курсы языковой подготовки, культурно-досуговые мероприятия, практико-ориентированные экскурсии (рис. 1).

Вполне естественным результатом у студентов КНР стало повышение интереса к обучению и к России в целом.

По возвращении в КНР студенты продолжили изучение специальных дисциплин по профилю подготовки на русском и китайском языках. На последнем году обучения по программе бакалавриата они защитили выпускные квалификационные работы на китайском языке в ШТУ.

Выпускники ШТУ, желающие продолжить обучение в РФ по программе магистратуры, держали вступительные испытания на общих основаниях. Успешно сдавшие вступительные экзамены зачислялись на очную форму обучения ЭЛЭИ ДВГУПС (рис. 2). Обучение в магистратуре ДВГУПС проводилось на русском языке, научное руководство осуществляли кадры высшей квалификации.

Студенты из КНР смогли повысить свой уровень знаний, занимаясь в студенческом научном кружке (СНК) вместе с российскими студентами, а также попробовать свои силы в научной работе, результатом которой стали доклады на всероссийских и международных конференциях, публикации результатов научных исследований в российских журналах и изобретательская деятельность. К примеру, только за два последних года результатами научного сотрудничества студентов КНР и преподавателей ДВГУПС в рамках СНК "La Resistance" стали получение двух свидетельств о регистрации программ для ЭВМ [9; 10], 7 выступлений на всероссийских научных мероприятиях с международным участием, опубликование более 10 научных работ в изданиях уровня РИНЦ, участие в региональных и всероссийских конкурсах выпускных квалификационных работ по направлению подготовки «Электроэнергетика и электротехника».

Результатом такой интенсивной и плодотворной совместной работы преподавателей и студентов заслуженно стала победа магистра Чжана Синь в Дальневосточном региональном конкурсе ВКР, проводимом в Дальневосточном федеральном университете (г. Владивосток) в 2021 г. В 2022 г. в этом же конкурсе выпускная работа магистра Чжана Икая заняла почетное второе место.

Рис. 1. Участники «Летней школы» ШТУ и преподаватели ДВГУПС во время экскурсии на учебной подстанции

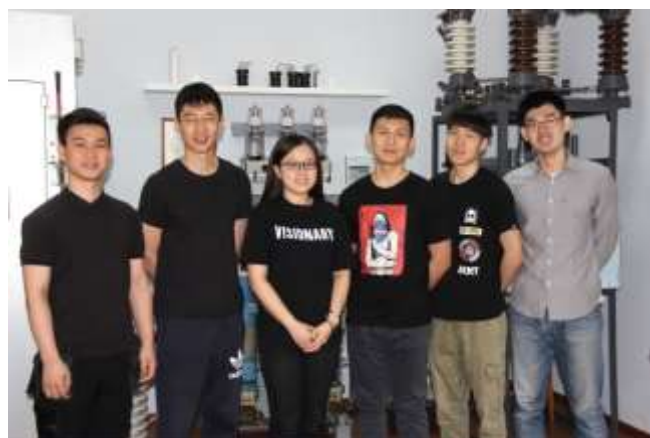

Рис. 2. Магистранты из КНР в лаборатории «Электрическая часть станций и подстанций» Электроэнергетического института ДВГУПС

Заключение

Таким образом, рассмотрев состояние дел в области российско-китайских образовательных программ и положительный пример реализации такой программы в ШТУ–ДВГУПС, можно отметить, что усилия наших стран, несомненно, приносят обоюдную пользу как в свете научно-образовательного,

так и межкультурного сотрудничества. В современном мире успешная работа как студентов, так и преподавателей обеих стран в международных образовательных программах свидетельствует о пользе межнационального образовательного обмена и ярко подчеркивает неоспоримую истину, что образование не имеет границ.

Список источников

1. Ло В., Болотова Е.Л. Организационные условия управления совместными образовательными программами в Московском институте искусств // Шамовские педагогические чтения научной школы Управления образовательными системами : сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Москва : Международная академия наук педагогического образования, 2021. С. 528–531.
2. Медяник Е.И. Развитие совместных образовательных программ Китая с иностранными государствами: опыт и современность // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 2, № 2(64). С. 160–174.
3. Положение о совместном управлении образованием для учебных заведений Китайской Народной Республики и иностранного государства URL: <http://jsj.moe.gov.cn/n2/1/1002/52.shtml> (дата обращения: 17.09.2022).
4. Васильева К.В. Учебное пособие по языку специальности «Дизайн» для китайских студентов совместного инженерного института: концепция, структура, содержание // Преподаватель XXI век. 2021. № 4. Ч. 1. С. 158–170.

5. Information Platform on Supervision of Educational Institutions of the Ministry of Education of the People's Republic of China. List of Foreign Higher Educational Institutions. The Russian Federation. URL: <http://jsj.moe.gov.cn/n1/12044.shtml> (accessed: 17.09.2022).

6. Chinese-Foreign Cooperation in Running Schools // Официальный сайт Министерства образования Китайской Народной Республики URL: <http://www.crs.jsj.edu.cn> (accessed: 17.09.2022).

7. Харитонов Е.Г. Реализация блочно-модульной системы обучения в высшем образовании // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАИТ). 2020. № 1(1). С. 93–104.

8. Нарциссов С.Ю., Киселева А.И., Шкляр Т.Л. Формирование и современное состояние высшего образования. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Академия МНЭПУ, 2022. 248 с.

9. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2021614932 Российская Федерация. Расчет напряжения линий электропередач 6–35 кВ с учётом применения компенсирующих устройств: № 2021613909 : заявл. 23.03.2021 : опубл. 31.03.2021 / С.И. Макашѣва, И. Чжан, С. Чжан; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (ДВГУПС).

10. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2020616980 Российская Федерация. Расчет электромагнитной среды линии электропередачи высокого напряжения: № 2020614354 : заявл. 26.03.2020 : опубл. 30.06.2020 / С.И. Макашѣва, С. Чжан; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (ДВГУПС).

References

1. Lo V., Bolotova E. L. Organizacionnye usloviya upravleniya sovmestnymi obrazovatel'nymi programmami v Moskovskom institute iskusstv [Organizational conditions for managing joint educational programs at the Moscow Institute of Arts] // *SHamovskie pedagogicheskie chteniya nauchnoj shkoly Upravleniya obrazovatel'nymi sistemami: Sbornik statej XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h chastyah*. Moskva: Mezhdunarodnaya akademiya nauk pedagogicheskogo obrazovaniya. 2021. p. 528–531. (in Russian).

2. Medyanik E. I. Razvitie sovmestnyh obrazovatel'nyh programm Kitaya s inostrannymi gosudarstvami: opyt i sovremennost' [Development of joint educational programs of China with foreign countries: experience and modernity] // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2019. T. 2. no. 2(64). p. 160–174. (in Russian).

3. Polozhenie o sovmestnom upravlenii obrazovaniem dlya uchebnyh zavedenij Kitajskoj Narodnoj Respubliki i inostrannogo gosudarstva [Regulations on the joint management of education for educational institutions of the People's Republic of China and a foreign country] URL:<http://jsj.moe.gov.cn/n2/1/1002/52.shtml> (in Chinese).

4. Vasil'eva K. V. Uchebnoe posobie po yazyku special'nosti «Dizajn» dlya kitajskih studentov sovmestnogo inzhenerного института: koncepciya, struktura, sodержanie [Textbook on the language of the specialty "Design" for Chinese students of the joint engineering institute: concept, structure, content] // *Prepodavatel' XXI vek*. 2021. no. 4. Chast' 1. p. 158–170. (in Russian).

5. Information Platform on Supervision of Educational Institutions of the Ministry of Education of the People's Republic of China. List of Foreign Higher Educational Institutions. The Russian Federation. URL:<http://jsj.moe.gov.cn/n1/12044.shtml>

6. Chinese-Foreign Cooperation in Running Schools // *Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China*. Available at: <http://www.crs.jsj.edu.cn>

7. Haritonova E. G. Realizaciya blochno-modul'noj sistemy obucheniya v vysshem obrazovanii [Implementation of a block-modular system of education in higher education] // *Innovacionnaya nauchnaya sovremennaya akademicheskaya issledovatel'skaya traektoriya (INSAIT)*. 2020. no. 1(1). p. 93–104. (in Russian).

8. Narcissov, S. Yu., Kiseleva A. I., Shklyar T. L. Formirovanie i sovremennoe sostoyanie vysshego obrazovaniya. [Formation and current state of higher education] // *2-e izdanie pererabotannoe i dopolnennoe*. Moskva : Akademiya MNEPU. 2022. 248 p. (in Russian).

9. Makasheva S. I., Chzhan I., Chzhan S. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlya EVM № 2021614932 Rossijskaya Federaciya. Raschet napryazheniya linij elektroperedach 6–35 kV s uchyotom primeneniya kompensiruyushchih ustrojstv: no. 2021613909 : zayavl. 23.03.2021 : opubl. 31.03.2021 [Certificate of state registration of the computer program No. 2021614932 Russian Federation. Calculation of the voltage of power lines 6–35 kV, taking into account the use of compensating devices] / zayavitel' Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya» (DVGUPS) (in Russian).

10. Makasheva S. I., Chzhan S. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlya EVM № 2020616980 Rossijskaya Federaciya. Raschet elektromagnitnoj sredy linii elektroperedachi vysokogo napryazheniya: № 2020614354 : zayavl. 26.03.2020 : opubl. 30.06.2020 [Certificate of state registration of the computer program. Calculation of the electromagnetic environment of a high voltage power line] / zayavitel' Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya» (DVGUPS). (in Russian).

Информация об авторах

П.С. Пинчуков – кандидат технических наук, доцент кафедры «Системы электроснабжения»;
С.И. Макашева – кандидат технических наук, доцент кафедры «Системы электроснабжения».

Information about the authors

P.S. Pinchukov – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Power Supply Department;
S.I. Makasheva – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Power Supply Department.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.
The article was submitted 05.10.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья

УДК 811.111

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-185-191

ПЕРЕВОД И АНАЛИЗ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ТВОРЧЕСКОГО ВУЗА

Лариса Алексеевна Ахмыловская

Дальневосточный государственный институт искусств, Владивосток, Россия, lanaveva@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9270-4464>

Аннотация. Статья знакомит с авторской методикой профессионально-ориентированного чтения и перевода в контексте обучения иностранному языку в вузе искусств; отсылает к театральным, музыкальным, экранным интерпретациям пьесы Жана Кокто «Человеческий голос». Методом включённого наблюдения исследуется процесс учебной инсценизации с целью симультанного развития иноязычных и профессиональных компетенций. Комплекс заданий, основанный на опыте международных проектов, иллюстрирует преимущества междисциплинарного подхода к художественному образованию.

Ключевые слова: контекстное обучение, творческий образовательный проект, тексты-ассоциации, элементы интертекстуального анализа

Благодарности: автор выражает благодарность Лыткиной И.М., заслуженной артистке России, за профессиональный интерес к творческому образовательному проекту «Человеческий голос», предоставленные фотографии, рассказ о работе над ролью в пьесе Ж. Кокто, информацию о поставленном ею в 1994 г. моноспектакле «Алло Рим, Алло, Париж!».

Original article

THE PLAY TRANSLATION AND ANALYSIS WITHIN THE EDUCATIONAL PROJECT AT THE HIGHER SCHOOL OF ARTS

Larisa A. Akhmylovskaja

Far Eastern State Institute of Arts, Vladivostok, Russia, lanaveva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9270-4464>

Abstract. The paper presents professionally-oriented reading techniques in context of teaching a foreign language at the higher school of arts; it refers to stage, opera, and screen interpretations of J. Cocteau's play "The Human Voice". The method of participant observation explores the process of academic staging to develop foreign language and professional competencies simultaneously. The recommended complex of assignments based on the experience of cross-cultural theatre making illustrates the advantages of the interdisciplinary approach for the artistic education.

Keywords: contextual education, creative educational project, texts-associations, elements of intertextual analysis

Acknowledgments: the author is grateful to Irina M. Lytkina, Honored Artist of Russia, for her professional interest in the creative educational project under analysis, for the photographs and commentaries regarding her role in J. Cocteau's play "The Human Voice", and for the information of the solo performance "Hello, Rome, Hello, Paris!" she staged in 1994.

Перевод драматургического произведения в творческом вузе – одна из составляющих процесса учебной постановки, включающего анализ пьесы и роли, движение к традиционному класс-концерту и зачётной / экзаменационной инсценизации текста с обязательной подготовкой рекламной продукции на изучаемом языке.

Актуальной тенденцией художественного образования сегодня является организация исследовательской деятельности в процессе изучения иностранного языка. Участие будущих представителей творческих профессий в кросскультурных постановках, выставках, конкурсах, фестивалях предполагает дальнейшее усовершенствование применяемых методик обучения иностранному языку и, в частности, перевода зарубежной пьесы.

Цель данной статьи – на примере образовательного проекта «Человеческий голос» обозначить оптимизирующее влияние метода индивидуальных проектов на процесс профессиональной подготовки в вузе искусств.

Существенные дополнения в развитие метода проектов вносит процесс смешанного обучения, в котором сочетаются традиционные формы аудиторного сотрудничества, применение специальных информационных технологий, изучение аудио- и видеоматериалов, независимый анализ и перевод, письменный диалог студента и преподавателя. Предлагаемая методика способствует достижению цели курса «Иностранный язык»: развитию когнитивных и исследовательских умений; образовательной автономии, способности к самообразова-

нию, авторефлексии, самоинтерпретации; решению лингводидактических, социально-коммуникативных, профессиональных задач [1].

Руководствуясь основными требованиями ФГОС к подготовке выпускников неязыковых высших учебных заведений, выделим научные публикации, наиболее информативные в данном контексте. Среди них работы таких авторов, как Александрова У.В., Бжиская Ю.В., Вербицкий А.А., Гальчук Л.М., Городецкая Е.Я., Должич Е.А., Захарова Е.В., Ковалёва А.Г., Коровкина М.Е., Локтюшина Е.А., Мещерякова Е.В., Малинина И.А., Маньковская З.В., Маренникова Л.В., Митяева А.М., Михеева В.Ю., Сотникова Е.С., Шишкина Д.С., Яковлева В.Н.

Контекстное обучение иностранному языку в вузе искусств предполагает симультанное формирование иноязычных и профессиональных компетенций и представляет собой долговременный лабораторный эксперимент.

Воспроизведение в образовательном поле моделей переводческой деятельности позволяет двигаться к дидактической цели, разрабатывая ту или иную художественную тему, что создаёт условия для успешной социализации и развития важнейших творческих и личностных качеств [3; 4; 8]. Распределение функций и ответственности готовит молодых людей к выполнению профессиональных задач в ситуациях реального кросскультурного взаимодействия [5; 7].

Процесс развития многоуровневой модели переводческой деятельности в кросскультурном профессиональном и образовательном проекте, представленной нами в ряде публикаций, позволяет систематизировать её структуру и уточнить возможности её эффективного применения в творческом вузе [2].

Методика исследования охватывает методы: включенного наблюдения, искусствоведческого анализа, стилистического анализа, сравнительного анализа, действенного анализа пьесы и роли по системе Станиславского, мозгового штурма, эвристической аналогии, основанной на личном опыте коммуникантов и стремлении к имитации.

Перечисленные методы применяются нами как в аудиторной групповой работе над драматургическим текстом, так и при заочном взаимодействии.

Смешанный формат обучения в полной мере соответствует логике процесса формирования партитуры кросскультурного события; предполагает активный диалог студента с педагогом в аудиторном общении и переписке на иностранном языке; самостоятельное изучение и обсуждение биографических и архивных материалов, истории создания произведения, его сценических, экранных и других воплощений. Каждый обучаемый реализует эти возможности в зависимости от уровня владения

языком (A1, A2, B1, B2 по Общеввропейской системе языковых уровней, CEFR). Осознавая это, молодые люди чувствуют свободу для творческой реализации и работают эффективнее.

Практическая значимость исследования заключается в дальнейшем накоплении и уточнении данных, их апробации в меняющихся условиях обучения с целью подготовки будущих online и offline программ: мультикультурных драматических, оперных, кукольных, балетных спектаклей, музейных, выставочных, фестивальных событий, как в профессиональной сфере, так и в слиянии профессионального и учебного проектов постановки, мастер-класса, фестиваля.

Образовательный проект под условным названием «Человеческий голос» стал продолжением многолетнего этносцениологического исследования и педагогического эксперимента. Практикум, разработанный для участников проекта, содержит личностно-значимые задания; ссылки на аудиокниги, киноверсии и сам текст пьесы «Человеческий голос» в оригинале и переводе с французского на русский и английский языки. В Предисловии к Практикуму даны подробные методические указания; определены сроки и формы текущего, промежуточного, итогового контроля. Комплекс лексико-грамматических упражнений рассчитан на шестнадцать учебных недель семестра. Одним из преимуществ Проектного метода в условиях смешанного обучения является индивидуальный подход, возможность ежедневного обращения студента к наставнику с вопросами и комментариями на страницах Практикума и в электронном письме. Регламент аудиторного и внеаудиторного взаимодействия устанавливается исходя из меняющихся обстоятельств.

Идея проекта «Человеческий голос» возникла в диалоге со студенткой факультета живописи, имеющей образование дизайнера и опыт фотохудожника, активно изучающей английский язык и приступившей к самостоятельному изучению французского языка. Независимо друг от друга в проекте весеннего семестра 2021/22 учебного года участвовали также ассистент-стажёр музыкального факультета и студенты актёрского факультета. Репетиции «на ногах», обобщение идей, соединение монологов в единый спектакль произошло на заключительном этапе проекта в мае 2022 г.

Практикум, разработанный нами, имел целью направить регулярную индивидуальную работу, помочь молодым людям организовать самостоятельный творческий процесс.

Читая и переводя рекомендованные и избираемые фрагменты художественного и искусствоведческих текстов, каждый обучаемый повторяет грамматический материал и профессиональную терминологию, комментирует наиболее значимую

именно для него информацию, делится ассоциациями, аргументирует свою позицию, обращаясь к тексту пьесы / либретто на родном и изучаемом языках (в случае с пьесой Кокто желающие привели примеры и из текста оригинала).

Read and translate the weekly assignments below. Give your short Grammar commentary. Obtain the necessary information, using terms of arts (Akmylovskaja L., Language of Stage, 2019). Express your opinion. Prove your position. To illustrate your commentaries feel free to use examples from the original, the Russian translation of the play, and the English version of libretto by Joseph Machlis.

Традиционно проект семестра начинается с обращения к биографии автора избираемого произведения, поиску рецензий и статей. Подготовительный период проекта (*Preparatory Phase of a Project*) охватывает первые четыре недели занятий (1/4 семестра). Лексические задания посвящены сбору информации. Week I. Vocabulary Assignments. Exercise 1. Read the text below. Contribute to the biography of the artist, telling about the most significant events of his life.

Jean Maurice Eugène Clément Cocteau (5 July 1889 – 11 October 1963) was a French poet, writer, designer, playwright, artist and filmmaker. Cocteau is best known for his novel "Les Enfants Terribles" (1929), ...and his stage play "La voix humaine" (1930)...

Тему проекта поддерживают и грамматические упражнения (Grammar Assignments), которые охватывают базовые темы английской грамматики и иллюстрируют функционирование грамматических явлений во всех лицах и числах; позволяют последовательно решать учебные и творческие задачи:

– находить в тексте пьесы /либретто /рецензии / научной статьи и самостоятельно составлять предложения, иллюстрирующие грамматические явления (Find in the text of the play / libretto / review / academic article, or make up your own sentences according to the patterns below);

– использовать в предложениях вокабуляр автора, имена персонажей, ситуации, описанные в переводимом тексте (Use the author's vocabulary, name /s of the characters, situations described in the fragment);

– переводить составленные предложения, комментируя грамматические явления в них, обращаясь к рекомендованному учебнику грамматики (Translate your sentences, comment on the Grammar phenomena. Look through examples presented in the Grammar Reference Book).

Week 1. Grammar Assignments. Exercise 1. The Present Indefinite Tense (to be). 1. I am a scholar. 2. You are the 2nd year student of the Drama School. 3. Everyone is ultimately guilty of everything

(F.M. Dostoyevsky)... 6. We are liars in our everyday life, so we ought to be frank on stage (G.A. Tovstonogov). 7. You are interpreters of Cocteau's play. 8. They are splendid performers of Poulenc's opera "The Human Voice"...

Многочисленные текстологические и искусствоведческие исследования посвящены интертекстуальной поэтике письма Ж. Кокто, его творческим экспериментам с человеческим голосом, интонацией, паузацией, определяющими темпоритм произведения. Ссылки на подобные источники полезно включать в лексические задания, выполняя которые студент учится находить в тексте, переводить, произносить и запоминать термины искусств; применять их в кратких комментариях, дополнять примерами из интервью, словарей и глоссариев.

Week 2. Vocabulary Assignments. Exercise 1. Pick out, read, translate and transcribe the terms of arts in the context. Use them in your brief commentaries. Mind your pronunciation. Add examples from the interviews, Dictionaries / Glossaries of professional terms. 1. Cocteau's experiments with the human voice peaked with his play... The "Voice" is that of the woman. 2. Hers is the only voice heard throughout the play, and only silence accompanies the lines supposedly spoken by the man on the phone... 5. Jean Cocteau's iconic play explores our desperate need for human relationships and the machine that has changed them forever...

Студентам рекомендованы ряд аудиоисточников на изучаемом языке. Так, слушая фрагменты пьесы в исполнении Рут Уилсон (Ruth Wilson), участники проекта получают возможность проникновения в атмосферу глубокого внутреннего проживания сюжета.

Week 3. Vocabulary Assignments. Exercise 1. Listen to the soliloquy. Share your impressions and associations. Continue the following sentences: 1. On March 23, 2022 Ruth Wilson perfectly presented "La voix humaine" ("The Human Voice") by Jean Cocteau ... 2. The Human Voice's official opening night at the Harold Pinter Theatre in the West End...

От знакомства с актёрскими презентациями пьесы участники проекта переходят к истории вокального воплощения сюжета в одноимённой опере Франсиса Пуленка.

Week 4. Vocabulary Assignments. Exercise 1. Read, translate and comment on the sentences below using professional terms. 1. "The Human Voice" ("La voix humaine", 1958) is a lyrical tragedy in one act for soprano and orchestra with music by Francis Poulenc based on the homonymous play by Jean Cocteau... 3. The opera premiered on February 6, 1959 at the Opéra Comique in Paris by Denise Duval and under the direction of Georges Prêtre...

История первых оперных исполнений на французском языке дополняется информацией об авто-

рах англоязычных версий, о новых постановках в разных странах мира. Краткий обзор, подготовленный участниками каждого подобного проекта, включает фрагменты / подразумевает просмотревое чтение аналитических статей, аннотаций, рекламных текстов. Таким образом, постепенно формируется и текст доклада на русском языке, с которым студент может выступить на ежегодной конференции («Образование в сфере искусства на Дальнем Востоке: теория и практика» и др.).

Week 5. Vocabulary Assignments. Exercise 1. Make up sentences, using the data below. 1. Soprano Amanda Atlas was starring in a New Zealand Opera production of the F. Poulenc opera “The Human Voice”, 2020. 2. Librettist, Machlis, Joseph (1906–1998)...

Грамматические упражнения, включённые в еженедельные задания, содержат ссылки на материалы постановок, рецензии, статьи. Так, отзыв Ника Кимберли, посвящённый оперному спектаклю 2017 г., открывает пятую неделю семестра и аналитический этап проекта (*Analysis Phase of a Project*).

Week 5. Grammar Assignments. Exercise 1. The Present Continuous Tense. 1. I am reading the review by a famous critic... 4. She is singing tonight, isn't she? Yes, she is. Sarah Minn, soprano is singing... 6. We are asking about musical director and the pianist Richard Black. 7. You are discussing the date with director Robin Norton-Hale and designer Kate Lane. 8. They are discussing the article by N. Kimberley...

Лаконичное сообщение на изучаемом языке отражает историю создания одноактной оперы; её подробности повторяются в профессионально-ориентированных лексических упражнениях и терминологически насыщенных творческих заданиях, при передаче содержания, в ходе перевода анализа фрагментов пьесы / либретто.

Week 6. Vocabulary Assignments. Exercise 1. Give a gist of the text in English, using professional terms. 1. Премьера оперы состоялась в Парижском театре «Опера-комик» 17 февраля 1959 г. ... 2. Через год после премьер оперы «Диалоги кармелиток», прошедших в 1957 г. в городах Европы и Америки, Пуленк приступил к созданию своего последнего вокального произведения...

Приступая к самостоятельному чтению пьесы, будущая актриса делится впечатлениями и ассоциациями. Пользуясь терминологией театра, исполнитель / исполнительница анализирует предлагаемые обстоятельства, атмосферу отрывка; задачи, действия, ремарки; обращается к Глоссарию терминов (Ахмыловская Л.А. *The Language of Stage*, ДВГИИ, 2019).

Пользуясь рекомендованными преподавателем электронными аудио- и киноматериалами, студенты выделяют наиболее выразительные, на их

взгляд, наречия (в контексте подготовки сценического показа авторские ремарки); глаголы, которые позволяют формулировать актёрские задачи. В тренировочных упражнениях «на внимание» методики системы Станиславского дополняются элементами гештальт практик.

Week 7. Vocabulary Assignments. Exercise 1. Read the fragment. Be ready to share your impressions, emotions, and associations. a) Speak on: the time, weather, given circumstances, scenery / set-design, mood / psychological climate / atmosphere; characters' states and portraits. b) Pay attention to verbs (objectives and actions), and adverbs (stage directions). c) Say a few words of: music, sounds, noises, voice, intonation etc.

Ассистенту-стажёру Музыкального факультета, изучающему два языка, рекомендован список исследований на английском языке, посвящённых опере Ф. Пуленка; одна из работ содержит французский и английский тексты либретто. <https://aquila.usm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=19> (с. 101–120).

Студентка факультета живописи сосредоточена на изучении вариантов сценографии, цветового и светового решений сцен, реквизита и грима, представленных в видеоматериалах, отмеченных в творческих заданиях и лексико-грамматических упражнениях. Описывая одежду персонажа, она уточняет детали костюма; выписывает термины языка моды и стиля, анализирует символику цвета. Исходя из личного видения роли и атмосферы пьесы, являясь во всём «адвокатом своего героя», каждый участник учебной постановки выбирает фрагмент произведения либо текст-ассоциацию, переводит монолог в косвенную речь (методика Шарлотт Тьенкен), «одевает» персонажа (методика Кшиштофа Жилинского), окружает его теми или иными элементами декорации, объясняет выбор оттенков и цветов, аксессуаров и реквизита, украшений и декоративных деталей; дополняет образ характерной походкой / жестом (техника Александра), составляет свои диалоги на тему сюжета (методика Сиро Михары). Подтверждая свою точку зрения, студенты ссылаются на английскую версию текста, переводят отдельные реплики и ремарки, важные для описания предлагаемых обстоятельств, задач, действий, физических движений персонажа и т.д.

Week 8. Vocabulary Assignments. Exercise 1. Describe the clothes / costumes of a character. Write down terms of fashion and style into your vocabulary; use them in your description. Pay attention to the colors and hues in the play. Speak on the mood they create. Prove your position.

Week 8. Vocabulary Assignments. Exercise 2. Characterize the accessories, props, jewelry, decorative details. Express your attitude. Be frank yet pleasant as the British say.

Неотъемлемой частью контекстного обучения иностранному языку является межпредметная интеграция [5–7]. В творческом вузе интегративный подход органично обеспечивает внимание к экстралингвистическим аспектам перевода. Исследуя функционирование некоторых стилистических средств в тексте оригинала, английской и русской версиях пьесы, участники проекта дополняют свои размышления ссылками на другие произведения (тексты-ассоциации), искусствоведческие исследования, научные статьи, с которыми знакомятся в курсе истории театра, литературы, мастерства актёра, истории костюма и других изучаемых дисциплин.

Week 8. Vocabulary Assignments. Exercise 3. Comment on the expressive means that characterize the mood of the play, describe character's manners and behavior in the fragment under discussion. Share your ideas with a colleague. Refer to: Akhmylovskaja L., English writing in cross-cultural communication, 2019).

Выполняя упражнение письменно, обучаемый может ограничиться списком слов и словосочетаний, а на аудиторных занятиях либо онлайн-конференции устно прокомментировать спорные тезисы, применяя новую лексику в описании персонажа, органично переходя к постановочному этапу проекта (Production Phase of a Project).

Week 9. Vocabulary Assignments. Exercise 1. Give a gist of the text in English. Pay your special attention to the light, colors, set-design, props (properties).

1. Небольшая сцена представляет собой угол женской спальни...

Грамматические упражнения на постановочном этапе становятся всё более практико-ориентированными, содержат ссылки на конкретные спектакли.

Week 10. Grammar Assignments. Exercise 1. The Present Perfect Tense. 1. I have prepared the report regarding the class-concert based on "The Human Voice" in 2003. 2. You have met Irina M. Lytkina to learn more about her production "Hallo Rome, Hallo, Paris!" on December 8, 1994...4. She has found out that I. Lytkina spoke English, reading the letter of the character's sister. 6. We have discussed her production "Hallo Rome, Hallo, Paris!" based on "The Human voice". 7. You've mentioned that the opera was produced in Vladivostok in 1970-s and I have invited you for the show on May 24, 2022. 8. They have visited Gorky Theatre in Vladivostok to see I. Lytkina's monoplay in 1994. She did not use Poulenc's music. She was wearing white. The stage light at the final moment was scarlet.

Историю постановок отражают списки исполнителей. Студенты могут выделить особенности того или иного спектакля, сопоставить мнения критиков о концепциях, аргументировать выбор решений. Week 11. Vocabulary Assignments. Exercise 1.

Look through the list of singers below. Tell about one of the productions. Add the list. Дениз Дюваль, Каран Армстронг, Джозефина Барстоу, Джун Кард, Фелисити Лотт, Кэтрин Мальфитано, Галина Вишневская, Ольга Балашова, Николай Гладских (контратенор)...

Воссоздавая хронологию экранизаций и телеверсий пьесы, обучающиеся тренируют использование английских числительных.

Week 12. Vocabulary Assignments. Exercise 3. Translate the sentences below into English. Pay your special attention to the numerals. 1. Мы обсуждаем экранные и телевизионные версии пьесы, которые состоялись в 1948, 1966–1967, 1971, 1988, 2013, 2020, 2022 гг. ...

На продолжение тренинга направлено и следующее упражнение. Week 13. Vocabulary Assignments. Exercise 3. Read and translate the sentences. Pay attention to the numerals. 1. Screen and TV versions of the play released in 1948, 1966–1967, 1971, 1988, 2013, 2020. 2. In 1948, R. Rossellini directed an anthology film which had two segments. 3. In the first section A. Magnani plays a woman who makes a desperate telephone call ...

В процессе подготовки класс-концерта особенно актуальной становится тема интонации в пьесе. Роли пауз посвящены статьи, которые содержат полезную информацию для будущих актёров. Week 15. Vocabulary Assignments. Exercise 1. Comment on the text below, using professional terms. 1. The pausation in Cocteau's play is the object of academic research...

Пьесу на английском языке представляют многие профессиональные, полупрофессиональные и учебные театры, краткую информацию о которых целесообразно включить в упражнения и обсудить на постпостановочном этапе (*Post-Production Phase of a Project*). Week 16. Vocabulary Assignments. Exercise 1. Look through the sentences below. Comment on the information obtained. 1. The "Human Voice" by J. Cocteau was performed at Colorado State University... 2. In 2020 a version titled "The Human Voice" was directed by Pedro Almodóvar and starring Tilda Swinton...

Итоги индивидуальной и групповой работы представил традиционный класс-концерт "The Human Voices", включивший тексты-ассоциации. В актёрском исполнении прозвучали стихи, песни, прозаические и драматургические отрывки (L. Armstrong, G. Richenda, R. Kipling, W.S. Maugham, L. Carroll, M. Lermontov, W. Yeats etc). Все представленные в композиции истории любви объединены общей сверхзадачей: длить диалог с любимым. Избранный темпоритм задаёт единый для всех монологов исповедальный способ существования.

Главными элементами сценографии стали протянутые под потолком белые нити, метафорически обозначившие узы любви и телефонные провода. В центре сцены с потолка свисала чёрная трубка

телефона. Несколько телефонных аппаратов, к которым подходили участники, располагались в разных уголках сценического пространства. Завершение одного монолога становилось началом следующего. Пытаясь услышать голоса избранных, герои разных произведений (текстов-ассоциаций), встречаясь в пространстве спектакля, рассказывали о своей любви как испытании и вдохновении ("The Human Voices". <https://youtu.be/tJyZSv5Eg3I>).

Работа над историей и сюжетом пьесы «Человеческий голос» принесла как методические, так и актёрские открытия. Опыт состоявшегося проекта позволяет сделать ряд новых выводов относительно перевода и анализа драматургического текста в контексте обучения иностранному языку в творческом вузе.

Перевод, анализ, инсценизация фрагментов пьесы, выбор текстов-ассоциаций, как и проектная деятельность в целом, успешно реализуются в условиях смешанного обучения в сотрудничестве (Cooperative Blended Learning) посредством выполнения и обсуждения профессионально-ориентированных лексико-грамматических упражнений и личностно-значимых творческих заданий с применением терминов театра на изучаемом языке.

Составление программы и афиши традиционного класс-концерта (экзамена/зачёта) требует включения имён персонажей и исполнителей, названий театральных профессий с неукоснительным соблюдением всех правил реального англоязычного театра.

Включённое наблюдение процесса реализации проекта показывает эффективность применения в образовательном поле опыта координации кросскультурного постановочного процесса и методо-

логии формирования переводческой партитуры пьесы в контексте международного события.

Проект «Человеческий голос» акцентировал особое значение индивидуального подхода в обучении студентов вуза искусств; показал, что индивидуальная проектная деятельность способствует действенному накоплению у студентов знаний, умений и навыков в процессе работы с дополнительными источниками профессионально значимой информации.

Применяемые методики интертекстуального анализа и перевода повышают мотивацию к использованию информационных технологий в экспериментальной деятельности и самореализации; активизируют все сферы личности студента творческого вуза.

Учебный проект инсценизации текста на иностранном языке требует привлечения знаний из многих изучаемых дисциплин; формирует умение находить решения, опираясь на личную интуицию и творческий опыт сотрудничества с опытными наставниками; развивает междисциплинарные навыки.

Строгое планирование и последовательное воплощение индивидуального проекта поддерживается многообразием форм творческого сотрудничества, наглядностью, непрерывностью диалога, и имеет решающее значение.

Уточнение форм текущего, промежуточного и итогового контроля, своевременное решение организационных вопросов способствуют воплощению творческой концепции проекта и достижению его социокультурных и лингводидактических результатов; позволяют последовательно соединить в структуре индивидуального проекта все компоненты профессионального проекта (организационно-технологический, творческий, коррекционный, когнитивный).

Список источников

1. Александрова У. Метод проекта – метод для успеха // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2016. № 3-2(69). С. 35–37.
2. Ахмыловская Л.А. Формирование переводческой партитуры пьесы в кросскультурном театральном проекте. Владивосток : ДВГТУ, 2010. 235 с.
3. Вербицкий А. О категориальном аппарате теории контекстного образования // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 57–67.
4. Ковалева А. Система иноязычного лингвистического образования для неязыковых направлений подготовки в вузе с использованием информационно-коммуникационных технологий // Педагогическое образование в России. 2018. № 11. С. 108–116.
5. Коровкина М.Е. Модель профессиональных переводческих компетенций сквозь призму вторичной языковой личности // Вестник ПНИПУ Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3 (13). С. 89–94.
6. Локтюшина Е. Состояние и проблемы иноязычной подготовки как компонента профессионального образования // Европейский журнал социальных наук. 2016. № 11. С. 234–239.
7. Митяева А. Интеграция в профессиональной подготовке студентов в условиях модернизации образования // Образование и общество. 2016. Т. 3, № 98. С. 15–18.
8. Михеева В. Проектная деятельность как условие развития самостоятельно мыслящей личности // Идеи и проекты молодежи России. В мире исследований. 2016. С. 94–97.

References

1. Aleksandrova U. Metod proekta – metod dlya uspekha [Project method – method for success]. Novaya nauka: teoreticheskii i prakticheskii vzglyad. 2016. No 3-2(69), P. 35–37.
2. Akhmylovskaya L.A. Formirovanie perevodcheskoi partitury p'esy v krosskul'turnom teatral'nom proekte [The Play Translator's Score Developing within cross-cultural theatre making]. Vladivostok : DVGTU, 2010. 235 p. (in Russian).

3. Verbitskii A. O kategorial'nom apparate teorii kontekstnogo obrazovaniya [Regarding the categories of the context education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2017. No 6. P. 57–67.
4. Kovaleva A. Sistema inoyazychnogo lingvisticheskogo obrazovaniya dlya neyazykovykh napravlenii podgotovki v vuze s ispol'zovaniem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii [The usage of computer and communicative innovated technologies for the system of foreign languages studies at the non linguistic higher school]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2018. No 11. P. 108–116.
5. Korovkina M.E. Model' professional'nykh perevodcheskikh kompetentsii skvoz' prizmu vtorichnoi yazykovoii lichnosti [Professional translators competences patterns through the second language personality prism]. *Vestnik PNIPU Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 2015. No 3(13). P. 89–94.
6. Loktyushina E. Sostoyanie i problemy inoyazychnoi podgotovki kak komponenta professional'nogo obrazovaniya [Status and problems of the innovated training as the component of professional education]. *European Social Science Journal*. 2016. No 11. P. 234–239.
7. Mityaeva, A. Integratsiya v professional'noi podgotovke studentov v usloviyakh modernizatsii obrazovaniya [Integrative professional training under the conditions of modernization in the education system]. *Obrazovanie i obshchestvo*. 2016. V. 3, no 98. P. 15–18.
8. Mikheeva V. Proektnaya deyatelnost' kak uslovie razvitiya samostoyatel'no myslyashchei lichnosti [Project activities as the condition of development of the independently thinking personality]. *Idei i proekty molodezhi Rossii. V mire issledovaniy*. 2016. P. 94–97.

Информация об авторе

Л.А. Ахмыловская – кандидат искусствоведения, доцент.

Information about the author

L.A. Akhmylovskaya – PhD of Art History, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.
The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья
УДК 377.031.4
doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-192-196

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РЕСУРСЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

Марина Ивановна Разумовская

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, 9242222540@mail.ru

Аннотация. В статье определены сущность и содержание цифровизации. Рассмотрены взаимосвязь и взаимообусловленность экономического и технического уровня цифровизации образования. Как ресурсы экономического образования рассмотрены цифровые платформы, а универсальное и специализированное программное обеспечение – как цифровые инструменты.

Ключевые слова: цифровизация экономического образования, цифровые платформы, математические цифровые инструменты

Original article

DIGITALIZATION OF ECONOMIC EDUCATION: RESOURCES AND TOOLS

Marina I. Razumovskaya

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, 9242222540@mail.ru

Abstract. The article defines the essence and the content of digitalization. The interrelation and interdependence of the economic and technical level of education digitalization are considered. Digital platforms are regarded as resources of economic education, and heavy-duty and dedicated software is referred to as digital tools.

Keywords: digitalization of economic education, digital platforms, mathematical digital tools

Введение

В современной литературе достаточно внимания уделено исследованию сущности и содержания понятия «цифровизация». В сущности цифровизация есть экономическая деятельность по созданию и использованию инфраструктурной и инструментальной базы для автоматизации стандартизованных бизнес-процессов. По содержанию цифровизация сводится к разработке цифровых технологий, их применению в разных сферах жизнедеятельности людей. В списках таких технологий облачные вычисления, большие данные, интернет вещей, роботы и когнитивные технологии, дополненная реальность обычно упоминают в числе первых. Цифровизация осуществляется согласно базисным положениям макро- и микроэкономики и с учётом специфики, присущей конкретным видам экономической деятельности.

Сказанное выше применимо к образованию, где имеют место экономические, социальные, культурные отношения по поводу разработки и применения цифровых технологий, а также продуктов, связанных с ними [1–3]. Два вектора цифровизации образования вообще и экономического образования в частности наблюдаются в мире. Первый реализовал возможность онлайн-образования в сочетании с

очной формой обучения, а второй – это исключительно онлайн-образование [4; 5]. По мнению экспертов, тактические цели оказались осуществимыми: цифровизация положительно влияет на уровень комфорта и эффективности информационных взаимодействий внутри образовательной среды и за её пределами. При этом не достигнуты стратегические цели: не состоялся массовый переход к индивидуальным образовательным траекториям реализации образовательных программ.

Постановка задачи

Активный переход к цифровизации сферы образования вообще и экономического образования в частности предстаёт как смена парадигмы управления деловыми процессами. Основой тому является интеграция информационно-коммуникационных технологий и система разделения труда, сформированная на пересечении компетенций в области экономики, управления и менеджмента, информационных технологий [6–9].

Одна из парадигм цифровизации образования с условным названием «от стратегии к тактике» встречается редко в работах отечественных и зарубежных исследователей. Согласно ей для получения экономического эффекта должно быть стандартизовано большинство типовых и систематиче-

ски повторяющихся процессов распространения знаний и информации [5].

Популярность другой парадигмы цифровизации с условным названием «тактика, синтезирующая стратегию», predetermined современному рынку цифровых решений для бизнеса и образования. Согласно ей внимание исследователей и практиков сосредоточено преимущественно на задачах организации работы технических и информационных ресурсов, а также каналов связи [10]. Здесь тактика использования цифровых продуктов, аналитических систем работы с данными, цифровой инфраструктуры и инструментов может привести к стратегическим изменениям в кадровом составе и наборе компетенций, процессов и организационной культуры.

Обе парадигмы, названные выше, вполне жизнеспособны в экономическом образовании. При этом следует понимать, что не «цифровая» компонента обеспечивает ключевые изменения в экономическом образовании. Она, как известно, создаёт инфраструктуру и инструментарий, чья стоимость создания и эксплуатации снижается под действием факторов рынка. Также она реализует экономически оправданную идею углубления нишевой специализации, но не автоматически. Нужны решения: по развитию материально-технической и методической базы; интенсификации и автоматизации бизнес-процессов; оптимизации управления; маркетингу. Исключительно менеджмент может их принять, а управление осуществить благодаря собственным и заёмным финансовым ресурсам, а также тем ресурсам и инструментам, которые находятся в свободном доступе.

На бытовом уровне понимания, да и в профессиональной среде операционные эффекты цифровизации экономического образования отождествляются с эффектами управления, что неправомерно. Полагаем, эффекты нужно искать в связи с интересом обучающегося к саморазвитию, формированием его умений критично оценивать возможные варианты деятельности и принимать собственные решения, а также выработкой привычки к интеллектуальной заботе о себе. Тогда управленческие решения нужно принимать с учётом субъектности обучающегося, а цифровая обучающая среда призвана поддерживать их своими ресурсами и инструментами. Эффективность цифровизации обеспечивает непрерывная оптимизация состава и структуры виртуальной платформы в соответствии с действием факторов образовательной среды.

Решение задачи

Как известно, технологической средой процессного управления являются цифровые платформы и сетевые приложения. Во-первых, они объективно необходимы для обслуживания массовых образовательных процессов. Во-вторых, они не нуждаются

в привязке ни к одной из управленческих парадигм, названных выше. Благодаря техническим и программным средствам, базам данных на каждом этапе управления обеспечиваются алгоритмизированные взаимодействия в образовательной среде.

Анализ отечественных и зарубежных литературных источников выявил малое число примеров сквозной интеграции процессов управления, специализированного исключительно на экономическом образовании. В единичных случаях есть ссылки на предпринимательские образовательные проекты, в которых цифровая платформа выполнена как производственная виртуальная корпорация по модели «маркетплейс», где вариативность действий пользователей ограничивает используемый пакет цифровых сетевых технологий. Обычно на такой электронной площадке представлено большинство программ обучения, специализированных на предмете экономики, и не менее четверти продаж – это услуги сторонним продавцам по договору комиссии.

Чаще наблюдается отраслевая или корпоративная цифровая платформа по модели дистанционного обучения, когда все процессы выстраиваются в продуктовой логике (для укрупнённой группы, направления обучения, образовательной программы). Технологически она выглядит как веб-сайт с информацией о предложении образовательных программ, позволяющий сделать заказ. В этом числе интернет-сервис Stepik – образовательная платформа и конструктор онлайн-курсов. С его помощью можно создавать интерактивные курсы для использования очно и в дистанционном обучении. На платформе автоматически формируются отчёты (табель успеваемости, структура учебного курса, статистика посещаемости, активность обучающихся, плагиат, необычные решения, жульничество, прохождение аттестации, списки, комментарии). Здесь есть дашборд преподавателя или, иначе, машинно-обученная система, которая рекомендует внести изменения при наличии нежелательных отклонений, анализируемых по многим параметрам [11].

Варианты цифровых платформ, рассмотренные выше, сохраняют самостоятельность поставщиков образовательных программ в управлении продажами. Исследование стратегических и тактических областей принятия решений позволило установить следующие четыре условия, которые определяют вероятность совершения сделки купли-продажи в Интернете.

1. Сумма опыта взаимодействия с продавцом и накопительных эффектов визита на сайт интернет-продавца.
2. Воспринимаемая полезность покупки, качество образования и информация о них.
3. Воспринимаемый риск покупки образовательной программы ненадлежащего качества, неудовлетворительных условий оплаты и обучения.

4. Психологические реакции покупателя при проведении маркетинговых акций по стимулированию продаж по времени покупки, цене, предложению.

В большинстве публикаций авторы приводят свидетельства того, что работники вузов работают с несколькими программными продуктами и источниками информации, осуществляют ввод данных вручную. Организация учебного процесса онлайн принуждает преподавателей методически прорабатывать содержание дисциплин и формы представления информации, ориентируясь на доступный цифровой инструментарий (универсальный, специализированный). Подчеркнём, общее и особенное в дистанционном обучении определяют знания и научно-педагогический опыт преподавателей.

Не стану упражняться в представлении универсальных цифровых инструментов современного компьютера, используемых в преподавании экономических дисциплин. Укажу их основные группы: а) программное обеспечение (операционной системы и компьютерной сети, обработки текстов и чисел, обработки данных, обработки изображений, презентаций и графического дизайна); б) интернет-сервисы (электронная почта, системы аудио- и видеоконференций, интерактивный чат, облачное хранение информации); в) работы в Интернете (браузеры, поисковые системы); г) информационно-справочные системы и др. Безусловно, такие прикладные программы полезны. Простота в освоении, комфортность в информационных взаимодействиях способствуют их широкому применению.

С целью практической подготовки экономистов могут быть использованы функциональные программные продукты, например электронного маркетинга, электронных финансов, электронных страховых услуг, электронной торговли, др. Так, унифицированные и специализированные сервисы электронной торговли обеспечивают создание учебного материала по четырём основным модулям: управлению продажами и работе с клиентами; платежам; логистике; привлечению покупателей. Ресурсы и инструменты электронных финансов представляют: онлайн-банкинг и электронные платежи; краудфандинг; скоринговые модели для оценки кредитных рисков; инвестиционные роботы-советники; криптовалюты, блокчейн; P&P кредитование и др. [4; 12].

Для отдельных дисциплин есть платные и бесплатные цифровые инструменты. Например, по разделам (темам) в составе дисциплины «Управление товарными запасами», где нужно решать задачи оптимизации управления в цепочках поставок, оперативно-тактические задачи взаимодействия с поставщиками, список платных программных решений может выглядеть так: GoodsForecast.Replenishment, INVENTOR SYSTEM, Loginom Demand Planning,

Forecast NOW, SIMPLE-System, Stock-solver, Помощник закупок, др. Для свободного скачивания доступны инструменты Microsoft Excel, демонстрирующие постановку классических учебных задач по расчёту и планированию товарных запасов, анализу вариантов организации закупок, сравнению поставщиков. Есть программные продукты для бухгалтерского и налогового учёта, управления проектами, интернет-маркетинга, бизнес-планирования, статистики, математического моделирования в экономике и других дисциплинах.

Трудно согласиться с тем, что преподаватель вынужден подстраиваться под функционал цифровой платформы вуза и, как правило, бесплатных цифровых инструментов за привычную зарплату по занимаемой должности. У него должна быть мотивация для разработки игровых программных решений, где появлялась бы самостоятельность студентов. К тому же ему нужно развивать цифровую грамотность и в связи с IT-стратегиями хозяйствующих субъектов, как минимум из числа основных работодателей. Здесь тоже много работы. Так, при специализации обучающихся на экономике воздушного транспорта преподаватели изучают следующие области принятия управленческих решений, например, в той же авиакомпании на основе цифровизации: программы корпоративной лояльности; налоговый мониторинг, документооборот грузоперевозок; эксплуатацию и техническое состояние воздушных судов; риск-менеджмент; работу офиса; управленческий мониторинг и др.

Заключение

Для отечественных организаций высшего образования интересен проект «Цифровой университет». Он выполняется в рамках стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования и предполагает разработку общей модели цифровых сервисов в консорциумах вузов и EdTech-компаний [7; 13]. По аналогии с моделью «маркетплейс» сервисом станет сайт-агрегатор, который учитывает, контролирует, анализирует массивы информации в электронном виде для подготовки решений и их принятия. На таком специализированном посреднике можно купить доступ к желаемой образовательной программе (офлайн и онлайн), минуя обращение к сайту поставщика. Цифровой помощник педагогического работника автоматизирует рутинные работы, может помочь выбрать программы повышения квалификации и др. Функционал такой цифровой платформы принесёт дополнительную ценность и экономический эффект, если на её базе получат развитие кооперативные формы взаимодействия участников рынка экономического образования. Тогда будет единая точка сбора и предоставления качественного и верифицированного образовательного контента.

Технологический уровень цифровизации образования, заложенный в проекте, должен стать базовым для экономического уровня подготовки и принятия решений благодаря анализу больших массивов данных, методическому и технологическому обеспечению экономического мониторинга и прогнозирования. Для этого в долгосрочной перспективе поставщикам – участникам цифровой платформы всегда нужно:

- знать, что является ценностью, значимой для покупателей;
- уделять внимание составу, объёму и структуре образовательного контента и его продвижению на рынке;
- отслеживать динамику выбора покупателей, особенно по критериям «цена» и «ценность»;
- использовать цифровые инструменты поддержания и усиления лояльности покупателей, в том числе к торговой марке;
- осуществлять сбор данных о привычках покупателей через различные коммуникации и сосредоточиться на персонализации предложения;
- получать отклики от взаимодействия со всеми сторонами, участвующими в создании стоимости образовательного контента;

- знать перспективы развития цифровизации и оценивать их применение к продажам сервиса;
- иметь работников, обладающих навыками использования цифровых технологий.

В текущем управлении функциональное и техническое качество процесса обучения, наличие привлекательного и комфортного сервисного окружения обеспечивают решения в следующих областях:

- компьютеризации и автоматизации бизнес-процессов;
- сервисе (регламентация услуг и стандартизация операций);
- допустимом уровне операционных расходов;
- профессиональной работе субъекта хозяйствования.

Содержание этой работы при использовании цифрового «органайзера» с большой долей вероятности будет способствовать тому, что индивидуальные траектории обучения станут формироваться обоснованно и осуществляться продуктивно, в том числе с участием цифрового помощника. Информационный след, полученный на основе информационного профиля, наполнит цифровое портфолио обучающегося.

Список источников

1. Цифровизация образования: задачи, инструменты, сложности. URL: <https://gb.ru/blog/tsifrovizatsiya-obrazovaniya/> (дата обращения: 11.08.2022).
2. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 343 с.
3. Сафуанов Р.М., Лехмус М.Ю., Колганов Е. . Цифровизация системы образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. 2019. № 2 (28). С. 108–113. (Серия «Экономика»).
4. Цифровизация образования: как это работает сегодня? URL: <https://edexpert.ru/digitalization-of-education> (дата обращения: 11.08.2022).
5. Соловов А.В., Меньшикова А.А. Модели проектирования и функционирования цифровых образовательных сред // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 1. С. 144–155.
6. Цифровой след: новые задачи системы образования в эпоху данных. URL: <https://habr.com/ru/post/513616/> (дата обращения: 11.08.2022).
7. Вилейкис А., Ни М. Цифровизация образования в России: технологический прорыв или ловушка централизации? Позиция идеологов проекта. URL: <https://knife.media/digitalization-centralization/> (дата обращения: 11.08.2022).
8. Кязимов К.Г. Инновационные технологии в профессиональном образовании // Труд и социальные отношения. 2020. Т. 31, № 6. С. 7–14.
9. Константинова Л.В., Гагиев Н.Н., Смирнова Е.А., Петров А. М., Никонова О.Д. Результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. Вып. 1. Основные тренды цифровизации высшего образования. Москва : РЭУ имени Г.В. Плеханова, 2021. 44 с.
10. Лившиц И.И. Дистанционный формат обучения: риски и возможности // Стандарты и качество. 2020. № 10. С. 102–107.
11. Создавайте любые онлайн-курсы на конструкторе Stepik. URL: <https://teach.stepik.org/> (дата обращения: 11.08.2022).
12. Эра цифровой экономики: обучающий центр НОСК URL: <https://www.hocktraining.com/blog/era-cifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 11.08.2022).
13. Опубликована стратегия цифровой трансформации науки и высшего образования: к чему готовиться? URL: <https://ntp.pf/events/opublikovana-strategiya-tsifrovoy-transformatsii-nauki-i-vysshego-obrazovaniya-k-chemu-gotovitsya/> (дата обращения: 11.08.2022).

References

1. Digitalization educationis: officia, instrumenta, difficultates. URL:<https://gb.ru/blog/tsifrovizatsiya-obrazovaniya/> (accessed on August 11, 2022) (in Russian).
2. Difficultates et spes digital transmutatio educationis / edited by A. Yu. Uvarov, I. D. Frumin. M.: Ed. domus Superior Schola Oeconomicorum, 2019. 343 p.
3. Safuanov R.M, Lekhmus M.Yu., Kolganov E.A. Digitalization of the education system // Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy. N. 2 (28), 2019. Pp.108–113.

4. Digitalization educationis: quomodo habet opus hodie? URL:<https://edexpert.ru/digitalization-of-education> (accessed on August 11, 2022) (in Russian).
5. Solovov A.V., Menshikova A.A. Exemplaria consilium, et operationem digital generaliore // Superiorum in Russia. 2021. Vol. 30, N. 01. Pp. 144–155.
6. Digital vestigium: Novum provocationes educationis ratio in Notitia saeculi. URL:<https://habr.com/ru/post/513616/> (accessed on August 11, 2022) (in Russian).
7. Vileikis A., Ni M. Digitalization educationis in Russia: a breakthrough technicae vel centralization laqueum? Positio ideologists project. URL:<https://knife.media/digitalization-centralization/> (accessed on August 11, 2022) (in Russian).
8. Kazimov K.G. Porttitor vitae in vocationibus educationem // Labor et socialis necessitudines. 2020. Vol. 31, N. 06. Pp. 7–14.
9. Konstantinova L.V., Gagiev N.N., Smirnova E.A., Petrov A.M., Nikonova O.D. Consequat magna minim trends in progressionem superiorum in mundo, et in Russia. Quaestio 1 pelagus trends digitalization superiorum. M : Plekhanov Russian University of Parcus, 2021. 44 p.
10. Livshits, I.I. Distantia cognita format: pellentesque et metus // Signa, et qualitas. 2020. N. 10. Pp. 102–107.
11. Sozdavayte lyubye onlayn-kursy na konstruktore Stepik [Create any online courses on the Stepik constructor]. URL:<https://teach.stepik.org/> (accessed on March 12, 2022) (in Russian).
12. Era tsifrovoy ekonomiki [The era of the digital economy]. URL:<https://www.hocktraining.com/blog/era-cifrovoi-ekonomiki> (accessed on March 12, 2022) (in Russian).
13. Opublikovana strategiya tsifrovoy transformatsii nauki i vysshego obrazovaniya: k chemu gotovit'sya? [A strategy for the digital transformation of science and higher education has been published: what to prepare for?]. URL:<https://ntr.rf/events/opublikovana-strategiya-tsifrovoy-transformatsii-nauki-i-vysshego-obrazovaniya-k-chemu-gotovitsya/> (accessed on March 12, 2022) (in Russian).

Информация об авторе

М.И. Разумовская – доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

M.I. Razumovskaya – Doctor of Science (Economy), Professor.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.
The article was submitted 05.10.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья

УДК 159.923.2

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-197-202

ПРОЯВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯМИ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Надежда Георгиевна Григорьева¹, Максим Владимирович Екименко²

¹Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, an08027@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8044-882x>

²Дальневосточная железная дорога – филиал ОАО «РЖД», Хабаровск, Россия, ekimenkomax@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена сущность понятия «субъектность личности», определены показатели функционирования субъектности применительно к профессиональной деятельности руководителей структурных подразделений. Приведен анализ результатов поискового эксперимента об особенностях проявления субъектности руководителей и выявлены ресурсы по дальнейшему развитию субъектности с целью повышения эффективности деятельности руководителей.

Ключевые слова: личность, субъект, субъективность, субъектность, самоосуществление, свобода, ответственность

Original article

MANIFESTATION OF SUBJECTIVITY BY THE STRUCTURAL DIVISIONS MANAGERS OF THE FAR EASTERN RAILWAY

Nadezhda G. Grigoryeva¹, Maksim V. Ekimenko²

¹Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, an08027@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8044-882x>

²Far Eastern Railway – a branch of Russian Railways, Khabarovsk, Russia, ekimenkomax@gmail.com

Abstract. The article examines the essence of the concept of personal agency, it defines the indicators of personal agency in relation to the professional activities of structural divisions managers. The authors analyze the results of a search experiment concerning the peculiarities of the manifestation of the managers' subjectivity and identify resources for the further development of subjectivity in order to improve the efficiency of managers' activity.

Keywords: personality, subject, subjectivity, personal agency, self-realization, freedom, responsibility

Субъектность личности является актуальной проблемой современной психологии личности. Кроме этого, такие понятия, как субъект, субъективность, субъектность, входят в категориально-понятийный аппарат многих гуманитарных наук: педагогики, антропологии, философии, социологии и др. И в каждой науке дефиниции этих понятий имеют свою научную специфическую сущность. Найти универсальное определение личности невозможно, также проблематично однозначно определить понятия производных феноменов личности, таких как субъект, субъективность и субъектность. Поэтому некоторое время в психологии и других гуманитарных науках принимали за субъекта агента (лат. *agens* действие), т.е. действующего индивидуума. А феномены субъектность и субъективность отождествляли.

В настоящее время в психологии продолжается дискуссия даже в отношении первичных понятий «личность» и «субъект». Интересен подход у К.А. Абульхановой-Славской [1; 2], которая, используя системный подход, рассматривая новую субъектную парадигму, возводит на более высокую

планку в развитии человека не личность, а субъект, считая, что понятие «субъект» имеет глубинный, дифференцированный смысл. Сущность личности автор связывает с ненаправленной активностью, которая может характеризоваться хаотичностью, бессмысленностью и даже быть негативной по отношению к собственному развитию. Субъект, по мнению К.А. Абульхановой-Славской, – это личность, которая имеет не только тактические, но и стратегические жизненные перспективы; это личность, которая не подчиняется определенным жизненным ситуациям, а активно их изменяет в соответствии со своими ценностными смыслами; это личность с активной жизненной позицией, творческой активностью и созидательной деятельностью как по отношению к себе, так и к окружающему миру.

Безусловно, подход К.А. Абульхановой-Славской к определению сущности личности и субъекта позволяет логично развести понятия «субъектность» и «субъективный». Личность может быть социально или асоциально ориентированной, может быть адаптивной и неадаптивной, пассивной и твор-

ческой, ответственной или безответственной и т.д. Эти специфические особенности личности логично причислить к субъективным особенностям личности и назвать субъективностью. Очевидно, тогда субъектность будет определять особенности субъекта.

К.А. Абульханова-Славская несколько идеализирует активность, причисляя ее к способу «самовыражения и самоосуществления личности, при котором обеспечивается или сохраняется ее субъектность» [1: с. 21]. Очевидно, активный субъект и действующий субъект имеют разные смыслы. Субъектность (агентивность) – способность субъекта быть действующим, т.е. быть направляющей силой действия, в том числе деятельности. Поэтому при определении субъектности недостаточно опираться только на показатель активности.

Однако К.А. Абульханова-Славская придает понятию активности системную сущность, включая не только процесс самоосуществления личности, но и три взаимосвязанные подсистемы: жизненную позицию, жизненную линию и жизненный смысл [1]. Именно системный и комплексный подходы в изучении человека определили важность субъектного подхода в раскрытии многогранности человека, в том числе его активности [3].

Наиболее близким по сущности исследования взаимосвязи субъектности и ответственности руководителя является концепция Б.Г. Ананьева о субъекте как активном деятеле, как субъекте труда, общения, познания. Интересен подход автора к пониманию субъекта не только на основе его психофизиологических свойств, но и с учетом знаний, умений, опыта. И высшим феноменом субъектных свойств человека является его творческая деятельность. А развитие субъектных свойств человека представлено в онтогенезе его подготовки, научения и выполнения производственной деятельности [4; 5].

М.А. Щукина доказывает, что субъектное управление развитием личности может быть рассмотрено как саморазвитие личности [6]. Очевидно, в этом случае появляется возможность через процесс саморазвития выйти на активизацию субъектности, что является ценным для формирования ответственности личности в сфере руководства производством. Для нашего исследования не менее важен подход к рассмотрению сущности субъектности как социокультурного феномена [7].

Интересен вывод И.А. Мироненко [8] о соотношении понятий «личность» и «субъект», который на основе проведенного анализа генезиса субъектности утверждает, что субъект и личность имеют одну сущность и неразумно искусственно разделять психические свойства между субъектом и личностью и рассматривать их как подсистемы некоего целого. «Это две стороны человеческой психики, неразрывно слитые: личность непременно

обладает субъектностью, а субъектность – атрибут личности» [8: с. 154].

Для нашего исследования важен подход Е.Н. Волковой [9] к пониманию субъектности, которая рассматривает субъектность не только как самоотношение человека к самому себе, но и как проекцию полученного опыта на взаимодействие с другими людьми и миром в целом. Такая интегральная составляющая субъектности позволяет через анализ компетенций человека прогнозировать его влияние на деятельность других и активное преобразование социально-производственного пространства.

Каленов А.А., анализируя существующие подходы к пониманию субъектности, определяет общие характеристики данного феномена. Во-первых, интегративным феноменом субъектности признается осознанная активность по отношению к своему «Я», своей деятельности, к другим людям и миру в целом. Во-вторых, признание субъектом не только себя, но и других, отношение к ним как к субъектам, признание их права проявлять свою субъектность. В-третьих, осознание своей собственной ценности и уникальности как субъектности [10].

Причем субъектность рассматривается психологами неоднозначно: и как свойство личности, и как функция личности, и как особая форма осознанной активности [10].

Интересна структура субъектности, которую А.А. Каленов определяет как системную целостность, которая включает осознанную активность, т.е. способность к планированию, прогнозированию своей деятельности, способность к целеполаганию и саморегуляции поведения и деятельности, рефлексивность и ответственность. А также осознание своей целостности и особенности и уважительное отношение к другим субъектам, которые имеют такое же право проявлять свою субъектность [10].

Философская и психолого-педагогическая сущность субъектности, рассмотренные О.В. Ершовой [11], позволяют вычленить гуманитарную составляющую данного феномена применительно к напористой активности, которая наиболее типична для руководящей деятельности личности.

Исследуя генезис психологии субъекта, З.И. Рябикина и Г.Ю. Фоменко выделяют критерий качества субъектности: «качество субъектности определяется и уточняется понятием истинной и навязанной субъектности» [12: с. 34]. Причем, выделяя показатели истинной субъектности, авторы акцентируют их роль в «развитии личности по восходящей линии» [12: с. 35].

Проведенный теоретический анализ научных идей, представлений, подходов позволяет рассматривать субъектность как интегративное свойство личности, которое сформировано в результате моти-

вированной, целенаправленной, жизненно ценностной, социально ориентированной активности личности с учетом тренажа существующих собственных психолого-физиологических особенностей в процессе саморазвития, позволяющее быть ответственным, эффективным субъектом деятельности.

Нами выделены показатели функционирования субъектности, которые, очевидно, влияют на формирование ответственности руководителя. К показателям функционирования субъектности отнесли:

- наличие права на собственную субъектность;
- способность к рефлексии;
- готовность к самоосуществлению активности и накопление опыта осознанной активности;
- самоосуществление свободы не от чего-либо, а для чего-либо;
- признание и наличие субъектности других, на которых направлена осознанная активность.

Целью данного исследования стало эмпирическое изучение проявления субъектности руководителями структурных подразделений Дальневосточной железной дороги (ДВЖД). Было использовано анкетирование в программе Google. В исследовании приняли участие 63 руководителя структурных подразделений ДВЖД, из них 65,1 % мужчин и 34,9 % женщин; в возрасте 36–45 лет – 55,6 % респондентов, от 46–55 лет – 25,4 % респондентов, до 35 лет – 14,3 % респондентов, 56–65 лет – 4,8 % респондентов.

Руководящие должности занимали менее 5 лет 37,1 % респондентов; от 6 до 10 лет – 29 %; от 11 до 15 лет – 19,4 %; от 16 до 20 лет – 4,8 %; от 21 до 25 лет – 6,5 % и более 26 лет – 3,2 % респондентов.

Таким образом, наибольшее количество руководителей имеют возраст от 36 до 45 лет (55,6 % респондентов), и большая часть респондентов на руководящих должностях проработали до 10 лет (60,1 % респондентов).

Практически все респонденты (90,5 %) анализируют результаты своей профессиональной деятельности. Внешний анализ профессиональных решений осуществляют: вышестоящее руководство – 69,4 %, сами исполнители решений – 19,4 %, подчиненные – 4,8 %, никто или не могут ответить – 6,4 % респондентов. Результаты исследования показывают, что руководителям присуще свойство рефлексивности, кроме этого, осуществляется анализ деятельности руководителей-исполнителей вышестоящими руководителями.

На вопрос: «Вы активный руководитель?», причем мы специально не обозначали качество активности, ответили утвердительно 82,5 % респондентов, не знают 12,7 % и ответили «нет» 4,8 % респондентов. Результаты подтверждают, что активность как показатель субъектности регистрируется у большинства респондентов.

По вопросу о мотивации активности ответы респондентов позволили выделить сильные мотиваторы: личную самомотивацию – 60,7 %; профессиональный интерес (творчество) – 59 %; профессиональные проблемы – 50,8 %; среднего уровня мотиваторы: вышестоящих руководителей – 41 %; материальное вознаграждение – 39,3 %; подчиненных – 34,4 %; моральное поощрение – 31,1 %; и самый слабый мотиватор – санкции (наказание) – 6,6 %.

На вопрос: «Вы свободны в принятии профессиональных решений?» ответили утвердительно 63,5 % респондентов, ответили «нет» 34,9 % респондентов, «не знаю» – 1,6 % респондентов.

Не нравится 57,1 % респондентов, когда в их производственные решения вмешиваются вышестоящие руководители; 36,5 % респондентов такое вмешательство одобряют; не определились в ответе на этот вопрос 6,3 % респондентов.

Согласны с выражением: «Вассал моего вассала не мой вассал» 30,6 % респондентов; не согласны 54,8 % респондентов; не определились 14,5 % респондентов.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод, что более половины руководителей осознают важность проявления свободы для принятия профессиональных решений и это право на проявление свободы профессиональный действия считают важным для себя.

Практически все респонденты (93,7 %) в своей руководящей деятельности культивируют правило защиты своих подчиненных перед вышестоящим начальством. Это подтверждает проявление свойства осознанной активности и профессионального суверенитета как формы свободы у большинства респондентов.

Больше половины руководителей (54,8 %) чаще самостоятельно принимают профессиональные решения, чем коллегиально, 40,3 % респондентов этим правилом не руководствуются.

Еще больше руководителей (66,7 %) предпочитают самостоятельно принимать решения. Однако 33,3 % респондентов не предпочитают самостоятельно принимать решения.

На вопрос: «Вы предпочитаете коллегиально принимать профессиональные решения?» ответили утвердительно 65,1 % руководителей и 34,9 % респондентов ответили «нет».

Результаты исследования о коллегиальности и самостоятельности принятия решений указывают, что часть респондентов сомневаются в своих действиях, поэтому для некоторых из них (около 10 %) привлекательным одновременно является и самостоятельность, и коллегиальность принятия решений. Вследствие этого логично было задать вопрос об отношении руководителей к своим подчиненным. Практически все респонденты (90,5 %) уважают своих

подчиненных, относятся как к профессиональному ресурсу 49,2 % руководителей, нейтрально – 7,9 % респондентов, снисходительно – 4,8 % респондентов, как равным себе – 1,6 % респондентов.

Очевидно, профессиональный ресурс – это не субъект, и субъектность регистрировать в профессиональном ресурсе проблематично. Поэтому уважение, на которое указывают респонденты, не выражает у них отношение к другому как субъекту. А субъектность личности подразумевает отношение к другим как к субъектам. Видимо, субъектность можно прогнозировать только у (90,5 % – 49,2 % = 41,3 %) 41,3 % респондентов.

С другой стороны, респонденты предполагают, что к ним подчиненные относятся положительно – 77,8 %; уважают их – 54 %; относятся по-дружески – 25,4 %; боятся – 7,9 %; отрицательно относятся – 4,8 % респондентов.

Были определены стили управления, которые используют респонденты в своей профессиональной деятельности (рис. 1). Наиболее распространенный стиль «совместная деятельность» – 55,6 %; стиль «коуч» (обучения, наставления) – 54 %; партнерский – 39,7 %; демократический – 23,8 %; командный – 39,7 %. Очевидно, что большинство респондентов выбрали те стили управления, которые способствуют развитию субъектно-субъектных взаимоотношений.

Рис. 1. Используемые стили управления руководителями структурных подразделений

Из предложенных общих методов управления коллективом респонденты выбрали социально-психологические (88,5 %), административные (55,7 %) и экономические (24,6 %). Очевидно, что социально-психологические методы управления коллективом способствуют развитию субъектно-субъектных отношений.

Из специальных методов управления коллективом респонденты используют ситуационный метод (62,3 %), метод сравнений (44,3 %), метод творческих совещаний (39,3 %), метод квартальных отчетов (14,8 %). Однако преобладающий ситуационный метод не является эффективным и не всегда способствует развитию трудового коллектива.

При теоретическом анализе сущности субъектности как свойстве личности определенное внимание обращалось на развитие смелости, решительности, ответственности. Большинство респондентов (72,6 %) охарактеризовали себя как смелых руководителей. С удовольствием раздают задания своим подчиненным 67,7 % респондентов. При необходимости указывают вышестоящим руководителям на их профессиональные ошибки 51,6 % респондентов. Ответственным человеком характеризуют себя 96,8 % респондентов, и ответственным руководителем считают себя 93,7 % руководителей.

По десятибалльной системе респонденты оценили свою ответственность как руководителя (рис. 2). Результаты позволяют утверждать, что ответственность является неотъемлемым свойством большинства руководителей структурных подразделений.

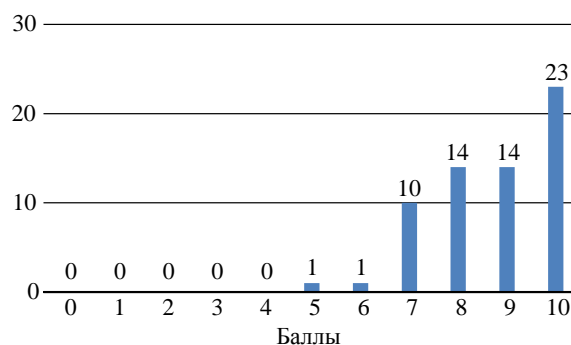

Рис. 2. Самооценка ответственности руководителями структурных подразделений по десятибалльной системе (10 баллов максимальная ответственность)

Результаты ранжирования респондентами направлений ответственности выявили, что на первом месте стоит этическая ответственность, на втором – дисциплинарная ответственность, третье и четвертое места занимают юридическая и материальная ответственность, пятое и шестое места – административная и социальная ответственность, седьмое – экономическая и восьмое – экологическая ответственность. Причем этическая ответственность по количеству выборов респондентов почти в два раза превосходит ближайшую к ней дисциплинарную ответственность. Очевидно, такой результат возможен, когда респонденты уважают субъектность окружающих их людей и относятся к ним как к субъектам.

Проведенное поисковое исследование проявления субъектности руководителями структурных подразделений позволяет сделать определенные выводы.

Во-первых, система карьерного роста в организации учитывает наличие права претендентов на собственные особенности личности, что позволяет руководителям структурных подразделений проявлять свою субъектность. Естественно, свойствами субъектности обладают не в полной мере и не все респонденты, которые участвовали в поисковом эксперименте. Положительным является то, что возраст основной группы руководителей и их опыт работы на руководящих должностях являются наиболее оптимальными для максимальной реализации субъектности в сфере руководства.

Во-вторых, рефлексия является наиболее распространенным свойством субъектности среди руководителей структурных подразделений. Причем реализация внешнего анализа мотивирует руководителей структурных подразделений к рефлексии.

В-третьих, присутствует активность у руководителей структурных подразделений как проявление свойства субъектности, причем можно охарактеризовать активность как высокую и разнонаправленную. Не всегда можно определить эту активность как осознанную. Этот вывод подтверждается выбором респондентами ситуативного метода управления коллективом и неспособностью индуцировать свое собственное мнение. Например, на открытый вопрос анкеты: «Предложите свои виды ответственности руководителя» – только 9 респондентов из 63 попытались ответить, 54 респондента не стали отвечать на этот вопрос.

При исследовании были выявлены мотиваторы активности и среди сильных мотиваторов зарегистрированы: личная самомотивация, профессиональный интерес или творчество, профессиональные проблемы. Именно эти мотиваторы способны сформировать и формируют осознанную активность. Всевозможные поощрения или санкции были зарегистрированы в интервале средних и слабых мотиваторов. То есть мотиваторы – стимулы, которые вызывают реакцию, поведение, а не осмысленные действия, не котируются у респондентов. Дан-

ные результаты могут быть и следствием существования в организации эффективной мотивационной системы, направленной на развитие личности и социально-профессиональных качеств успешных руководителей.

В-четвертых, было выявлено важное свойство субъектности – самоосуществление свободы для чего-либо. Респонденты понимают и осознают важность проявления свободы в принятии профессиональных решений и они не одобряют, когда вышестоящие руководители посягают на их свободу в реализации профессиональной деятельности. Причем такое недовольство высказывают почти половина респондентов. Но, с другой стороны, больше половины руководителей в своем коллективе предпочитают самостоятельно принимать решения и чаще самостоятельно принимают профессиональные решения, чем коллегиально, и одновременно 65,1 % руководителей предпочитают коллегиально принимать профессиональные решения. Такое противоречие в ответах может быть только при внутриличностном проявлении конфликта свободы. Аналогичное состояние в самоосуществлении свободы является не редким, так как сама сущность понятия «свобода» философично сложна и неоднозначна.

В-пятых, большая часть респондентов признают субъектность других и учитывают их субъектность при проявлении собственной активности. Это подтверждается тем, что практически все респонденты уважают своих подчиненных, хотя половина из них принимают подчиненных как профессиональный ресурс. Из стилей управления самый распространенный – стиль совместной деятельности, из направлений ответственности самая важная ответственность – этическая. Эти результаты также подтверждают очевидность признания респондентами субъектности своих подчиненных.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволяет утверждать, что руководители структурных подразделений имеют субъектный ресурс для повышения эффективности профессиональной деятельности, для становления успешного руководителя и формирования ответственности руководителя в целом.

Список источников

1. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). Москва : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : МОДЭК, 1999. 224 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Принцип субъектности в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 4. С. 3–21.
3. Логинова Н.А. Целостный человек как проблема в российской психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 2(26). С. 61–70.
4. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 288 с.
5. Сергиенко Е.А. Идеи Б.Г. Ананьева в разработке системно-субъектного подхода // Методологические и теоретические проблемы психологии : материалы научной конференции / под ред. Л.А. Цветковой, В.М. Аллахвердова. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2009. Вып. 1. С. 89–92.
6. Щукина М.А. Психология саморазвития личности. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2015. 28 с.

7. Мухтарова Л.М., Волов В.В., Мухаметзянова Ф.Г. Социокультурный феномен субъектности//Казанский вестник молодых ученых. 2019. Т. 3, № 2(10). С. 48–56.
8. Мироненко И.А. Субъект и личность: о соотношении понятий // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, Вып. 1. С. 149–155.
9. Волкова Е.Н. Субъектность как деятельное отношение к самому себе, к другим людям и миру // Мир психологии. 2005. № 3. С. 33–39.
10. Каленов А.А. К вопросу понимания субъектности и ее структуры в научных исследованиях // Образование и воспитание. 2017. № 1 (11). С. 3–7.
11. Ершова О.В. Понятие субъектности // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12, № 6. С. 113–115.
12. Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю. Субъектно-бытийный подход: преемственность традиций // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 4. С. 26–35.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theory and research of real personality). Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing house of NGO "MODEK", 1999. 224 p.
2. Abulkhanova-Slavskaya K.A. The principle of subjectivity in Russian psychology // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2005. Volume 2. no 4, p.3–21.
3. Loginova N.A. The integral person as a problem in Russian psychology // Bulletin of Perm University. Psychology. Sociology. Issue 2 (26). pp.61–70.
4. Ananyev B.G. Man as an object of knowledge. St. Petersburg: Peter, 2001. 288 p.
5. Sergienko E.A. B.G. Ananyev's ideas in the development of a system-subject approach // Methodological and theoretical problems of psychology: materials of a scientific conference. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2009. – Issue 1. pp. 89–92.
6. Shchukina M.A. Psychology of personal self-development. Saint Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2015. 28с.
7. Mukhtarova L.M., Volkov V.V., Mukhametzyanova F.G. Sociocultural phenomenon of subjectivity // Kazan Bulletin of Young Scientists. 2019. Volume 3, no. 2(10). pp.48–56.
8. Mironenko I. A. Subject and personality: on the correlation of concepts // Methodology and history of psychology. 2010. Volume 5. Issue 1. p. 149–155.
9. Volkova E. N. Subjectivity as an active attitude to oneself, to other people and the world // World of Psychology. 2005. no 3, p. 33–39.
10. Kalenov A. A. On the question of understanding subjectivity and its structure in scientific research // Education and upbringing. 2017. no 1 (11), p. 3–7.
11. Ershova O.V. The concept of subjectivity // Actual problems of humanities and socio-economic sciences. 2018. Volume 12. no. 6. pp.113–115.
12. Ryabikina Z.I., Fomenko G.Yu. The subject-being approach: continuity of traditions // Man. Community. Management. 2009. no. 4. pp. 26–35.

Информация об авторах

Н.Г. Григорьева – доктор педагогических наук, профессор;
 М.В. Екименко – начальник службы управления персоналом Дальневосточной железной дороги – филиала ОАО «РЖД».

Information about the authors

N.G. Grigorieva – Doctor of Sciences (Pedagogical), Professor;
 M.V. Ekimenko – Head of the Human Resources Department of the Far Eastern Railway – a branch of Russian Railways.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.
 The article was submitted 02.10.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья

УДК 004.946

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-203-207

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ИНТЕРАКТИВНЫХ СРЕД ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Константин Евгеньевич Гулевский¹, Дмитрий Максимович Костров²,

Елена Владимировна Данилова³, Елена Валерьевна Фалеева⁴

^{1, 2, 3, 4}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹kostyak192000@yandex.ru

²elki12_31@mail.ru

³anticva@inbox.ru

⁴faleeva@festu.khv.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования технологии виртуальной реальности для решения задач образовательного процесса. Средствами платформы VRChat создана виртуальная комната с дополнительными возможностями, которую предлагается использовать для проведения различных видов занятий (лекции, семинары и др.).

Ключевые слова: виртуальная реальность, интерактивная образовательная среда, иммерсивность, информационные технологии в образовании

Original article

USE OF VIRTUAL INTERACTIVE ENVIRONMENTS FOR THE EDUCATIONAL PROCESS

Konstantin E. Gulevsky¹, Dmitry M. Kostrov², Elena V. Danilova³, Elena V. Faleeva⁴

^{1,2,3,4}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹kostyak192000@yandex.ru

²elki12_31@mail.ru

³anticva@inbox.ru

⁴faleeva@festu.khv.ru

Abstract. The article discusses the possibility of using virtual reality technology to solve the problems of the educational process. Using the VRChat platform, a virtual room with additional features has been created, which is proposed to be used for conducting various types of classes (lectures, seminars, etc.).

Keywords: virtual reality, interactive educational environment, immersiveness, information technologies in education

Интенсивное развитие информационных технологий в мире требует от нашего государства оперативной реакции на всех уровнях управления по поддержанию высокой динамики внедрения и развития таких технологий в различных предметных областях, в том числе и в образовательной деятельности. В связи с этим разрабатываются и реализуются различные национальные проекты, которые стимулируют внедрение новых образовательных технологий. Например, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» (с изменениями и дополнениями) [1] развитие образования является одним из приоритетов государственной политики. Частью государственной программы являются национальный проект

«Образование», федеральные проекты «Современная школа», «Цифровая образовательная среда» [2].

К задачам, решаемым в рамках данных проектов, относятся формирование современной цифровой среды и соответствующих цифровых компетенций всех участников образовательного процесса. Деятельность по реализации данных задач предполагает использование новейших и перспективных информационных технологий на базе современных аппаратных и программных средств [3].

Одной из таких технологий является технология виртуальной реальности (VR, Virtual Reality) – технология погружения человека в искусственно созданный цифровой мир с помощью специального оборудования. Данная технология является относительно новой и интенсивно развивающейся [4]. Ее потенциал еще не раскрыт до конца, и специалисты

находятся в непрерывном поиске применения этой технологии в различных предметных областях, в том числе и в образовании.

Основным достоинством технологии виртуальной реальности является ее иммерсивность – полная вовлеченность пользователя в цифровой мир, за счет чего при использовании ее в образовательной деятельности можно реализовать эффект полного погружения в учебный процесс. Это приводит к тому, что навыки и умения, приобретенные в виртуальной среде, аналогичны тем, что приобретаются в процессе традиционного обучения, и их можно сразу использовать в реальном мире. Также виртуальная реальность вносит элементы геймификации [5], что повышает вовлеченность обучающегося и улучшает учебный опыт.

Интерактивная виртуальная среда как часть цифрового мира виртуальной реальности является мощным и эффективным инструментом, который может успешно применяться в образовательном процессе.

Нельзя не отметить и сложившуюся сегодня эпидемиологическую обстановку, внесшую свои коррективы в образовательный процесс на всех его уровнях. Для дистанционного проведения различных форм учебной работы – лекций, практических занятий, семинаров – требуется технология, позволяющая не только видеть и слышать участников, но и демонстрировать слайды, документы, рабочий стол выступающего в процессе проведения онлайн-занятия.

Эти или другие возможности в той или иной мере предоставляют следующие программные продукты для организации и проведения различного вида онлайн-конференций: Discord, Zoom, Adobe Connect, FreeConferenceCall, Webex, Click-Meeting, и др.

Несмотря на реализацию множества основных и дополнительных функций, у таких программ есть ряд серьезных недостатков, связанных не столько с их качеством и возможностями, сколько с невысоким уровнем подготовленности пользователей.

Как правило, при использовании таких приложений достаточно сложно освоить интерфейс, понять логику работы, так как необходимо привыкнуть к использованию новых методов и инструментов. Например, в Discord не всем сразу ясно, что такое категории, как попасть в голосовой чат, как запустить демонстрацию экрана и т.д. В процессе общения с применением подобных коммуникационных программ участники не видят друг друга, нет явного понимания, кто говорит в данный момент, нет обратной связи лектора с аудиторией. Также недостатком для учебного процесса является невозможность продемонстрировать различные объекты в трехмерном пространстве, например, дизайн здания, текстуры материалов.

Подобные недостатки могут быть устранены при использовании технологии виртуальной реаль-

ности для решения учебных задач [6]. Данный процесс мы можем наблюдать сегодня, так как на рынке программного обеспечения начинают появляться решения для проведения онлайн-конференций в виртуальной реальности, что позволяет улучшить пользовательский опыт взаимодействия преподавателя и обучающихся.

В работе предлагается для проведения лекций, семинарских, практических и других видов занятий использовать виртуальную комнату как разновидность интерактивной виртуальной среды. Для разработки была выбрана платформа VRChat [7], в связи с тем что она бесплатна для разработчиков и пользователей. Платформа VRChat позволяет добавлять в проект собственные аватары, текстуры и 3D-модели, а также предлагает базовый функционал для общения с участниками онлайн-конференции.

Для демонстрации возможностей продукта была создана виртуальная комната [8; 9], являющаяся копией зала для конференций ДВГУПС (рис. 1).

Рис. 1. Процесс взаимодействия виртуальных участников в виртуальной комнате

Участники совещания видят друг друга в виде трехмерных фигур людей – так называемых аватаров. Используя VR-шлемы и контроллеры (джойстики или перчатки), в процессе занятия можно выполнять в такой виртуальной среде действия, привычные человеку в реальном мире: перемещение по комнате, общение жестами, поворот головы и кивок собеседнику, выбор места за столом, размещение в кресле и т.д. Таким образом, докладчик может видеть виртуальных слушателей и получать от них обратную связь в виде движений их аватаров: кивок головы – согласие с речью докладчика, быстрые повороты головы – несогласие, поднятая рука – желание задать вопрос или возразить (см. рис. 1). Использование таких невербальных компонентов в процессе проведения дистанционных занятий очень важно для психологического и эмоционального комфорта его участников.

Рядом с каждым аватаром отображается его имя, а также статус микрофона (включено/вык-

лючено). Аватары могут обладать достаточной степенью сходства с преподавателями и учениками, что также поможет участникам онлайн-конференции быстро освоиться в интерактивной виртуальной среде.

При проведении занятий в очном формате преподаватель, как правило, использует различные приемы и инструменты для повышения наглядности: записи на доске, демонстрацию слайдов, макеты объектов и пр. Созданная виртуальная комната предоставляет функционал по демонстрации такого дополнительного контента с помощью возможностей виртуальной интерактивной среды в привычном человеку виде. Например, с помощью контроллеров можно, взяв в руку виртуальный мел, сделать записи на виртуальной доске или просто в воздухе рядом (рис. 2). Для демонстрации презентационной графики в виртуальной комнате предусмотрен экран, на котором отображаются слайды презентации докладчика (рис. 2).

Рис. 2. Процесс написания пояснительных надписей и демонстрации слайдов

Дополнительной возможностью является функция демонстрации в процессе проведения совещания заранее подготовленной трехмерной модели любого объекта (например, трубопровода, здания, транспортного средства) [10]. Данная 3D-модель размещается в центре виртуального стола (рис. 3, а), чтобы ее было видно всем участникам, имеется возможность масштабирования и поворота 3D-модели для более внимательного изучения отдельных ее деталей. Любой слушатель с помощью контроллеров или перчаток может «взять» эту модель в руки и рассмотреть с разных сторон. На рис. 3 представлена трехмерная модель старинной электростанции г. Хабаровска.

Также с помощью возможностей виртуальной комнаты можно увидеть, как выглядит 3D-модель изучаемого объекта в натуральную величину в своем настоящем окружении, восстановленном в виртуальном мире [11; 12].

Рис. 3. Демонстрация трехмерной модели электростанции:
а – размещение модели в центре виртуального стола;
б – трехмерная модель

Для этого можно воспользоваться инструментом «телепорт», выполненным в виде виртуальной двери. При прохождении аватаров учеников через такую дверь они попадают в заранее подготовленное виртуальное пространство, в котором находится трехмерная модель и ее виртуальное окружение, соответствующее реальному (см. рис. 3, б). Ученики могут «обойти» модель со всех сторон и изучить остальные объекты данного пространства.

Таким образом, в разработанном продукте для проведения онлайн-занятий были реализованы следующие возможности:

- перемещение аватаров участников в виртуальной комнате;
- возможность выбрать место за столом и сесть в кресло;
- двери-телепорты для перемещения из одной локации сцены в другую;
- текстовые подсказки для первого знакомства с виртуальной комнатой;
- добавление 3D-модели в виртуальное окружение;
- возможность управления 3D-моделью (поворот, можно «взять» её в руки для рассмотрения);
- возможность делать записи на доске и в воздухе при помощи мела;
- демонстрация материалов презентационной графики.

Необходимо отметить, что в создаваемых виртуальных комнатах можно находиться как при помощи шлема виртуальной реальности, так и без него, управляя своим персонажем клавиатурой и мышью, в таком случае видеоряд, который должен отображаться в VR-шлеме, будет выводиться на монитор компьютера.

Данный продукт обладает следующими особенностями. Перенос жестов (поворот и кивок головы, движение рук) в виртуальную среду позволяет видеть реакцию слушателей на речь докладчика, который получает обратную связь, что положительно влияет на его эмоциональное состояние. Эффект объемного звука сразу помогает понять, кто из участников говорит, можно повернуть голову в сторону его аватара, что приближает процесс общения в созданной виртуальной комнате к реальной жизни. Классические возможности демонстрации привычного контента (документы, слайды и др.) привычным способом: экран для показа пре-

зентаций, доска для записей. Новые возможности: демонстрация трехмерной модели объекта, перенос в виртуальный мир, где эта модель представлена в натуральную величину.

В результате разработки виртуальной комнаты на базе платформы VRChat было получено решение, позволяющее дистанционно проводить учебные занятия с использованием технологии виртуальной реальности с возможностью беспрепятственно доносить до аудитории звуковую и визуальную информацию в различной форме: изображения, знаки, инфографику, трехмерные объекты и др.

Важной особенностью такого типа удаленного проведения занятий является погружение обучающегося в ту среду и обстановку, которая требуется для полноценного усвоения материала. Технология виртуальной реальности позволяет расширить возможности представления информации до уровня, который может быть достигнут лишь при очных занятиях.

Список источников

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 03.09.2022).
2. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (дата обращения: 03.09.2022).
3. Национальные проекты России. Цифровая экономика: официальный сайт. URL: nacionaľnyeproyekty.rf/projects/tsifrovaya-ekonomika (дата обращения: 19.07.2022).
4. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Технологии виртуальной и дополненной реальности». URL: digital.gov.ru/uploaded/files/07102019vrag.pdf (дата обращения: 30.07.2022).
5. Смолин А.А., Жданов Д.Д., Потемин И.С., Меженин А.В., Богатырев В.А. Системы виртуальной, дополненной и смешанной реальности: учебное пособие. Санкт-Петербург: Университет ИТМО, 2018. 59 с.
6. Виртуальная реальность в образовании. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii/> (дата обращения: 04.10.2022).
7. The VRChat Documentation Hub. URL: docs.vrchat.com/ (accessed: 30.06.2022).
8. Creating Your First World. URL: docs.vrchat.com/docs/creating-your-first-world (accessed: 30.06.2022).
9. Jerald J. The VR Book: Human-Centered Design for Virtual Reality // Morgan & Claypool Publishers. 2015. 635 p.
10. Линовес Дж. Виртуальная реальность в Unity / пер. с англ. Р.Н. Рагимов. Москва: ДМК Пресс, 2016. 316 с.
11. Хокинг Дж. Unity в действии. Мультиплатформенная разработка на C#: пер. с англ. И. Рузмайкина. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 352 с.
12. Мэннинг Д., Батфилд-Эддисон П. Unity для разработчика. Мобильные мультиплатформенные игры. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 352 с.

References

1. *Postanovlenie Pravitelstva RF ot 26 dekabrya 2017 g. № 1642 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovaniya»* [Decree of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 1642 "On approval of the state program of the Russian Federation "Development of education"]. URL:<http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (accessed on September, 03, 2022) (in Russian).
2. *Federalnyj projekt «Cifrovaya obrazovatel'naya sreda»* [Federal project "Digital educational environment"]. URL:<https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (accessed on August, 12, 2022) (in Russian).
3. *Nacionaľnye projekty Rossii. Cifrovaya ekonomika: oficialnyj sajт* [National projects of Russia. Digital economy: official site]. URL:nacionaľnyeproyekty.rf/projects/tsifrovaya-ekonomika (accessed on September, 03, 2022).
4. *Dorozhnaya karta razvitiya «skvoznnoj» cifrovoj tekhnologii «Tekhnologii Virtualnoj i dopolnennoj realnosti»* [Roadmap for the development of «end-to-end» digital technology «Technologies of Virtual and Augmented Reality»]. URL:digital.gov.ru/uploaded/files/07102019vrag.pdf (accessed on July, 03, 2022).
5. Smolin A.A. *Sistemy virtualnoj, dopolnennoj i smeshanoj realnosti* [Systems of virtual, augmented and mixed reality] / A.A. Smolin, D.D. Zhdanov D.D., I.S. Potemin, A.V. Mezhenin, V.A. Bogatyrev. Uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg: Universitet ITMO. 2018. 59 p.
6. *Virtualnaya realnost v obrazovanii* [Virtual reality in education]. URL:<https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii/> (accessed on October, 04, 2022)
7. The VRChat Documentation Hub. URL:docs.vrchat.com/ (accessed on September, 03, 2022).
8. Creating Your First World. URL:docs.vrchat.com/docs/creating-your-first-world (accessed on September, 03, 2022).

9. Jerald J. The VR Book: Human-Centered Design for Virtual Reality. Morgan & Claypool Publishers, 2015. 635 p.
10. Linoves J. Virtual reality in Unity. Packt Publishing, 2015, 286 p. (Russ. ed.: Linoves Dzh. *Virtualnaya realnost v Unity*. Moskva: DMK Press, 2016, 316 p.).
11. Hawking J. Unity in action. Multiplatform development in C#. Manning Publications; 1st edition, 2015, 352 p. (Russ. ed.: Hoking Dzh. *Unity v dejstvii. Multiplatformennaya razrabotka na C#*. SPb: Piter, 2018, 352 p.).
12. Jon Manning, Paris Buttfield-Addison Mobile Game Development with Unity. O'reilly, INC International Concepts, 2017, 466 p. (Russ. ed.: Menning D., Batfild-Eddison P. *Unity dlya razrabotchika. Mobilnye multiplatformennye igry*. SPb.: Piter, 2018. 352 p.).

Информация об авторах

К.Е. Гулевский – студент;
Д.М. Костров – студент;
Е.В. Данилова – кандидат физико-математических наук;
Е.В. Фалеева – кандидат технических наук, доцент.

Information about the authors

K.E. Gulevsky – Student;
D.M. Kostrov – Student;
E.V. Danilova – Candidate of Science (Physics and Mathematics);
E.V. Faleeva – Candidate of Science (Technical Sciences), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.
The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья
УДК 378.147:004
doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-208-213

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ МОДЕЛЕЙ ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН)

Ирина Михайловна Филянина

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, imfilyanina@mail.ru

Аннотация. Автор приводит основные модели обучения, анализируя состояние образовательной деятельности ведущих вузов страны. Рассматриваются новые модели обучения, возможные к применению при подготовке по юридическим дисциплинам, в условиях использования современных цифровых технологий; формулируются выводы.

Ключевые слова: юридические дисциплины, цифровые технологии в образовании, модели обучения, компетенции, стрим-лекция, деловая игра

Original article

EXPERIENCE IN APPLYING NEW DIGITAL TRAINING MODELS (ON THE EXAMPLE OF TEACHING LEGAL DISCIPLINES)

Irina M. Filyanina

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, imfilyanina@mail.ru

Abstract. The author describes the main training models, analyzing the state of educational activities of the leading universities in the country. New training models are considered, which can be used in training in legal disciplines, in the context of using modern digital technologies; conclusions are formulated.

Keyword: legal disciplines, digital technologies in education, training models, competencies, stream lecture, business game

Образование выступает одним из социальных лифтов, обеспечивающих определенный статус человека в обществе. Конституция РФ статьей 43.4 устанавливает для граждан страны обязанность иметь определенный уровень – основное общее образование [1]. При этом предоставляется возможность реализовать и более высокий уровень, однако для этого во главу угла ставится выбор самого человека. В целях реализации конституционного права на образование государство создает различные гарантии, в том числе формулирует федеральные государственные образовательные стандарты, закладывающие требования к освоению компетенций. Смело можно уверять, что итогом такой образовательной деятельности на уровне государства выступает своеобразный «образовательный код», который, во-первых, исходит из того опыта, в том числе советского, с которым мы оказались на рубеже XXI в.; во-вторых, закладывает основы для будущего развития.

Традиционные способы и методы реализации права на образование в начале XXI в. оказались недостаточными для отражения вызовов современности. Компетентностный подход, на котором

живятся все стандарты, в том числе и профессиональные, с которыми и корреспондируются образовательные стандарты по всем направлениям подготовки и специальностям, только в традиционных форматах не способны сформировать ожидаемые от выпускников компетенции. Вот почему востребованными оказываются различные интерактивные и инновационные формы и методы. При этом различные направления подготовки с разной степенью требуют применения интерактивов в процессе формирования компетенций. В связи с пандемией новой коронавирусной инфекции рост элементов дистанционного обучения, применяемый в образовательном процессе последние три года, позволяет сделать определенные выводы и предположить дальнейшее ожидаемое эффективное поведение всех сторон образовательного процесса.

Признаем, что в процессе применения цифровых технологий в образовательной деятельности акценты сместились, и теперь не само знание становится целью образовательной деятельности, а владения, навыки и возможности, которые позволяют эти знания добыть самостоятельно и применить по мере надобности. Иначе говоря, на первый

план выходит результативность обучения в качестве умения решать задачи и ситуации.

Прежде всего, обратимся к публичным лекциям. Часто публичные лекции исследуются в формате непрерывного образования [2]. Этот инструмент получил в последнее время довольно широкое использование, причем не только в преподавании цикла юридических дисциплин. Обратимся к опыту Максима Владимировича Гончарова¹, который имеет 68 роликов с публичными лекциями по дисциплине «Конституционное право», которые представлены на <https://www.youtube.com/> и которые можно прослушать по ссылке <https://www.youtube.com/playlist?list=PLHp6f7obixbzUeoygz2ssOx3pXYZSRSSw>. Показателями востребованности таких лекций может выступить количество просмотров. Назовем несколько различных цифр: 94, 194, 189, 186, 120 и иное. Можем предположить, что слушателями становится определенный круг лиц, а именно обучающиеся на данном курсе преподавателя студенты.

Так, трансляция лекции по теме «Новое в законодательстве и судебной практике» от 29 мая 2020 г. [3] осуществлялась одновременно в ZOOM и в Google. У слушателей имелась возможность задавать вопросы как устно, так и в чате, комментировать и высказывать свои сомнения или свое видение того, о чем идет речь. Напомним, что все эти действия были осуществимы только в день записи лекции, в последующем они сводятся только к одной возможности, а именно – прослушать лекцию. Хотя лектор обычно указывает адрес своей электронной почты и у слушателей остается возможность выйти на связь и ожидать ответной реакции, причем каждой из сторон.

Аналізу подверглись принятые на данный момент времени федеральные законы. В частности, Федеральный закон от 23.05.2020 г. № 151-ФЗ «О продлении на 2020 г. эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации» (опубликован 23.05.2020) [4]; Федеральный закон от 23.05.2020 г. № 152-ФЗ, который касается проведения в Москве эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах в органы государственной власти, органы местного самоуправления, проводимых в соответствии с федеральными законами, избирательным кодексом города Москвы в 2020–2021 гг.; Федеральный закон № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдель-

ные законодательные акты Российской Федерации» [5], в соответствии с которым внесены изменения в часть 5 статьи 34 «Органы местного самоуправления» Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ [6] в части изменения срока проведения выборов в органы местного самоуправления вновь образованного муниципального образования с шести месяцев на один год и др.

Полезность подобного инструмента видится в том, что, во-первых, предлагается абсолютно новый правовой материал, который самостоятельно студенты могут и не обнаружить; во-вторых, студент имеет доступ к лекции в любое удобное для него время; в-третьих, имеется возможность неоднократного прослушивания и уяснения самых сложных моментов; в-четвертых, такое аудиосопровождение правового материала сродни доктринальному толкованию смысла закона, поскольку представитель научного мира комментирует нормы и положения закона, привлекая дополнительные правовые материалы, которые выступают аналогом гиперссылок и помогают увязать в единый контент новый материал; в-пятых, студент знакомится с новым понятийно-терминологическим аппаратом, поскольку постатейный комментарий раскрывает содержание каждого понятия и термина, применяемых законодателем; в-шестых, лекции сопровождаются презентациями, которые визуализируют вербальный ряд. Таким образом, усиливается цельность правового регулирования с точки зрения оперирования нормами материального права. Вторая часть лекции, посвященная новому в судебной практике, показала, что правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации сопровождается применением законодательства в целях признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Но не все так радужно, как может показаться на первый взгляд. Лектор в такой бесконтактной лекции подчас увлекается собственными комментариями и не справляется с эмоциональной нагруженностью, позволяя себе использовать сленговые выражения, обращения к неоднозначным источникам получения информации, прибегая, например, к следующим формулам: «говорят», «в сети Интернет высказываются мнения», «это испортило нервы», «возглавитель всех органов», «президент-правитель», «продал свою идею» и др. Кроме того, запись может сопровождаться побочными шумами, доносящимися из открытых окон, от передвижений по аудитории, подключениями новых участников и выходами слушателей из сервиса для проведения видеоконференции и онлайн-встреч.

Далее остановимся на приобретающих все большую популярность стрим-лекциях. Для анализа обратимся к стрим-лекциям Романа Григорьевича

¹ *Гончаров Максим Владимирович* – кандидат юридических наук, доцент, директор Института юстиции Уральской государственной юридической академии.

ча Мельниченко², который на этой ниве работает продолжительное время и известен в системе постоянного образования по направлению подготовки «Юриспруденция» лекциями по различным отраслям права и риторике. Обратимся к стрим-лекции «Как устроены конституционные права» [7]. Будучи конституционалистом, Мельниченко Р.Г. показывает связь правового материала из различных отраслей права. Довольно понятный стиль изложения с популяризацией основных идей и постоянное обращение к аудитории в формате вопросов-ответов позволяет на самые сложные вопросы дать ясные ответы, что очень привлекает слушателей и повышает кредит доверия к лектору. Большое количество просмотров, как думается, обеспечено и тем фактом, что данный курс полезен для представителей неюридических направлений подготовки, ведь студенты, обучающиеся по всем направлениям подготовки и специальностям, осваивают дисциплину «Правоведение», в рамках которой в обязательном порядке изучается конституционная модель статуса личности. Следует отметить, что стримы по Конституции РФ вырываются по просмотрам далеко вперед, что свидетельствует о повышении внимания к Конституции РФ, правам и свободам человека и гражданина, изложенным во второй главе Основного закона, к обновленной системе органов публичной власти в стране. Так, стрим от 21 апреля 2020 г. собрал 1365 просмотров!

«Опорные сигналы», которые демонстрирует лектор, отражают основу тезисов и приводимых им аргументов. Например, для объяснения теоретического содержания темы лекции лектор избрал одну статью Конституции РФ, а именно статью 48, по которой, кстати, в 2001 г. он защитил диссертацию «Конституционное право на юридическую помощь» на соискание ученой степени кандидата юридических наук, будучи начинающим адвокатом, и на эту своего рода основу «нанизал» все остальные группы прав.

Безусловным достоинством лектора выступает постоянное обращение к чату, где фиксируются вопросы, на которые непосредственно даются ответы в эфире.

Не с каждым тезисом можно согласиться, поскольку популяризация конституционных идей несколько снижает их целостность и прямую научную трактовку. Уважение к юридическому языку, на чем лектором акцентируется внимание, подчас не находит подтверждения значения данного термина в едином правовом пространстве. В юриспруденции действительно вырабатывается глоссарий

² Мельниченко Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, основатель тренерского кабинета «Мельниченко Р.Г.» (тренер адвокатов и профессиональных медиа-торов).

как своеобразный словарь по терминам, которые применяются в законодательной и правоприменительной практике.

Этот инструмент дает возможность новому формату – проведению совместных стримов двух лекторов по одной теме, как было 5 сентября 2021 г., когда состоялся стрим Андрея Рагулина³ и Романа Мельниченко по вопросу «Место ли адвокатам в Конституции РФ?» [8]. Несомненное достоинство – местопребывание лекторов в различных местах одновременно, в частности, сработала связка Волгоград – Москва. Основу для обсуждения составила научная статья А. Рагулина в международном научно-практическом юридическом журнале «Евразийская адвокатура»⁴ № 3 за 2021 г.

Отдельно хотелось бы отметить лекцию Андрея Николаевича Медушевского⁵ «Теория конституционных циклов» (2018), записанную в Санкт-Петербургском отделении ВШЭ к 20-летию юбилею ВШЭ и 25-летию создания постсоветских институтов. Цель – подведение итогов за прошедший период и определение перспектив. Исходящий тезис – деградация конституционных институтов в Восточной Европе и России и наступление периода популистского конституционализма. Автор говорит о том, что конфликт правосознания общества и позитивного права составляет движущую силу процесса политической трансформации, адекватное объяснение которой оказалось невозможно в рамках теории демократического транзита. Для решения проблемы А.Н. Медушевским предложена «теория конституционных циклов, раскрывающая динамику правовой трансформации как смену фиксированных социальных предпочтений – отказа от старой конституции, принятия новой и последующей фазы конституционной неопределенности, потенциально способной завершиться более или менее выраженной реставрацией исходных форм и методов конституционного регулирования» [9].

³ Рагулин Андрей Викторович – адвокат адвокатской палаты г. Москвы, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права; главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.08, 12.00.11).

⁴ Журнал включён в список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации; присваивает DOI научным публикациям; включён в БД "Ulrich's Periodical Directory"; размещается в НЭБ «Киберленинка»; индексируется в НЭБ "eLIBRARY.RU"; индексируется веб-сайтом «Российский импакт-фактор»; включен в БД EBSCOhost; размещается в аналитической базе «Медиагология»; размещается в НИП «Соционет»; размещается в сервисе публикаций «Readera».

⁵ Медушевский Андрей Николаевич – ординарный профессор НИУ ВШЭ. Российский правовед, социолог, политолог, историк, доктор философских наук, академик РАЕН.

Указанная лекция может быть представлена в качестве практически идеального научного и учебного контента, который должен сопровождать подготовку будущего юриста. Тем более что в каждый новый момент времени лекция приобретает новое звучание для слушателя.

Обратим внимание на деловые игры, которые применяются в практической подготовке будущих юристов, поэтому в эпоху цифровизации образования насыщаются обновленным инструментарием. Опыт профессиональной педагогической деятельности при подготовке юристов показывает, что деловые игры активно интересуют преподавательское сообщество с точки зрения совершенствования их механизма [10].

Несомненное достоинство и востребованность данного инструментария позволяет студентам приобрести первичные практические навыки, наиболее приближенные к решению практических ситуаций. Причем для проведения подобных игр не требуется буквального соблюдения установленных законом требований, достаточно принять их условное наличие. Что еще более ценно и в отличие от реальности возможно, так это множественные повторы одного и того же этапа определенного вида юридической деятельности, что невозможно и недопустимо в реальности. Деловая игра может в результате многократного повторения даже самого медленного «тугодума» среди студентов научить надлежащему поведению в определенных ситуациях. В результате выработаются требуемые навыки практически на рефлексорном уровне.

Безусловным достоинством игр следует признать снятие у студентов боязни аудитории, на которую в профессиональной жизни будет обращена деятельность специалиста. Работа с аудиторией – это одно из «испытаний» юриста, ведь в последующем любая из профессий юридической направленности будет связана с различными аудиториями, деятельность которых подлежит правовому регулированию. Применять такие навыки юрист будет в рамках трудовых функций в связи с занимаемой должностью. Как правило, это «испытание» студента сопровождает на практических занятиях в случае активного его выступления; на научных студенческих конференциях и форумах в связи с представлением его научного доклада; при защите курсовых работ или выпускных квалификационных работ при аргументации и защите основных положений своих работ. Вот почему федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» [11], характеризуя минимальный перечень материально-технического обеспечения, необходимого для реализации программы, предусматривает, в том числе, наличие учебного зала судебных засе-

даний, в рамках работы которого будущие юристы могут нарабатывать первичные навыки в виде деловых игр. Сформированности компетенций, к примеру ОПК-2 (способен применять нормы материального и процессуального права при решении задач профессиональной деятельности) или ОПК-6 (способен участвовать в подготовке нормативных правовых актов и иных юридических документов), можно достичь, привлекая к обучению практикующих юристов, в рамках таких дисциплин, как «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс», «Уголовный процесс» и др.

Современность отражает интерес всех общественных структур и институтов к подготовке специалистов, акцентируя внимание на тесной связи вузовского уровня с этапом общеобразовательной школы. Исследователи изучают потенциал каждой не только хорошо известной, но и вновь создаваемой модели обучения. Одна из таких моделей – тернарная – позволяет объединить и школу, и вуз, и предприятие. Особый потенциал этой модели при подготовке по гуманитарным направлениям может раскрыться при использовании формата удаленной работы с применением современных дистанционных технологий.

Тернарная модель обучения нам интересна с той точки зрения, что в нее были вовлечены наши студенты, будучи еще абитуриентами, поэтому преемственность такой модели в высшей образовательной организации вполне может создать необходимую психологическую восприимчивость нового знания и позволит добиться ожидаемого эффекта. Тернарная модель обучения известна как модель обучения в общеобразовательной и специализированной школах, которая предполагает принцип «школа–вуз–предприятие». Такая модель, по мысли А.А. Вольтова и А.В. Князева, позволяет осуществлять общеобязательную подготовку школьников на базе самой школы, тогда как проектную и исследовательскую деятельность организовывать на базе высших образовательных организаций, которые, в свою очередь, включают работодателей в совместную подготовку специалистов [12]. Трудно не согласиться с авторами указанного подхода, тем более что именно таким образом действительно можно цикл подготовки будущих специалистов замкнуть на практиков и, что еще более значимо, дать начало такому циклу еще в школе.

Создаваемый со школьной скамьи вектор профессионализации подготовки по юридическому направлению мы апробировали в условиях пандемийного периода, когда применяли дистанционные форматы профориентационной работы в школах, и в результате можем признать такой опыт успешным. Показательным результатом нашей работы выступают ежегодные наборы полноценных учеб-

ных групп при условии отсутствия контрольных цифр приема (бюджетных мест).

Неоспорим факт того, что эффективность образовательного процесса зависит от познавательной активности самого студента. Этот принципиальный момент может привести к модификации применяемых приемов и методов применения цифровых технологий. Подчас прохождение тестовых материалов выступает в качестве входного, текущего или частичного промежуточного контроля. Однако познавательная активность студентов способна перевести тестовые материалы в разряд вновь приобретаемых знаний. Не секрет, что базовый уровень знаний после освоения предметов общеобразовательных школ у студентов одного и того же курса высшей образовательной организации различается. Вот почему встреча в вузе с представителями выбранной профессии, по которой осуществляется профессиональная подготовка, способна скорректировать задаваемый стандартами вектор подготовки.

Заключая, отметим следующее. Новые модели обучения по своей сути представляют модификации давно известных, причем конкретная модель будет обусловлена набором цифровых средств и приемов, которые выбирает педагогическое сообщество совместно с работодателями, руководствуясь ожиданиями практики. В одном случае студенты выступают потребителями образовательной услуги и на этом строятся обучающие практики.

В другом случае акцентируется партнерская роль студентов в образовательном процессе, и тогда востребованы иные приемы и способы. Наконец, от студентов можно ожидать активной позиции в создании образовательных продуктов. Вот почему исследователи, анализируя множество различных моделей обучения, приходят к выводу, что «при выборе оптимальной модели каждый отечественный вуз должен исходить из доступных ему ресурсов, а также принимать во внимание уровень подготовки и мотивацию своих студентов» [13: с. 116].

Проведя предметный анализ применения новых моделей обучения на основе использования современных цифровых технологий на примере преподавания юридических дисциплин в Дальневосточном государственном университете путей сообщения (г. Хабаровск), можем подтвердить, что лекции и учебные занятия, проводимые нами последние три года при введении и активном использовании элементов дистанционного обучения, соответствуют уровню лекций, которые проводят представители центральных вузов, и могут быть им конкурентными. Преподавательский состав вправе рекомендовать к применению те или иные инструменты за пределами университета с целью приобретения определенных умений, владений и навыков, которые укрепляются извне, вызывая доверие со стороны студентов.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 0.10.2022).
2. Колеченко А.К. Две структуры непрерывного образования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dve-struktury-nepreeryvnogo-obrazovaniya/viewer> (дата обращения: 02.10.2022).
3. Гончаров М.В. Новое в законодательстве и судебной практике : лекция. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CrYFRkWyoww&list=PLHr6f7obixbzUeoygz2ssOx3pXYZSRsS&index=43> (дата обращения: 0.10.2022).
4. О продлении на 2020 г. эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон № 151-ФЗ от 23.05.2020 г. URL: <https://rg.ru/documents/2020/05/25/fz-o-prodlenii-eksperimenta-dok.html> (дата обращения: 01.10.2022).
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 154-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2020/05/25/fz-izmeneniya-dok.html> (дата обращения: 01.10.2022).
6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. URL: https://legalacts.ru/doc/131_FZ-ob-obviih-principah-organizacii-mestnogo-samoupravlenija/ (дата обращения: 01.10.2022).
7. Мельниченко Р. Как устроены конституционные права (стрим-лекция). URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=стрим%20лекция%20по%20конституционному%20праву&path=yandex_search&parent-reqid=1647140262114729-6339667293752213086-sas2-0256-sas-17-balancer-8080-BAL-57&from_type=vast&filmId=14246783147361949895 (дата обращения: 0.10.2022).
8. Место ли адвокатам в Конституции РФ : стрим. URL : https://yandex.ru/video/preview/?text=стрим+лекция+по+конституционному+праву&path=yandex_search&parent-reqid=1647140262114729-6339667293752213086-sas2-0256-sas-17-balancer-8080-BAL-57&from_type=vast&filmId=11180484097065489287&url=http%3A%2F%2Ffrontend.vh.yandex.ru%2Fplayer%2Fv0w--UkbuHDI (дата обращения: 0.10.2022).
9. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов – видео. URL: https://vk.com/video-103273107_456239257 (дата обращения: 0.10.2022).
10. Модникова Т.Н. Деловая игра как метод формирования профессиональной компетенции студентов-юристов. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/delovaya-igra-kak-metod-formirovaniya-professionalnoy-kompetentsii-studentov-yuristov/viewer> (дата обращения: 0.10.2022).

11. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenceiya-1011/> (дата обращения: 0.10.2022).

12. Вольтов А.В., Князев В.В. Тернарная модель обучения в инженерно-технологической школе // Молодой ученый. 2019. № 5 (243). С. 166–170. URL: <https://moluch.ru/archive/243/56279/> (дата обращения: 02.10.2022).

13. Малошонок Н.Г., Щеглова И.А. Модели организации обучения студентов в университете: основные представления, преимущества и ограничения // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 2. С. 107–120.

References

1. The Constitution of the Russian Federation : adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. Kolechenko A.K. Two structures of continuing education . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dve-struktury-nepreryvnogo-obrazovaniya/viewer> (accessed: 02.10.2022).

3. Goncharov M.V. New in legislation and judicial practice: Lecture. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=СрYFRkWyow&list=PLHp6f7obixbzUeoygz2ssOx3pXYZSRSSw&index=43>

4. On the extension for 2020 of the experiment on voting at digital polling stations in the by-elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the seventh convocation and elections to state Authorities of the Subjects of the Russian Federation : Federal Law No. 151-FZ of 23.05.2020. Access mode: <https://rg.ru/documents/2020/05/25/fz-o-prodlenii-eksperimenta-dok.html> (accessed: 01.10.2022).

5. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation : Federal Law No. 154-FZ. Access mode: <https://rg.ru/documents/2020/05/25/fz-izmeneniya-dok.html> (accessed: 01.10.2022).

6. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation : Federal Law No. 131-FZ of 06.10.2003. Access mode: https://legalacts.ru/doc/131_FZ-ob-obvih-principah-organizacii-mestnogo-samoupravlenija/ (accessed: 01.10.2022).

7. Melnichenko R. How constitutional rights are arranged (stream lecture). URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=стрим%20лекция%20по%20конституционному%20праву&path=yandex_search&parent-reqid=164714026214729-6339667293752213086-sas2-0256-sas-17-balancer-8080-BAL-57&from_type=vast&filmId=14246783147361949895

8. Whether lawyers have a place in the Constitution of the Russian Federation : stream. URL : https://yandex.ru/video/preview/?text=стрим+лекция+по+конституционному+праву&path=yandex_search&parent-reqid=164714026214729-6339667293752213086-sas2-0256-sas-17-balancer-8080-BAL-57&from_type=vast&filmId=11180484097065489287&url=http%3A%2F%2Ffrontend.vh.yandex.ru%2Fplayer%2Fv0w--UkbuHDI

9. Medushevsky A.N. Theory of constitutional cycles video. URL : https://vk.com/video-103273107_456239257

10. Modnikova T.N. Business game as a method of formation of professional competence of law students. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/delovaya-igra-kak-metod-formirovaniya-professionalnoy-kompetentsii-studentov-yuristov/viewer>

11. On the approval of the Federal State Educational Standard of higher education Bachelor's degree in the field of training 40.03.01 Jurisprudence . URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenceiya-1011/>

12. Voltov A.V., Knyazeva V.V. Ternary model of education in engineering and technology school. Text : direct // Young scientist. 2019. № 5 (243). С. 166–170. URL: <https://moluch.ru/archive/243/56279/> (accessed: 02.10.2022).

13. Maloshonok N.G., Shcheglova I.A. Models of the organization of students' education at the university: basic concepts, advantages and limitations // University management: Practice and analysis. 2020. Т.24. № 2 (2022). С. 107–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-organizatsii-obucheniya-studentov-v-universitete-osnovnye-predstavleniya-preimushchestva-i-ogranicheniya>

Информация об авторе

И.М. Филянина – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское, предпринимательское и транспортное право».

Information about the author

I.M. Filyanina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, head of the Department of Civil, Business and Transport Law.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья
УДК 378.08:331.108
doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-214-219

ЛИЧНЫЙ БРЕНД ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Александр Валерьевич Соколов¹, Ирина Александровна Соколова²

^{1,2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹sokolov_khv@inbox.ru,

²sokiadv@mail.ru

Аннотация. В статье акцентируется внимание на наращивании конкурентоспособности вуза с помощью интеллектуального капитала – профессорско-преподавательского состава. Отмечается изменение роли преподавателя при осуществлении образовательной услуги, анализируются компетенции преподавателя, необходимые для успешной реализации образовательной деятельности в условиях цифровизации образования. Рассматривается личный бренд преподавателя вуза как инструмент оказания воздействия на целевую аудиторию для повышения качества образовательной услуги. Анализируются условия успешной реализации личного бренда в системе управления человеческими ресурсами вуза. Акцентируется внимание на маркетинге персонала и компетентностном подходе как условиях максимальной продуктивности профессорско-преподавательского состава для осуществления образовательной услуги.

Ключевые слова: конкурентоспособность вуза, качество высшего образования, личный бренд преподавателя, компетенции преподавателя, цифровизация образования

Original article

PERSONAL BRAND OF A UNIVERSITY TEACHER

Alexandr V. Sokolov¹, Irina A. Sokolova²

^{1,2}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹sokolov_khv@inbox.ru

²sokiadv@mail.ru

Abstract. The article focuses on increasing the competitiveness of the university with the help of intellectual capital - the teaching staff. The author emphasizes the change in the university teacher's role in the educational process and analyzes the competencies of the teacher necessary for the successful educational activities in the context of education digitalization. The personal brand of a university teacher is considered as a tool for influencing the target audience to improve the quality of educational services. The conditions of successful personal brand in the system of human resource management of university are analyzed. Special attention is paid to personnel marketing and competency-based approach as conditions to achieve maximum productivity of teaching staff in the educational process.

Keywords: the competitiveness of the university, the quality of higher education, the personal brand of the teacher, the competence of the teacher, digitalization of education

Вуз всегда являлся фундаментом, гарантом и проводником как фундаментального, так и инновационного знания. Образование в университете призвано не только помочь стать профессионалом «прямо сейчас», но и быть готовым к самообразовательной деятельности в быстро меняющемся VUCA-мире (англ.: V – volatility / изменчивость, U – uncertainty / неопределенность, C – complexity / многогранность, A – ambiguity / неоднозначность). «Наша реальность изменилась. Она стала высоко волатильной (скорость изменений возросла в геометрической прогрессии), неопределенной, непредсказуемой, сложной, противоречивой. Время реакции на одно и то же событие сократилось, принятие решений требует теперь большей срочности, действия – быстроты, скорость – стремительности.

Мир сегодня и все его институциональные системы, в том числе и система образования, вынуждены существовать в новых условиях» [1].

Актуальность темы настоящей работы обусловлена наращиванием конкурентоспособности вуза, с одной стороны, и реализацией социально значимой миссии вуза, с другой стороны. «Конкурентное преимущество вуза основывается на компетенциях его персонала, так как в основе конкурентного преимущества лежит специфический опыт работы, навыки и профессионализм сотрудников учебного заведения, которыми не обладают конкуренты и которые нельзя приобрести за короткий отрезок времени» [2]. Таким образом, конкурентоспособность вуза определяется многими факторами, но одним из важных является интеллектуальный по-

тенциал высшего учебного заведения – профессорско-преподавательский состав.

Высокое качество кадрового потенциала вуза зависит от эффективной проактивной кадровой политики вуза. Стабильный и конкурентоспособный бренд вуза невозможен без сильного HR-бренда, который можно рассматривать как «образ вашей компании как хорошего места работы для всех заинтересованных лиц» [3]. Система управления человеческими ресурсами вуза должна быть встроена в менеджмент образовательной организации, обладать стратегической направленностью на поддержание миссии, целей и задач, стоящих перед вузом. Сильная проактивная кадровая политика вуза – это такая политика, которая ориентирована на формирование и развитие необходимых компетенций профессорско-преподавательского состава в среде вовлеченных профессионалов.

Для формирования и развития сильного личного бренда преподавателя необходимо сформировать инновационную систему управления человеческими ресурсами вуза. Особенность современного подхода к управлению человеческими ресурсами заключается в том, что «люди рассматриваются как достояние компании, которое обеспечивает ее успех в конкурентной борьбе и которое надо размещать, мотивировать, развивать для достижения поставленных организацией целей» [4]. «Таким образом, в настоящее время целесообразно говорить о переходе от управления персоналом к управлению человеческими ресурсами, так как именно в последнем подчеркивается влияние персонала на конкурентоспособность организации» [5]. Идеологической основой системы управления человеческими ресурсами вуза должна стать философия маркетинга персонала.

Актуальность использования данного подхода в системе управления человеческими ресурсами вуза обусловлена активным участием профессорско-преподавательского состава в реализации образовательной услуги, что позволяет рассматривать его как основного поставщика данной услуги. Таким образом, реализация высококачественного образовательного продукта возможна при условии клиентоориентированности профессорско-преподавательского состава вуза. Удовлетворенность качеством образовательной услуги со стороны внешних клиентов – обучающихся, родителей, работодателей, государства – сопряжена с удовлетворенностью кадровой политикой вуза ее внутренними клиентами – профессорско-преподавательским составом.

Маркетинг персонала мы рассматриваем как формирование образа позитивного работодателя для соискателей и действующих сотрудников, как «совокупность процессов продвижения и предоставления продукта или услуги соискателям и со-

трудникам компании и управление взаимоотношениями с ними с выгодой для организации» [6]. Данный подход направлен на формирование удовлетворенности, лояльности и вовлеченности преподавателей вуза.

Для формирования сильного личного бренда преподавателя наличие только удовлетворенности трудом, на наш взгляд, не является достаточным. Удовлетворенность позволяет профессорско-преподавательскому составу оставаться в стенах университета и осуществлять образовательную деятельность в энергосберегающем режиме. Разница в мотивационных комплексах сотрудников объясняет различную степень удовлетворенности теми или иными процессами вуза различных категорий преподавательского состава. Удовлетворенность проявляется как результат сравнения ожиданий сотрудника в отношении места работы и реального рабочего окружения. Если окружение соответствует или превосходит ожидания, возникает чувство удовлетворенности.

Для максимально продуктивной образовательной деятельности, направленной на реализацию миссии и стратегии образовательного учреждения, необходимо наличие лояльности и вовлеченности профессорско-преподавательского состава.

Лояльность (фр. loyal – верность) – преданность содержанию своей работы, благосклонное отношение к организации, руководителю.

Самой важной формой лояльности в организации является лояльность по отношению к своей работе, что отличает художника от мастера в преподавательской среде. Данная форма лояльности основана на внутренних мотивах преподавательской деятельности: стремлении к самореализации, умственному труду и интересе к преподаваемому предмету. «Профессиональная активность преподавателя высшей школы мотивирована самим содержанием преподавательской деятельности, стремлением достичь в ней определенных позитивных результатов» [7]. В своей профессиональной траектории преподаватель ориентирован на развитие своих профессиональных и педагогических компетенций. Выражает заинтересованность и увлеченность своим предметом, стремится к новым формам и методам обучения в изменяющихся реалиях. Лояльность по отношению к своей работе гарантирует высокое качество предоставления образовательной услуги без внешнего стимулирования со стороны менеджмента организации.

Интеллектуальный капитал вуза должен обладать высшей формой лояльности, которая проявляется на уровне убеждений и идентичности. Данная форма лояльности основана на принятии целей, ценностей компании, ее стратегии и миссии. Ее индикаторами являются: готовность продолжить работу; гордость

за организацию; высокая оценка предоставляемого образовательного продукта, готовность рекомендовать организацию как лучшего работодателя. Низкая лояльность влечет неприятие профессорско-преподавательским составом изменений, формальное исполнение рабочих обязанностей.

Активной формой лояльности является вовлеченность. Вовлеченный преподаватель проявляет инициативу и прикладывает значительные усилия для достижения целей и задач, стоящих перед вузом. Высокий уровень вовлеченности у профессорско-преподавательского состава возникает тогда, когда в вузе отлажены все процессы, необходимые для продуктивной работы. «Без продуктивной среды все инициативы людей, рожденные их внутренней мотивацией и высокой лояльностью, будут потеряны» [8].

Задачей менеджмента вуза является создание необходимых условий, направленных на реализацию профессионального интеллекта профессорско-преподавательского состава. Основными барьерами в этой сфере, на наш взгляд, является ограничивающий стиль руководства на кафедрах и в структурных подразделениях, обесценивание преподавательского труда как главного источника конкурентоспособности вуза.

Инструментом, поддерживающим бренд преподавателя, является компетентностный подход к управлению человеческими ресурсами, «позволяющий сформировать и развить необходимые компетенции ппс для успешной реализации образовательного процесса, подготовки таких специалистов, которые будут востребованы на рынке труда» [9]. Под компетенцией мы понимаем «характеристики личности, которые важны для эффективного выполнения работы на соответствующей позиции и которые могут быть измерены через наблюдаемое поведение» [10].

Таким образом, необходимо разработать модель компетенции профессорско-преподавательского состава, направленную на повышение качества образовательного процесса. Современная модель компетенций преподавателя должна ориентироваться:

- на особенности преподавательского труда;
- соответствие требованиям рынка труда;
- влияния цифровизации общества и экономики;
- ценности и особенности современного поколения студентов;
- соответствие миссии и стратегии вуза.

На наш взгляд, «важными личностно-деловыми характеристиками преподавателя – компетенциями являются: стремление к профессиональному и личностному развитию, активная гражданская позиция, мировоззрение, мотивация на успех, управление эмоциональным интеллектом, лидерство, стрессоустойчивость, гибкость, адаптивность, то-

лерантность, цифровые компетенции, ориентация на результат, открытость новому» [10].

Безусловно, ядром высшего образования, определяющим качество обучения и его соответствие запросам современной экономики и прогрессивного развития общества, является кадровый потенциал преподавательского состава вуза. От уровня профессионализма преподавателей в предметной сфере, от их личностно-деловых характеристик зависит качество высшего образования.

Новые вызовы и тренды в экономике определяют направленность образования в вузе. Экономика знаний и цифровая экономика формируют новую реальность, смыслы и ценности, задают направленность новой парадигмы цифрового образования. В этой связи соответствие образования в вузе ценностным координатам современного человека становится весьма актуальным. Мировоззренческие характеристики современного поколения, такие как акцент на индивидуальные ценности, культ личности, персонализация, ориентированность на деятельность в сети, определяют формат и стиль осуществления образовательной услуги.

В цифровой экономике наблюдается изменение роли преподавателя в образовательном процессе. В связи с избытком информации, ее доступностью и открытостью преподаватель уже не является абсолютным носителем знания. Происходит смещение роли преподавателя в сторону дизайнера образовательной среды, навигатора в поле знаний и информации, наставника, коуча.

Значимость преподавателя определяется не только его профессиональной экспертизой. Личность преподавателя является «фундаментом» в работе, поскольку определяет его профессиональную позицию не только в педагогической деятельности, но и в общении со студентами. Преподаватель имеет возможность обращаться к широкой студенческой аудитории, своим примером, своей жизненной позицией мотивировать студентов не только к профессиональному развитию, но и формировать научное и жизненное мировоззрение. Во многом от личности преподавателя зависит профессиональное развитие студентов, выбор той или иной мировоззренческой модели.

Таким образом, яркая, харизматичная личность преподавателя является условием достижения успешности образовательной деятельности. В постоянно меняющемся мире именно преподаватель оказывает влияние на всестороннее становление личности выпускника вуза. Для того, чтобы быть в одном измерении с обучающимися, необходимо использовать инструменты, способствующие этому. Личный бренд преподавателя является одним из таких эффективных инструментов. Личный (персональный) бренд преподавателя – это набор

профессиональных, личностных и деловых компетенций, отражение характера и мировоззрения, сила энергетического воздействия, выражающаяся в конкретных действиях, что формирует образ и репутацию преподавателя.

Персональный бренд преподавателя решает не только задачу повышения качества образовательного процесса, но и направлен на продвижение преподавателя в профессиональных кругах, на личностное и профессиональное развитие, формирует экспертность и конкурентоспособность на рынке труда.

Целесообразность использования личного бренда в образовательном процессе оправдана тем, что студенты, являясь потребителями образовательной услуги, оценивают ее качество, выражают лояльность и вовлеченность в учебный процесс в зависимости от впечатлений, полученных в результате взаимодействия с преподавателем. С помощью личного бренда формируется коммуникативное пространство между преподавателем и его целевой аудиторией.

Структура личного бренда преподавателя представлена такими элементами, как:

- мировоззрение и установки;
- профессиональная экспертность;
- «мягкие» навыки;
- стиль педагогической деятельности.

Мировоззрение и установки преподавателя выражаются в ценностях, мотивации, жизненной позиции. Во многом деятельность преподавателя определяется его мотивационными установками. Подчеркнём важность наличия для преподавательского состава такого мотиватора, как призвание, являющегося специфической потребностью преподавателя высшего учебного заведения, мотивационный комплекс которого характеризуется преобладанием внутренней мотивации. Профессиональная активность преподавателя высшей школы мотивирована самим содержанием преподавательской деятельности, стремлением достичь в ней определённых позитивных результатов. Кроме общетрудовых мотивов трудовой деятельности, у преподавателя существуют специфические мотивы его образовательной деятельности, к которым можно отнести: стремление к самореализации, стремление передавать свои знания и опыт другим, увлечённость конкретной предметной областью, стремление заниматься научной деятельностью, стремление к общению с молодёжью, удовлетворённость результатами труда, престиж преподавательского труда, общественное признание. Таким образом, специфические мотивы профессиональной деятельности преподавателя являются двигателем его образовательной активности, тем самым вызывая интерес у обучающихся к личности увлеченного и

вовлеченного преподавателя, предметной области, сфере его научных интересов.

Компетенции профессиональной деятельности преподавателя представлены экспертными знаниями в профессиональной предметной области, учебно-методическими и педагогическими компетенциями. В условиях цифровой экономики главным приоритетом в образовательной деятельности становится идея обучения в течение всей жизни. Одна из основных задач преподавателя заключается в том, чтобы научить, привить любовь к постоянному профессиональному и личностному развитию. Преподаватель не только пропагандирует студенческой аудитории важность и ценность, но и является флагманом постоянного профессионального развития, демонстрируя это на собственном примере, «постоянно совершенствуя себя как педагога, ученого, личность, преподаватель современного вуза непрерывно растет профессионально сам и создает вузу имидж развивающегося и развивающегося образовательного учреждения» [11].

Но высокая профессиональная экспертность не является гарантом вовлеченности студенческой аудитории в образовательный процесс. В условиях цифровизации образования подвергаются трансформации и педагогические технологии. Появляются новые цифровые компетенции, позволяющие адаптировать образование к изменяющимся условиям. Не стоит упрощать феномен цифровизации образования, ограничивая его рамками внедрения цифровых технологий. Необходимо обратить внимание на модернизацию традиционных механизмов и методов преподавательской деятельности, которая выражается в новых формах и форматах подачи учебного материала, в методиках преподавания, в технологическом и ресурсном обеспечении, формировании цифровой культуры нового поколения. «К новым образовательным технологиям и методикам мы относим те, которые позволяют использовать возможности удаленной работы со студентами: смешанное обучение, гибридное обучение, проектное обучение, геймификацию и т.п.» [12].

Таким образом, высокая профессиональная экспертность, вооруженная цифровыми образовательными технологиями, открывает возможности к полному погружению в образовательную среду современного поколения студентов.

«Мягкие» навыки определяют успешность и результативность преподавательской деятельности. На наш взгляд, наиболее значимой компетенцией является лидерство. Выбор студентами дисциплины для изучения, выбор научного руководителя для руководства выпускной квалификационной работой, заинтересованность в научных изысканиях во многом определяется наличием лидерской компетенции у преподавателя. Данная компетенция

представлена организационной, интеллектуальной, коммуникативной, творческой и эмоционально-волевой компонентами. Несмотря на то, что преподаватель – уже не хранитель знаний, он является проводником в мир знаний и информации, выступает в роли вдохновителя, навигатора по наиболее современной, профессиональной информации. Преподаватель-лидер осознает особенности современного поколения и выбирает адекватные способы и каналы коммуникации, является мотиватором на реализацию успешной образовательной траектории, формулируя учебные задачи для развития определенных компетенций. Своей харизмой преподаватель вуза способен оказывать воздействие на студенческую аудиторию, вовлекая в научные сообщества, формируя интерес к предмету, к постоянному профессиональному и личностному развитию.

Все вышеперечисленные компоненты личного бренда преподавателя реализуются в стиле преподавательской деятельности путем его участия в различных конференциях, семинарах, форумах, тренингах, в особенности организации образовательного процесса. Выбор модели организации совместной деятельности преподавателя и студентов на учебном занятии определяется личностными особенностями преподавателя, профессиональной экспертностью, современными педагогическими компетенциями, готовностью студенческой аудитории к восприятию и обработке информации. Наиболее плодотворной моделью организации образовательной деятельности является научно-педагогическая модель, в рамках которой «педагог, используя результаты собственных исследований, инициируя образователь-

ные инновации, "вынужден" осваивать разные способы совместной деятельности; стремясь сделать студентов активными и значимыми участниками образовательного процесса, он сознательно стремится к организации партнерской модели коммуникации, в которой мало разрешить (позволить) студенту проявлять свою активность и самостоятельность – нужно особыми средствами, приемами и реформативанием учебного материала эту активность и самостоятельность "провоцировать", поддерживать и развивать» [13].

Выводы

Образ и репутация преподавателя складываются из мировоззрения и установок профессиональной экспертности, «мягких» навыков и стиля педагогической деятельности. Если основная транслируемая идея, содержащаяся в вышеперечисленных элементах, формат активности преподавателя, стиль преподавательской деятельности, его роль в образовательном процессе окажутся близкими и понятными студенческой аудитории, то аудитория станет лояльной к преподавателю и/или дисциплине, что выразится во вовлеченности в учебный процесс. Появится интерес к научной деятельности, расширится горизонт профессиональных знаний, возникнет желание постоянно развиваться, повысится качество образования.

Таким образом, личный бренд преподавателя, отражающий и поддерживающий миссию, стратегии, цели и задачи, стоящие перед вузом, формирует конкурентную образовательную программу, влияет на конкурентоспособность вуза.

Список источников

1. Обухова Н.И. VUCA-мир и образовательная среда // Калининградский вестник образования : научно-методический электронный журнал. 2021. № 3 (11) / сентябрь. С. 11–22. URL: <https://koirjournal.ru/realises/g2021/30sent2021/kvo302/> (дата обращения: 06.04.2022).
2. Екшикеев Т.К. Конкурентоспособность и конкурентные преимущества вуза // Проблемы современной экономики. 2009. № 4(32). С. 392–395.
3. Брукловская О., Осовицкая Н.А. HR-Бренд. 5 шагов к успеху вашей компании. Санкт-Петербург : Питер, 2011. 272 с.
4. Соколова И.А., Щуковская М.А. Актуальные тенденции формирования системы управления персоналом вуза // Проблемы и перспективы управления развитием Дальнего Востока : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Хабаровск, 2018. С. 144–150.
5. Соколова И.А., Соколов А.В. Управление человеческими ресурсами: актуальные тенденции // Дискуссия. 2015. № 5 (57). С. 50–56.
6. Володина Н.А. Модель компетенций – это не сложно. URL // <https://hr-portal.ru/article/model-kompetenciy-eto-ne-slozhno> (дата обращения: 06.04.2022).
7. Батлер И. HR-маркетинг. Как сделать вашу компанию мечтой всех кандидатов. Москва : Альпина Диджитал, 2021. 112 с.
8. Богдан Н.Н. Мотивация профессиональной деятельности как основной фактор управления персоналом высшей школы в условиях рыночной экономики (Региональный аспект) : дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2003. 233 с.
9. Клочков А.К. Вовлеченность и лояльность персонала от А до Я. Москва : Эксмо, 2022. 240 с.
10. Соколова И.А., Соколов А.В., Калиновская Н.А. Компетентностный подход к управлению человеческими ресурсами вуза в условиях цифровизации образования. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2022. № 04. С. 102–106. (Серия: Экономика и право).
11. Харченко Л.Н. Преподаватель современного вуза: компетентностная модель. Москва : Директ-Медиа, 2014. 203 с.
12. Калиновская Н.А., Соколова И.А. Применение новых образовательных технологий в условиях цифровизации высшего образования // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 3А. С. 370–378.
13. Поздеева С.И. Преподаватель высшей школы: методист, исследователь, новатор? // Высшее образование в России. 2017. № 3 (210). С. 52–58.

References

1. Obukhova N. I. VUCA-mir i obrazovatel'naya sreda [VUCA world and educational environment] // Nauchno-metodicheskij e`lektronny`j zhurnal «Kaliningradskij vestnik obrazovaniya». 2021. № 3 (11) / september. P. 11–22. URL:<https://koirojournal.ru/realises/g2021/30sent2021/kvo302/>. (accessed on March 06, 2022). (in Russian.)
2. Ekshikeev, T.K. Konkurentosposobnost` i konkurentny`e preimushhestva vuza [Competitiveness and competitive advantages of a higher education institution] / *Problemy` sovremennoj e`konomiki*. 2009, no 4(32), p. 392–395. (in Russian.)
3. Brukovskaya O., Osoviczkaya N.A., HR-Brend. 5 shagov k uspehu vashej kompanii [HR-Brend.5 steps to the success of your company], Piter, 2011. 272 p. (in Russian.)
4. Sokolova I.A., Shhukovskaya M.A. Aktual`ny`e tendencii formirovaniya sistemy` upravleniya personalom vuza [Actual trends of formation of the system personnel management]. In: *Problemy` i perspektivy` upravleniya razvitiem Dal`nego Vostoka. Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem* [Problems and prospects of managing the development of the Far East. Materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation]. Khabarovsk, 2018, pp. 144–150. (in Russian.)
5. Sokolova I.A., Sokolov A.V. Upravlenie chelovecheskimi resursami: aktual`ny`e tendencii [Human resource management: current trends]// *Diskussiya*. 2015, no 5 (57), pp. 50–56. (in Russian.)
6. Volodina N.A. Model` kompetencij e`to ne slozhno [The competency model is not difficult]. URL // <https://hr-portal.ru/article/model-kompetency-eto-ne-slozhno> N (accessed on April 06, 2022) (in Russian).
7. Batler I. HR-marketing. Kak sdelat` vashu kompaniyu mechtov vsekh kandidatov [HR marketing. How to make your company the dream of all candidates]. Al`pina Didzhital, 2021. 112 p. (in Russian.)
8. Bogdan N. N. Motivaciya professional`noj deyatel`nosti kak osnovnoj faktor upravleniya personalom vy`sshej shkoly` v usloviyax ry`nochnoj e`konomiki (Regional`ny`j aspekt). Diss. kand. socz. nauk [Motivation of professional activity as the main factor of higher school personnel management in the conditions of a market economy (regional aspect). Ph.D. Thesis in Socialogy]. Novosibirsk, 2003, 233 p. (in Russian.)
9. Klochkov A.K. Vovlechnost` i loyalt`nost` personala ot A do Ya [Employee engagement and loyalty from A to Z]. E`ksmo, 2022. 240 p. (in Russian.)
10. Sokolova I. A., Sokolov A. V., Kalinovskaya N. A. Kompetentnostny`j podxod k upravleniyu chelovecheskimi resursami vuza v usloviyax cifrovizacii obrazovaniya [Competence-Based Hedgehog Approach to Human Resource Management at a University in the Context of Digitalization of Education]. *Sovremennaya nauka: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki*. Seriya: E`konomika i pravo. 2022, no 04, pp. 102–106. (in Russian.)
11. Kharchenko L.N. Prepodavatel` sovremennogo vuza: kompetentnostnaya model` [Teacher of a modern university: competency-based model], Direkt-Media, 2014. 203 p. (in Russian.)
12. Kalinovskaya N.A., Sokolova I.A. Primenenie novykh obrazovatel`nykh tekhnologii v usloviyakh tsifrovizatsii vysshego obrazovaniya [Application of new educational technologies in conditions of digitalization of higher education]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal]. 2022, no 12 (3A), pp. 370–378. (in Russian.)
13. Pozdeeva S. I. Prepodavatel` vy`sshej shkoly`: metodist, issledovatel`, novator? [University teacher: methodologist, researcher, novator?]. *Vy`sshee obrazovanie v Rossii*. 2017, no 3 (210). pp. 52–58. (In Russian.)

Информация об авторах

А.В. Соколов – кандидат технических наук, доцент;
И.А. Соколова – кандидат философских наук.

Information about the authors

A.V. Sokolov – Candidate of Science (Technics), Associate Professor;
I.A. Sokolova – Candidate of Science (Philosophy).

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.
The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья

УДК 37.022

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-220-227

ЦИФРОВОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Ольга Георгиевна Злобина¹, Мария Александровна Никитина²

^{1, 2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием эффективной образовательной технологии обучения проектной деятельности студентов на примере информационно-коммуникативных технологий, в частности задание в формате «цифровое повествование». Представлены различные подходы к определению понятия «цифровое повествование». Содержится информация о различных мультимедийных средствах, используемых для создания цифрового повествования. Представлено подробное описание ресурса Genially.ru, онлайн-инструмента для создания интерактивных аудиопрезентаций. Приводится пример создания мультимедийной презентации в формате «цифровое повествование».

Ключевые слова: цифровое повествование, цифровой рассказ, образовательная технология, проектная деятельность

Original article

DIGITAL STORYTELLING AS AN EFFECTIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGY FOR TEACHING STUDENTS' PROJECT ACTIVITIES

Olga G. Zlobina¹, Mariya A. Nikitina²

^{1, 2}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

Abstract. The article deals with issues related to the use of effective educational technology for teaching students' project activities on the example of information and communication technologies, in particular, a task in the "digital narrative" format. Various approaches to the definition of the concept of "digital storytelling" are presented. It contains information about various multimedia tools used to create a "digital narrative". A detailed description of the Genially.ru resource is provided, an online tool for creating interactive audio presentations. An example of creating a multimedia presentation in the "digital narrative" format is given.

Keywords: digital storytelling, digital story, educational technology, project activity

Среди эффективных образовательных технологий, применяемых в современном образовательном процессе, особое место занимает «цифровое повествование» (digital storytelling) / цифровой рассказ (digital story). В наиболее широком смысле данный термин обозначает любое повествование, созданное с использованием цифровых технологий. В целом технология цифрового повествования / цифрового рассказа сочетает в себе искусство рассказывать истории с применением современных мультимедиа: графики, аудио-, видео- и веб-дизайна [1]. Цифровое повествование – «естественное развитие традиции устного творчества на новом этапе; можно сказать, что устное творчество плюс технология равняется цифровой нарратив» [2]. Нельзя не согласиться с точкой зрения С. Морра, который предлагает рассматривать цифровой рассказ как искусство рассказывать истории в XXI в.: цифровые технологии дали возможность каждому рассказать свою историю и поделиться ей со всем миром [3].

По мнению российских ученых С.В. Титовой и А.П. Авраменко, цифровое повествование / цифро-

вой рассказ представляет собой способ выражения мыслей или описание в виде короткого (3–5 мин) озвученного видеоролика или слайд-шоу пользователем-непрофессионалом, т.е. это повествование, включающее в себя визуальный ряд с закадровым аудиосопровождением (текст и / или музыкальный фрагмент) [4: с. 34].

Следовательно, цифровое повествование трактуется как личный нарратив в цифровом формате, размещенный в Интернете.

Одними из наиболее значимых сфер применения цифрового рассказа являются образование и социальная практика. Социальную значимость этой технологии сложно переоценить. В начале 90-х гг. XX в. основатели жанра, к которым относятся К. Бернс, Д. Этчли, Дж. Ламберт, создавали «короткие фильмы-нарративы» [5: с. 590] от первого лица, в которых рассказчики комментировали архивные фотографии, озвучивали кинохронику и накладывали музыкальное сопровождение. В 1994 г. Д. Этчли, Дж. Ламберт и Н. Муллен [6] основали Digital Media Center («Центр цифровых медиа») в

Сан-Франциско, в котором была впервые разработана и реализована программа семинара «Цифровое повествование» для населения. С момента своего основания Центр постоянно проводит общие и специализированные семинары.

В Европе этот метод был официально представлен в 2003 г., когда региональная служба BBC Wales запустила собственную программу, основанную на опыте других курсов цифрового повествования, проводимых в различных организациях. Служба BBC Wales охватила широкую аудиторию своим грандиозным проектом, в рамках которого каждый вечер зрители могли увидеть личную цифровую историю, связанную с регионом проживания. Благодаря успеху аналогичные проекты были инициированы во многих областях, таких как образование, здравоохранение и общественное развитие. В результате Уэльс стал европейским центром цифрового повествования.

Другим крупным центром применения цифрового рассказа в качестве методического инструмента в настоящее время является Хьюстонский университет. Портал Educational Uses of Digital Storytelling («Применение цифрового повествования в образовании»), основателем и редактором которого является профессор Хьюстонского университета Б. Робин, содержит обширный теоретический и практический материал по теме, включая ресурсы для преподавателей и примеры цифровых рассказов, созданных студентами.

Цифровое повествование, по мнению Н.В. Маньяйкиной и Е.С. Надточевой [7], можно рассматривать как педагогическую технологию. Как отмечают авторы, с одной стороны, цифровое повествование, как и любая технология, включает цепочку действий, нацеленных на создание определенного продукта; с другой – эта технология может быть признана педагогической, поскольку она способствует решению практических и воспитательных задач.

Использование технологии цифрового повествования/рассказа при изучении иностранного языка дает возможность хорошо освоить материал, приобрести новые навыки работы с технологиями, а также развить свои творческие и коммуникативные способности. Наличие у каждого студента мобильного телефона, iPad или ноутбука способствует их широкому использованию в ходе образовательного процесса. Следует отметить, что студенты проявляют отличные навыки работы с мобильными устройствами, что позволяет им чувствовать себя уверенно и комфортно в этой области.

Цифровое повествование мотивирует к обучению, так как данная технология – прекрасная возможность для студентов поставить себя в центр учебного процесса и быть услышанным в ходе изложения личной точки зрения, представленной в

цифровом рассказе. Создание и обсуждение цифровых рассказов помогает установлению эмоциональных связей между автором и аудиторией, а также внутри группы. Воздействуя на чувства и эмоции обучающихся, цифровые повествования / рассказы позволяют обеспечивать действенный воспитательный эффект.

Воспитательный потенциал технологии цифрового повествования прекрасно реализуется в процессе обучения иностранным языкам. Если тематика цифровых рассказов охватывает освещение социальных и морально-нравственных вопросов, актуальных проблем межличностных взаимоотношений или профессиональной этики, вопросов патриотического воспитания, соответственно данная проектная деятельность способствует расширению словарного запаса по указанной теме, совершенствованию грамматических и фонетических навыков, а также оказывает воспитательное воздействие.

Цифровое повествование улучшает не только разговорные, но и письменные навыки. Во время прослушивания такой работы учащиеся могут активно обсуждать предложенную тему и записывать важные моменты, которые помогут им в дальнейшем обучении.

Благодаря цифровому повествованию студенты могут успешно представить свою работу и заинтересовать аудиторию. Программы, которые помогают создавать цифровые повествования, способствуют проявлению творческого подхода в обучении. При помощи веб-ресурсов можно записывать аудио, вставлять видео и фотографии, текст, музыку, а также использовать другие интерактивные функции для большей вовлеченности и поддержания интереса аудитории.

Таким образом, использование формата «цифровой рассказ» способствует формированию универсальных компетенций, компонентом которых является ИКТ, когнитивные, научно-исследовательские и социокультурные компетенции, а также развитию логического и системного мышления обучающихся, ориентируя их на поиск системных связей и закономерностей.

Мультимедийная и творческая составляющие данных заданий делают их привлекательными для обучающихся, мотивируя их к более интенсивному усвоению материала. Оправданность и перспективность интеграции этих заданий в преподавании иностранных языков доказывается также эффективностью их применения как особого вида интерактивной проектной работы в языковом классе.

В настоящее время существует множество мультимедийных средств, начиная от инструментального программного обеспечения и заканчивая многочисленными веб-приложениями, которые могут быть использованы для создания индивиду-

ального цифрового повествования/рассказа. Рассмотрим наиболее популярные мультимедийные средства, которые позволяют превратить любую информацию в цифровое повествование.

- «Vyond» – это редактор с набором готовых шаблонов и библиотек, необходимых для создания видеоклипа.

Функционал программы предусматривает два режима работы: простой и полный. В первом представлены инструменты для создания небольшого видео, состоящего из диалога нескольких героев, во втором можно создать профессиональный ролик. Также есть возможность выбора категории: *business friendly*, *whiteboard animation*, *video infographics*, *common craft*. После выбора типа программа предоставляет соответствующие персонажи, фоны, звуки и переходы. В процессе работы можно управлять не только движениями и эмоциями героев, но и применять анимированные «живые» фоны, библиотеку шумовых эффектов и фильтров. Доступны функции декорации для персонажей, прописки (в какое время кто и что будет выполнять) и накладки звука, для этого разрешается использовать не только нарисованные облачка с текстами, но и вставленные собственные звуковые файлы или оптимизированные ПК голоса. Полученным результатом можно поделиться, получив ссылку со специальным кодом для вставки в любой интернет-ресурс или публикации в социальных сетях: Facebook и Twitter.

Платформа имеет бесплатную подписку, но ее функции ограничены, например, максимальная продолжительность видео составляет 30 секунд, а для получения полного доступа к функционалу требуется корпоративная версия, что, с нашей точки зрения, является существенным недостатком данной программы.

- «PhotoShow PRO» – удобный инструмент для создания анимированных видеороликов из фотографий с музыкой и спецэффектами. Благодаря простому русскоязычному интерфейсу и обширным возможностям редактирования программа позволяет подготовить красочное слайд-шоу всего за несколько кликов. Преимущества этой платформы заключаются в наличии готовых шаблонов, создании видео и живых эффектов. В распоряжении пользователя находятся десятки готовых шаблонов от профессиональных дизайнеров, которые представлены в программе и их не нужно скачивать. Кроме этого, приложение позволяет оживить фотографии с помощью реалистичных эффектов снега, дождя, листопада, огня, фейерверков и так далее всего за пару кликов. Наряду с вышеперечисленными преимуществами следует отметить, что платформа Photo Show PRO является мощным редактором, в котором можно создавать многослой-

ные анимированные слайд-шоу, настоящие коллажи с 3D-эффектами.

- «Adobe Slate» представляет собой простой, удобный и бесплатный онлайн-инструмент для создания историй на основе иллюстраций (это может быть фото, коллаж или слайд-шоу). Это достаточно новый проект, который появился в 2015 г. в виде сервиса и мобильного приложения.

Сервис дает возможность оформления контента в виде «интерактивного полотна», в которое включены текстовые комментарии, ссылки, фотоподборки, крупные иллюстрации. Для начала работы необходимо зарегистрироваться.

Мобильное приложение дает возможность без специальных навыков создать презентацию.

В приложении представлен набор макетов, шрифтов и эффектов, что позволит создавать свои истории высокого качества.

Готовой историей можно поделиться с помощью ссылки. Можно получить и код для встраивания историй на странички сайтов или блогов.

- «ShowMe Interactive whiteboard app» – это мобильное приложение, которое позволяет преподавателям и обучающимся любого возраста создавать презентации под названием ShowMe, которыми можно поделиться через устройство или онлайн, в частном порядке или с аудиторией сообщества. Пользователь может записывать и создавать привлекательные презентации по выбранной им теме с помощью множества инструментов, таких как добавление текста, рисунков, фотографий и изображений. Неоспоримыми плюсами данного ресурса являются создание видео из любого документа, возможность приостановить видео с последующим его редактированием, а также импорт изображения из существующей на мобильном устройстве библиотеки, встроенной камеры или из сети Интернет.

- «Genially» – универсальный онлайн-инструмент для создания интерактивных аудиопрезентаций, управляемых пользователем или автоматически воспроизводящихся, видеопрезентаций, проектов с использованием геймификации, интерактивных плакатов, резюме и портфолио.

Проект, созданный в Genially, легко можно оживить с помощью интерактивности и анимационных эффектов. Интерактивные элементы позволяют добавлять комментарии к объектам, открывать всплывающие окна, делать гиперссылки на слайды внутри ресурса и внешние сайты.

Сервис предлагает архив бесплатных фотографий и возможность добавления собственных. Также легко можно интегрировать различный контент (видео- и аудиофайлы, анимацию, Google карты и многое другое) с любой внешней платформы – YouTube, Vimeo, Google Drive, Google Map, Google Docs, Google Forms, Spotify, Soundcloud, Dizzer, Tipeform, Infogram.

В дополнение ко всем этим преимуществам Genially хранит всю информацию в облаке, поэтому продолжить работу над проектом возможно с любого компьютера. Готовую работу можно встроить на страницу сайта или блога.

Готовый продукт, созданный в сервисе Genially, можно опубликовать на сайте, в социальных сетях или просто поделиться ссылкой на ресурс. Данная платформа позволяет работать не только в предложенных шаблонах, но и создавать свои собственные слайды с пустой страницы. Кроме того, этот сервис является бесплатным и предоставляет пользователю возможность использовать его неограниченное количество раз.

Из вышеприведенного обзора сервисов и платформ, позволяющих создавать цифровое повествование, становится очевидным, что данная технология является примером успешной интеграции средств ИКТ для решения определенных практических и воспитательных задач. Таким образом, цифровое повествование способствует формированию целого ряда компетенций:

- информационных компетенций, включающих в себя умение студентов работать со средствами ИКТ (компьютер, телефон и т.д.), умение искать и аккумулировать информацию, создавать письменные сообщения и использовать их в составе цифровых рассказов;

- когнитивных компетенций, охватывающих умение ставить учебные задачи и решать их; умение мыслить творчески, организовывать найденную и созданную информацию;

- коммуникативных компетенций, представленных умением эффективно использовать устную и письменную речь, работать в коллективе;

- научно-исследовательских компетенций, включающих в себя умение собирать и классифицировать данные, создавать проектные работы, надлежащим образом оформлять научные работы.

Технология создания цифрового повествования активно используется при обучении английскому языку студентов Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Студенты с интересом осваивают инновационный инструмент представления и обсуждения информации в виде цифрового повествования/рассказа и достигают значительных результатов в этом направлении. Один из цифровых повествований/рассказов студентов был представлен на Всероссийском открытом конкурсе мультимедийных презентаций и видеороликов на иностранном языке «Моя Малая Родина» в 2022 г. и был удостоен звания лучшего, заняв первое место.

Итак, для создания вышеупомянутого цифрового повествования/рассказа была использована платформа Genial.ly. Вход на сервис требует регистрации: необходимо ввести адрес электронной почты и пароль или воспользоваться другими способами регистрации (Google аккаунт, Facebook и др.)

После регистрации вы попадаете на главную страницу, где сохраняются ваши работы. Для создания цифрового рассказа необходимо нажать кнопку "Create genially" (рис. 1).

Далее появляется окно, где содержатся девять блоков с разным функциональным наполнением: Presentation, Video Presentation, More, Interactive Image, Training Materials, Infographics, Gamification, Blank Creation, Guide. Поскольку интерес для нас представляет создание цифрового рассказа (повествования), следует выбрать блок "Video Presentation", который позволит создать цифровое повествование (рис. 2).

Выбирая готовый шаблон для презентации или «чистый» шаблон, пользователь может оформить презентацию по своему усмотрению (рис. 3).

Данная платформа предлагает разные возможности и методы оформления видеопрезентации. Вкладка "Text" позволяет выбрать текст нужного размера и шрифта (рис. 4).

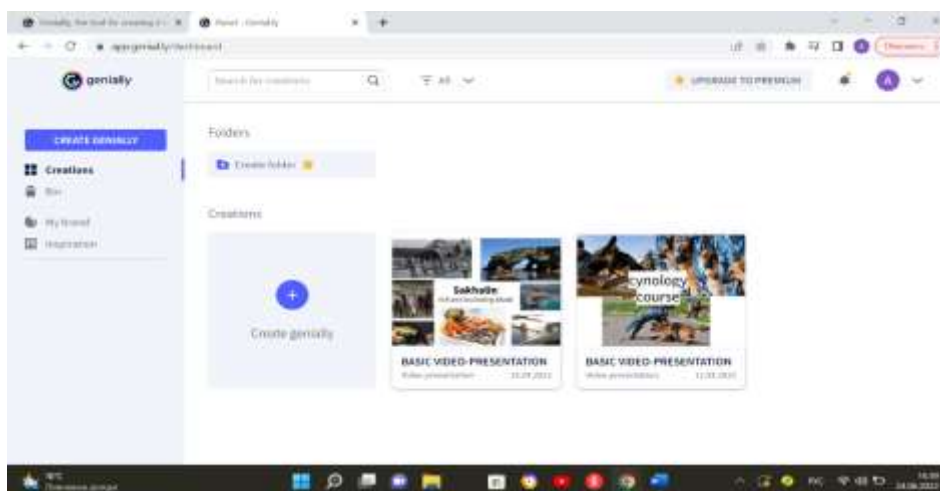

Рис. 1. Вход на платформу

Рис. 2. Создание видеопрезентации

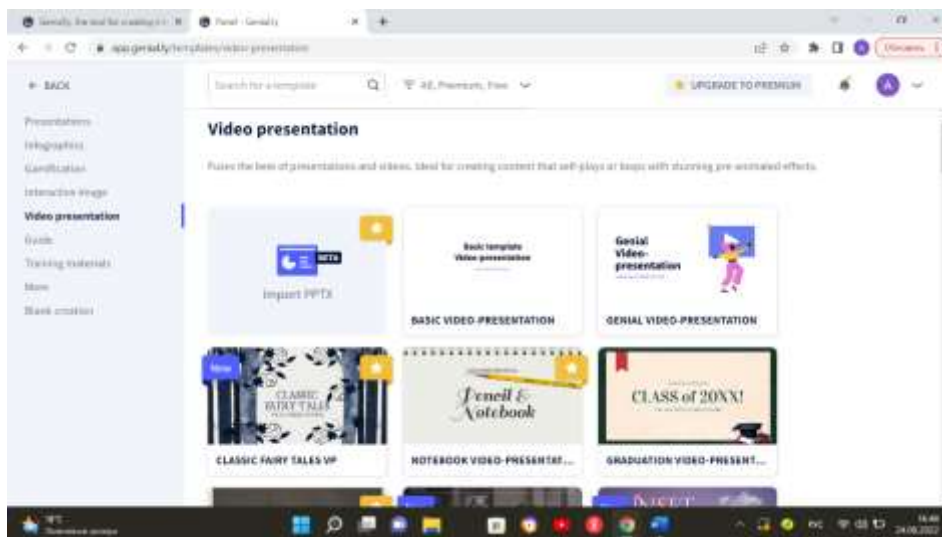

Рис. 3. Выбор шаблонов для видеопрезентации

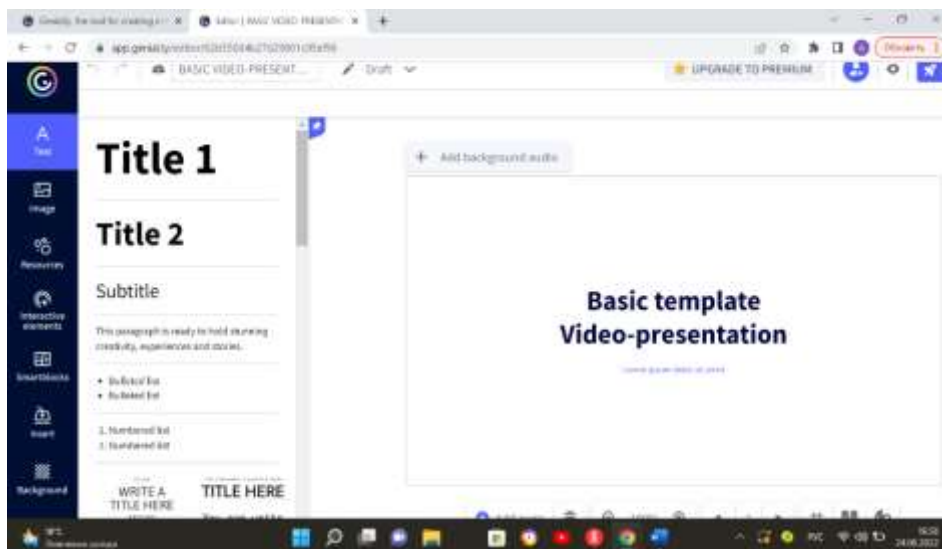

Рис. 4. Оформление текстовой информации

Вкладка "Image" предоставляет варианты оформления видеоряда презентации. Пользователь может вставить заранее скачанные картинки или выбрать фотографии из предложенных этим приложением (рис. 5).

Последующие вкладки "Resources", "Interactive elements" и "Smart blocks" предлагают использовать различные диаграммы и интерактивные значки, которые могут быть использованы для подготовки презентации.

Прежде чем приступить к записи цифрового рассказа, в первую очередь необходимо оформить каждый слайд. После того как все слайды будущей видеопрезентации созданы, можно приступить к записи цифрового рассказа для первого слайда. Для этого следует нажать на вкладку insert и далее на значок микрофона (рис. 6). Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что все записанные аудиодорожки сохраняются, что позволяет выбрать наиболее подходящую из всех созданных звукозаписей.

Создав аудиозапись, нажимаем на выбранную нами аудиодорожку и переносим ее за слайд презентации. Иначе, окошко "audio" будет видно при показе цифровой презентации и закрывать часть слайда.

Далее справа у нас появится вкладка, где можно настроить аудиозапись. Нажав на кнопку "Autoplay" (рис. 7), мы сможем увидеть длительность аудиозаписи, которую необходимо запомнить, так как это понадобится для следующего шага.

После определения длительности трека нажимаем на значок "Navigation", который находится внизу (рис. 8). Справа появится вкладка, где нужно настроить время между слайдами. Здесь необходимо установить время, которое занимает ваша аудиозапись.

Для завершения оформления цифрового повествования/рассказа следует выполнить вышеописанную процедуру с каждым слайдом. Чтобы посмотреть готовую видеопрезентацию, нужно нажать на значок «глаза» сверху. Озвученную видеопрезентацию можно сохранить в облаке, на Google Disk или на мобильных устройствах хранения.

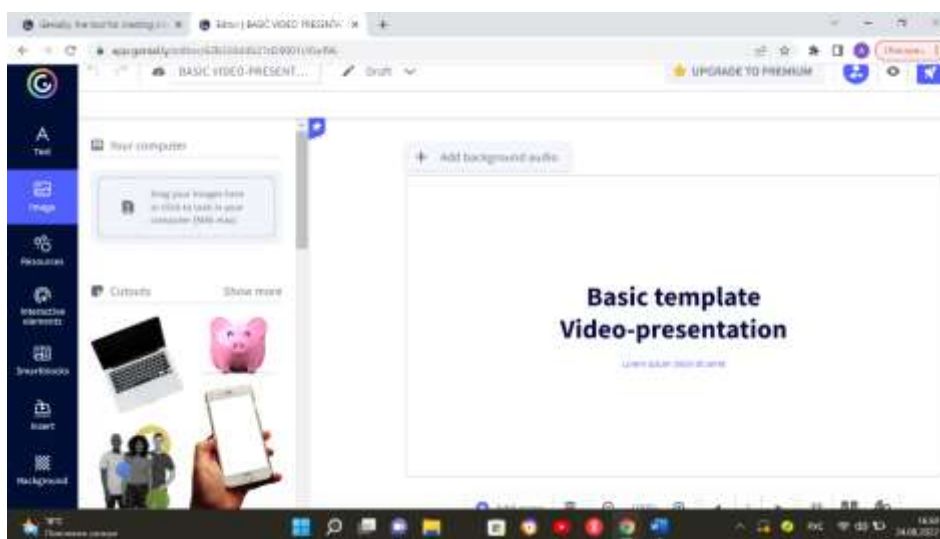

Рис. 5. Оформление видеоряда презентации

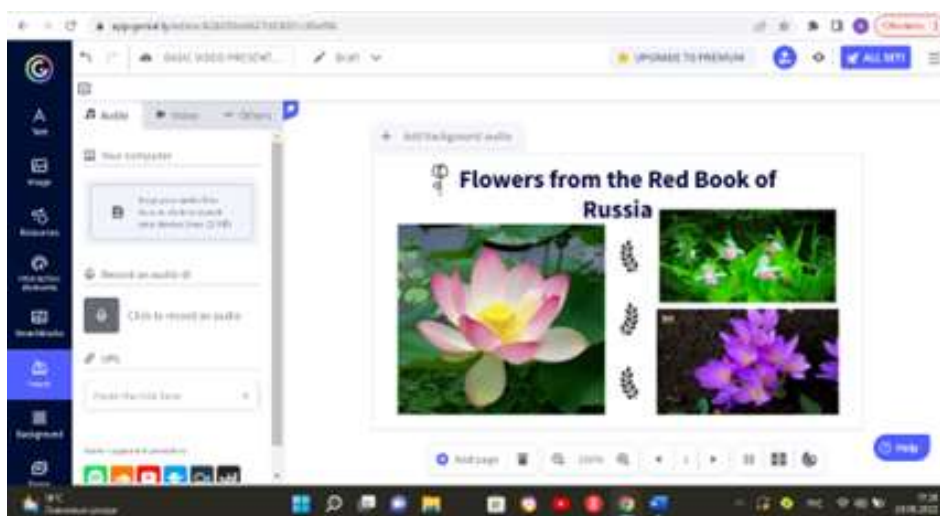

Рис. 6. Общий вид вкладки для создания звукозаписи

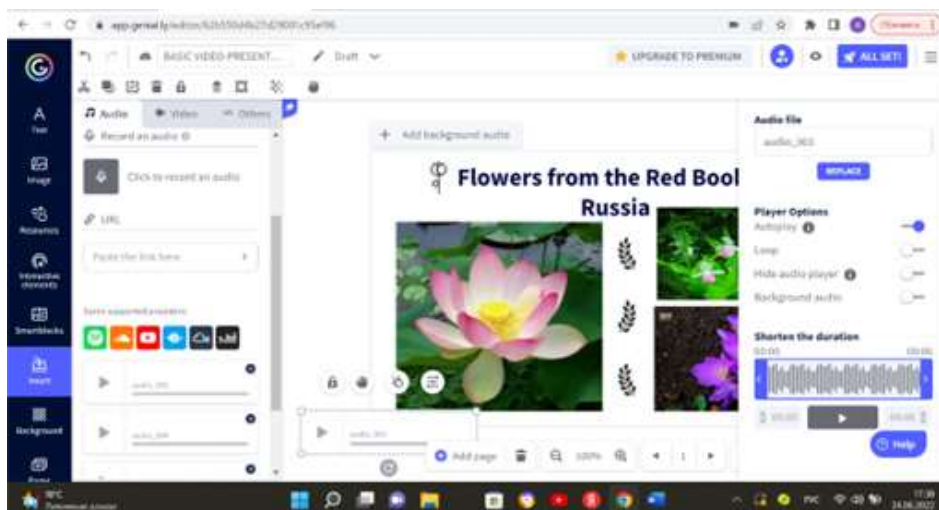

Рис. 7. Общий вид вкладки для настройки длительности звукозаписи

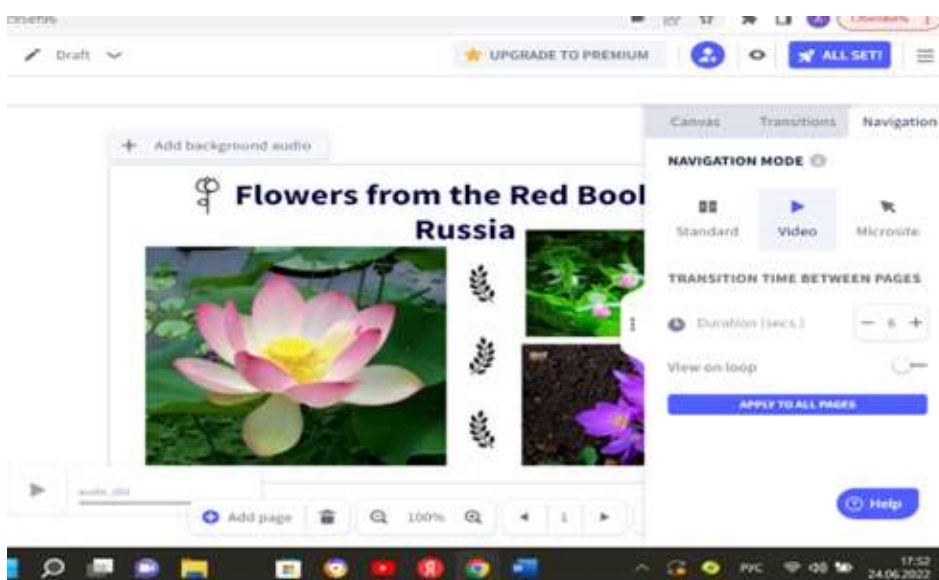

Рис. 8. Общий вид вкладки для настройки времени между слайдами

Очевидно, что описанный авторами проект цифрового повествования способствовал формированию всех видов компетенций, перечисленных выше, а именно информационных, когнитивных, коммуникативных и научно-исследовательских. Наряду с этим нельзя не отметить и воспитательный потенциал, заключающийся в активизации патриотических чувств у студентов и повышении

их интереса к исследованию многочисленных регионов родной страны. Таким образом, с нашей точки зрения, применение технологии цифрового повествования имеет большое будущее в образовательном процессе и будет активно развиваться в обучении проектной деятельности студентов технических вузов.

Список источников

1. Robin B. What is Digital Storytelling? // Educational Use of Digital Storytelling. URL: <http://digitalstorytelling.coe.uh.edu/page.cfm?id=27> (accessed: 21.09.2022).
2. Digital Storytelling for Communities. URL: <https://librarydigitalstorytelling.wordpress.com/what/> (accessed: 21.09.2022).
3. Morra S. 8 Steps to Great Digital Storytelling // Edtechteacher. URL: <http://edtechteacher.org/8-steps-to-great-digital-storytelling-from-samantha-on-edudemic/> (accessed: 21.09.2022).
4. Титова С.В., Авраменко А.П. Мобильное обучение иностранным языкам : учебное пособие. Москва : Икар, 2014. 224 с.
5. Woletz Julie D. Digital Storytelling from Artificial Intelligence to YouTube // Handbook of research on computer mediated communication. Hershey, PA: Information Science Reference. 2008. P. 587–601.
6. Lambert J. Digital storytelling: How digital media help preserve cultures // The Futurist. 2007. No 41(2). P. 25.
7. Маняйкина Н.В., Надточева Е.С. Цифровое повествование: от теории к практике // Педагогическое образование в России. 2015. № 10. С. 60–64.

References

1. Robin B. What is Digital Storytelling? // Educational Use of Digital Storytelling. URL: <http://digitalstorytelling.coe.uh.edu/page.cfm?id=27> (accessed: 21.09.2022).
2. Digital Storytelling for Communities. URL: <https://librarydigitalstorytelling.wordpress.com/what/> (accessed; 21.09.2022).
3. Morra S. 8 Steps to Great Digital Storytelling // Edtechtteacher. URL: <http://edtechtteacher.org/8-steps-to-great-digitalstorytelling-from-samantha-on-edudemic/> (accessed: 21.09.2022).
4. Titova S.V., Avramenko A.P. Mobil'noe obuchenie inostrannym jazykam. Uchebnoe posobie. M.: Ikar, 2014. 224 s.
5. Woletz Julie D. Digital Storytelling from Artificial Intelligence to YouTube // Handbook of research on computer mediated communication. Hershey, PA: Information Science Reference. 2008. P. 587–601.
6. Lambert J. Digital storytelling: How digital media help preserve cultures // The Futurist. 2007. No 41(2). P. 25.
7. Manyaykina N.V., Nadtocheva E.S. Tsifrovoe povestvovanie: ot teorii k praktike // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. № 10. S. 60–64.

Информация об авторах

О.Г. Злобина – кандидат социологических наук, доцент;
М.А. Никитина – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

O.G. Zlobina – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor;
M.A. Nikitina – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.
The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Научная статья

УДК 951 + 971; 971.08:973.06

doi:10.31079/1992-2868-2022-19-4-228-236

РОБЕРТ ХЬЮСОН ПРАЙН – АМЕРИКАНСКИЙ МИНИСТР-РЕЗИДЕНТ В ЯПОНИИ (1862–1865)

Александр Леонидович Анисимов

Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия, anisimov0802@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7222-7699>

Аннотация. В статье рассматривается деятельность американского дипломата Роберта Прайна в период реставрации Мэйдзи, которая недостаточно оценена как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Находясь на посту министра-резидента США в Японии в период реставрации Мэйдзи, Р. Прайн проявил непонимание им причин конфликта в японском обществе. Прайн поддерживал сёгунат Токугава, что осложнило в дальнейшем положение американской дипломатии в деле установления хороших отношений с победившими сторонниками микадо.

Ключевые слова: Япония, США, реставрация Мэйдзи, американская политика нейтралитета, Роберт Прайн, Уильям Сьюард, сёгунат, экспедиции к Симоносеки

Original article

ROBERT HEWSON PRUYN – U.S. MINISTER RESIDENT TO JAPAN (1862–1865)

Alexander L. Anisimov

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia, anisimov0802@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7222-7699>

Abstract. The article examines the activities of the American diplomat Robert Pruiyn during the Meiji Restoration, which is not sufficiently appreciated in both domestic and foreign historiography. While serving as the U.S. resident minister in Japan during the Meiji Restoration, R. Pruiyn showed his misunderstanding of the causes of the conflict in Japanese society. Pruiyn supported the Tokugawa shogunate, which further complicated the position of American diplomacy in establishing good relations with the victorious supporters of the Mikado.

Keywords: Japan, USA, Meiji Restoration, American policy of neutrality, Robert Pruiyn, William Seward, shogunate, expeditions to Shimonoseki

В отечественной историографии практически нет работ, которые рассматривали бы историю американо-китайских отношений середины XIX в. через призму личностей, способствовавших их становлению. В советской литературе о деятельности первых американских дипломатических представителей упоминается в книге «Очерки новой истории Японии (1640–1917)» [1]. Деятельность американского министра-резидента Р. Прайна и его британского коллеги в Японии в этот же период проанализирована в монографии Н.П. Клименко «Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX века» [2]. В американской историографии достаточно полно деятельность Р.Х. Прайна рассмотрена в работе П.Дж. Трита «Ранние дипломатические отношения между Соединенными Штатами и Японией, 1853–1865 гг.» [3]. С учетом сте-

пени изученности проблемы в данной статье поставлена задача проанализировать деятельность министра-резидента США в Японии Роберта Прайна по реализации новых задач китайской политики США в период подъема антииностранного движения в японском обществе в первой половине 60-х гг. XIX в.

Роберт Прайн родился в Олбани, штат Нью-Йорк, 14 февраля 1815 г. Его родителями были Каспарус Ф. и Энн (урожденная Хьюсон) Прайн. Это была одна из старейших и наиболее уважаемых голландских семей в Нью-Йорке, в момент рождения Роберта проживавшая в городе Олбани уже на протяжении более двух столетий.

Прайн окончил Академию Олбани в 1833 г. и получил степень бакалавра искусств, а в 1836 г. – степень магистра искусств Университета Рутгерса.

Он изучал право с Абрахамом Ван Вехтена, был принят в коллегия адвокатов и практиковал в Олбани. Принимал активное участие в деятельности милиции штата, в 1841 г. был назначен начальником военно-юридического управления, которое возглавлял до 1846 г. В 1851 г. его снова назначили на эту должность [3: p. 193].

В 1841 г. Прайн женился на Джейн Энн Лансинг (1811–1886), представительнице другой известной семьи Олбани.

Губернатор Майрон Кларк назначил его в 1855 г. генерал-адъютантом нью-йоркской Национальной гвардии. На этом посту он достиг звания бригадного генерала милиции.

По личному желанию Сьюарда, который был тогда госсекретарем США, президент Авраам Линкольн назначил в 1861 г. Роберта Прайна министром США в Японии.

При выборе преемника Таунсенда Харриса Со-единенным Штатам снова повезло со своим дипломатическим представителем в Японии. Несмотря на серьезную ситуацию, сложившуюся в связи с продолжавшейся гражданской войной и напряженными отношениями с Англией и Францией, У. Сьюард считал миссию в Японию одной из самых важных и желал иметь там кого-нибудь, кого он знал хорошо и на чье здравое суждение мог положиться. Такого представителя он нашел в лице Роберта Хьюсона Прайна, который был близким другом госсекретаря США У. Сьюарда и его сильным политическим сторонником.

В 1861 г. Р.Х. Прайн и его шури Чарльз Б. Лансинг были совладельцами Олбанского металлургического и лесопильного завода. Завод испытывал финансовые затруднения, и Прайн согласился занять должность министра-резидента США в Японии, чтобы вытащить завод из долгов. Р. Прайн покинул Олбани в конце 1861 г. в сопровождении двух своих сыновей, Эдварда и Роберта (Берти). Дома остались его жена Джейн (Дженни) и младший сын Чарли [4].

В своем письме-инструкции от 15 ноября 1861 г. Сьюард указал на трудности, с которыми Прайну придется столкнуться из-за потери национального престижа США в период начавшейся в стране гражданской войны и враждебности японцев по отношению к иностранцам.

Прайн задержался с отправкой в Японию из-за болезни и смерти сына в Сан-Франциско. К тому же из-за гражданской войны не было ни одного свободного американского судна, которое могло бы доставить его в Японию, как это было запланировано. Российское правительство готово было предоставить в его распоряжение военный корвет, но Прайн посчитал, что неразумно плыть под чужим флагом. Поэтому он зафрахтовал американский парусный корабль.

25 апреля 1862 г. Роберт Прайн прибыл в порт Канагава, откуда был доставлен в Эдо на паровой японской яхте «Император», где был с величайшим радушием принят министром иностранных дел и Государственным Советом Японии. 17 мая он получил аудиенцию у сёгуна, которому представил свои верительные грамоты. Какое-то время Р. Прайн был единственным иностранным представителем в Эдо. Японцы смотрели на него как на своего советника и посредника в переговорах с представителями западно-европейских государств. В условиях, когда речь шла о дальнейшем существовании правительства США, которое он представлял, Вашингтон не мог предоставить в распоряжение своего дипломатического представителя корабли американского военного флота для поддержки его позиции в стране пребывания. Три года его миссии были кульминацией антииностранных движений в Японии. Он столкнулся с кризисами гораздо более серьезными, чем те, с которыми пришлось столкнуться его предшественнику на этом посту Т. Харрису [3: p. 193–197].

В апреле 1862 г. Прайн начал переговоры и заключил контракт на покупку Японией у фирмы «Олбани Айрон и Со Уоркс», которой он и его шури владели, канонерской лодки «Фусияма» и двух шлюпов. Р. Прайн не скрывал своих действий от госсекретаря Уильяма Сьюарда, а вместо этого «на следующий день после того, как японцы внесли первый первоначальный взнос» 28 октября, отправил об этом контракте депешу.

Японский обстрел американского торгового парохода «Пемброк» в Симоносекском проливе 25 июня 1863 г. заставил администрацию Линкольна в октябре 1864 г. заблокировать отход построенной «Фусиямы» до окончания войны. После урегулирования Симоносекского инцидента Вашингтон разрешил отправить канонерку «Фусияма» в Японию. По прибытии канонерской лодки в начале 1866 г. японские чиновники выразили протест против уплаты более высокой, чем была прописана в контракте, цены за этот корабль, но Прайн убедил их согласиться уплатить требуемую сумму и использовать разницу между первоначальной ценой и запрошенной американцами итоговой суммой за построенную канонерскую лодку для покупки другого судна [5: p. 3–4].

Несмотря на усилия сёгуна Токугава по умиротворению, многие феодальные даймё по-прежнему сильно возмущались политикой «открытых дверей» сёгуна. Воинственное противостояние европейскому и американскому влиянию вылилось в открытый конфликт, когда император Комэй, нарушив многовековые имперские традиции, начал играть активную роль в государственных делах и издал 11 марта и 11 апреля 1863 г. свой «Приказ об изгнании варваров».

14 сентября 1862 г. в стычке с японскими самураями князя Сацума был убит англичанин Ричардсон, двое других были ранены. Как доносил в Вашингтон новый американский посланник Прайн, во многом в этом конфликте вина падала на Ричардсона, который на лошади врзался в свиту, сопровождавшую князя. Такие действия были расценены японцами как оскорбление и вызвали соответствующую реакцию [6: р. 1064]. Англия решила воспользоваться этим инцидентом, чтобы добиться от Японии новых уступок.

Жёсткая позиция Великобритании и её представителя в Японии вызвала серьёзное беспокойство американского посланника Прайна, который считал, что США должны поддерживать сёгуна в борьбе с оппозицией, так как он был гарантом выполнения договоров, подписанных Японией с США и другими западными державами. Оппозиция же требовала отмены договоров или их пересмотра. В связи с этим, считали американские дипломаты, любое ослабление позиций бакуфу, сёгуна подрывает позиции иностранных держав. Прайн полагал, что английская дипломатия своими требованиями к японскому кабинету подорвёт авторитет сёгуна, продемонстрирует беспомощность бакуфу в деле защиты интересов империи и будет способствовать росту влияния оппозиционных князей, что не в интересах Запада. Американский дипломат был уверен, что ультимативное требование англичан дать ответ в крайне сжатые сроки может быть не выполнено сёгуном, а это, вероятно, приведет к войне.

Поэтому Прайн принимает решение выступить в качестве посредника в возникшем англо-японском конфликте. Во исполнение своего решения он входит в контакт с членами бакуфу и предлагает им заверить англичан, что с японской стороны будет сделано все от нее зависящее, чтобы обеспечить безопасность иностранцев и защиту их прав. С другой стороны, американский представитель предложил английскому представителю в Японии Нилу свои услуги в деле урегулирования конфликта, но встретил отказ. Не принял английский дипломат и предложение Прайна отложить на 10 дней предъявление британских требований [6: р. 1072–1073, 1083]. Англичане не нуждались в посредниках, они хотели обострения конфликта, чтобы, используя силу, заставить Японию пойти на новые уступки. Прайн своей активностью им только мешал.

По мнению представителя США, изложенному им в донесении госсекретарю У. Сьюарду, «курс британского правительства является в высшей степени странным», так как эпизод с Ричардсоном не заслуживает такого внимания в связи с тем, что здесь в большей степени был виноват в трагедии сам британский торговец, нарушив японские обычаи. Прайн разгадал намерение англичан: им про-

сто нужен был повод для предъявления Японии новых требований [6: р. 1079].

Действия Прайна, направленные на мирное разрешение конфликта, вызвали раздражение британского представителя, и он попытался отстранить посланника США от попыток вмешаться в ход событий, изолировать его от европейских дипломатов. Во исполнение этого плана английский поверенный в делах не пригласил Прайна на совещание иностранных дипломатов, созванное по инициативе англичанина 16 апреля 1863 г., ограничившись присутствием представителей Франции и Голландии, на чью поддержку он рассчитывал. На совещании обсуждался вопрос об обороне иностранного сэттльмента в Иокогаме в случае начала военных действий. Европейские дипломаты приняли меморандум о том, что представители каждой державы должны принять меры для защиты своих граждан. С меморандумом был ознакомлен и американский посланник, который воспринял факт его неприглашения на совещание как оскорбление страны и его самого. 18 апреля он написал гневное письмо Нилу, в котором выразил сожаление, что ему как представителю США не было направлено ни уведомления о предстоящем совещании иностранных дипломатов, ни приглашения на него. Прайн отмечал, что он не верит в возможность нападения японцев на сэттльмент. Войну может начать только Англия, что приведет к выступлению японского народа против иностранцев, к дезорганизации торговли. Все те привилегии, которые западные державы добились с таким трудом от Японии, будут потеряны. В связи с этим, считал Прайн, договорным державам лучше придерживаться мирной политики и не провоцировать войну.

20 апреля 1863 г. Нил ответил американскому представителю на его послание от 18 апреля. Британский дипломат подчёркивал, что он действует в строгом соответствии с инструкциями Лондона, и коммерческие интересы не могут превалировать над политическими, когда великой британской нации нанесли оскорбление. Это требовало полного удовлетворения, даже если от этого пострадала бы торговля. Одновременно британский представитель обвинил американских торговцев в том, что те фактически встали на сторону Японии, поставляя ей оружие в условиях серьёзного кризиса, который мог закончиться войной. Нил напомнил Прайну, что еще в декабре 1861 г. госсекретарь США У. Сьюард в беседе с английским послом заявил, что все западные страны должны действовать сообща в деле защиты договорных прав. Тот факт, что Прайн не был приглашён на совещание иностранных дипломатов, Нил объяснил тем, что речь там шла о возможных действиях в случае войны, а Соединённые Штаты не имели в японских водах ни одного воен-

ного корабля, поэтому участие американского дипломата было бесполезным [6: p. 1080–1083].

Обвинение английского дипломата в вооружении японцев современным оружием, которое могло быть повернуто против европейцев, было вполне обоснованным. Беспокойство высказывала и европейская пресса. В 1863 г. лондонская «Таймс» и «Московские ведомости» писали, что «американские подданные показали такую деятельность в доставлении оружия японцам, при настоящих критических обстоятельствах, что полковник Нил был вынужден сделать по этому предмету предостережение американскому дипломатическому агенту» [7].

Отповедь, которую получил Прайн от британского поверенного в делах, заставила первого изменить тон и уточнить свою позицию. 30 апреля он обратился с очередным письмом к английскому представителю, где подчеркивал, что он не собирался осуждать политику британского правительства, и что, вероятно, Нил его не так понял. Американский дипломат уверял, что единственной его целью является защита американских граждан, которые могли бы пострадать в случае англо-японского вооружённого конфликта. Прайн пояснил, что он не собирался вмешиваться в дела английского дипломата, а лишь стремился к мирному урегулированию конфликта в интересах всех заинтересованных сторон. В то же время американский представитель заявил, что Британия не считается с интересами других держав и стремится в первую очередь достичь своих целей в ущерб другим договорным державам. При этом Прайн, как и Нил до этого, сослался на авторитет У. Сьюарда, напомнив его слова, что все договорные державы должны признать единство интересов западных стран и сообща их защищать. Но требования, подчёркивал Прайн, должны быть умеренные и справедливые, как это имело место в случае, когда японцы убили американского секретаря дипломатической миссии Хьюскена.

В письме американский представитель признал, что американские торговцы продают оружие японцам. Но он оправдывал эти действия тем, что американское оружие используется японской стороной для защиты иностранцев. 500 мушкетов были проданы князю, который отвечал за безопасность Иокогамы. К тому же Прайн выдвинул со своей стороны обвинение в отношении британских торговцев, которые вели значительную контрабандную торговлю огнестрельным оружием. Подавляющее количество контрабандного оружия было доставлено в Иокогаму на английских судах. Поэтому он и советовал Нилу заняться этой проблемой, тем более что поставляемое оружие было очень низкого качества и представляло собой угрозу для того, кто им будет пользоваться [6: p. 1085–1088].

Правительство США в целом одобрило действия Прайна. Но в то же время в Вашингтоне считали, что не стоит заострять внимание на англо-американских противоречиях, так как в условиях гражданской войны, которая шла в Соединённых Штатах, правительство не могло выделить достаточно сил для подкрепления своих позиций в Японии и на Дальнем Востоке в целом. Дальневосточные дела отодвигались на второй план. В связи с этим У. Сьюард рекомендовал американскому представителю в Японии пойти на установление тесного сотрудничества с европейскими посланниками, в том числе и английским [6: p. 1126].

Думается, что характеристика отношений Великобритании с США как «острый конфликт» [8: с. 80] не совсем соответствует действительности. Конфликт, в основе которого лежали англо-американские противоречия, различное понимание целей политики держав и методов их достижения, действительно имел место, но только на уровне дипломатических представителей, внешнеполитические ведомства двух держав не были в него втянуты, и он был быстро разрешен в результате смягчения позиции американского представителя в Японии и вмешательства Вашингтона.

21 апреля 1863 г. по требованию микадо сёгун отправился в Киото, где его насильственно задержали для решения вопроса об изгнании иностранцев из страны. Японский император и его окружение в условиях нарастания антииностранных настроений в обществе настойчиво оказывали давление на правительство, чтобы то изгнало западных «варваров». Бакуфу в конечном итоге вынуждено было пойти на эту меру. 5 июня в Киото состоялось совещание микадо с сёгуном, на котором была определена конкретная дата изгнания иностранцев – 24–25 июня.

В условиях роста антииностранных настроений, давления двора и оппозиции сёгуна оказался в крайне трудном положении. Это видели иностранные представители и стремились оказать поддержку сёгуну как гаранту соблюдения договорных отношений с западными державами. Инициативу здесь проявил американский представитель Прайн. 7 мая он написал французскому посланнику в Японии письмо, в котором подчеркивал, что сёгуну надо оказать материальную и моральную помощь в борьбе с оппозицией. Он был уверен, что только единодушное и активное «сотрудничество держав с сёгуном в большей степени укрепит его власть» в стране. Французский дипломат поддержал позицию Прайна [6: p. 1091]. Представители западных держав приняли решение предпринять конкретные меры для поддержки сёгуна и бакуфу.

В конце июня японское правительство сообщило западным дипломатам о своем решении закрыть все порты Японии для иностранцев в соответствии

с приказом императора. В ответ на это уведомление представители западных держав 24 июня направили бакуфу ноты, в которых предупреждали, что это решение японской стороны может иметь для неё самые тяжёлые последствия. Прайн в письме японскому министру Огасавара предупредил, что приказ сёгуна о закрытии портов вовлечет Японию в войну со всеми договорными державами, что приведет к разрушению империи. С подобными заявлениями выступили английский и французский посланники [6: р. 1121–1124].

В условиях нарастания напряженности в Японии и усиления антииностранных настроений среди различных слоёв японского общества, что грозило США потерей их позиций в этой стране, Вашингтон все более склонялся в сторону сотрудничества с западными державами с целью оказания совместного давления на правительство Японии. Тем более что Вашингтон в условиях гражданской войны не мог подкрепить свои действия в Японии силой.

Ещё 8 июня 1863 г. госсекретарь У. Сьюард направил Прайну инструкции, в которых советовал американскому представителю действовать совместно со всеми морскими державами «ради прогресса и цивилизации» и предписал Прайну заявить японскому правительству, что Соединённые Штаты будут сотрудничать с европейскими державами «с использованием всех необходимых средств», чтобы добиться от бакуфу выполнения заключённых договоров. При этом американский дипломат должен был показать японцам, что США не намерены действовать сепаратно.

18 июня У. Сьюард вновь напомнил в очередном письме американскому представителю в Японии о необходимости сотрудничества с «договорными державами» в случае возникновения каких-либо трудностей в империи. Об этом же он говорил и 29 июля, подчеркнув, что единственное условие такого сотрудничества с Англией – отсутствие её стремления к получению каких-либо односторонних завоеваний или преимуществ. В силу того, что Великобритания не ставила в тот период времени таких целей, США должны были оказать ей полную поддержку, хотя у Вашингтона и не было причин жаловаться на японское правительство. У. Сьюард считал, что действия Лондона приведут к «усилению безопасности всех западных наций» [6: р. 1076, 1099, 1126].

Таким образом, администрация Линкольна–Сьюарда отходит от политики невмешательства в дела Японии, политики нейтралитета и склоняется в сторону совместных действий с европейскими державами, в первую очередь с Англией, с тем чтобы защитить свои интересы и интересы других западных наций.

В это время произошел ещё один инцидент, который привёл к обострению отношений между

Японией и западными державами. В проливе Симоносеки при самом входе во Внутреннее море, между островами Никон и Киусиу, береговые батареи и два японских военных судна обстреляли небольшой американский коммерческий пароход «Пемброк». Только темнота наступившей ночи спасла пароход от гибели. Вскоре после этого японцы обстреляли французское судно «Киен-Чан», а затем 16-пушечный голландский пароход «Медуза». Голландский корабль вёл бой в течение полутора часов против 7 береговых батарей и 2 военных судов, на которых был флаг князя Ниигаты. Потери голландцев составили 5 человек убитыми и 5 ранеными.

Получив известие о нападении на американское судно, американцы направили паровой корвет «Вайоминг» в Симоносекский прилив, который потопил два японских военных судна и заставил замолчать несколько батарей японцев, значительно повредив другие.

Вслед за «Вайомингом» в пролив пришёл французский адмирал во главе эскадры из двух судов: парового фрегата «Семирамис» и фрегата «Ганкред». Французские корабли заставили замолчать японские береговые батареи. Высаженный десант захватил и заклепал орудия и разрушил береговые укрепления. Французы успели возвратиться на свои суда до контратаки противника.

Японцы начали боевые действия без объявления войны и без видимого повода к таким действиям, что вызвало негодование иностранцев, которые отмечали связь событий в Симоносекском проливе с общей политикой императора Японии. Понимая, к каким трагическим последствиям может привести этот инцидент, сёгунское правительство заявило, что оно не причастно к этим событиям, а нападение, вероятно, было произведено князьями, враждебно настроенными против бакуфу [9: л. 4–6; 10, л. 145–150; 6].

Под давлением иностранцев правительство Японии вынуждено было объявить об отказе закрыть порты Японии и изгнать иностранцев из страны, опасаясь военного поражения в столкновении с коалицией западных держав, как это было в случае с Китаем в период второй «опиумной» войны (1856–1860). Таким образом, этот кризис разрешился в пользу Запада, сёгунат в очередной раз показал свою слабость, что ещё более подорвало его авторитет и усилило оппозицию.

В начале января 1864 г. бакуфу поставило вопрос о закрытии порта Иокогама для иностранцев и сосредоточении западной торговли в Нагасаки и Хакодате. Японское правительство обосновывало свой шаг ростом антииностранных настроений в народе и устной договорённостью, которая имела место во время переговоров с коммодором Перри, который, по утверждению бакуфу, согласился на то, что в

случае отрицательных последствий открытия страны Япония может вновь закрыть порты и вернуться к политике самоизоляции [11: р. 1, 5]. Это предложение вызвало резкий отпор западных держав.

В мае 1864 г. посланники США, Великобритании, Франции и Голландии провели совещание, на котором речь шла о выработке единой тактики в отношении Японии. Представители держав обвинили японское правительство в непринятии мер к обеспечению безопасности иностранного судоходства в Симоносекском проливе. В вину бакуфу поставили фактическое поощрение князей на нападение на европейцев, так как князь Тёсю, виновный в организации нападений на суда европейцев, не был наказан. Дипломаты отвергли идею закрытия порта Иокогама и заявили, что они будут защищать договорные права в полном объеме всеми средствами. Совещание решило, что представитель каждой страны обратится к японскому правительству с соответствующими нотами [11: р. 52–53]. Фактически западные дипломаты пригрозили Японии войной, если она откажется выполнять их требования. Это не было пустой угрозой. Вскоре последовали и практические шаги.

12 августа состоялось совещание командующих вооруженными силами США, Великобритании, Франции и Голландии в Японии, на котором было решено начать подготовку к военным действиям в Симоносекском проливе. Посланники одобрили это решение.

15 августа западные дипломаты приняли решение немедленно направить к Симоносекскому проливу военно-морские силы, которые должны были уничтожить береговые батареи японцев и другие оборонительные сооружения. Одновременно было решено не вступать ни в какие переговоры с князем Тёсю. Таким образом, мирное решение вопроса исключалось в принципе.

Представители четырех держав признали ответ японского правительства на свои ноты неудовлетворительным и заявили представителю бакуфу, что уже отдали приказ на открытие Симоносекского пролива силой оружия [11: р. 79–80].

Активную деятельность по организации совместной акции западных держав, направленной на насильственное открытие Симоносекского пролива, развил американский посланник Прайн, хотя в его распоряжении не было ни одного крупного военного корабля. Он выступил за немедленное наказание князя Тёсю, который выступил против сёгуна и иностранцев, чтобы преподать урок другим оппозиционным даймё и отбить у них навсегда охоту противиться бакуфу и бороться с иностранцами [6: р. 1145]. Но когда экспедиция была уже готова отплыть к Симоносеки, в Японию вернулось посольство, которое подписало с Францией конвенцию об открытии

Симоносекского пролива через три месяца после возвращения японского посольства в свою страну.

Это меняло ситуацию, и у представителей западных держав уже не было достаточных оснований для репрессивной акции в Японии. В связи с этим представители четырех держав 20 августа собрались на новое совещание. На нём было решено отложить военную операцию до выяснения отношения бакуфу к японо-французской конвенции в отношении Симоносекского пролива. В ответ на запрос западных дипломатов, с которым выступил английский представитель Оллок, 25 августа министерство иностранных дел Японии заявило, что конвенция касается очень важного вопроса, который повлияет на ситуацию в стране. Если бы правительство одобрило эту конвенцию, то могло вызвать этим решением гражданскую войну. Исходя из этих соображений, бакуфу отвергло её.

Отказ японского правительства открыть пролив для иностранных судов вынудил представителей западных держав вернуться к вопросу об организации карательной экспедиции против княжества Тёсю. На совещании западных дипломатов было принято решение немедленно направить объединённый флот против Тёсю, открыть пролив Симоносеки для прохода иностранных судов и еще один порт для торговли [11: р. 84–85].

29 августа из Иокогамы отплыл объединённый флот западных держав в составе 17 судов (8 английских, 3 французских, 1 американского и 4 голландских) с 400 морскими пехотинцами на борту [11: р. 100]. 4 сентября союзные военно-морские силы прибыли в район боевых действий и на следующий день начали бомбардировку японских укреплений княжества Тёсю. Корабли западных держав заставили замолчать японские береговые батареи. После этого с кораблей был высажен десант морской пехоты и матросов численностью свыше 1 тыс. чел. Войско Ямагата Аримота (Тацуносукэ) вынуждено было отступить перед превосходящими силами европейцев. Десант захватил батареи, разрушил их, уничтожил или увёз с собой орудия. 10 сентября князь Тёсю признал своё поражение и принял условия западных держав [12: р. 108; 13: с. 49–50].

Княжество Тёсю согласилось на то, что иностранные корабли будут свободно проходить через Симоносекский пролив, им будет обеспечен дружеский приём и возможность запастись углём и провизией. Князю Тёсю запрещалось восстанавливать разрушенные укрепления или строить новые. Кроме того, княжество должно было оплатить все расходы, которые понесли западные державы в связи с организацией карательной экспедиции в пролив Симоносеки [11: р. 119].

Американцы в этом бою действовали довольно решительно. Хотя в сражении участвовал лишь

один наспех вооружённый американский корабль, но его командир Пирсон, действовавший единственной корабельной пушкой, вызвал всеобщий восторг и получил за это письменную благодарность от командующего объединённым флотом английского адмирала Купера. Об этом с гордостью сообщил американский посланник Прайн в донесении госсекретарю У. Сьюарду [6: р. 553].

Экспедиция иностранных держав в пролив Симоносеки привела, с одной стороны, к ослаблению оппозиционных сёгуну сил (правда, на время), которые выступали за восстановление самоизоляции страны и изгнание из неё иностранцев, что позволило сёгунату временно укрепить свои позиции в стране. Бакуфу наказало непокорное княжество Тёсю с помощью иностранцев. А с другой стороны, был нанесён удар по японскому правительству, которое официально высказалось против открытия Симоносекского пролива, но вынуждено было уступить силовому нажиму западных держав. Хотя официально союзники действовали против оппозиционных сил, одной из их целей было добиться уступок от сёгуната. Помощь иностранцев в решении внутреннего конфликта оттолкнула от режима патриотически настроенные элементы общества и способствовала ещё большей изоляции режима Токугава в стране. Его социальная опора непрерывно сокращалась.

22 октября между Японией и союзными державами в Иокогаме была подписана конвенция. В соответствии со статьей 1 японское правительство должно было выплатить Англии, США, Франции и Голландии 3 млн долл. в качестве компенсации за «агрессивные действия» против западных кораблей. Статья 2 предусматривала порядок выплаты компенсации: 6 взносов по 500 тыс. долл. В статье 3 конвенции японской стороне предоставлялось право выбора: вместо денежной выплаты компенсации она могла открыть для западных держав порт Симоносеки или любой другой порт во Внутреннем море. В статье 4 определялся срок ратификации конвенции – 15 дней [11: р. 138; 14: р. 288].

Японское правительство не имело достаточно средств для выплаты компенсации в установленные сроки. В связи с этим бакуфу попросило об отсрочке выплаты контрибуции. В ответ западные державы предъявили японской стороне меморандум, в котором заявили, что Япония должна безусловно выполнить условия конвенции, а вместо денежной компенсации могла открыть порты Хёго и Осака, ратифицировать договоры 1858 г. и пересмотреть таможенные тарифы в сторону их уменьшения [14: р. 293].

Прайн получил от японского правительства 11 200 долл. в счет оплаты иска за ущерб, нанесенный американскому пароходу «Пемброк» [3: р. 171].

1865 г. не принес каких-либо элементов успокоения в японское общество. Оппозиция продолжала укреплять свои позиции. В ответ на это в мае бакуфу объявило о подготовке второй экспедиции против княжества Тёсю, но она затягивалась из-за явного нежелания многих даймё участвовать в ней.

Для американской дипломатии, так же как и для английской и французской, главным вопросом в это время стал вопрос о ратификации договоров императором. Хотя в это время микадо не обладал политической властью, которая фактически находилась у сёгуна, но он был формально главой государства. К тому же, как отмечал Прайн в письме к У. Сьюарду от 30 декабря, могло стать, что оппозиция, объединившись, сможет сделать императора реальной политической силой в Японии. Американский посланник считал, что ратификация договоров императором лишит оппозиционных князей повода для выступления против договоров, поможет укреплению власти сёгуна и сможет предотвратить сползание страны к гражданской войне. Прайн убеждал сёгунское правительство, что утверждение договора послужит укреплению безопасности и стабильности сёгунского режима. Такой же точки зрения придерживался и сменивший Прайна временный поверенный в делах США в Японии Портмен [15: р. 230, 276]. Здесь проявилось непонимание американскими дипломатами глубинных причин конфликта в японском обществе. Они считали, что камень преткновения находится в области внешней политики правительства сёгуна, в отношении к иностранцам и договорам с западными державами.

5 апреля 1865 г. бакуфу сообщило английскому поверенному в делах Винчестеру, что оно в соответствии со статьей 3 конвенции решило заплатить денежную компенсацию, а не открывать какой-либо порт Внутреннего моря для иностранной торговли. В то же время японское правительство попросило отсрочки в выплате контрибуции. Одновременно японские власти обратились к Прайну с просьбой о поддержке в отсрочке выплаты контрибуции, так как правительство в то время не имело достаточно средств, которые в значительном количестве расходовались на борьбу с мятежным княжеством Тёсю, по вине которого Япония и должна была платить контрибуцию. Но Прайн уклонился от выражения прямой поддержки бакуфу, заявив, что он выступает за такое решение вопроса, которое способствовало бы развитию торговли западных держав со всеми районами страны [15: р. 247].

После получения японской ноты английский представитель инициировал созыв совещания посланников западных держав, которое и состоялось 15 апреля. Участники совещания решили не принимать просьбу японской стороны об отсрочке вы-

платы контрибуции до получения инструкций на этот счёт от своих правительств [16: р. 18].

Великобритания решила воспользоваться этим обстоятельством и предъявить Японии новые требования. Министр иностранных дел Англии Рассел предложил правительствам Франции, США и Голландии пойти навстречу японцам и сократить сумму контрибуции с 3 до 2 млн долл. при условии, что сёгун выполнит 3 требования: 1) с 1 января 1866 г. откроет для иностранной торговли порты Хёго и Осака; 2) добьётся от императора ратификации договоров с иностранными державами; 3) снизит пошлины на ввозимые в Японию товары на 5 % от стоимости товаров [16: р. 18].

Первоначально английская инициатива была отрицательно встречена другими державами. Французское правительство их отвергло, указав в своём ответе, что не было оснований и возможности требовать немедленного открытия Хёго и Осака, так как это могло вызвать осложнения в отношениях между Японией и западными державами. Интересы же держав требовали избегать новых конфликтов [16: р. 30].

В начале мая 1865 г. американский посланник Р. Прайн покинул Эдо, отправившись в отпуск в США. После отпуска он намеревался вернуться в Японию, но по различным причинам личного характера он ушел в отставку и оставил дипломатическую службу.

В 1865 г. Роберт Хьюсон Прайн получил степень доктора юридических наук от Колледжа Уилльямса, стал президентом Национального коммерческого банка Олбани и был одним из основателей школы права в Олбани.

В 1866 г. он неудачно баллотировался на пост вице-губернатора штата Нью-Йорк.

Летом 1869 г. Прайн был незаконно арестован вместе с другими исполнительными членами «Олбани и Саскуэхана» во время попытки Джея Гулда и Джима Фиска купить железную дорогу.

Роберт Прайн внезапно умер в 1882 г. в Олбани.

Р.Х. Прайн был ярким представителем американской дипломатии своего времени. Не обученный дипломатии, он обладал здравым смыслом и принципами. Из всех западных дипломатов, находившихся в Японии в то время, он обладал лучшим пониманием сложных проблем, созданных западно-европейскими дипломатами и их правительствами, и поддерживал сёгунат. Его политика была простой: поддерживать договорные права западных держав в неприкосновенности, но и не совершать неправомерных действий для сохранения прав иностранцев. Он считал, что в беспокойные дни лучше всего послужат такие принципы, как умеренность и терпение. При урегулировании претензий он учитывал реальную ситуацию в Японии и никогда не стремился навязать непомерные требования возмещения ущерба американских граждан, а довольствовался лишь обеспечением суммы, необходимой для покрытия убытков. Соглашаясь на требования западных представителей к Японии о крупной компенсации за Симоносекский инцидент, Прайн надеялся, что это приведет к открытию нового порта для американской торговли японским правительством, а не к выплате денег.

Список источников

1. Бедняк И.Я., Гальперин А.Л., Гришелева Л.Д. [и др.]. Очерки новой истории Японии (1640–1917). Москва : Изд-во Восточной литературы, 1958. 599 с.
2. Клименко Н.П. Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX века. Москва : Наука, 1976. 309 с.
3. Treat P.J. The early diplomatic relations between the United States and Japan, 1853–1865. Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1917. VIII, 459 p.
4. Fessler S. Robert H. Pruyn: An Albany Yankee in the Tycoon's Court // Campus Conversations in Standish. 2019. 11. URL: https://scholarsarchive.library.albany.edu/campus_conversations/11 (accessed: 07.09.2022).
5. Matray J.I. Editorial. In: Journal of American-East Asian Relations. 2020. Vol. 27, Is. 1. P. 1–6.
6. Papers relating to the foreign relations of the United States. 38 Congress, 1863–1864. Washington : Government Printing Office, 1864. Pt. 2. XX, 814 p.
7. Московские ведомости. 1863. 23 июня.
8. Клименко Н.П. Политика Англии в Японии в 1859–1864 гг. // Вопросы всеобщей истории. Хабаровск, 1973. Т. III. С. 57–104.
9. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1081.
10. Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 11. К. 2635. Д. 19.
11. Correspondence respecting affairs in Japan [Japan № 1 (1865)]. London, 1865. 543 p.
12. Satow E.W. A diplomat in Japan. London : Seeley, Service & Co. Limited, 1921. 427 p.
13. Селищев А.С. Японский экспансионизм: люди и идеи. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1993. 256 с.
14. Beasley W.G. Select documents on Japanese foreign policy 1853–1868 // Translated and edited by W.G. Beasley. London : Oxford University Press, 1955. XII, 359 p.
15. Papers relating to the foreign relations of the United States. 39 Congress, 1865–1866. Washington : Government Printing Office, 1866. Pt. 3.
16. Correspondence respecting affairs in Japan, 1865–66. London, 1866. 427 p.

References

1. Bednyak I.YA., Gal'perin A.L., Grishcheva L.D. i dr. *Ocherki novoj istorii Yaponii (1640-1917)* [Essays on the Modern History of Japan (1640-1917)]. Moskva: Izd-vo Vostochnoj literatury, 1958. 599 s. (in Russian).
2. Klimenko N.P. *Kolonial'naya politika Anglii na Dal'nem Vostoke v seredine XIX veka* [Colonial policy of England in the Far East in the middle of the XIX century]. Moskva: Nauka, 1976. 309 s. (in Russian).
3. Treat P.J. *The early diplomatic relations between the United States and Japan, 1853–1865*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1917. VIII, 459 p.
4. Fessler S. Robert H. Pruyn: An Albany Yankee in the Tycoon's Court. In: *Campus Conversations in Standish*. 2019. 11. URL https://scholarsarchive.library.albany.edu/campus_conversations/11 (accessed: 07.09.2022).
5. Matray J.I. Editorial. In: *Journal of American-East Asian Relations*. 2020. Vol. 27, Is. 1. P. 1–6.
6. *Papers relating to the foreign relations of the United States. 38 Congress, 1863 – 1864*. Washington: Government Printing Office, 1864. Pt. 2. XX, 814 p.
7. *Moskovskie vedomosti* [Moscow Statements]. 1863. 23 iyunya. (in Russian).
8. Klimenko N.P. *Politika Anglii v Yaponii v 1859–1864 gg.* [The policy of England in Japan in 1859–1864]. In: *Voprosy vseobshchej istorii*. Habarovsk, 1973. T. III. S. 57–104. (in Russian).
9. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Dal'nego Vostoka* [Russian State Historical Archives of the Far East]. F. 87. Op. 1. D. 1081. (in Russian).
10. *Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti* [State Archives of the Irkutsk Region]. F. 24. Op. 11. K. 2635. D. 19. (in Russian).
11. *Correspondence respecting affairs in Japan* [Japan № 1 (1865)]. London, 1865. 543 p.
12. Satow E.W. *A diplomat in Japan*. London: Seeley, Service & Co. Limited, 1921. 427 p.
13. Selishchev A.S. *Yaponskij ekspansionizm: lyudi i idei* [Japanischer Expansionismus: Menschen und Ideen]. Irkutsk : Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1993. 256 s.
14. Beasley W.G. *Select documents on Japanese foreign policy 1853–1868* / W.G. Beasley / Translated and edited by W.G. Beasley. London : Oxford University Press, 1955. XII, 359 p.
15. *Papers relating to the foreign relations of the United States. 39 Congress, 1865–1866*. Washington: Government Printing Office, 1866. Pt. 3.
16. *Correspondence respecting affairs in Japan, 1865–66*. London, 1866. 427 p.

Информация об авторе

А.Л. Анисимов – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

A.L. Anisimov – Doctor of Science (History), Professor.

Статья поступила в редакцию 27.09.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.
The article was submitted 27.09.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Публикация статей бесплатная.

4. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию, размещены на официальном сайте журнала – <http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm>

5. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

6. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, телефон, e-mail.

7. К рассмотрению принимаются материалы, поступившие только на официальную электронную почту журнала: journal@festu.khv.ru.

1. The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. The publication is free of charge.

4. The requirements for manuscripts submitted to the editorial board – <http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm>

5. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

6. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

7. Please address the materials to the following e-mail: journal@festu.khv.ru

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Подписку на журнал можно оформить по каталогу АО «Почта России». Подписной индекс – ПП959.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ (2022)

Раздел	Номер	Стр.
Философия		
<i>Балалаева Н.К.</i> О некоторых способах даосской медитации	Том XIX, Вып. 3	68
<i>Волкова А.А.</i> Опыт осмысления понятий веры, разума и познания мыслителями Киевской Руси в контексте гносеологической традиции ранневизантийской патристики	Том XIX, Вып. 3	82
<i>Емельянов Б.В., Ионайтис О.Б.</i> Опыт и его границы: версия Б.Н. Чичерина	Том XIX, Вып. 3	138
<i>Зангиров В.Г.</i> Субъектность и объектность в социогуманитарном познании	Том XIX, Вып. 2	68
<i>Запорожский М.Н.</i> Опыт понимания природы человека в духовно-академической традиции в контексте критики учения антропологического материализма, эволюционизма и «научного социализма»	Том XIX, Вып. 3	94
<i>Корнилов Ю.А.</i> Опыт восприятия пространства в метафизике духовно-академического теизма второй половины XIX – начала XX века	Том XIX, Вып. 3	102
<i>Королёв А.Д.</i> Мир, в котором много ответов	Том XIX, Вып. 3	45
<i>Лившиц Р.Л.</i> Казаться и быть: смысложизненные ориентации личности в меняющемся мире	Том XIX, Вып. 3	36
<i>Ли Пин.</i> Опыт «органицистского» восприятия действительности К.Н. Леонтьевым как основа его «реакционного романтизма» и «неовизантизма»	Том XIX, Вып. 3	111
<i>Маниковская М.А.</i> Художественный феномен Г. Яхиной: опыт экзистенциальной аналитики	Том XIX, Вып. 3	57
<i>Мартишина Н.И.</i> О возможной метафизической составляющей нетрансцендентального познавательного опыта	Том XIX, Вып. 3	26
<i>Мацына А.И.</i> Преодоление в структуре опыта: попытка антропологической экспликации	Том XIX, Вып. 3	49
<i>Моисеенко Е.Е.</i> Опыт критики православной моральной метафизикой нравственно-антропологических идей немецкой философии конца XVIII – первой половины XIX века	Том XIX, Вып. 3	117
<i>Нижников С.А.</i> Сократические исследования: анализ некоторых вопросов	Том XIX, Вып. 3	141
<i>Павилов Д.А.</i> Опыт обоснования феноменологического подхода в Московской духовно-академической школе	Том XIX, Вып. 3	125
<i>Пишун С.В.</i> Опыт понимания процесса познания в казанской теистической школе второй половины XIX века в контексте влияния философского эмпиризма	Том XIX, Вып. 3	89
<i>Рудецкий О.А., Лившиц Р.Л.</i> Образ философа в контексте современной эпохи	Том XIX, Вып. 3	174
<i>Сердюков Ю.М.</i> Перинатальный опыт	Том XIX, Вып. 3	10
<i>Тайсина Э.А.</i> Принцип единства бытия и познания в метафизике Аристотеля и диалектике Гегеля	Том XIX, Вып. 3	147
<i>Тебякина Е.Е.</i> Женщины на военной службе вчера и сегодня	Том XIX, Вып. 3	62

Раздел	Номер	Стр.
<i>Хань Юй.</i> Теистическая модель метафизики архиепископа Никанора (Бровковича) как опыт обоснования православной «позитивной философии»	Том XIX, Вып. 3	132
<i>Ярочкин Д.А.</i> Аналитика музыкального опыта на Западе и Востоке	Том XIX, Вып. 3	75
Психология		
<i>Анчукова Н.И., Ницпан К.О.</i> Сознательные и бессознательные процессы внутриличностного конфликта как психологические механизмы формирования жизненной позиции личности	Том XIX, Вып. 4	49
<i>Бекер Д.Л.</i> Смерть, красота и тело: размышления о расстройствах пищевого поведения	Том XIX, Вып. 4	117
<i>Воробьева И.А.</i> Экзистенциальный смысл концепта «тоска» в русской языковой картине мира	Том XIX, Вып. 4	158
<i>Воробьева К.И., Бадерко А.В.</i> Религия как коллективное бессознательное	Том XIX, Вып. 4	23
<i>Воробьева К.И., Лукьянова Е.Л.</i> Психологическая защита как ресурс адаптивного поведения у русских студентов в Лондоне во время пандемии 2020 года	Том XIX, Вып. 4	104
<i>Гаевская Л.Г.</i> Чувство когерентности как показатель жизненной удовлетворенности личности	Том XIX, Вып. 4	80
<i>Григорьева Н.Г., Дрюцкая С.М.</i> Неявные знания и их влияние на формирование профессиональных династий	Том XIX, Вып. 4	75
<i>Дерябина А.С., Пономаренко Ю.С.</i> Психология нарциссической личности (на примере художественного фильма «Москва слезам не верит»)	Том XIX, Вып. 4	143
<i>Зубцов Д.С.</i> Феномен катарсиса в психологии киноискусства: диагностика переживания	Том XIX, Вып. 4	125
<i>Кедярова Е.А., Светлакова Н.И., Монжиевская В.В., Уварова М.Ю., Чернецкая Н.И.</i> Психологические особенности ранних детских воспоминаний у взрослых с разным уровнем агрессивности	Том XIX, Вып. 4	86
<i>Кирсанова Л.И., Коротина О.А.</i> Чего хотят картинки сновидения?	Том XIX, Вып. 4	55
<i>Леженина А.А.</i> Возрастной аспект представлений о психотерапии в современном российском обществе	Том XIX, Вып. 4	111
<i>Любицкая О.А.</i> Мифологические архетипы как основа национального самосознания русского народа	Том XIX, Вып. 4	38
<i>Нестеренко Т.И., Белая О.А.</i> Психоанализ деструктивности (на примере повести В. Вересаева «Без дороги»)	Том XIX, Вып. 4	150
<i>Нестеренко Т.И., Трутнева И.В.</i> Психология пограничной личности (на примере героев короткометражного фильма «Бумеранг»)	Том XIX, Вып. 4	135
<i>Решетников М.М.</i> Современные тенденции развития психоанализа (Петербургская школа)	Том XIX, Вып. 4	13
<i>Романчук С.В.</i> Макросоциальная динамика текущего кризиса с позиции бессознательного	Том XIX, Вып. 4	28
<i>Синицына Л.В., Синицын А.А.</i> Бессознательное как ресурс повышения эффективности в спортивной деятельности	Том XIX, Вып. 4	100
<i>Терехова Т.А., Трофимова Е.Л.</i> Психоаналитическая репрезентация социально-психологического портрета предпринимателя малого бизнеса	Том XIX, Вып. 4	61

Раздел	Номер	Стр.
<i>Ткач Е.Н., Жданова К.Ф.</i> Взаимосвязь эмоционального интеллекта и выбора копинг-стратегий у специалистов сферы недвижимости Дальневосточного региона	Том XIX, Вып. 3	158
<i>Ярославцева И.В., Шахова И.С., Горюнова А.А.</i> Переоценка смысложизненных ориентаций как детерминанта посттравматического роста женщин-жертв семейного насилия	Том XIX, Вып. 4	93
<i>Яссман В.П.</i> Геометро-динамическая образность в структуре многоязычия психической деятельности	Том XIX, Вып. 4	66

Филология

<i>Алешинская Е.В.</i> «Дружба народов» в современном российском музыкальном дискурсе	Том XIX, Вып. 1	41
<i>Антонова А.М.</i> Инокультурная литература – искусство возможного	Том XIX, Вып. 1	105
<i>Беляков М.В., Максименко О.И.</i> Русский язык за рубежом (Республика Корея)	Том XIX, Вып. 1	12
<i>Белоглазова Е.В.</i> Язык как личный выбор: о мультилингвальной языковой личности в литературе и политике	Том XIX, Вып. 1	112
<i>Вацквичус В.Ю., Гребенникова И.А., Павлова О.В.</i> Репрезентация национально-культурных ценностей в учебниках по английскому и китайскому языкам	Том XIX, Вып. 3	167
<i>Галактионов С.С.</i> Литература маорийского ренессанса и ключевые аспекты её перевода на русский язык	Том XIX, Вып. 1	135
<i>Гензе В.М.</i> Англо-американские прецедентные феномены в русском контркультурном рок-дискурсе	Том XIX, Вып. 1	48
<i>Годовникова Д.А.</i> Переводческий комментарий как средство достижения репрезентативности на уровне текста (на примере названий судебных инстанций Великобритании и их перевода на русский язык)	Том XIX, Вып. 1	150
<i>Емельянова Н.А.</i> Речевой этикет в контексте изучения русского и английского языков как иностранных	Том XIX, Вып. 1	32
<i>Иванов А.М.</i> Заимствования из те гео Маогі в русском языке	Том XIX, Вып. 1	188
<i>Ксензенко О.А.</i> Полилингвальность в коммуникативном пространстве рекламы	Том XIX, Вып. 1	93
<i>Лебедева Е.С.</i> Литературное многоязычие Ольги Грушиной как особенность авторского стиля писательницы (на примере романов "40 Rooms" и "The Charmed Wife")	Том XIX, Вып. 1	120
<i>Ли Цзябао, Милянчук Н.С.</i> Функционирование китайских семантических калек в рассказах Бориса Юльского	Том XIX, Вып. 1	182
<i>Ловцевич Г.Н.</i> Международность терминологии гуманитарных наук: миф или реальность?	Том XIX, Вып. 1	79
<i>Лысенкова Е.Л., Ковынева Е.А.</i> Два гения – один переводчик (Р.М. Рильке и Э.М. Ремарк: точки соприкосновения)	Том XIX, Вып. 1	145
<i>Павлов Ю.А.</i> Перспективы развития русского языка в современном мире	Том XIX, Вып. 1	18
<i>Полубиченко Л.В.</i> Английский как международный язык науки: вариативность, нормирование, стандартизация	Том XIX, Вып. 1	162

Раздел	Номер	Стр.
<i>Прошина З.Г.</i> Интернационализация восточных слов через европейские языки	Том XIX, Вып. 1	172
<i>Прошина У.М.</i> Международный язык пандемии в онлайн корпусах	Том XIX, Вып. 1	87
<i>Садченко В.Т.</i> Лексико-семантическая группа глаголов мысли в русских говорах Приамурья	Том XIX, Вып. 1	220
<i>Терехова Е.В., Збань А.В.</i> Структурно-семантические типы и модели образования устойчивых словосочетаний (на материале текстов политического и СМИ дискурса)	Том XIX, Вып. 1	64
<i>Урусова Н.А.</i> Лингвокультурологические особенности образа Петербурга в био-фигуральном повествовании Дж. Кутзее «The Master of Petersburg»	Том XIX, Вып. 1	125
<i>Уютова Е.В., Поминова А.М.</i> Структурно-семантические особенности терминологии международного англоязычного дискурса чрезвычайных ситуаций	Том XIX, Вып. 1	70
<i>Хабаров А.А.</i> Этнокультурная специфика идеологической агрессии (на материале английского и китайского языков)	Том XIX, Вып. 1	54
<i>Чемоданова С.М.В.</i> Наследники языка («эритажники») и сохранение русского языка как унаследованного в Соединенных Штатах Америки: обзор	Том XIX, Вып. 1	28
<i>Шишкина Т.Г.</i> Влияние межъязыковой интерференции на качество перевода	Том XIX, Вып. 1	157
<i>Щербина С.Ю.</i> Блондинки в анекдоте разных культур	Том XIX, Вып. 1	99

Социология, политология

<i>Калашникова И.В., Сигитова М.А., Аникеева Н.С.</i> Корпоративное лидерство: обзор современных концепций	Том XIX, Вып. 2	46
<i>Ким А.С., Довгополов Е.Ю.</i> Постсоветское развитие Дальнего Востока: к разработке вариативной модели государственной региональной политики	Том XIX, Вып. 2	81
<i>Ковынева Л.В., Штейнберг А.Г.</i> Кризис национально-стратегических PR: опыт факторного анализа	Том XIX, Вып. 2	40
<i>Любичкая Г.С., Казаку О.В., Аникеева Н.С., Спасский Е.Н.</i> Деятельностные риски молодежи в образовательной среде	Том XIX, Вып. 2	61
<i>Менделев Н.Г., Шкуркин А.М., Луценко Е.Л.</i> Проблемы незаконной миграции и способы их преодоления	Том XIX, Вып. 2	211
<i>Мусалитина Е.А., Ахметова А.В., Бобышев С.В.</i> Современная система превентивной медицины в Китае (на примере провинции Хэйлуцзян)	Том XIX, Вып. 1	204
<i>Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А.</i> Приграничное сотрудничество России и Китая в условиях вызовов начала 2020-х годов	Том XIX, Вып. 1	197
<i>Полюшкевич О.А., Ким А.С.</i> Социальная солидарность как социальный феномен: к разработке концептуальной схемы в рамках социологической науки	Том XIX, Вып. 2	32
<i>Фещенко Н.В.</i> Политика пенсионных реформ: международный опыт	Том XIX, Вып. 2	53

История, культурология

<i>Абабкова Н.Н., Рыбалова А.В.</i> Опыт заводской рационализации в годы Великой Отечественной войны	Том XIX, Вып. 2	75
<i>Авдошкина О.В., Паршин К.М., Потапов А.А.</i> Паршин Михаил Александрович – выдающийся инженер-вагонник и общественный деятель Хабаровского края	Том XIX, Вып. 2	185

Раздел	Номер	Стр.
<i>Анисимов А.Л., Зинятова М.Н.</i> Полиция и налоги на Дальнем Востоке в XIX веке	Том XIX, Вып. 2	88
<i>Анисимов А.Л.</i> Роберт Хьюсон Прайн – американский министр-резидент в Японии (1862–1865)	Том XIX, Вып. 4	228
<i>Брейтман А.В.</i> Монтажность как принцип поэтики Маяковского	Том XIX, Вып. 2	105
<i>Гончарова С.В.</i> Быт и характер народностей в контексте проблем колонизации Дальнего Востока России	Том XIX, Вып. 2	200
<i>Дубровский Д.И.</i> Великая Отечественная война. Патриотизм и мужество народа. Вопрос о цене победы	Том XIX, Вып. 2	11
<i>Киреева Н.В.</i> Деятельность литературных институций приграничных территорий Дальнего Востока по укреплению российско-китайских литературных контактов	Том XIX, Вып. 2	98
<i>Нечитайлов С.М., Ципкин Ю.Н.</i> Правые социалисты Восточной Сибири и Дальнего Востока в условиях краха колчаковской диктатуры (1919–1920)	Том XIX, Вып. 1	211
<i>Титорева Г.Т.</i> Оленеводство эвенов Охотского района в 1930-е годы	Том XIX, Вып. 2	206

Педагогика

<i>Ахмыловская Л.А.</i> Перевод и анализ драматургического текста в образовательном процессе творческого вуза	Том XIX, Вып. 4	185
<i>Гареева И.А., Соколова Т.Б.</i> Роль довузовской подготовки в системе качественного повышения профессионального образования в вузе	Том XIX, Вып. 2	140
<i>Григорьева Н.Г., Екименко М.В.</i> Проявление субъектности руководителями структурных подразделений Дальневосточной железной дороги	Том XIX, Вып. 4	197
<i>Гулевский К.Е., Костров Д.М., Данилова Е.В., Фалеева Е.В.</i> Использование виртуальных интерактивных сред для реализации образовательного процесса	Том XIX, Вып. 4	203
<i>Дейнекина Н.А., Кравченко О.В.</i> Проектная деятельность как один из видов организации самостоятельной работы студентов	Том XIX, Вып. 2	147
<i>Залеская О.В., Ситникова А.Е.</i> Технология развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся в реализации инновационных проектов	Том XIX, Вып. 2	120
<i>Злобина О.Г., Никитина М.А.</i> Цифровое повествование как эффективная образовательная технология обучения проектной деятельности студентов технических вузов	Том XIX, Вып. 4	220
<i>Костюк Я.И., Барчуков А.В., Тюрина Ю.А.</i> Анализ российской системы высшего образования и выявление источников конфликтных ситуаций в высшем учебном заведении	Том XIX, Вып. 2	154
<i>Леонтьев Ю.А.</i> Проблема формирования ценностного сознания в условиях кризиса идеологий	Том XIX, Вып. 2	128
<i>Леонтьева Э.О.</i> Концепция социального поля и её эвристический потенциал для объяснения трансформаций высшего образования в период пандемии	Том XIX, Вып. 2	134
<i>Лунева Л.П.</i> Высокое предназначение профессии преподавателя – «формировать гражданина и человека»: миф или реальность?	Том XIX, Вып. 2	113
<i>Мартынович С.Ф., Орлов М.О., Ручин В.А.</i> Становление молодого поколения России в условиях развивающейся сферы туризма: социально-философский аспект	Том XIX, Вып. 2	173
<i>Матвеева Н.Ю.</i> Смысловое содержание Великой Победы в формировании ценностей студенческой молодежи	Том XIX, Вып. 2	161

Раздел	Номер	Стр.
<i>Пашков М.В., Савин С.Д.</i> Интерактивность процесса обучения в условиях виртуализации: новые требования к социально-гуманитарному образованию	Том XIX, Вып. 2	168
<i>Пинчуков П.С., Макашѐва С.И.</i> Опыт реализации российско-китайской совместной программы подготовки студентов из китайской народной республики по направлению «электроэнергетика и электротехника»	Том XIX, Вып. 4	180
<i>Разумовская М.И.</i> Цифровизация экономического образования: ресурсы и инструменты	Том XIX, Вып. 4	192
<i>Соколов А.В., Соколова И.А.</i> Личный бренд преподавателя вуза	Том XIX, Вып. 4	214
<i>Тулупьева Т.В., Лихтин А.А.</i> Возможности применения цифровых образовательных технологий в процессе обучения государственных гражданских служащих	Том XIX, Вып. 4	173
<i>Тюрина Ю.А.</i> Воспитание и работа с молодежью в дистанционном формате: особенности реализации в высшей школе	Том XIX, Вып. 4	167
<i>Филянина И.М.</i> Опыт применения новых моделей обучения на основе использования современных цифровых технологий (на примере преподавания юридических дисциплин)	Том XIX, Вып. 4	208
<i>Харина И.В., Гладкая Е.Ф., Резанова Н.В., Чэнь Ци.</i> Роль технологий электронного обучения в китайской и российской системах профессионального образования (на примере обучения иностранным языкам бакалавров неязыковых вузов)	Том XIX, Вып. 2	180

Критика и библиография

<i>Иконникова Е.А.</i> Литература русского зарубежья и её учебный потенциал (рецензия на два учебных пособия, изданных на Дальнем Востоке)	Том XIX, Вып. 1	227
<i>Ионайтис О.Б.</i> Хронология отечественной истории философии (рецензия на книгу: Емельянов Б.В. Три века русской философии. Хронограф XVIII–XX веков)	Том XIX, Вып. 3	182

ARTICLE INDEX (2022)

Section	Number	Pages
Philosophy		
<i>Balalaeva N.K.</i> About Some Ways of Taoist Meditation	Vol. XIX, Issue 3	68
<i>Emelyanov B.V., Ionaitis O.B.</i> Experience and Its Limits: B.N. Chicherin's Version	Vol. XIX, Issue 3	138
<i>Han Yui.</i> Theistic Model of Metaphysics of Archbishop Nikanora (Brovkovich) as an Experience in Justifying Orthodox "Positive Philosophy"	Vol. XIX, Issue 3	132
<i>Kornilov Yu.A.</i> The Experience of Interpretation of Space in the Metaphysics of Spiritual and Academic Theism of the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries	Vol. XIX, Issue 3	102
<i>Korolev A.D.</i> A World With Many Answers	Vol. XIX, Issue 3	45
<i>Lee Ping.</i> Experience of the "Organicist" Perception of Reality by K.N. Leontiev as the Basis of His "Reactionary Romanticism" and "Neovisantism"	Vol. XIX, Issue 3	111
<i>Livshits R.L.</i> To Pretend To Be and To Be: Meaningfull Life Orientations of an Individual in a Changing World	Vol. XIX, Issue 3	36
<i>Manikovskaya M.A.</i> G. Yakhina's Artistic Phenomenon: the Experience of Existential Analytics	Vol. XIX, Issue 3	57
<i>Martishina N.I.</i> On the Possible Metaphysical Component of Non-Transcendental Cognitive Experience	Vol. XIX, Issue 3	26
<i>Matsyna A.I.</i> Overcoming in the Structure of Experience: an Attempt at Anthropological Explication	Vol. XIX, Issue 3	49
<i>Moiseenko E.E.</i> Experience of Criticism by Orthodox Moral Metaphysics of Moral-Anthropological Ideas of German Philosophy of the Late XVIII – First Half of the XIXth Centuries	Vol. XIX, Issue 3	117
<i>Nizhnikov S.A.</i> Socratic Studies: an Analysis of Some Issues	Vol. XIX, Issue 3	141
<i>Pavilov D.A.</i> The Experience of Substantiating the Phenomenological Approach in The Moscow Theological and Academic School	Vol. XIX, Issue 3	125
<i>Pishun S.V.</i> Experience of Understanding the Process of Cognition in the Kazan Theistic School of the Second Half of the 19th Century in the Context of the Influence of Empirical Philosophy	Vol. XIX, Issue 3	89
<i>Rudetsky O.A., Livshits R.L.</i> The Image of the Philosopher in the Context of the Modern Era	Vol. XIX, Issue 3	174
<i>Serdyukov Yu.M.</i> Perinatal Experience	Vol. XIX, Issue 3	10
<i>Tajsina E.A.</i> Principle of Unity of Being and Cognition in Aristotle's Metaphysics and Hegel's Dialectics	Vol. XIX, Issue 3	147
<i>Tebyakina E.E.</i> War as a Means of Emancipation: Women in Military Service Yesterday and Today	Vol. XIX, Issue 3	62
<i>Volkova A.A.</i> The Experience of Understanding the Concepts of Faith, Reason and Cognition by the Thinkers of Kievan Rus in The Context of the Epistemological Tradition of Early Byzantine Patristics	Vol. XIX, Issue 3	82

Section	Number	Pages
<i>Yarochkin D.A.</i> Towards the Philosophy of Musical Experience in The West and East	Vol. XIX, Issue 3	75
<i>Zangiurov V.G.</i> Subjectivity and Objectivity in Sociogumanitarian Knowledge	Vol. XIX, Issue 2	68
<i>Zaporozhsky M.N.</i> The Experience of Understanding Human Nature in the Spiritual and Academic Tradition in the Context of the Criticism of the Doctrine Of Anthropological Materialism, Evolutionism and "Scientific Socialism"	Vol. XIX, Issue 3	94
Psychology		
<i>Anchukova N.I., Nitspan K.O.</i> Conscious and Unconscious Processes of Intrapersonal Conflict as Psychological Mechanisms For the Formation of Person's Life Position	Vol. XIX, Issue 4	49
<i>Becker D.L.</i> Death, Beauty and the Body: Reflections of the Eating Disorders	Vol. XIX, Issue 4	117
<i>Gaevskaja L.G.</i> Sense of Coherence as an Indicator of Personal Life Satisfaction	Vol. XIX, Issue 4	80
<i>Grigoryeva N.G., Dryutskaya S.M.</i> Implicit Knowledge and Its Impact on the Formation of Professional Dynasties	Vol. XIX, Issue 4	75
<i>Deryabina A.S., Ponomarenko Y.S.</i> Psychology of Narcissistic Personality (on the Example of the Feature Film "Moscow Does Not Believe In Tears")	Vol. XIX, Issue 4	143
<i>Kedyarova E.A., Svetlakova N.I., Monzhievskaya V.V., Uvarova M.Yu., Chernetskaya N.I.</i> Psychological Features of Early Childhood Memories of Adults With Different Level of Aggression	Vol. XIX, Issue 4	86
<i>Kirsanova L.I., Korotina O.A.</i> What Do Dream Pictures Want?	Vol. XIX, Issue 4	55
<i>Lezhenina A.A.</i> The Age Aspect of Perceptions of Psychotherapy in Modern Russian Society	Vol. XIX, Issue 4	111
<i>Lubitskaya O.A.</i> Mythological Archetypes as the Basis of the National Identity of the Russian People	Vol. XIX, Issue 4	38
<i>Nesterenko T.I., Belaya O.A.</i> Psychoanalysis of Destructiveness (on the Basis of V. Veresaev's Work "Without a Road")	Vol. XIX, Issue 4	150
<i>Nesterenko T.I., Trutneva I.V.</i> Psychology of Borderline Personality (on the Example of the Characters of the Short Film "Boomerang")	Vol. XIX, Issue 4	135
<i>Reshetnikov M.M.</i> Modern Trends in the Development of Psychoanalysis (Saint Petersburg School)	Vol. XIX, Issue 4	13
<i>Romanchuk S.V.</i> Macrosocial Dynamics of the Current Crisis From the Perspective of the Unconscious	Vol. XIX, Issue 4	28
<i>Sinitsyna L.V., Sinitsyn A.A.</i> The Unconscious as an Efficiency Resource in Sports Activities	Vol. XIX, Issue 4	100
<i>Terekhova T.A., Trofimova E.L.</i> Psychoanalytic Representation of the Sociopsychological Portrait of a Small Business Entrepreneur	Vol. XIX, Issue 4	61
<i>Tkach E.N., Zhdanova K.F.</i> The Relationship Between Emotional Intelligence and Choice Coping Strategies of Real Estate Professionals of the Far Eastern Region	Vol. XIX, Issue 3	158
<i>Vorobyova I.A.</i> Existential Meaning of the Concept "Anguish" in Russian Linguistic Picture of the World	Vol. XIX, Issue 4	158

Section	Number	Pages
<i>Vorobyova K.I., Baderko A.V.</i> Religion as Collective Unconscious	Vol. XIX, Issue 4	23
<i>Vorobieva K.I., Lukyanova E.L.</i> Psychological Defence as a Resource of Adaptive Behavior of Russian Students in London during the 2020 Pandemic	Vol. XIX, Issue 4	104
<i>Yaroslavtseva I.V., Shakhova I.S., Goryunova A.A.</i> Reassessment of Meaningful Life Orientations as a Determinant OF Post-Traumatic Growth of Female Victims of Family Violence	Vol. XIX, Issue 4	93
<i>Yassman V.P.</i> Geometric-Dynamic Imagery in the Structure of Multilingualism of Mental Activity	Vol. XIX, Issue 4	66
<i>Zubtsov D.S.</i> Catharsis Phenomenon in the Psychology of Cinematography: Diagnostics of Experience	Vol. XIX, Issue 4	125
Philology		
<i>Aleshinskaya E.V.</i> «Friendship of Peoples» in Contemporary Russian Musical Discourse	Vol. XIX, Issue 1	41
<i>Antonova A.M.</i> Foreign Culture-Oriented Literature: the Art of the Possible	Vol. XIX, Issue 1	105
<i>Beloglazova E.V.</i> Choosing One's Language: on Multilingual Identity in Literature and Politics	Vol. XIX, Issue 1	112
<i>Belyakov M.V., Maksimenko O.I</i> Russian Language Abroad (Republic Korea)	Vol. XIX, Issue 1	12
<i>Emelianova N.A.</i> Speech Etiquette in the Context of Learning Russian and English as Foreign Languages	Vol. XIX, Issue 1	32
<i>Galaktionov S.S.</i> Literature of the Māori Renaissance and Key Aspects of Its Russian Translation	Vol. XIX, Issue 1	135
<i>Genze V.M.</i> Anglo-American Precedent Phenomena in the Russian Counter-Cultural Rock-Discourse	Vol. XIX, Issue 1	48
<i>Godovnikova D.A.</i> Translation Commentary as a Way to Achieve Representative Translation at the Text Level (Based on the British Court Names and Their Translation to Russian)	Vol. XIX, Issue 1	150
<i>Ivanov A.M.</i> Loanwords From te reo Maori Into the Russian Language	Vol. XIX, Issue 1	188
<i>Khabarov A.A.</i> Ethnic and Cultural Specifics of Ideological Aggression (in English and Chinese Languages)	Vol. XIX, Issue 1	54
<i>Ksenzenko O.A.</i> Polylingualism in Advertising Communicative Space	Vol. XIX, Issue 1	93
<i>Lebedeva E.S.</i> Olga Grushin's Literary Multilingualism as an Individual Style of the Writer: a Study of "40 Rooms" and "the Charmed Wife"	Vol. XIX, Issue 1	120
<i>Li Jiabao, Milianchuk N.S.</i> Functioning of Chinese Semantic Calques in Boris Yulsky's Stories	Vol. XIX, Issue 1	182
<i>Lovtsevich G.N.</i> International Character of the Humanities Terminology: Myth or Reality?	Vol. XIX, Issue 1	79
<i>Lysenkova E.L., Kovyneva E.A.</i> Two Geniuses – One Translator (R.M. Rilke and E.M. Remarque: Points of Contact)	Vol. XIX, Issue 1	145

Section	Number	Pages
<i>Pavlov Yu.A.</i> Prospects of the Russian Language Development in the Contemporary World	Vol. XIX, Issue 1	18
<i>Polubichenko L.V.</i> English as an International Language of Science: Variability, Norms and Standards	Vol. XIX, Issue 1	162
<i>Proshina U.M.</i> International Language of Pandemic in Online Corpora	Vol. XIX, Issue 1	87
<i>Proshina Z.G.</i> Internationalization of East Asian Words Via European Languages	Vol. XIX, Issue 1	172
<i>Sadchenko V.T.</i> Lexical-Semantic Group of Verbs of Thinking in the Russian Dialects of the Amur Region	Vol. XIX, Issue 1	220
<i>Shcherbina S.J.</i> Dumbblonds in Jokes of Different Cultures	Vol. XIX, Issue 1	99
<i>Shishkina T.G.</i> Impact of Interlinguistic Interference on Translation Quality	Vol. XIX, Issue 1	157
<i>Tchemodanova S.M.V.</i> Heritage Language Speakers and Preserving the Russian Heritage Language in the USA: an Overview	Vol. XIX, Issue 1	28
<i>Terekhova E.V., Zban A.V.</i> Structural-Semantic Types and Models of Collocation Formation (Based on the Political and Mass Media Discourse Texts)	Vol. XIX, Issue 1	64
<i>Vashkyavichus V.Yu., Grebennikova I.A., Pavlova O.V.</i> Representation of National and Cultural Values in English and Chinese Textbooks	Vol. XIX, Issue 3	167
<i>Urusova N.A.</i> Linguacultural Characteristics of Petersburg's Image in the Biofictional Narration of J. Coetzee "The Master of Petersburg"	Vol. XIX, Issue 1	125
<i>Uyutova E.V., Pominova A.M.</i> Structural and Semantic Features of Emergency Discourse Terminology in International English	Vol. XIX, Issue 1	70
Sociology, Political Science		
<i>Feshchenko N.V.</i> Pension Reforms Policy: International Experience	Vol. XIX, Issue 2	53
<i>Kalashnikova I.V., Sigitova M.A., Anikeeva N.S.</i> Corporate Leadership: a Review of Modern Concepts	Vol. XIX, Issue 2	46
<i>Kim A.S., Dovgopолоv E.Yu.</i> Post-Soviet Development of the Far East: Towards The Development of a Variable Model Of State Regional Policy	Vol. XIX, Issue 2	81
<i>Kovyneva L.V., Shteinberg A.G.</i> The Crisis of National Strategic PR: the Factor Analysis Experience	Vol. XIX, Issue 2	40
<i>Lyubitskaya G.S., Kazaku O.V., Anikeeva N.S., Spassky E.N.</i> Youth Activity Risks in Academic Environment	Vol. XIX, Issue 2	61
<i>Masalitina E.A., Akhmetova A.V., Bobyshev S.V.</i> Modern System of Preventive Medicine in China (On the Example of Heilongjiang Province)	Vol. XIX, Issue 1	204
<i>Mendelev N.G., Shkurkin A.M., Lutsenko E.L.</i> Problems of Illegal Migration and Ways to Overcome Them	Vol. XIX, Issue 2	211
<i>Petrunina Z.V., Shusharina G.A.</i> Border Cooperation Between Russia and China Under the Challenges of the Early 2020s	Vol. XIX, Issue 1	197
<i>Polyushkevich O.A., Kim A.S.</i> Social Solidarity as a Social Phenomenon: Towards the Development of a Conceptual Scheme Within the Framework of Sociological Science	Vol. XIX, Issue 2	32

Section	Number	Pages
History, Cultural Studies		
<i>Ababkova N.N., Rybalova A.V.</i> Experience of Factory Rationalization During the Great Patriotic War	Vol. XIX, Issue 2	75
<i>Anisimov A.L., Zinyatova M.N.</i> Police and Taxes in the Far East in the XIX Century	Vol. XIX, Issue 2	88
<i>Anisimov A.L.</i> Robert Hewson Pruyn – U.S. Minister Resident to Japan (1862–1865)	Vol. XIX, Issue 4	228
<i>Avdoshkina O.V., Parshin K.M., Potapov A.A.</i> Parshin Mikhail Alexandrovich – An Outstanding Wagon Engineer and a Public Character of the Khabarovsk Territory	Vol. XIX, Issue 2	185
<i>Breitman A.V.</i> Montage as a Principle of Mayakovsky's Poetics	Vol. XIX, Issue 2	105
<i>Dubrovsky D.I.</i> The Great Patriotic War. Patriotism and Courage of the People. The Question of the Price of Victory	Vol. XIX, Issue 2	11
<i>Goncharova S.V.</i> Life and Character of Nationalities in the Context of the Colonization Problems of the Russian Far East	Vol. XIX, Issue 2	200
<i>Kireeva N.V.</i> Activities of Literary Institutions of the Border Territories of the Far East to Strengthen Russian-Chinese Literary Contacts	Vol. XIX, Issue 2	98
<i>Nechitailov S.M., Tsipkin Yu.N.</i> The Right-Wing Socialists of Eastern Siberia and the Far East in the Conditions of the Collapse of the Kolchak Dictatorship (1919–1920)	Vol. XIX, Issue 1	211
<i>Titoreva G.F.</i> Reindeer Herding of the Evens of the Okhotsk Region in the 1930s	Vol. XIX, Issue 2	206
Education		
<i>Akhmylovskaya L.A.</i> The Play Translation and Analysis Within The Educational Project at the Higher School of Arts	Vol. XIX, Issue 4	185
<i>Deinekina N.A., Kravchenko O.V.</i> Project Activity as One of the Organization Types of Student Independent Work	Vol. XIX, Issue 2	147
<i>Filyanina I.M.</i> Experience in Applying New Digital Training Models (on the Example of Teaching Legal Disciplines)	Vol. XIX, Issue 4	208
<i>Gareeva I.A., Sokolova T.B.</i> The Role of Pre-University Training in the Higher Education System	Vol. XIX, Issue 2	140
<i>Grigoryeva N.G., Ekimenko M.V.</i> Manifestation of Subjectivity by the Structural Divisions Managers of the Far Eastern Railway	Vol. XIX, Issue 4	197
<i>Gulevsky K.E., Kostrov D.M., Danilova E.V., Faleeva E.V.</i> Use of Virtual Interactive Environments for the Educational Process	Vol. XIX, Issue 4	203
<i>Harina I.V., G.Evgenia F., Rezanova N.V., Chen Qi.</i> The Role of E-Learning Technologies in the Chinese and Russian Systems of Vocational Education (On the Example of Teaching Foreign Languages to Bachelors of Non-Linguistic Universities)	Vol. XIX, Issue 2	180
<i>Kostyuk Y.I., Barchukov A.V., Tyurina Yu.A.</i> Analysis of the Russian Higher Education System and Identification of Sources of Conflict Situations in a Higher Educational Institution	Vol. XIX, Issue 2	154
<i>Leontiev Y.A.</i> The Problem of the Value Consciousness Formation in the Context of the Crisis Of Ideologies	Vol. XIX, Issue 2	128
<i>Leontyeva E.O.</i> The Concept of the Social Field and Its Heuristic Potential for Explaining the Transformations of Higher Education During The Pandemic	Vol. XIX, Issue 2	134

Section	Number	Pages
<i>Luneva L.P.</i> The Lofty Objective of the Academic Profession is to Mould a Person and a Spirit – Myth or Reality?	Vol. XIX, Issue 2	113
<i>Martynovich S.F., Orlov M.O., Ruchin V.A.</i> Formation of the Young Generation in Russia in the Conditions of the Developing Tourism Sphere: Social and Philosophical Aspect	Vol. XIX, Issue 2	173
<i>Matveeva N.Yu.</i> The Semantic Content of the Great Victory in the Formation of Student Youth Values	Vol. XIX, Issue 2	161
<i>Pashkov M.V., Savin S.D.</i> Interactivity of the Learning Process in the Context of Virtualization: New Requirements For Social and Humanitarian Education	Vol. XIX, Issue 2	168
<i>Pinchukov P.S., Makasheva S.I.</i> Experience of Implementing the Russian-Chinese Educational Program "Electric Power and Electrical Engineering" for Students From the PRC	Vol. XIX, Issue 4	180
<i>Razumovskaya M.I.</i> Digitalization of Economic Education: Resources and Tools	Vol. XIX, Issue 4	192
<i>Sokolov A.V., Sokolova I.A.</i> Personal Brand of a University Teacher	Vol. XIX, Issue 4	214
<i>Tulupyeva T.V., Likhtin A.A.</i> Opportunities of Digital Educational Technologies in the Process of Public Administrators Training	Vol. XIX, Issue 4	173
<i>Tyurina Y.A.</i> Youth Mentoring and Coordinating in a Distance Format: the Implementation in Higher Education	Vol. XIX, Issue 4	167
<i>Zalesskaya O.V., Simikova A.E.</i> Technology for the Development of Foreign-Language Communicative Competence of Students in the Implementation of Innovative Projects	Vol. XIX, Issue 2	120
<i>Zlobina O.G., Nikitina M.A.</i> Digital Storytelling as an Effective Educational Technology for Teaching Students' Project Activities	Vol. XIX, Issue 4	220
Critique and Bibliography		
<i>Ikonnikova E.A.</i> Literature of the Russian Abroad and Its Educational Potential. Review of Two Textbooks Published in the Far East	Vol. XIX, Issue 1	227
<i>Ionaitis O.B.</i> Chronology of the National History of Philosophy (Book Review: Emel'yanov B.V. Three Centuries of Russian Philosophy. Chronograph of the XVIII–XX centuries)	Vol. XIX, Issue 3	182

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Том XIX

Выпуск 4, 2022

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*

Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2022 г. Поз. 12.8. Подписано в печать 21.12.2022 г. Дата выхода в свет 29.12.2022 г.
Усл. печ. л. 29,1. Зак. 192. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50 экз.). Цена 450 р.

Отпечатано в издательстве ДВГУПС.

Адрес издательства и типографии: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.